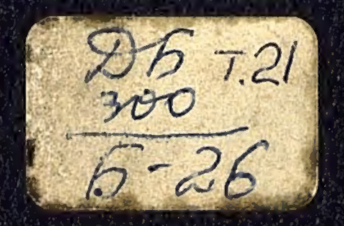
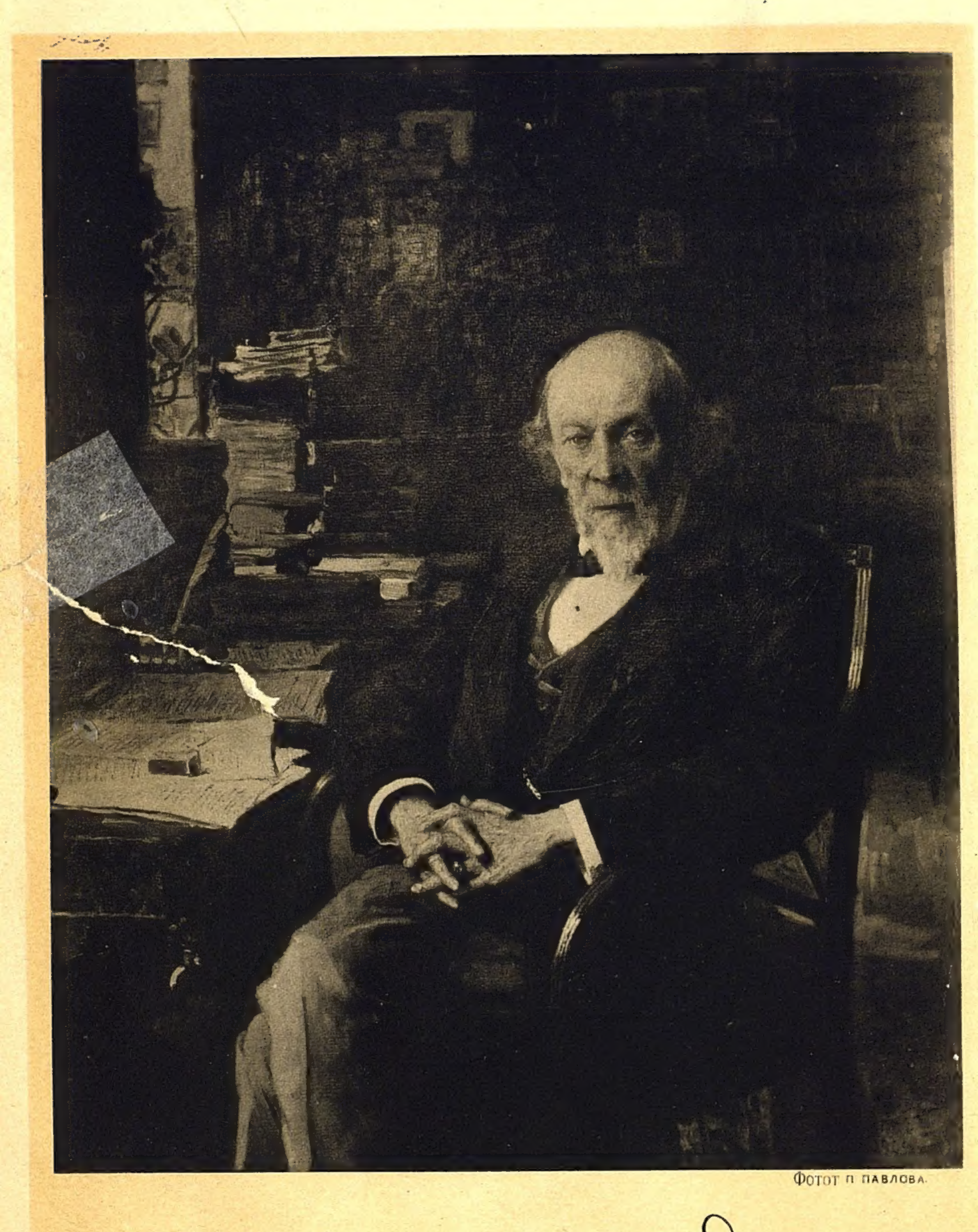


ДБ т.21
300
Б-26


Фотот П ПАВЛОВА.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА

Дни минувшіе и рѣчи,
Ужь замолкшія давно.
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!
В. Истоминъ.

«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».
(Наказъ Персидскаго государя Наср-эддинъ-шаха исторіографу Риза-кули-хану).

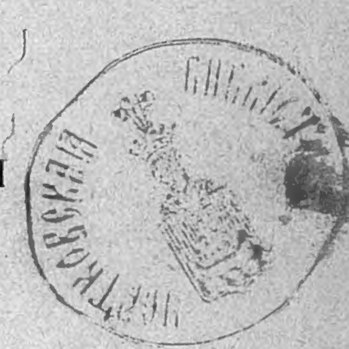
«Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны».
Погодинъ.

«Пою... дондеже есмь».

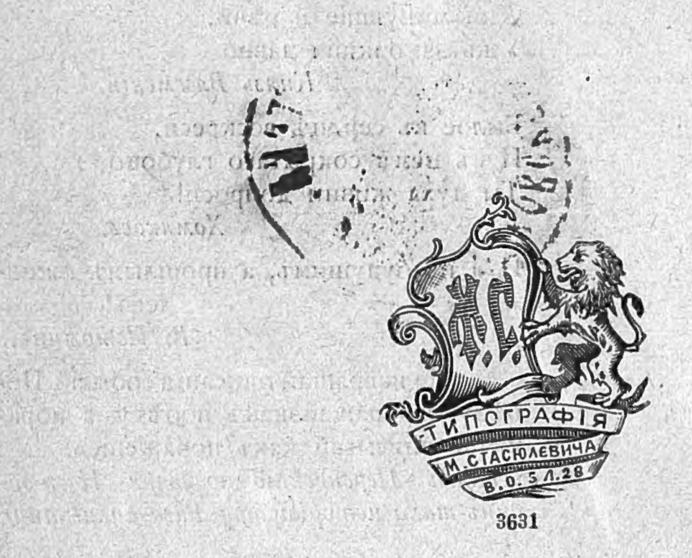
Николая Барсукова

X

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича. В. О., 5 л., 28
1907



3631

По выходѣ въ свѣтъ одной изъ послѣднихъ книгъ *Жизни и Трудовъ М. П. Погодина*, именно осмнадцатой, автора книги, моего дорогого брата Николая Платоновича, со всѣхъ сторонъ привѣтствовали друзья и благопріятели. Памятно привѣтствіе изъ Москвы отъ виднаго представителя стараго славянофильства. Онъ писалъ брату, что «поздравляетъ Русскую Науку съ обогащеніемъ ея новымъ сокровищемъ», что «за границей подобное твореніе, закрѣпляющее культурную Исторію народа, за три четверти вѣка, да еще какого, было бы признано національнымъ дѣломъ» и что «слѣдовало бы возвѣщать о появленіи каждой новой книги *Погодина* двадцатью однимъ выстрѣломъ»...

Быть можетъ, и настоящая, XXI-я книга, будетъ встрѣчена дружественными привѣтствіями, которыми такъ дорожилъ авторъ, но, увы! мы уже не увидимъ его радости: въ 23 день ноября минувшаго 1906 года братъ отошелъ къ Господу.

Болѣзнь брата обнаружилась 27 мая. Сколь ни

былъ тяжекъ недугъ его (склерозъ), какъ-то не вѣрилось, чтобы дѣло кончилось смертью и такъ скоро!.. тѣмъ болѣе, что все время братъ не только былъ на ногахъ и требовалъ точнаго соблюденія прежняго распорядка домовой жизни, но даже время отъ времени, съ обычнымъ благодушіемъ, подсаживался къ письменному столу и съ видимымъ интересомъ пересматривалъ рукопись XXI-й книги, дѣлая въ ней поправки и свѣряя съ источниками. Такъ продолжалось до 2-го октября, когда дошло до 698-го листа (всѣхъ 899 лл.). На этомъ листѣ остановилось дальнѣйшее разсмотрѣніе рукописи; братъ сдѣлалъ на немъ отмѣтку весьма слабымъ почеркомъ: «2 октябр. 1906, Спб.». Это его послѣднее начертаніе. Подъ тѣмъ же 2-мъ числомъ октября, въ моемъ Дневникѣ, отмѣчено: «Брату хуже! Мраченъ весь день. Настроеніе удрученное и видъ очень дуренъ».

Такимъ образомъ, покойникъ работалъ до послѣдней возможности, оставаясь вѣрнымъ эпиграфу: *Пою... дондеже есмь*!

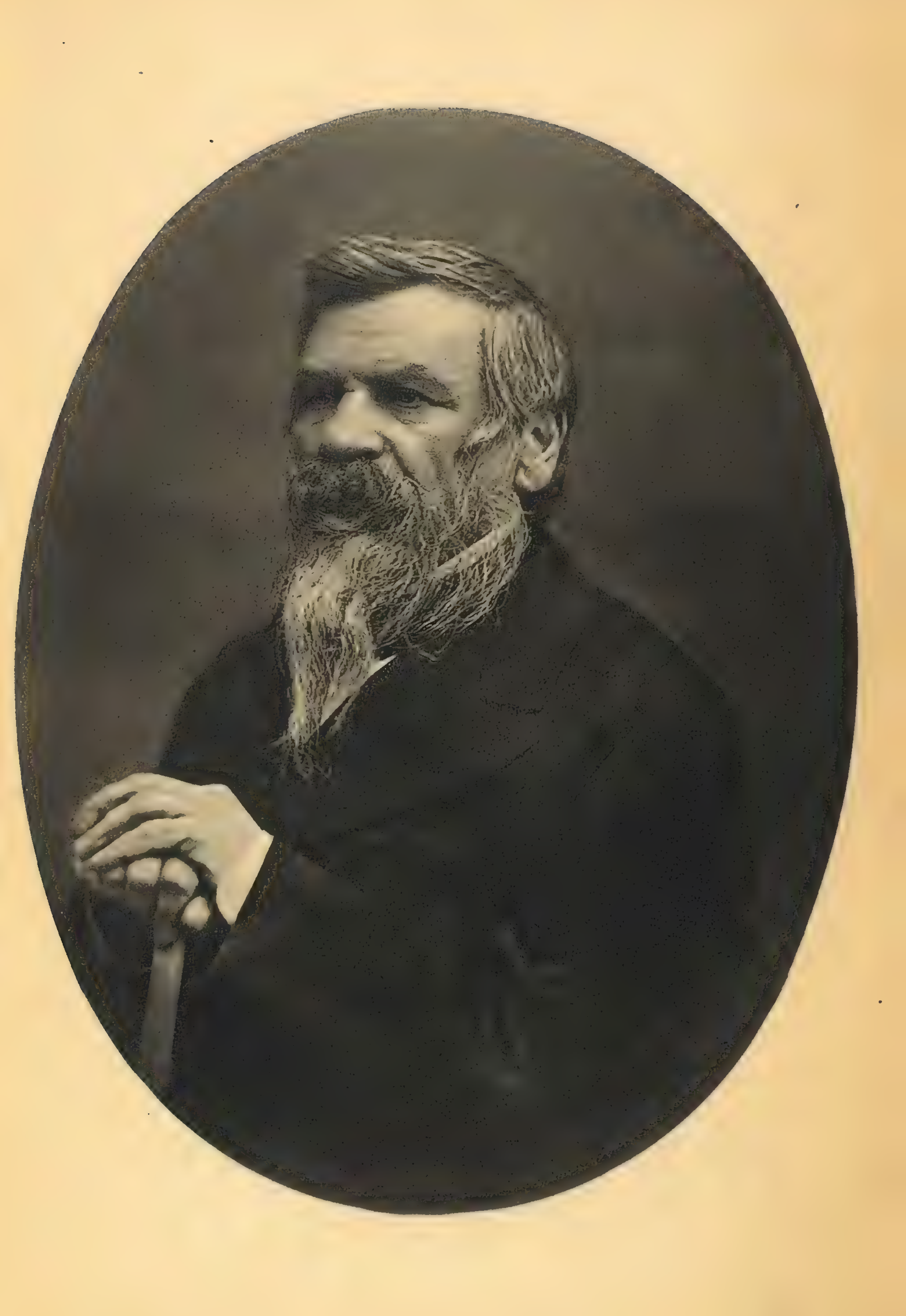
14-го ноября, вечеромъ, братъ бережно передалъ мнѣ изъ рукъ въ руки три папки съ рукописью XXI-й книги, сказавъ явственно: «Возьми къ себѣ... Отвези завтра» (въ типографію). Это были послѣднія слова въ жизни благороднѣйшаго трудолюбца, одушевленнаго своимъ подвигомъ житейскимъ. Часа черезъ два брата постигъ второй сильнѣйшій ударъ, послѣ чего онъ лишился рѣчи и сознанія. Послѣднее возвратилось только разъ и то на нѣсколько минутъ, именно 18 ноября, когда къ страдальцу вошелъ съ крестомъ нашъ приходскій Исаакіевскій священникъ Викторъ Григорьевичъ Смирягинъ, для напутствія его въ вѣчность. Увидѣвъ отца Виктора, братъ сталъ пристально всматриваться въ него, зашевелилъ губами и силился поднять руку, очевидно, для осѣненія себя крестнымъ знаменіемъ, а когда священникъ подносилъ лжицу со Святыми Дарами, самъ раскрылъ ротъ для пріятія Святыни.

*

Текстъ настоящей книги изданъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ остался послѣ брата, безъ всякой перемѣны.

Благоговѣніе мое къ памяти брата и труду его заставляетъ меня отказаться отъ мысли завершить или продолжить его долголѣтній трудъ, ибо чувствую, что не въ силахъ сдѣлать это дѣло какъ слѣдуетъ, не имѣя возможности, подобно брату, отдаться ему всецѣло.

Александръ Барсуковъ.



Глубокоуважаемый

Александръ Платоновичъ.

Позвольте мнѣ присоединить свою скромную лепту къ той книгѣ «Жизни и трудовъ М. П. Погодина», которую Вы теперь приготовляете къ выпуску въ свѣтъ. Не о значеніи небывалаго труда брата Вашего хочу я говорить: Tanto operi nullum par elogium; мой долгъ иной: какъ старшій въ родѣ Погодиныхъ, я не могу не обратиться отъ имени моего покойнаго дѣда съ благодарностью къ памяти его почившаго біографа и лучшее изображеніе его духовнаго облика, созданное въ словѣ незабвеннымъ Николаемъ Платоновичемъ,

прошу Васъ восполнить снимкомъ съ лучшаго портрета М. П. Погодина.

Примите увѣренiе въ совершенномъ почтенiи и преданности

П. Погодинъ.

12 апрѣля 1907 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) Портретъ Николая Платоновича Барсукова. Оригиналъ писанъ въ 1902 году Николаемъ Петровичемъ Богдановымъ-Бѣльскимъ и въ 1906 году Сергіемъ Тертіевичемъ Филипповымъ принесенъ въ даръ Музею императора Александра III-го; снимокъ исполненъ, по заказу графа Сергія Дмитріевича Шереметева, въ Москвѣ, въ фототипіи художника П. П. Павлова.

2) Портретъ Михаила Петровича Погодина. По фотографіи, снятой въ 1873 году въ Варшавѣ Мечковскимъ, фототипическій снимокъ исполненъ, по заказу Петра Дмитріевича Погодина, въ Парижѣ у Давида.

I.

Лѣтомъ 1863 года, наслѣдникъ Русскаго престола, для ближайшаго ознакомленія съ Отечествомъ, по волѣ государя, предпринялъ грандіозное путешествіе по Русскому царству.

Путешествіе это совершалось въ то время, когда кипѣлъ Польскій мятежъ и Европа покушалась вмѣшаться во внутреннія дѣла нашего Отечества. Это путешествіе явило міру неразрывную связь Русскаго царя съ своимъ царствомъ и послужило къ торжеству Россіи. Оно представляетъ цѣлую эпопею, которую сохранили для назиданія потомковъ К. П. Побѣдоносцевъ и И. К. Бабстъ, въ своей книгѣ, вышедшей въ Москвѣ, въ 1864 году, подъ заглавіемъ: *Письма о путешествіи государя наслѣдника цесаревича по Россіи.*

Одинъ изъ воспитателей царственнаго путешественника, профессоръ Московскаго университета Чевилевъ, свидѣтельствовалъ о немъ: „наслѣдникъ великій князь Николай Александровичъ уменъ, способенъ къ труду мысли и сочувствуетъ всѣмъ высокимъ ея интересамъ, но слишкомъ мягокъ сердцемъ. Можетъ быть, съ лѣтами и опытомъ онъ немного окрѣпнетъ, что ему необходимо: ибо его ожидаетъ бурная будущность“ [1]).

„Мы старались, — говорятъ авторы *Писемъ*, — сколько могли и сколько дозволяло время, показать любопытнымъ читателямъ все, что сами видѣли и слышали, чего сами были свидѣтелями, то есть, все, на чемъ останавливалось вниманіе высокаго путешественника. Цѣль наша—оставить въ памяти и

участниковъ, и свидѣтелей подробности путешествія, столь богатаго разнообразными и незабвенными для Русскаго сердца впечатлѣніями". Предисловіе свое авторы заключаютъ такими словами: „Наша задача—передать во всей правдѣ все, что мы видѣли и слышали, и мы почтемъ себя счастливыми, если Русскій читатель раздѣлитъ съ нами хотя отчасти тѣ впечатлѣнія, которыя оставило намъ на всю жизнь свободное движеніе народа на встрѣчу сыну и наслѣднику царя-освободителя".

Мы же, руководствуясь драгоцѣнною книгою, въ сообществѣ графа Сергія Григорьевича Строганова, Отто Борисовича Рихтера, Константина Петровича Побѣдоносцева, Ивана Кондратьевича Бабста, Ѳедора Адольфовича Оома, доктора Шестова, художника Боголюбова, графа Алексѣя Борисовича Перовскаго и графа Николая Сергѣевича Строганова, послѣдуемъ за царственнымъ путешественникомъ.

11 іюня 1863 г., наслѣдникъ-цесаревичъ Николай Александровичъ выѣхалъ съ пристани С.-Петербургско-Волжскаго пароходства на пароходѣ *Петрозаводскъ*. Въ 7 часовъ онъ прибылъ въ Шлиссельбургъ. Здѣсь цесаревичъ обѣдалъ у предводителя Чоглокова. По окончаніи обѣда, раздались хороводныя пѣсни Шлиссельбургскихъ крестьянокъ. Послѣ обѣда цесаревичъ посѣтилъ тюрьму, крѣпость, арестантскія и казематы, незанятые преступниками.

Изъ Шлиссельбурга вышли въ Ладожское озеро, 12 іюня, около 8 утра. Сначала предполагалось осмотрѣть Ладожскій каналъ, но цесаревичъ почувствовалъ себя нездоровымъ, и потому рѣшено было отправиться въ дальнѣйшій путь. Село Сермаксу миновали, и только къ вечеру поднялись рѣкою Свирью до города Лодейное Поле. Ночлегъ былъ на пароходѣ. Къ великому огорченію жителей, собравшихся у пристани, они не могли видѣть цесаревича. Всѣ радушныя приготовленія Лодейнопольцевъ были напрасны, и чтобы утѣшить хозяевъ дома, назначеннаго для ночлега, флигель-адъютантъ Рихтеръ поѣхалъ къ нимъ и торжественно обѣщалъ передать его высочеству все, что было сдѣлано ими для принятія дорогого гостя.

Пароходъ отъѣхалъ отъ пристани въ 5 утра. Живописные берега Свири разстилались передъ цесаревичемъ, а населеніе ихъ толпилось на берегу и громкимъ *ура* провожало проходящій пароходъ. Офицеры корпуса путей сообщенія обращали вниманіе цесаревича на пороги, объясняя ему работы здѣсь произведенныя.

Благополучно подошли къ Вознесенской пристани. Здѣсь цесаревича ожидали уже пароходы *Фонтанка*, *Ординарецъ* и *Катеръ*, назначенные для плаванія по Вытегрѣ, и они отправились тотчасъ далѣе, въ Петрозаводскъ, куда и прибыли въ 4 утра. Народъ толпился отъ самой пристани до собора, „и желаніе народа видѣть цесаревича отзывалось нѣсколько на бокахъ сопровождавшей его свиты".

Въ 10 утра, цесаревичъ поѣхалъ на Александровскій пушечный заводъ. Полковникъ Фелькнеръ объяснялъ государю цесаревичу всѣ подробности завода и всѣ условія производства въ Олонецкомъ горномъ округѣ [2]).

Въ то время, какъ наслѣдникъ цесаревичъ осматривалъ горные заводы, въ квартирѣ Ивана Петровича Хрущова, тогда учителя Петрозаводской гимназіи, пѣлись былины Русскія старымъ слѣпцомъ Кузьмою Ивановичемъ Романовымъ. Хрущову пришла въ голову мысль: подѣлиться этимъ „рѣдкимъ впечатлѣніемъ" съ царственнымъ гостемъ. Онъ тотчасъ же отправился къ графу Строганову и высказалъ ему желаніе — подѣлиться съ нимъ тѣмъ хорошимъ впечатлѣніемъ которое онъ самъ впервые испыталъ сегодня. Когда Хрущовъ бесѣдовалъ съ графомъ Строгановымъ, было слишкомъ 6-ть часовъ: оставалось менѣе часу до поѣздки наслѣдника въ Соломино. Графъ Строгановъ предложилъ взять старика на пароходъ, а Хрущовъ былъ приглашенъ въ число гостей. Ожидавшій наслѣдника народъ былъ очень удивленъ этимъ появленіемъ старика; въ особенности дивились тому, что на него не надѣли суконнаго кафтана, что взяли его, какъ былъ: въ сермягѣ, лаптяхъ и дырявой шляпенкѣ. „Но въ этомъ костюмѣ, — замѣчаетъ Хрущовъ, — онъ былъ несравненно типичнѣе, какъ и срисовалъ его Боголюбовъ". Наслѣдникъ прибылъ чрезъ нѣсколько минутъ

съ графомъ Строгановымъ. Пароходъ отчаливаетъ, графъ Строгановъ бесѣдуетъ съ Хрущовымъ, вдругъ, къ бесѣдующимъ подходитъ великій князь. „Я очень радъ съ вами познакомиться,—сказалъ онъ Хрущову.—Мы, надѣюсь, будемъ встрѣчаться. Мы съ вами соученики: мнѣ говорилъ Сергій Григорьевичъ, что вы слушали Ѳедора Ивановича Буслаева".

Когда стали подъѣзжать къ Соломино, графъ Строгановъ пригласилъ великаго князя на возвышеніе, устроенное среди палубы. Народъ кричалъ *ура*, на верху скалы звонила небольшая Соломинская колокольня; на паперти ожидалъ священникъ съ крестомъ и святою водою, изъ церкви вынесли ветхія хоругви. По скалѣ деревянная лѣстница вела къ палаткѣ. Приложившись ко кресту и обозрѣвъ старинныя вещи, великій князь вернулся въ палатку. Кузьма Романовъ былъ уже въ ней, Хрущовъ стоялъ подлѣ него. Нужно было объяснить слѣпцу, что передъ нимъ наслѣдникъ. „Кузьма Ивановичъ, — сказалъ Хрущовъ, — ты пѣлъ мнѣ нынче про царевича Ивана Ивановича и Ѳедора Ивановича"?

— Пѣлъ, отвѣчалъ онъ.

— Ну, вотъ, передъ тобой стоитъ такой же царевичъ, самъ наслѣдникъ Николай Александровичъ. Дряхлый слѣпецъ проговорилъ оробѣлымъ голосомъ: батюшка!

Слѣпца усадили. Наслѣдникъ пригласилъ сѣсть и Хрущова. „Я—вспоминаетъ Хрущовъ — ободрилъ старика и тотчасъ же навелъ его пѣть былину о Вольгѣ Буслаевичѣ:

Закатилось красное солнышко
За горушки высокія, за моря за широкія,
Разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу,
Порождался Вольга сударь Буслаевичъ
На матушкѣ на святой Руси,
Пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ по сырой земли:
Мать сыра земля сколыбалася
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися,
И птицы по подоблачью разлеталися,
И рыбы по синю морю разметалися.

„Старикъ пѣлъ,—замѣчаетъ Хрущовъ,—какъ всегда, иногда среди пѣсни простодушно смѣялся. Великій князь весь отдался

новому для него впечатлѣнію, дѣлился съ слушателями взглядами, жестами, говорилъ о былинахъ, потомъ вскочилъ со стула и, обратясь къ графу Строганову, сказалъ, что непремѣнно надо будетъ написать объ этомъ Ѳ. И. Буслаеву. Потомъ говорилъ, что напишетъ объ этомъ *матушкѣ*".

За первой былиной послѣдовала другая, о *Добрынѣ Никитичѣ*.

Порасплачется Добрыня—порастужится
Передъ своей государыней матушкой.

Третья былина была о добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой, — поразительная по оригинальности напѣва. „Было видно,—пишетъ Хрущовъ,—что наслѣдникъ знакомъ съ нашей народной поэзіей; онъ вспомнилъ богатырей, представителей сословій, вспомнилъ, что у Алеши Поповича: *глаза завидущіе, руки загребущія*. Въ былинѣ о Вольгѣ онъ обратилъ вниманіе на слѣдующее мѣсто:

Ловите рыбу семжинку и бѣлужинку,
Щученьку и плотиченьку,
И дорогую рыбу осетринку.

Онъ оживленно улыбался, передавая свое впечатлѣніе (въ Добрынѣ) при словахъ:

Ахъ, вы дѣвицы, красавицы,
Бѣломойницы, портомойницы.

Въ *Добромъ молодцѣ*—онъ улыбнулся при выраженіи:

Королевна душка Аннушка.

Послѣ этой былины наслѣдникъ спрашивалъ Хрущова, знаетъ ли Кузьма былину о томъ, какъ *богатыри перевелись на Руси* и съ увлеченіемъ говорилъ о значеніи этой былины. Къ сожалѣнію, старикъ не зналъ этой былины. Тогда наслѣдникъ сталъ спрашивать слѣпца: не зналъ ли онъ, какъ перевелись богатыри на Руси? Кузьма отвѣчалъ, что они не перевелись, но только не показываются.

— Гдѣ же они находятся?

— Да поди знай гдѣ, отвѣчалъ старикъ.

— Да отчего же они не показываются? продолжалъ спрашивать наслѣдникъ.

— Потрава огненная пошла, оттого имъ и быть нельзя.

— Mais pourtant c'est une éxplication, сказалъ наслѣдникъ Хрущову, довольный отвѣтомъ старика.

„Въ палаткѣ,—замѣчаетъ Хрущовъ,—было очень небольшое общество, что сообщало палаткѣ какой-то интимный, безцеремонный характеръ. Вечеръ былъ такой теплый, хорошій. Послѣ пѣнія былинъ раздалась на водѣ Русская пѣсня. Послѣ чаю наслѣдникъ отправился съ губернаторомъ и нѣкоторыми другими лицами въ лодкѣ на противоположный берегъ, къ березкамъ, закидывать рыбную тоню. Возвратилась лодка. *Поймали рыбъ, да только мелкихъ*, сказалъ наслѣдникъ.

Войдя въ палатку, цесаревичъ снова обратился къ Кузьмѣ съ разспросами о Петрѣ Великомъ. Кузьма разсказалъ ему, въ отвѣтъ на это, былину о разграбленіи Румянцовскихъ монастырей. Въ отсутствіе наслѣдника, Кузьма съ которымъ графъ Строгановъ разговорился о религіи, спѣлъ стихъ о пустынѣ прекрасной. По возвращеніи его высочества, графъ Строгановъ, заинтересованный Онежскимъ расколомъ, продолжалъ разговоръ съ Кузьмой. Одинъ отвѣтъ Кузьмы поразилъ эпическою свѣжестью.

— А въ церковь ты ходишь?—спрашивалъ графъ Строгановъ.

— Молюсь за князей, за бояръ, за царски за сѣмена,— уклончиво отвѣчалъ старикъ. Когда рѣчь коснулась того, что Добрыня,—представитель боярскаго сословія, цесаревичъ прибавилъ, обращаясь къ Хрущову: *и самаго лучшаго сословія*.

На другой день цесаревичъ ѣздилъ на Кивачъ. По возвращеніи въ Петрозаводскъ, его высочество простился со всѣми властями на пристани и взошелъ на пароходъ, который при громкихъ крикахъ *ура!* отвалилъ отъ пристани" [3]).

Погодинъ, въ своихъ *Замѣткахъ*, писалъ: „Въ Петрозаводскѣ представленъ былъ наслѣднику 90-лѣтній старикъ-сказитель, Козьма Ивановъ Романовъ, крестьянинъ деревни Лонгалы, который дряхлымъ уже, но выразительнымъ голосомъ пропѣлъ ему былины про хитрость-мудрость Вольга Буслаевича, про

богатыря Добрыню съ змѣемъ горыничемъ, и наконецъ о пустынѣ. Вотъ это истино-*царственное наслажденіе* — изъ устъ маститаго старца услышать звуки можетъ-быть тысячелѣтніе! И въ какомъ захолустьѣ сохранились эти звуки, имѣющіе родиною Кіевъ! Вотъ оно, единство Русской земли" [4])!

II.

Плаваніе отъ Петрозаводска цесаревичъ совершилъ благополучно, и въ 4 утра сталъ на якорь у Черныхъ Песковъ,— маленькаго селенія, находящагося на Онежскомъ каналѣ, въ двадцати осьми верстахъ отъ Вытегры. Здѣсь ожидали уже прибывшіе изъ Вытегры пароходы *Фонтанка* и *Ординарецъ*. Въ Вытегрѣ, на пристани, ожидало цесаревича все, можно сказать, народонаселеніе.

Съ пристани, вмѣстѣ съ генераломъ Лебедевымъ, его высочество, сопровождаемый народомъ, поѣхалъ въ церковь, а послѣ молебствія, прямо въ домъ генерала.

Изъ Вытегры цесаревичъ направился въ Бѣлозерскъ, а отсюда рѣкою Шексною присталъ къ Горицкому монастырю. Здѣсь его высочество вышелъ на берегъ для осмотра монастыря. Горицкій женскій монастырь, кромѣ кельи, въ которой нѣкогда жила въ заточеніи супруга Іоанна Грознаго, ничего не представлялъ замѣчательнаго. Точно также и Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, который посѣтилъ цесаревичъ, по словамъ авторовъ *Писемъ*, „не отвѣчалъ ожиданіямъ". Они думали „встрѣтить тамъ гораздо болѣе предметовъ древности, а главное, въ бо̀льшемъ порядкѣ. Уваженіемъ къ святой старинѣ—пишутъ они—и бережнымъ съ ней обращеніемъ здѣсь видимо не отличались. Древности разложены, или лучше сказать, разбросаны безъ всякой системы, и никто здѣсь не знаетъ, къ какому времени что̀ относится... А заботиться и есть о чемъ, и есть кому. Это производитъ грустное впечатлѣніе... Древнія стѣны монастырскія выдержали теперь новую осаду, потому что

народъ буквально штурмовалъ двери и ворота, чрезъ которыя проходилъ цесаревичъ“ [5]).

Съ своей стороны и Оомъ, въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, писалъ: „Были въ женскомъ монастырѣ въ Кириловѣ, и въ Бѣлозерскомъ мужскомъ. Первый произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе грубостью монахинь, похожихъ болѣе на переодѣтыхъ мужчинъ. О второмъ разсказывали, будто богатая нѣкогда библіотека, лучшія свои сокровища сбыла тайно и будто большая часть этихъ драгоцѣнныхъ книгъ перешла въ собственность М. П. Погодина. Не мнѣ конечно судить о томъ, въ какой мѣрѣ толки эти основательны“ [6]).

Когда цесаревичъ выѣхалъ изъ Бѣлозерскаго монастыря и направился въ городъ, коляски могли двигаться только шагомъ. Въ Кириловѣ былъ данъ обѣдъ его высочеству отъ имени всѣхъ сословій и поднесенъ адресъ на имя государя.

22 іюня, въ 7 часовъ вечера, цесаревичъ прибылъ въ Рыбинскъ. Противъ собора, на томъ же мѣстѣ, гдѣ вышла на берегъ императрица Екатерина II, возвышалась арка, на которой крупными буквами означены года 1767—1863, то-есть, первое посѣщеніе Рыбинска Екатериной II и настоящее государемъ цесаревичемъ. Восторгъ народа былъ неописанный. На биржѣ купечество ожидало цесаревича съ хлѣбомъ-солью и рыбой. Предсѣдателемъ биржевого комитета Журавлевымъ произнесено было привѣтствіе.

Народъ не отходилъ отъ дома купца Переславцева, гдѣ остановился цесаревичъ; многіе провели ночь на улицахъ; многіе изъ нихъ не имѣли, впрочемъ, и пристанища, потому что пришли изъ-за нѣсколько десятковъ верстъ. „Здѣсь,—пишутъ авторы *Писемъ*,—сошелся коренной великороссіянинъ, собравшій и скрѣпившій во едино Россію. Пришелъ онъ изъ Мологи, изъ Мышкина, изъ Романова, посмотрѣть на первенца царскаго... И ни разу порядокъ не былъ нарушенъ, а между тѣмъ, полиціи въ Рыбинскѣ, можно сказать, не было. Городское общество умѣло само распорядиться, и до шестидесяти выборныхъ мѣщанъ сохраняли порядокъ и благочиніе“.

Въ воскресенье, 23 іюня, съ ранняго утра, собрались уже на площади передъ соборомъ густыя толпы народныя, въ ожиданіи пріѣзда высокаго гостя. По прибытіи его въ соборъ, началась литургія, по окончаніи которой протоіерей Родіонъ Путятинъ, извѣстный по всей Россіи своими проповѣдями, произнесъ привѣтственное слово на текстъ: *И се весь градъ изыде на срѣтеніе (Мѳ. 8,34).* „Давно не было въ нашемъ городѣ — говорилъ проповѣдникъ — такой радости; многіе изъ насъ во всю жизнь свою подобной не видали: *и се весь градъ изыде во срѣтеніе,*—именно весь; весь и вчера, весь и нынѣ на ногахъ, чтобы увидѣть, посмотрѣть, насмотрѣться на перворондаго сына возлюбленнаго нашего монарха.

Да, Россія любитъ своего царя.

Впрочемъ, что́ эта встрѣча наша? Это только искорка отъ той пламенной любви, которая всегда горитъ въ сердцахъ Русскихъ къ своему царю.

Не считаю нужнымъ много и распространяться объ этомъ. Кто же этого не знаетъ? Весь свѣтъ знаетъ, слышитъ, какъ любятъ Русскіе своего царя.

Обратимъ вниманіе на другое; вотъ на что́, слушатели обрадованные, обратимъ наше вниманіе: кто учитъ насъ, Русскихъ, такъ любить своего царя? Кто внушаетъ намъ такую любовь къ нему? Кто?—Кто же, какъ не церковь православная, вѣрная наша наставница всему, святая наша руководительница во всемъ? Да, она, никто другой. Вѣдь у насъ, православныхъ, нѣтъ почти моленія, при которомъ бы мы ни молились о царѣ.

Дня, ночи, часа церковнаго не проходитъ у насъ безъ того, чтобы мы не молились о царѣ. У насъ младенецъ, только что родившійся, и тотъ слышитъ уже молитву церкви о царѣ.

Такимъ образомъ, Русскіе, можно сказать, родятся съ любовію къ царю: любовь эта у насъ чувство какъ бы врожденное намъ. И не переродятся въ Россіи Минины и Пожарскіе, доколѣ сыны ея пребудутъ сынами церкви православной.

Такъ она, никто другой, она божественная, благодатная, она учитъ такъ любить царя, какъ мы его любимъ.

Теперь дерзну съ словомъ моимъ обратиться къ тебѣ, благовѣрный государь.

О, люби церковь православную. Мы и видимъ, что ты ее любишь, видимъ и не нарадуемся. Въ другое время тебѣ кричимъ мы отъ радости, а видя тебя молящагося въ церкви, мы отъ радости плачемъ. Да, церковь православная достойна любви. Любя ее, будешь *въ любви у Бога и человѣковъ*. Если въ комъ изъ насъ есть что́ добраго, святаго, всему этому церковь православная научила: она доброму и святому только и учитъ.

Христе Іисусе, Сыне Божій! *Возглаголи благая о церкви Твоей въ сердцѣ* перворoднаго сына возлюбленнаго нашего монарха. Аминь".

Оомъ, въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, пишетъ: „Въ Рыбинскѣ, вездѣ была страшная толпа, говорю страшная, потому что въ ней множество было рабочаго народа, много, напримѣръ, такъ называемыхъ, крючниковъ, съ которыми никакой не было расправы. Они во время молебствія въ соборѣ сорвали желѣзную дверь съ петель и рванулись съ шумомъ въ церковь. При выходѣ, свита цесаревича старалась ограждать его отъ натиска толпы; кое-какъ это удалось, и онъ съ графомъ Строгановымъ благополучно дошелъ до коляски. Но намъ досталось жестоко: напоромъ меня въ полномъ смыслѣ выбросили изъ толпы на паперть, а оттуда я, какъ пробка, влетѣлъ прямо въ коляску вмѣстѣ съ двумя крючниками, которые также очутились неожиданно для нихъ самихъ въ моемъ экипажѣ".

Послѣ обѣдни представлялись государю наслѣднику всѣ начальственныя лица мѣстнаго управленія, и представительныя лица изъ дворянъ, изъ купечества и крестьянъ. Въ 5 часовъ назначенъ былъ обѣдъ отъ Рыбинскаго и иногороднаго купечества. Съ широкой галлереи биржеваго зала, „весело было смотрѣть на покрывавшія Волгу суда, покрытыя народомъ". Обѣдомъ распоряжался предсѣдатель биржеваго комитета, Н. М.

Журавлевъ. Около его высочества за столомъ сидѣли: Ярославскій губернскій предводитель дворянства Скрипицынъ, Рыбинскій городской голова, уѣздный предводитель Михалковъ, почетнѣйшіе изъ купцовъ и городскіе головы нѣкоторыхъ городовъ Ярославской губерніи, прибывшіе къ этому дню въ Рыбинскъ. Въ числѣ послѣднихъ обращалъ на себя особенное вниманіе старшій изъ всѣхъ, Тимоѳей Васильевичъ Чистовъ, уже седьмое трехлѣтіе состоящій въ должности Мышкинскаго городского головы. „Нельзя было равнодушно смотрѣть—пишутъ авторы *Писемъ*—на почтеннаго старика, который во все время обѣда, сидя напротивъ его высочества, плакалъ отъ радости и душевнаго волненія“.

Въ половинѣ обѣда начались тосты.... Журавлевъ, голосомъ, дрожащимъ отъ волненія, произнесъ слѣдующее привѣтствіе государю наслѣднику: „Ваше императорское высочество! Да благословитъ васъ самъ Господь Богъ, что вы, первенецъ великаго и благодушнаго отца Русскаго царства, изволили осчастливить насъ высокимъ посѣщеніемъ вашимъ! Мы ждали этой минуты съ радостнымъ желаніемъ и теперь вполнѣ счастливы, что въ особѣ вашей, горячимъ Русскимъ сердцемъ чествуемъ и встрѣчаемъ новую надежду Россіи. Примите, ваше императорское высочество, нашу глубочайшую благодарность за доставленную намъ радость высокимъ посѣщеніемъ вашимъ, которое на всю жизнь нашу и для потомства нашего останется незабвеннымъ“.

Когда восклицанія утихли, цесаревичъ отвѣчалъ на привѣтствіе: „Благодарю васъ, господа, за радушный пріемъ и за хлѣбосольство. Позвольте выпить за ваше здоровье, за благоденствіе Рыбинска и всего нашего дорогого Отечества“.

Одушевленіе возростало съ каждымъ тостомъ, и когда провозглашенъ былъ четвертый тостъ: „За процвѣтаніе Русскаго царства, единаго, православнаго, самодержавнаго“!—оглушительное *ура!* раздавшееся по всей залѣ, „вмигъ перешло въ массу народную и пронеслось далеко по всей набережной и площади,

занятой народомъ, по берегу, по судамъ и баркамъ, покрывавшимъ Волгу до другого берега“ [7]).

Оомъ сообщаетъ еще слѣдующую любопытную подробность объ этомъ обѣдѣ: „между прочими тостами пили за здоровье графа С. Г. Строганова и благодарили его за то, что привезъ первенца царскаго въ главный складъ привозимаго съ юга хлѣба. Графъ Строгановъ отвѣчалъ: —Благодарю васъ, господа, за тостъ; я самъ радуюсь, что нахожусь въ Рыбинскѣ, потому что вновь убѣдился, что *подъ вашими туго-набитыми деньгою карманами бьются истинно Русскія сердца*. Впечатлѣніе было крайне оригинальное: всѣ стояли съ открытыми отъ удивленія ртами“ [8]).

Любопытную также черту сообщаетъ Погодинъ о Журавлевѣ:

„Журавлевъ, богатѣйшій купецъ и фабрикантъ въ Рыбинскѣ, по разговору своему принадлежитъ къ опозиціи. Онъ находитъ многія мѣры правительства и вредными, и несправедливыми; судитъ о нихъ очень строго.—Но вотъ, наслѣдникъ собирается въ Рыбинскъ, и Журавлевъ благимъ матомъ скачетъ въ Петербургъ совѣтоваться, какъ принять дорогого гостя... Мы поднесемъ ему, разсказывалъ онъ, между прочимъ, живого осетра; вдругъ, среди разсказа, взмахиваетъ руками и восклицаетъ съ ужасомъ: *а какъ уснетъ, анаѳема*“!

На слѣдующій день (24 іюня), съ ранняго утра, народъ ожидалъ государя наслѣдника у пристани. Въ 9 ч. его высочество отправился на своемъ пароходѣ осматривать канатную фабрику Журавлевыхъ. Кромѣ нѣмца механика, всѣ остальные на этой фабрикѣ Русскіе. Хозяинъ фабрики, Н. М. Журавлевъ, состоялъ при цесаревичѣ во время обзора, объясняя всѣ подробности производства.

Съ завода Журавлева цесаревичъ поднялся вверхъ по Шекснѣ и перешелъ на туэрный пароходъ, гдѣ встрѣтили его высочество: учредитель компаніи туэрнаго, то-есть цѣпного, пароходства Евреиновъ, Гинцбургъ и управляющій Бенардаки.

Вечеромъ, въ биржевомъ залѣ, устроенъ былъ заѣзжими артистами концертъ. Въ этомъ концертѣ жители Рыбинска

могли, вмѣстѣ съ семействами своими, „вдоволь насмотрѣться на дорогого гостя“, въ послѣдній вечеръ его пребыванія въ городѣ.

Слѣдующій день, 25 іюня, былъ день рожденія блаженной памяти императора Николая I. По этому случаю въ соборѣ была совершена панихида. Прямо изъ собора, въ 9-мъ часу утра, его высочество отправился далѣе въ путь. Пароходъ отчалилъ отъ пристани при звонѣ колоколовъ и при громкихъ крикахъ народа.

При прощаніи съ Рыбинскомъ, авторы *Писемъ* указали и на недостатки богатаго Рыбинска. „Недостатки эти—пишутъ они—тѣ же, отъ которыхъ страдаетъ не одинъ Рыбинскъ, но и всѣ города, вся Русь, можно сказать, всѣ мы,—это отсутствіе потребности въ чистотѣ и опрятности, такъ рѣзко кидающееся вездѣ въ глаза. Это все то же, отъ чего и богатый крестьянинъ не знаетъ чистой постели, да и не нуждается въ ней, отъ чего наши гостинницы, да и частные дома людей зажиточныхъ, страдаютъ недостаткомъ и отсутствіемъ хорошаго устройства такихъ отдѣленій, въ которыхъ нуждается цѣлый Рыбинскъ, гдѣ, по всей Волжской набережной, за неимѣніемъ именно этихъ мѣстъ, господствуетъ, въ теченіе всего лѣта, отъ громаднаго стеченія народа страшная нечистота и невыносимая вонь. Можно было бы также позаботиться и о мостовой, по которой или подпрыгиваютъ ваши пролетки чуть не на вершокъ, или же однимъ колесомъ уходятъ въ выбоину такъ, что при каждомъ толчкѣ воображаешь, что утлый экипажъ разсыпется въ дребезги; можно было бы обратить вниманіе и на мытный дворъ, откуда издалека уже несется также отвратительный запахъ..... Странно также, что въ Рыбинскѣ, гдѣ стекаются такія массы рабочаго народа, нѣтъ въ достаточномъ количествѣ средствъ для призрѣнія заболѣвающихъ“.

III.

25 іюня, въ 1-мъ часу по-полудни, наслѣдникъ-цесаревичъ приплылъ къ Ярославлю. У самой пристани ожидали его высочество начальство и народъ. Со звономъ семидесяти семи колоколенъ Ярославскихъ, цесаревичъ вышелъ на пристань... „Нельзя было смотрѣть безъ душевнаго волненія,—пишутъ авторы *Писемъ*,—на эту картину: одно горячее чувство владѣло въ эту минуту тысячами, и, не разбирая выраженій, стремилось въ чемъ-нибудь выразиться. Сколько видно было плачущихъ женщинъ, сколько поднималось рукъ на знаменіе креста, сколько шапокъ летѣло вверхъ, сколько слышалось голосовъ, кричавшихъ изо всей силы! Хватались за экипажъ, и сзади и спереди слышно было: *Скажи отцу своему, какъ мы его любимъ! Скажи, что всѣ мы пойдемъ на враговъ, всѣ до единаго.* Многія выраженія народнаго восторга показались бы странны и грубы человѣку, незнакомому съ характеромъ народнымъ; но едва ли въ числѣ свидѣтелей нашлось хоть одно холодное сердце, которое въ эту минуту устояло бы противъ общаго впечатлѣнія: такъ оно сильно и съ такою полнотою высказывалось. Эти слезы, и молитвы, и движенія, и крики сливались въ одинъ цѣлый хоръ, и гармонію этого хора составляло единство народнаго чувства.

Чувство это, въ настоящую минуту, менѣе чѣмъ когда либо можно назвать безсознательнымъ: прислушиваясь къ словамъ, присматриваясь къ движеніямъ, убѣждаешься, что не безсознательное чувство влечетъ толпы народныя въ несмѣтномъ количествѣ на встрѣчу юному наслѣднику Русскаго престола, заставляетъ ихъ съ какою-то жадностью искать его всюду, гдѣ онъ можетъ появиться. Народъ знаетъ и чувствуетъ, какое наступаетъ время; онъ слышитъ отовсюду о врагахъ Россіи, объ угрозахъ единству ея и государственной цѣлости—и сознаніе единства государственнаго пробудилось въ немъ съ такою силой, какой давно уже не ощущало въ себѣ настоя-

щее поколѣніе. Проѣзжая къ собору посреди густой народной толпы, глядя на выраженія народнаго восторга, слыша народные крики о твердомъ согласномъ отпорѣ врагамъ по слову царскому, мы не могли не вспомнить о томъ, что въ 1612 году Ярославль былъ сборнымъ пунктомъ войскъ, ополчавшихся на защиту Отечества, и что отсюда шелъ Пожарскій очищать Москву и возстановить государственное единство Россіи".

Во вратахъ древняго собора Ярославскаго, наслѣдника встрѣтилъ высокопреосвященный Нилъ краткою рѣчью. Отъ вратъ церковныхъ до алтаря стояло соборомъ духовенство въ бѣлыхъ ризахъ. „Величіе древняго храма—пишутъ авторы *Писемъ*—придавало этой встрѣчѣ особенную торжественность". Изъ собора его высочество прослѣдовалъ въ приготовленный для пребыванія его домъ Пастуховыхъ. "Съ этой минуты, до самаго отъѣзда изъ города, народъ не отходилъ отъ этого дома".

Въ самый день пріѣзда, послѣ обѣда, назначенъ былъ осмотръ училища для дѣвицъ духовнаго званія.

Это училище существуетъ съ 1846 года и открыто было первоначально въ Солигаличѣ, а потомъ, въ 1848 году, переведено въ Ярославль. Оно устроено по образцу подобнаго же заведенія, существующаго, съ 1843 года, въ Царскомъ Селѣ. Первою основательницей училищъ для дѣвицъ духовнаго званія была у насъ великая княгиня Ольга Николаевна.

Ярославское училище для дѣвицъ духовнаго званія навело авторовъ *Писемъ* на слѣдующее размышленіе: „Сколько бы ни устраивали мы системъ народнаго образованія, ни одна не будетъ вполнѣ народною и практическою, если не будетъ разсчитана на дѣятельность сельскаго духовенства. Если въ средѣ этого сословія не найдется готовыхъ народныхъ учителей, то едвали можно надѣяться, что какое-либо другое сословіе въ состояніи будетъ выставить надежныхъ учителей, которые въ одинаковой мѣрѣ пользовались бы довѣріемъ правительства и народнымъ довѣріемъ. Между тѣмъ, таковы у насъ до сихъ условія воспитанія и цѣлаго быта сельскихъ священниковъ,

что рѣдкимъ изъ нихъ удастся стать дѣйствительными учителями среди крестьянскаго населенія; напротивъ, во многихъ случаяхъ, сельскому священнику не трудно огрубѣть душою и утратить сознаніе своего высокаго призванья. Объ этомъ не хотятъ у насъ подумать слѣпые порицатели нравовъ и дѣятельности духовнаго сословія..... Слабости, недостатки, примѣры паденія выставить нетрудно—они сами собою бросаются въ глаза, и ихъ выискиваетъ жадно проснувшаяся гласность. А добрыя дѣла и подвиги, которые въ то же время совершаются въ глуши, куда не досягаетъ никакая гласность,—гораздо труднѣе узнать и обнаружить..... Для того, чтобы нашъ сельскій священникъ могъ поддержать въ себѣ сознаніе долга для той дѣятельности, къ которой онъ призванъ, необходимо, по крайней мѣрѣ, чтобы онъ въ собственной семьѣ своей находилъ содѣйствіе этой возвышенной дѣятельности.

Понятно, какъ облегчается эта дѣятельность, если въ женѣ своей находитъ онъ добрую помощницу въ домашнемъ хозяйствѣ, въ воспитаніи дѣтей, въ поддержаніи нравственной связи съ прихожанами, и какъ невыносимо становится его положеніе, если у него нѣтъ такой жены, или нѣтъ между нимъ и женою согласія и сочувствія..... Утвердить въ духовномъ сословіи прочныя основы семейнаго быта,—вотъ въ чемъ состоитъ главная цѣль училищъ для духовнаго званія"…..

Утро 27-го іюня наслѣдникъ началъ съ обозрѣнія древностей въ Успенскомъ соборѣ. Изъ собора проѣхалъ въ архіерейскій домъ и въ семинарію. Кельи, въ которыхъ принималъ наслѣдника высокопреосвященный Нилъ, весьма замѣчательны: это тѣ самыя кельи, гдѣ имѣлъ пребываніе Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, въ 1613 году. Въ семинаріи, въ присутствіи его высочества, читаны были въ каждомъ классѣ лекціи. „Вся обстановка семинарская—пишутъ авторы *Писемъ*—представлялась намъ новостью и возбуждала сравненіе съ тѣмъ, что́ каждый изъ насъ видѣлъ въ свѣтскихъ аудиторіяхъ и классахъ.

Нельзя было смотрѣть равнодушно на бѣдность внѣшней обстановки заведенія,—и глядя на воспитанниковъ, думалось,

сколько лишеній должны вытерпѣть многіе, слишкомъ многіе изъ нихъ, прежде чѣмъ оправятся—и многимъ ли еще удастся оправиться?... Черезъ какую скудость должны перейти и сколько борьбы должны перетерпѣть эти молодые люди, готовясь принять на себя великое званіе священнослужителя, вступить въ самую важную изо всѣхъ должностей, въ которыхъ у насъ на Руси человѣкъ вступаетъ въ общественное сношеніе съ народомъ?..... При взглядѣ на бѣдную внѣшность классовъ и залъ, припоминалась невольно роскошная обстановка многихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, которыя окружаютъ воспитанника всѣми удобствами и пособіями и выпускаютъ его въ свѣтъ во всеоружіи служебныхъ привилегій, съ гордымъ сознаніемъ способности, и достоинства, и чести между людьми".

Послѣ обѣда наслѣдникъ поѣхалъ на выставку издѣлій заводской, фабричной и крестьянской промышленности Ярославской губерніи, устроенную по случаю его пріѣзда. „Было время, — замѣчаютъ авторы *Писемъ*,—когда мы почти исключительно одни снабжали Европу и Америку нашимъ холстомъ, но теперь машинное производство оттѣснило насъ совершенно на задній планъ. Его высочеству были поднесены, въ числѣ разныхъ предметовъ, два Романовскихъ дубленыхъ полушубка, достойные и замѣчательные экземпляры одной изъ самыхъ туземныхъ и извѣстныхъ отраслей сельской промышленности Ярославской губерніи и по преимуществу Романо-Борисоглѣбскаго уѣзда". По свидѣтельству авторовъ *Писемъ*, „выставка доставила много удовольствія государю цесаревичу, принимающему столь живое участіе во всемъ, что касается развитія нашихъ производительныхъ силъ и нашего народнаго богатства. Онъ не одинъ разъ изъявлялъ благодарность губернатору и представителямъ Ярославскаго общества за счастливую мысль ознакомить его высочество съ промышленностью и богатствомъ края, и тѣмъ содѣйствовать ему въ его желаніи—изучать любезное и дорогое наше Отечество, — цѣль, ради которой и предпринято имъ путешествіе".

Послѣ великолѣпнаго фейерверка, даннаго городомъ въ

честь наслѣдника, авторы *Писемъ*, вернувшись на свою квартиру, въ домъ гражданки Вахрамѣевой, замѣтили: „Все стихло внутри домовъ... только въ одной квартирѣ, прямо противъ нашихъ оконъ, свѣтился свѣтъ за опущенными сторами и рисовались темнымъ очеркомъ двѣ фигуры, ходившія по комнатѣ. Это была квартира архіепископа Варшавскаго Фелинскаго“.

Въ пятницу, 28 числа, его высочество посѣтилъ Толгскій монастырь, существующій съ XIV вѣка. Въ немъ есть замѣчательныя древности, но, „къ сожалѣнію,—замѣчаютъ авторы *Писемъ*,—кажется, о нихъ мало заботятся. Ни въ соборной церкви, гдѣ его высочество поклонялся чудотворной иконѣ Толгской, ни въ ризницѣ, мы не нашли знающаго руководителя... Сама за себя говорила прекрасная кедровая роща, принадлежащая монастырю... Крестьянскія дѣти тутъ же около канавки, протекающей по рощѣ, нарвали цѣлыми кустиками свѣжей земляники и незабудокъ, и принесли великому князю“.

Тѣмъ же утромъ, послѣ завтрака, великій князь посѣтилъ паровую крупчатную мельницу Павла Крохопяткина съ братьями. Заведеніе это существуетъ съ 1848 года, и замѣчательно между прочимъ тѣмъ, что устроено Русскими мастерами, что и машины и машинисты Русскіе. Государь цесаревичъ съ полнѣйшимъ вниманіемъ слушалъ объясненія всего производства.

Вечеромъ, послѣ осмотра тюремнаго замка, наслѣдникъ поѣхалъ за городъ, въ Толчковскую слободу, къ церки Св. Іоанна Предтечи, о которой много наслышался его высочество. Еще наканунѣ, съ галлереи у преосвященнаго, онъ видѣлъ ее издали, на краю горизонта и любовался ея прекрасною архитектурой и золотыми главами. При этомъ авторы *Писемъ* замѣтили: „Къ сожалѣнію, далеко не всѣ блюстители древнихъ зданій понимаютъ у насъ цѣну старины своей; нерѣдко случается и здѣсь видѣть, какъ окрашивается и передѣлывается на новый вкусъ то, что слѣдовало бы беречь и поддерживать въ первоначальномъ видѣ“. Церковь Іоанна Предтечи заложена въ 1671 году, на мѣстѣ сгорѣвшей деревянной, а окончена

въ 1687 году. Она построена на мірской счетъ, прихожанами, жителями Толчковской слободы.

Церковь была уже наполнена прихожанами, собравшимися въ ожиданіи всенощной, когда пріѣхалъ его высочество. Не менѣе часу пробылъ онъ въ ней, осматривая всѣ ея достопримѣчательности, въ сопровожденіи приходскаго священника, который, „къ счастію, оказался человѣкомъ знающимъ всѣ сокровища своего храма"[9]).

Оомъ, въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, сообщаетъ слѣдующія любопытныя подробности: Въ церкви Іоанна Предтечи, цесаревичъ „восхищался древнимъ Русскимъ стилемъ и украшеніями изъ изразцевъ, а также утварью. Настоятель церкви, обласканный цесаревичемъ и ободренный его вниманіемъ къ памятнику старины, высказалъ опасеніе, что церковь будетъ закрашена съ тѣмъ, чтобы впредь не привлекала стольких посѣтителей и не вызывала этимъ зависти другихъ причтовъ и нерасположенія преосвященнаго Нила. Его высочество въ тотъ же вечеръ поѣхалъ къ преосвященному и, входя къ удивленному неожиданнымъ посѣщеніемъ владыкѣ, сказалъ:—Я пріѣхалъ къ вамъ только съ тѣмъ, чтобы передать, въ какомъ я восторгѣ отъ вашихъ старинныхъ церквей. Понимаю, какъ вы должны быть счастливы оберегать эти памятники нашей старины, и какъ вы гордитесь ими. Конечно, этихъ словъ было достаточно для того, чтобы преосвященный Нилъ отказался навсегда отъ мысли, которая внушала столько опасеній настоятелю упомянутаго храма"[10]).

IV.

Утромъ, въ Петровъ день, при звонѣ семидесяти семи колоколенъ и при торжественныхъ кликахъ народа, наслѣдникъ поплылъ изъ Ярославля въ Кострому. Черезъ полтора часа открылись бѣлыя стѣны и зданія Николо-Бабаевскаго монастыря; тамъ наслѣдникъ слушалъ литургію, которую совершалъ проживавшій въ монастырѣ на покоѣ преосвященный Игнатій

(Брянчаниновъ). Послѣ завтрака, въ кельяхъ преосвященнаго, цесаревичъ поплылъ далѣе. Черезъ два часа передъ нимъ открылась Кострома съ пестрою толпою народною, покрывавшею весь берегъ.

„Въ Рыбинскѣ удивило насъ — пишутъ авторы *Писемъ* — множество собравшагося народа, но воспоминаніе о Рыбинскомъ стеченіи народа поблѣднѣло передъ тѣмъ множествомъ, которое встрѣтило насъ въ Ярославлѣ; въ Костромѣ же оказалось еще болѣе“...

За многолюдствомъ, въ соборъ могъ войти только наслѣдникъ, безъ свиты.

Помѣщеніе для великаго князя было приготовлено въ губернаторскомъ домѣ, на берегу Волги.

Слѣдующій день былъ начатъ съ поѣздки въ Ипатьевскій монастырь. Послѣ обѣдни поклонялись святымъ и осматривали достопримѣчательности этой древней, исторической обители, основанной мурзою Четомъ, въ XIV столѣтіи.

Въ монастырской ризницѣ великій князь съ любопытствомъ разсматривалъ два старыя рукописныя Евангелія и двѣ Псалтири, приложенныя Годуновымъ, замѣчательныя по чистотѣ красиваго письма и по множеству миніатюрныхъ рисунковъ красками и золотомъ.

По возвращеніи изъ монастыря, на общемъ пріемѣ представлялись его высочеству депутаты изъ Татарской слободы, расположенной за Костромою, на рѣкѣ Черной.

Большой пожаръ 1848 года разрушилъ въ Костромѣ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ старины. Грустное чувство возбуждали живописныя развалины стараго Богоявленскаго монастыря, который до этого пожара считался украшеніемъ Костромы. Монастырь былъ основанъ въ половинѣ XV столѣтія, во времена великаго князя Василія Темнаго. Салтыковы были главными вкладчиками въ монастырь, служившій усыпальницею всему ихъ роду [11]).

Посѣщеніе Костромы наслѣдникомъ послужило началомъ обновленія сей святой обители.

Оомъ, въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, пишетъ: „Во время пребыванія въ Костромѣ, А. П. Боголюбовъ и я, гуляя по городу, зашли въ ограду сгорѣвшаго Богоявленскаго монастыря, въ которомъ уцѣлѣли только стѣны нѣкоторыхъ церквей и зданій. Тутъ встрѣтилъ насъ сторожъ, предложившій намъ войти въ кладовую, въ которой было сложено все, что̀ успѣли спасти отъ огня. Войдя въ небольшое сырое помѣщеніе, мы увидали множество утвари, образовъ, паникадилъ, лампадъ, облаченій, великолѣпный алаго бархата Салтыковскій покровъ, на которомъ были нашиты чеканныя вызолоченныя бляхи съ разными изображеніями, наконецъ, старинные замки̇ отъ воротъ и дверей и даже маленькія чугунныя орудія, стоявшія нѣкогда на стѣнахъ монастырскихъ. Въ тотъ же день, за завтракомъ, А. П. Боголюбовъ разсказалъ объ этомъ цесаревичу и прибавилъ: Вотъ это все могло бы служить началомъ Русскаго музея, о которомъ ваше высочество помышляете. Вы сдѣлаете доброе дѣло, если спасете все это отъ порчи и грабежа.

Я тотчасъ же вмѣшался въ разговоръ.—Нѣтъ, сказалъ я, ты забываешь, что тутъ множество предметовъ, жертвованныхъ царями и великими князьями, а также боярами и другими лицами. Если его высочество коснется этого, то не будетъ ничего спасено, и всякій признаетъ себя въ правѣ брать оттуда, что удастся получить. Это святыня, и мнѣ кажется, что его высочество спасъ бы ее, еслибъ поручилъ мѣстному владыкѣ приказать составить подробную опись всѣмъ предметамъ и перенести въ свой домъ. Какъ знать, можетъ быть воскреснетъ Богоявленскій монастырь, и тогда все будетъ вновь употреблено въ немъ же. Предложеніе это было поддержано графомъ С. Г. Строгановымъ и К. П. Побѣдоносцевымъ, и цесаревичъ согласился съ этимъ мнѣніемъ. Осмотрѣлъ самъ весь складъ, переговорилъ съ преосвященнымъ Костромскимъ и впослѣдствіи говорилъ, въ Петербургѣ, съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода о возстановленіи монастыря, который и былъ возстановленъ, и процвѣталъ подъ управленіемъ игуменіи Маріи“ [12]).

Послѣ завтрака наслѣдникъ поѣхалъ на выставку произве-

денiй сельскаго хозяйства, ремеслъ и мануфактурной промышленности Костромской губернiи. Здѣсь Ветлужскiй предводитель дворянства Лугининъ объяснялъ его высочеству весь процессъ лыковаго и мочальнаго производства.

Вниманiе государя цесаревича обратила на себя желѣзная руда, добываемая самими крестьянами, получаемое изъ нея желѣзо и, наконецъ, желѣзныя издѣлiя.

Въ числѣ продуктовъ заводской промышленности Костромской губернiи, особеннаго вниманiя заслуживали произведенiя химическаго завода Кокушкина и Томскаго завода А. П. Шипова. Большая комната, непосредственно слѣдующая за той, гдѣ находились машины, занята была произведенiями хлопчатобумажной, льняной, кожевенной и нѣсколькими образцами Костромской ремесленной промышленности. Фабриканты объясняли цесаревичу ходъ своей торговли, настоящее положенiе ихъ дѣлъ, опасную конкуренцiю на Кавказѣ и въ при-Каспiйскихъ мѣстностяхъ вообще, со стороны Англичанъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили весьма интересное и утѣшительное свѣдѣнiе, что со времени замиренiя Чечны и Дагестана сбытъ туда издѣлiй значительно усилился.

Кострома, — по замѣчанiю авторовъ *Писемъ*, „кажется по внѣшности бѣднымъ городомъ въ сравненiи съ богатымъ и прекрасно отстроеннымъ Ярославлемъ... За то на Костромѣ явственнѣе лежитъ печать Русской старины; въ ней замѣтнѣе выдается тотъ полудеревенскiй типъ, который такъ упорно пристаетъ къ нѣкоторымъ городамъ нашимъ и такъ скоро сглаживается въ другихъ: какъ будто городъ незамѣтно переходитъ въ деревню, и деревня сливается съ городомъ. Широкiе виды на Волгу и Заволжье съ нѣкоторыхъ улицъ и площадей, очертанiя домовъ, расположенiе улицъ, нѣкоторыя группы и сцены у воротъ, на улицахъ, въ окнахъ, напоминали намъ объ этомъ типѣ, и возбуждали, особенно въ жителяхъ Москвы, которую привыкли называть большою деревней, какое-то родственное чувство. Но у многихъ изъ нашихъ спутниковъ, когда мы проѣзжали по Сусанинской площади, сердце болѣло за Кострому,

при взглядѣ на памятникъ, который едва ли слѣдуетъ причислить къ ея украшеніямъ. Кострома гордится именемъ Сусанина, и память о немъ живетъ до сихъ поръ въ народѣ; но памятникъ Сусанина можно смѣло назвать образцовымъ только по безвкусію рисунка и по бѣдности художественной идеи: на улицахъ Костромы и посреди старинныхъ ея зданій, онъ является какою то фальшивою нотою, нарушающею гармонію цѣлаго".

1 іюля наслѣдникъ посѣтилъ льнопрядильню купцовъ Брюханова и Зотова и механическій заводъ полковника Шипова. До 1859 года Брюхановъ и Зотовъ работали вмѣстѣ; въ этомъ году Зотовъ отдѣлился и устроилъ свою льнопрядильню. На крыльцѣ хозяйскаго дома встрѣтили цесаревича съ хлѣбомъ и солью отецъ съ сыномъ и молодою невѣсткой. Сынъ хозяина управлялъ фабрикой; онъ объяснялъ его высочеству устройство льнопрядильни и передалъ ему свѣдѣнія о теперешнемъ положеніи льняной промышленности въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Съ фабрики Зотова его высочество заѣзжалъ еще на фабрику Брюханова, гдѣ, быстро обойдя льнопрядильное отдѣленіе, остановился долѣе въ ткацкой. Отсюда заѣхалъ онъ въ небольшое, но прекрасно устроенное гвоздильное заведеніе Колодезниковыхъ, гдѣ съ большимъ вниманіемъ была осмотрѣна простая, но чрезвычайно умно приспособленная машина для выдѣлки гвоздей, придуманная и устроенная самимъ хозяиномъ. Отсюда наслѣдникъ прибылъ на механическій заводъ полковника Шипова.

Заводъ былъ осмотрѣнъ во всѣхъ подробностяхъ. Въ присутствіи его высочества сформована и отлита чугунная доска въ воспоминаніе его посѣщенія. Все производство было объясняемо управляющимъ, о которомъ Шиповъ отзывался съ величайшимъ уваженіемъ, какъ о человѣкѣ, оказавшемъ большую услугу заводу различными новыми усовершенствованіями въ постройкѣ пароходовъ, и въ особенности тѣмъ, что пароходы Костромскаго завода требуютъ очень мало топлива.

Послѣ осмотра завода, его высочеству предложенъ былъ хозяиномъ завтракъ, во время котораго хозяинъ обратился къ

его высочеству со слѣдующими словами: „Дозвольте, ваше императорское высочество, принесть вамъ отъ полноты души нашу признательность за счастіе, которымъ вы удостоили нашъ заводъ и наши Костромскія фабрики. Мы всѣ отъ глубины нашего Русскаго сердца радуемся, видя съ какою любознательностію и вниманіемъ ваше высочество входили во всѣ подробности нашего дѣла; вы *у́читесь*, скромно выразились вы, и эти слова насъ глубоко восхитили. Мы видимъ въ этомъ залогъ благоденствія нашей родной промышленности, и смѣемъ надѣяться, что ваше императорское высочество будете высокимъ покровителемъ и ходатаемъ за насъ у государя императора. Да здравствуетъ его императорское высочество государь наслѣдникъ. Ура" [13])!

11 августа 1863 года, Кіевскій митрополитъ Арсеній писалъ Костромскому епископу Платону: „Съ дорогимъ гостемъ поздравляю васъ и благополучной встрѣчѣ и проводомъ его душевно радуюсь. Желалъ бы впрочемъ я для своего собственно назиданія, чтобы вы въ досужный часъ мнѣ написали подробно до мелочей, какъ вы встрѣчали и провожали его, чѣмъ потчивали, или не потчивали, когда онъ удостоилъ васъ своимъ посѣщеніемъ въ вашемъ домѣ. А также о чемъ разговаривали и и долго ли онъ у васъ посидѣлъ" [14])?

V.

2 іюля 1863 года, наслѣдникъ цесаревичъ, черезъ Нерехту, предпринялъ поѣздку въ село Иваново, Владимірской губерніи. Въ 9-мъ часу утра пустились въ путь. Надобно было переѣхать Волгу, на другую сторону къ почтовой дорогѣ, гдѣ были приготовлены дорожные экипажи. У пристани ожидала шлюпка. Переправившись черезъ Волгу, цесаревичъ со свитою, въ шести почтовыхъ экипажахъ, поѣхалъ по большой дорогѣ, обсаженной густыми развалистыми березами. „Вся эта дорога,—свидѣтельствуютъ авторы *Писемъ*,—отъ Костромы до села Иванова, была непрерывнымъ торжественнымъ шествіемъ, непрерывнымъ ря-

домъ такихъ впечатлѣнiй, которыхъ до того времени не доводилось испытывать. Сторона, по которой мы ѣхали, населена чисто Русскимъ племенемъ безъ всякой примѣси. Нельзя было равнодушно смотрѣть на лица, обступавшiя насъ по дорогѣ: то были чистыя, каждому русскому родныя и прiятныя черты Великороссiйскаго племени".

Около полудня, цесаревичъ прiѣхалъ въ Нерехту и остановился въ домѣ городского головы Крейцера. Послѣ завтрака поданы были экипажи, и его высочество поѣхалъ на полотняную фабрику братьевъ Дьяконовыхъ, придворныхъ ея императорскаго величества фабрикантовъ. Почти часъ продолжался осмотръ фабрики, а на дворѣ и вокругъ толпились густыя массы народа, и едва гдѣ въ окнѣ или на лѣстницѣ показывался великiй князь, какъ тотчасъ же поднимался нескончаемый гулъ *ура*, и тысячи шапокъ летѣли вверхъ.

Версты за двѣ до села Иванова, встрѣтилъ цесаревича народъ. Онъ вышелъ изъ села на встрѣчу великому князю. Не доѣзжая Иванова, остановились по сю сторону рѣки, въ Вознесенскомъ посадѣ, въ домѣ купца Зубкова, приготовленномъ для его высочества. Передъ домомъ широкiй лугъ, за лугомъ красуется, точно большой городъ, Иваново съ высокими куполами и колокольнями церквей. Мы — пишутъ авторы *Писемъ*—не могли налюбоваться красивымъ видомъ изъ оконъ и съ балкона на широкiй лугъ и на село Иваново. Но когда стемнѣло и засверкали вдали огоньки иллюминацiи, стало такъ хорошо, что не хотѣлось отойти отъ окна. На площади, передъ домомъ, поставили музыку, и сюда собрался весь народъ на гулянье и на праздникъ. Заиграли *Боже царя храни*, и потомъ завелись хороводы, затянулась Русская хоровая пѣсня. Весело было прислушиваться къ этимъ звукамъ и смотрѣть на хороводы, заплетавшiеся при ночномъ освѣщенiи.

Поздно уже было. Великiй князь, утомленный дорогою и глубокими впечатлѣнiями цѣлаго дня, отправился на отдыхъ. Мы не могли еще уснуть и долго сидѣли у оконъ своихъ въ верхнихъ комнатахъ дома. У каждаго изъ насъ душа была

переполнена всѣмъ тѣмъ, что мы видѣли и слышали, чему были свидѣтелями въ этотъ знаменательный день. Народная мысль и чувство народное выразилось передъ нами въ этотъ день съ такимъ дивнымъ согласіемъ, въ такой поразительной цѣльности и простотѣ, въ такой красотѣ любви народной къ хранителю своего единства и судебъ своихъ, — что мы были потрясены и не умѣли еще справиться съ наплывомъ свѣжихъ впечатлѣній. Этого вечера, конечно, не забудетъ никто изъ насъ: такъ было отрадно чувствовать, что насъ собрала и соединила одна вѣра въ силу и въ будущность великаго народа Русскаго, связало одно горячее желаніе успѣха и возрастанія — безцѣнному Отечеству“.

На слѣдующее утро, въ 8 часовъ, великій князь поѣхалъ осматривать ситцевую фабрику Зубкова. По осмотрѣ, великій князь поѣхалъ въ село Иваново, на фабрику Я. Ѳ. Гарелина, которая по устройству точно также ничего не оставляетъ желать лучшаго, какъ и фабрика Зубкова. Новѣйшія открытія, сдѣланныя во Франціи и Англіи, у нихъ быстро примѣняются къ дѣлу.

„Странное явленіе — замѣчаютъ авторы *Писемъ* — представляетъ Вознесенскій посадъ и село Иваново. Вы въѣзжаете въ большое село, видите массу трубъ фабричныхъ, встрѣчаете настоящіе дворцы Ивановскихъ купцовъ-магнатовъ, стоящіе рядомъ съ покачнувшимися на бокъ избушками, и ѣдете грязными, немощеными улицами, черезъ поломанные и сгнившіе мостики: однимъ словомъ, полное отсутствіе чувства опрятности, чистоты и того комфорта, который бываетъ потребностью всякаго развитого и зажиточнаго общества“.

Отъ Гарелина великій князь поѣхалъ на одно маленькое заведеніе вдовы Гандуриной. Его высочество желалъ лично посмотрѣть производство кустарное, которому скоро придется пасть въ неравномъ бою съ машинами и съ фабриками богатыхъ капиталистовъ. „Вошли мы — пишутъ авторы *Писемъ* — въ скромное, тѣсное помѣщеніе, гдѣ его высочество встрѣтила вдова съ хлѣбомъ и солью, окруженная многочисленными

дѣтьми... Послѣ шипящаго пара, грома машинъ, послѣ огромныхъ моекъ миткаля, гдѣ промываются въ сутки цѣлые десятки тысячь аршинъ, послѣ всего этого гама, шума и гигантскихъ размѣровъ производства, странно было видѣть прародительское производство ситца... Вѣка, казалось, прошли между двумя производствами, между фабрикой Зубкова и избой Гандуриной... Мы присутствовали при послѣднихъ минутахъ стариннаго производства. Помянемъ же добромъ его: оно положило начало благоденствію Иванова и окружающихъ его мѣстностей".

Пребываніе въ Ивановѣ заключилось завтракомъ у Я. Ѳ. Гарелина, на которомъ присутствовали всѣ главнѣйшіе фабриканты Иванова и Вознесенскаго посада и Шуйскіе депутаты; были пріѣзжіе и изъ Москвы.

Послѣ завтрака, цесаревичъ предпринялъ обратный путь черезъ Нерехту. Въ селахъ, изъ церквей, выходили на встрѣчу процессіи съ иконами и хоругвями; изъ домовъ выставляли хлѣбъ-соль. У одного изъ столиковъ его высочество останавливался и отломилъ кусочекъ хлѣба, къ неописанной радости хозяевъ... За Нерехтой пришлось ѣхать уже подъ вечеръ; вечеръ былъ тихій и теплый, что́ придавало еще болѣе спокойствія и торжественности всему видѣнному.

По возвращеніи въ Кострому, 4 іюля, утромъ, его высочество посѣтилъ Костромское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, и съ интересомъ слѣдилъ за всѣмъ засѣданіемъ, происходившимъ подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи Рудзевича. Въ память своего присутствія въ этомъ засѣданіи великій князь оставилъ губернскому присутствію экземпляръ *Положенія* о крестьянахъ съ собственноручною надписью.

Вечеромъ того же дня великій князь простился съ Костромой и поплылъ внизъ по Волгѣ.

5-го іюля, къ обѣднѣ приплыли въ Кинешму. За великимъ множествомъ народа, едва могли пробраться въ соборъ. Послѣ обѣдни цесаревичъ возвратился на пароходъ—и поплылъ далѣе, мимо Юрьевца, Пучежа, Городца и Балахны, въ Нижній.

Поздно вечеромъ подъѣхали къ „окаймленному высокими горами берегу Нижняго. На этихъ высотахъ и уступахъ городъ раскинулся живописнымъ амфитеатромъ, прорѣзаннымъ оврагами, покрытымъ густою зеленью". На берегъ цесаревичъ не выходилъ и провелъ ночь на пароходѣ, потому что ему угодно было проѣхать мимо Нижняго, Окою, въ село Павлово.

VI.

Эпиграфомъ своего описанія села Павлова авторы *Писемъ* поставили слѣдующую старинную пѣснь Павловцевъ:

Ужь ты славное село Павлово,
Слобода графа Шереметева!
Про тебя идетъ слава добрая;
Слава добрая, рѣчь хорошая:
Будто ты село на краю стоишь,
На краю стоишь, на крутой горѣ.
На крутой горѣ, по раздольицу.
Ты на двухъ рѣкахъ, на двухъ быстрыихъ.
Промежду села, бѣжитъ рѣчка Тарычька
Возлѣ бокъ бѣжитъ Ока матушка.
По Окѣ рѣкѣ бѣжитъ лотычька
Легка лотычька, раскрашенная,
Вся гребцами лодка усаженная.
Въ этой лотычькѣ самъ графъ гулялъ
Шереметевъ графъ Борисъ Петровичъ.

Утромъ рано, часу въ 3-мъ, цесаревичъ поплылъ Окою къ селу Павлову, „любуясь высокимъ живописнымъ берегомъ Оки, покрытымъ цвѣтущими, богатыми прибрежными селами". Въ 1-мъ часу по-полудни, подошли къ Павлову.

„Павлово—замѣчаютъ авторы *Писемъ*—лежитъ на правомъ крутомъ и живописномъ берегу Оки, при впаденіи въ нее рѣчки Тарки, красуясь своими богатыми церквами и представляя весьма оригинальный видъ, совершенно отличный отъ нашихъ селъ тѣсною, городскою, можно сказать, постройкою своихъ зданій".

Въ домѣ Шигалева было приготовлено помѣщеніе для наслѣдника.

Авторовъ *Писемъ* пріятно поразилъ удивительный порядокъ съ селѣ Павловѣ. „Порядокъ этотъ—пишутъ они—далеко оставилъ за собою порядокъ во многихъ губернскихъ городахъ.... выборные изъ селянъ люди, сохраняли его съ полною энергіей, съ настойчивостью, безъ всякаго, особенно рѣзкаго рукопашнаго проявленія, но единственно тѣмъ, что умѣли внушить себѣ послушаніе. У этой импровизованной полиціи, можно было бы поучиться полиціи дѣйствительной, какъ кажется, не всегда умѣющей найти золотую середину между совершенною распущенностью, полнымъ равнодушіемъ, сонливостью и совершеннымъ произволомъ и дерзостью. Никогда не забудемъ одной давки, грозившей опасностью многимъ, во время которой, на запросъ полицейскимъ солдатамъ: да что же вы такъ стоите, мы получили въ отвѣтъ: да они (т.-е. народъ) драться изволятъ, а одинъ изъ начальниковъ полиціи, пожимая плечами, сказалъ: ничего не сдѣлаешь—и сдѣлать ничего нельзя—времена не тѣ. Все время виновато, и на этомъ каждый готовъ у насъ успокоиться и сложить руки, конечно, до тѣхъ поръ, когда придетъ не въ моготу, и тогда разыграется опять дикая натура, и пойдетъ костить направо и налѣво, ничего не разбирая, ни праваго, ни виноватаго“.

Прежде осмотра фабричныхъ заведеній, государь цесаревичъ посѣтилъ соборъ, а оттуда поѣхалъ на заведеніе стальнослесарное Варыпаева, одного изъ извѣстнѣйшихъ мастеровъ села Павлова. Здѣсь великій князь много любовался прекрасными хлѣборѣзными и дессертными ножами. Великаго князя заинтересовало также производство мѣдныхъ замковъ, имѣющихъ большое распространеніе по всей Россіи, отъ Сибири до Украйны, и переходятъ въ большомъ количествѣ за наши предѣлы, въ Азію.

Отъ Варыпаева его высочество поѣхалъ къ другому извѣстному мастеру Калякину, заведеніе котораго существуетъ съ 1816 года. Отсюда великій князь поѣхалъ смотрѣть производство мастеровъ, работающихъ у себя на дому или для себя и собственнаго сбыта или по заказу. Великій князь входилъ въ нѣсколько избъ и интересовался подробностями производства

и быта бѣдныхъ тружениковъ. У кузницы одного бѣднаго замочнаго мастера цесаревичъ простоялъ съ четверть часа и выждалъ все производство замочной ручки отъ начала до конца. „Много—замѣчаютъ авторы *Писемъ*—здѣсь было сдѣлано разспросовъ о бытѣ и заработкахъ большинства Павловскаго рабочаго населенія, и нельзя сказать, чтобы полученныя свѣдѣнія были утѣшительны. Общій выводъ тотъ, что оно находится въ совершенной, можно сказать, кабалѣ у своихъ зажиточныхъ согражданъ или у купцовъ, покупающихъ ихъ издѣлія. *Богатые больно насъ одолѣваютъ*—былъ общій отвѣтъ. У большинства населенія всѣ средства въ здоровыхъ рукахъ. Покуда здоровье есть, онъ сытъ и одѣтъ. Заболѣй—и нищета да горе за дверьми... Работа замка, этого главнѣйшаго предмета Павловскаго производства, весьма трудна и вредна для здоровья. Производится она, по большей части, въ сидячемъ положеніи, не отходя отъ верстака... За этой работой сидитъ нерѣдко въ продолженіе восемнадцати часовъ вся семья, даже дѣти, какъ только они окрѣпнутъ. Лѣтомъ воздухъ еще освѣжается, а зимою онъ истощаетъ послѣднія силы. Не забудемъ, что въ тѣсной избѣ помѣщается и верстакъ и горнъ. И за восемнадцать часовъ вырабатываетъ себѣ рабочій не болѣе 25 копѣекъ“!

Созерцая сіе плачевное состояніе бѣдныхъ тружениковъ, авторы *Писемъ* замѣчаютъ: „Помочь здѣсь, конечно, нельзя праздными и безплодными филиппиками противъ капитала; онѣ останутся всегда пустымъ разглагольствомъ, никогда не приводившимъ ни къ какимъ путнымъ результатамъ... Здѣсь могутъ помочь не пустозвонныя рѣчи противъ монополіи капиталистовъ и богачей, но учрежденія общественныя, какъ, напримѣръ, *общественная ссудная касса*, или артель, въ родѣ извѣстной артели столяровъ въ Петербургѣ, основанной Мельниковымъ“.

Великій князь посѣтилъ и выставку издѣлій села Павлова. Кромѣ стальныхъ издѣлій, здѣсь были выставлены произведенія Павловскихъ мыловаренныхъ заводовъ и кожевенныхъ.

„Одно изъ утѣшительныхъ явленій въ Павловѣ,—замѣ-

чаютъ авторы *Писемъ*,—это безспорно нераздѣльность семейнаго труда, гдѣ глава семейства самъ все видитъ и входитъ во всѣ его труды, раздѣляетъ съ нимъ всѣ тяжести, гдѣ вся семья вмѣстѣ трудится. Это служитъ къ упроченію семейной жизни, которая здѣсь отличается строгостью и чистотою нравовъ, и такое утѣшительное явленіе возбуждаетъ еще болѣе желаніе облегчить всѣми возможными средствами участь и матеріальный бытъ бѣдныхъ тружениковъ".

Въ 5-мъ часу государь наслѣдникъ, пожелавъ процвѣтанія и благоденствія трудолюбивому, умному населенію Павлова, сопровождаемый народомъ, взошелъ на пароходъ *Поспѣшный* и двинулся внизъ по Окѣ обратно въ Нижній.

На утро, въ воскресенье, 7-го іюля, снова открылся предъ цесаревичемъ Нижній Новгородъ. Онъ сошелъ на берегъ, и въ 10 часовъ утра отправился къ обѣднѣ, которую служилъ преосвященный Нектарій. Послѣ параднаго обѣда и вечерняго спектакля въ городскомъ театрѣ, онъ простился съ Нижнимъ, переѣхалъ на пароходъ, и къ утру (8 іюля) снялись съ якоря [15]). „Во время пребыванія цесаревича въ Нижнемъ,—пишетъ Ящеровъ,—на Волжскихъ тоняхъ случайно былъ изловленъ огромный осетръ, въ правой жабрѣ котораго оказалась вдѣтой золотая серьга съ надписью, что этотъ осетръ былъ пойманъ во время пребыванія Петра Великаго въ Нижнемъ Новгородѣ, поднесенъ ему и лично имъ выпущенъ вновь въ родную стихію съ этой серьгой. Его высочество приказалъ вдѣть осетру въ лѣвую жабру другую такую же серьгу съ соотвѣтствующей надписью. Осетръ опять былъ отпущенъ въ Волгу, а рыбаку была выдана награда въ двойной стоимости и серьги и самого осетра" [16]).

VII.

Весь день Казанской Божіей Матери, 8 іюля, цесаревичъ пробылъ въ пути и останавливался только на короткое время у пристани въ Козмодемьянскѣ. Здѣсь въ первый разъ явилась

передъ нимъ „пестрая смѣсь населенія; Русскія физіономіи на пристани мѣшались съ Мордовскими и Чувашскими“.

На утро проснулись „съ холодомъ, сыростью, съ мелкимъ дождемъ“. Шли около Свіяжска. Въ Казани оставались только до вечера.

Городское общество поднесло государю цесаревичу девять тысячь рублей, собранные въ пользу раненыхъ „за народное дѣло“. Послѣ обѣда его высочество осматривалъ Николаевскую слободу, построенную здѣшнимъ городскимъ обществомъ въ память пребыванія государя наслѣдника въ Казани, въ 1861 г. Слобода эта назначена для поселенія дворовыхъ людей.

Послѣ осмотра, государь наслѣдникъ поѣхалъ обратно къ пристани пересѣсть на новый пароходъ *Туристъ*, который былъ приготовленъ для дальнѣйшаго путешествія его высочества отъ Казани до Астрахани. „Помѣщенія на новомъ пароходѣ нашемъ—замѣчаютъ авторы *Писемъ*—отдѣланы роскошнѣе, но всѣ мы уже привыкли къ *Поспѣшному* и къ экипажу его, и при разставаніи съ нимъ многіе изъ насъ испытывали чувство подобное тому, какое испытываешь, покидая старый домъ и комнаты, въ которыхъ обжился по домашнему. Не безъ грусти простились мы съ капитанъ-лейтенантомъ Ренненкампфомъ“. Съ Казани занялъ его мѣсто адмиралъ С. И. Моффитъ,—„морякъ извѣстный своею опытностію“. Капитаномъ на *Туристѣ* былъ капитанъ-лейтенантъ Фельдгаузенъ, одинъ изъ питомцевъ и сподвижниковъ Нахимова во время осады Севастополя.

На утро 10 іюля, вошли въ Каму. Въ 6 часовъ вечера прибыли въ Чистополь. Съ пристани государь наслѣдникъ отправился въ соборъ. Изъ собора великій князь проѣхалъ вокругъ по городскимъ улицамъ, и вся масса Татаръ, крестьянъ и рабочихъ повалила за коляской.

12 іюля, наслѣдникъ-цесаревичъ приплылъ къ Симбирску.

„Симбирская губернія—замѣчаютъ авторы *Писемъ*—принадлежитъ къ самымъ значительнымъ по числу дворянскихъ имѣній, и промышленность ея по преимуществу въ рукахъ помѣщи-

ковъ. Это придаетъ особенный видъ городу и общественной его жизни: въ этомъ отношеніи Симбирскъ мы могли противоположить Рыбинску; какъ тамъ всему давало тонъ и во всемъ являлось представителемъ купечество, такъ въ Симбирскѣ дворянство являлось во главѣ того движенія народнаго, которымъ сопровождается повсюду путешествіе наслѣдника-цесаревича".

Вечеромъ, по пріѣздѣ въ Симбирскъ, сопровождавшіе великаго князя отправились въ клубъ, помѣщающійся въ домѣ дворянскаго собранія. „Мы—пишутъ авторы *Писемъ*—вошли въ ту самую минуту, когда все общество толпилось около губернскаго предводителя дворянства, собиравшагося что-то читать. Мы сначала полагали, что это какое-нибудь чисто-домашнее дѣло, и держались было въ сторонѣ изъ скромности, но когда всѣ стали сбѣгаться, когда оставлены были карточные столы, и когда послышались слова: *депеша! депеша!* тогда это магическое въ наше время слово заставило и насъ невольно забыть скромность и вмѣшаться въ общую толпу. Чтеніе началось. Это были двѣ отвѣтныя депеши: одна отъ генерала Муравьева на привѣтствіе и выраженіе сочувствія его дѣйствіямъ со стороны Симбирскаго дворянства; другая—отъ редактора *Московскихъ Вѣдомостей*, въ отвѣтъ на депешу Симбирскаго дворянства, въ которой оно заявляло ему благодарность за выраженіе въ газетѣ тѣхъ чувствъ, которыми, въ настоящее время, преисполнено все Русское дворянство. Поднялись тосты. Упомнить тосты нѣтъ возможности; на нихъ неутомимъ нашъ братъ Русскій человѣкъ".

На слѣдующее утро, великій князь посѣтилъ Симбирское хозяйственное училище для крестьянскихъ дѣвицъ, открытое удѣльнымъ вѣдомствомъ 18 августа 1848 года. Изъ училища великій князь поѣхалъ на заведеніе сельскохозяйственныхъ машинъ купца Зотова. Здѣсь его высочество пробылъ слишкомъ полтора часа и съ величайшимъ вниманіемъ слушалъ простой, безъискуственный разсказъ хозяина, механика—самоучки, о томъ, что навело его на мысль устроить въ Симбирскѣ заведеніе сельскохозяйственныхъ машинъ.

Вечеромъ великій князь поѣхалъ на рысистые бѣга.

„Наконецъ,—пишутъ авторы *Писемъ*,—подошелъ вечеръ, о которомъ такъ много думали и къ которому столько готовились въ Симбирскѣ. Вечеръ этотъ удался вполнѣ. Симбирское дворянство желало сдѣлать свой балъ по возможности интереснымъ и оживленнымъ для дорогого гостя... Праздники, какъ все на свѣтѣ, имѣютъ судьбу свою: судьба этого праздника была счастливая. Балъ Симбирскаго дворянства, по общему отзыву, былъ таковъ, какіе не часто бываютъ и въ Петербургѣ. Всѣмъ безъ исключенія было на немъ весело, всѣ безъ исключенія остались имъ довольны, всѣ вынесли съ собою самыя пріятныя впечатлѣнія... Было какое-то единство и одушевленіе въ чувствѣ, которое связывало всѣхъ присутствовавшихъ на этомъ вечерѣ...

При описаніи бала, авторы *Писемъ*, почтенные профессора Московскаго университета, замѣтили: „Мы не безъ удивленія смотрѣли на прекрасную половину Симбирскаго общества: столько тутъ было красоты и свѣжести! Самые взыскательные кавалеры признавались, что въ этомъ отношеніи Симбирскій балъ могъ поспорить съ любымъ столичнымъ. То-же замѣчаніе относилось къ изяществу и свѣжести туалетовъ. Конечно, что отъ насъ не будутъ ждать подробнаго ихъ описанія; для этого требуется спеціальность своего рода; притомъ, по правдѣ сказать, туалеты были вообще такъ хороши, что трудно одному отдать преимущество передъ другимъ“.

Авторы *Писемъ* продолжаютъ: „Свѣтло уже совсѣмъ, когда мы возвращались домой съ балу, совершенно довольные своими впечатлѣніями. Едва успѣвъ отдохнуть, въ 9-мъ часу утра мы уже ѣхали по дорогѣ къ пристани. На пристани собрались вчерашнія дамы провожать его высочество съ букетами цвѣтовъ. Въ ожиданіи пріѣзда великаго князя, каждый изъ насъ спѣшилъ отыскать свою вчерашнюю даму и подновить впечатлѣнія вчерашняго вечера. Наконецъ, пріѣхалъ великій князь, и каждая дама вручила ему свой букетъ: мы сложили всѣ букеты на столъ передъ рубкою великаго князя. Но на той же

пристани, на окраинахъ, рядомъ съ нарядными дамами, стояли отдѣльною кучкой простыя женщины, тѣ, что дожидались по цѣлымъ часамъ у подъѣзда его квартиры, покуда онъ выйдетъ и пройдетъ мимо. Онѣ не имѣли случая видѣть его вблизи и говорить съ нимъ, но ихъ лица были въ эту минуту также радостны и сіяли тою же улыбкой. На одну изъ нихъ мы долго смотрѣли: конечно, не думая о томъ, что ее замѣчаютъ, стояла онъ въ самомъ углу и со слезами на глазахъ смотрѣла вслѣдъ великому князю и крестила его дорогу, и губы ея двигались и шептали ему, конечно, напутственную молитву.

Пароходъ тронулся. Чѣмъ дальше отъ Симбирска, тѣмъ шире и раздольнѣе становилась Волга съ своими пустынными берегами.

Палимые зноемъ и осыпаемые пылью, прибыли, наконецъ, наши путешественники въ Самару. Великому князю отведено было помѣщеніе въ дворянскомъ собраніи. На другой день, съ утра, обдавало невыносимымъ зноемъ; нечего было и думать о выѣздахъ. По улицамъ гулялъ удушливый жгучій вѣтеръ, поднимая цѣлыя облака пыли. Послѣ полудня вѣтеръ сталъ усиливаться и превратился, наконецъ, въ жестокій вихрь. Къ счастью, онъ продолжался не болѣе 15-ти минутъ; но въ эти пятнадцать минутъ потемнѣло небо отъ густой темножелтой песчаной тучи, и въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія едва можно было отличить предметы. Въ 5-мъ часу назначенъ былъ обѣдъ, устроенный въ честь его высочества Самарскимъ городскимъ обществомъ. Въ галлереѣ около павильона играла музыка оркестра, составившагося изъ остатковъ распущенныхъ помѣщичьихъ хоровъ.

Послѣ обѣда, великій князь ѣздилъ осматривать кумысолѣчебное завѣденіе Постникова, въ семи верстахъ отъ города, и по дорогѣ заѣзжалъ въ другое заведеніе этого же рода, устроенное Анаевымъ. На обратномъ пути его высочество останавливался для осмотра приготовленной тройки верблюдовъ, запряженныхъ въ высокую повозку.

На слѣдующій день, 17 іюля, утромъ, цесаревичъ осматривалъ кобылъ и жеребятъ туземныхъ породъ, представленныхъ княземъ Голицынымъ, вмѣстѣ съ запиской о состояніи коневодства въ Оренбургскомъ краѣ и видахъ на его будущее.

Послѣ обѣда назначена была выставка, устроенная дворянствомъ, по предложенію губернскаго предводителя дворянства Обухова, для ознакомленія наслѣдника-цесаревича съ сельско-хозяйственною торговою и фабричною промышленностью всѣхъ уѣздовъ Самарской губерніи.

Выставка была устроена въ десяти верстахъ отъ Самары, близъ деревни Смышляевки. „Цѣлое народонаселеніе Самары— замѣчаютъ авторы *Писемъ*—перекочевало, казалось, на это время къ выставкѣ, и подъѣзжая къ самому зданію, ясно можно было уже предвидѣть, что осмотръ выставки, стоившей столько трудовъ и заботъ, будетъ весьма затруднителенъ. Съ сокрушеннымъ сердцемъ предчувствовали это, кажется, и почтенные учредители выставки. Никакими усиліями, ни просьбами, ни мольбами, ни угрозами, нельзя было упросить публику отойти подальше и оставить настолько свободнаго мѣста, чтобы можно было съ удобствомъ обходить и осматривать выставленные предметы. Толпы такой конечно бы не было, если бы не пришла кому-то въ голову странная мысль устроить, въ одинъ и тотъ же день и на томъ же мѣстѣ, народный праздникъ со всѣми крѣпительными принадлежностями такого празднества. Мало того, сюда явился даже странствующій содержатель звѣринца, хотя, строго говоря, ему дѣйствительно тутъ не могло быть мѣста, при такомъ множествѣ лошадей, которыя легко могли бы испугаться и надѣлать бѣды въ массахъ толпящагося народа. Слава Богу, что все обошлось благополучно. Но вотъ, заслышалось вдали глухое *ура*, толпы заколыхались, и побѣжали въ разсыпную на встрѣчу этому крику, дружно его подхватывая. Облака пыли кружились въ воздухѣ. *Ура* слышится все ближе и ближе, раза два-три промелькнули въ пыли казачьи пики; *ура* еще громче, толпа движется и медленнѣе, и гуще, едва дозволяя экипажу подаваться впередъ. Еще одно

оглушительное *ура*, и великій князь вошелъ въ зданіе выставки".

Губернскій предводитель дворянства подалъ цесаревичу двѣ карты Самарской губерніи, составленныя при содѣйствіи управляющаго палатою государственныхъ имуществъ Д. С. Протопопова, извѣстнаго своими трудами по хозяйственной статистикѣ.

По свидѣтельству авторовъ *Писемъ*, выставка была устроена „по прекрасно и дѣльно задуманному плану и систематическому порядку, въ которомъ были расположены предметы. Здѣсь видна была опытная рука и просвѣщенный взглядъ на дѣло".

Въ ту же ночь цесаревичъ, съ своими спутниками, отплылъ изъ Самары. Ночь была тихая, свѣтлая, и спутники цесаревича долго не рѣшались покинуть верхнюю галлерею надъ рубкой и спуститься въ душную каюту. Въ 4 часа утра пароходъ остановился подъ Сызранью, у пристани села Батраковъ, гдѣ его высочество принималъ хлѣбъ-соль отъ Сызранскаго общества. Берега Волги, между Самарой и Саратовымъ, оживлены большими селами, и двумя большими живописными городами— Хвалынскомъ и Вольскомъ.

18 іюля, въ 6 часовъ вечера „открылся" передъ цесаревичемъ Саратовъ. Онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ „въ знойную погоду" [17]).

VIII.

Оомъ, въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, пишетъ: „Въ Саратовѣ цесаревичъ помѣстился съ своею свитою въ домѣ князя В. А. Щербатова, въ то время еще губернскаго предводителя. Съ утра же, какъ и въ другихъ городахъ, масса народу стояла предъ домомъ, въ ожиданіи выхода его высочества. Рѣшено было идти пѣшкомъ на выставку мѣстныхъ произведеній. Наслѣдникъ вошелъ въ толпу и подвигался медленно, окруженный свитою. Подходитъ крестьянка съ ребенкомъ на рукахъ и проситъ цесаревича благословить младенца. Его высочество

снялъ кепи и исполнилъ желаніе матери. Вслѣдъ затѣмъ стали подходить и другіе, такъ что пришлось остановиться, и пока цесаревичъ благословлялъ дѣтей, народъ, снявъ шапки, стоялъ какъ вкопанный. Вдругъ, изъ толпы выступаетъ старикъ, лѣтъ восьмидесяти или болѣе, и обращается къ его высочеству съ слѣдующею рѣчью: „Батюшка, ненаглядный ты нашъ, всю жизнь свою молилъ Господа, да сподобитъ Онъ меня хоть разъ взглянуть на кого-нибудь изъ царской семьи. И вотъ, исполнилась молитва моя: вижу тебя, царскаго первенца, благословляющаго младенцевъ. Жить мнѣ недолго, дай же мнѣ благословить тебя на будущее царство. Цесаревичъ вновь снялъ кепи и благоговѣйно преклонилъ голову, которую старикъ осѣнилъ широкимъ знаменіемъ креста, и вслѣдъ затѣмъ упалъ ему въ ноги“ [18]).

На другой день по пріѣздѣ въ Саратовъ, послѣ представленія губернскихъ и городскихъ властей, депутатовъ отъ сословій и волостныхъ старшинъ, государь-наслѣдникъ принялъ „трудолюбиваго изслѣдователя“ Саратовской старины Мордовцева, который представилъ его высочеству нѣсколько важныхъ документовъ, относящихся къ Исторіи Пугачевскаго бунта. Великій князь, по свидѣтельству авторовъ *Писемъ*, „съ любопытнымъ вниманіемъ слушалъ интересные разсказы и объясненія Мордовцева и разсматривалъ принесенные имъ документы“.

Въ тотъ же день Саратовское дворянство давало обѣдъ въ честь цесаревича въ залѣ дворянскаго собранія. Главнымъ представителемъ хозяевъ обѣда былъ Слѣпцовъ, исправлявшій должность губернскаго предводителя.

20 іюля, вечеромъ, часу въ 7-мъ, назначено было испытаніе возовыхъ лошадей, въ присутствіи великаго князя.

Въ воскресенье, 21 числа, великій князь слушалъ литургію въ большомъ соборѣ Св. Александра Невскаго, построенномъ на деньги, пожертвованныя всѣми сословіями Саратовской губерніи, въ память войны 1812 года. Въ понедѣльникъ, 22 іюля, великій князь слушалъ литургію въ институтской

церкви, и послѣ обѣдни съ царскимъ молебномъ простился съ Саратовомъ.

За Саратовомъ Волга становится еще шире и раздольнѣе. На слѣдующее утро подошли къ Сарептѣ. Сама колонія находится верстахъ въ трехъ отъ пристани. Съ той минуты, какъ вступили на берегъ, „начались совершенно новыя впечатлѣнія". У пристани ожидали великаго князя члены правленія евангелическаго братства, съ пасторомъ колоніи. Старшина правленія Битнеръ встрѣтилъ его высочество привѣтственною рѣчью. „Съ перваго взгляда было видно,—замѣчаютъ авторы *Писемъ*,— что мы пріѣхали въ такое мѣсто, гдѣ хозяйничаетъ, распоряжается, и все сдерживаетъ своеобразною дисциплиной элементъ не Русскій. На пристань прибѣжали крестьяне, прибѣжали мальчики и старухи; кромѣ Нѣмцевъ, на пристани стояли рядомъ еще невиданныя нами фигуры Калмыцкихъ гелюновъ въ желтыхъ и оранжевыхъ длинныхъ одеждахъ и въ круглыхъ блюдообразныхъ шапкахъ; на берегу виднѣлись двѣ мужскія и двѣ женскія фигуры въ Калмыцкомъ нарядѣ, верхомъ на верблюдахъ. Все это стояло чинно; разъ только послышался дружный крикъ: *ура!* но затѣмъ все пришло въ порядокъ и молчаніе: видно было, что тутъ отдано было особое приказаніе, заранѣе установленъ чинъ встрѣчи. Нѣсколько колясокъ, дрожекъ и тарантасовъ стояло въ готовности у подъема на высокую гору,—процессія тронулась, и поднявшись на гору, проѣхала сквозь тріумфальную арку съ надписью Willkommen. Передъ нами открылась степь, и повѣяло со всѣхъ сторонъ степнымъ воздухомъ, засвѣжѣвшимъ отъ утренняго дождя и пропитаннымъ ароматами степныхъ травъ. Вдали Сарепта рисовалась передъ нами въ видѣ зеленаго оазиса посреди голой степи".

Государь-наслѣдникъ, сопровождаемый Астраханскими казаками, Калмыками, въ синихъ балахонахъ, верхомъ, на верблюдахъ, гелюнами, въ желтой одеждѣ, верхомъ на лошадяхъ,— въѣхалъ въ Сарепту новыми тріумфальными воротами, и только тутъ, „какъ будто по командѣ", великій князь былъ встрѣ-

ченъ дружнымъ *ура!* которое „не смѣло раздаваться“ во все время поѣзда. Помѣщеніе для его высочества было приготовлено въ домѣ пастората.

Въ рабочемъ, безкапитальномъ классѣ, въ Сарептѣ, авторовъ *Писемъ* поразила „странность ихъ физіономіи—какая-то неподвижность взгляда, какая-то тупость выраженія, особенно у женщинъ и у старухъ; казалось, будто улыбка не можетъ никогда появиться на этихъ лицахъ и освѣтить эти неподвижно—стянутыя черты“.

Послѣ завтрака великому князю доложили, что въ церкви готовится торжественное богослуженіе, и собралась часть братства въ ожиданіи его посѣщенія. Всѣ отправились пѣшкомъ въ церковь. На выбѣленныхъ стѣнахъ висѣла только картина съ изображеніемъ Распятія. Кромѣ прихожанъ, въ церкви помѣстилось, стоя, множество народа; въ числѣ прочихъ тутъ стояли и Калмыцкіе гелюны въ своихъ желтыхъ костюмахъ. Богослуженіе, по чину гернгутеровъ, открылось гимномъ изъ *Сотворенія Міра* Гайдна. Потомъ всталъ съ своего мѣста пасторъ, и вслѣдъ за нимъ поднялось все собраніе. Обратясь лицомъ къ собранію, пасторъ произнесъ торжественнымъ, но монотоннымъ голосомъ молитву о благоденствіи государя, императрицы, наслѣдника и всего царствующаго дома. Послѣ молитвы все собраніе, стоя, пропѣло гимнъ.

Послѣ богослуженія предположено было заняться осмотромъ важнѣйшаго изъ промышленныхъ заведеній въ Сарептѣ, горчичнаго завода Гличъ. Осмотрѣвъ заводъ, великій князь, вмѣстѣ съ своими спутниками, вышелъ на открытую террасу, съ которой открылся прекрасный видъ на всю колонію съ рѣкою Сарпою и на широкую степь вокругъ. Вблизи самой колоніи уже виднѣются кибитки Астраханскихъ Калмыковъ, которыхъ кочевья подходятъ къ дачамъ Сарепты.

Какъ ни мала рѣчка Сарпа,—пишутъ авторы *Писемъ*,—Сарептяне дорожатъ и гордятся ею, соединяя съ нею память о началѣ своей колоніи. Когда первые учредители колоніи отправились, въ 1765 году, въ Царицынъ, осматривать мѣста для

своего поселенія, эта пустопорожняя степь, служившая до тѣхъ поръ мѣстомъ передвиженія и кочевья дикимъ племенамъ Монгольскимъ, вмѣстѣ съ рѣкою Сарпою, напомнила набожнымъ гернгутерамъ странствованіе пророка Иліи, по волѣ Божіей, черезъ пустыню въ мѣстечко Сарепту, и слова, сказанныя имъ вдовѣ сарептянкѣ, что *мука въ ея водоносѣ не оскудѣетъ и чванецъ елея не умалится*. Принявъ эту мысль за указаніе Божіе, они остановились здѣсь, назвали новую колонію Сарептой, и избрали эмблемой для общественной печати сосудъ съ колосьями и масляную кружку подъ масличнымъ деревомъ".

Осмотрѣвъ, послѣ горчичной фабрики Глича, садъ и виноградныя плантаціи Гильденфельда, великій князь, съ своими спутниками, вернулся домой къ обѣду, который былъ приготовленъ въ томъ же домѣ правленія, гдѣ былъ завтракъ. Послѣ обѣда всѣ вернулись въ домъ пастората, гдѣ на балконѣ приготовленъ былъ кофе. По улицѣ проѣзжала между тѣмъ интересная кавалькада изъ Калмыковъ и Калмычекъ на четырехъ верблюдахъ.

Вскорѣ послѣ обѣда его высочество уѣхалъ на пароходъ, а часть его свиты осталась въ Сарептѣ, чтобы подробнѣе осмотрѣть колонію. Оставшіеся пошли гулять „подъ дождемъ по грязнымъ улицамъ". Пройдя площадь, они повернули вправо мимо двухъэтажнаго дома, на которомъ была надпись: *Гостинница для пріѣзжающихъ*. Въ нижнемъ этажѣ помѣщался, повидимому, трактиръ и въ окнахъ виднѣлись „раскраснѣвшіяся фигуры, конечно, не гернгутерскія, а Русскія". На дорогѣ попался сарептянинъ, который вызвался быть путеводителемъ. „Намъ—пишутъ авторы *Писемъ*—совѣстно было сказать ему, что намъ хотѣлось бы побывать въ одномъ изъ домиковъ, которые такъ привѣтливо глядѣли на насъ изъ-за зелени, и посмотрѣть, какъ живутъ Сарептяне дома. Спутникъ нашъ, одинъ изъ здѣшнихъ горчичныхъ фабрикантовъ, предложилъ намъ войти въ его домъ. Десятилѣтній мальчикъ, сынъ хозяина, отворилъ намъ дверь, и любезный хозяинъ провелъ насъ въ большую залу, очень опрятно убранную, увѣшанную картинами

и портретами. Въ одномъ концѣ комнаты стоялъ прекрасный рояль..... Черезъ нѣсколько времени вошла хозяйка, которая всѣмъ намъ показалась очень любезною. Мы слышали, что жизнь гернгутеровъ скучна и тосклива: ничего похожаго на скуку не замѣтили мы въ своихъ хозяевахъ. Они не знали, какъ нахвалиться своею жизнью въ Сарептѣ. Здѣсь, говорили они, мы не знаемъ, что такое скука, и когда бываемъ въ Саратовѣ, ждемъ не дождемся возвращенія домой. Впрочемъ, хозяйка наша выѣзжала изъ Сарепты только разъ въ жизни, но не далѣе Саратова, и то не надолго. Хозяйка привела намъ маленькихъ дѣтей своихъ. Одна шестилѣтняя дѣвочка, Лиза, намъ особенно полюбилась. Она сказала намъ, что утромъ тоже принесла свой букетъ бросить въ коляску наслѣдника, но не достала до коляски, и очень огорчилась, что букетъ ея такъ остался. Мы сказали ей, что возьмемъ ея букетъ, свеземъ великому князю и скажемъ, что ему посылаетъ цвѣты маленькая дѣвочка Лиза. Дѣвочка съ восторгомъ побѣжала и принесла намъ свой букетъ".

Темною ночью, въ проливной дождь, по густой и липкой грязи, возвратились авторы *Писемъ* на пароходъ и „долго еще говорили между собою о Сарептѣ".

IX.

24 іюля, рано утромъ, наслѣдникъ-цесаревичъ, съ своими спутниками, поплылъ въ Астрахань. До Астрахани предстоялъ длинный переѣздъ, болѣе четырехъ сотъ верстъ. Здѣсь берега Волги измѣняются, принимая однообразный степной видъ. У нѣкоторыхъ станицъ пароходъ останавливался, и великій князь принималъ депутацію отъ казаковъ съ хлѣбомъ-солью „Интересно намъ было — пишутъ авторы *Писемъ* — приглядываться къ этому новому для насъ типу Астраханскаго казака, въ которомъ, съ первой половины прошлаго столѣтія, совершается переходъ Калмыцкой и Татарской крови въ Русскую; особенно замѣтно это въ мальчикахъ: изъ нихъ одни имѣютъ чисто Кал-

мыцкую физіономію, въ другихъ совершилось уже смѣшеніе типа Калмыцкаго съ Русскимъ.

Въ Ветлянской станицѣ, великій князь пожелалъ войти въ одну изъ хатъ, посмотрѣть обстановку домашняго быта у казаковъ, и дивился „чистотѣ и опрятности внутри небольшого домика, принадлежавшаго простому казаку". Верстъ за сто, не доѣзжая Астрахани, на луговомъ берегу Волги, показалась Тюменевка,—владѣніе Калмыцкаго нойона Церенъ-Джабъ Тюменя, съ красивымъ ламайскимъ хуруломъ и двухъэтажнымъ деревяннымъ домомъ владѣльца. Здѣсь постоянное жилище владѣльца, обсаженное деревьями и похожее во всемъ на помѣщичій домъ со службами. По смерти владѣльца Тюменя, въ этомъ домѣ никто уже не живетъ, а вдова его съ своими родственницами живетъ въ кибиткахъ, устроенныхъ по-Калмыцки „съ примѣсью Европейскаго комфорта".

Молодая вдова Тюменя встрѣтила великаго князя у входа въ свою кибитку. Типъ ея физіономіи чисто Калмыцкій, „а въ манерахъ—замѣчаютъ авторы *Писемъ*—есть особая складка, не лишенная своего рода граціи".

Въ 5 часовъ вечера показалась вдали Астрахань. За четыре версты до города, на правомъ берегу, на высокомъ холмѣ, раскинуто селеніе Калмыцкій Базаръ. Здѣсь живетъ часть духовенства съ ламою и есть постоянный хурулъ. Передъ селеніемъ собралось къ проѣзду великаго князя все духовенство въ церемоніальныхъ одеждахъ, съ инструментами. Только что поровнялся съ берегомъ пароходъ, какъ раздались звуки богослужебной музыки...

Наконецъ, подплыли къ Астрахани. „Не берусь описывать, — пишетъ одинъ изъ авторовъ *Писемъ*, — какъ встрѣтили великаго князя на пристани; достаточно сказать, что въ теченіе ста сорока лѣтъ, со времени Петра Великаго, въ Астрахани не бывалъ никто изъ Русскихъ государей или ближайшихъ членовъ императорскаго дома, и что масса населенія въ Астрахани состоитъ изъ людей восточныхъ, Азіятцевъ или пришельцевъ изъ разныхъ мѣстъ. Удержать порядокъ и дисци-

плину въ этой разнохарактерной толпѣ и въ такую минуту было въ высшей степени трудно, и потому нельзя довольно надивиться, что мы не слыхали ни объ одномъ несчастномъ случаѣ въ Астрахани. Едва-едва оставалось мѣсто для прохода великаго князя съ пристани къ экипажу, чтобъ ѣхать въ соборъ... Толпа съ трудомъ позволила намъ добраться до губернаторскаго дома... Пріятно было, выйдя изъ этой душной атмосферы, очутиться въ большихъ, высокихъ залахъ губернаторскаго дома. Окна по здѣшнему обычаю были затворены сквозными ставнями и въ комнатахъ было свѣжо и прохладно. Въ этомъ отношеніи, въ Астрахани нашли мы такія удобства, какихъ нигдѣ не было: въ теченіе всего пути намъ угрожали Астраханью, говорили о невыносимомъ тоскливомъ зноѣ и о множествѣ мухъ и комаровъ. Вышло совершенно противное. Прошелъ обильный дождь передъ самымъ нашимъ пріѣздомъ, такъ что именно въ Астрахани пользовались мы, сверхъ ожиданія, прохладою и благораствореніемъ воздуха".

Его высочество, сдѣлавъ смотръ казакамъ и матросамъ, вышелъ въ губернаторскій домъ, который былъ „буквально облѣпленъ народомъ". Великій князь вышелъ на балконъ—и раздались крики въ такомъ тонѣ, который напоминалъ уже объ иномъ діапазонѣ звука. Съ криками сливались еще другіе звуки — отъ хлопанья въ ладоши, чѣмъ иные пришельцы съ востока выражали свой восторгъ, по своему обычаю. „Знакомыя черты Великорусскаго типа—замѣчаютъ авторы *Писемъ*—надо было съ трудомъ отыскивать въ этомъ морѣ головъ иноязычныхъ. Греки, Армяне, Персіяне, Калмыки, Татары—вотъ изъ кого составлялась общая физіономія толпы, покрывавшей площадь".

Глядя на эту толпу, авторы *Писемъ* испытывали отрадное чувство: „явственнѣе, чѣмъ когда-либо чувствовали и понимали, что находятся въ Россіи, въ одномъ изъ отдаленныхъ краевъ великаго царства, сплоченныхъ воедино крѣпкою связью государственной силы и сознаніемъ государственнаго единства". Они чувствовали, что этому смѣшенію *одеждъ и лицъ и нарѣчій* основнымъ тономъ служитъ все-таки великій, созидатель-

ный и собирательный элементъ Русскаго племени. „Мы—продолжаютъ они—сѣли у окна въ боковой комнатѣ, выходившей прямо на улицу. Насупротивъ нашего окна, на другой сторонѣ Московской улицы, расположенъ Персидскій гостиный дворъ: внизу лавки; на верху, во второмъ этажѣ, квартиры постояльцевъ; всѣ окна были украшены пестрыми коврами, и въ каждомъ окнѣ расположилась цѣлая группа фигуръ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ и въ высокихъ Персидскихъ шапкахъ. Въ глубинѣ оконъ, на заднемъ планѣ, обрисовывались другія фигуры, съ чайниками и трубками. Въ одномъ окнѣ видно было какъ старикъ персіянинъ совершалъ по уставу свою вечернюю молитву. Внизу у лавокъ сидѣли неподвижно, скрестивъ подъ себя ноги, другія фигуры".

На слѣдующій день по пріѣздѣ въ Астрахань, утромъ, его высочество принималъ представителей отъ Персіянъ, Армянъ, Калмыковъ, Киргизовъ, Туркменъ, Татаръ. Рядомъ съ послѣдними стояли ихъ муллы, въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ и бѣлыхъ чалмахъ. Полукругъ замыкался представителями ламайскаго Калмыцкаго духовенства, въ желтыхъ и оранжевыхъ одеждахъ, и во главѣ всѣхъ лама въ оригинальной остроконечной шапкѣ, которая напоминала форму шапки Венеціанскихъ дожей. При каждой группѣ находился переводчикъ, посредствомъ котораго его высочество разговаривалъ съ иноязычными людьми,—изъ числа Калмыковъ и Киргизовъ почти всѣ могли сами объясняться по-Русски.

Въ то же утро наслѣдникъ посѣтилъ Армянскій соборъ, гдѣ встрѣтилъ его у входа старецъ архіепископъ съ архимандритами, священниками и діаконами, въ полномъ облаченіи, и по входѣ привѣтствовалъ Армянскою рѣчью; послѣ того былъ молебенъ съ многолѣтіемъ. Служеніе было торжественное. „Мы—пишутъ авторы *Писемъ* — съ любопытствомъ присматривались къ особенностямъ облаченія архіепископа, къ его высокой остроконечной митрѣ и высокому стоячему воротнику, составляющему у Армянъ необходимую принадлежность облаченія высшихъ чиновъ іерархіи".

Въ тотъ же день Астраханское купечество давало въ честь великаго князя обѣдъ въ залѣ гимназіи.

Послѣ обѣда его высочество ѣздилъ въ главную станицу Астраханскаго казачьяго войска, въ четырехъ верстахъ отъ города, на такъ называемый *Казачій Бугоръ*.

27-го іюля, утромъ, послѣ обѣдни, великій князь прибылъ на пароходъ *Астара* и отправился для обозрѣнія работъ, имѣющихъ въ виду важнѣйшую, и въ коммерческомъ, и въ государственномъ отношеніи цѣль—улучшить способы судоходства по мелѣющимъ съ каждымъ годомъ исходамъ Волги въ море. „Пустынны и грустны берега, – замѣчаютъ авторы *Писемъ*,— мимо которыхъ шелъ пароходъ. Они поросли густымъ камышомъ, кишащимъ всякаго рода птицей и гдѣ попадаются нерѣдко кабаны. Отъ комаровъ и мошекъ нѣтъ никакого спасенія, и только калмыкъ, этотъ усердный и почти единственный надежный работникъ въ здѣшнемъ краѣ, можетъ выдерживать эту пытку. И дѣйствительно, Калмыки — это неоцѣненные рабочіе. Куда бы вы ни обратились, вездѣ видится его мѣднокрасное, полуобнаженное тѣло, покрытое не человѣческою кожей, а скорѣе юфтью, недоступною, ни жалу комариному, не поддающеюся ни стужѣ, ни жару. Это Богомъ данная здѣшней мѣстности рабочая сила“.

Въ продолженіе трехчасового плаванія по Камызякскому рукаву, генералъ Ляминъ показывалъ его высочеству чертежи работъ и объяснялъ во всей подробности всѣ частности, до нихъ относящіяся. „Естественно,—пишутъ авторы *Писемъ*, — что съ Камызяка разговоръ перешелъ къ Каспійскому морю, къ его коммерческому и политическому значенію—и тутъ живая книга Каспійскаго моря была на пароходѣ — это почтенный и ученый нашъ гидрографъ Николай Алексѣевичъ Ивашинцевъ. И вотъ, послѣ лекціи о Волжскомъ фарватерѣ, началась новая лекція о Каспіѣ. Но вотъ, *Астара* остановилась у самаго входа въ морской каналъ. Передъ нами разстилался сѣдой Каспій. Вотъ оно бѣдное, забытое море, но которое снова должно скоро открыться и занять приличествующее

ему мѣсто въ дѣлѣ развитія нашей Азіятской торговли и нашего политическаго значенія въ Персіи и въ Туркестанѣ. И снова Русскому человѣку мысленно надо преклониться передъ памятью Великаго Петра, утвердившагося на Персидскомъ берегу, и глубоко понявшему важность и значеніе Астрахани и Каспія въ дѣлѣ Русской торговли и политическаго нашего значенія въ Азіи".

Около 2-го часа, великій князь со свитою возвратился на пароходъ, который немедленно пошелъ въ обратный путь. Часу въ 5-мъ подошли къ Чаганскому учугу и стали на якорь. Большой катеръ присталъ къ пароходу для принятія великаго князя. На катерѣ былъ одинъ изъ компаніоновъ, Макаровъ, со звѣздой льва и солнца. Катеръ присталъ къ плоту. Едва успѣлъ великій князь взойти на плотъ, какъ тотчасъ же понеслись лодки съ ловцами за рыбой — не прошло и полчаса, какъ бо̀льшая часть лодокъ мчались съ добычей къ плоту. Черезъ нѣсколько минутъ на плоту лежали уже цѣлыя груды бѣлуги, осетровъ, севрюги и стерляди.

Послѣ лова и осмотра приготовленія икры, клея и вязиги, великій князь пошелъ смотрѣть выставку рыболовныхъ снастей и орудій. Макаровъ объяснялъ его высочеству значеніе и употребленіе каждой снасти. Потомъ осмотрѣны были огромные выходы и ледники, гдѣ хранятся громаднѣйшіе запасы соленой рыбы всякаго рода.

Послѣ „роскошнаго" обѣда, предложеннаго Макаровымъ, великій князь уѣхалъ на пароходъ. Было уже совершенно темно, когда подходили къ Астрахани. Громкое оглушающее *ура* привѣтствовало возвращавшійся пароходъ.

Въ воскресенье, 28 іюля, наслѣдникъ цесаревичъ слушалъ обѣдню въ соборѣ. Астраханскій соборъ, построенный въ 1698 году, „поражаетъ своими колоссальными размѣрами". Хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ, пѣвшій во время литургіи, принадлежитъ къ лучшимъ, какіе удавалось нашимъ путешественникамъ слышать въ теченіе всей поѣздки.

Послѣ обѣдни, великій князь поѣхалъ осмотрѣть Астра-

ханскій военный портъ. Послѣ осмотра порта, великій князь прибылъ въ 11-мъ часу на пароходъ, который немедленно пошелъ вверхъ къ Царицыну.

„Жаль было — пишутъ авторы *Писемъ* — уѣзжать изъ Астрахани: такъ интересенъ показался намъ городъ со всею его обстановкой. Но и наступившій день обѣщалъ намъ много интереснаго въ Тюменевкѣ, куда располагалъ заѣхать великій князь".

X.

Въ 4-мъ часу утра, показались на береговой линіи узорчатыя верхушки Тюменевскаго хурула, и скоро подъѣхали къ пристани, гдѣ ожидала толпа Калмыковъ въ праздничныхъ платьяхъ. Неподалеку отъ дома, у хурула, ожидало великаго князя полное собраніе ламайскаго духовенства „со всѣмъ арсеналомъ своихъ музыкальныхъ инструментовъ". Внутри полукружія расположились вмѣстѣ съ ламою разнообразные чины ламайскіе, „страннаго вида, въ странныхъ одеждахъ, съ странными, на первый разъ непонятными инструментами въ рукахъ".

Едва показался великій князь,—пишутъ авторы *Писемъ*,— завыли огромныя трубы, точно ревомъ коровы, запищали рожки, загудѣли большіе и малые барабаны, зазвенѣли огромныя мѣдныя тарелки ужаснымъ оглушительнымъ звономъ, и все это составило неслыханное, невѣроятное сочетаніе звуковъ, такое дикое, что мы, въ первую минуту, не могли опомниться отъ изумленія. Мы вошли въ хурулъ.

У самыхъ дверей стояла, въ родѣ привратника, огромная фигура въ красной одеждѣ, и смотрѣла на насъ неподвижнымъ взглядомъ. Отъ дверей во всю длину зданія до главнаго капища шли рядами каменные столбы, и въ этой колонадѣ сидѣли на полу въ два ряда, обратившись другъ къ другу лицами, Калмыцкіе бакши и гелюны съ другими чинами ламайскаго обряда; ряды замыкались у самого капища ламою и главнымъ бакши. Оба сидѣли на низкихъ скамьяхъ и держали въ

рукахъ колокольчики. Мы стали противъ ламы, около самого жертвенника. По бокамъ курились, издавая странный, тяжелый запахъ, цвѣтныя свѣчки, сдѣланныя изъ какой-то смолы. На верху, въ глубинѣ жертвенника, виднѣлась одна позолоченная сидячая фигура: по всей вѣроятности, это изображеніе буддійскаго полубога Шаказмуни, считаемаго родоначальникомъ буддизма. Колокольчикъ имѣетъ весьма важное значеніе въ ламайскомъ богослуженіи: безъ него не совершается ни одна служба. На немъ изображаются символическіе знаки и первая священная молитва буддійская, извѣстная подъ названіемъ *мани*. Лама сидѣлъ неподвижно и только по временамъ двигалъ колокольчикомъ или складывалъ особеннымъ маneромъ пальцы. На главномъ жрецѣ въ ламайскомъ богослуженіи лежитъ важная забота — наблюдать за символикою, которая очень развита и очень сложна въ буддизмѣ, и которую онъ долженъ знать въ совершенствѣ по книгамъ. Въ каждомъ знаменательномъ и патетическомъ мѣстѣ онъ обязанъ выражать смыслъ его извѣстнымъ движеніемъ пальцевъ или одного изъ священныхъ инструментовъ. Молча мы приглядывались и прислушивались; въ хурулѣ было душно и отъ жару, и отъ особой тяжкой атмосферы, напитанной сильнымъ запахомъ бараньяго жира и служебнаго куренья. Еще разъ убѣдились мы, что въ звукахъ ламайской музыки, раздирающей слухъ, есть однакожъ какая-то дикая, своеобразная гармонія. Прибавьте къ этому всю обстановку хурула и рядъ чудовищно-убранныхъ фигуръ, исполнявшихъ музыку. Щеки ихъ надувались, глаза неподвижно смотрѣли на насъ, но въ движеніяхъ, съ которыми приступали они, каждый въ свое время, къ участію въ музыкѣ, и въ расположеніи паузъ, замѣтно было, что каждый слѣдуетъ чину, особо для него назначенному; иногда на минуту музыка прерывалась, и начиналось протяжное пѣніе или произнесеніе словъ молитвы".

Служеніе кончилось, но служившие остались неподвижно на своихъ мѣстахъ, въ ожиданіи выхода присутствовавшихъ. Великій князь спросилъ, есть ли въ хурулѣ священныя книги?

Ему показали ихъ въ длинныхъ связкахъ на верху подъ навѣсомъ жертвенника.

Одинъ изъ гелюновъ досталъ такую связку, и сѣвъ на полъ, принялся ее развязывать. Просили гелюна прочесть что-нибудь, и онъ прочелъ нѣсколько строчекъ „не безъ запинки". Калмыцкое духовенство—замѣчаютъ авторы *Писемъ*—„не славится ученостью, подобно Тибетскому, и никто изъ стоявшихъ передъ нами жрецовъ не выходилъ дальше сферы туземнаго, степнаго обученія. Поэтому можно думать, что никто изъ нихъ не погружался глубоко въ тайны буддизма, и что всѣ они читаютъ свои священныя книги съ запинкою. Притомъ нѣсколько связокъ, которыя мы видѣли въ хурулѣ на верху жертвенника, показались бы, конечно, ученому буддисту жалкимъ отрывкомъ въ сравненіи съ полнымъ канономъ буддійскаго закона. Извѣстно, что ни въ одной религіи масса священныхъ книгъ не достигала и приблизительно такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ въ буддизмѣ. Надолго осталось у насъ впечатлѣніе отъ Тюменевскаго хурула и отъ ламайскаго служенія. Многихъ изъ насъ поразило замѣчательное сходство нѣкоторыхъ обрядовъ его съ католическими; сходство это простирается и далѣе обрядовой части служенія—на церковную дисциплину и церковныя отношенія. Оно поражало всѣхъ ученыхъ и путешественниковъ, занимавшихся изученіемъ буддійской вѣры. Къ сожалѣнію, во время путешествія, съ нами не было капитальныхъ сочиненій о буддизмѣ. Къ счастію однакоже, во время проѣзда нашего черезъ Ярославль, преосвященный Нилъ, одинъ изъ первыхъ въ Россіи изслѣдователей обрядовой части Сибирскаго ламайства, подарилъ намъ свое сочиненіе о буддизмѣ, изданное въ 1858 году; и эта книга, переходя изъ рукъ въ руки, читалась въ нашей каютъ-компаніи съ живымъ любопытствомъ. Когда мы стояли въ Калмыцкомъ хурулѣ, прислушиваясь къ дикой музыкѣ служенія, всматриваясь въ дикія лица и наряды жрецовъ, странно было подумать, что мы видимъ передъ собою представителей одного изъ древнѣйшихъ вѣрованій, видимъ обряды такой религіи, къ которой еще теперь принадлежитъ,

по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, наибольшая по числу доля человѣческаго рода. Мы стояли въ ту минуту передъ лицомъ такого вѣрованія, которое, черезъ двѣ тысячи лѣтъ по смерти своего основателя, считаетъ еще за собою, по примѣрному расчету, около 455 милліоновъ человѣческихъ душъ. Пестрая картина ламайскаго служенія, которую мы видѣли передъ собою, раскрывала передъ нами только внѣшнюю сторону религіи, имѣющей столь важное значеніе въ Исторіи человѣчества, и по всему вѣроятію, немного далѣе внѣшности простирались понятія представителей этой религіи, которые стояли передъ нами. Съ тѣхъ поръ, какъ Калмыцкіе ламаисты прекратили сношенія съ Тибетомъ – центромъ ламаизма, духовенство ламайское потеряло, можно сказать, ключъ къ таинствамъ своей религіи, и погрузилось почти исключительно въ ея обрядностяхъ. Въ этихъ обрядахъ все имѣетъ видъ язычества, и ничто не напоминаетъ о метафизическомъ ученіи Будды. Глядя на идолослуженіе, происходившее передъ нами, кто могъ-бы подумать, что мы стоимъ передъ лицомъ единственной въ своемъ родѣ религіи, религіи, въ основу которой положено начало *атеизма и нигилизма.* При встрѣчѣ съ буддизмомъ, вспоминаемъ невольно, по сродству понятій, объ ученіи новѣйшихъ матеріалистовъ. Здѣсь мы тоже встрѣчаемся съ теоріями, которыя пытаются объяснить міръ и человѣка, отрицая Бога и Провидѣніе, — точно такъ, какъ отрицалъ ихъ Будда; отрицаютъ будущую жизнь, ставя ни во что всеобщее стремленіе цѣлаго человѣчества, и безсмертіе души думаютъ замѣнить безсмертіемъ созданій человѣческихъ; не признаютъ Бога Творцемъ и Владыкою, а на мѣсто Божества ставятъ человѣка, утверждая, что человѣкъ есть единственное существо, въ которомъ безконечное приходитъ къ сознанію о себѣ".

Послѣ хурула и осмотра скота, былъ обѣдъ, Ламы обѣдали особо, за маленькимъ столикомъ, весьма низенькимъ, передъ которымъ они сидѣли на корточкахъ, „точно также неподвижно и съ такимъ же невозмутимымъ спокойствіемъ и самоуглубленіемъ, какъ они сидѣли въ хурулѣ".

Послѣ обѣда начались увеселенія и зрѣлища, устроенныя для великаго князя попечителемъ Калмыцкаго народа К. И. Костенковымъ. Его цѣль была показать великому князю въ продолженіе одного дня всю жизнь и весь бытъ Калмыковъ въ степи.

Вечеръ заключился чаемъ въ кибиткѣ Эльзенъ Тюмень, послѣ котораго великій князь, простившись съ хозяйкой и съ Астраханскимъ обществомъ, перешелъ на свой пароходъ, который долженъ былъ тронуться ночью въ дальнѣйшій путь.

XI.

Весь слѣдующій день, 29 іюля, прошелъ въ обратномъ плаваніи, отъ Тюменевки до Царицына. На слѣдующее утро подошли къ Царицыну. Пароходъ остановился у пристани, возлѣ самой станціи желѣзной дороги. Поѣхали въ соборъ... Послѣ обѣда, который давало въ честь великаго князя Царицынское городское общество, всѣ вернулись ночевать на пароходъ. „Грустно было—пишутъ авторы *Писемъ*—войдти въ опустѣвшія каюты; всѣ наши вещи перевезли уже на желѣзную дорогу. Надо было проститься съ Волгою, съ *Туристомъ*, къ которому мы такъ уже привыкли, и мы прощались съ сожалѣніемъ. Послѣдній вечеръ провели мы на палубѣ, въ виду раздольной рѣки. Вокругъ чайнаго стола собралась вся каютъ-компанія въ старомъ своемъ составѣ: къ ней присоединилось на этотъ разъ новое лицо — инженеръ-полковникъ Валеріанъ Александровичъ Панаевъ, главный распорядитель работъ по Волго-Донской и Грушевской желѣзной дорогѣ, который долженъ былъ сопровождать его высочество до Калачевской пристани. Завязался интересный разговоръ о желѣзной дорогѣ въ здѣшнемъ краю, о Донѣ, объ антрацитовыхъ копяхъ и о пароходствѣ. Слушая разсказы Панаева и разсматривая планы и чертежи его, мы засидѣлись до поздняго часа: ночь была превосходная, тихая, теплая, звѣздная. Передъ отходомъ ко сну мы пошли на берегъ посмотрѣть станцію желѣзной дороги и

походить по платформѣ. Такъ было странно подумать о впечатлѣніяхъ послѣднихъ дней. Сарепта, Каспійское море, Калмыцкое кочевье — и вотъ, рядомъ съ Калмыками, въ голой степи, раздается вдали свистокъ желѣзной дороги. Это былъ ночной поѣздъ изъ Калача въ Царицынъ".

Переѣздъ великаго князя отъ Царицына до Калача по степи скоро окончился. Черезъ два часа, онъ уже прибылъ на Калачевскую станцію. „Виднѣется тихій синій Донъ и дымится пароходъ *Казакъ* у пристани". На пристани ожидалъ великаго князя наказный атаманъ Войска Донскаго, генералъ-адъютантъ Павелъ Христофоровичъ Граббе, въ полной атаманской формѣ. Возлѣ него были: дежурный штабъ-офицеръ Боковъ, адъютантъ атамана Марковъ и чиновникъ особыхъ порученій войсковой старшина Барабанщиковъ. Они оставались при великомъ князѣ во все время путешествія по Дону и очень сблизились съ его спутниками. „Съ особымъ чувствомъ уваженія смотрѣли мы — пишутъ авторы *Писемъ* — на почтеннаго наказнаго атамана и слушали рѣчи его, въ которыхъ нельзя было не распознать сразу и образованнаго ума, и душевной теплоты, и того горячаго одушевленія ко всему доброму и благородному, которое такъ возвышаетъ старость, и придаетъ ей такую привлекательность въ глазахъ молодого поколѣнія... Мы и полюбили его сердечно" [19]).

Оомъ, въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, пишетъ: „Когда мы, 31 іюля, прибыли въ Калачъ, и цесаревичъ встрѣченъ былъ тамъ наказнымъ атаманомъ Войска Донскаго Павломъ Христофоровичемъ Граббе, характеръ нашего плаванія по Дону и пребыванія въ станицахъ совершенно былъ иной, болѣе уютный, семейный, потому что до Новочеркасска не было по всему пути ни одного губернскаго города, а останавливались въ станицахъ, въ скромныхъ весьма помѣщеніяхъ, или въ становыхъ управленіяхъ, или у зажиточныхъ казаковъ; плыли не на большихъ пароходахъ, а на маленькихъ съ тѣсными помѣщеніями; главная же причина этой перемѣны заключалась въ личности генерала Граббе.

Онъ, не разставаясь съ цесаревичемъ до Старочеркасска, вошелъ какъ бы въ нашу семью и, несмотря на преклонныя лѣта, на высокое положеніе свое и держа себя съ необыкновеннымъ достоинствомъ (даже въ осанкѣ его и манерѣ выражаться былъ рыцаремъ въ полномъ смыслѣ слова), съумѣлъ съ первой встрѣчи обворожить всѣхъ. Цесаревичъ привязался тотчасъ же къ нему всею душою и былъ къ нему въ высшей степени внимателенъ" [20]).

Послѣ завтрака на Калачевской станціи, великій князь сѣлъ на пароходъ *Казакъ*. Пароходъ тронулся. „Сразу почувствовали мы,—пишутъ авторы *Писемъ*,—что насъ несутъ уже мелкія воды тихаго Дона"... Часу въ 4-мъ показалась станица Нижнечирская, въ которой назначена была первая продолжительная остановка. Здѣсь великій князь провелъ цѣлыя сутки и въ первый разъ увидѣлъ вблизи „физіономію казацкой станицы".

На утро 1 августа, по случаю праздника, великій князь былъ у обѣдни. Послѣ обѣдни былъ крестный ходъ на воду къ пристани.

Въ тотъ же день дворянство округа давало обѣдъ въ честь его высочества [21]).

Оомъ, въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, передаетъ слѣдующую любопытную подробность объ этомъ обѣдѣ: „Послѣ сладкаго блюда, цесаревичъ вышелъ изъ комнаты и, тотчасъ возвратясь въ столовую съ трубкою и горящимъ фителемъ, предложилъ Граббе закурить трубку. Старикъ, глубоко тронутый такимъ вниманіемъ, никакъ не хотѣлъ, чтобы цесаревичъ держалъ фитиль при закуриваніи трубки.—Какъ, ваше высочество, вы ходили за трубкой для меня? Этого вниманія я не заслужилъ; благоволите закурить ее сами, я же подержу фитиль. *Нѣтъ, Павелъ Христофоровичъ*,—замѣтилъ наслѣдникъ,—*молодой казакъ съ удовольствіемъ служитъ почтенному наказному атаману своему. Вы не имѣете права отказать мнѣ въ этой услугѣ.* Граббе прослезился и принялъ предложеніе" [22]).

Вечеромъ, послѣ прогулки верхомъ, великій князь пере-

ѣхалъ на пароходъ, и простился съ Нижнечирскою станицей, которая оставила во всѣхъ „самое пріятное воспоминаніе“.

Утромъ, часу въ 10-мъ, поровнялись съ Потемкинскою станицей, преемницею старой станицы Зимовейской, изъ которой вышелъ Пугачевъ. Послѣ обѣда всѣ собрались на палубу. Вдали открывалась Цымлянская станица. Когда подъѣхали ближе, станица стала обозначаться явственнѣе, и берега запестрѣли виноградниками. Въ эту пору Цымлянская станица была особенно оживлена ярмаркой. Квартира его высочеству была въ домѣ Копылкова, отставного войскового старшины и перваго здѣшняго винодѣла. Вечеромъ, послѣ чаю, „мы - пишутъ авторы *Писемъ*—вышли на террасу и любовались тихою звѣздною ночью. Для сѣверныхъ жителей особенно пріятно дышать мягкимъ и теплымъ воздухомъ здѣшней ночи. Гостепріимный хозяинъ принесъ намъ на пробу нѣсколько бутылокъ вина, которымъ славится здѣшняя станица и въ особенности славятся его виноградники“ [23]). Но вниманіе В. А. Панаева обратили на себя двѣ бутылки Цымлянскаго, принесенныя хозяиномъ, которыя „онъ берегъ для выдающагося случая и которыя выдерживались, какъ онъ сказалъ, пятьдесятъ лѣтъ. Вино оказалось чистымъ нектаромъ, имѣло цвѣтъ коричневый, вкусъ мягкій, по виду маслянистое и подходило къ превосходному венгерскому. Несмотря на его мягкость, вино было крѣпко, такъ что всѣ мы не могли выпить и полторы бутылки“ [24]).

На другой день, рано утромъ, великій князь отправился верхомъ вдоль по берегу, на которомъ сплошною линіей расположены станичные виноградники. Проѣхавъ верстъ десять вдоль виноградниковъ, великій князь съ своими спутниками остановился у одного сада, гдѣ живетъ самъ хозяинъ, старый казакъ, пропитываясь рыболовствомъ и садомъ.

Послѣ обѣда, до отъѣзда на пароходъ, великій князь осматривалъ станичный табунъ. Въ ожиданіи выѣзда цесаревича, передъ его квартирою, на дворѣ, „собралась толпа народа: казаки стояли съ одной стороны, женщины и дѣти съ другой; передъ воротами расположились другіе люди. Тутъ

стояло множество возовъ, запряженныхъ волами; возчики остановились на дорогѣ и усѣлись около возовъ своихъ въ ожиданіи, между возами нѣсколько экипажей, дрожекъ и тарантасиковъ съ семействами станичныхъ чиновниковъ. Вдругъ, вся эта масса зашевелилась; изъ воротъ выѣхали всадники, впереди великій князь въ своей казацкой формѣ, за нимъ свита, станичные чиновники и казаки; они понеслись по равнинѣ къ табуну и вслѣдъ за ними въ разсыпную побѣжала и поѣхала пестрая толпа въ томъ же направленіи, поднимая облака пыли“.

Стемнѣло уже, когда великій князь съ своими спутниками вернулся къ ночлегу на пароходъ, и народъ хлынулъ къ пристани. Скоро совсѣмъ опустилась ночь и сверху засіяла яснымъ звѣзднымъ небомъ. На палубѣ стало „очень хорошо“.

Утромъ 4 августа, показалась Романовская станица, расположенная въ голой степи. День былъ воскресный, и обѣдню великій князь слушалъ въ станичной церкви, а затѣмъ, въ сопровожденіи всего населенія станицы, отправился къ Калмыцкимъ кибиткамъ, разбитымъ неподалеку отъ станицы въ степи. Къ Романовской станицѣ примыкаетъ земля, отведенная для Калмыковъ Войска Донского, въ количествѣ слишкомъ милліона десятинъ. Всѣ конскіе заводы на Дону пользуются Калмыками, какъ „самыми ловкими табунщиками“.

У походнаго хурула, помѣщеннаго въ большой кибиткѣ, Калмыцкое духовенство, то-есть, всѣ гелюны вмѣстѣ съ бакши, главнымъ своимъ начальникомъ, встрѣтило великаго князя музыкою, подобно той, которую слышали въ Тюменевкѣ.

„Калмыки Донского Войска—замѣчаютъ авторы *Писемъ*—гораздо зажиточнѣе Астраханскихъ. Это замѣтно было и по устройству хурула, и по физіономіямъ и костюму духовенства. Намъ сказывали, что и здѣсь, на Дону, Калмыцкое духовенство имѣетъ сильное вліяніе на народъ и очень богато“.

Лишь только кончилось служеніе и присутствовавшіе вышли изъ хурула, какъ всѣ „священнодѣйствовавшіе поспѣшили сѣсть на коней и лихими наѣздниками поскакали“ вслѣдъ за

великимъ княземъ въ степь, смотрѣть большой табунъ бакши, пригнанный къ этому случаю къ станицѣ.

Прямо со степи великій князь съ своими спутниками вернулся на пароходъ и поплылъ далѣе. Остановился вечеромъ у Константиновской станицы, гдѣ приходилось перегружаться на другой пароходъ *Атаманъ*, ожидавшій великаго князя у пристани.

Тутъ оставались до разсвѣта. Когда стемнѣло, собрались на палубѣ „около почтеннаго наказнаго атамана", слушая его разсказы.

XII.

Въ 10-мъ часу утра, 5 августа, на *Атаманѣ* послышалось: *станица!* и музыканты на палубѣ заиграли старый казацкій маршъ 1812 года, съ которымъ обыкновенно подъѣзжали къ каждой станицѣ. Подъѣхали къ станицѣ Раздорской,—„коренному гнѣзду Донского казачества". На пристани стоялъ станичный атаманъ, возлѣ стола съ хлѣбомъ-солью и съ огромнымъ блюдомъ винограда, которымъ славится Раздорская станица. Самыми лучшими винодѣлами здѣсь, въ станицѣ, и едва ли не на всемъ Дону, считались здѣшніе священники Поповъ и Бондаревскій.

За Раздорскою станицей, слѣдующая пристань была въ станицѣ Мелиховской. Здѣсь останавливались не надолго и спѣшили въ станицу Старочеркасскую.

Въ 4-мъ часу утра пополудни подъѣхали къ Старочеркасску. Здѣсь было до 1805 года главное управленіе Войска Донского.

Прямо съ пристани великій князь проѣхалъ въ величественный Воскресенскій соборъ. Послѣ молебна почтенный священникъ соборный, о. Левитскій, любитель и знатокъ историческихъ древностей здѣшняго края, показывалъ и объяснялъ его высочеству достопримѣчательности храма. На паперти, у самыхъ дверей церковныхъ, съ обѣихъ сторонъ висятъ желѣз-

ная цѣпь и массивные наручники. Этою цѣпью прикованъ былъ къ церковнымъ дверямъ Стенька Разинъ, когда его привезли послѣ поимки въ Черкасскъ.

Изъ собора великій князь поѣхалъ въ Донской дѣвичій монастырь, образовавшійся въ 1836 году изъ домовой церкви Ефремовыхъ.

Въ Черкасскѣ—замѣчаютъ авторы *Писемъ*—„нѣтъ роскошныхъ домовъ, но его высочеству приготовлена была удобная квартира въ домѣ торговаго казака Жученкова. Здѣсь, какъ и вездѣ на Дону, гдѣ мы ни бывали, лучшимъ украшеніемъ комнатъ служили старинныя, въ богатыхъ окладахъ, иконы".

Послѣ обѣда, вслѣдъ за великимъ княземъ, всѣ поѣхали гулять верхомъ по станицѣ и по берегу Дона. Вечеръ уже оканчивался, когда кончилась прогулка: въ церквахъ звонили ко всенощной на Преображеньевъ день.

На слѣдующій день, 6 августа, его высочество былъ у обѣдни, у праздника, въ Преображенской церкви, которая тоже принадлежитъ къ историческимъ памятникамъ Старочеркасска. Литургію совершалъ старый священникъ.

На слѣдующій день, 7 августа, великій князь выѣхалъ изъ Старочеркасска.

Верстахъ въ семи отъ Стараго Черкасска, внизъ по рѣкѣ, проѣхали мимо мѣста, знаменитаго въ Исторіи Дона, мимо, такъ-называемаго, Монастырскаго Урочища. Здѣсь, — пишутъ авторы *Писемъ*,—въ исходѣ XVI-го столѣтія, казаки построили укрѣпленный городокъ съ богатой часовней: сюда удалялись на монастырское житье дряхлые и увѣчные казаки доживать свой вѣкъ на покоѣ и въ молитвѣ послѣ военныхъ походовъ. Таковъ былъ старый обычай на Дону. У казаковъ было, сверхъ того, два монастыря, которые они считали своими: одинъ Никольскій, ниже Воронежа, другой—Рождественскій Чернѣевъ, въ Шацкѣ. Сюда тоже, какъ въ инвалидный домъ, удалялись на житье старые казаки. Въ этихъ же монастыряхъ хранили они казну свою и дорогія вещи. Но Монастырское Урочище

считалось домашнею святыней: черезъ Монастырское казаки всегда ходили внизъ по Дону на ратное дѣло; сюда старались они вывозить тѣла товарищей, убитыхъ въ басурманской землѣ, и предавали ихъ честному погребенію въ Монастырскомъ".

Отъ Старочеркасска до Аксая не болѣе часу ѣзды на пароходѣ, и этотъ переѣздъ—замѣчаютъ авторы *Писемъ*—„былъ необыковенно пріятенъ. Мы не сходили съ палубы, глазъ не хотѣлось отвести отъ прекрасныхъ видовъ. разстилавшихся около насъ по обѣ стороны рѣки".

Въ Аксайской станицѣ великій князь пробылъ цѣлый день.

На другой день, въ 9 часовъ утра, послѣдовали въ Новочеркасскъ, по только что оконченной желѣзной дорогѣ, между Аксайской станицей, Новочеркасскомъ и Грушевкою. Поѣздъ сопровождалъ начальникъ и строитель дороги, полковникъ Валеріанъ Александровичъ Панаевъ. Съ небольшимъ въ часъ паровозъ домчалъ до Новочеркасска.

„Не безъ волненія — пишутъ авторы *Писемъ* — вышли мы на платформу, гдѣ все уже было готово къ встрѣчѣ государя-наслѣдника, ѣхавшаго принять, по старому торжественному обряду казацкому, знаки атаманскаго достоинства въ войсковомъ кругѣ. Великій князь вышелъ изъ вагона въ полной атаманской формѣ съ Андреевскою цѣпью на груди, въ Александровской лентѣ. На платформѣ ожидали его наказный атаманъ со всѣмъ своимъ штабомъ, трубачи, бунчужные и казаки. Наслѣднику подвели коня, и онъ поѣхалъ верхомъ, сопровождаемый всѣмъ штабомъ и толпами народа, между рядами казаковъ. Между тѣмъ, давно уже изготовилась большая площадь, на которой должно было происходить торжество. Заѣхавъ впередъ, мы съ трудомъ умѣстились на паперти соборной. Преосвященный Іоаннъ со всѣмъ духовенствомъ, въ бѣлыхъ ризахъ, ожидалъ прибытія великаго князя.

Передъ самымъ входомъ въ соборъ расположенъ былъ полукружіемъ, такъ-называемый, войсковой кругъ, то-есть, собраніе войсковыхъ регалій. Здѣсь собраны были: гербъ, жалован-

ный Новочеркасску, всѣ станичныя знамена, бунчукъ атаманскаго полка 1814 года, бунчуки Дмитіря Солунскаго и Животворящаго Креста, пожалованные Войску Петромъ I, грамоты царскія, начиная съ 1706 года, сабля императора Александра I, пожалованная Войску Николаемъ I, и всѣ войсковые клейноды, то-есть, насѣка и бунчукъ Петра I, перначъ Петра I, булава и бунчукъ Екатерины II. Всѣ эти регаліи взяты изъ войсковаго правленія, въ 8 часовъ утра, въ полномъ собраніи генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и ближайшихъ станичныхъ атамановъ, и вынесены на площадь въ торжественной процессіи; за регаліями слѣдовалъ наказный атаманъ, имѣя въ рукѣ насѣку Екатерины II, а за нимъ чиновники, члены Новочеркасскихъ присутственныхъ мѣстъ и станичные атаманы. На встрѣчу процессіи вышло изъ собора духовенство, и изъ регалій образовался кругъ. Былъ уже 11-й часъ утра, когда на площадь выѣхалъ великій князь, въ сопровожденіи всего штаба. Наступила торжественная минута. Сойдя съ лошади, онъ вошелъ въ кругъ, и заколыхалась съ криками необозримая масса казаковъ и народа, склонились стоявшія кругомъ знамена, зазвонили колокола и раздались пушечные выстрѣлы. Великій князь, принявъ благословеніе отъ преосвященнаго Іоанна, пошелъ изъ круга къ собору. Въ соборѣ совершено было торжественное молебствіе, и затѣмъ великій князь вышелъ изъ собора обратно на площадь, къ накрытому въ самой срединѣ круга столу; здѣсь, на блюдѣ лежалъ знакъ атаманскаго достоинства, золотой перначъ или насѣка императрицы Екатерины II, которую, по обряду, принимаетъ наслѣдникъ Русскаго престола, когда вступаетъ, по указу императора, въ званіе атамана. Наказный атаманъ поднесъ его высочеству блюдо, съ котораго великій князь принялъ перначъ,—знакъ атаманскаго достоинства,—поднялъ его и громкимъ звучнымъ голосомъ, долетавшимъ до самыхъ отдаленныхъ концовъ площади, произнесъ слѣдующія слова: *По волѣ государя императора, я принимаю знаки атамана Войска Донского. День этотъ останется навсегда памятенъ въ моей*

жизни. Да послужитъ это знакомъ взаимнаго довѣрія между доблестнымъ Войскомъ и вашимъ атаманомъ".

Въ этотъ же день появился слѣдующій собственноручно написанный государемъ наслѣдникомъ приказъ по Войску Донскому:

„Повелѣніемъ великаго государя и августѣйшаго родителя моего, я принимаю сегодня въ войсковомъ кругѣ знаки атамана Войска Донскаго.

Десять дней, проведенные мною среди доблестнаго Войска, сблизили меня со многими изъ достойныхъ сыновъ его и съ героемъ, наказнымъ атаманомъ вашимъ. Находясь среди васъ, узнавъ васъ ближе, я понялъ всю важность званія атамана вашего. Вѣрьте, храбрые Донцы, что вы близки моему сердцу, что я горжусь вами и молю Всевышняго, да сохранитъ Онъ васъ на будущія времена тѣмъ, чѣмъ вы всегда были для славы любезнаго намъ Отечества. Атаманъ Николай" [25]).

По окончаніи церемоніи, великій князь отправился въ домъ графа Платова, гдѣ приготовлено было для него помѣщеніе. „Въ первый разъ на Дону — пишутъ авторы *Писемъ* — увидѣли мы новый, большой городъ,— городъ, возникшій по волѣ графа Платова. И въ то время общее мнѣніе на Дону не одобряло этого выбора, но волѣ графа Платова все должно было подчиниться. Говорятъ, что трудно найти на Дону мѣсто менѣе удобное для основанія города, единственнаго города въ Войскѣ".

„Нужно замѣтить, — писалъ Оомъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*,—что въ это время въ полномъ разгарѣ было Польское возстаніе, и слухи, до насъ доходившіе, были весьма тревожны. Опасались войны, и цесаревичъ неоднократно говорилъ намъ послѣ прочтенія писемъ, приходившихъ изъ Петербурга, что насъ вернутъ, и что мы въ Крымъ не поѣдемъ. Въ то же время говорилось въ Петербургѣ также о стремленіи Донскихъ казаковъ къ автономіи и даже независимости. Въ Новочеркасскѣ же услышали мы совсѣмъ иное. Всѣ казаки твердили въ одинъ голосъ, что это клевета, что слухъ этотъ былъ под-

нятъ и распространенъ лицомъ, которое, для пріобрѣтенія бо́льшаго вѣса въ столицѣ и въ глазахъ государя и для скорѣйшаго достиженія цѣли, то-есть, назначенія наказнымъ атаманомъ, сбивалъ съ толку казаковъ, обнадеживая ихъ разными инсинуаціями, и въ то же время доносилъ въ Петербургъ о мнимыхъ волненіяхъ въ населеніи Земли Войска Донскаго и предлагалъ совѣты свои для успокоенія умовъ. Это былъ бывшій начальникъ штаба Войска... Но всѣ эти толки улеглись при начальникѣ, каковъ былъ генералъ Граббе, невозмутимо спокойномъ".

Эти строки Оома бросаютъ тѣнь на почтенное имя князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова, бывшаго начальникомъ штаба наказнаго атамана Хомутова.

Въ оправданіе князя Дондукова-Корсакова, слѣдуетъ замѣтить, что въ концѣ 1861 года, наказный атаманъ Хомутовъ получилъ секретно записку военнаго министра Д. А. Милютина о преобразованіи, которое предполагается сдѣлать въ Войскѣ Донскомъ, при чемъ долженъ былъ быть уничтоженъ особый бюджетъ Войска, которое по этому случаю лишалось винныхъ и соляныхъ доходовъ. Зимой 1862 года, князь Дондуковъ-Корсаковъ былъ въ Петербургѣ и передъ отъѣздомъ своимъ подалъ, помимо военнаго министра, частную записку государю, гдѣ высказывалъ пагубныя послѣдствія реформы и возможныя волненія въ Донскомъ казачествѣ. Секретная записка, по свидѣтельству В. А. Панаева, „была переписана во многихъ экземплярахъ и распространена между простымъ казачествомъ, и тамъ распространился слухъ, что казаковъ хотятъ обратить въ государственныхъ крестьянъ".

Вслѣдъ за этою запиской, генералъ маіоръ Ѳоминъ былъ назначенъ начальникомъ штаба наказнаго атамана Войска Донскаго, а князь Дондуковъ-Корсаковъ — начальникомъ кавалерійской дивизіи въ Воронежѣ, но туда не поѣхалъ и вышелъ въ отставку" [26]).

XIII.

На другой день, 9 августа въ 9 часовъ утра, великій князь посѣтилъ Новочеркасскія присутственныя мѣста, которыя всѣ помѣщаются въ огромномъ трехъэтажномъ домѣ. Руководителемъ этого осмотра былъ старшій членъ войскового правленія Хоперскій. „Одна изъ главныхъ особенностей здѣшняго гражданскаго управленія, — замѣчаютъ авторы *Писемъ*, — и вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ привилегій, которыми особенно дорожатъ казаки, — есть обширное примѣненіе выборнаго начала".

Въ 4 часа, былъ данъ въ дворянскомъ собраніи цесаревичу обѣдъ отъ дворянъ Войска Донскаго. Въ отвѣтъ на тостъ, поднятый за его здоровье, цесаревичъ поднялъ бокалъ и „звучнымъ, твердымъ голосомъ" произнесъ: „Позвольте поблагодарить за радушіе и гостепріимство. Оно останется навсегда въ моей памяти. Повторяю опять — да будетъ всегда довѣріе между Войскомъ и его атаманомъ". Потомъ его высочество прочелъ депешу государя слѣдующаго содержанія: „Скажи моимъ Донцамъ, что я тебѣ поручилъ благодарить ихъ за всегда вѣрную и храбрую ихъ службу. Товарищи ихъ и теперь это доказываютъ на дѣлѣ, и въ Польшѣ, и на Кавказѣ. Мнѣ остается желать, чтобы новое поколѣніе слѣдовало примѣру отцовъ и дѣдовъ, и я убѣжденъ, что это такъ и будетъ". Громкое *ура* было отвѣтомъ. Съ особеннымъ одушевленіемъ были прослушаны слѣдующія слова цесаревича: „Выпьемъ же, товарищи, теперь за нашихъ общихъ товарищей Донцовъ, проливающихъ кровь свою за царя и Отечество противъ Польскихъ мятежниковъ". Все слилось „въ одинъ общій восторженный кликъ, старые воины утирали слезы".

10 августа, утромъ, цесаревичъ посѣтилъ гимназію. „Въ цѣломъ устройствѣ этого заведенія — замѣчаютъ авторы *Писемъ* — видно присутствіе опытной и твердой руки, которая ведетъ его какъ велитъ педагогическая опытность и серьезный взглядъ на

дѣло, не увлекаясь тѣми бреднями и модными взглядами, отъ которыхъ пострадало уже не одно заведеніе и развращено не малое число юношества“.

Къ сожалѣнію, направленіе Новочеркасской гимназіи не было господствующимъ.

По возвращеніи въ Москву, И. К. Бабстъ, въ Англійскомъ клубѣ, разсказывалъ С. М. Сухотину „про то несчастное, нигилистическое направленіе большинства учителей губернскихъ гимназій и наставницъ женскихъ учебныхъ заведеній, которое онъ замѣтилъ въ продолженіе своего путешествія съ наслѣдникомъ“.

Послѣ гимназіи, великій князь посѣтилъ состоящее при ней отдѣленіе восточныхъ языковъ, учрежденное въ 1850 году, съ цѣлью образовать переводчиковъ для Кавказской арміи, и вызвано „настоятельною необходимостью для Кавказскаго управленія имѣть надежныхъ людей для сношеній съ туземцами“. Авторы *Писемъ* справедливо замѣчаютъ, что, „къ стыду нашему, у насъ, въ Россіи, мало знаютъ объ этомъ прекрасномъ заведеніи, но о которомъ упоминала не одинъ разъ *Times*. Этой газетѣ, какъ и слѣдовало ожидать, не очень нравится практическое направленіе училища восточныхъ языковъ, и притомъ между казаками, ближайшими сосѣдями Кавказскихъ горцевъ“. И полезное заведеніе это уже не существуетъ!

Посѣтивъ еще Маріинскій Донской институтъ и тюремный замокъ, великій князь вернулся домой, но въ 5-мъ часу предстоялъ еще большой обѣдъ отъ Новочеркасскихъ торговыхъ казаковъ, то-есть, отъ купечества.

Обѣдъ торговыхъ казаковъ также отличался радушіемъ и веселостью. Въ концѣ обѣда торговый казакъ Сербиновъ, обратясь къ его высочеству, просилъ позволенія обществу заявить свои чувства по случаю посѣщенія великаго князя пожертвованіемъ пяти тысячь рублей въ пользу раненыхъ.

Вечеръ этого дня былъ прощальный: на утро надо было выѣзжать изъ Новочеркасска.

„Мы—пишутъ авторы *Писемъ*—съ сожалѣніемъ покинули

Новочеркасскъ, вынося изъ него самыя пріятныя воспоминанія. Во время плаванія и въ станицахъ мы имѣли случай говорить о краѣ съ людьми, хорошо его знающими; ближайшее знакомство съ Дономъ, не по книгамъ и журнальнымъ статьямъ, а по живымъ людямъ, оставило въ насъ отрадное ощущеніе живой связи здѣшняго края съ общею матерью Россіей: въ здѣшнихъ людяхъ течетъ истинно-Русская кровь и бьется истинно-Русское сердце".

11 августа утромъ, послѣ обѣдни, великій князь отправился, по желѣзной дорогѣ, въ Грушевку, на копи.

Послѣ осмотра шахтъ, слѣдовалъ завтракъ въ павильонѣ, при чемъ государь наслѣдникъ цесаревичъ провозгласилъ тостъ за преуспѣяніе *правильной* разработки антрацита.

Во 2-мъ часу, великій князь, съ своими спутниками, пустился въ путь. Въ началѣ 5-го часа, пароходъ присталъ къ Нахичевани. „Едва успѣли мы—пишутъ авторы *Писемъ*—оставить за собою казачество, какъ очутились посреди густой толпы восточнаго населенія, встрѣтившей великаго князя громкими криками и хлопаньемъ въ ладоши, на Азіатскій манеръ. Вокругъ его коляски скакали удалые наѣздники Армяне, въ военномъ костюмѣ и огромныхъ бѣлыхъ папахахъ, и на проѣздѣ по улицамъ большого города изъ всѣхъ оконъ, богато убранныхъ пестрыми коврами, смотрѣли на насъ женщины и дѣтскія лица въ пышныхъ полуевропейскихъ, полуазіатскихъ костюмахъ. Между молодыми женщинами много попадалось лицъ замѣчательной красоты".

Изъ собора, послѣ молебствія, великій князь прибылъ въ домъ Аладжанова, прямо „къ пышному" обѣду. „Несмѣтная толпа—пишутъ авторы *Писемъ*—окружила домъ Аладжанова, и какъ только великій князь показывался у окна, привѣтствовала его тѣми оглушительными криками, съ которыми только Астраханскіе крики и рукоплесканія могли идти въ сравненіе. Къ концу обѣда начинало уже темнѣть; нельзя было долѣе медлить, потому что въ тотъ же вечеръ ждали великаго князя въ Ростовѣ на Дону, и мы спѣшили возвратиться на пароходъ

сквозь толпы народа, съ жадностью тѣснившагося у пристани. Еще разъ мелькнули передъ нами улицы Нахичевани, нарядныя красавицы въ окнахъ, красивыя дѣти, смотрѣвшія на насъ со всѣхъ сторонъ большими, черными, любопытными глазами, наѣздники въ бѣлыхъ папахахъ и тысячи улыбающихся и волнующихся зрителей".

Черезъ 20 минутъ пароходъ уже причалилъ къ Ростову на Дону. „Прошедшій день—замѣчаютъ авторы *Писемъ*—принесъ уже съ собою такъ много новыхъ впечатлѣній, что всѣмъ хотѣлось отдохнуть и успокоиться на мѣстѣ до утра".

День, проведенный въ Ростовѣ, „промелькнулъ" незамѣтно: молебствіе въ соборѣ, встрѣча императрицы Маріи Александровны, прибывшей въ Ростовъ на пароходѣ *Донецъ*, по пути въ Керчь,—торжественный обѣдъ въ зданіи клуба, данный Ростовскимъ дворянствомъ въ честь великаго князя,—и вечерняя прогулка по улицамъ. Къ ночи великій князь, съ своими спутниками, переѣхалъ съ *Атамана* на пароходъ *Донецъ*, и рано утромъ отплылъ отъ Ростовской пристани" [27]).

Въ Ростовѣ получено было извѣстіе о рожденіи великаго князя Георгія Михайловича и приказаніе цесаревичу, изъ Крыма отправиться на Кавказъ, для воспріятія новорожденнаго отъ купели [28]).

Вслѣдъ за пароходомъ *Волга*, на которомъ плыла императрица Марія Александровна, наслѣдникъ на пароходѣ *Донецъ* вошелъ въ Азовское море. Выйдя въ море, императрица перешла на военный пароходъ *Казбекъ*, на которомъ и продолжала плаваніе прямо къ Крымскому берегу. Пароходъ же *Донецъ*, на которомъ плылъ великій князь, взялъ другое направленіе и въ 4 часа подошелъ къ Таганрогу, гдѣ великій князь оставался до вечера. Въ 5 часовъ, въ Таганрогскомъ городскомъ саду, городское общество давало обѣдъ въ честь его высочества. Затѣмъ великій князь заѣзжалъ въ Греческій монастырь, гдѣ архимандритъ, окруженный прочимъ духовенствомъ, встрѣтилъ его привѣтственною рѣчью и многолѣтіемъ. Изъ монастыря великій князь прибылъ въ „достопамятный

домъ“, въ которомъ скончался императоръ Александръ I. „Домъ этотъ—замѣчаютъ авторы *Писемъ*—содержится въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ находился во время кончины государя, и въ той комнатѣ, гдѣ онъ скончался, устроена домашняя церковь. Съ тронутымъ чувствомъ проходили мы по комнатамъ, въ которыхъ жилъ и думалъ, можетъ быть, утвердить свое пребываніе, вмѣстѣ съ императрицей, Александръ Благословенный, и дивились простотѣ, которою во всемъ окружала себя царственная чета“.

Помѣщеніе для великаго князя было приготовлено въ домѣ Алфераки. Изъ столовой залы, въ нижнемъ этажѣ дома, широкая терраса вела въ „прекрасный садъ, составляющій роскошь въ здѣшнемъ краѣ“. Ночевалъ великій князь на пароходѣ.

Слѣдующее утро застало уже на другомъ пароходѣ *Волга*, и на дальнѣйшемъ пути къ Бердянску.

Въ Бердянскѣ, послѣ обѣдни въ соборѣ, великій князь завтракалъ въ домѣ городского головы Геммерле, и затѣмъ, въ сопровожденіи управляющаго южными колоніями Новороссійскаго края и Бессарабіи, Гамма, отправился для обозрѣнія новой Болгарской колоніи, за двѣнадцать верстъ отъ Бердянска. Цесаревичъ пробылъ въ колоніи около получаса и отсюда поѣхалъ прямо на пароходъ. Обѣдъ былъ на пароходѣ *Аргонавтъ*, на который перешли въ Бердянскѣ для дальнѣйшаго плаванія.

Весь вечеръ 15 августа былъ проведенъ на *Аргонавтѣ*. „Когда все затихло и потухли огни,—пишутъ авторы *Писемъ*,—стало еще свѣтлѣе отъ полной луны, и въ полномъ безмолвіи теплой ночи на спокойномъ морѣ, долго еще сидѣли мы на верхней рубкѣ, любуясь величественною картиной“.

Въ часъ ночи *Аргонавтъ* двинулся, а къ 8-ми утра, 16 августа, уже подходилъ къ Керченскому проливу. Вдали виднѣлся городъ, расположенный полукружіемъ внутри небольшого залива. „Говорятъ,—пишутъ авторы *Писемъ*,—что Керчь производитъ тоскливое чувство въ путешественникѣ, который пріѣзжаетъ сюда съ береговъ Малой Азіи, съ Кавказа или съ южнаго берега Крыма, наглядѣвшемся на величественныя

картины роскошной растительности. Въ насъ, еще не видавшихъ южнаго берега, пустынные берега Керченскаго пролива не возбудили такого ощущенія: мы съ любопытствомъ смотрѣли на картину города, поражавшую своею оригинальностью; нѣчто подобное видали мы развѣ на гравюрахъ, изображающихъ виды Аѳинъ и городовъ Греческихъ".

Послѣ обѣда великій князь ѣздилъ осматривать Митридатову гору.

На другой день утромъ, великій князь, въ сопровожденіи директора здѣшняго музея Люценкова, ѣздилъ осматривать два кургана и открытыя въ нихъ гробницы.

Вечеромъ великій князь посѣтилъ Керченскій институтъ для дѣвицъ, уѣздное училище и Еврейскую школу съ синагогой. День окончился спектаклемъ въ Керченскомъ театрѣ: давали оперетку Квитки—*Сватанье на Гончаровкѣ*.

Подъѣзжая къ южному берегу Крыма, цесаревичу и его спутникамъ вспомнился Пушкинъ:

Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ—холмы лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй, и тополей прохлада.
Все чувство путника манитъ,
Когда въ часъ утра безмятежный
Въ горахъ, дорогою прибрежной
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-Дага...

„Но вотъ,—заключаютъ авторы *Писемъ*, свою грандіозную *Одиссею*,—показались бѣлые домики Ялты, изъ-за зелени выглянули Ливадія и бѣлые утесы Оріанды. *Аргонавтъ* поворотилъ къ пристани, якорь брошенъ и плаваніе наше кончилось" [29]).

XIV.

Прибывъ въ Крымъ, цесаревичъ поселился въ Ливадіи съ О. Б. Рихтеромъ. Графъ Строгановъ и лица свиты помѣстились въ Оріандѣ, но ненадолго, потому что вскорѣ прибыли изъ Варшавы великій князь Константинъ Николаевичъ и великая княгиня Александра Іосифовна. Тогда свиту наслѣдника перевели въ Ялту и помѣстили въ частномъ домѣ, биткомъ набитомъ разными лицами.

Послѣ одного изъ обѣдовъ въ Ливадіи, наслѣдникъ поздравилъ К. П. Побѣдоносцева съ назначеніемъ оберъ-прокуроромъ Московскаго департамента сената и производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Въ Крыму цесаревичъ пробылъ недолго, и 22 августа, 1863 года, на пароходѣ *Тигръ* поплылъ на Кавказъ, на крестины великаго князя Георгія Михайловича. Пароходъ *Тигръ* былъ порученъ адмиралу Дюгамелю, командиръ же парохода былъ капитанъ 2-го ранга Шмидтъ.

Переночевавъ въ Поти, наслѣдникъ цесаревичъ поднялся по Ріону въ Орпири, гдѣ былъ выставленъ почетный караулъ изъ скопцовъ. Оттуда великій князь прибылъ въ Кутаисъ, гдѣ былъ встрѣченъ генералъ-губернаторомъ княземъ Д. И. Святополкъ-Мирскимъ. Въ Гіевской библіотекѣ князя Петра Дмитріевича Святополкъ-Мирскаго сохраняется портретъ государя цесаревича Николая Александровича, подаренный его высочествомъ князю Д. И. Святополкъ-Мирскому, во время пребыванія своего въ Кутаисѣ, съ слѣдующею собственноручною надписью: *Князю Дмитрію Ивановичу Святополкъ-Мирскому, въ воспоминаніе гостепріимства. Николай.*

Изъ Кутаиса, черезъ Сурамскій перевалъ, государь цесаревичъ прибылъ въ Тифлисъ. Крещеніе великаго князя происходило въ Бѣломъ Ключѣ.

„Но поѣздка наша на Кавказъ—пишетъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ* Оомъ—была совершена на курьерскихъ, и мы ни-

чего не успѣли осмотрѣть, ни съ чѣмъ не познакомились. Были мы на двухъ балахъ, въ Итальянской оперѣ въ прелестномъ Тифлисскомъ театрѣ, и опять покатили обратно тою же дорогою. Конечно, мы успѣли и на лету увидѣть красоты природы и мѣстности, но для меня это показалось искушеніемъ: такъ охотно провелъ бы я нѣсколько дней въ разныхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Мцхетѣ.

Изъ Бѣлаго Ключа къ свитѣ цесаревича присоединился почтенный старецъ лейбъ-акушеръ Шмидтъ. „Въ долинѣ Ріона— повѣствуетъ Оомъ—былъ устроенъ обѣдъ княземъ Дадіаномъ, при чемъ было выпито много вина изъ невозможныхъ сосудовъ (кулы, озарпеши и турьи рога). Говорю невозможные или безпощадные, потому что, коли они наполнены, ихъ поставить нельзя, а нужно поневолѣ выпить все до дна. Такимъ образомъ, каждый изъ насъ невольно выпилъ болѣе, чѣмъ слѣдовало, и результатомъ всего было общее безпредѣльное веселье. Старикъ Шмидтъ, бывшій Дерптскій студентъ, вспоминалъ молодость и всякому изъ насъ повторялъ: Wir haben heute für eine Idee (?) getrunken, und das Lieben“.

Оомъ продолжаетъ: „На Кавказѣ встрѣтилъ я давнишнихъ знакомыхъ, которымъ искренно обрадовался. Это были: В. В. Зиновьевъ, статсъ-секретарь Крузенштернъ и генералъ-адъютантъ Карцевъ. Крузенштернъ доживалъ послѣдніе дни въ Тифлисѣ, потому что при насъ пріѣхалъ преемникъ его Николаи. Гофмейстеромъ у великаго князя намѣстника былъ Альфредъ Ѳедоровичъ Гротъ, адъютантами его высочества: князь С. Н. Трубецкой, баронъ Мейендорфъ и Философовъ. Мейендорфъ командовалъ тогда лихимъ конвоемъ великаго князя. Но никогда не забуду прелестнѣйшаго старичка, князя Григорья Дмитріевича Орбеліани. Сомнѣваюсь, чтобы теперь много нашлось такихъ почтенныхъ старичковъ, какъ графъ С. Г. Строгановъ, П. Х. Граббе и Г. Д. Орбеліани: и тѣста нѣтъ, и форма разбита“!

Наконецъ, цесаревичъ предпринялъ обратный путь. „Всѣ были рады—свидѣтельствуетъ Оомъ—возвратиться домой, а

цесаревича влекло къ брату (великому князю Александру Александровичу). Онъ неоднократно говорилъ, что соскучился по немъ“.

Обратный путь въ Царское Село совершился черезъ Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Тулу и Москву [30]).

17 октября 1863 года, преосвященный Леонидъ извѣщалъ преосвященнаго Савву: „Государь наслѣдникъ пріѣхалъ; завтра, въ половинѣ девятаго, отправится въ лавру слушать молебствіе, къ 4-мъ возвращается; обѣдаетъ одинъ и, по отдыхѣ, слѣдуетъ далѣе, до Колпинской станціи, откуда сворачиваетъ въ Царское Село“ [31]).

„Честь и слава графу С. Г. Строганову (пишетъ Оомъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*). Такъ мастерски устроить поѣздку, какъ онъ исполнилъ эту задачу, едва ли кто-нибудь съумѣлъ и успѣлъ бы; потому что нужно было его знаніе Россіи и людей, чтобы останавливать вниманіе юнаго воспитанника именно на тѣхъ людяхъ и предметахъ, которыхъ знакомство только и могло въ относительно небольшой промежутокъ времени просвѣтить цесаревича и дать ему возможность съ настоящей точки, а не сквозь призму, посмотрѣть на все ему встрѣчавшееся на пути и вѣрно судить о положеніи Россіи и народа въ данную минуту. Люди всѣхъ сословій, отъ встрѣчи съ коими, изъ разговоровъ и бесѣдъ, можно было извлечь пользу, были вызываемы часто изъ толпы въ гостинную или къ чайному столу или къ завтраку и обѣду, для поучительныхъ бесѣдъ. Живое слово быстро знакомило цесаревича съ краемъ и отдѣльными вопросами. Начиная съ губернатора и предводителя до простого бородача-купца, фабриканта или даже крестьянина, все имѣло доступъ къ царственному юношѣ, дабы онъ правильно могъ судить объ извѣстныхъ вопросахъ, представляющихъ мѣстный или государственный интересъ“ [32]).

XV.

1863 годъ ознаменовался въ Москвѣ открытіемъ всесословной думы.

„13 января 1863 года,—свидѣтельствуетъ Савва, епископъ Можайскій,—получилъ я отъ высокопреосвященнаго митрополита записку слѣдующаго содержанія: *Есть дѣло, о которомъ немедленно нужно мнѣ говорить съ вашимъ преосвященствомъ, и удобнѣе говорить, нежели писать. Посему желательно, чтобы вы побывали у меня сегодня въ 6-мъ часу.* Являюсь въ назначенный часъ. Владыка выходитъ въ гостинную и повелъ со мною такую рѣчь: — 15-го числа, во вторникъ, соберутся въ каѳедральный Чудовъ монастырь, для принятія присяги, выборные отъ всѣхъ сословій города Москвы, по случаю избранія въ общественныя должности по новому, высочайше дарованному уставу. Надобно быть по сему архіерейскому служенію; примите на себя трудъ совершить литургію, привести выборныхъ къ присягѣ и сказать имъ что-нибудь въ назиданіе.

Признаюсь, такое неожиданное для меня предложеніе немало смутило меня. О чемъ я буду говорить, подумалъ я, когда мнѣ вовсе неизвѣстна сущность новаго устава. Хотя объ этомъ предметѣ немало уже писано было въ газетахъ, но я не очень интересовался этимъ предметомъ, какъ для меня чуждымъ; при томъ, я вовсе почти не читалъ газетъ, такъ какъ все время мое поглощалось служебными занятіями. Тѣмъ не менѣе я не могъ не исполнить архипастырскаго приказанія. Возвратившись съ Троицкаго подворья домой, я тотчасъ принялся за дѣло. Прежде всего я собралъ нѣсколько номеровъ нечитанныхъ мною *Московскихъ Вѣдомостей*, гдѣ нашелъ нѣсколько статей, относящихся къ настоящему предмету; перечиталъ ихъ и свечера же кое-что написалъ; утромъ, на другой день, переписалъ и послалъ на рецензію владыкѣ. Вотъ что было мною написано:

Настоящее торжественное собраніе въ семъ храмѣ пред-

ставляетъ нашимъ взорамъ новое, необычайное зрѣлище. Бывали здѣсь и прежде, въ уреченныя времена, подобныя собранія нарочитыхъ лицъ городскихъ сословій: но что̀ прежде дѣлалось тѣмъ или другимъ сословіемъ порознь, то нынѣ совершается всѣми сословіями вкупѣ, единодушно. Нынѣ мы видимъ здѣсь и мужа высокаго рода, и смиреннаго ремесленника. Что сіе значитъ? Какая цѣль такого собранія? Благодареніе благочестивѣйшему самодержцу! Онъ являетъ нынѣ сему древнему первопрестольному граду новый опытъ высокаго довѣрія; онъ даруетъ всѣмъ городскимъ сословіямъ право совокупнаго дѣятельнаго участія въ устроеніи общественнаго порядка. Отнынѣ начинается новый стройный союзъ во взаимныхъ отношеніяхъ городскихъ сословій; нынѣ полагается конецъ тому вѣковому разъобщенію, какое до сихъ поръ существовало между высшими и низшими сословіями; нынѣ всѣ званія, какъ одно, призываются къ единодушному дѣйствованію на пользу общую. И тѣмъ признательнѣе надлежитъ быть за даруемое нынѣ право, чѣмъ легче оно пріобрѣтается. Тогда какъ въ иныхъ государствахъ право мѣстнаго общественнаго самоуправленія достигается не иначе, какъ жаркими преніями и усильною борьбою, у насъ самодержавная власть сама благоволитъ даровать сіе право и отдѣльнымъ сословіямъ, и цѣлымъ городамъ, когда усматриваетъ въ нихъ къ сему способность. Вамъ, именитые сограждане, остается только должнымъ образомъ воспользоваться новымъ, высочайше даруемымъ правомъ. Потщитесь-же употребить сіе право такъ, чтобы верховная власть не имѣла причины раскаяваться, даровавъ оное. Нынѣ вы собрались въ сей храмъ, дабы передъ алтаремъ Всемогущаго испросить благословеніе и помощь на дѣло, коимъ положено будетъ болѣе или менѣе прочное основаніе будущаго благоденствія сего многолюднаго града. Вамъ предстоитъ избраніе изъ среды себя достойныхъ представителей, коимъ, въ свою очередь, ввѣренъ будетъ новый выборъ въ различныя должности общественнаго служенія,—выборъ, отъ котораго будетъ зависѣть немалая доля общественнаго порядка, спокойствія и благоденствія многихъ тысячь

граждан. И так, чѣм осмотрительнѣе и безпристрастнѣе будет сдѣлано вами первое избраніе, тѣм болѣе может быть обезпечен успѣх второго выбора и тѣм болѣе будет сохранено общее, а слѣдовательно и ваше собственное, спокойствіе и благо. Вредныя послѣдствія неосмотрительнаго и пристрастнаго избранія на должности общественнаго служенія всего скорѣе и бѣдственнѣе отразятся на низшем городском сословіи, на тѣх из ваших сограждан, коих Евангеліе именует меньшими братіями Христовыми. По сему на честное и безпристрастное избраніе лиц, коим ввѣрено будет попеченіе об общественном гражданском благосостояніи, каждому из вас надлежит взирать, как на одно из дѣл христіанскаго милосердія. *Усмотрите же себѣ*, скажем вам, почтенные избиратели общественнаго управленія, словами одного из древних опытных совѣтников,—*усмотрите мужи сильны, Бога боящіяся, мужи праведны, ненавидящія гордости и корысти* (Исх. 18, 21). В намѣреніи таковаго избранія, произнесите нынѣ обѣт ваш пред сердцевѣдцем Богом, и Он благословит и совершит предпріемлемое вами избраніе ко благу всѣх и каждаго“ [33]).

В тот же день митрополит Филарет возвратил Саввѣ его писаніе, при слѣдующих строках: „Благодареніе Богу, слово ваше имѣет силу и соотвѣтствует цѣли. Благовѣствуйте силою многою“.

Начались в Москвѣ оживленныя совѣщанія по поводу выборов. В этих совѣщаніях Погодин принимал самое живое участіе. 2-го февраля, в частном собраніи отдѣленія дворян потомственных, он произнес слѣдующую рѣчь:

„Выслушав ваши совѣщанія в прошедшую среду, имѣв случай послѣ, как и прежде, говорить о выборах с Московскими обывателями разных сословій, и обдумав их отзывы, я пришел к нѣкоторым заключеніям, кои имѣю честь предложить вам теперь на благоусмотрѣніе.

Случайно — наше отдѣленіе домовладѣльцев находится в самых счастливых отношеніях к выборам: между нами

нѣтъ, кажется, ни одного человѣка, не только партіи, который бы домогался, искалъ, или даже желалъ избранія, хотя, разумѣется, можно надѣяться, что безъ причинъ никто не откажется отъ принятія какой либо должности, еслибъ палъ на него жребій. Мы, слѣдовательно, можемъ сохранить полное безпристрастіе, и при выборахъ имѣть въ виду личныя достоинства, а не личныя выгоды. Для насъ рѣшительно все равно, кто ни былъ бы выбранъ, мѣщанинъ или цеховой, купецъ или дворянинъ, личный и потомственный, лишь бы онъ былъ способенъ, лишь бы онъ лучше могъ занимать свое мѣсто на пользу города.

А какъ относятся къ выборамъ прочія сословія?

Позвольте мнѣ передать вамъ разговоръ двухъ купцовъ, мною слышанный. Одинъ выговаривалъ другому, старику, извѣстному своимъ богатствомъ и степенностію, зачѣмъ тотъ не принимаетъ участія въ выборахъ. Старикъ отговаривался сперва недосугомъ, а впрочемъ, — прибавилъ онъ въ заключеніе, — и не хотѣлось мнѣ терять время даромъ: много выбиралъ я на своемъ вѣку, но никогда почти не выходило по нашему, а рѣшали мѣщане и цеховые. Такъ будетъ вѣрно и теперь; зачѣмъ же ходить на выборы по пустому?.. Дворяне раздѣлятся непремѣнно сторонъ на пять или на шесть, купцы можетъ быть поменьше, на три или на четыре; разночинцы прибавятъ отъ себя бѣлыхъ шаровъ десятка по два или по три кандидатамъ дворянскимъ и купеческимъ; а у мѣщанъ и цеховыхъ будетъ одинъ суженый. Ему и навалятъ они по двѣсти шаровъ бѣлыхъ, а чужимъ по двѣсти черныхъ. Ну вотъ, такимъ образомъ и порѣшится дѣло.

— Кого же выбираютъ обыкновенно мѣщане и цеховые, — спросилъ я собесѣдника.

Того, кого укажутъ имъ довѣренныя лица, которыхъ они уважаютъ и слушаются.

— На какихъ основаніяхъ?

Этого, вообще, опредѣлить нельзя. Случалось иному кандидату имѣть дѣла съ значительными мѣщанами и цеховыми.

оказывать имъ разныя одолженія и заслужить ихъ признательность. Ловкій кандидатъ съумѣетъ угостить кстати, кого нужно, дать то или другое обѣщаніе, и вообще привлечь на свою сторону.

Умный старикъ говорилъ по старымъ опытамъ. Времена перемѣнились, и, вѣроятно, теперь избиратели всѣхъ отдѣленій отнесутся къ выборамъ построже и поразумнѣе, но все-таки, кажется, нужно намъ, милостивые государи, пользуясь своимъ положеніемъ, принять мѣры для разъясненія важности дѣла и пользы хорошаго, добросовѣстнаго выбора,—не только для города вообще, но и для каждаго обывателя въ особенности.

Пусть предсѣдатель или кто-нибудь изъ членовъ, по его порученію, предъ началомъ выборовъ, объяснитъ избирателямъ вкратцѣ: 1) неудовлетворительность прежнихъ выборовъ; 2) важность полученнаго нами права, и 3) качества, необходимыя для головы по новому положенію.

Вотъ нѣкоторыя набросанныя мною черты объ этихъ предметахъ.

1) О неудовлетворительности прежнихъ выборовъ. Можно указать на вышеприведенный разговоръ. Выбирались люди, большею частію, богатые, бывшіе въ состояніи тратить много собственныхъ денегъ, и искавшіе не столько пользы городу, сколько чести себѣ. По этой причинѣ они рѣдко бывали ревностными попечителями нуждъ городскихъ. Это были покорные расходчики, а обыватели плати, да и только, не смѣя спрашивать куда дѣваются ихъ денежки. Въ оправданіе головъ можно сказать, что вся обстановка связывала имъ руки и мѣшала ихъ свободному образу дѣйствій. Входить въ споръ съ властію было безполезно. На самые выборы начальство считало себя обязаннымъ имѣть вліяніе.

2) О важности полученнаго нами права распространяться много ненужно: она очевидна. Мы имѣемъ почти полное самоуправленіе городское, можемъ сами, такъ сказать, вести свои счеты, придумывать нужное и отвергать лишнее, сами можемъ уменьшать и увеличивать, чего оборони Боже, свои повинности:

слѣдовательно, надо умѣть воспользоваться такимъ преимуществомъ.

3) Качества, необходимыя для городского головы, суть:

Хозяйственность и распорядительность: надо знать цѣну вещей, чтобы не заплатить лишняго ни въ какомъ подрядѣ, надо знать толкъ во всѣхъ матеріалахъ и подѣлкахъ, чтобъ не поставленъ былъ нигдѣ товаръ гнилой и негодный, и заказы исполнялись какъ нельзя лучше, и т. п.

Дѣятельность: Градскій голова долженъ быть преданъ всецѣло своему дѣлу, и работать съ утра до вечера для города, оставя всѣ свои прочія занятія, осматривать, провѣрять, прицѣниваться, справляться, наблюдать. Валить черезъ пень колоду, махать рукою, по прежнимъ порядкамъ, не приходится. Надо входить съ толкомъ во всѣ подробности, отстаивать всякую копѣйку, и не упускать ни одной денежки, имѣя въ виду облегчить повинности, какъ то сдѣлалъ покойный Шестовъ,—добромъ будь помянутъ,—а не увеличивать. А народное продовольствіе, а цѣны жизненныхъ потребностей, устройство городского банка, отношеніе къ больницамъ, забота о пособіяхъ бѣднымъ людямъ!

Градскому головѣ нужна *стойкость*, въ сознаніи своей справедливости... Содержаніе пожарной команды, освѣщеніе города, снабженіе фуражемъ,—это такіе вопросы, съ которыми соединены частныя выгоды, и касаться ихъ въ глаза сопряжено бываетъ съ разнообразными затрудненіями. Общее застрахованіе—казалось, чего бы лучше, дешевле, полезнѣе, а въ первомъ страховомъ отъ огня обществѣ засѣдали сильныя лица,—они же и акціонеры,—ну и лежи проектъ подъ краснымъ сукномъ!

Осмѣливаясь спорить, голова долженъ имѣть и умѣнье вести споръ, отстоять свое мнѣніе.

Наконецъ, ему нужна *обходительность:* съ людьми надо поступать по-людски,—качество, котораго до сихъ поръ не доставало у насъ многимъ, и въ которомъ, по духу времени, настоитъ насущная потребность.

Исчисляю обязанности головы по своимъ старымъ впечат-

ленiямъ, незнакомый даже порядочно съ новымъ положенiемъ. Вы, милостивые государи, дополните мои бѣглыя замѣтки, а это, кажется, нужно, чтобъ привести въ ясность дѣло избранiя, не подвергаясь случаю, не опасаясь сюрпризовъ.

Кто подойдетъ подъ эту, составленную нами сообща, идеальную мѣрку, тотъ и долженъ быть головою, будетъ ли то мѣщанинъ или купецъ, дворянинъ или цеховой, намъ нужно не богатство, не знатность, не чиновность, а нужны способности, кого надѣлилъ ими Богъ.

Каждое изъ пяти отдѣленiй, на которыя мы раздѣлены, знаетъ своихъ выборныхъ. Пусть оно и назоветъ у себя должностныя лица, прямо, открыто, излагая свои основанiя. Такой образъ избранiя имѣетъ свою пользу: нельзя предлагать собранiю никого безъ достаточныхъ причинъ. Съ другой стороны, обижаться никому нѣтъ повода: если я назову въ должность головы то или другое лицо, то я отнюдь не говорю тѣмъ, что прочiя лица считаю недостойными,—нѣтъ, я говорю только, что я не знаю ихъ съ требуемой стороны. Другой назоветъ иное, ему извѣстное лицо, и я, услышавъ его основанiя, могу отказаться отъ своего избранiя, и предпочесть чужое.

Счетъ голосовъ покажетъ большинство, и желательно, чтобъ указанныя большинствомъ лица сдѣлались общими кандидатами нашего сословiя на окончательныхъ выборахъ.

Въ прошедшее совѣщанiе нѣкоторые члены заявили свое мнѣнiе, чтобъ какъ можно менѣе было у насъ кандидатовъ, и я совершенно съ ними согласенъ; иначе, разъединенные, мы, не принося никому пользы, будемъ только мѣшать другъ другу.

Того же слѣдуетъ пожелать и прочимъ сословiямъ.

Но какъ сообщить имъ наши избранiя, а равно узнать и отъ нихъ ихъ мнѣнiя, вмѣстѣ съ основанiями?

Нельзя ли устроить общее домашнее собранiе, подобное нашему настоящему частному?

Въ этомъ совѣщанiи должно обмѣняться добытыми заключенiями, познакомиться лично со всѣми кандидатами. Тогда, можетъ быть, мы уступимъ своихъ кандидатовъ купцамъ или

мѣщанамъ, или они согласятся съ нами дѣйствовать заодно.

По крайней мѣрѣ мы должны, каждый въ кругу своего знакомства, стараться объ оглашеніи нашихъ мыслей, и объ узнаніи настоящаго желанія прочихъ сословій, чтобъ всѣ явились на выборы достаточно освѣдомленные и всякими доказательствами вооруженные.

Общее торжественное собраніе выслушаетъ всѣ избранія съ именами избирателей, сравнитъ ихъ между собою и отдастъ предпочтеніе тѣмъ, кои покажутся ему, по долгу совѣсти и присяги, основательнѣе и благонадежнѣе, безъ всякаго различія сословій.

Мы жалуемся и ропщемъ иногда на неудачу различныхъ выборовъ и назначеній: стыдно же намъ будетъ, если мы, въ числѣ пятисотъ человѣкъ, не съумѣемъ выбрать одного человѣка для дѣла, намъ всѣмъ близкаго и нужнаго. Стыдно будетъ намъ, но не въ авантажѣ будетъ и тотъ, кто, не справясь съ своими средствами, соотвѣтственно заявленнымъ требованіямъ, и условіямъ, взвалитъ на себя ношу не подъ силу. Теперь наступаетъ пора иная, чѣмъ прежде. Обличители, званые и незваные, разберутъ управленіе по косточкамъ, доберутся, пожалуй, и до предковъ, прихватятъ потомковъ, и нерадъ будетъ иной никакому *преждевозсѣданію на сонмищахъ, и преждевозлежанію на трапезахъ*.

Дай Богъ, чтобы этого не случилось, и чтобъ пришлось намъ, Москвичамъ, спѣть первую пѣсенку незардѣвшись!

Московскій губернаторъ, князь Алексѣй Васильевичъ Оболенскій, писалъ Погодину: „Благодарю васъ, Михаилъ Петровичъ, за доставленіе рѣчи, сказанной вами въ собраніи домовладѣльцевъ. Копію я препровождаю, согласно желанію вашему, графу Сергѣю Павловичу Сумарокову. Отъ души желаю, чтобы брошенное вами сѣмя пало на добрую землю и принесло плодъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія вопроса, кто будетъ избранъ? Отъ этого рѣшенія зависитъ благосостояніе нашей древней столицы“ [34]).

XVI.

Въ мірѣ купеческомъ, Погодинъ съ давнихъ временъ былъ, что называется, свой человѣкъ. Въ *Дневникѣ* его мы находимъ слѣдующія записи:

Подъ *2 февраля 1863 года:* „Выбранъ въ гласные“.

— *8 — —:* „Аксаковъ отъ купцовъ проситъ написать просьбу объ учрежденіи министерства торговли“.

— *11 — —:* „Якунчиковъ съ внучкой за совѣтомъ. Купцы за купеческое собраніе. Привѣтствовали. Цѣловали. Вы ли генералъ Погодинъ? Мы васъ знаемъ и пр. Предлагали меня въ головы. Пріятно видѣть вмѣстѣ сословія“.

— *12 — —:* „Въ думу. Поразительное зрѣлище: грязь, гадость и пр. Нищіе. Подъячіе. Мамонтовъ потребовалъ непремѣнно ѣхать въ засѣданіе и у него обѣдать“.

— *19 — —:* „Поутру переписалъ просьбу для купцовъ“ (т. е., объ учрежденіи министерства торговли).

По этому поводу Кошелевъ писалъ Погодину: „Просьба объ устройствѣ министерства торговли,—это дѣло хорошее; покажите ее мнѣ или Чижову до передачи, ибо мы этимъ предметомъ особенно занимались“.

11 февраля 1863 года, состоялось домашнее собраніе Московскаго дворянства въ соединеніи съ приглашеннымъ купечествомъ, на которомъ Погодинъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Позвольте мнѣ, господа, не только какъ выборному, но и какъ старому Московскому лѣтописателю, въ званіи министра безъ портфеля, привѣтствовать васъ въ этомъ собраніи.

Очень пріятно было намъ узнать о готовности, съ коей почтенное купечество приняло наше приглашеніе. Съ особеннымъ удовольствіемъ мы видимъ теперь васъ всѣхъ вмѣстѣ. Русская Исторія,—не мѣшаетъ намъ вспоминать ее,—отличается именно тѣмъ, что сословія у насъ, вслѣдствіе особыхъ причинъ, никогда не раздѣлялись такими высокими стѣнами и не питали такой ненависти одно къ другому, какъ въ за-

падныхъ Европейскихъ государствахъ. Дай Богъ, чтобъ и впредь эти же чувства взаимнаго доброжелательства, не только продолжались, но усиливались и укрѣплялись. Никогда не было такой нужды въ любви и въ согласіи, какъ теперь.

Мы собираемся въ чистый понедѣльникъ. Добрый знакъ! Станемъ и дѣйствовать чисто, на-чистую, какъ велитъ совѣсть, долгъ и присяга. Выборы наши очень важны. Правительство предлагаетъ намъ будто испытаніе, и смотритъ, ка̀къ мы примемся за дѣло,—будетъ ли изъ него толкъ и прокъ,—ка̀къ мы управимся своими дѣлами. Москва слѣдуетъ за Петербургомъ въ устройствѣ думы, а за нею послѣдуютъ: Астрахань, Харьковъ, Одесса, Архангельскъ, Казань. Какія важныя средоточія торговли и промышленности! Сколько добра могутъ сдѣлать достойные головы въ своихъ думахъ, не только для своихъ городовъ, но и для всей Россіи, на утѣшеніе доброму государю.

Сядемъ же рядкомъ и начнемъ заниматься ладкомъ, какъ можно попростѣе и поискреннѣе: ибо гдѣ просто, тамъ Ангеловъ со сто, а гдѣ мудрено, тамъ нѣтъ ни одного“.

Многіе изъ выборныхъ выразили желаніе, чтобъ Погодинъ, предъ началомъ совѣщаній о выборѣ городского головы, сказалъ нѣсколько словъ отъ Исторіи вообще, о раздѣленіи у насъ на сословія. Желаніе ихъ Погодинъ исполнилъ, и 19 февраля, 1863 года, въ общемъ домашнемъ собраніи сословій произнесъ: „Говорить вдругъ о такомъ вопросѣ трудно, не приготовясь заблаговременно; притомъ время для насъ дорого, и распространяться некогда, но, въ исполненіе выраженнаго желанія, я могу сказать только вкратцѣ, что раздѣленіе на сословія въ Россіи никогда не было такъ рѣзко и значительно, какъ въ прочихъ Европейскихъ государствахъ. Русскіе люди раздѣлялись всегда преимущественно по ро́дамъ своихъ занятій: одни пахали и добывали хлѣбъ,—это крестьяне; другіе мѣнялись своими и чужими произведеніями, торговали,—это купцы; третьи служили на войнѣ и въ мирѣ,—сословіе служивое, военное, что̀ нынѣ дворянское. Всякій былъ воленъ

дѣлать и жить, какъ ему угодно: купецъ шелъ на службу, дворянинъ могъ торговать, крестьянинъ — переселяться въ городъ.

Не смотря на различныя формы этихъ переходовъ, соединенныхъ съ бóльшими или меньшими затрудненіями, они продолжаются до нашего времени, и всякому простолюдину, хоть и труднѣе, но все-таки есть возможность достигать высшихъ государственныхъ должностей; за примѣрами ходить недалеко. Ломоносовъ, сынъ крестьянина въ Архангельской губ., сдѣлался первымъ академикомъ, законодателемъ Русскаго языка и нынѣшней Русской словесности. Сперанскій, сынъ деревенскаго священника, сдѣлался душою государственнаго совѣта, и получилъ титулъ сіятельства. У насъ, слѣдовательно, не было недоступныхъ правъ, а съ ними и такой зависти, ненависти между сословіями, кои сдѣлались въ Европѣ источникомъ кровавыхъ переворотовъ. Въ важныхъ случаяхъ, когда приходило узломъ, всѣ Русскіе люди становились заодно: въ 1612-мъ году, кто, напримѣръ, принялъ болѣе участія въ освобожденіи Москвы и всей Россіи отъ Поляковъ: князь ли Пожарскій, или купецъ, посадскій человѣкъ Козьма Мининъ? крестьянинъ Иванъ Сусанинъ, или монахъ Авраамій Палицынъ, митрополитъ Гермогенъ? Нѣтъ, они всѣ равно поработали за свою матушку святую Русь. При нашествіи Французовъ, на Бородинскомъ полѣ, генералы не уступали въ храбрости солдатамъ. А въ Севастополѣ!..

Повторяю: всѣ Русскія сословія искони отличались дружелюбными чувствами между собою. Нелѣпо было бы теперь сѣять, заднимъ числомъ, тѣ плевелы, коихъ, по милости Русскаго Бога, не попало въ нашу ниву при первомъ размежеваніи. Нѣтъ, мы должны стараться, чтобъ добрыя сѣмена, кажется, уже хорошо прозябшія и морозами прохваченныя, развились, разцвѣли и давали плодъ сторицею. Первое дѣло — согласіе. Одному и у каши неспоро, одинъ въ полѣ не воинъ. Государь нашъ добрый человѣкъ, Онъ даетъ намъ средства и возможность сближаться, сходиться, и вотъ, насъ здѣсь около

пятисотъ человѣкъ вмѣстѣ, для собственнаго свободнаго сужденія объ общемъ дѣлѣ. Вспомнимъ, что нынѣ 19-е февраля,— день, когда былъ подписанъ безсмертный указъ объ освобожденіи двадцатипяти милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ. Государь на томъ не останавливается: онъ даетъ теперь городамъ собственное самоуправленіе, онъ хочетъ открыть двери въ судахъ, чтобы всякой Русскій человѣкъ могъ защищать себя и свои права, свое дѣло передъ судомъ,—чтобъ онъ слышалъ и зналъ, какъ объ немъ судятъ, и могъ оправдываться или требовать ему принадлежащаго. Вы согласитесь, что онъ снялъ съ насъ много цѣпей. Помоги же ему Богъ снять и остальныя. Пожелаемъ ему многія лѣта и примемся дружно за работу".

Въ тотъ же день Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Поутру набросалъ маленькую рѣчь для открытія собранія. Принятъ съ сочувствіемъ, но меньше, чѣмъ ожидалъ" [35]).

XVII.

7 марта 1863 года, Погодинъ писалъ Максимовичу: „Теперь, у насъ толки о головѣ. Многіе желаютъ Кошелева" [36]).

По всему вѣроятію, и самъ Кошелевъ желалъ этого. Вотъ что въ это время писалъ онъ Погодину: „Во вторникъ мы должны собраться всѣмъ соборомъ; но если мы впередъ не условимся, что̀ намъ дѣлать, то будетъ эралашъ; и вмѣсто пользы, будетъ только вредъ отъ такого собранія. По сему предлагаю вамъ собраться, en petit comité и безъ огласки, въ субботу, въ 9-мъ часу вечеромъ, у меня. Ко мнѣ пріѣдутъ Гончаровъ, Петръ Самаринъ, Дмитрій Наумовъ, и мы впятеромъ составимъ программу для общесословнаго собранія. И такъ, до субботы, въ 9-мъ часу вечера"...

Въ томъ же письмѣ Кошелевъ прибавляетъ: „Брошюръ моихъ у меня нѣтъ (то есть, почти нѣтъ); а если бы и были, то я бы не послалъ, ибо заискивать ни въ комъ не намѣренъ. Захотятъ выбрать, — хорошо, а нѣтъ, такъ и съ Богомъ. И

васъ прошу слишкомъ усердно не хлопотать, ибо излишнимъ рвеніемъ мы можемъ дѣло испортить, а не улучшить. Вѣдь купцы и прочіе, люди легко заподозрѣвающіе, — какъ разъ вообразятъ, что мы ищемъ изъ своихъ цѣлей".

Желаніе Погодина и самого Кошелева не исполнилось. Въ городскіе головы избранъ князь Александръ Алексѣевичъ Щербатовъ.

Подъ 16 марта 1863 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*:

„Выборы. Щербатовъ съ торжествомъ, а Кошелевъ съ позоромъ. За что же? Ну, вотъ и выборное начало. Жалко Кошелева, получившаго наказаніе ни за что ни про что. Виноватъ много Селивановъ".

Когда слухъ объ избраніи князя Щербатова достигъ Парижа, то Шевыревъ писалъ Погодину: „Выбрали Щербатова. Неужели это Московскій голова? Помню его добрымъ малымъ, но способностей особенныхъ никогда въ немъ не видалъ".

До открытія думы принялись за составленіе адреса государю; къ этому дѣлу былъ привлеченъ и Погодинъ. Въ *Дневникѣ* его записано:

Подъ *4 апрѣля 1863 года:* „Вдругъ, пріѣзжаетъ Щербаковъ съ адресомъ и проситъ завтра пріѣхать къ нему".

— *5* — — —: „Къ Щербатову. Онъ уже составилъ адресъ и проситъ исправить. Да вѣдь вы хотѣли иначе. Глупо и безграмотно. Разсказывалъ о глупостяхъ въ клубѣ и просилъ объяснить Лонгинову. Отправился къ нему. Все думалъ объ адресѣ—страшно нелѣпо. Стыдно оставить такъ. Ну вотъ, извольте тутъ дѣлать, что нибудь. Что ему мѣшало сказать мнѣ просто: напишите".

— *6* — — —: „Написалъ письмо къ Щербатову съ замѣчаніями. Думалъ объ адресѣ. Щербатовъ съ извѣстіемъ, что адресомъ восхищаются. Ну что съ нимъ толковать! Очень было непріятно и грустно".

Въ тотъ же день, то-есть, 6 апрѣля, князь Щербатовъ писалъ Погодину:

„Спѣшу увѣдомить васъ, что проектъ адреса, на собраніи гласныхъ отъ потомственныхъ дворянъ подвергнулся нѣкоторымъ измѣненіямъ относительно редакціи, и что окончательная редакція была поручена М. Н. Каткову. Буду ожидать съ нетерпѣніемъ проекта адреса для крестьянъ, который вы приняли на себя трудъ составить; если можно, просилъ бы васъ доставить его мнѣ завтра, въ воскресенье, къ 7 часамъ вечера“.

Выслушавъ въ собраніи проектъ адреса, Кошелевъ писалъ Погодину:

„Вчера собраніе было недурно. Щербатовъ открылъ его рѣчью, довольно неловкою, и прочелъ адресъ, плохо редактированный. Онъ сказалъ, что этотъ адресъ уже утвержденъ четырьмя сословіями; угодно ли одобрить?—Молчаніе.—Наконецъ, казенные: *прекрасно-прекрасно.* Тогда я всталъ очень спокойно и умѣренно показалъ, что редакція очень дурна и затѣмъ предложилъ въ томъ адресѣ, самымъ нѣжнымъ образомъ упомянуть о расширеніи нашихъ правъ.—Тутъ споръ у меня съ Щербатовымъ. Меня поддерживали: Самаринъ, Катковъ, Уваровъ, а Щербатова поддерживали Рябининъ и Н. П. Шиповъ.—Послѣ продолжительнаго спора потребовали отъ насъ редакцію. Катковъ, Самаринъ и я ушли въ кабинетъ, и составили редакцію. Опять пренія Я предложилъ отобрать голоса: 17 за нашу редакцію, и 13 за первоначальную.—Смущеніе.—Нельзя ли составить редакцію иную и утвердить ее единогласно.—Катковъ въ томъ же смыслѣ предлагаетъ другую редакцію, а именно слѣдующую: *Да вѣдаетъ міръ, что всякое преобразованіе, совершаемое вами на благо Отечества и расширяющее права вашихъ вѣрноподданныхъ, свяжетъ новыми, крѣпчайшими узами царя съ Русскою Землею и придастъ новую силу и величіе его державѣ.*

Принято единогласно. Затѣмъ единогласно же просили Каткова исправить редакцію адреса вообще. Собраніе кончилось въ $10^1/_2$ часовъ.

Въ заключеніе Щербатовъ просилъ всѣхъ гласныхъ, безъ особой повѣстки, собраться всесословно на частное совѣщаніе,

во вторникъ, въ 11 часовъ, въ домѣ его матери, по Садовой (въ домѣ бывшемъ Небольсина).

Вообще собраніе было недурно, и я радъ, что тамъ былъ.

Я ѣду въ деревню во вторникъ утромъ, въ 9 часовъ. Намъ видѣться необходимо. Я могу пріѣхать къ вамъ сегодня вечеромъ, но не лучше ли вамъ пріѣхать ко мнѣ, и я бы позвалъ Аксакова, Чижова, который долженъ сегодня пріѣхать изъ Петербурга, и Одоевскаго, котораго я очень люблю и до отъѣзда хочу видѣть" [37]).

XVIII.

Наконецъ, 10 апрѣля 1863-го года, состоялось торжественное открытіе Московской всесословной думы.

Совершенно неожиданно для многихъ, новая дума водворилась въ старомъ Шереметевскомъ домѣ, на Воздвиженкѣ, рядомъ съ церковью Знаменія Божіей Матери, Нарышкинскаго строенія, на землѣ нѣкогда принадлежавшей Романовымъ. Впервые на этомъ домѣ появилась огромная черная вывѣска, на которой золочеными буквами красовалась надпись: *Городская Дума.* Тогда еще глазъ не былъ пріученъ къ подобнымъ украшеніямъ на старыхъ дворянскихъ палатахъ. Тѣмъ страннѣе было видѣть то, что не было вызвано необходимостью, что вовсе даже не соотвѣтствовало взглядамъ и понятіямъ хозяина.

„Помнится,—пишетъ графъ С. Д. Шереметевъ,—какъ съ балкона сосѣдняго дома, на углу Воздвиженки и Шереметевскаго переулка, проводившая все лѣто въ городѣ восьмидесятилѣтняя Екатерина Васильевна Шереметева, сидя, среди зелени, на скамейкѣ балкона, со скорбью и укоризною указывала на эту вызывающую вывѣску, вспоминая недавнее прошлое и жизнь церковную въ стѣнахъ этого дорогого ей и многимъ другимъ дома, и чувство ее было понятно и раздѣлялось ея близкими".....

Къ 11-ти часамъ утра, собрались члены всѣхъ сословій въ помѣщеніи новой думы; сюда же пріѣхали и члены высо-

чайше учрежденной коммиссіи для введенія общественнаго управленія въ Москвѣ. Икона Иверской Божіей Матери была внесена въ залу старшинами, и собраніе открыто приведеніемъ къ присягѣ присутствующихъ.

Въ половинѣ 12-го часа, пріѣхалъ Московскій военный генералъ-губернаторъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ, и былъ совершенъ молебенъ съ водосвятіемъ, который былъ отслуженъ преосвященнымъ Саввою, епископомъ Можайскимъ, викаріемъ Московскимъ. Послѣ молебна окропили всѣ комнаты новаго помѣщенія святою водой и священникъ Богословскій-Платоновъ произнесъ слово, въ которомъ „почтенныхъ представителей царствующаго града“ призывалъ „руководствоваться не примѣрами людской шаткой нравственности, но заповѣдями и примѣромъ *Господа великаго, и крѣпкаго, и страшнаго, иже не дивйтся лицу́, ниже́ взе́млетъ да́ра (Второз.*, X, 17), ограждаетъ совѣсть страхомъ суда не человѣческаго токмо, но Божія: *да не познаете лица въ судѣ, малому и великому судите, и не устыдитеся лица человѣка, яко судъ Божій есть*“.

Затѣмъ, генералъ-губернаторъ поздравилъ гласныхъ съ открытіемъ думы и удалился. Городской голова князь А. А. Щербатовъ, занявъ свое предсѣдательское мѣсто, объявилъ „въ одушевленной рѣчи“, что считаетъ себя счастливымъ открыть думу прочтеніемъ, поданнаго ему нѣсколькими гласными проекта слѣдующаго письма къ государю:

„Всемилостивѣйшій государь! Собравшись въ первый разъ, Московская общая всесословная дума спѣшитъ повергнуть предъ вашимъ величествомъ изъявленіе непоколебимой преданности престолу и благоговѣйной признательности за дарованное Москвѣ общественное управленіе, которое, съ Божіею помощію, упрочитъ и разовьетъ благосостояніе дорогого вашему величеству и всей Россіи первопрестольнаго города. Въ этомъ городѣ, государь, глубоко и сильно отзывается всякое торжество и всякая скорбь Русской Земли. Москва, собиравшая Русскую Землю, Москва, утвердившая Русское царство, возлагаетъ, въ виду совершающихся и грядущихъ событій, все свое упованіе

на незыблемую твердость вашего величества. Да вѣдаетъ міръ, что великія преобразованія, предпринимаемыя вами, государь, на благо Отечества и расширяющія права вашихъ вѣрноподданныхъ, только новыми, крѣпчайшими узами соединяютъ Русскаго царя съ Русскою Землею и дадутъ новую крѣпость его державѣ. Да уразумѣютъ враги наши, что высокое милосердіе, явленное вашимъ величествомъ въ манифестѣ, отъ 31 марта, свидѣтельствуетъ о силѣ спокойной и твердой, которая, прощая виновныхъ, смиритъ непокорныхъ. Вы не потерпите, государь, никакого покушенія на нераздѣльность вашихъ владѣній, вы не уступите ничего изъ достоянія Русской державы, Богомъ ей даннаго и купленнаго цѣною Русской крови. Государь! Люди выборные отъ всѣхъ сословій вашей первопрестольной столицы, мы дерзаемъ свидѣтельствовать предъ лицемъ вашимъ объ общемъ чувствѣ, одушевляющемъ вашихъ вѣрноподданныхъ. Весь народъ вашъ съ вами, государь! Весь народъ вашъ станетъ крѣпко, не страшась никакой борьбы и готовый на всякія жертвы, за неприкосновенность вашей державы, за величіе дорогого Отечества".

Проектъ письма былъ принятъ единогласнымъ громомъ восклицаній. Поднесеніе же письма государю было возложено на городского голову, съ сословными старшинами.

„Москва—писалъ Катковъ—получила, наконецъ, городское учрежденіе, въ которомъ на одно общее и всѣмъ близкое дѣло соединены всѣ сословія, доселѣ совершенно разрозненныя. Вслѣдъ за Москвою, и другіе города не замедлятъ получить то же учрежденіе. А вмѣстѣ съ городами то же начало единенія сословій въ общественномъ дѣлѣ распространятъ по всему лицу Русской Земли земскія учрежденія, уже приготовляемыя законодательнымъ порядкомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ этихъ начатковъ само собою разовьется новая общественная организація, вмѣсто доселѣ господствовавшей у насъ. Сословія еще остаются, но они сближаются между собою, соединяются въ совокупной дѣятельности. Изъ этого сближенія существующихъ сословій не

преминетъ выработаться самъ собою новый типъ общественной организаціи".

Но, замѣчаетъ Катковъ, „объ этихъ и подобныхъ предметахъ можно говорить всегда. Какъ ни важны эти предметы, они должны уступить теперь мѣсто—другому, всепоглощающему интересу. Открытіе Московской думы гораздо важнѣе потому, что первымъ дѣйствіемъ ея перваго собранія было единодушное и единогласное принятіе всеподданнѣйшаго адреса, по поводу смутъ, происходящихъ въ Польшѣ, и угрозъ и оскорбленій, которыя сыплются теперь со всѣхъ сторонъ на наше Отечество. Никогда общественное заявленіе не было такъ единодушно и не отличалось такою искренностію, какъ въ этомъ случаѣ... Ничего искусственнаго не было въ этомъ порывѣ, побудившемъ гласныхъ новой думы выразить передъ престоломъ чувства, одушевляющія всѣхъ и каждаго... Никогда, можетъ быть, Московской думѣ, да и какому бы то ни было собранію, не придется съ бо̀льшимъ правомъ считать себя органомъ общественнаго настроенія, какъ въ этомъ случаѣ. Наша дума послужила въ этомъ случаѣ полнымъ выраженіемъ чувства, проникающаго всѣ классы общества и, какъ великая волна, проходящаго теперь по всему пространству нашего Отечества".

Въ тотъ же день, въ Англійскомъ клубѣ былъ данъ обѣдъ князю А. А. Щербатову, на который были приглашены и старшины всѣхъ пяти сословій: Гончаровъ, Шильдбахъ, Рязановъ, Голубинскій и Кустовъ. На обѣдѣ присутствовалъ Московскій военный генералъ-губернаторъ, но не въ офиціальномъ своемъ качествѣ, а по праву члена Англійскаго клуба. Всѣхъ членовъ клуба, участвовавшихъ въ обѣдѣ, было двѣсти двадцать человѣкъ. Великолѣпный оркестръ музыки игралъ въ продолженіе всего обѣда. Первый тостъ за здоровье государя императора, провозглашенный старшиною клуба, Д. И. Бѣлявцевымъ, былъ принятъ съ такимъ энтузіазмомъ, съ такимъ продолжительнымъ всепокрывающимъ громомъ восклицаній, какого, по всей вѣроятности, не запомнятъ стѣны Англійскаго клуба. Затѣмъ пили за здоровье новаго Московскаго головы и сослов-

ныхъ старшинъ. Нѣсколько словъ въ привѣтствіе сказано было старшиною Д. И. Бѣлявцевымъ, на которыя отвѣчалъ князь А. А. Щербатовъ, и предложилъ тостъ за здоровье П. А. Тучкова. Въ заключеніе, при громогласномъ *ура*! пили за благоденствіе и величіе Россіи".

„Обѣдъ былъ роскошный—замѣчаетъ одинъ изъ участниковъ, — и дѣлаетъ честь вкусу распорядителей, старшинѣ Англійскаго клуба. Но, къ сожалѣнію, мы все еще не можемъ устраивать обѣды съ рѣчами. Общественный обѣдъ красенъ не одними пирогами, но и тѣмъ, что̀ за нимъ молвится. Недостаточно одного провозглашенія тостовъ, было бы желательно, чтобы за бокаломъ происходилъ размѣнъ мыслей, имѣющихъ общественное значеніе. Для этого нѣтъ никакой надобности въ ораторскомъ искусствѣ; но необходимъ строгій порядокъ, который возможенъ только при условіи, чтобы не только гастрономическая часть обѣда, но и словесная его часть имѣла своего распорядителя" [38]).

Въ тотъ же день Погодинъ запасалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Открытіе думы. Иверская и пѣніе. Съ купцами. Обокрадены".

Между тѣмъ, митрополитъ Московскій Филаретъ, 12 апрѣля 1863 года, писалъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода слѣдущее: „Нужнымъ нахожу, чтобы вы имѣли свѣдѣніе о случаѣ при открытіи Московской градской думы. Предъ начатіемъ выборовъ, по прежнему обычаю, въ каѳедральной церкви преосвященный Можайскій Савва совершилъ литургію, произнесъ поученіе къ избирателямъ; потомъ былъ молебенъ и присяга. Такъ прежде поступаемо было и при введеніи въ должность избранныхъ. Посему и поручилъ я для слѣдующаго случая приготовить поученіе священнику Успенской, что̀ на Могильцахъ церкви, магистру Богословскому. По случаю моей болѣзни, сего поученія не читалъ я и не исправлялъ буквально, а слушалъ и указывалъ сочинителю мысли и выраженія, которыя не должны быть произнесены. Такова, напримѣръ, была мысль, что иногда головы стѣсняемы были въ дѣйствованіи силою высшей власти. Я сказалъ, что это напомнитъ голову Кирья-

кова и генералъ-губернатора Закревскаго, и будетъ имѣть слѣдствіемъ пересуды, а не назиданіе. 9 апрѣля вечеромъ, съ двумя викаріями, читали и разсматривали мы дѣла (Посторонних не могу я принимать со дня Пасхи). Сказываютъ, что пришелъ отъ генералъ-губернатора дѣйствительный статскій совѣтникъ Ильинъ, по крайней надобности. Приглашаю войти; онъ объясняетъ, что завтра (10 апрѣля) открытіе городской думы, въ ея домѣ, и присяга избранныхъ. Я предлагалъ-было представить Павлу Алексѣевичу Тучкову, не предпочтетъ ли онъ прежняго порядка. Но г. Ильинъ сказалъ, что такъ уже распоряжено: и я поручилъ дѣло преосвященному Можайскому, сказавъ ему, между прочимъ, пригласить священника Богословскаго и разсудить съ нимъ, отложить ли совсѣмъ поученіе, или часть онаго въ видѣ рѣчи произнесть предъ присягою. 10 апрѣля, въ 10 часовъ утра, преосвященный прибылъ въ назначенную залу. До прибытія генералъ-губернатора, прежде молебствія, предложили ему привести къ присягѣ избранныхъ: и это исполнено. По прибытіи генералъ-губернатора, совершены молебны Спасителю, Божіей Матери, преподобному Сергію, освященіе воды; и наконецъ священникъ произнесъ рѣчь. По окончаніи службы, Павелъ Алексѣевичъ спросилъ викарія, читалъ ли я рѣчь. Затѣмъ священникъ пришелъ ко мнѣ просить дозволенія отдать рѣчь, по требованію, для напечатанія. Прочитавъ ее, я не нашелъ ее довольно привлекательною; но не нашелъ и выступающею изъ предѣловъ порядка. Увѣщаніе, чтобы *дѣйствующіе для блага общаго не преклонялись къ человѣкоугожденію, ни страхомъ сильныхъ Земли, ни желаніемъ отличій*, по моему мнѣнію, неловко выражено, но не подаетъ никому причины оскорбляться. Я велѣлъ измѣнить сіи выраженія для печати“.

Нѣсколько дней спустя, именно 18 апрѣля, митрополитъ Филаретъ послалъ къ оберъ-прокурору другое письмо, въ которомъ читаемъ:

„Писалъ я къ вамъ объ открытіи Московской думы, въ церковномъ отношеніи. Случилось мнѣ сказать одному изъ братій

моихъ по службѣ, какъ произвольно поступили, великую святыню литургіи замѣнили домашнимъ богослуженіемъ, и это не въ порядкѣ; вмѣсто того, чтобы молитвою и поученіемъ приготовить совѣсть къ благоговѣйному принятію присяги, присягу произвели прежде всего, даже прежде полнаго собранія, какъ нѣчто маловажное; наконецъ, послѣ хожденія по дому для окропленія святою водою, явилось поученіе, какъ нѣчто оторванное и опозданное. Собесѣдникъ мнѣ отвѣчалъ: видно, за это невниманіе къ церкви и наказалъ ихъ Богъ. Какимъ образомъ? Къ сей церемоніи они устроили новую водосвятную чашу, украшеніе для иконы Божіей Матери Иверскія, которая имѣла быть принесена, и ковры. Все сіе въ ночь предъ церемоніею украдено. Такъ движется наша свобода, такъ открывается наше самоуправленіе“ [39]).

XIX.

2-го іюля 1863 года, Кошелевъ писалъ Погодину изъ своей Песочни: „Чтó дума? Нѣтъ, лѣтомъ мы такъ разъѣзжаемся, что общественной каши не сваришь. Зима укрѣпляетъ наши нервы; на людяхъ мы другъ друга возбуждаемъ, и тогда готовы хоть на стѣну лѣзть“.

Но это не относилось къ Погодину. Онъ пребывалъ въ Москвѣ.

Какъ къ гласному Московской думы, Н. И. Любимовъ взывалъ къ Погодину: „Вы, *гласный* и *небезгласный*—писалъ онъ.—Почему бы вамъ не заявить предъ думою: какъ математически развращаютъ нашъ православный людъ всякіе спекулянты и аферисты,—содержатели увеселительныхъ садовъ, домовъ, кабаковъ и проч. Сколько тутъ всякихъ непотребствъ, содóма и всякой пакости!.. Бывавшіе на подобныхъ сборищахъ, балахъ и проч. говорятъ, что Французскіе *бальмабиль* и проч. ничего предъ нашими не значатъ. Народъ и средніе классы развращаются въ *корень*, а потомъ ядъ изъ городовъ разливается по деревнямъ,—по всей Руси.—Власти, какъ вы знаете,

и какъ сами же писали объ этомъ, не обращаютъ на это никакого вниманія,—какъ будто до нихъ не касается (развѣ случится смертоубійство, или тому подобное); даже въ иныхъ мѣстахъ покровительствуютъ подобнымъ непотребствамъ. Вѣдь есть же такіе политики, которые находятъ, что все это даже полезно,—что этимъ отвлекаются умы отъ думъ серьезныхъ.

Пора бы,—въ столицахъ въ особенности,—обратить на все это вниманіе. Потолкуйте-ка съ Щербатовымъ и съ вліятельными по думѣ лицами, прежде нежели сдѣлать формальное заявленіе. Вы знаете, что у насъ все прежде надобно келейно обдѣлывать. Скажите: что *положить какую-нибудь границу развивающемуся разврату есть требованіе всѣхъ честныхъ людей на всей Руси.* Московская дума, взявъ подобную иниціативу, пріобрѣтетъ общую благодарность.

Какую бы въ предложеніи, или иномъ документѣ, изъ всего видимаго можно сдѣлать *потрясающую картину*!.. И авось, все это, и примѣръ Московской думы расшевелили бы наше правительство"[40])!

Какъ бы въ отвѣтъ на это воззваніе, Погодинъ нарисовалъ картину народнаго праздника, происходившаго на Дѣвичьемъ полѣ, въ день престольнаго праздника Смоленской Божіей Матери. „На нашей улицѣ праздникъ—писалъ онъ.—А какъ называется наша улица? Царицына,—что теперь ужь совсѣмъ позабыто. Имя Царицыной велося съ того времени, какъ въ Дѣвичій монастырь удалилась царица Ирина, супруга Ѳедора Ивановича, сестра Бориса Ѳедоровича Годунова. Къ ней-то и былъ самый знаменитый ходъ изъ Кремлевскихъ соборовъ, въ 1598 году, просить, чтобъ она убѣдила брата принять царскій вѣнецъ.

Нынѣшній ходъ не отличался особымъ великолѣпіемъ, потому что дождь разгонялъ безпрестанно богомольцевъ. А въ ясную погоду, Дѣвичье поле въ этотъ день, усыпанное народомъ, въ праздничныхъ платьяхъ, представляетъ зрѣлище игривое и живописное. Была одна минута умилительная—видѣть карету митрополита, въ шесть лошадей, двигавшуюся по ок-

раинѣ поля. Народъ со всѣхъ сторонъ бѣжалъ на встрѣчу получить благословеніе отъ своего маститаго пастыря. Въ продолженіи сорока лѣтъ едва ли два-три раза пропустилъ онъ служить въ этотъ день въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Это строгое исполненіе долга, со стороны 80-лѣтняго старца, возбуждаетъ чувство глубокаго, истиннаго почтенія. Проѣхать изъ Троицкой на Дѣвичье поле, по Московской мостовой,—утомительное путешествіе, трудный подвигъ. Съ такимъ же чувствомъ смотрѣлъ я на него въ нынѣшнемъ году обходящаго Успенскій соборъ предъ заутренею на Свѣтлое Воскресенье. Филаретъ— это есть наше Всероссійское сокровище, и вмѣстѣ Московская первая знаменитость. Русская церковь, Отечество, наука, литература, имѣютъ право гордиться имъ одинаково. Вотъ только и было одно пріятное ощущеніе для меня въ этотъ день; прочія—досада, стыдъ, негодованіе, печаль, прискорбіе. Еще не успѣли кресты пуститься въ обратный путь, какъ уже пьяные показались на всякомъ шагу. И кто былъ между ними? женщины, молодыя и старыя, мальчишки, сѣдые старики. Отвратительное и вмѣстѣ грустное зрѣлище! Сорокъ кабаковъ предлагали упоеніе... во славу праздника. Дешевое вино разливалось потоками, сосуды всѣхъ родовъ, штофы, ковши, шкалики, рюмки, красовались батареями на прилавкахъ. Яркіе цвѣта наливокъ и настоекъ бросались въ глаза. Цѣловальники съ разряженными женами и дѣтьми зазывали посѣтителей и угощали, и посѣтители не заставляли себя упрашивать долго. Разливанное море. Сотни чайныхъ палатокъ, харчевень, кофеенъ, ресторановъ, балаганы съ пьяными паяцами и охриплыми комедіантками, качели съ объятіями, поцѣлуями и пѣснями, коньки съ шарманкою, хороводы съ наглыми ухватками. Боже мой, Боже мой! Что̀ же это такое? Гдѣ прогрессъ? Гдѣ цивилизація? Смягченіе нравовъ? Тихія удовольствія? Благородное веселье? Шумъ, гамъ, грубость, дикость, варварство!

Какому вѣдомству принадлежатъ народныя гулянья? Наши министерства—похожи на удѣльныя княжества. Главное—*не переступати предѣла братня*, хотя бы съ мыслію новою, по-

лезною, благотворною! Это непозволительное посягательство, нарушеніе права! А существенные вопросы народной жизни, при такомъ строгомъ распредѣленіи, и остаются часто ни до кого не относящимися. Духъ времени, благочестіе, нравственность, здоровье, образованіе—кому принадлежатъ? Все это неуловимо, неизчислимо, невѣсомо, и никакому министерству, говоря вообще, до этого дѣла нѣтъ, а дѣло есть только до событій, говоря по модѣ, спеціальныхъ, пластическихъ и горельефныхъ.

На Дѣвичьемъ полѣ перебываетъ въ этотъ день до 20 тысячь человѣкъ, если не болѣе. Входило ли въ голову комунибудь изъ нашихъ государственныхъ людей, что имъ очень полезно побывать на томъ или на другомъ гуляньѣ, присмотрѣться, прислушаться, и вывести свои заключенія для той или другой важной государственной мѣры? Даже полиціи высшей нигдѣ не бываетъ, потому что замѣлить спину крестомъ (кстати—варварскій и мерзостный обычай, которымъ только по привычкѣ,—о ней послѣ,—мы не гнушаемся), отвести пьяницу или буяна на съѣзжую можетъ спокойно и хожалый, или будочникъ. А прочіе вопросы до полиціи не касаются, точно какъ не касаются и до монастырскаго начальства, до духовнаго вѣдомства. Заплатите по рублю серебромъ за нумеръ, а тамъ хоть на головахъ ходите. На головахъ и ходятъ, подъ звонъ монастырскихъ колоколовъ вмѣстѣ съ шарманками, гармониками, органами. Заботилась прежде казенная палата, чтобы не было болѣе двухъ винныхъ выставокъ, а теперь и той дѣла нѣтъ: пей, душа, ѣшь и веселися! Никогда съ такою грустію не ходилъ я по гулянью, какъ нынѣ, и все казалось мнѣ мрачнѣе, печальнѣе, досаднѣе, чѣмъ прежде. Мой ученый другъ, И. С. Аксаковъ, настаиваетъ въ своихъ искреннихъ горячихъ, проникнутыхъ любовію къ Отечеству статьяхъ, что народу, обществу, земству, надо предоставлять какъ можно болѣе свободы въ ихъ дѣйствіяхъ, и какъ можно менѣе прибѣгать къ опекѣ правительства. Ну вотъ, посмотрите на Дѣвиченское гулянье. Я наблюдаю его тридцать лѣтъ, и говорю вамъ смѣло,

что предоставленное самому себѣ, оно дѣлается все хуже и хуже, гаже и гаже. Если никто не позаботится о томъ, чтобъ оно приняло видъ сколько-нибудь по-благообразнѣе, то оно окончится оргiями и вакханалiями, до которыхъ впрочемъ остается уже не далеко.

Передъ одною палаткой, между монастырскою стѣной и слободою, столпилось много народа; я остановился посмотрѣть, что̀ тамъ происходило: играла шарманка, и подъ эту музыку молодая дѣвушка, съ красными щеками, разряженная въ прахъ, со множествомъ бантовъ на головѣ и на груди, самыхъ яркихъ цвѣтовъ, пѣла охриплымъ голосомъ, какъ будто собирая остальныя силы: *а кто мои кудри, а кто мои русы* и пускалась плясать, кружиться, повертывая плечами, топая ногами. Въ дверяхъ палатки стоялъ старикъ, высокаго роста, крѣпкаго сложенiя, но весь уже бѣлый, и безпрестанно на нее прикрикивалъ: валяй, валяй! Чуть только несчастная останавливалась, чтобы перевести духъ, отдохнуть, онъ вынималъ денегъ, показывалъ издали, и опять кричалъ: валяй, валяй! По наружности дѣвушка показалась мнѣ не Русскою, но слова выговаривала она чисто по-Русски. По временамъ выскакивалъ изъ палатки молодой человѣкъ, не первой молодости, а уже лѣтъ за 30, и пускался съ нею въ присядку, къ великому удовольствiю зрителей, а старикъ опять повторялъ: валяй, валяй! Старикъ не былъ пьянъ, и на лицѣ у него не было примѣтно ни малѣйшаго удовольствiя; никакого веселья, казалось, онъ не ощущалъ. Кто еще былъ въ палаткѣ я не могъ разсмотрѣть изъ-за толпы. Но нечаянно я взглянулъ къ верху, и увидѣлъ на монастырской стѣнѣ, между двумя зубцами, монаха, въ черной рясѣ, который наблюдалъ издали, такъ какъ и я, эту отвратительную сцену. Къ сожалѣнiю, со мною не было подзорной трубки, и я не могъ разсмотрѣть, что̀ написано было на лицѣ этого монаха (вѣроятно прохожаго гостя, или родственнаго), одно ли изъ тѣхъ чувствъ, изображенныхъ Брюловымъ въ портретахъ Рождественскихъ монаховъ, которые столько понравились покойному государю Николаю Пав-

ловичу, или изъ тѣхъ, которымъ мы удивляемся въ картинахъ Веласкеса и Эспаньйолетто

Подошелъ я къ хороводу. Хороводы водятся у насъ на Полѣ всякій праздникъ, и я не замѣчалъ въ нихъ ничего неприличнаго, но нынѣшній мнѣ былъ противенъ: выдуманы были новыя фигуры, которыхъ я прежде никогда не видалъ, напримѣръ—садиться женщинамъ на землю, а мущинамъ чуть ли не становиться на одно колѣно. Мущины, особенно передовые, выпивъ для куража черезъ край, старались показать свое удальство или даже ухорство, и нѣкоторыя движенія были таковы, что хоть бы въ Парижскій канканъ! Мы очень переимчивы, особенно на дурное, и въ нынѣшнемъ хороводѣ ясно было примѣтно вліяніе благороднѣйшихъ собраній въ Эрмитажѣ или Эльдорадо. Женщины сохраняли холодную наружность,— и гораздо развязнѣе были, ходя подъ ручку по Полю, чѣмъ въ хороводѣ. Гулять подъ ручку, или просто, обнявшись, считается ни почемъ: никому не стыдно, ни мущинѣ, ни женщинѣ,—да и въ зрителяхъ непримѣтно ни малѣйшаго осужденія,—а вѣдь всѣ знаютъ, что это не мужья ходятъ съ женами. На коньки я всегда люблю смотрѣть и наблюдать физіономію ребятишекъ: вотъ искреннее веселье, удовольствіе, радость: какъ они постегиваютъ своихъ деревянныхъ лошадокъ, какъ покрикиваютъ, понукаютъ, сердятся, горячатся. Видишь, что они въ полномъ очарованіи, и весь міръ для нихъ съ своими Наполеонами и Пальмерстонами, хоть огнемъ гори. А съ какою горестію слѣзаютъ они, когда хозяинъ останавливаетъ движеніе, восклицая лаконически: *будетъ*! Погладятъ обыкновенно они по гривѣ, ударятъ,—и скорѣе прочь! Но нынче и коньки прибавили мнѣ дурной крови: посажена была въ рединѣ шарманка, которая пиликала какія-то Нѣмецкія пѣсни.

Предъ балаганами толпы народа: паяцы и хозяева въ трикиковыхъ обтянутыхъ платьяхъ, розоваго и палеваго цвѣта, отвратительны, а шутки ихъ, ухватки, ссоры, еще хуже. Между тѣмъ, народъ ими забавляется, утѣшается! И рядомъ съ паяцами стоитъ полковая музыка въ солдатскихъ шинеляхъ!

Обошелъ я и чайныя палатки: здѣсь публика почище, нѣкоторыя палатки заняты цѣлыми семействами: отецъ, мать, дочери и сыновья. Одежда вообще становится лучше и лучше, примѣчается и вкусъ, но наружному не отвѣчаетъ нисколько внутреннее: вы видите по физіономіямъ, что одна животная натура развивается, а не человѣческая; они довольны своимъ положеніемъ, и лучшаго ничего не желаютъ. Что́ же доставляетъ имъ удовольствіе, возбуждаетъ смѣхъ? Грубыя шутки, неблагопристойныя движенія, пьяные вопли, громкія ругательства!— и все это будто въ порядкѣ вещей! Доберитесь, напримѣръ, зачѣмъ пришли сюда: вотъ эта порядочная женщина, этотъ степенный купецъ? Зачѣмъ они привели сюда свою молоденькую, хорошенькую дочь? Такъ! Они пьютъ чай. Но вѣдь дома чай у нихъ лучше. Посмотрѣть на народъ, то-есть, на толпу, послушать крику, получить одинъ-другой толчокъ! Стоило труда пожаловать изъ-за семи верстъ, потому что разстояній ближе отъ нашего Дѣвичьяго Поля найдется немного.

Къ райкамъ не случалось подходить нынче, а прежде я слыхивалъ здѣсь такіе разсказы, что наши цензора, самые снисходительные по этой части, заткнули бы себѣ уши.

Въ чайныхъ палаткахъ для меня занимательнѣе всего хозяева, эти бѣдные промышленники, которые отъ Креста, изъ Сущева, съ Прѣсни, изъ Лефортова, кромѣ сосѣднихъ Хамовниковъ, собираются сюда еще наканунѣ, везя на телѣжкахъ свой бѣдный скарбъ: столикъ, ведро, самоваръ, кулекъ съ угольями. Старикъ-мужъ кряхтитъ запряженный въ телѣжку, жена тащитъ лавочку, пару стульевъ, у дѣтей въ рукахъ по узелку. А нынѣ два дня былъ дождь! Что̀ чувствовали бѣдные, не только теряя всякую надежду на барышъ, но и опасаясь за убытокъ: чѣмъ заплатить въ овощную лавку, за взятый въ долгъ чай-сахаръ, или угольщику за уголь? Какимъ жалобнымъ голосомъ зазываютъ они къ себѣ прохожихъ: въ *Подайте Христа ради*, кажется, меньше слышалось горя, чѣмъ въ этихъ приглашеніяхъ. Пожалуйте, баринъ, свѣженькаго, только вскипѣлъ самоваръ. Ну вотъ, и этотъ пройдетъ мимо, думала,

вѣрно, бѣдная женщина, бросая на меня умоляющій взглядъ! И проходишь мимо, а радъ бы напиться чаю во всякой палаткѣ. Вотъ она бѣдность-то, нужда!

Разумѣется, по этому гулянью нельзя судить вообще о Русскихъ гуляньяхъ. Большинство здѣшней публики составляетъ самую дурную, избалованную часть городского населенія—фабричные, рабочіе, сидѣльцы, но бываетъ много и порядочныхъ семействъ, которыя считаютъ своею обязанностію посѣтить это гулянье, какъ и сходить съ крестами подъ Донской, подъ Симоновъ, подъ Андроньевъ, къ Спасу на Новое.

Слѣдовательно, есть въ народѣ потребность прогуляться, позабавиться, повеселиться. Ну и должны власти позаботиться о томъ, чтобы добрые граждане получили средство, случай, провести праздничный день съ удовольствіемъ. Какъ же бы это сдѣлать? Живя тридцать лѣтъ на Дѣвичьемъ полѣ, я счелъ нынѣ обязанностію своей подумать объ этомъ, и на первый случай вотъ что̀ пришло мнѣ въ голову.

Въ святыхъ воротахъ, по церквамъ, стоятъ и сидятъ теперь монахи съ тарелками и, кланяясь, собираютъ на церковное строеніе. Ни единаго слова отъ нихъ не слышится. Составьте какое-нибудь описаньице Дѣвичьяго монастыря, да разскажите намъ его Исторію; объясните похожденія царевны Софіи, царицы Евдокіи, которыя у васъ похоронены; разскажите, какъ Петръ Первый пріѣзжалъ сюда и открылъ заговоръ; напишите преданіе о казняхъ стрѣлецкихъ; опишите, какъ Борисъ Годуновъ здѣсь жилъ при сестрѣ своей царицѣ Иринѣ, какъ приходилъ сюда патріархъ Іовъ, со всѣмъ Московскимъ духовенствомъ, просить и убѣждать непреклоннаго шурина царскаго. Разсказывая, укажите пальцемъ на кельи: вотъ гдѣ она жила, а у матушки-де игуменьи есть и портретъ ея. Нельзя ли посмотрѣть? Отчего же нѣтъ? Графиня Ростопчина написала про нее стихи, вотъ какіе. Укажите на зубцы: вотъ гдѣ висѣли стрѣльцы, почитайте-ка г. Устрялова и проч. и проч. Припомните основаніе монастыря въ память взятія Смоленска, замѣтьте имя первой игуменьи Дѣвочкиной, потолкуйте

объ имени Дѣвичьяго Поля въ сосѣдствѣ съ Бабьимъ Городкомъ. Въ Дѣвичьемъ монастырѣ три или четыре священника, два дьякона, и нѣсколько причетниковъ. Помилуйте — всѣмъ нашлось бы дѣло, еслибы мозгъ приводился въ движеніе: кто разсказывалъ бы въ трапезѣ, кто у гробницъ, кто на кладбищѣ, кто водилъ бы по стѣнамъ и разсказывалъ про Воробьевы горы, съ храмомъ, Васильевское съ Долгорукимъ-Крымскимъ, Андреевскій монастырь съ первымъ училищемъ, Голенищево, съ митрополитомъ Кипріаномъ, Дербентъ съ *Чернецомъ* Козлова! Да какъ это можно, этого никогда не бывало, да что скажутъ,—ну вотъ и извольте смотрѣть на пьянство и безчиніе и слушать непристойныя слова. Это можно, это бывало, объ этомъ некому сказать противъ. За разсказы можно собирать и деньги, которыя охотно принесъ бы всякій любознательный слушатель. И такихъ найдется много. Умѣйте только заохотить, умѣйте говорить по-людски, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Причетники могли бы разсказывать, стоя у камней, жизнь и похожденія Дениса Давыдова и прочихъ знаменитыхъ покойниковъ. Надо пользоваться всякимъ случаемъ, чтобъ распространять полезныя свѣдѣнія въ народѣ, расширять его горизонтъ, возбуждать любопытство, очищать вкусъ, а мы какія принимаемъ для того мѣры? Въ святыхъ воротахъ надо продавать описаніе монастыря.

Удовольствія надо также разнообразить, облагораживать, и здѣсь можно употребить съ пользою райки. Слѣдуетъ снабдить хоть въ долгъ этихъ самородныхъ ораторовъ хорошими картинками и стеклами, сочинить для нихъ описанія, къ коимъ они могутъ прибавлять свои остроты, замѣтивъ имъ строго, чтобы не смѣли завираться.

Да и комедіантовъ нельзя оставить безъ отеческихъ совѣтовъ.

Приличное пѣніе и приличная пляска могутъ быть также по мѣстамъ устроены, а полковой музыкѣ гораздо естественнѣе расположиться на какой-нибудь лужайкѣ, чѣмъ на балконѣ, и повеселить лучше даромъ простой народъ, чѣмъ отборную

публику парка или Сокольниковъ, которая имѣетъ и безъ нея много средствъ веселиться.

Кому же позаботиться объ устройствѣ нашего гулянья, а за нимъ и прочихъ? Разумѣется—городской думѣ. Она должна думать не только о сборѣ доходовъ и взысканіи недоимокъ, но и о доставленіи невинныхъ удовольствій мирнымъ обывателямъ. Вотъ я, какъ гласный, и подаю здѣсь голосъ.

Имѣю честь обратить также вниманіе и на то, что отъ Зубова до монастыря, по полю, непремѣнно должна быть проложена каменная дорога, мощенка, какая проложена по полю въ Сокольники. Случается — зимою и осенью у насъ проѣзда не бываетъ, и бѣда умереть кому-нибудь въ эту пору: грѣшное тѣло подвергается опасности до могилы упасть нѣсколько разъ въ воду, въ снѣгъ, въ грязь. Представьте же себѣ положеніе родныхъ, провожатыхъ, которые суетятся около гроба. Вѣдь это дикія явленія, Азіатскія, а мы спокойно на нихъ смотримъ и позабываемъ до новаго случая.

Пошло на совѣты, и я посовѣтую еще монастырскому начальству насадить непремѣнно рощицу позади монастыря, и аллею съ боку къ слободѣ, чтобы доставить сколько-нибудь тѣни и уюту многочисленнымъ гостямъ 28-го іюля.

Да кстати уже замѣчу, что не худо бы развести какой-нибудь садикъ и въ стѣнахъ монастыря. Ну какъ это не стыдно, чтобы не было общаго мѣста для прогулки бѣдныхъ затворницъ? Повѣрятъ ли въ Европѣ, что можетъ быть въ городѣ монастырь безъ сада? Какъ женщины, дѣвушки, могутъ обходиться безъ цвѣтовъ, безъ растеній, безъ зелени, довольствуясь бальзаминами оставшимися чуть ли не въ наслѣдство отъ царевны Софіи Алексѣевны, и бархатцами, отъ царицы Евдокіи? Ботаническія свѣдѣнія необходимы, и онѣ доставили бы многимъ невинное пріятное развлеченіе: цѣлый день не проводятъ же нынѣшнія монахини за молитвенниками. Что́ сказать о строеніяхъ? Въ Дѣвичьемъ монастырѣ онѣ порядочны, судя по наружности, хотя и очень разбросаны, но въ другихъ монастыряхъ я видалъ страшный безпорядокъ и

безобразіе, которые нынѣ терпимы быть не могутъ и не должны“ [41]).

XX.

Выборомъ въ гласные всесословной думы, Погодинъ былъ очень доволенъ.

„Владѣя домомъ въ Москвѣ,—писалъ онъ,—я не считалъ себя въ правѣ отказаться отъ возложенной обязанности, не смотря на свои совершенно инородныя занятія, которыя не оставляютъ мнѣ ни минуты свободной“. Не взирая на свои „инородныя“ занятія, Погодинъ внимательно слѣдилъ за дѣятельпостію думы и подавалъ свой голосъ. Такъ, по поводу предложенія, сдѣланнаго въ думѣ о газовомъ освѣщеніи, онъ произнесъ, 7-го августа 1863 года, слѣдующую рѣчь:

„Первую пѣсенку зардѣвшись спѣть. Говоривъ и разсуждавъ много о предметахъ отвлеченныхъ, историческихъ, о предметахъ науки, я никогда не говорилъ и не разсуждалъ о предметахъ счетныхъ и хозяйственныхъ. Между тѣмъ, назвавшись груздемъ, такъ полѣзай въ кузовъ; взялся за гужъ, не говори что не дюжъ. Избранный въ гласные, я долженъ подать свой голосъ о предложенныхъ вопросахъ.

Я буду говорить, ссылаясь только на здравый смыслъ. Знатоки, или, какъ называютъ ихъ нынче, спеціалисты, не должны взыскивать за мои ошибки или промахи, если какіе случатся, а исправить ихъ великодушно. Я буду говорить просто, ибо всѣ наши совѣщанія должны отличаться простотою, подчиняясь характеру большинства.

Намъ предлагаютъ теперь вопросъ: принять ли освѣщеніе фотогеномъ, которое будетъ стоить городу пятьюдесятью тысячами рублей серебромъ дороже?

Вмѣсто отвѣта, я думаю, слѣдуетъ прежде спросить: есть ли у насъ лишнихъ пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ?

Если ихъ нѣтъ, то нечего толковать ни о какихъ лишнихъ расходахъ. По одежкѣ протягивай ножки!...

Не увеличивать расходы, а уменьшать, вотъ первая задача новой думы, чтобъ уменьшить повинности, по примѣру покойнаго Шестова; повинности, теперь, значительно тягостныя.

Напрасно будутъ васъ пугать невѣжествомъ, варварствомъ и отсталостію. Газовое освѣщеніе принадлежитъ къ числу общихъ мѣстъ Петербургскаго журнальнаго обезьянства, которое хотѣло нагнать на Русскій людъ своего рода страхъ (терроръ), въ чемъ на нѣсколько времени и успѣло.

Это желаніе газоваго освѣщенія напоминаетъ уѣздныхъ прогрессистовъ, которые въ полномъ удовольствіи сообщаютъ извѣстіе въ газеты: и у насъ былъ спектакль, и у насъ былъ концертъ, и у насъ были живыя картины. А пропадайте вы съ вашими живыми картинами! Онѣ надоѣли намъ и въ столицахъ.

Намъ нужна дѣятельная, вѣжливая, честная полиція, вотъ что намъ нужно, вотъ въ чемъ есть настоятельная, нетерпящая отлагательства потребность, намъ нужна дешевизна съѣстныхъ припасовъ, намъ нужны каменные мосты, а газоваго освѣщенія можно еще подождать до лучшихъ обстоятельствъ!

Поговоримъ же, впрочемъ, о газовомъ и вообще объ освѣщеніи города.

Парижъ, Лондонъ, живутъ ночью точно такъ, какъ днемъ... ну, для нихъ и нужно освѣщеніе долговременное, сильное, ровное и повсемѣстное.

Извольте проѣхаться по Москвѣ въ 9 часовъ по всему Замоскворѣчью, по Сущеву, по Прѣснѣ и Лефортову, по Рогожской — вы не встрѣтите ни души. Спрашивается, зачѣмъ же освѣщать эти части города дольше 9 часовъ вечера?

Это напоминаетъ мнѣ обычай Англійскаго нашего клуба сохранять освѣщеніе всего помѣщенія, двадцати комнатъ, до тѣхъ поръ, пока остается хоть одинъ посѣтитель,—обычай стараго, безрасчетнаго, напыщеннаго барства, которое должно выводить намъ изъ своего хозяйства, кольми паче изъ общественнаго.

Въ самыхъ людныхъ частяхъ города, по Тверской, Никит-

ской, по Арбату, послѣ 10-го часа разъѣзжаются не дѣловые люди, не производительные обыватели (тѣ давно уже спятъ), а тунеядцы, игроки, запоздалые гости, праздношатающіеся. Ну, если кто изъ подобныхъ господъ повредитъ себѣ немножко лобъ, то эта бѣда не велика.....

По моему мнѣнію, сначала не слѣдуетъ намъ ничего ломать, ничего разрушать, перемѣнять, безъ какой нибудь очевидной, осязательной необходимости, а оставлять всѣ старыя учрежденія и порядки, съ наблюденіемъ, чтобъ они были исполняемы вѣрно, честно и исправно.

Коммиссія говоритъ, что изъ употреблявшихся доселѣ способовъ уличнаго освѣщенія, фонари съ конопляннымъ масломъ составляли не освѣщеніе, а лишь безплодное уничтоженіе довольно цѣннаго матеріала.

Это правда, но надо разрѣшить прежде вопросъ, отчего это происходило: отъ качества матеріала, или отъ злоупотребленія?

Если масло не хорошаго качества, если къ нему подольютъ другой жидкости, если свѣтильню употребятъ негодную, зажгутъ поздно, да еще пьяными руками, погасятъ рано, то освѣщеніе, разумѣется, выйдетъ темноватое, а вы примите сперва мѣры противъ всѣхъ этихъ уклоненій, и вы получите освѣщеніе масломъ все-таки порядочное, сносное, каковое и было вездѣ въ Европѣ до газовъ, которымъ нѣтъ, кажется, и двадцатипяти лѣтъ.

Точно такъ и фотогенъ Боаталя, какъ я слышалъ, предъ домомъ оберъ-полицiймейстера горитъ аки солнце, а чуть подальше въ стороны, все тускнѣетъ, тускнѣетъ и приравнивается къ нашему доброму старому конопляному маслицу. Вотъ о чемъ надо позаботиться думѣ, а съ безпечностію, которою пропиталась вся наша плоть, мы все-таки зги на улицахъ не увидимъ, хотя-бъ дума выдавала деньги по книгамъ за самый пламенный газъ....

Устроимъ мы понемногу наше хозяйство, избавимся отъ лишнихъ расходовъ, удовлетворимъ насущныя потребности,— о, тогда мы поклонимся и Боаталю, Дидерихсу и Юнгу,

чтобъ они занялися нашими иллюминаціями и зажгли бенгальскій огонь даже на Зацѣпѣ".

Въ той же рѣчи Погодинъ, говоря о лишнихъ расходахъ, обращается къ той огромной книгѣ, подъ заглавіемъ: *Денежные обороты города Москвы*, которая была роздана гласнымъ, которая занимаетъ листовъ пятьдесятъ и, по предположенію Погодина, стóила около тысячи, — вопрошаетъ: „Помилуйте, чесо ради гибель сія бысть? Для кого же она напечатана? Да тутъ и я, привычный къ книгамъ всѣхъ форматовъ, переломлю свою остальную ногу. Какъ же вы хотите, чтобъ мой добрый сосѣдъ изъ мелочной лавочки или простонародной рукодѣльни разсматривалъ всѣ эти ряды чиселъ! Это рутина, форма, старое заведеніе! Вотъ отъ этого старья, отъ проклятой писанины, намъ надо избавиться. Всѣ эти пятьдесятъ листовъ я берусь умѣстить не только на пяти, но, надѣюсь, на одномъ, и такомъ одномъ, который всякой прочтетъ, обозритъ, пойметъ и получитъ матеріалъ для разсужденія. Полную такую табель съ графами надо имѣть въ канцеляріи для справокъ, для рапортовъ, а для нашего брата, гласнаго, нужнѣе и полезнѣе краткіе перечни, на которыхъ господа секретари, наши дьяки, и должны изощряться и показывать свои способности.

Точно такъ предложенія и отчеты коммиссіи напрасно, думаю, печатать особо и платить деньги. Почему не печатать ихъ даромъ въ *Полицейскихъ Вѣдомостяхъ*, болѣе или менѣе намъ принадлежащихъ? Онѣ получатъ чрезъ то занимательность, въ пользу себѣ и намъ. А съ тѣмъ вмѣстѣ будутъ распространяться въ народѣ и свѣдѣнія о городскихъ вопросахъ.

Перелистовавъ толстую книгу, я, незанимавшійся никогда подобными вопросами, увидѣлъ, къ великому моему удивленію, что много городскихъ расходовъ идетъ вовсе не для города, а на предметы посторонніе.

Такъ, напримѣръ, давать пятьдесятъ тысячъ рублей на театръ съ Итальянской оперою, я считаю ни съ чѣмъ не сообразнымъ, тѣмъ болѣе, что большая часть платящихъ жителей, въ театръ и не ходитъ.

Содержаніе пожарной команды должно бы, кажется, получать пособіе хоть на половину отъ страховыхъ обществъ: даетъ же дума пособіе клиникамъ и училищамъ и такъ далѣе".

Въ заключеніе своей рѣчи Погодинъ сказалъ: „Въ званіи гласнаго, по присягѣ, долгомъ поставляю заявить свое мнѣніе таковое: распорядительная дума прежде всего должна озаботиться разсмотрѣніемъ нашихъ расходовъ и доходовъ, опредѣленіемъ, съ дозволенія министра внутреннихъ дѣлъ, какіе изъ нихъ необходимы, и какіе должны быть сняты съ городскихъ плечъ, и представленіемъ смѣты на 1864 годъ на общее сужденіе. Тогда уже можемъ мы приступить къ рѣшенію частныхъ вопросовъ; тогда только мы увидимъ, освѣщаться ли намъ газомъ, или посидѣть еще въ потемкахъ".

XXI.

Дума была озабочена изысканіемъ новыхъ источниковъ доходовъ. Погодинъ и по этому вопросу подалъ свой голосъ.

„Постоянный житель Москвы,—говорилъ онъ,— съ своего рожденія, домовладѣлецъ и домохозяинъ почти съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, я рѣшаюсь представить нѣкоторыя свои мысли на разсужденіе. Отъ думы будетъ зависѣть ихъ исправленіе, распространеніе, приложеніе, если не совершенное осужденіе. Я хочу только исполнить свой долгъ, какъ гласный, по крайнему своему разумѣнію".

Послѣ такого, такъ сказать, предисловія, Погодинъ продолжаетъ: „Сперанскій, предложивъ мысль о сохраненіи свѣчныхъ денегъ въ церквахъ, накопилъ множество милліоновъ, на которыя теперь строятся училища, содержатся воспитанники, награждаются чинотники, и проч.

Одинъ винный приставъ, на вопросъ мой, отчего нѣкоторые откупщики богатѣютъ, а другіе бѣднѣютъ, отвѣчалъ мнѣ: есть капли, которыя умѣютъ иные сберечь и накопить такъ, что изъ нихъ наполняются бочки, а другіе допускаютъ проли-

ваться имъ на полъ. Вотъ одна изъ причинъ различія въ состояніяхъ.

Нельзя ли намъ въ городѣ поискать какихъ-нибудь свѣчныхъ огарковъ, или найти какую-нибудь посудину для собиранія проливаемыхъ черезъ край капель?

Поговоримъ, впрочемъ, прежде о средствахъ, пообыкновеннѣе и простѣе.

Мнѣ кажется, въ городѣ есть много мѣстъ пустопорожнихъ, и мѣстъ, которыя городъ пріобрѣсти себѣ можетъ, и изъ которыхъ легко извлечь большія выгоды.

Никольская есть самая бойкая, доходная и дорогая улица. Чѣмъ же она занята у насъ? Треть ея занимаютъ бѣдныя книжныя лавки, помѣщенныя въ какихъ-то каменныхъ шалашахъ, составляющія безобразіе города. и приносящія доходу Заиконоспасскому монастырю едва ли много болѣе ста рублей за нумеръ. Если капитализировать ихъ, то придется платить монастырю никакъ не болѣе двухъ тысячь руб. въ годъ, а домъ, здѣсь воздвигнутый, можетъ доставить городу многотысячный доходъ. Присоединю сюда и обширный домъ, занимаемый Заиконоспасскимъ училищемъ. Мѣсто ли училищу быть на рынкѣ? Помѣстите его, гдѣ угодно, въ Бѣломъ городѣ, а здѣшнее помѣщеніе будетъ давать вамъ доходу на 20% болѣе, чѣмъ употребите вы на постройку. Точно то же должно сказать о многихъ безобразныхъ постройкахъ монастырей Заиконоспасскаго, Греческаго, Богоявленскаго, Знаменскаго. Монастырямъ здѣсь не мѣсто. Не спасать свою душу могутъ здѣсь монахи, а развѣ приходить въ искушеніе, побѣждать которое безпрестанно нельзя требовать отъ современной человѣческой слабости. Всѣ эти монастыри должны оставаться церквами, а монахи должны переведены быть въ другіе монастыри, болѣе удобные для достиженіи ихъ небесной цѣли. Да и сколько ихъ живетъ теперь здѣсь? Едва ли по десяти въ каждомъ изъ четырехъ названныхъ монастырей. Всѣ шалаши и амбары должны быть сломаны, доходы ихъ монастырямъ и церквамъ выплачиваемы, и на мѣстѣ ихъ должны быть воздвигнуты

новыя зданія, достойныя столицы, или на счетъ города, или частными лицами, на выгодныхъ для города условіяхъ. Я увѣренъ, что не только въ Россіи найдутся охотники строить, но даже прискачутъ Французскіе, Англійскіе капиталисты,— укажи имъ только, объясни мѣстныя выгоды.

Кромѣ монастырскихъ владѣній, на Никольской помѣщена еще синодальная типографія со всѣми своими мастерскими и рабочими. Помилуйте, какъ можно занимать такое дорогое мѣсто, гдѣ всякая сажень драгоцѣнна, какою бы то ни было фабрикою или амбаромъ? Помѣщеніе типографіи обойдется на половину дешевле на всякой другой улицѣ, даже и не очень далекой, напримѣръ, на огородахъ Златоустенскаго монастыря, гдѣ найдется мѣсто и для типографіи, и для училища, даже съ большимъ садомъ. На Никольской должно оставаться только памятникомъ новое среднее зданіе съ библіотекою и книжными лавками, воздвигнутое на мѣстѣ стараго печатнаго двора временъ царя Ивана Васильевича Грознаго, 1553 года. Вспомните, что вся эта мѣстность съ Никольской улицы на другую сторону оканчивается Китайскою стѣною, чрезъ которую отсюда можетъ быть удобно сдѣланъ проѣздъ на театральную площадь. Ясно ли, что здѣсь пахнетъ, можетъ быть, не одною сотнею тысячъ дохода? Не говорю уже о красотѣ города, объ удобствѣ проѣзда, объ облегченіи всякихъ сообщеній. Теперь вѣдь по Никольской часто проѣхать невозможно безъ опасности!

По старымъ понятіямъ, при прежнемъ ходѣ дѣлъ, такая мысль встрѣтитъ, разумѣется, множество возраженій: да какъ это можно, что̀ скажетъ святѣйшій синодъ, понравится ли это митрополиту, не возстанутъ ли архимандриты, не заплачутъ ли монахи? Мнѣ кажется, что всѣ возраженія легко опровергнуть самимъ дѣломъ: монастыри или церкви будутъ получать вдвое доходу, дома для училища и типографіи выстроятся гораздо удобнѣе, десятка два монаховъ удалены будутъ отъ искушеній, и со всякаго другого мѣста лучше приблизятся къ небу, нежели съ Никольской и Варварки, которыя между тѣмъ расши-

рятся и украсятся, и городъ получитъ лишняго доходу тысячь сто на полезное употребленіе. Жертва, Богу угодная со стороны духовнаго начальства, и полезное для общества распоряженіе со стороны свѣтскаго.

До сихъ поръ говорили мы о мѣстахъ, кои городъ могъ бы пріобрѣсти, но ему принадлежатъ ужь многія мѣста, коими онъ нисколько не пользуется: напримѣръ, пространство по Китайской стѣнѣ отъ Варварскихъ воротъ до Москвы рѣки. Сколько здѣсь можно было бы построить лавокъ! Да и на другой сторонѣ, отодвинувъ нѣсколько задній заборъ воспитательнаго дома, которому легко уступить какую нибудь сажень въ улицу изъ пустыхъ своихъ, ничего не приносящихъ ему пространствъ. Вся внѣшняя сторона Китайской стѣны отъ Варварскихъ до Никольскихъ воротъ совершенно пустая. Да и внутри толкучій рынокъ занимаетъ тѣсную улицу между Ильинскими и Никольскими воротами, а продолженіе той же улицы до Зарядья не занято ничѣмъ. Неужели нельзя эту безобразную Азіатскую сумятицу со всѣми ея продѣлками, плутнями и даже преступленіями, раздѣлить надвое или натрое?

Я не знаю, кому принадлежатъ лабазы по всему берегу Москвы-рѣки, но увѣренъ, что здѣсь мѣсто не шалашамъ, а высокимъ зданіямъ, которымъ обезпечены значительные доходы.

Зарядье, въ нѣкоторыхъ своихъ захолустьяхъ, не должно быть терпимо ни въ какомъ благоустроенномъ городѣ. Это вмѣстилище всякой гадости. Если у города не достанетъ смѣлости скупить эти дома и лачуги, и сломать, какъ сломана Марсельская гавань, а потомъ перестроить по какому нибудь плану гг. Миреса и Перейры, то, по крайней мѣрѣ, въ гигіеническомъ отношеніи надо обратить вниманіе на эту отчизну всякихъ міазмовъ. Да не только на Зарядье, но и на многія мѣста и дворы по Никольской, Ильинкѣ и Варваркѣ. Мнѣ случилось однажды обѣдать въ угольной комнатѣ Троицкаго трактира, и я взглянулъ въ окошко; что̀ я увидѣлъ на дворѣ, прилежащемъ, а можетъ быть и принадлежащемъ, къ Богоявленскому монастырю? Такую картину, какую не встрѣтишь и

въ жидовскомъ кварталѣ Рима или въ Альзасѣ стараго Лондона, описанномъ у Вальтеръ-Скотта, въ *Приключеніяхъ Нижеля.* Однажды, случилось мнѣ также навѣстить умиравшаго художника-антикварія Тромонина въ домѣ близъ Никольскихъ воротъ, осенью или весною, въ гололедицу: просто, жизнь подвергалась опасности, по двору, на лѣстницѣ и верхней галлерей. Но это мимоходомъ.

Я увѣренъ, что при тщательномъ обозрѣніи найдется въ Москвѣ много пространствъ, кои можно употребить съ пользою, не говоря уже о большихъ пространствахъ, впустѣ лежащихъ по оконечностямъ, напримѣръ о Дѣвичьемъ полѣ, о Сокольническомъ полѣ, о пространствѣ между Донскимъ и Даниловымъ монастырями, около Симонова. Я обращу только вниманіе на пустынную и безплодную окружность Москвы. Это точно зловредная Campagna di Roma. Неужели нельзя этой земли употребить съ пользою? Я не могу повѣрить, чтобы земля подъ Москвою, верстъ на тридцать кругомъ, съ достаточной шириною, не могла приносить ничего. Неужели наши ученые агрономы, профессоры будущей Петровской академіи, не могутъ подать никакого полезнаго совѣта?

Окрестныя поля, на кои въ продолженіе многихъ лѣтъ свозились городскія нечистоты, должны представлять почву особеннаго тука, не гуано—чета, которую слѣдовало бы подвергнуть ученому, химическому анализу. По крайней мѣрѣ, Викторъ Гюго, въ своихъ *Miserables*, возбуждаетъ во мнѣ надежду найти золотое дно въ окрестностяхъ Москвы.

Перехожу къ другимъ предметамъ. Одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ расходовъ, приводящихъ въ затрудненіе распорядительную думу,—это содержаніе тысячи городскихъ стражей изъ военныхъ чиновъ, которые признаны нужными для соблюденія порядка. Во-первыхъ, я не увѣренъ, точно ли нужна тысяча человѣкъ, а не менѣе. Во-вторыхъ,—и это главное,—я не понимаю, почему эту тысячу долженъ непремѣнно содержать городъ. Почему ей не оставаться по своимъ казармамъ при полкахъ на прежнемъ положеніи, и не откомандировываться ежед-

невно по частямъ, какъ откомандировываются караулы? Городъ въ продолженіе многихъ лѣтъ содержитъ казармы, доставляетъ помѣщеніе, отопленіе и освѣщеніе двадцати т. войска. Совершенно справедливо этому войску удѣлять свою 15-ю или 20-ю часть на городскую службу. Понадобится войско на войну, тогда мы, мирные обыватели, даже и его обязанность примемъ на себя, какъ уже и вызывались. Теперь обращусь я къ содержанію полиціи. Мы, всѣ обыватели, кланяемся полиціи обыкновенно и къ новому году и къ Свѣтлому Воскресенію. Бываютъ поздравленія съ днемъ св. Антонія, а и ногда даже и съ днемъ св. Онуфрія. Можно собрать приблизительныя свѣдѣнія о количествѣ этихъ приношеній. Почему бы ихъ не опредѣлить, не узаконить? Жалованіе полиціи вѣрно бы удвоилось, безъ новаго отягощенія жителей и городской казны.

Можно, кажется, придумать для полиціи и нѣкоторыя другія доходныя статьи, напримѣръ: едва ли не половина Московскихъ домовъ имѣетъ жильцовъ. Почему бы съ наемной получаемой платы не опредѣлить какого-нибудь маленькаго процента въ пользу полиціи за то, чтобъ она записывала уговоры или условія, и заботилась о вѣрномъ платежѣ, обезпечивала хозяину его доходъ, принимала его на свою отвѣтственность, имѣя къ тому всѣ средства—напоминать и понуждать самыми дѣйствительными мѣрами. Притомъ полиція знакомилась бы короче съ своими обывателями, что̀ ей нужно и полезно для многихъ случаевъ. Во всѣхъ большихъ Европейскихъ городахъ цѣна всѣхъ съѣстныхъ припасовъ увеличивается, и даже значительно, вслѣдствіе пошлины, взимаемой на заставахъ въ пользу города. У насъ этихъ пошлинъ, слава Богу, не существуетъ, но почему бы не наложить ее на произведеніе, полуроскошное, наиболѣе употребляемое, а именно: на хлѣбное вино! Еслибъ прибавить по рублю или хоть по полтинѣ на ведро, въ пользу города, то дума получила бы милліонъ рублей, и мы могли бъ уменьшить поземельный сборъ, можетъ быть, на половину, къ великому облегченію всего народонаселенія Московскаго; могли бы выстроить въ первый же годъ три

новые каменные моста: Дорогомиловскій, Краснохолмскій и Крымскій; могли бы огородить и засѣять всѣ Московскія окрестности, и мало ли что можно сдѣлать изъ лишняго милліона! А кому этотъ наложенный рубль будетъ въ тягость? Пьяницы лишаются по нѣскольку капель изъ своихъ косушекъ, но это уменьшеніе послужитъ имъ въ прокъ, потому что въ этихъ-то лишнихъ капляхъ, можетъ быть, и заключалось именно опьяненіе".

Рѣчь свою Погодинъ заключилъ такими словами: „Смѣю думать, что этотъ налогъ или пошлина есть самая разумная, законная и полезная, ибо падаетъ не на удовлетвореніе нужды, а на потворство прихоти или даже порока, и достигаетъ такимъ образомъ цѣли не только хозяйственной, но и нравственной.

Москва приняла бы разрѣшеніе величайшимъ для себя благодѣяніемъ, получила бъ средства въ продолженіе перваго года удовлетворить всѣ свои вопіющія нужды, касательно полицейскаго благоустройства, облегченія податей для бѣднаго народонаселенія, для освѣщенія, вымощенія, и наконецъ для украшенія, какъ внутреннихъ бульваровъ, такъ и окрестностей; а ущерба отъ этого не нанесется никому, кромѣ неумѣренныхъ винопійцъ, которые должны будутъ прибавлять по копѣйкѣ за стаканъ, или жертвовать нѣсколькими его каплями, себѣ на здоровье" [42]).

Нѣкоторыя мѣста изъ этой рѣчи Погодина возбудили справедливое негодованіе. Извѣстный Аскоченскій, въ своей *Домашней Бесѣдѣ*, писалъ: „М. П. Погодинъ совѣтуетъ, для увеличенія городскихъ доходовъ, сломать скромныя кельи иноковъ Знаменскаго, Богоявленскаго, Греческаго и Заиконоспасскаго монастырей, и вмѣсто нихъ воздвигнуть огромныя зданія, съ помѣщеніемъ въ нихъ мірскихъ людей и предметовъ, служащихъ для суеты міра, а монаховъ перевести въ другіе отдаленные монастыри. Зная Погодина по изданію за границею книги *о сельскомъ духовенствѣ* и по статьѣ о *Троицкой Лаврѣ*, меня мало удивило такое святотатственное покушеніе его на святыя

обители; но когда случилось мнѣ поговорить объ означенной статьѣ съ нѣкоторыми лицами и найти въ нихъ сочувствіе къ такому нелѣпому мнѣнію Погодина, то я нашелъ себя вынужденнымъ обличить вредный умыселъ бывшаго профессора университета, для предохраненія читателей отъ такого мнѣнія. Уничтожать монастыри безъ нужды есть святотатство; да и во всякомъ случаѣ упраздненіе ихъ не есть дѣло свѣтскаго лица, но властей духовныхъ; посему вмѣшательство Погодина не въ свое дѣло очень походитъ на поступокъ Зана, прикоснувшагося къ Кивоту Завѣта, и царя Озіи, дерзнувшаго взять кадильницу въ ветхозавѣтномъ храмѣ... Погодинъ увѣряетъ, что монахи со всякаго другого мѣста лучше приблизятся къ небу, нежели съ Никольской и Варварки; на это я скажу словами св. Іоанна Златоустаго: Какъ безпечному и нерадивому самая пустыня не можетъ принести никакой пользы, потому что не отъ мѣста зависитъ совершенство добродѣтели, но отъ расположенія души и нравовъ; такъ, трезвенному и бодрствующему не можетъ нисколько повредить и пребываніе среди города.

Еще Погодинъ говоритъ, что для устроенія домовъ найдутся капиталисты—Англичане и Французы. Помилуйте, пожалѣйте Россію отъ такихъ строителей, которые безъ того, со временъ Петра Великаго, немало надѣлали зла для нея“ [43]).

Съ неменьшимъ негодованіемъ писалъ къ Погодину и университетскій товарищъ его С. А. Масловъ: „Вы предложили думѣ распорядиться по-своему монастырскою собственностью на Никольской. Почему же не вашею дачею на Дѣвичьемъ Полѣ? Иному можетъ показаться, что вы не извлекаете изъ нея всего дохода, какой сосѣди ваши. *Ломать, разрушать, переламывать*,—это девизъ нашей эпохи. По-моему, *сохранять и улучшать* съ уваженіемъ къ старинѣ“ [44]).

XXII.

По поводу собранія думы, бывшаго 16 декабря 1863 г., въ которомъ происходило разсужденіе о городскомъ хозяйствѣ, Погодинъ высказалъ нѣсколько мыслей. „Въ междудѣйствіи,— писалъ онъ,—для отдохновенія, многіе гласные вышли въ другую залу: кто началъ курить, кто усѣлся за столомъ пить чай. Я прислушивался къ толкамъ, и услышалъ тамъ и сямъ очень много дѣльныхъ и полезныхъ вещей: кто характеризовалъ мѣтко послѣднее преніе объ Англійской и Русской полиціи, кто доставлялъ любопытное свѣдѣніе о продаваемой на лоткахъ ветчинѣ и баранинѣ, кто толковалъ о постоялыхъ дворахъ, съ знаніемъ дѣла, и доказывалъ ясно необходимость раздѣлить трактирный акцизъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ, опредѣливъ бо̀льшее число разрядовъ.

— Да почему же вы не заявляете вашего мнѣнія тамъ, на общемъ совѣщаніи, спросилъ я одного почтеннаго гласнаго съ окладистою бородою.

— Опаско, батюшка! Говорить-то мы не горазды. Какъ бы не проговориться. Совѣстно!

Вотъ, слѣдовательно, задача для предсѣдателей: вызывать мнѣнія, показанія и свѣдѣнія,—чтобъ всякій несъ, не запинаясь, свое дѣльное слово или помышленіе въ общій складъ. Съ міру по ниткѣ, голому рубашка. Одно мелкое, повидимому, замѣчаніе, можетъ иногда принести великую пользу, раскрыть глаза на предметъ и проч. Со временемъ можно назначить даже преміи для доброхотныхъ дателей за всякую полезную мысль. Тогда дѣло объяснится, когда со всѣхъ сторонъ и со всѣхъ точекъ, разными глазами осмотрится. И вотъ, я напомню здѣсь мудрыя слова знаменитаго крестьянина временъ Петровыхъ, Ивана Тихоновича Посошкова:

„Правосудное установленіе самое есть дѣло высокое, и надлежитъ его такъ разсмотрительно состроити, чтобы оно ни отъ какого чина незыблемо было. И того ради, безъ много-

совѣтія и безъ вольнаго голоса ни коими дѣлы невозможно: *понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, комуждо по силѣ его: овому далъ много, овому жъ менѣе.* Обаче нѣсть такого человѣка, ему же бы не далъ Богъ ничего; и *что далъ Богъ знать малосмысленному, того не далъ многосмысленному;* того ради, и самому премудрому человѣку не надлежитъ гордиться и умомъ своимъ возноситься, и малосмысленныхъ ничтожить не надлежитъ, коихъ въ совѣтъ призывать надобно; понеже малосмысленными человѣки многащи Богъ вѣщаетъ, и того ради, наипаче ничтожить ихъ душевредно есть; и того ради, въ установленіи правосудія вельми пристойно изслѣдовать многонароднымъ совѣтомъ".

Совѣщательная дума есть собраніе домашнее, семейное, такъ сказать, частное. Надо придавать ему какъ можно болѣе простоты и откровенности. Правило о всякомъ лыкѣ въ строку мы оставимъ въ архивѣ нашихъ канцелярій, а сами про себя признавать будемъ, что ошибка въ фальшь не ставится. Мы всѣ хотимъ добра, и если кто иногда скажетъ что̀ и не такъ, но съ добрымъ намѣреніемъ, то ошибка должна быть исправлена благодушно, — вотъ и все. Съ этой стороны я очень одобряю перенесеніе стола въ нашей залѣ съ возвышенія на полъ: на возвышеніи столъ, съ кресломъ предсѣдателя по срединѣ, и съ десятью креслами для старшинъ и ихъ товарищей, возбуждалъ какой-то страхъ, какъ я замѣчалъ часто въ моихъ сосѣдяхъ. Имъ казалось, что они сидятъ предъ какимъ-то чиновнымъ присутствіемъ, и они боялись разинуть ротъ, чтобъ начальникъ не подвергнулъ ихъ распеканціи. Наружность и внѣшность много значатъ.

Нужно сдѣлать толковый перечень (*catalogue raisonné*) всѣхъ занятій думы, всѣхъ предметовъ ея дѣятельности, и такой же перечень доходовъ и расходовъ, по предмстамъ или статьямъ, съ исключеніемъ канцелярскихъ терминовъ, для большинства непонятныхъ. Потомъ, на будущее время, обо всѣхъ предметахъ порознь должны быть назначены особыя разсужденія, съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой" [45]).

XXIII.

21 января 1864 года, Москва, а съ нею и всесословная дума, была опечалена неожиданною кончиною своего любимаго генералъ-губернатора Павла Алексѣевича Тучкова.

На другой день по кончинѣ, *Московскія Вѣдомости* извѣстили Москву объ этомъ горестномъ событіи. „Простудившись на вечерѣ,—читаемъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*,—который давалъ у себя, въ прошлый четвергъ, Павелъ Алексѣевичъ заболѣлъ жабой, болѣзнь вскорѣ усилилась, и помощь врачей оказалась недѣйствительною. Сегодня утромъ государь императоръ освѣдомлялся о здоровьи одного изъ самыхъ преданныхъ и вѣрныхъ слугъ своихъ, и утромъ еще нельзя было предполагать, что горестная развязка внезапной болѣзни была такъ близка. Павелъ Алексѣевичъ принадлежалъ къ лучшимъ государственнымъ дѣятелямъ у насъ. Человѣкъ высокой честности, онъ выше всего ставилъ требованія долга, и такъ глубоко былъ проникнутъ имъ, что неоднократно отказывался отъ государственныхъ должностей, единственно изъ опасенія, что онѣ не будутъ ему по силамъ. Онъ былъ справедливъ и исполненъ доброжелательства; поддержать слабаго и помочь нуждающемуся было его душевною потребностью. Пять лѣтъ его генералъ-губернаторства останутся памятны для Москвы. Потеря Павла Алексѣевича—двойная потеря: не стало честнаго, полезнаго, умнаго государственнаго дѣятеля; не стало человѣка, заслужившаго всеобщее и искреннее уваженіе“ [46]).

Бытописатель Москвы, И. М. Снегиревъ, въ своемъ *Дневникѣ*, записалъ:

Подъ *22 января 1864 года:* „Отъ Г. В. Есипова слышалъ о смерти Московскаго военнаго губернатора П. А. Тучкова, скончавшагося вчера отъ жабы“.....

— *24* — — —: „Зашелъ въ домъ главнокомандующаго, поклониться праху П. А. Тучкова. Преосвященный Леонидъ

служилъ надъ гробомъ панихиду и читалъ Псалтырь. Народъ приходилъ тысячами прощаться".

О кончинѣ Тучкова—повѣствуетъ В. А. Мухановъ—„много говорили на послѣднемъ придворномъ балѣ. Государь выразилъ брату *) свое сожалѣніе; онъ, повидимому, пораженъ быстрымъ ходомъ болѣзни генерала Тучкова и роковою развязкою. Въ самомъ дѣлѣ, утромъ телеграмма о болѣзни его, а вечеромъ уже о кончинѣ. О немъ жалѣютъ по причинѣ сердечныхъ и умственныхъ его качествъ. Честный, справедливый, добрый, генералъ Тучковъ всегда былъ готовъ на помощь страданія и бѣдности, и высокое мѣсто, которое онъ занималъ, часто давало ему поводъ къ проявленію просвѣщенной доброты и благотворительнаго покровительства. По врожденной ему застѣнчивости, онъ не блисталъ въ бесѣдѣ, но въ кабинетныхъ его трудахъ сказывались ясность и основательность твердаго ума; это видно и по запискамъ, которыя онъ подавалъ о разныхъ предметахъ обширнаго управленія, ввѣреннаго его заботамъ, и въ словесныхъ разбирательствахъ по дѣламъ негласнымъ. Его достоинства выигрывали еще отъ великой скромности, въ силу которой онъ нерѣдко отказывался отъ высокихъ должностей, къ которымъ призывало его довѣріе государя; ему все казалось, что его способности не соотвѣтствуютъ дѣлу, которое хотѣли на него возложить. Онъ былъ душою и жизнью для своего семейства, просвѣщеннымъ и добрымъ начальникомъ для Москвы, беззавѣтно-преданнымъ слугою для государя" [47]).

27 января происходило погребеніе П. А. Тучкова. „Москва—писалъ митрополитъ Московскій Филаретъ къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода—почтительно проводила въ вѣчность почтеннаго все-градо-начальника своего. Множество было молящихся о немъ... Съ нашей стороны предшествовали гробу викаріи, по очереди... По примѣру погребенія Московскаго главнокомандующаго Тормасова и князя Кочубея, тѣло преставльшагося

*) Николаю Алексѣевичу Муханову. *Н. Б.*

внесено было въ каѳедральную церковь Чудова монастыря, и литургія совершена была мною съ преосвященнымъ Леонидомъ, а потомъ надгробное пѣніе съ обоими викаріями. Тѣло положено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ покоятся родители Павла Алексѣевича. Кончина добродѣтельнаго все-градо-начальника представила честь его и добрую черту Москвы, сердечно сочувствующей доброму начальнику. Заботливо ждетъ она преемника отшедшему. Слышатся значительные голоса, призывающіе Николая Николаевича Муравьева" [48]).

Своему лаврскому намѣстнику Антонію, Филаретъ писалъ: „Печаль, которою Москва почтила кончину Павла Алексѣевича, почтенна для него и для нея" [49]).

„Неожиданная кончина П. А. Тучкова—пишетъ преосвященный Савва, въ своей *Хроникѣ*,—глубоко огорчила Москву. Москва любила и уважала его, какъ добраго, честнаго и благороднаго своего градоначальника. Поэтому она приняла на свой счетъ всѣ издержки при его погребеніи; а вдова умершаго, Елизавета Ивановна, уступивъ Москвѣ грустныя заботы о похоронахъ мужа ея, тѣ деньги, которыя могла бы употребить на это, предназначила на богоугодное заведеніе" [50]).

Присутствовавшій на похоронахъ И. М. Снегиревъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:*

Отпѣвали Тучкова въ Чудовѣ. Обѣдню служилъ митрополитъ Филаретъ съ викаріемъ Леонидомъ и съ кривымъ соборомъ (двумя священниками и архимандритомъ). Проповѣдь говорилъ протоіерей А. О. Ключаревъ *). На Дѣвичьемъ Полѣ народъ отпрягъ лошадей и несъ до Новодѣвичьяго монастыря" [51]).

Самъ Аксаковъ, въ своемъ *Днѣ*, почтилъ память Тучкова добрымъ словомъ. Онъ писалъ: „Мы до сихъ поръ не сказали ни слова о кончинѣ Московскаго генералъ-губернатора П. А. Тучкова. Мы не имѣемъ обыкновенія, да и по программѣ нашей газеты не принимали на себя обязательства сообщать

*) Скончался въ санѣ архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. *Н. Б.*

нашимъ читателямъ текущія городскія новости, и, конечно, были бы въ правѣ умолчать даже и о такомъ важномъ для Москвы событіи,—но мы, разумѣется, охотно бы почтили и сами въ нашей газетѣ память такого человѣка, какъ П. А. Тучковъ, если бы..... Если бы удобно было сказать то, что̀ бы намъ хотѣлось сказать, и передать во всеобщее свѣдѣніе нѣкоторыя замѣчательнѣйшія черты изъ его жизни! Но объ нихъ-то, что̀ именно въ немъ достойно почтительной памяти,— мы бы и желали разсказать, да не можемъ..... Замѣтимъ только, что Тучковъ былъ человѣкъ, что называется, не казенный, а это великое и очень рѣдкое въ Россіи достоинство; былъ человѣкъ честный и благородный—не только въ частныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, но на службѣ, передъ начальствомъ..... Извѣстно, что богатые доблестями военными, мы довольно бѣдны доблестями гражданскими; гражданское мужество, которое и вездѣ рѣже военнаго, у насъ составляетъ еще менѣе обыденное явленіе! Мы знаемъ множество храбрыхъ людей, которые никогда не боялись смерти, и боялись начальства; никогда не трусили непріятельскихъ пуль, и трусили своихъ генераловъ, хотя были и правы и исправны и даже вполнѣ независимы и обезпечены въ своемъ положеніи..... Таковъ ужъ нашъ общественный нравственный строй, который охватываетъ насъ чуть ли не отъ рожденія..... Но П. А. Тучковъ, безъ хвастовства, не рисуясь, не красуясь, скромный и даже застѣнчивый, обладалъ этимъ нравственнымъ мужествомъ. Мы не имѣли чести знать его лично и это мнѣніе наше основываемъ на нѣкоторыхъ сообщенныхъ намъ фактахъ,—между тѣмъ на обстоятельствахъ сопровождавшихъ подачу извѣстнаго адреса старообрядцевъ въ прошломъ году. Такія черты заслуживаютъ быть записанными въ общественныхъ лѣтописяхъ,—и потому понятно то общественное сочувствіе, которое выразилось къ покойному, послѣ его смерти, выразилось въ толкахъ и говорѣ о немъ, въ поклоненіи его праху. Что же касается до церемоніала похоронъ, которымъ почтило его правительство, и до пожертвованій, собранныхъ оффиціальными представителями го-

рода,—то это, конечно, имѣетъ свое значеніе, но само по себѣ, у насъ, не всегда можетъ что либо прибавить къ нравственной оцѣнкѣ покойнаго, какъ дѣятеля и человѣка... Дай Богъ, чтобъ у насъ было поболѣе скромной Тучковской гражданской доблести, честности и человѣчности!

И именно потому, что мы такъ уважаемъ память П. А. Тучкова, мы не можемъ не посѣтовать на ту ложь, которою у насъ стараются прикрасить, т. е., испортить всякое чистое дѣло. Мы прочли въ газетахъ, что такого-то числа, вслѣдъ за другими, служили панихиду временно-обязанные, проживающіе въ Москвѣ, крестьяне. Къ чему это? Развѣ временно-обязанные въ Москвѣ крестьяне составляютъ корпорацію, общество? Да они большею частью и не знаютъ другъ друга! Наши Московскіе дворники, кучера, повара, слуги не имѣли, кажется, никакого отношенія къ Московскому генералъ-губернатору; подобная мысль о панихидѣ не могла даже и придти имъ въ голову!.... Разумѣется, собрать нѣсколькихъ, здѣсь торгующихъ или проживающихъ, было нетрудно; можетъ быть, кто нибудь изъ нихъ, привыкшій обращаться съ начальствомъ, даже самъ вызвался на это,—но онъ не имѣлъ права дѣйствовать отъ лица всѣхъ временно-обязанныхъ, которыхъ въ Москвѣ десятки тысячъ. Но нѣтъ, мы не можемъ обойтись безъ театральной обстановки! Теперь, въ наше время, мы умудрились употреблять на театральную обстановку матеріалъ другой..... общественный, щеголять по части общественныхъ чувствъ, восторговъ, мнѣній—будто бы свободныхъ—до вольности, будто бы не удержимыхъ..... до дерзости, будто бы искреннихъ до грубости! Такому правдивому человѣку, какимъ былъ покойный генералъ-губернаторъ, такое усердіе было бы не по сердцу“ [52])......

Генералъ-адъютантъ С. П. Шиповъ, связанный узами дружбы съ Тучковымъ, сообщаетъ намъ любопытныя о немъ свѣдѣнія. „Въ теченіе многихъ лѣтъ,—пишетъ Шиповъ,—нѣкоторыя лица, приближенныя къ покойному государю Николаю Павловичу, не переставали внушать ему, что все населеніе Москвы

находится въ отношеніяхъ враждебныхъ къ правительству, что высшее сословіе, т. е., дворянство, напитано идеями либеральными и духомъ оппозиціи; купечество предано своимъ корыстнымъ цѣлямъ, домогаясь только для себя отъ правительства какихъ-либо новыхъ выгодъ; низшій классъ народа, особенно многочисленное фабричное, всегда буйное населеніе, готово къ мятежу при первомъ удобномъ случаѣ, и что спокойствіе въ Москвѣ удерживается только принимаемыми правительствомъ строгими мѣрами. А потому естественно, что покойный государь не жаловалъ Москвы и не питалъ къ ней довѣрія. Такія же внушенія, по кончинѣ императора Николая Павловича, дѣлаемы были и новому государю; почему и онъ былъ расположенъ къ Москвѣ не особенно благосклонно.

Въ 1862 году, послѣ бывшихъ въ Петербургѣ пожаровъ и смятеній, государь прибылъ въ Москву въ тревожномъ состояніи духа; но тогда мѣсто Московскаго генералъ-губернатора занималъ человѣкъ умный, добродушный и благонамѣренный, П. А. Тучковъ. Когда онъ увидѣлъ государя блѣднымъ и грустнымъ, то спросилъ его о причинахъ такого его расположенія. Государь объяснилъ Тучкову причины своего тревожнаго состоянія и опасеній. — По крайней мѣрѣ здѣсь, въ Москвѣ, государь, —сказалъ Тучковъ, — вы можете быть покойны. Здѣсь всѣ классы народа отъ высшихъ до низшихъ душою преданы, благодарны за многія благодѣянія вами государству оказанныя и за безпрерывное ваше на пользу его стремленіе; просто сказать: Васъ здѣсь, въ Москвѣ, любятъ.

Какъ бы это такъ было! отозвался государь.

— Я вамъ говорю сущую правду, государь; я въ томъ увѣренъ, и вы сами это увидите.

Государь, повидимому, успокоился, лицо его просіяло.

Тучковъ имѣлъ разговоръ и съ императрицей и совершенно ее успокоилъ. На другой день пріѣзда она сказала ему: *Послѣ двухмѣсячной тревоги мы только въ первый разъ нынѣшнюю ночь спали спокойно.*

Вообще Тучковъ старался внушить государю любовь къ

народу и дѣйствовалъ съ успѣхомъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала и любовь народа къ его государю. Особенно Тучковъ старался дѣйствовать къ тому, чтобы онъ полюбилъ Москву, какъ центръ государства, въ которомъ соединяются не только интересы народа, но и его чувства патріотическія. Тучковъ желалъ возвысить Москву и увеличить значеніе ея въ государствѣ. Онъ намѣренъ былъ дѣйствовать къ тому, чтобы государь помѣстилъ туда на постоянныя квартиры часть своей гвардіи, чтобы высшія правительственныя мѣста не уменьшались въ ней, но увеличивались переводомъ туда изъ Петербурга тѣхъ государственныхъ учрежденій, которыя бы могли быть съ пользою для государства перемѣщаемы. Тучковъ полагалъ нужнымъ учредить нѣкоторыя новыя образовательныя заведенія преимущественно въ Москвѣ, имѣя въ виду, что здѣсь эти заведенія наполняются дѣтьми и юношами чисто-Русскими; съ учрежденіемъ же оныхъ въ Петербургѣ, эти училища служатъ мало въ пользу Русскаго люда: въ нихъ наплываютъ немедленно Нѣмцы и Поляки. По мнѣнію Павла Алексѣевича, было бы существенно потребно учредить въ Москвѣ центральный банкъ для всего государства. Театры и другія мѣста для народныхъ зрѣлищъ должны бы по его убѣжденію, быть въ Москвѣ усовершенствованы, распространены и устроены на такихъ началахъ, чтобы могли служить съ пользою для умственнаго образованія народа и усовершенствованія его нравственности. Онъ справедливо полагалъ, что древней столицѣ, въ средѣ Русскаго народа находящейся, слѣдовало бы предоставить отъ правительства всѣ тѣ пособія и выгоды, которыя дарованы Петербургу... Такія мысли и убѣжденія свои Тучковъ передавалъ государю, по своему искреннему къ нему усердію.

Къ несчастію, П. А. Тучковъ скончался внезапно и преждевременно, когда и малая часть его полезныхъ мыслей и предначертаній не могла быть исполнена.

Онъ былъ человѣкъ высокаго ума, весьма основательнаго образованія и дѣйствовалъ всегда безкорыстно, одушевленъ будучи безпредѣльною къ государю своему преданностью и горя-

чею любовью къ Отечеству. Государь цѣнилъ Тучкова по его достоинству и полную имѣлъ къ нему довѣренность. Онъ видѣлъ въ немъ, на случай войны, будущаго главнокомандующаго, въ мирное время — надежнаго совѣтника. Государь рѣшился было назначить его намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ, но Тучковъ отказался отъ такого назначенія, почитая себя недостаточно для того приготовленнымъ. Государь, въ теченіе трехъ дней, настаивалъ на исполненіи своего намѣренія отправить его въ Варшаву и, наконецъ, уступилъ. Павелъ Алексѣевичъ почиталъ мѣсто Московскаго генералъ-губернатора весьма важнымъ для всего государства и желалъ на немъ остаться.

Для меня собственно—продолжаетъ Шиповъ—кончина Тучкова была весьма прискорбна. Въ послѣднее время мы такъ сблизились, что онъ съ откровенностію сообщалъ мнѣ свои мысли и предположенія, какъ и я не имѣлъ отъ него тайны.

Съ кончиною П. А. Тучкова возобновились отъ лицъ, окружавшихъ государя, внушенія для Москвы неблагопріятныя. Государь видимо охладѣлъ къ ней. Нынѣ сдѣланы или дѣлаются многія распоряженія правительства, уменьшающія ея значеніе Четыре департамента сената, въ Москвѣ находящіеся, закрываются, и дѣла, поступающія изъ остающихся еще въ дѣйствіи старыхъ судебныхъ мѣстъ, посылаются уже не въ Московскіе, но въ Петербургскіе департаменты сената. Новые кассаціонные департаменты учреждены не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ. Находившееся въ Москвѣ главное для всей Россіи кредитное установленіе, сохранная казна опекунскаго совѣта, закрыта; упраздненъ также коммерческій банкъ, и вмѣсто всего этого, учреждена въ Москвѣ контора государственнаго банка. Существовавшее въ Москвѣ архитектурное училище закрыто, и въ то же время основано въ Петербургѣ строительное училище. Приняты и другія менѣе важныя, неблагопріятныя для Москвы мѣропріятія, клонящіяся, повидимому, къ тому, чтобы низвести древнюю столицу на степень провинціальнаго города. Какія же должны отъ того произойти послѣдствія? Болѣе ста семействъ почтенныхъ сенаторовъ, оберъ-прокуроровъ и дру-

гихъ сановниковъ, при исполненіи этой реформы, должны оставить Москву. Еще большее число второстепенныхъ чиновниковъ, людей просвѣщенныхъ, также съ семействами, выѣдутъ изъ Москвы, для пріисканія себѣ мѣстъ въ разныхъ концахъ Россіи. Молодые люди, оканчивая въ здѣшнемъ университетѣ курсъ ученія, принадлежащіе къ хорошимъ фамиліямъ, начинали службу свою въ Москвѣ, въ сенатѣ и въ другихъ находившихся здѣсь высшихъ учрежденіяхъ, возвышались чинами и черезъ нѣсколько лѣтъ, по пріобрѣтеніи опытности, получали высшія служебныя мѣста въ другихъ краяхъ Россіи. Нынѣ такіе молодые люди, по окончаніи курса ученія, должны будутъ отсюда удалиться съ семействами, которыя для нихъ собственно здѣсь проживали, и помѣщаться на службу въ Петербургѣ, или въ другихъ мѣстахъ государства. Многіе люди почтенные привлекаемы были въ Москву многоразличными интересами съ разныхъ концовъ государства, пріѣзжали сюда на зиму и даже переселялись въ Москву, представлявшую имъ удобства и удовольствіе находиться въ самомъ просвѣщенномъ въ Россіи обществѣ.

Такимъ образомъ, Москва представляла въ себѣ соединеніе людей просвѣщенныхъ отъ всѣхъ областей Россіи, и государь, посѣщая свою Москву, видѣлъ въ ней не только мѣстныхъ Московскихъ жителей, но слышалъ здѣсь голосъ всего Русскаго народа. Слова, государемъ здѣсь сказанныя, переносились во всѣ концы государства. Онъ получалъ здѣсь отъ многихъ лицъ свѣдѣнія о состояніи народа и его потребностяхъ и, такъ сказать, сливался здѣсь съ своимъ народомъ.

Принятыми нынѣ правительствомъ мѣрами такое значеніе Москвы должно совсѣмъ уничтожиться. Можетъ ли прекращеніе между государемъ и его народомъ связи быть безвредно для государства и самого государя? Могутъ придти времена тяжкія, когда государь, удаленный отъ народа постояннымъ пребываніемъ на краю, почти внѣ Россіи, пожелалъ-бы пожить, по прежнему, въ Москвѣ, среди избранниковъ своего народа и отвести душу свою въ ихъ сообществѣ, передать имъ

свое горе и получить отъ нихъ утѣшеніе; но этого центра, гдѣ онъ слышалъ голосъ своего народа, уже существовать не будетъ, и возстановить его будетъ весьма трудно, почти невозможно.

Осмѣливаясь думать, что совершающіяся нынѣ горестныя для всего государства и вредныя для самого государя событія, при жизни П. А. Тучкова и высокомъ къ нему довѣріи государя, не могли-бы послѣдовать" [53]).

Вскорѣ по кончинѣ Тучкова, былъ назначенъ на его мѣсто командиръ 3-го резервнаго корпуса Михаилъ Александровичъ Офросимовъ.

9-го февраля 1864 года, Филаретъ писалъ Антонію: „Преемникъ Павла Алексѣевича, вскорѣ по прибытіи въ Москву, былъ у меня, а потомъ и я у него. Кажется, это доброе пріобрѣтеніе для Москвы, хотя по словамъ многихъ, неожиданное" [54]).

В. А. Мухановъ, въ своемъ *Дневникѣ*, замѣчаетъ: „Офросимовъ уменъ, добръ, хладнокровенъ и разсудителенъ. За женою взялъ онъ значительное имѣніе, слѣдовательно, пользуется независимостью. Не разъ хотѣлъ онъ, по встрѣтившимся неудовольствіямъ, оставить службу, и надо было немало труда, чтобы измѣнить его намѣреніе. Наши высшіе сановники, которыхъ онъ, уже по назначеніи на новое мѣсто, посѣтилъ, остались очень довольны его взглядомъ на дѣла и управленіе".

По свидѣтельству лицъ, знавшихъ новаго Московскаго генералъ-губернатора, „двери его дома" были открыты для всѣхъ, кто имѣлъ къ нему какую бы то ни было надобность. Съ этимъ вмѣстѣ онъ держалъ себя необыкновенно просто, входилъ въ положеніе каждаго просителя и старался быть ему полезенъ: это былъ вполнѣ добрый и благонамѣренный Русскій человѣкъ, всѣми любимый и уважаемый. Однажды М. А. Офросимовъ пожелалъ посѣтить дворянскій клубъ. Старшины клуба были предувѣдомлены объ его намѣреніи и, желая доставить ему что либо пріятное, пригласили въ клубъ на этотъ вечеръ пѣвца Владиславлева, который съ чувствомъ пропѣлъ романсъ, когда-то сочиненный Офросимовымъ и положенный на музыку Алябьевымъ:

Коварный другъ, но сердцу милый,
Я далъ обѣтъ забыть твой ковъ,
Мои мечты, мою любовь,
Забыть все то, что въ жизни льстило!
Молилъ тебя не нарушать
Отрадный миръ уединенья:
Но ты, жестокая, опять
Мои тревожишь сновидѣнья!
Когда любви моей святой
Тебѣ внимать не приказали:
Оставь меня скорбѣть душой;
Ты не поймешь моей печали!

Такое вниманіе со стороны старшинъ, а главное самый романсъ, напомнившій Офросимову давно-прошедшее, привели его въ восторгъ, и на глазахъ у него показались слезы; онъ всѣхъ благодарилъ и многихъ цѣловалъ за сочувствіе къ нему".

Образъ новаго игемона Москвы рисуется также въ привлекательномъ видѣ изъ записей *Дневника* И. М. Снегирева, въ которомъ мы читаемъ:

Подъ *7 февраля 1864* года: „На желѣзной дорогѣ встрѣтился съ Московскимъ военнымъ губернаторомъ М. А. Офросимовымъ, который меня радушно привѣтствовалъ, спрашивалъ, пріятно ли мнѣ, что второй военный губернаторъ изъ университетскихъ и ученикъ моего отца. Разумѣется, какой былъ мой отвѣтъ. Это обратило вниманіе окружавшихъ. Я пожелалъ ему благословенія Божія на управленіе".

— *9* — —: „Ѣздилъ къ военному губернатору М. А. Офросимову, который ласково принялъ меня и поговорилъ со мною, проводилъ меня до передней. Я было вслѣдъ за нимъ поѣхалъ въ Новодѣвичій монастырь на поминки Тучкова, но не поспѣлъ. Не заставъ дома гг. Погодина, Гульковскаго и Бѣляева, обѣдалъ у г. л. Чагина" [55]).

XXIV.

Въ день погребенія П. А. Тучкова, Погодинъ почтилъ его память въ собраніи всесловной думы. Онъ сказалъ: „Въ управленіе П. А. Тучкова, дума получила свое образованіе; покойный всѣми зависѣвшими отъ него средствами, ходатайствами,

совѣтами, поддержками, уступками, старался содѣйствовать ея развитію, успѣху ея занятій. Мы должны засвидѣтельствовать нашу признательность опредѣленіемъ поставить его портретъ въ залѣ нашихъ совѣщаній".

Въ это время въ думѣ возникъ вопросъ о *регулированіи*, то-есть, въ переводѣ Погодина, исправленіи, выпрямленіи, расширеніи Мясницкой улицы.

Выслушавъ докладъ коммиссіи по этому вопросу, Погодину „пришли въ голову" нѣкоторыя дополнительныя замѣчанія, которыя онъ пожелалъ передать собранію. Онъ сказалъ: „Не нужно мнѣ предупреждать васъ, милостивые государи, что я человѣкъ книжный, и смотрю на вещи сквозь книги,—слѣдовательно, очень легко могу ошибаться; но, согласившись принять на себя званіе гласнаго, чтобъ получить понятіе, какъ у насъ ведутся, или могутъ вестися общественныя дѣла, я считаю долгомъ слѣдить внимательно за ходомъ нашихъ занятій, и судить о нихъ по крайнему разумѣнію. Я не имѣю никакихъ претензій на приложеніе ихъ прямо или тотчасъ къ дѣлу, а сообщаю только къ свѣдѣнію. Пусть дѣлается изъ нихъ употребленіе, какое угодно.

Изъ доклада коммиссіи видно, что главную помѣху Мясницкой улицѣ представляютъ два дома, одинъ принадлежащій министерству финансовъ, а другой г-жѣ Кусовниковой. Оба эти дома продаются.

Поговоримъ сперва о первомъ, за который министерство финансовъ проситъ съ города сто тысячъ рублей. Но какое же это министерство финансовъ? Французское, Нѣмецкое, Русское?— Русское. Большинство Московскихъ обывателей, которымъ мы служимъ здѣсь представителями, вѣроятно, никакъ не можетъ себѣ взять въ толкъ, чтобъ въ одномъ и томъ же государствѣ одно казенное вѣдомство продавало что-нибудь другому за деньги, то-есть, чтобы правый и лѣвый карманы были неравны между собою. Такъ думаютъ, говорю, всѣ православные Русскіе обыватели; а чиновники возразятъ мнѣ, разумѣется, множествомъ общихъ мѣстъ, которыя впрочемъ я всѣ напередъ знаю:

министерское и городовое хозяйства вещи совершенно разныя, каждое изъ нихъ имѣетъ свое назначенiе, свои права и обязанности, свои приходы и расходы, и смѣшивать ихъ никоимъ образомъ нельзя; иначе произошелъ бы совершенный безпорядокъ. Да я и не хочу ихъ смѣшивать, а спрашиваю васъ: этотъ домъ въ продолженiе пятидесяти лѣтъ не платилъ городу никакихъ податей, не исполнялъ никакихъ повинностей. Что же, въ этомъ отношенiи онъ считался *общимъ* казеннымъ достоянiемъ, а теперь, когда онъ понадобился городу, онъ считается частнымъ, нисколько отъ города не зависящимъ! Есть ли здѣсь логика? Въ первомъ случаѣ онъ пользовался правами казенной собственности, а въ послѣднемъ хочетъ пользоваться правами частной собственности. Въ первомъ случаѣ онъ считалъ себя вправѣ ничего не давать, а въ послѣднемъ хочетъ взять все сполна. Не правда ли, что здѣсь смѣшиваются понятiя, если не смѣшиваются вѣдомства? Одно другого стóитъ. Скажу еще вотъ что: домъ этотъ не былъ нуженъ министерству финансовъ для казенныхъ надобностей, а отдавался имъ въ наемъ откупу за дорогую цѣну. Департаментъ получилъ уже въ продолженiе пятидесяти лѣтъ наемной за него платы, можетъ быть, втрое или впятеро больше того, чего онъ стоитъ. Слѣдовательно, не грѣхъ департаменту уступить намъ его на сломку безвозмездно. Еслибъ городъ въ продолженiе всего этого времени получалъ за него поземельныя деньги, то ихъ достало бъ на покупку не только этого дома, но вмѣстѣ и дома г-жи Кусовниковой. Городъ не мѣшалъ министерству финансовъ пользоваться его доходами, не смотря на то, что домъ, по своему положенiю, мѣшалъ всегда свободному сообщенiю на самой бойкой улицѣ, подлѣ почты, особенно возя ежеминутно бочки съ виномъ или съ водою. Справедливость требуетъ, чтобы министерство финансовъ, въ награжденiе города за его терпѣнiе, пожертвовало этимъ домомъ, по минованiи надобности, для пользы и украшенiя города Всероссiйскаго.

Слѣдуетъ все это прописать и просить министерство о благосклонномъ вниманiи.

Не мѣшаетъ въ скобкахъ прибавить, что городъ Москва доставлялъ министерству ежегодно по пяти милліоновъ и болѣе откупной суммы. Да и теперь доставляетъ немало. Можно за все это сдѣлать для него пріятное.

Нѣкоторые возразили, что это несогласно съ узаконеніями.

Я отвѣчалъ, что наша дума есть учрежденіе новое, и мы можемъ избрать себѣ новый образъ дѣйствій.

Новый, говорятъ, но согласный съ старыми законами.

И я не предлагаю ничего новаго противузаконнаго. Я предлагаю только просить покорно правительство, поставя ему на видъ всѣ вышесказанныя обстоятельства. Мы просимъ не для себя, а для того города, который считается государственною столицею.

Какимъ образомъ достичь своей цѣли?

По моему мнѣнію, градскому главѣ, съ этою просьбою, присоединивъ къ ней всѣ прочія, напримѣръ, изложенныя въ докладѣ коммиссіи о городскихъ приходахъ и расходахъ за 1864 годъ, ѣхать въ Петербургъ, и лично ходатайствовать у всѣхъ министровъ, чтобы они смиловались и избавили городъ Москву отъ платежа за постройку арсенала, на устройство театра, на содержаніе новой тысячи городскихъ стражей изъ военныхъ чиновъ, и проч. и проч.

Письменными просьбами и отношеніями, изъ которыхъ иныя тянутся уже болѣе двадцати лѣтъ, по нашимъ заведеннымъ порядкамъ, ничего не сдѣлаешь. Секретари будутъ отписываться другъ отъ друга, и дѣла о томъ, о семъ, и прочемъ, будутъ расти и увеличиваться до пирамидальныхъ размѣровъ, обременяя архивы“.

Вскорѣ Погодинъ былъ утѣшенъ, что „дѣло о Мясницкомъ домѣ разрѣшилось самымъ благодѣтельнымъ для города образомъ: государю императору угодно было пожаловать его подъ музей Русской промышленности, которымъ обогатится и украсится Москва. Директоръ музея обработалъ дѣло отлично“.

Въ одномъ изъ мартовскихъ засѣданій думы, Погодинъ прочелъ слѣдующую записку: „Распорядительная дума дѣйствуетъ

отлично; коммиссіи исполняютъ возложенныя на нихъ порученія добросовѣстно и разумно; доклады представляются ими мастерскіе; пренія происходятъ у нихъ живыя и дѣльныя. Все прекрасно, но для обывателя это неощутительно; для обывателя отъ нашихъ разсужденій и преній ни тепло, ни холодно. Обыватель смотритъ на дѣло съ другой стороны, практической, житейской, вотъ съ какой: онъ платитъ подати больше, восьмою почти долею,—слѣдовательно, жить ему, судитъ онъ, подъ новою думою во столько же разъ хуже.

А не получаетъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, за то какихъ нибудь новыхъ выгодъ, удобствъ, облегченій? Пока еще никакихъ, хотя прошло уже больше полугода со времени открытія новой думы.

Мы разсуждаемъ обыкновенно по поводу возникающихъ по бумагамъ вопросовъ, а все еще не обращаемся лицомъ къ жизни, которая насъ не дожидается и предъявляетъ безпрестанно новыя требованія. Непремѣнно нужно всматриваться въ нее и выслушивать ея жалобы. Приведу вамъ нѣсколько подтвержденій этимъ словамъ изъ собственныхъ наблюденій, такъ сказать, съ натуры, а не изъ сравненія съ Парижемъ и Лондономъ, что̀ очень любопытно, но мало идетъ къ нашему дѣлу, ибо нашъ бытъ совсѣмъ иной, характеръ и вся обстановка.

Передаю вамъ свои наблюденія. Въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ, отправился я изъ своего дома, на Дѣвичьемъ Полѣ, на Садовую; на этомъ разстояніи я встрѣтилъ по крайней мѣрѣ около двадцати городовыхъ солдатъ или хожалыхъ. Спрашивается, что̀ они дѣлаютъ, и нужно ли ихъ здѣсь именно двадцать, а не менѣе? У насъ требуютъ около полутораста тысячъ на содержаніе тысячи человѣкъ этой прибавочной стражи. Но кто же провѣрилъ, что нужно именно такое количество? Высшимъ начальникамъ мудрено и даже невозможно входить въ такія подробности. Они основываются на показаніяхъ младшихъ и еще младшихъ, и такъ далѣе, а для младшихъ чѣмъ больше людей въ распоряженіи, тѣмъ лучше. Дай прокормить мнѣ казеннаго воробья, говоритъ Загоскинъ, такъ

я съ нимъ пару лошадей своихъ прокормлю на получаемый фуражъ. Опредѣлить число нужныхъ сторожей могутъ всего лучше обыватели, въ совѣщаніи съ полиціей: напримѣръ, приходило-ль въ голову кому-нибудь изъ полицейскихъ начальниковъ по частямъ отобрать свѣдѣнія у этихъ сторожей, что̀ они сдѣлали, напримѣръ, въ понедѣльникъ, во вторникъ, въ середу. Изъ совокупности такихъ показаній, въ концѣ недѣли тотчасъ можно было бы увидѣть и количество работы и количество нужныхъ для нея людей. Прибавимъ еще: на дняхъ, во время прогулки, я вступилъ въ разговоръ съ однимъ изъ такихъ солдатъ. Онъ сказалъ мнѣ, что новая тысяча получаетъ по десяти и болѣе рублей жалованья въ мѣсяцъ, а старые солдаты втрое и вчетверо менѣе: что за странное разнообразіе!

Въ Петербургѣ я встрѣтился съ княземъ Сергѣемъ Николаевичемъ Урусовымъ, у котораго большой домъ на Пречистенкѣ. — Что̀ у васъ дѣлается, сказалъ онъ мнѣ, меня обокрали и опустошили кладовую. Больше всего мнѣ жаль старинныхъ, жалованныхъ табакерокъ. Теперь новые хлопоты: забрали въ часть всѣхъ людей, а больная моя жена должна объясняться безпрестанно съ полицейскими чиновниками.

Мнѣ кажется, не людей должно бы забрать въ часть, а прежде часть спросить, какимъ образомъ могла она допустить или проглядѣть опустошеніе кладовой на большой улицѣ, въ домѣ, наполненномъ множествомъ людей, да еще на подводахъ. Можетъ ли спать спокойно бѣдный обыватель въ какомъ-нибудь переулкѣ или захолустьѣ, послѣ такой дерзкой выходки? Вообще, произойдетъ у насъ пропажа въ домѣ, дай знать полиціи, замучатъ тебя разспросами, такъ, что будешь радъ отказаться и отъ иску. Вотъ вамъ мое второе наблюденіе; а вотъ и третье.

Въ кабакахъ нашихъ содержатели берутъ въ закладъ все, что ни предлагается: платье, бѣлье, обувь, всякія вещи, разумѣется, за безцѣнокъ. Никакія угрозы не производятъ дѣйствія. Вѣроятно, кабаки находятся подъ какимъ-нибудь покровительствомъ, платя оброкъ, какъ откупщики. Иначе не посмѣли бы они брать заклады такъ нагло.

Наконецъ, четвертое, самое страшное для меня наблюденіе.

На прошлой недѣлѣ, противъ меня, на полѣ, загорѣлся, около полночи, пустой домъ, съ заколоченными ставнями и запертыми воротами: какъ же случился пожаръ? До сихъ поръ неизвѣстно. Вотъ теперь я не могу спать спокойно, имѣя множество бумагъ, драгоцѣнныхъ для меня, и, можетъ быть, для общества. Для успокоенія обывателей такіе случаи должны разъясняться немедленно.

Я предложилъ на усмотрѣніе думы свои наблюденія за послѣднюю недѣлю. Если я пороюсь въ своей памяти, то изъ Исторіи своего сорокапятилѣтняго домовладѣнія найду, разумѣется, много новыхъ данныхъ; напримѣръ, объ отношеніи обывателей къ прислугѣ, къ жильцамъ, къ торговой полиціи, вообще къ полиціи. Всякій гласный и всякій обыватель имѣетъ такой же, безъ сомнѣнія, большой запасъ. Если мы соединимъ, съ толкомъ, всѣ наши свѣдѣнія, непремѣнно изъ нихъ выйдетъ что-нибудь путное. Во всѣхъ благоустроенныхъ Европейскихъ государствахъ полиція есть служительница общества по преимуществу. Такъ ли у насъ? Если нѣтъ, то какое же отношеніе къ ней общества? Мы должны содержать полицію и выдавать ей полъ-милліона (шутка-ли!)—это наши обязанности; а какія же наши права? Еслибы мы даже не имѣли никакихъ правъ, то все-таки мы могли бы, въ ея назиданіе, предъявить наши нужды и желанія на усмотрѣніе высшаго правительства, которое вѣрно намъ было бы за то благодарно, и приняло бы свои мѣры. Москва имѣетъ счастье хвалиться большею частью своихъ полицейскихъ, особенно высшихъ начальниковъ; слѣдовательно, безпорядки или упущенія зависятъ не столько отъ людей, сколько отъ учрежденій.—*Такъ заведено, такой обычай, такъ привыкли*... Надо сообща вникнуть въ сущность всякой полицейской обязанности, соотвѣтственно настоящимъ требованіямъ, выслушать мнѣнія и показанія самихъ дѣйствующихъ лицъ, сообразить съ ними свои обывательскія наблюденія, и тогда, можетъ быть, удастся поставить полицію на настоящую, Европейскую ногу“.

Въ заключеніе своей записки Погодинъ сказалъ: „Одинъ Римскій сенаторъ всякую рѣчь свою въ сенатѣ заключалъ словами: *надо разрушить Карѳагенъ.* Я буду заключать всякое свое предложеніе и разсужденіе словами: надо возвысить цѣну на вино въ Москвѣ. Большая часть безпорядковъ происходитъ отъ дешевки. Градскій голова отвѣчалъ мнѣ въ одномъ изъ засѣданій, что этимъ вопросомъ занимается финансовая коммисія. Въ томъ то и бѣда, что у насъ, т.-е., вообще въ Русскомъ царствѣ, многія дѣла идутъ часто въ оттяжку по комитетамъ, коммиссіямъ и канцеляріямъ. Мы всѣ видимъ ежеминутно, что дешевкой развращается народъ, и имѣемъ полное право, а вмѣстѣ и обязанность, заявить правительству о потрясеніи городского благоустройства, составляющаго нашу цѣль. Нельзя не прибавить, что если правительство дастъ городу право брать по рублю съ ведра, то мы удовлетворимъ всѣ наши настоятельныя нужды, выстроимъ мосты, распространимъ и умножимъ больницы, училища и богадѣльни;—однимъ словомъ, приведемъ въ порядокъ всѣ наши дѣла“.

XXV.

Новый Московскій генералъ-губернаторъ М. А. Офросимовъ, при своемъ управленіи, учредилъ особый комитетъ о преобразованіи полиціи. Въ этотъ комитетъ всесословная дума выбрала отъ себя двухъ депутатовъ. По отзыву Погодина, выборъ былъ сдѣланъ „отмѣнно счастливый и разумный“; но, замѣчаетъ Погодинъ, „депутаты наши войдутъ въ комитетъ только съ своими личными взглядами, опытами и свѣдѣніями. Этого недостаточно“. По мнѣнію Погодина, надо было посвятить нѣсколько засѣданій думы на совѣщаніе о нуждахъ городскихъ въ отношеніи къ полиціи. „Пусть,—говорилъ онъ,—послѣ общихъ разсужденій, всѣ гласные, безъ всякихъ околичностей, заявятъ свои наблюденія и замѣчанія, кому что̀ случилось на своемъ вѣку испытать, относительно полиціи, которая у насъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, получила такой

характеръ, котораго не имѣетъ нигдѣ въ Европѣ, и какого иностранцы и понять не могутъ". При этомъ Погодинъ приводитъ слова Посошкова о сочиненіи уложенія: „аще кто узритъ какую неправостную статью, то бы безъ всякаго сомнѣнія написалъ, что́ въ ней неправость, и ничего не опасаяся, подалъ бы ко исправленію тоя книги; *понеже всякъ рану свою въ себѣ лучше чуетъ, нежели во иномъ комъ*. И того ради, надобно всякимъ людямъ въ своея бытности выстеречи, дондеже книга не совершится; а егда она совершится, то уже никто не можетъ помочи; того бо ради и дана свободность, дабы послѣди не жаловались на сочинителей тоя новосочиненныя книги. Того-то ради, надлежитъ ю вольнымъ голосомъ освидѣтельствовать, дабы всякая статья ни отъ кого порочена не была, но всякъ бы себя выстерегъ, и чтобы впредь никому спорить было, но въ вѣки вѣковъ было бы ненарушимо оно".

Напомнивъ эти слова Посошкова, Погодинъ „для примѣра" разсказываетъ, что́ случилось у него въ домѣ, на Дѣвичьемъ Полѣ, именно въ день послѣдняго засѣданія думы, и что онъ узналъ по возвращеніи оттуда: „Въ комнатахъ, надъ кухнею, нанимаютъ у меня какіе-то мастеровые. Днемъ мужъ работаетъ на сосѣднихъ фабрикахъ, а дома остаются однѣ женщины. Передъ вечеромъ приходитъ къ нимъ нынче какой-то пьяный и требуетъ помощи: я, говоритъ, только что выпущенъ изъ острога. — Если ты голоденъ, отвѣчаютъ женщины, то вотъ поѣшь хлѣба, а больше у насъ нѣтъ ничего. —Нѣтъ, давайте денегъ! закричалъ онъ и началъ приступать къ одной женщинѣ ближе, другая сбѣжала тотчасъ внизъ, позвать дворника. Дворникъ сбѣгалъ за солдатомъ, который и увелъ буяна въ часть. Все это очень хорошо, но вотъ что нехорошо: черезъ часъ пришелъ солдатъ спрашивать женщинъ и дворника въ часть. Женщины подъ проливнымъ дождемъ, по непроходимой грязи Дѣвичьяго Поля (прошу кстати думу обратить вниманіе на эту несчастную дикую мѣстность), должны были шлендать въ часть, оставя свою квартиру безъ надзора, точно такъ какъ и дворникъ, который долженъ былъ, покинувъ дворъ, ихъ

сопровождать. Въ части всѣ они дожидались около двухъ часовъ. Приходило ли въ голову какому-нибудь частному приставу или надзирателю, что они, распоряжаясь такъ, поступаютъ и несправедливо и безчеловѣчно? Порядочныхъ женщинъ вести съ полицейскимъ солдатомъ по городу, и держать въ части, чуть ли не съ арестантами,—это ни на что не похоже! Но я увѣренъ, что ни частный приставъ, ни надзиратель объ этомъ ничего не знали, а это происходило все само собою, по заведенному порядку. Вотъ на этотъ-то заведенный порядокъ должна наша дума и наши депутаты въ комитетѣ обратить свое вниманіе. Кто васъ допрашивалъ наконецъ? спросилъ я одну женщину, позвавъ къ себѣ.—Писарь, отвѣчала она. Объ чемъ?—Да какъ дѣло было. А послѣ что?—Послѣ насъ отпустили. Разумѣется, бѣдняжки не смѣютъ и подумать, чтобъ пожаловаться, да и не сознаютъ своего права. Но мы-то, избранные гласные, должны о нихъ подумать, и выразить желаніе, чтобъ въ подобныхъ маловажныхъ случаяхъ полицейскій служитель (тутъ ненужно ни надзирателя, ни поручика), сдѣлалъ дознаніе на мѣстѣ, и донесъ кому слѣдуетъ, — а безпокоить обывателей даромъ не должно.

Это мелочь, но изъ этихъ мелочей составляется жизнь, и сохраняется спокойствіе. Пишучи это, я вспомнилъ, что жена покойнаго Большакова, нашего знаменитаго библіографа, нѣсколько лѣтъ назадъ, умерла вслѣдствіе грубостей полиціи. Соберите изъ устъ нашихъ всѣ подобные случаи, приведите ихъ въ порядокъ, и сообщите комитету въ общихъ положеніяхъ.

А съ буяномъ что̀ сдѣлано? Вѣрно онъ выпущенъ, какъ выпускается большая часть мошенниковъ, оставляемая по нѣскольку разъ *въ сильномъ подозрѣніи.* Вотъ наши капитальные вопросы, о которыхъ мы въ думѣ еще не думаемъ, разбирая доклады коммиссій частныхъ, и заботясь болѣе всего о газовомъ освѣщеніи!

А кстати, о квартальныхъ надзирателяхъ: хоть я выѣзжаю со двора рѣдко, но все-таки прежде видалъ ихъ всегда по дорогѣ по нѣскольку. Въ нынѣшнемъ году я не видалъ на

улицахъ, à la lettre, ни единаго полицейскаго офицера. Того и гляди, что они сдѣлаются у насъ почетными sinecura-ми. Русскій человѣкъ способенъ облѣниваться на всякомъ мѣстѣ, дай ему только хорошее жалованье.

Что касается до солдатъ, то скажу рѣшительно, на основаніи моихъ наблюденій и разспросовъ, что новая тысяча не приноситъ желаемой пользы. Они прогуливаются по улицамъ, и то днемъ, а больше ничего. Хорошая сотня можетъ вѣрно замѣнить эту вялую, мертвенную тысячу. Вотъ настоящіе праздношатающіеся оффиціанты. Пусть по полицейскимъ вѣдомостямъ сравнятъ число кражъ и всякихъ мошенничествъ, до нея, и при ней. Ихъ стало не меньше, а больше. Къ чему же служитъ она? А наши ученые преобразователи разсчитываютъ, что въ Англіи всякій полицейскій чиновникъ приходится на такое-то количество жителей, а во Франціи на такое-то. Надо проникнуть въ сущность дѣла по натурѣ“.....

Когда въ думѣ возникъ вопросъ о прибавкѣ на содержаніе городской больницы, къ пятидесяти тысячамъ еще тридцати тысячъ, то Погодинъ воскликнулъ: „Каковы суммы! Я, съ своей стороны, не вѣрю никакимъ ревизіямъ, какъ онѣ, по заведенному у насъ тому же порядку, производятся. Гораздо бы лучше и вѣрнѣе, еслибъ нашъ голова откомандировалъ двухъ-трехъ смышленыхъ человѣкъ въ подвѣдомственныя больницы, лечь инкогнито больными. Тогда мы и узнаемъ, сколько разъ бываютъ лекаря въ больницѣ, какъ они обращаются съ больными, какъ отпускается лекарство, какая употребляется пища, какъ ведетъ себя прислуга, и проч. и проч. А теперь, теперь, безъ шутокъ скажу по совѣсти, что наши больницы, какъ и полиція, какъ..... какъ..... имѣютъ большею частію худую славу. И медицинская, и экономическая часть въ запущеніи, по тому капитальному пороку нашей натуры, которому всѣ мы приносимъ дань: лѣности, распущенности, отсутствію понятія о долгѣ. Чуть занялъ лекарь мѣсто, получилъ практику, онъ и смотритъ на больницу, какъ на свою квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, а больные....

Мнѣ лекарь говорилъ: нѣтъ, ни одинъ больной
Не скажетъ обо мнѣ, что недоволенъ мной!
Конечно, думалъ я, никто того не скажетъ:
Смерть всякому языкъ привяжетъ.

Есть почтенныя исключенія,—имъ честь и слава! Больше всего прошу не думать, чтобъ я говорилъ здѣсь именно о городской больницѣ, съ которой я связанъ даже дружескими узами. Нѣтъ, я говорю вообще о больницахъ" [56]).

XXVI.

Въ числѣ гласныхъ Московской всесословной думы состоялъ и издатель *Московскихъ Вѣдомостей* М. Н. Катковъ. По свидѣтельству Н. А. Любимова, въ думѣ „господствовалъ тогда кружокъ лицъ, болѣе или менѣе близкихъ къ славянофильскому лагерю, въ которомъ, по словамъ Каткова, имѣлъ огромное значеніе *котелокъ самолюбія*... Не расходясь съ *Московскими Вѣдомостями* въ существенныхъ вопросахъ патріотизма, нѣкоторые изъ членовъ лагеря чувствовали нѣкотораго рода ревность къ дѣятельности *Московскихъ Вѣдомостей*. На ихъ взглядъ,—какъ выразился Катковъ,—*Московскія Вѣдомости* вмѣшиваются въ ихъ спеціальность, отбиваютъ отъ нихъ Россію, которую они считаютъ изобрѣтеніемъ и достояніемъ ихъ кружка. Потому все, выходившее отъ *Московскихъ Вѣдомостей*, принималось въ кружкахъ, примыкавшихъ къ лагерю, съ особою чувствительностью и легко возбудимымъ раздраженіемъ. Упорная неуступчивость..... издателей *Московскихъ Вѣдомостей*, разсматривалась въ ревнующихъ кружкахъ какъ претензія на непогрѣшимость и высокомѣріе. Присоединялись и счеты личнаго самолюбія въ нѣкоторыхъ лицахъ, непосредственно къ думѣ не принадлежавшихъ, но имѣвшихъ вліяніе въ думскихъ и вообще въ Московскихъ кружкахъ".

14 января 1864 года, Катковъ имѣлъ неосторожность напечатать слѣдующія строки: „Иные Московскіе жители не находятъ большого различія между распорядительною думой, учрежденіемъ новымъ, и, напримѣръ, управой благочинія,

учрежденіемъ, которое признается неудовлетворительнымъ и требующимъ преобразованія. А какъ бы, кажется, не пріискать людей для распорядительной думы въ Петербургѣ или Москвѣ?.. Не очевидно ли, что есть какой-нибудь недостатокъ въ самомъ устройствѣ распорядительныхъ думъ".

Эти строки вызвали цѣлую бурю и повели къ дуэли между П. М. Леонтьевымъ и старшиною дворянскаго сословія въ думѣ, С. Н. Гончаровымъ.... Девять гласныхъ, Н. Щепкинъ, Н. Киселевъ, П. Самаринъ, А. Кошелевъ, Д. Шумахеръ, Н. Кетчеръ, М. Демидовъ, В. Кашкадамовъ и С. Гончаровъ, подписали протестъ, въ которомъ, между прочимъ, было написано: „Произнося столь неблагопріятное сужденіе о Московской распорядительной думѣ, вы, безъ сомнѣнія, имѣли положительныя свѣдѣнія о такихъ злоупотребленіяхъ въ распорядительной думѣ, которыя низводятъ ее на степень присутственнаго мѣста, пользующагося самою неблаговидною извѣстностью. Въ этомъ убѣжденіи мы, нижеподписавшіеся, какъ гласные, обязанные слѣдить за дѣйствіями распорядительной думы, обращаемся къ вамъ съ просьбою, сообщить намъ тѣ факты и свѣдѣнія, которые побудили васъ подвергнуть публичному осужденію едва сложившееся городское учрежденіе".

Завязалась ожесточенная полемика, и въ самый разгаръ ея и передъ самою дуэлью, Погодинъ, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, на погребеніе графа Блудова, посѣтилъ Каткова. „Въ редакціи—писалъ Погодинъ—нашелъ великое смятеніе по поводу спора съ девятью гласными. Вызвался съѣздить къ Кошелеву, гдѣ предполагается ихъ собраніе, съ миротворною цѣлью. Не заставъ Кошелева, оставилъ у него записку... На другой день, я пустился въ путь, заѣхавъ однакоже къ Кошелеву, который сообщилъ мнѣ, что объясненіе Каткова принято очень спокойно и мирно, чтó я отъ него же въ краткой запискѣ передалъ Катковой".

Но Погодину не удалось стяжать блаженство миротворца, и дуэль состоялась.

„Во вторникъ, 25 февраля 1864 года, вечеромъ, — повѣ-

ствуетъ Н. А. Любимовъ,—я долго разговаривалъ въ редакціи съ П. М. Леонтьевымъ... Столкновеніе съ девятью гласными и въ особенности съ С. Н. Гончаровымъ... приняло,—какъ говорилъ Леонтьевъ,—такой оборотъ, что выходъ изъ него становится невозможнымъ безъ дуэли. Таково, говорилъ онъ, убѣжденіе Каткова, который посылаетъ завтра вызовъ Гончарову".

Дуэль состоялась въ Петровскомъ паркѣ утромъ, 26 февраля 1864 года, но только не Каткова съ Гончаровымъ, а Леонтьева. Секундантомъ Леонтьева былъ Щебальскій, а Гончарова—одинъ изъ его племянниковъ (сынъ поэта Пушкина). Дуэль обошлась благополучно. Катковъ объ этомъ ничего не зналъ. „Утромъ, — пишетъ Любимовъ, — придя въ комнату Леонтьева, Катковъ не нашелъ его. Онъ сталъ догадываться о причинѣ отсутствія и страшно взволновался. Катковъ говорилъ, что никогда не забудетъ того получаса, который онъ провелъ въ тревожномъ ожиданіи. Наконецъ, вернулся Леонтьевъ, съ его спокойнымъ взоромъ и словомъ. Катковъ накинулся на него съ радостію, упреками, слезами".

Во время полемики съ гласными, чиновники управы благочинія напечатали въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* заявленіе противъ отзыва гласныхъ, выставлявшихъ сравненіе съ управою, какъ оскорбленіе и позволившихъ себѣ выразиться объ этомъ учрежденіи, какъ о присутственномъ мѣстѣ, пользующемся самою неблаговидною извѣстностію, и грозили лицамъ, подписавшимъ протестъ, судебною отвѣтственностію" [57]).

18 мая 1864 года, Я. К. Гротъ писалъ къ П. А. Плетневу въ Парижъ: „Не знаю, о какомъ поступкѣ Каткова ты говоришь; вѣроятно, о дуэли Леонтьева и проч.; но даже здѣсь, гораздо поближе къ Москвѣ, разсказы такъ разнорѣчивы, что трудно по нимъ составить вѣрное понятіе объ обстоятельствахъ" [58]).

Мы уже знаемъ, что въ 1863 году, между Погодинымъ и Катковымъ образовались самые дружескія отношенія. Еще въ началѣ 1864 года, они продолжались. Мы видѣли стремленіе Погодина примирить Каткова съ девятью гласными. Въ

Дневникъ Погодина, за это время, мы находимъ слѣдующія записи:

Подъ *4 января 1864 года:* „Къ Каткову. Жалко смотрѣть на мученія, и прощаешь тѣмъ многое“.

— *6 февраля* — —: „Катковъ, объ интригахъ противъ него... Жаль его“.

— *13* — — —: „Думалъ о Катковѣ, и наконецъ поѣхалъ къ нему. Пива не сваришь, а труженики“.

— *15* — — —: „Катковъ съ думою. Принялъ посредничество“.

Но вскорѣ рушились эти дружескія отношенія. Та же думская дѣятельность, доведшая Каткова до кровавой расправы, поссорила его и съ Погодинымъ.

Въ засѣданіи Московской думы 11 мая 1864 года, возникъ споръ по поводу доклада коммиссіи объ изданіи свѣдѣній о дѣятельности Московскаго городского управленія. Обсуждались три мнѣнія: 1) большинства членовъ коммиссіи, объ изданіи отъ думы газеты въ двухъ отдѣленіяхъ, оффиціальномъ и неоффиціальномъ; 2) гласныхъ Головкина и Каткова, предлагавшихъ одно только отдѣленіе неоффиціальное и наконецъ 3) городского головы князя Щербатова, считавшаго изданіе особой газеты преждевременнымъ, потому что городское управленіе не успѣло еще освоиться съ предметами управленія.

Погодинъ склонялся къ 1-му мнѣнію, большинства коммиссіи. Положеніе князя Щербатова, что городское управленіе не успѣло еще освоиться съ предметами управленія, и что многіе вопросы только что возникаютъ, — по мнѣнію Погодина, именно и доказываютъ необходимость особой газеты, которая должна помогать поясненію, развитію и обработкѣ всѣхъ вопросовъ.

Сказанное Погодинымъ въ думѣ, въ пользу изданія новой газеты, вооружило противъ него *Московскія Вѣдомости* [59]).

Погодинъ отправилъ къ Каткову свой отвѣтъ, въ которомъ читаемъ: „Я подалъ свой голосъ въ думѣ за мнѣніе большинства коммиссіи, объ основаніи особой городской газеты. *Мо-*

сковскія Вѣдомости, во вчерашнемъ нумерѣ, возражаютъ на мой голосъ. Оставляя въ сторонѣ лишнее, я скажу здѣсь только то, что вовсе не думалъ о монополіи для предполагаемой газеты, напротивъ, я желалъ, какъ и желаю, ограничить всякую монополію. Всѣ газеты должны имѣть право печатать у себя оффиціальные документы думы, и при нихъ могутъ онѣ проводить, разумѣется, какія угодно свои мнѣнія. Напримѣръ, въ этомъ же нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* помѣщенъ протоколъ думы, и предпослано ему осужденіе редакціи. Принужденія никому не должно быть никакого, и всякій можетъ читать документы думскіе, гдѣ захочетъ. Объ обязательной подпискѣ нѣтъ и рѣчи. Я указывалъ на Англійскія пренія о пошлинѣ на бумагу, не въ отношеніи къ оффиціальнымъ и полуоффиціальнымъ изданіямъ, а въ примѣръ того, какъ много, долго и строго обсуживаются вопросы. За неимѣніемъ другихъ средствъ, мы должны желать болѣе печатныхъ органовъ, и содѣйствовать вызову мнѣній. Спеціальная газета предлагаетъ въ этомъ случаѣ лучшее пособіе. Вотъ и все".

Печатая этотъ отвѣтъ, Катковъ предпослалъ ему слѣдующее оскорбительное для Погодина введеніе: „Г. Погодинъ прислалъ намъ отвѣтъ, — не отвѣтъ на какой нибудь вопросъ, а разъясненіе того, что̀ говорилъ онъ въ засѣданіи думы 11 мая. Изъ этого объясненія явствуетъ, что г. Погодинъ не зналъ о чемъ въ этомъ засѣданіи шла рѣчь. Въ думѣ рѣшался вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли предоставить привилегію печатанія ея оффиціальныхъ извѣстій частному листку, и сдѣлать, такимъ образомъ, одну половину его оффиціальнымъ органомъ думы, съ тѣмъ, чтобы другая половина оставалась независимымъ органомъ его издателей, которые могутъ говорить обо всемъ, что имъ угодно, лишь бы только въ отзывахъ своихъ о городскомъ управленіи не говорили ничего такого, что̀ было бы непріятно вліятельнымъ лицамъ городского управленія. Г. Погодинъ ничего не зналъ объ этомъ; онъ говорилъ совсѣмъ другое; онъ толкуетъ о предметахъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ вопросу; онъ разсказывалъ сидѣвшимъ вокругъ него слушателямъ

и публикѣ, собравшейся послушать думскаго краснорѣчія, о томъ, какое славное дѣло гласность, и какъ было бы хорошо, еслибъ у насъ было побольше разныхъ газетъ, въ которыхъ обсуждались бы разные вопросы, и для этого привелъ въ примѣръ Англію и почему то полюбившійся ему билль объ отмѣнѣ пошлины на бумагу. Ему казалось, что дума рѣшаетъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли допустить у насъ гласность; ему представилось, что дума имѣетъ власть принять какую либо мѣру, которая можетъ стѣснить или расширить свободу печати въ сужденіяхъ о ея дѣйствіяхъ, и старался настроить ее въ возможно-болѣе либеральномъ смыслѣ; онъ полагалъ, что думѣ дана власть разрѣшать и не разрѣшать основаніе газетъ и журналовъ, и по весьма похвальному чувству, онъ хотѣлъ предрасположить ее къ щедрому пользованію имѣющеюся у нея властью, онъ хотѣлъ разжать ея руку, чтобы изъ нея въ изобиліи посыпались патенты на новыя газеты и журналы. Г. Погодинъ—литераторъ, долго подвизавшійся на поприщѣ печати, какъ же требовать, чтобы сидящіе въ думѣ, разные почтенные обыватели Москвы, никогда не занимавшіеся подобными вопросами, понимали, о чемъ шла рѣчь, и сознательно подавали свой голосъ? Г. Погодину предстояло подать свой голосъ по вопросу о томъ, желательно ли чтобы частному изданію предоставлена была привилегія служить оффиціальнымъ органомъ городскаго управленія, то есть, чтобы всѣ документы городского управленія обязательно печатались въ листкѣ, гдѣ гг. Щепкинъ и Корсакъ будутъ высказывать свои независимыя мнѣнія, ни въ какой связи и солидарности съ думой не состоящія. Г. Погодинъ подалъ свой голосъ въ пользу продоставленія такой привилегіи, и весьма ревностно отстаивалъ мнѣніе большинства коммиссіи; но теперь, когда онъ уже подалъ свой голосъ, оказывается, что онъ противъ монополіи, и не желаетъ, чтобы дума дала одному частному, отъ нея независящему изданію, привилегію печатать ея документы и считаться ея оффиціальнымъ органомъ".

„Нѣтъ, отвѣчу теперь *Московскимъ Вѣдомостямъ*,—писалъ

Погодинъ,—мы всѣ очень ясно понимали дѣло и, по предложеніи вопросовъ городскимъ головою, отвѣчали почти единогласно: *Должно ли начать изданіе газеты немедленно?* — Должно. *Быть ли при оффиціальномъ отдѣлѣ другому, неоффиціальному?* — Быть. *Кому поручить изданіе?*—Щепкину и Корсаку. Замѣтимъ для Исторіи, что министръ внутреннихъ дѣлъ не разрѣшилъ городу издавать газету, опредѣленную общею думою“ [60]).

XXVII.

Испытавъ непріятности на выборахъ въ головы Московской всесословной думы, Александръ Ивановичъ Кошелевъ былъ обрадованъ семейнымъ событіемъ, о которомъ *Дневникъ* Погодина за это время гласитъ слѣдующее:

Подъ *24 февраля 1863 года*: „къ Кошелеву, который выдаетъ дочь замужъ“.

— *28* — — —: „Бартеневъ о Беклемишевѣ“.

— *2 марта* — —: „къ Кошелевымъ. О женихѣ. Съ Ольгой Өедоровной о женихѣ—безъ памяти отъ него“.

— *3* — — —: „Обѣдъ у Кошелевыхъ. Женихъ не понравился. Непримѣтно, чтобы онъ былъ женихъ. Жаль Дашеньку“.

Свадьба Өедора Андреевича Беклемишева съ Дарьей Александровной Кошелевой происходила въ имѣніи родителей невѣсты, въ селѣ Песочнѣ, Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губерніи.

2 іюля 1863 года, Кошелевъ писалъ Погодину: „Махните-ка къ намъ на свадьбу. По желѣзной дорогѣ до Коломны ѣхать не тяжело. Изъ Коломны почтовыя кареты ходятъ ежедневно. А въ Рязани вы возьмете тарантасъ и въ 12 часовъ, рублей за десять или двѣнадцать, очутитесь въ Песочнѣ, гдѣ васъ примутъ съ распростертыми руками. Право, сдѣлайте-ка это. Поживете у насъ іюль и захватите августъ, и вы подышите славнымъ воздухомъ и можете послѣ свадьбы работать, какъ угодно. Надѣемся, что вы такъ и сдѣлаете; было бы чудесно“.

Молодая чета, вскорѣ послѣ свадьбы, отправилась за границу, не взирая на то, что это было въ самый разгаръ Польскаго мятежа. Погодинъ, движимый патріотическимъ чувствомъ, возсталъ противъ такого путешествія. Защитницей молодыхъ явилась Ольга Ѳедоровна Кошелева. Она, отъ 5 августа 1863 года, писала Погодину изъ Песочни: „Какъ мнѣ досадно, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, что вы осуждаете поѣздку Беклемишевыхъ за границу. Какая охота и ошибка навязывать всямому человѣку свои впечатлѣнія и свои понятія. Ѳедоръ Андреевичъ принимаетъ живое участіе въ Польскомъ дѣлѣ, слѣдитъ въ газетахъ за всѣми новостями и распоряженіями очень усердно, но что, женившись, желаетъ недѣль 6-ть предаться вполнѣ новой жизни, беззаботно, это очень естественно. А можно ли пріятно путешествовать по Россіи. Чтобы теперь овладѣвало такъ счастье, что наплывъ его выталкиваетъ заботу гражданственную и что человѣкъ себѣ позволяетъ этимъ наплывомъ жить недѣль шесть, въ этомъ ничего предосудительнаго нѣтъ. Зачѣмъ имъ запрещать себѣ Парижъ, не понимаю. Имъ теперь не до политики. А Дашенька не была вѣдь въ Парижѣ, и даже ни одного Французскаго романа не читала. Походить по театрамъ недѣльки полторы, по Лувру—картинъ смотрѣть, по магазинамъ поглазѣть, даже по кофейнямъ, даже съ мужемъ, что̀ тутъ дурного, не вижу. Ваша записка очень непріятно на меня подѣйствовала, не по словамъ вами употребленнымъ, потому что вездѣ въ нихъ вижу участіе и любовь, а зачѣмъ вы такъ чувствуете и судите такъ не снисходительно,—вотъ что̀ досадно. Ну, да Богъ съ вами. Но зачѣмъ вы Дашеньку такъ смутили въ Москвѣ, что она не знала, бѣдненькая, какъ и быть. Сознайтесь, что если бы они теперь принимали такое горячее участіе въ политикѣ какъ вы, то вы первый осудили бы ихъ въ холодности къ вновь установленнымъ отношеніямъ другъ къ другу. Вы вспомните, что они нѣсколько въ чаду еще, хотя и силятся скрывать то, и не поддаваться угару. Имъ не сидится—эка бѣда! У всякаго свои впечатлѣнія. Очень мнѣ жаль, что вы Дашеньку ругнули. Два письма получила отъ

нее: изъ Рязани и изъ Москвы. Слава Богу, она такъ счастлива, что радостно на душѣ. А я завтра ѣду въ Кіевъ—къ Елагинымъ. Страшно трудно мнѣ отцѣпиться отъ Дашеньки. Разорвалось совершенно вдругъ, потому что пока они были здѣсь, я себя еще не чувствовала. Но рана, Михаилъ Петровичъ, такая оказалась, что заживи́ть не знаю какъ. Я вся растерялась. Гдѣ я, и что̀ я,—не знаю. При чемъ и при комъ жить,—не соображу—для себя обидно, а никому я не нужна—хотя Александръ очень ко мнѣ нѣженъ и любезенъ. Но я, какъ дерево,—голова трещитъ отъ боли, клоками посѣдѣла. Безпрестанно пла̀чу, то внутренно, то снаружи. Тоска гложетъ, тѣло тупѣетъ отъ нервъ. Авось, Кіевъ устроитъ. Такъ и рвется мнѣ въ Кіевъ—и тамъ бы умереть".

По возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, Беклемишевы поселились въ Петербургѣ. Въ день именинъ Погодина, 8 ноября 1863 года, О. Ѳ. Кошелева, поставивъ во главѣ письма „*Петербургъ отвратительный*", писала Михаилу Петровичу: „сегодня ваши именины, любезный Михаилъ Петровичъ. Вспомнила васъ и хотя $1^1/_2$ ночи, но хочется вамъ написать привѣтъ на этотъ день. Что за уродство Петербургъ. Чувствую себя за границей, но гдѣ, рѣшительно не знаешь—ни Франція, ни Англія, ни даже Германія. Чушляндія какая-то. Я вспомнила, что хотѣли со мною послать чемоданъ съ книгами, но была обижена вашимъ небреженіемъ, а тѣмъ болѣе чувствовала скорбь и оскорбленіе, что болѣла желчью, и потому хотѣла отплатить тѣмъ же. Не въ моемъ характерѣ мстить, но принудила себя. Вотъ почему не дала знать о своемъ отъѣздѣ. Но довольно. Теперь простила и конецъ.

Благодарю за записку. Передала Дашенькѣ, что ее о́бнимаете, чему она васъ благодаритъ, но за что̀ вымыть ей голову собираетесь, это намъ не въ догадъ. Извольте объяснить. И сами они очень будутъ рады усѣсться на мѣсто. Неужели вы полагаете, что жить безъ дѣла пріятно Ѳедору Андреевичу. Но вдругъ не повернешь такого великолѣпнаго вельможу, какъ Валуевъ. Надо *явиться*—что̀ онъ уже сдѣлалъ и получилъ

любезный привѣтъ. Надо визитъ сдѣлать, что собирается сдѣлать завтра. А затѣмъ надо ждать. И снова здорово о себѣ напоминать. Графъ Амурскій поважнѣе баринъ, чѣмъ нашъ Беклемишевъ, и тотъ сидитъ у моря и ждетъ погоды. А вѣдь погода здѣсь не только въ нравственномъ отношеніи плоха, но и физически несносна. Туманы, дожди, дряблость въ воздухѣ, сырость,—вотъ жизнь въ Питерѣ. Луча солнца не видала. Въ самомъ дѣлѣ, вообразите, что въ 3 часа огни подаютъ въ комнатѣ. Поживу здѣсь долго, то-есть, до ихъ назначенія, или до того, что меня потребуетъ Александръ Ивановичъ. Вотъ только три дня, что мы установились на квартирѣ и началась обычная ежедневность. А то мы только что разложимся, какъ укладываемся опять. Двѣ квартиры перемѣнили. На двухъ мошенниковъ хозяевъ напали. Теперь намъ очень хорошо. У насъ шесть комнатъ. Видите какая маленькая квартира. Хорошо меблированная, чисто и тепло. А вотъ гдѣ: на Малой Милліонной, въ гостинницѣ Франція, подлѣ арки. Такъ и адресуйте. Напрасно пишете, что желаете совсѣмъ запираться. Полноте, Михаилъ Петровичъ. Всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь. А одиночество куда нехорошо. Очень тянетъ меня въ Москву. Здѣсь, разумѣется, я никому не нужна. Дашенька вполнѣ счастлива. Славно живутъ. Я совершенно спокойна на ея счетъ. Со мною они оба очень милы, добры, ласковы. Я совершенно удовлетворена ими, такъ что уѣхать легко будетъ. Мало еще кого здѣсь видѣла. Будущее мое письмо будетъ интереснѣе. Познакомилась съ здѣшними литераторами. До сихъ поръ еще была только у Гильфердинга. Она родила и плохо поправляется. Отецъ очень былъ боленъ и едва двигается еще. Александра Өедоровича (Гильфердинга) видѣла только разъ и на минуту, потому что въ тотъ день, какъ онъ былъ, мы перебирались. Была у Блудовой, которая до сихъ поръ лежитъ отъ ноги. Старика не было дома. Была у Виневитиновыхъ. Очень радушные люди, но зоветъ онъ Москву Татаріею. Была у Бутурлиныхъ. Онъ весь въ падагрѣ, жирѣетъ и болѣетъ страшно. Была у Туманской. Тамъ познакомилась съ княземъ Кудашевымъ,—

молодой нигилистъ и химикъ. Заводятся здѣсь женскія мастерскія (плодъ романа *Что дѣлать?*). Чернышевскій еще сидитъ. Написалъ еще романъ. Ходитъ по мытарствамъ цензуры. Завтра будетъ у меня Кояловичъ. Послѣ завтра—Щедринъ (Салтыковъ). Я его знаю по Рязани; да и въ Москвѣ бывалъ у меня. Дамъ знать Майкову. Всѣхъ хочу видѣть, кого знаю, и со всѣми познакомиться, кого не знаю. Много читаю журналы, газеты и La vie de Jésus, par Rénan. Далъ мнѣ Кудашевъ. Вотъ посмотрю. Должно быть противность. А Богъ вѣсть. Любопытно".

XXVIII.

Въ то самое время, когда Погодинъ, движимый патріотизмомъ, укорялъ молодыхъ Беклемишевыхъ, супруга его Софья Ивановна, по совѣту врачей, въ іюнѣ 1863 года, поѣхала въ Эмсъ; а самъ онъ „рѣшился", проводить ее до „отвратительнаго", по выраженію О. Ѳ. Кошелевой, Петербурга, чтобы тамъ „кстати похлопотать" объ изданіи своей *Древней Русской Исторіи до Татаръ.* Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Петербургѣ Погодинъ мечталъ „устроить свою служебную судьбу".

Предъ отъѣздомъ изъ Москвы, Погодинъ написалъ письмо къ Кунику съ просьбою остановиться у него въ Петербургѣ. Но Куникъ нашелъ невозможнымъ исполнить эту просьбу, и, 24 мая 1863 года, писалъ Погодину: „Милый Михаилъ Петровичъ! Спѣшу отвѣтить на ваше письмо, которое я только что получилъ. Конечно, я охотно предложилъ бы вамъ остановиться у меня, но теперь, къ сожалѣнію, я въ своемъ домашнемъ быту совсѣмъ разстроился. Своего слугу я уже двѣ недѣли, какъ уволилъ, и до сихъ поръ не могу найти новаго *надежнаго.* Моя старушка больна и съ трудомъ можетъ дотащиться до двери, такъ что иногда мнѣ даже некому отворить дверь. При моихъ обстоятельствахъ, мнѣ не легко найти людей, которымъ бы я могъ вполнѣ довѣрять".

Въ томъ же письмѣ Куникъ сообщалъ Погодину: „Я на-

мѣреваюсь, собственно въ это лѣто, отправиться, на короткое время, за границу *черезъ Польшу*. Это еще сомнительно; но въ слѣдующемъ мѣсяцѣ все уже будетъ рѣшено“.

Погодинъ нашелъ себѣ пріютъ въ С.-Петербургѣ у своего стараго друга Кокорева.

Въ послѣднее время, вслѣдствіе неудачнаго заводскаго предпріятія, Погодинъ началъ „пристально думать“ о вступленіи на службу, къ которой, казалось ему, его „обязывали и современныя обстоятельства“. Давно ужь онъ собирался говорить о службѣ „съ тѣмъ или другимъ лицомъ, но, или забывалъ, или находилъ неудобнымъ“, и отлагалъ до другого, болѣе благопріятнаго времени. Пользуясь своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ, Погодинъ написалъ письмо къ государю слѣдующаго содержанія:

„Всемилостивѣйшій государь!

Кончивъ многолѣтній свой историческій трудъ, посвящаемый вашему императорскому величеству, я сдѣлался совершенно свободнымъ. Мнѣ совѣстно, въ нынѣшнихъ сложныхъ обстоятельствахъ, оставаться празднымъ,—когда настоитъ нужда въ усердныхъ и вѣрныхъ дѣятеляхъ для дѣлъ всякаго рода, большихъ и малыхъ. Можетъ быть, моя опытность въ состояніи принести какую нибудь пользу, а преданность моя извѣстна вамъ со времени вашего совершеннолѣтія, которое въ Москвѣ я имѣлъ счастіе, въ 1837 году, привѣтствовать.

Если не окажется теперь служебнаго занятія, по предметамъ мнѣ болѣе знакомымъ, то я готовъ издавать газету, по моему мнѣнію, очень нужную, особенно для противодѣйствія новымъ моднымъ толкамъ, распространяющимся слишкомъ далеко. Смѣю думать, что голосъ мой былъ бы нелишнимъ въ настоящемъ замѣшательствѣ понятій.

Вызываясь такимъ образомъ на общественную дѣятельность, я желаю, впрочемъ, только очистить свою гражданскую совѣсть, и вмѣстѣ представить вашему императорскому величеству доказательство той готовности, которую, въ нынѣшнее время, имѣютъ, вѣроятно, многіе,—содѣйствовать, по мѣрѣ силъ и

способностей, исполненію благихъ вашихъ намѣреній, на пользу и славу Отечества,—а собственное мое личное желаніе есть собрать и издать подъ старость сочиненія, мною въ продолженіе сорока лѣтъ писанныя, и отдать ими отчетъ соотечественникамъ во всей прожитой жизни".

Написавъ письмо, Погодинъ обратился къ барону М. А. Корфу, за совѣтомъ, который сначала одобрилъ намѣреніе Погодина, а потомъ прислалъ ему отрицательный совѣтъ. Корфъ писалъ: „Скажу со всею искренностію, лучше не подавайте. Ибо что̀, по всей вѣроятности, отвѣтятъ? Или, что если желаете мѣста, то можете себѣ такое пріискивать, по усмотрѣнію, или, что если хотите издавать журналъ, то путь для испрошенія на это дозволенія открытъ каждому въ установленномъ порядкѣ. Иного отвѣта трудно ожидать, потому что дѣло рѣшится не по непосредственному влеченію благаго сердца, а по докладу какой нибудь посредствующей власти. Но что же за удовольствіе получить такой отзывъ"?

Погодинъ рѣшился послѣдовать совѣту барона Корфа. „Впрочемъ,—писалъ онъ потомъ,—вѣдь государь могъ бы и прямо спросить меня, тѣмъ болѣе, что въ Москвѣ показалъ мнѣ особенное расположеніе и былъ очень любезенъ. Нынче, въ Петербургѣ, увидѣвъ меня въ аллеѣ Царскаго Села, въ большой толпѣ, замѣтилъ и сказывалъ о томъ Корфу и Муханову. Государыня также передала Тютчевой, чрезъ маленькую великую княжну, что я, вѣрно, буду у нея. Но такъ и быть. Вѣрно не судьба мнѣ служить, какъ и Карамзину, который нѣсколько разъ находился въ подобныхъ обстоятельствахъ. Я хотѣлъ сообщить о моемъ намѣреніи Тютчевой, которая могла бъ какъ-нибудь сказать государынѣ, но не удалось. Въ оба раза мѣшали посторонніе посѣтители. Мухановъ, среди разговора, сказалъ мнѣ, что лучшая теперь служба писать и дѣйствовать на общественное мнѣніе. Князь Д. А. Оболенскій, разсуждая о газетѣ, замѣтилъ, что я долженъ приберегать себя на всякій случай. О службѣ всего лучше и приличнѣе было бы Блудову довести до свѣдѣнія государя, какъ на него и

Дашкова указалъ покойному Николаю Павловичу Карамзинъ; но онъ или не догадывается, или почему-нибудь опасается. Года три тому назадъ, графиня Блудова писала мнѣ, что онъ, вмѣсто государя, говорилъ министру Ковалевскому, какъ будто бъ предъ Ковалевскимъ нужно еще ходатайствовать обо мнѣ! Самолюбіе не балуется".

Въ то же время, открывались для Погодина „и другіе виды— въ области пониже". Нѣкоторые академики (Билярскій, Куникъ) выразили желаніе, чтобъ Погодинъ принялъ званіе предсѣдателя во второмъ отдѣленіи академіи наукъ.

Это предложеніе понравилось Погодину. „Къ нему можно бы—думалъ онъ—присоединить участіе въ изданіи *Инвалида* и въ Трудахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, съ жалованьемъ тысячъ въ десять. Можно-бъ переѣхать на нѣсколько лѣтъ въ Петербургъ, чтобъ исправить свои домашнія дѣла, по случаю понесенныхъ на заводѣ убытковъ".

Къ сожалѣнію, предложеніе, сдѣланное Погодину въ предсѣдатели втораго отдѣленія академіи наукъ, со стороны академіи, ограничилось только двумя академиками, Куникомъ и Билярскимъ. „И думалъ я объ этомъ,—писалъ Погодинъ,—но все какъ то не додумывается, не договаривается и не додѣлывается. Видно не судьба. Положиться на власть Божію".

Между тѣмъ, въ засѣданіи втораго отдѣленія академіи наукъ Погодинъ узналъ, что академія *платитъ* за печатаемыя статьи. „А я—писалъ Погодинъ,—не получалъ никогда ни копейки. Когда я сказалъ правителю дѣлъ, что не худо бы поплатиться и со мною, то онъ отвѣчалъ, что здѣсь встрѣтится затрудненіе, потому что за прошедшіе годы расчеты покончены. Такъ чѣмъ же я виноватъ, что со мною расчетъ не сдѣланъ!...—Зачѣмъ вы не спрашивали?... Да я не зналъ, что за статьи платится.....—Это случай необыкновенный, заключилъ онъ, и я доложу собранію послѣ вакаціи. За статьи нынѣшняго года вы получите непремѣнно, а за прежнія не могу сказать навѣрное. Я прошу васъ похлопотать и объяснить, кому слѣдуетъ, что за мое терпѣніе наказанъ я быть не долженъ. Безъ моего

требованія академія сама должна бы прислать мнѣ слѣдующее. Въ началѣ зимы я получилъ около шести сотъ рублей и обѣщаніе еще на двѣсти, что послужило мнѣ значительнымъ подспорьемъ въ моей крайней нуждѣ“.

3 іюня 1863 года, Калачовъ извѣстилъ Погодина, что въ тотъ день „назначено засѣданіе археографической коммиссіи, въ квартирѣ А. С. Норова. Такъ какъ главнѣйшимъ предметомъ будетъ обсужденіе изданія матеріаловъ объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ, по западнымъ губерніямъ, съ приложеніемъ изслѣдованія по этому предмету, то вы, безъ сомнѣнія, не откажетесь принять участіе въ этомъ засѣданіи, почему и прошу васъ, отъ имени Авраама Сергѣевича и членовъ, сдѣлать намъ эту честь“.

Въ археографической коммиссіи, — припоминаетъ Погодинъ—„главныя мѣста занимаютъ мои ученики по Русской Исторіи, которыхъ я представилъ туда министру Уварову, лѣтъ 25 назадъ: Калачовъ, въ двухъ лентахъ, и Бычковъ,— главный хранитель рукописей въ публичной библіотекѣ. Тамъ еще принимаютъ дѣятельное участіе: академикъ Куникъ, начавшій изученіе Русской Исторіи у меня, и Савваитовъ, который провожалъ меня изъ Вологды, по порученію покойнаго Иннокентія“.

Въ засѣданіи коммиссіи Погодинъ обратилъ вниманіе на М. О. Кояловича. Онъ писалъ: „Кояловичъ читалъ планъ своего Бѣлорусскаго сборника, очень замѣчательный и важный. Я возвысилъ голосъ, указалъ всѣ его достоинства и въ сильныхъ словахъ выразилъ необходимость обезпечить молодаго ученаго, дабы онъ могъ сосредоточить свою дѣятельность на одномъ любимомъ и знакомомъ предметѣ, и не терялъ драгоцѣннаго времени на постороннія занятія. Слова мои подѣйствовали, и Кояловичу опредѣлено полторы тысячи ежегоднаго содержанія. Хорошо, если бы удалось сдѣлать тоже для Билярскаго и Савваитова. Калачовъ не нуждается, а Бычковъ можетъ, кажется, самъ достигнуть этой цѣли“.

„Кояловичъ—сообщаетъ Куникъ Погодину—долженъ еже-

годно получать тысячу пятьсотъ рублей изъ археографической коммиссіи. Этимъ онъ, главнымъ образомъ, обязанъ вамъ".

Независимо отъ заявленія въ археографической коммиссіи, Погодинъ, ознакомившись съ *новыми учеными предпріятіями въ Петербургѣ*, опять указывалъ на Кояловича, на его особыя заслуги. Онъ писалъ: „Кояловичъ, оказавшій, въ послѣдніе два года, такія незабвенныя услуги Русскому дѣлу въ Бѣлоруссіи, сообщившій столько любопытныхъ свѣдѣній, освѣтившій новымъ свѣтомъ весь этотъ край, его отношенія, древнія и нынѣшнія, къ Полякамъ, занимается теперь изданіемъ историческаго сборника, въ которомъ будетъ помѣщено множество драгоцѣнныхъ документовъ, отысканныхъ неутомимымъ ученымъ. Его *Исторія Уніи*, изданная въ 1860 году, въ двухъ томахъ, его лекціи о братствахъ, лекція о разселеніи племенъ въ западной Россіи, *Люблинская Унія или соединеніе Литвы съ Польшей на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года*, даютъ право ожидать отъ новаго его труда великой пользы для ознакомленія соотечественниковъ съ этимъ новымъ, открывающимся для нихъ міромъ. Надо желать, чтобы такіе люди, какъ Кояловичъ, представившіе доказательства своихъ познаній, способностей, дѣятельности, разумности и любви, получали всѣ средства работать безостановочно, спокойно, привольно. Надо ограждать ихъ отъ всякихъ препятствій, и обезпечивать отъ всякой нужды, доставлять имъ всякое приволье. Ненадо задавать имъ уроковъ: они лучше всякаго знаютъ, что̀ имъ должно дѣлать, за что̀ приняться прежде, за что̀ приняться послѣ; ненадо ихъ торопить, потому что они сами не потеряютъ ни минуты, а тороплеміемъ можно только имъ помѣшать, разстроить теченіе мыслей, повредить дѣлу. Для западнаго края я считаю Кояловича однимъ изъ главныхъ дѣятелей, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, и въ западныхъ губерніяхъ рекомендую запастись его портретами по всѣмъ гимназіямъ, семинаріямъ и училищамъ" [61]).

XXIX.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, Погодинъ имѣлъ случай осмотрѣть „великолѣпнѣйшія“ дачи Громова и Утина.

„Громовъ—пишетъ Погодинъ,—по имени Василій Өедулычъ, лѣсной торговецъ. Первую жену его звали Өедорой Терентьевной, а вторая—уѣхала со свитою въ Алжиръ. Садъ съ фонтанами, оранжерея съ тропическими растеніями, домъ съ картинами, принесли бы честь любому Англійскому лорду. Огромное состояніе основано отцомъ нынѣшняго хозяина, который купилъ за безцѣнокъ какой-то казенный лѣсъ въ Финляндіи, пожалованный Орловымъ, и такъ устроилъ свою торговлю, что съ нею до сихъ поръ состязаться никто не можетъ, не смотря на неспособности наслѣдниковъ. Садовникомъ у Громова первый знатокъ своего дѣла, и въ самомъ дѣлѣ, нельзя пройтись по его берегу Невы, въ виду сосѣдняго острова, безъ особеннаго удовольствія.

Дача Утина, подъ пару къ его великолѣпному палаццо въ городѣ, также очень замѣчательна. Столъ Утина—первый въ Петербургѣ, съ земляникою въ январѣ, съ свѣжими огурцами въ февралѣ, и со спаржею въ мартѣ. А барскія дачи всѣ пустѣютъ и глохнутъ. Магнатамъ нашимъ, разумѣется, досадно видѣть свое униженіе, но кто же виноватъ, если они не умѣли пользоваться своимъ положеніемъ“.

„Всякій разъ, когда я, бывая въ Петербургѣ,—пишетъ Погодинъ,—имѣю свободный часокъ времени, я отправляюсь къ Невскому монастырю—поклониться могиламъ Ломоносова, Карамзина, Жуковскаго, Крылова, походить между памятниками. До нынѣшняго раза это случалось обыкновенно зимою. Нынѣ я чуть ли не въ первый разъ былъ тамъ лѣтомъ, и считаю обязанностью сказать нѣсколько словъ по поводу этого посѣщенія. Знаю напередъ, что навлеку на себя этими словами много неудовольствія, въ родѣ того, что навлекъ нѣ-

сколько лѣтъ назадъ статьею о Троицкой дорогѣ. Но Богъ съ ними, съ моими противниками. Я опять буду говорить также, потому что имѣю въ виду пользу, и желаю добра, безо всякихъ заднихъ мыслей, тѣмъ болѣе безо всякихъ дурныхъ намѣреній.

Невское кладбище,—это есть очевидное доказательство нашего равнодушія, безпечности, косности! Преувеличеніе, пристрастіе, несправедливость! воскликнутъ нѣкоторые. Извольте выслушать. Тысячи Петербургскихъ жителей бывали въ чужихъ краяхъ. Ну, я и говорю имъ: вы видѣли Campo-Santo во Флоренціи, въ Пизѣ, въ Феррарѣ... Вы знаете, вѣрно, кладбища въ Гамбургѣ, въ Любекѣ, во Франкфуртѣ? Сравните же ихъ въ вашемъ воображеніи съ Невскимъ кладбищемъ, и, если вы не покраснѣете до ушей, если вы не почувствуете стыда, самаго непріятнаго, досаднаго, если вамъ не сдѣлается очень непріятно, такъ... такъ вы потеряли національное сознаніе. Что до меня, я ходилъ нынѣ по Невскому кладбищу съ прискорбіемъ, которое усиливалось еще мыслями о нелѣпыхъ вопляхъ моднаго прогресса. Вотъ онъ прогрессъ! Полюбуйтесь— одинъ камень на боку, другой безъ угловъ, третій съ разбитою надписью; къ инымъ и не пройдешь изъ-за какихъ-то репейниковъ, а къ другимъ извольте пробираться по настланнымъ доскамъ, въ родѣ тѣхъ, которыми закрываются канавы или стоки нечистотъ въ уѣздныхъ городахъ. Я думалъ, что и по городамъ эти настилки уже вывелись, а онѣ здѣсь еще красуются, въ Сѣверной Пальмирѣ, на Невскомъ кладбищѣ. Невское кладбище — да вѣдь это Вестминстеръ новой Русской Исторіи! Вѣдь это мѣсто священное для всякаго порядочнаго русскаго! Не говорю уже о Ломоносовѣ, Карамзинѣ, Жуковскомъ... Вотъ Сперанскій, Мордвиновъ, Вяземскій, Грейгъ. Какъ попалъ туда Грейгъ? Кажется, я видѣлъ надпись. А если его нѣтъ, если меня обманываетъ память, то съ какимъ восторгомъ закричатъ будущіе мои опровергатели: помилуйте, Грейга нѣтъ, а онъ говоритъ, что видѣлъ Грейга, и проч. и проч., точно какъ прежде кричали за какую-то ошибку въ дьяконскомъ возгласѣ.—О, друзья мои! какъ вы тупы! не въ

томъ дѣло, и вамъ на жертву я все-таки оставлю здѣсь Грейга, хоть его тамъ, можетъ быть, и нѣтъ.

Представьте себѣ молодого Русскаго студента, пріѣзжающаго въ Петербургъ и спѣшащаго къ этимъ могиламъ... Или такихъ молодыхъ людей нынѣ уже не бываетъ? Некому идти къ могиламъ этихъ благодѣтелей Русскаго образованія—несчастные учители гимназій и корпусовъ, подъ ферулою своихъ Петербургскихъ наставниковъ, не смѣютъ и произносить любезныхъ, дорогихъ именъ, боятся прослыть отсталыми. Я проѣзжалъ недавно нѣсколько губерній, заглядывалъ въ гимназіи, и какія имена я тамъ слышалъ! Кому же наблюдать за этимъ развратомъ? Говорятъ, есть и между ближайшими начальниками не только потворство, но и согласіе. И они запуганы! У насъ свой былъ терроръ, если уже не есть! О несчастные! les Misérables! Но возвратимся на Невское кладбище! Я не сказалъ еще ни слова о безобразныхъ заборахъ или стѣнкахъ каменныхъ, покачнувшихся на сторону, объ отвратительныхъ сторожкахъ, съ ушатами и ведрами передъ дверями, и всякою домашнею рухлядью, объ этихъ дверяхъ или воротахъ, чрезъ которыя насилу пробьешься. А попробуйте спросить, гдѣ могила Сперанскаго, Гнѣдича? Какая страшная тѣснота, хуже чѣмъ у Pére Lachaise? Здѣсь мѣсто очень дорого. Рублей тысяча за сажень. А кругомъ-то его сколько? Да что̀ же намъ дѣлать! Такъ испоконъ-вѣка ведется. Въ томъ-то и дѣло, что дурное, испоконъ-вѣка ведущееся, должно быть исправлено! И никому не приходитъ въ голову изъ живыхъ наслѣдниковъ заглянуть на пребываніе своихъ родителей, оставившихъ имъ богатыя наслѣдства, послѣ того какъ тѣла ихъ опущены въ могилу. Другіе скажутъ: это не наше дѣло. А третьи замѣтятъ: охота связываться, еще наживешь непріятностей. А я скажу въ заключеніе: такъ, такъ, это правда,—и вотъ доказательство нашего невѣжества, равнодушія, безпечности, косности. Довольно браниться. Что̀ же дѣлать! Вотъ что̀ дѣлать: отправиться въ академію художествъ. Я разумѣю здѣсь смотрителя, которому порученъ полицейскій, наружный надзоръ кладбища. Я не

знаю, какой онъ имѣетъ титулъ, а знаю только, что послѣдній умеръ вскорѣ послѣ моего посѣщенія: потому-то и пишу смѣло, увѣренный, что не сдѣлаю ему непріятности; преемникъ его только что опредѣленный, а можетъ быть еще и не назначенный, не отвѣчаетъ вѣдь за прежніе безпорядки. Въ академіи художествъ пусть онъ навѣдается у директора или инспектора, у кого изъ профессоровъ можно попросить совѣта объ устройствѣ кладбища, въ отношеніи къ искусству. Этого профессора можно отправить даже нарочно посмотрѣть на кладбище хоть въ Любекъ или Гамбургъ, путешествіе станетъ рублей двѣсти,—и потомъ, вмѣстѣ съ инженеромъ, поручить имъ устроеніе по образцу иностранныхъ кладбищъ: исправить памятники, проложить дороги, посадить деревья и цвѣты, построить новыя рѣшетки, ворота. Потомъ надобно снять планъ съ кладбища, и вывѣсить на воротахъ съ алфавитными списками всѣхъ камней. Мнѣ надо гробницу Сперанскаго, я найду ее въ планѣ, и пойду прямо на указанное мѣсто, не путешествуя между камнями, и не подвергаясь опасности изломать себѣ ногу. Наконецъ, нельзя позволять такіе памятники, какъ Демидовскій, уничтожающій все кладбище. Это какой-то диссонансъ досадный, возбуждающій сказать не слово мира...

Кстати о кладбищахъ. Если по всякому оффиціальному акту, какъ думаетъ знаменитый статистикъ Итальянскій Джіойя, можно судить о степени образованія и грамотности у народа, то наши кладбища отличаютъ сильнѣе всего наше варварство и невѣжество. Я живу подлѣ Дѣвичьяго монастыря, и, признаюсь, даже въ церковь останавливаюсь иногда идти, чтобы не проходить мимо нѣкоторыхъ безобразныхъ памятниковъ. Они служатъ мнѣ какими-то зловѣщими обличителями. Я говорю о памятникахъ, совершенно противоположныхъ цѣлому, то-есть, архитектурѣ церквей, стѣнъ, колокольни. Вдругъ видите вы Готическую вычурную часовню, тутъ цѣлый домъ изъ краснаго гранита, а тамъ торчитъ какая-то будка. Особенно много крови испортилъ у меня памятникъ корпусному генералу Тимоѳееву. Стоитъ онъ на самомъ видномъ мѣстѣ! Тутъ и пушки, тутъ и

фигуры какихъ-то воиновъ въ одеждѣ рыцарей среднихъ вѣковъ, въ шлемахъ, и огромный крестъ, безъ соразмѣрности съ гробницею, безъ всякой посредствующей величины. И этотъ памятникъ поставленъ отъ цѣлаго общества! Судите же, сколько вкуса и знанія было у этого общества. Не можетъ быть, чтобы безобразіе не кинулось никому въ глаза. Извольте пройтись по этому пространству между стѣнами Дѣвичьяго монастыря. И ямы, и косогоры, и холмы, и буераки, и пустырь, и глушь!

А здѣсь похоронены Денисъ Давыдовъ, Загоскинъ, Шаховской, Тургеневъ, мать Жуковскаго, съ буквою Л. (которой давно уже я и отыскать не могу). Нѣсколько разъ твердилъ я, кому случалось, что надо сравнять плоскость, надо привесть въ порядокъ и установить камни. Нѣтъ,—прежнія игуменьи заботились о позолотахъ и прочихъ украшеніяхъ въ церквахъ, а уравнять землю, да что̀ это за важность, на что̀ это? Нынѣшней я не имѣлъ еще случай засвидѣтельствовать свое почтеніе.

У насъ бываетъ гулянье великолѣпное, 28-го іюля, и никто не позаботился до сихъ поръ насадить хоть какую-нибудь аллейку, для прохлады богомольцамъ, и мостовая въ побочныхъ святыхъ воротахъ не исправлялась, кажется, со времени Французовъ. Недавно срубили еще большія деревья около пруда. А причина гдѣ? Кому есть дѣло до украшенія для глазъ, для чувства, для воображенія? Толковать объ этомъ долго, а я скажу тѣмъ, кому вѣдать о семъ надлежитъ: подумайте объ устройствѣ монастырскихъ, да и всѣхъ вообще кладбищъ, и посовѣтуйтесь съ художниками, какъ должно поступить для удостовѣренія проходящихъ, что въ этихъ кладбищахъ, начиная съ Невскаго, покоятся мирнымъ сномъ Европейцы, а не Караибы, не Готтентоты и не Эскимосы“ [62]).

Въ Петербургѣ,—пишетъ Погодинъ,—„нѣсколько пріятныхъ минутъ въ Царскомъ Селѣ, въ залахъ Эрмитажа, въ Таврическомъ дворцѣ, въ Павловскѣ и на дачѣ Кокорева, нѣсколько пріятныхъ бесѣдъ съ Калачовымъ, Бычковымъ, Куникомъ, Савваитовымъ, Войцеховичемъ, Билярскимъ—и вотъ весь мой мѣсяцъ въ Петербургѣ“.

XXX.

Какъ мы уже знаемъ, Погодинъ, проживая въ Петербургѣ, имѣлъ пребываніе въ домѣ В. А. Кокорева, и выразилъ „свою благодарность Кокоревскому артельщику Аѳанасью Степанову, который служилъ ему и помогалъ ему при исполненіи его порученій съ особымъ усердіемъ".

Пользуясь гостепріимствомъ Кокорева, Погодинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, относился съ сердечнымъ участіемъ и соболѣзнованіемъ къ тогдашнему разстройству дѣлъ его.

11 іюня 1863 года, Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Заѣзжалъ къ Погодину. Тамъ нашелъ Делянова и Кокорева, съ которымъ и познакомился. Ничего! мужикъ ражій, съ очень широкою и окладистою бородою. Извѣстно, что Кокоревъ очень умный человѣкъ, который пріобрѣлъ огромное состояніе... Погодинъ большой пріятель Кокорева" [63]).

Но именно въ это то время Кокореву грозило полное раззореніе.

„Положеніе Кокорева,—писалъ Погодинъ,—огорчило меня очень. Министерство финансовъ поступаетъ съ нимъ жестоко, и въ высшей степени несправедливо: на него наросла огромная недоимка—около трехъ милліоновъ, вслѣдствіе опустошеній саранчи въ Бессарабіи, и вслѣдствіе неисполненнаго условія со стороны казны въ Курской губерніи. Онъ предлагаетъ очистить недоимку акціями Волжско-Донской дороги и Черноморскаго судоходства, а казна принимаетъ ихъ не по настоящей цѣнѣ, а по биржевой, считая по шести гривенъ за рубль. Кокоревъ выстроилъ дорогу почти на свои деньги, не просивъ пособія у правительства, которое роздало милліоны и главному обществу, и дорогамъ Рязанской и Ярославской. Еслибъ онъ, вмѣсто дороги, вносилъ деньги въ казну, то вѣдь недоимки не начлось бы столько, не говоря уже о томъ, что подобныя общественныя предпріятія имѣютъ право на содѣйствіе, а у насъ подвергаются нападеніямъ. Кокоревъ положилъ около двухъ милліо-

новъ на Волго-Донскую дорогу, милліонъ на Закаспійскую торговлю, милліонъ въ Черноморское общество, полмилліона *Сельскому хозяину*—и вотъ, огромное состояніе разстроилось, перейдя въ акціи, за кои сама казна даетъ по половинѣ цѣны. Бѣдный богачъ скитается по департаментамъ и канцеляріямъ и не видитъ ни въ комъ доброжелательства".

Но Кокоревъ не унывалъ, и въ своемъ несчастіи проявилъ необычайную силу духа, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо его къ Погодину, отъ 8 августа 1863 года, изъ Ушаковъ: „Государыню везетъ по Волго-Донской дорогѣ самъ учредитель, Мельниковъ, вызвавшій меня на постройку этой дороги и отказавшійся замолвить слово государынѣ во время проѣзда, говоря, что это дѣло ему надоѣло. Теперь я понимаю всю глубину истины въ словахъ: *Не надѣйтесь на князей и сыновъ человѣческихъ, въ нихъ же нѣсть спасенія.*

Мое внѣшнее состояніе разрушается; но за то внутреннее, по милости Божіей, крѣпнетъ. Чувствую, какъ при каждомъ новомъ горѣ что-то касается сердца и разливаетъ по всему организму особую силу. Бѣдный, теперь, бумажками, я въ тоже время покоенъ, потому что богатъ какимъ-то вразумительнымъ сознаніемъ своихъ заблужденій и сближеніемъ съ своей совѣстію. Много враговъ, и тайныхъ, и явныхъ. Мое рвеніе на пользу другихъ, не награждено ничѣмъ. Нигдѣ не видно порыва, никакія слова ни кого не пронимаютъ. Но вы думаете, что я виню людей? Нѣтъ! Всему этому, вѣрно, такъ быть должно, и теперь то я именно считаю себя обязаннымъ, призвать всю силу воли, чтобы заставить внутри себя не погаснуть огонь любви. Всѣмъ благо, всѣмъ дѣланіе добра, всѣмъ служеніе, по мѣрѣ силъ, а мнѣ за это (да ниспошлется) терпѣніе и упованіе.

Взволновалось море, корабль разбило, я держусь на волнахъ за обломокъ доски; но я покоенъ отъ твердости моего убѣжденія въ томъ, что въ грядущихъ событіяхъ выразится голосъ: *маловѣрный, почто усомнился!*

Такъ на свѣтѣ все превратно"!

Вслѣдъ за симъ, Погодинъ получаетъ отъ Кокорева, изъ Ушаковъ, другое письмо, въ которомъ читаемъ:

„Ѣду въ Петербургъ. Зачѣмъ-то зовутъ въ департаментъ, къ Гроту. Добраго не жду. Спасибо за письмецо ваше. Меня очень много ободряетъ то, что въ семьѣ моей ни отъ кого я не слышу не только сожалѣній о потерѣ состоянія (о упрекахъ уже и рѣчи нѣтъ), но вижу полное довольство духа и даже безпрестанно выражаемое убѣжденіе въ томъ, что при громадномъ состояніи дѣти могли бы скорѣе сбиться съ толку, а теперь имъ надо внушать необходимость труда и бережливости. Знаете, ничего нѣтъ ужаснѣе, какъ домашнее нытье и оханье; но отъ этого я, слава Богу, избавленъ совершенно. Это большое счастье“.

Въ томъ же письмѣ Кокоревъ упрекаетъ Погодина. „Зачѣмъ вы—говоритъ онъ—пишете всякую всячину? Ваше слово должно быть о серьезныхъ предметахъ и въ строгой формѣ, безъ всякихъ шутокъ. Не одинъ я, но и многіе такъ думаютъ“.

Тогда же Кокоревъ принужденъ былъ продать Т. С. Морозову свой великолѣпный Московскій домъ, за сто двадцать тысячъ рублей.

„Дешево,—писалъ онъ Погодину,—но, по крайней мѣрѣ, конецъ расходамъ на домъ“.

Въ то же время Кокоревъ писалъ Погодину: „Вмѣсто Петербурга, я уѣзжаю въ Калугу, дня на три, съ старичкомъ (Мамонтовымъ). По возвращеніи, ѣду въ Питеръ.... Затрудненія въ оборотахъ ужасныя; но спокойствіе и хорошее расположеніе духа стушевываютъ всѣ темныя мѣста. Ѣдемъ съ пирогами и питіями, какъ будто ничего незнающіе, кромѣ жуирства. Прощайте. Заносимъ ногу въ экипажъ и скоро задремлемъ, въ мечтаніяхъ о лучшемъ времени“.

Мечтанія „о лучшемъ времени“ не обманули Кокорева, и, не смотря на „ужасныя“ затрудненія, предпріимчивый духъ его не угасалъ и у него зародилась мысль о грандіозномъ предпріятіи, которое впослѣдствіи такъ блистательно осуществи-

лось. „Прилагаю вамъ"—писалъ онъ Погодину, — проектъ о банкѣ. Я его отдалъ Рейтерну....... Еслибы устроился банкъ на этомъ основанiи, то онъ развязалъ бы всѣ затрудненiя. Что вамъ придетъ въ голову при чтенiи, запишите на самомъ проектѣ" [64]).

Вотъ начало, учрежденнаго Кокоревымъ Волжско-Камскаго коммерческаго банка.

XXXI.

В. А. Кокоревъ, въ своихъ *Провалахъ*, писалъ: „Послѣ Парижскаго мира, мы сознали необходимость покрыть Россiю сѣтью желѣзныхъ дорогъ, и начали съ того, что народное дѣло сооруженiя дорогъ предоставили въ руки Французовъ, нашихъ, такъ сказать, вчерашнихъ враговъ. И на Русской землѣ, во время коронацiи Александра II, появился Перрейра, съ толпою булочниковъ, парикмахеровъ, башмашниковъ и т. д., называвшихъ себя опытными инженерами. Составленное подъ руководствомъ этихъ лицъ общество получило названiе главнаго общества Россiйскихъ желѣзныхъ дорогъ, и въ кругъ его дѣятельности входили четыре линiи: 1-я, отъ Петербурга до Варшавы; 2-я, отъ Москвы къ Черному морю до Ѳеодосiи; 3-я, отъ Курска до Либавы и 4-я, отъ Москвы до Нижняго-Новгорода. Нѣсколько патрiотическихъ лицъ изъ среды купечества, испуганныхъ вторженiемъ Французовъ въ дѣло Русскаго народнаго труда, и предвидѣвшихъ, что Россiя снова попадается въ ловушку иностранной экономической интриги, обратились съ разъясненiемъ своихъ опасенiй къ графу Закревскому, пригласивъ и меня къ участiю въ ихъ совѣщанiяхъ. Графъ Закревскiй выразилъ полное сочувствiе къ нашимъ словамъ и добавилъ отъ себя:—Зачѣмъ намъ прибѣгать къ какимъ то иностраннымъ капиталамъ, когда у насъ есть все нужное для постройки дорогъ дома: желѣзо на Уралѣ, лѣсъ, песокъ и щебенка повсюду, съ массою рукъ, ожидающихъ работы во всѣхъ

деревняхъ? Поѣзжайте къ Чевкину, дня черезъ три, а я его увижу и предупрежу о вашемъ посѣщеніи.

Мы рѣшили, что ѣхать цѣлой гурьбой неудобно, а лучше кому либо одному, дабы можно было говорить прямѣе и свободнѣе. Выборъ палъ на извѣстное Чевкину лицо, Торлецкаго, который былъ очень хорошо знакомъ и съ А. П. Ермоловымъ, и просилъ его предварительно переговорить съ Чевкинымъ, назначеннымъ уже за нѣсколько мѣсяцевъ до коронаціи, главноуправляющимъ путей сообщенія, вмѣсто графа Клейнмихеля.

Чевкинъ очень любезно принялъ Торлецкаго, внимательно выслушалъ и сказалъ:—Ничего не могу сдѣлать, *мой миленькій* (обычная поговорка Чевкина), потому что дѣло съ Французами облажено и условлено въ Парижѣ княземъ Орловымъ, во время заключенія мира. Нахожу возможнымъ хлопотать только объ одномъ, чтобы правленіе желѣзныхъ дорогъ было не въ Парижѣ, какъ было предположено, а въ Россіи.

Этого послѣдняго результата Чевкинъ достигъ года черезъ два, но не даромъ, а по случаю выдачи какихъ-то многомилліонныхъ ссудъ главному обществу, выторговавъ у него измѣненіе въ уставѣ о переводѣ правленія изъ Парижа въ Петербургъ.

Величайшею ошибкою со стороны нашей было то, что главному обществу назначили строить сначала желѣзную дорогу изъ Петербурга въ Варшаву, вмѣсто направленія—изъ Москвы въ Ѳеодосію. Петербурго-Варшавская линія, какъ пролегающая по мѣстностямъ малонаселеннымъ и неимѣющимъ на двѣ трети своего протяженія ни хлѣбородной почвы, ни фабричнаго и заводскаго производства, не могла представить такой дѣятельности по движенію пассажировъ и товаровъ, которая бы покрывала расходы эксплоатаціи, не говоря уже о гарантіи. Правительство нашлось въ необходимости нѣсколько разъ выдавать главному обществу милліонныя денежныя ссуды, и когда это общество заявило свою несостоятельность въ дальнѣйшемъ сооруженіи дорогъ и уплатѣ лежащихъ на немъ долговъ, тогда оно (конечно, въ силу политическихъ вліяній Наполеона III-го) не было признано банкротомъ и

оставлено при полныхъ своихъ правахъ хозяиномъ двухъ линій: Варшавской и Нижегородской, съ отсрочкою взысканія накопившагося на немъ долга, болѣе пятидесяти милліоновъ, каковой долгъ впослѣдствіи возросъ, и до настоящаго времени остается неуплаченнымъ. Впослѣдствіи, черезъ десять лѣтъ, это неисправное общество получило отъ правительства, какъ бы въ награду за свои злоухищренія и несостоятельность, первую по доходности въ Европѣ Николаевскую желѣзную дорогу, при чемъ въ бывшемъ въ то время ходатайствѣ девяноста двухъ лицъ изъ первыхъ Русскихъ торговыхъ домовъ о передачѣ имъ Николаевской дороги, было имъ отказано.

Обращаясь къ предъидущему, надобно сказать, что главная бѣда состояла еще не въ томъ, что Французское общество задолжало намъ десятки милліоновъ, а въ ошибкѣ нашей разрѣшить обществу строить Варшавскую желѣзную дорогу прежде Московско-Ѳеодосійской. Эта послѣдняя не только окупила бы расходы эксплоатаціи, но и платежи процентовъ по облигаціямъ, какъ это уже доказано на опытѣ результатами Замосковныхъ желѣзныхъ дорогъ, и таковая выгодность породила бы въ Европѣ довѣріе къ Русскимъ желѣзнодорожнымъ бумагамъ, слѣдовательно, и стремленіе къ пріобрѣтенію ихъ по выгодному для насъ курсу. Напротивъ того, возвратившіеся за границу, по случаю несостоятельности главнаго общества и уменьшенія его дѣятельности, бывшіе его второстепенные инженеры: парикмахеры, булочники и башмашники, вездѣ распространили молву о неспособности Русскихъ желѣзныхъ дорогъ приносить доходъ. Послѣдствія этихъ слуховъ, равно какъ и очевидные факты, что дороги главнаго общества не прекратили своего движенія потому только, что ихъ поддерживало наше правительство денежными средствами, привело къ значительному пониженію цѣнности гарантированныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій, которыя намъ, при дальнѣйшемъ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, пришлось продавать за границей по 66-ти за 100. Но позднѣе, когда Замосковныя дороги (Московско-Рязанская и Рязанско-Козловская) убѣдили въ своей доходности, даль-

нѣйшая реализація облигацій, постепенно возвышаясь, достигла 93-хъ за 100. Отсюда очевидно, что еслибы Европа убѣдилась въ доходности Замосковныхъ желѣзныхъ дорогъ прежде сооруженія Варшавской линіи, тогда всѣ наши желѣзнодорожныя бумаги были бы реализованы на 25% выше состоявшейся реализаціи, что̀ сократило бы нашу задолженность на сотни милліоновъ, а народъ избавило бы отъ платежа излишнихъ процентовъ, которые въ концѣ-концовъ (какъ бы хитро ни были подтасованы цифры бюджетовъ), всегда приходится оплачивать народу своими потовыми трудами, по случаю неизбѣжно порождаемыхъ займами новыхъ налоговъ“.

Въ тѣхъ же своихъ *Провалахъ* Кокоревъ пишетъ: „Безусловные поклонники чужеземныхъ правилъ, не входя ни въ какія подробности и не исчисливъ размѣра нужнаго для крайнихъ надобностей количества денегъ, громогласно вопіютъ на всякіе лады о невозможности выпуска бумажныхъ знаковъ, для какого бы общеполезнаго и выгоднаго государственнаго дѣла они ни понадобились. Голоса эти слышатся съ 1856 года, послѣ котораго къ Россіи присоединились умиротворенный Кавказъ и затѣмъ Амуръ, Ташкентъ, Карсъ и Батумъ, породившіе новую потребность въ оборотныхъ денежныхъ средствахъ. Но финансисты ничему этому не внемлютъ, ничего знать не хотятъ и продолжаютъ пѣть свою пѣсню и единично, и хо̀ромъ, въ домахъ, въ комитетахъ и на распутіяхъ. Въ періодъ времени, отъ 1860 до 1875 года, всѣ стояли за невозможность выпуска, и даже самые патріотическіе люди, Ѳ. В. Чижовъ и И. К. Бабстъ, принадлежали къ этому же воззрѣнію, и только три голоса въ цѣлой Россіи раздавались въ обществѣ и печати, желавшіе, для постройки желѣзныхъ дорогъ, появленія безпроцентныхъ желѣзнодорожныхъ бумагъ, вмѣсто раззорительныхъ процентныхъ займовъ за границею. Это были: М. П. Погодинъ, А. П. Шиповъ и А. А. Пороховщиковъ; но ихъ за этотъ взглядъ называли не только отсталыми но и юродивыми.

Здѣсь кстати будетъ разсказать слѣдующее событіе. Чи-

жовъ и Бабстъ начали издавать, въ 60-хъ годахъ, *Вѣстникъ Промышленности*; имена ихъ были настолько звучны, что редакція журнала *Экономистъ*, издающагося въ Брюсселѣ, обратилась къ нимъ съ просьбою о присылкѣ въ Брюссель молодого человѣка, знающаго Русскій и Французскій языки, для перевода статей изъ *Вѣстника Промышленности* въ Бельгійскій экономическій журналъ, каковая просьба и была удовлетворена. Черезъ годъ послѣ этого, Чижову пришлось быть въ Брюсселѣ и посѣтить редакцію *Экономиста*, гдѣ обратились къ нему, какъ онъ мнѣ разсказывалъ, съ просьбою взять отъ нихъ обратно Русскаго юношу. На вопросъ Чижова, почему этотъ юноша имъ не нравится, отвѣчали, что юноша очень хорошъ, но что экономическія статьи *Вѣстника Промышленности* не заслуживаютъ перевода на Французскій языкъ, потому что въ нихъ нѣтъ ничего своего, доказывающаго силу Русскаго самовозрожденія, и все вертится около давноизвѣстныхъ Европейскихъ взглядовъ, во многомъ уже отжившихъ свой вѣкъ. Вотъ какой взглядъ выразила западно-экономическая литература на тѣ иностранныя воззрѣнія, предъ которыми мы раболѣпно преклонялись.

Еслибы мы построили желѣзныя дороги на свои бумажныя деньги и не состояли въ обязанности никому платить процентовъ, то развѣ бы не могли ежегодно обращать чистый доходъ отъ дорогъ на погашеніе выпущенныхъ бумагъ, и тѣмъ самымъ производить изъятіе ихъ изъ обращенія? Изъятіе это совершилось бы гораздо скорѣе, чѣмъ теперешнія погашенія заграничныхъ займовъ; потому что не было бы надобности оплачивать потери реализаціи и биржевого курса, равно и процентовъ по займамъ. Да, мы могли бы спасти себя отъ задолженности; но мы хотѣли въ глазахъ Европы быть ея покорными учениками, мы считали это за особую честь и не смѣли заикнуться о выходѣ на свой собственный путь, предпочитая лучше увязнуть по самое горло въ долгахъ и завязить въ эти долги нѣсколько будущихъ поколѣній, лишь бы только Европа признавала насъ достойными своей пріязни. Съигравъ, такимъ образомъ, что̀ на-

зывается, въ дурачки, мы не пріобрѣли ни малѣйшей привязанности къ себѣ со стороны Европы, какъ это показали послѣдствія“ [65]).

XXXII.

Приведенныя выписки изъ *Проваловъ* Кокорева могутъ служить, такъ сказать, объяснительнымъ введеніемъ къ финансовымъ и экономическимъ воззрѣніямъ Погодина.

Погодина преслѣдовала мысль о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ собственными средствами. „Предчувствую, — писалъ онъ, — какая буря поднимется на меня, съ градомъ насмѣшекъ, при сей вѣрной оккaзіи, со стороны многихъ, и со стороны нѣкоторыхъ, — но, господа, я знаю вѣдь все, что́ вы напишете, и остаюсь при своемъ мнѣніи“.

Для подкрѣпленія своей мысли, Погодинъ обратился къ иностраннымъ авторитетамъ, къ Кобдену и Прудону. „Имѣвъ честь, — писалъ онъ Кобдену, — нѣсколько лѣтъ тому назадъ, познакомиться съ вами въ Нижнемъ Новѣгородѣ, на ярмаркѣ, я рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, которая касается, впрочемъ, не частныхъ интересовъ, а общихъ. Финансовыя отношенія Россіи, какъ вы, вѣроятно, имѣли случаи удостовѣриться, совершенно отличаются въ ихъ совокупности, отъ подобныхъ отношеній въ западныхъ Европейскихъ государствахъ, а наши финансовые люди не осмѣливаются судить объ нихъ иначе, какъ по западнымъ теоріямъ, списаннымъ съ тамошней жизни. Въ Нижнемъ, гдѣ количество торговыхъ оборотовъ простирается болѣе милліарда франковъ ежегодно, ни одинъ Русскій купецъ не спроситъ у другого ни одного серебрянаго рубля, и очень доволенъ, если можетъ получить ассигнацію. Въ продолженіи послѣдняго несчастнаго размѣна, ни одинъ Русскій человѣкъ не вымѣнялъ также для себя ни одного полуимперіала, развѣ что нужно было кому для путешествія или для отсылки за границу. У насъ никому еще не приходитъ въ голову, что ассигнація есть заемное письмо,

по которому должно получить золото или серебро. Никто объ этомъ не думалъ и не думаетъ: кредитъ правительства внутри государства есть безусловный и безграничный. Впрочемъ, и иностранцы даютъ намъ капиталы для построенія дорогъ, только подъ условіемъ гарантіи правительства, котораго отвлеченный кредитъ играетъ опять-таки и здѣсь главную роль. Еслибъ правительство выпустило древнія куньи мордки, съ императорскимъ гербомъ, то онѣ сдѣлались бы для нихъ тотчасъ дороже золота. И вотъ, этимъ-то кредитомъ, пока онъ не ослабѣлъ, не преобразился, правительство и должно-бъ было воспользоваться, чтобъ опоясать, оковать всю Россію желѣзными дорогами, какъ обручами, напечатавъ особыя ассигнаціи, которыя ходили бы наравнѣ съ прочими кредитными знаками, и вынимались бы послѣдовательно изъ употребленія, по мѣрѣ ежегодныхъ сборовъ на дорогахъ. Такимъ образомъ, желѣзныя ассигнаціи были бы уничтожены въ продолженіи лѣтъ тридцати или сорока, а дороги сдѣлались бы доходною собственностію государства, содѣйствовавъ безконечно развитію благосостоянія. Всѣ нужные матеріалы для желѣзныхъ дорогъ мы имѣемъ въ обиліи: желѣзо, мѣдь, дерево, камень, руки. Учрежденіе заводовъ, сюда относящихся, для ихъ обработки, подняло бы нашу промышленность, и содѣйствовало бы умноженію оборотовъ, движенію денегъ, которое замѣняетъ часто ихъ количество. Такъ поступить нельзя нигдѣ, а у насъ можно, и можно только теперь. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ это будетъ труднѣе, ибо успѣхи цивилизаціи произведутъ и у насъ тѣ же явленія, какія господствуютъ на западѣ, и наши внуки будутъ смотрѣть на бумажныя деньги иначе. Надо ковать желѣзо пока горячо. Во всякомъ случаѣ, 10—20 милліоновъ желѣзныхъ ассигнацій въ годъ, кои гарантированы правительствомъ и обезпечены самими дорогами, вынимаясь ежегодно изъ употребленія, не могутъ произвести никакой чувствительной перемѣны на денежномъ рынкѣ. Не говорю уже о томъ, что лишнихъ 10—20 милліоновъ, при обращающихся 600 милліоновъ, или болѣе, не значитъ почти ничего, — а желѣзныя дороги между тѣмъ вы-

строены! Еще болѣе, я увѣренъ, что подобная операція будетъ содѣйствовать къ возвышенію курса, а не къ пониженію.

Желѣзныя дороги, бывъ выстроены, могутъ быть проданы, заложены, уступлены, какъ заблагоразсудится правительству, и оно получитъ новое средство уплачивать свои старые долги.

О чемъ же я намѣренъ просить васъ? О томъ, чтобъ вы, если раздѣляете и одобряете изложенныя мысли, развили ихъ подробнѣе, съ свойственною вамъ силою и убѣдительностію, подвели подъ нихъ прочныя основанія, подкрѣпили вашими соображеніями. Ваше имя, ваша слава, вашъ авторитетъ, заставили бы нашихъ финансистовъ обратить на нихъ вниманіе, котораго большею частію не удостоиваются домашнія мнѣнія, по слову Св. Писанія.

Вы сдѣлали много добра вашему отечеству, принесли много пользы Англіи: помогите и Россіи, если не дѣломъ, то словомъ, которое бываетъ иногда сильнѣе дѣла,—а устройство желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, важное и для Европы по многимъ отношеніямъ, можетъ со временемъ подвинуть и вашу собственную мысль о свободной торговлѣ“.

Кобденъ отвѣчалъ: „Въ отвѣтъ на письмо ваше, относительно желѣзныхъ дорогъ, я долженъ сказать, что хотя я съ удовольствіемъ увидалъ бы распространеніе этого сильнаго проводника цивилизаціи въ вашей великой имперіи, но я не въ состояніи способствовать къ осуществленію вашихъ плановъ. Я не капиталистъ, а это такое дѣло, которое можетъ быть совершено только капиталомъ. Позвольте мнѣ прибавить, что я сомнѣваюсь, чтобы ваша мысль объ обращеніи бумажныхъ знаковъ въ Россіи могла побудить иностранцевъ ввѣрить свои капиталы этой странѣ. Вамъ потребна реформа вашей фискальной системы. Биржа должна исполнять свое законное назначеніе, увеличивать доходъ своей страны, и не имѣетъ въ виду другихъ какихъ-либо цѣлей *протекціи*, другими словами,—она не должна препятствовать чужестранной торговлѣ, ради выгоды нѣсколькихъ монополистовъ.—Тщетно ожидать прилива въ большихъ размѣрахъ чужихъ капиталовъ, до тѣхъ поръ,

пока ваши законы не разрѣшатъ свободнаго привоза иностранныхъ товаровъ. Весь вашъ В. Кобденъ“.

Изъ этого отвѣта Погодинъ уразумѣлъ, что Кобденъ совершенно его не понялъ, а потому написалъ ему второе письмо. „Воротясь въ Москву, — писалъ ему Погодинъ, — я спѣшу выразить вамъ мою искреннюю благодарность за вашъ отвѣтъ, полученный мною въ Лондонѣ, предъ самымъ отъѣздомъ. Смѣю докучать вамъ еще: вѣрно я выразился неясно на чужомъ языкѣ, потому что въ отвѣтѣ вашемъ нѣтъ ничего относящагося къ сущности моего вопроса. Вы пишете, что иностранные капиталисты не дадутъ намъ денегъ на желѣзныя дороги, до измѣненія нашихъ торговыхъ законовъ; но въ проектѣ, вамъ сообщенномъ, именно высказывается та мысль, что намъ не нужно иностранныхъ капиталовъ, а что должны мы строить желѣзныя дороги изъ своихъ матеріаловъ, *посредствомъ особыхъ временныхъ ассигнацій*. Эти ассигнаціи, при неограниченномъ и безусловномъ довѣріи народа къ правительству, будутъ ходить между нами, какъ золото, и потомъ постепенно выниматься изъ употребленія, по мѣрѣ ежегодной выручки доходовъ съ дорогъ. Я спрашивалъ, и спрашиваю теперь вашего мнѣнія, произведетъ ли такой выпускъ бумажныхъ знаковъ милліоновъ по 10—20 въ годъ, обезпечиваемыхъ, и дорогою, и правительствомъ, и постепенно уничтожаемыхъ, — произведетъ ли чувствительную перемѣну въ общихъ государственныхъ оборотахъ, при существованіи шестисотъ милліоновъ другихъ ассигнацій? Если не произведетъ, если не долженъ произвести, какъ мнѣ и многимъ въ Россіи кажется, то вопросъ рѣшенъ, то-есть, дороги могутъ быть выстроены у насъ безъ всякихъ расходовъ со стороны казны, однимъ ея кредитомъ, и сдѣлаться новымъ источникомъ ея доходовъ, вмѣстѣ содѣйствуя могущественно народному благоденствію.

Если бы даже правительство и сомнѣвалось вдругъ рѣшиться на всю большую операцію, то, по крайней мѣрѣ, опытъ двухъ или трехлѣтній ни въ какомъ случаѣ, думаемъ мы, не

можетъ причинить никакого вреда, а дороги между тѣмъ выстроятся.

И такъ, вотъ о чемъ я просилъ васъ и прошу сказать ваше мнѣніе: признаете ли вы, въ данныхъ условіяхъ Россіи, въ нашихъ обстоятельствахъ, возможность такого образа дѣйствій, или нѣтъ, —въ томъ и другомъ случаѣ по какимъ причинамъ?

Простите мою докучливость Построеніе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, такимъ образомъ, важно для всей Европы, и приблизитъ, какъ я сказалъ въ первомъ письмѣ, осуществленіе вашей любимой мысли о свободной торговлѣ, которую вы выражаете преимущественно и въ отвѣтѣ своемъ на первое мое письмо. Провозъ по Русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, выстроеннымъ даромъ, будетъ вдвое дешевле, чѣмъ на нынѣшнихъ дорогахъ, построенныхъ за деньги, слѣдовательно, всѣ произведенія понизятся въ цѣнѣ у насъ, а за нами и у васъ, то есть, естественныя произведенія, которыми Россія преимущественно должна производить торговлю, и въ которыхъ Европа имѣетъ крайнюю нужду: хлѣбъ, сало, шерсть, лѣсъ, кожа, желѣзо, дерево, ленъ, пенька и проч.

Прошу васъ убѣдительно, вникните въ сущность моего вопроса, помогите намъ вашею опытностію въ разсужденіяхъ о дѣлахъ этого рода, и будьте увѣрены въ чувствахъ нашей признательности, признательности поколѣній".

Не столковавшись съ Кобденомъ, Погодинъ обратился къ Прудону съ слѣдующимъ письмомъ: „Увѣренный въ вашемъ безпристрастіи по прочтеніи вашей брошюры о Польшѣ, столько, сколько всегда былъ я увѣренъ въ вашей горячей любви къ человѣчеству, хотя и не соглашался съ нѣкоторыми вашими выводами, о коихъ, впрочемъ, имѣлъ я понятіе, признаюсь, поверхностное, я рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою о вопросѣ общемъ, и просить вашего содѣйствія литературнаго, нравственнаго.

Скорое построеніе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, необходимое для нея по многимъ отношеніямъ, важно и для Европы,

открывая ей новый міръ, для нея совершенно незнакомый. Европа страдаетъ отъ избытка народонаселенія, а у насъ пустыя пространства для двойного количества ея жителей, или еще болѣе. Въ Европѣ люди умираютъ съ голода, а мы не знаемъ, что дѣлать съ нашимъ хлѣбомъ, и урожайный годъ считается во многихъ мѣстахъ величайшимъ несчастіемъ. А Кавказъ, Сибирь, Амурская область, Крымъ, Оренбургъ! Представьте себѣ, что Европа соединится съ отдаленною Сибирью, посредствомъ дороги отъ Перми чрезъ Уральскія горы; со всею среднею Азіею—посредствомъ дороги между Каспійскимъ и Аральскимъ морями (разстояніе менѣе 20 миль); съ Персіей и Каспійскимъ моремъ, посредствомъ дороги между Поти и Баку, чрезъ Тифлисъ; съ Бѣлымъ моремъ и Архангельскомъ—и проч. и проч. Какое обширное поле откроется для Европейской торговли, промышленности, колонизаціи, для Европейскихъ ученыхъ, художниковъ, техниковъ! Цѣна на главныя естественныя произведенія, нужныя для удовлетворенія первыхъ нуждъ, коими мы по преимуществу богаты, тотчасъ понизятся, на хлѣбъ, сало, шерсть, мясо, лѣсъ, желѣзо, и проч. и проч.

Но Русское правительство не находитъ собственныхъ средствъ приступить къ быстрому строенію дорогъ. Частныхъ капиталовъ нѣтъ. Наши финансисты, воспитанные на западныхъ теоріяхъ, списанныхъ съ явленій западной жизни, никакъ не могутъ освободиться изъ-подъ ихъ ига, и, твердя о наукѣ, отвергаютъ упорно національныя предположенія, не смѣютъ рѣшиться ни на что новое.

О чемъ же я намѣренъ просить васъ? О томъ, чтобъ вы, если раздѣляете и одобряете изложенныя мысли, развили ихъ подробнѣе, подкрѣпивъ ихъ своими соображеніями, съ свойственною вамъ силою и убѣжденіемъ. Я просилъ о томъ же г. Кобдена, но онъ не понялъ моего вопроса, вѣроятно, вслѣдствіе неясности моихъ выраженій, и я пишу къ нему теперь вторично. Подкрѣпленный авторитетомъ избранныхъ спеціалистовъ, предлагаемый проектъ получитъ болѣе силы въ глазахъ нашихъ государственныхъ людей, по слову св. Писа-

нія и по Латинской пословицѣ: major e longinquo reverentia.

Примите же его къ сердцу, вникните внимательно, я съ нетерпѣніемъ буду ждать вашего отвѣта, который можетъ принести великую пользу Россіи, Европѣ, человѣчеству, можетъ получить великое значеніе въ будущемъ".

Но отвѣта отъ Прудона, кажется, не послѣдовало.

Копіи съ своихъ писемъ къ Кобдену и Прудону Погодинъ отправилъ къ князю А. И. Борятинскому, при слѣдующемъ письмѣ къ нему:

... „Пишу къ вамъ не какъ къ высокому гранду, а какъ къ соотечественнику, который преданъ Отечеству и желаетъ ему отъ души добра..... Одинъ человѣкъ, будь онъ семи пядей во лбу, въ наше время, не можетъ сдѣлать никакого дѣла. Найти сотрудниковъ, помощниковъ, умѣть присмотрѣть за ними, умѣть спрашивать и выслушивать—вотъ главное. Это доказали у насъ Петръ и Екатерина. Петръ выслушалъ и принялъ совѣтъ отъ пьянаго кузнеца, откуда взять мѣди для пушекъ, а Екатерина, сколько слугъ нашла себѣ, вступая въ разговоры со всякимъ встрѣчнымъ? Напомню и басню Дмитріева или Лафонтена, о двухъ пастухахъ. Одинъ изъ кожи лѣзъ, метаясь изъ угла въ уголъ, безъ всякой пользы для своего стада. Другой лежалъ спокойно подъ деревомъ, играя на свирѣли,—ничего, кажется, не дѣлалъ, а стадо было у него цѣло и благополучно. Отчего это, спросилъ его несчастный труженикъ: ты лежишь, а дѣла у тебя лучше, чѣмъ у меня, работающаго изъ всѣхъ силъ?—Я выбралъ добрыхъ псовъ, отвѣчалъ ему товарищъ.

Это вступленіе, а вотъ въ чемъ дѣло:

Я помѣшанъ на мысли, что государь нашъ можетъ теперь выстроить тысячь пять верстъ желѣзныхъ дорогъ, не истрачиваясь на постройку, а обогащаясь ею,—и тѣмъ присоединить къ великому дѣлу освобожденія крестьянъ другое великое дѣло для Россіи, въ настоящихъ обстоятельствахъ необходимое: устройство дорогъ. Наши финансисты не смѣютъ высунуть носа

изъ-подъ западныхъ теорій и никакъ не могутъ понять, что у насъ другая жизнь, другой характеръ и другія обстоятельства. Они мѣшаютъ больше всѣхъ успѣшному ходу этого дѣла. Такимъ образомъ, мысль о построеніи желѣзныхъ дорогъ посредствомъ особыхъ временныхъ ассигнацій (раздѣляемой многими Русскими людьми), никакъ не осуществится, сколько бы мы ни звонили о ней, и я составилъ себѣ вотъ какой планъ: разослать ее къ иностраннымъ ученымъ и публицистамъ, и спросить ихъ мнѣнія..... Получа ихъ одобреніе, подтвержденіе, согласіе, я напечатаю все въ нашихъ журналахъ, или даже представлю государю и мысль моя, подъ эгидою иностранныхъ специалистовъ, при нашей недовѣрчивости къ самимъ себѣ, получитъ несравненно больше силы".

„Буду ждать съ большимъ нетерпѣніемъ,—заключаетъ князь Борятинскій свое отвѣтное письмо къ Погодину,—чѣмъ кончится переписка ваша съ иностранными учеными и дѣльцами. Вѣрю и вполнѣ раздѣляю глубокомысленный вашъ взглядъ, что при нашей недовѣрчивости къ себѣ, всякая мысль, подъ эгидою иностранныхъ специалистовъ, получитъ несравненно скорѣе оплотъ и силу, но все, конечно, зависитъ прежде всего отъ удобоисполнимости проекта. Не будучи особенно знакомъ съ подобнаго рода предметами, я не могу съ перваго раза выразить собственное мнѣніе, не познакомившись со всею полемикой, вами возбужденной,—а потому я очень любопытенъ имѣть продолженіе переписки, которую вамъ угодно было мнѣ обѣщать" [66]).

XXXIII.

Въ 1863 году, въ Лейпцигѣ, была напечатана книга бывшаго профессора С.-Петербургской духовной академіи Д. И. Ростиславова, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Объ устройствѣ духовныхъ училищъ.*

Нужно сказать, что въ началѣ 1859 года, оберъ-прокуроръ св. синода просилъ архіереевъ сообщить свои замѣчанія о томъ,

какимъ образомъ можно улучшить духовныя училища не только въ ученомъ и нравственномъ, но даже въ экономическомъ и гигіеническомъ отношеніяхъ. Съ своей стороны, директоръ канцеляріи св. синода И. С. Гаевскій, въ ноябрѣ 1859 года, полу-оффиціальнымъ письмомъ предложилъ отставному профессору Петербургской духовной академіи Д. И. Ростиславову, проживавшему тогда на своей родинѣ, въ Рязани, сообщить свои замѣчанія и соображенія о перемѣнахъ къ улучшенію духовныхъ училищъ. Ростиславовъ охотно принялъ это предложеніе, и чрезъ десять мѣсяцевъ представилъ Гаевскому обширную записку. Но Гаевскій чрезъ нѣсколько времени возвратилъ эту записку ея автору съ отзывомъ, что „записка, по своему направленію, не можетъ получить дальнѣйшаго хода“. Ростиславовъ, не желая, чтобы трудъ его пропалъ безслѣдно, передалъ свою рукопись М. П. Погодину, „покровителю“, по замѣчанію преосвященнаго Саввы, „всѣхъ протестующихъ противъ существующаго порядка вещей, особенно въ церковномъ мірѣ“. Рукопись Ростиславова, по распоряженію Погодина, напечатана была въ 1863 году, въ Лейпцигѣ, въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: *Объ устройствѣ духовныхъ училищъ въ Россіи*. Когда это сочиненіе проникло въ Россію, синодъ поручилъ разсмотрѣть оное митрополиту Филарету, а митрополитъ передалъ это сочиненіе на предварительное разсмотрѣніе преосвященныхъ Леонида и Саввы [67]).

Въ Погодинскомъ архивѣ сохранилось любопытное письмо Д. И. Растислава, изъ Рязани, отъ 11-го января 1863 г., изъ котораго мы узнаемъ объ отношеніяхъ автора книги *Объ устройствѣ духовныхъ училищъ* къ Погодину.

„Послѣ моего съ вами свиданія, — пишетъ Ростиславовъ къ Погодину, — въ іюнѣ 1861 г., когда вы такъ благосклонно меня приняли и такъ радушно согласились помочь мнѣ въ изданіи моей рукописи, я рѣшительно не подавалъ вамъ никакой вѣсти о себѣ; и только чрезъ В. П. Грифцова переслалъ портретъ Ѳеофилакта.

Писать мнѣ къ вамъ можно было бы или о моей рукописи,

или о портретахъ Ѳеофилакта и Яворскаго. Писать о первомъ предметѣ мнѣ казалось не совсѣмъ деликатнымъ; рукопись еще не печаталась; говорить о ней не значило ли тоже, что и спрашивать: отчего она такъ долго не издается? Подобные даже отдаленные намеки, съ моей стороны, были бы очень неделикатны; я лучше рѣшился молчать и чрезъ это казаться не очень вѣжливымъ,—нежели своими хоть косвенными напоминіями высказывать свое недовѣріе или нетерпѣніе.

Исторія портретовъ довольно занимательна; ее можно было бы давно описать даже для моего оправданія. У насъ, въ Рязани, только и есть одинъ порядочный живописецъ Шумовъ. Не желая, по обстоятельствамъ, выставлять себя дѣйствующимъ лицомъ, я просилъ одного профессора семинаріи переговорить съ Шумовымъ и заказать портреты отъ своего лица. Шумовъ согласился, но отложилъ свое намѣреніе до отъѣзда архіерея *), владѣльца портретовъ, въ епархію. Архіерей въ августѣ уѣхалъ; но экономъ его дома, его почти *alter ego* ни за что не согласился дозволить не только снять портреты со стѣны, но и даже въ домѣ что нибудь съ нихъ рисовать;—на это—де нужно согласіе, или благословеніе его высокопреосвященства; а его высокопреосвященство, прибавлялъ экономъ, не иначе согласится или снизойдетъ на просьбу Шумова, какъ когда объяснено будетъ самымъ отчетливымъ образомъ: зачѣмъ, для чего, для кого и пр. это дѣлается. Шумовъ лучше рѣшился поискать у кого либо другого портрета. Портретъ Ѳеофилакта онъ нашелъ у наслѣдниковъ Щистнева, снимокъ съ этого портрета и былъ къ вамъ пересланъ, чрезъ В. П. Грифцова, въ прошлую зиму. Между тѣмъ, Шумовъ, въ нынѣшнюю осень, нашелъ щастливую минуту, когда его высокопреосвященство, безъ предварительнаго слѣдствія, позволилъ ему взять портретъ Яворскаго для снятія съ него копіи. Но и тутъ не обошлось *безъ исторіи*; портретъ къ святкамъ былъ почти готовъ; но,—такъ по крайней мѣрѣ говоритъ Шумовъ — украденъ у него изъ

---

*) Смарагдъ. *Н. Б.*

мастеской. Впрочемъ, Шумовъ далъ слово вновь написать его какъ можно скорѣе и, кажется, сдержитъ его. Вотъ довольно странная и смѣшная исторія самой обыкновенной вещи и вотъ причина, почему я до сихъ поръ не исполнилъ даннаго вамъ мною обѣщанія. Объ этой исторіи я конечно могъ бы вамъ писать и прежде, но вопросъ состоялъ въ томъ: нужно ли было мнѣ при этомъ случаѣ говорить что либо про рукопись; не сказать ничего — было-бы странно, а заговоривъ о ней, я опять опасался показаться неделикатнымъ. И вотъ, такимъ образомъ, я все молчалъ и ничего къ вамъ не писалъ. Отдаю себя на вашъ судъ.

Теперь рукопись напечатана. Первый томъ своего сочиненія я получилъ не отъ А. И. Кошелева. Онъ въ Рязани только ночевалъ и увезъ книгу съ собою въ деревню; оттуда переслалъ ее въ Рязань, къ помѣщику Протасьеву; этотъ, не зная моей квартиры, передалъ книгу одному изъ моихъ знакомыхъ, въ запечатанномъ пакетѣ, а этотъ, не находя нужнымъ торопиться, отдалъ ее мнѣ, когда я какъ-то вечеромъ зашелъ къ нему. Такимъ образомъ, первый томъ полученъ мною въ концѣ октября. О выходѣ второго тома я узналъ изъ рецензіи *Православнаго Обозрѣнія*. Недавно я послалъ письмо къ брату своему въ Петербургъ о томъ, чтобы онъ купилъ нѣсколько экземпляровъ моего сочиненія у книгопродавца Вольфа, которому будто бы разрѣшено продавать его, — и переслалъ ко мнѣ. Итакъ, вышло мое сочиненіе, какъ говорятъ, въ свѣтъ. Что ожидаетъ и его самого и автора его — неизвѣстно. Но теперь я долженъ благодарить васъ, Михаилъ Петровичъ. Безъ васъ я ничего не могъ бы сдѣлать. Безъ связей внутри Россіи и за границею, безъ средствъ я никогда бы не могъ издать и ввести въ Россію свое сочиненіе, оно бы оставалось у меня въ комодѣ неприкосновеннымъ. А между тѣмъ, по авторскому самолюбію, мнѣ очень хотѣлось видѣть его напечатаннымъ гдѣ бы-то ни было; думалось также, что факты и мысли, въ немъ изложенные, можетъ быть, кого либо затронутъ, расшевелятъ; можетъ быть, заставятъ обратить вниманіе

на бѣдныя духовныя училища. Безъ васъ я ничего бы не могъ сдѣлать, говорю вновь; и потому еще и еще искренно благодарю васъ за ваше участіе въ моемъ небольшомъ дѣлишкѣ.

Былъ я у А. И. Кошелева, но долго не могъ съ нимъ говорить; у нихъ теперь идутъ выборы, споры, сужденія, съѣзды. Едвали успѣю даже съ нимъ увидаться, потому что мнѣ дня черезъ два нужно будетъ непремѣнно выѣхать на недѣлю въ одно село; по моемъ возвращеніи, вѣроятно, я уже не застану А. И. Кошелева въ Рязани, а теперь онъ слишкомъ занятъ.

Позвольте мнѣ поговорить съ вами о настоящихъ моихъ отношеніяхъ къ іерархическимъ міродержателямъ. Зная характеръ и убѣжденія этихъ особъ, зная содержаніе своей книги, я, разумѣется, не могъ думать, чтобы она понравилась черному духовенству. Скажу лучше: я былъ почти увѣренъ въ томъ, что встрѣчу въ немъ, можетъ быть, ожесточенныхъ и мстительныхъ враговъ, тѣмъ болѣе, что я и прежде еще на службѣ слылъ монахоненавистникомъ. Въ какой степени сбудутся мои опасенія, теперь рѣшить нельзя, но до меня дошли кое-какія извѣстія, которыя показываютъ, что синодскіе высшіе духовные и свѣтскіе чины не всѣ мнѣ благопріятствуютъ. Такъ какъ вы уже приняли участіе въ моей книгѣ, то позвольте мнѣ сказать и о томъ, что̀, какъ мнѣ извѣстно, случилось по случаю ея изданія.—У меня есть братъ, профессоръ Калужской семинаріи и вмѣстѣ священникъ при одной изъ церквей. Начальство семинарское и епархіальное не очень къ нему расположено, такъ что въ прошломъ году угрожала ему опасность быть уволеннымъ отъ семинаріи. Какъ братъ, я рѣшился принять участіе въ дѣлахъ его. Теперешній Рижскій архіепископъ Платонъ зналъ меня хорошо на службѣ и всегда оказывалъ ко мнѣ расположеніе; въ началѣ пятидесятыхъ годовъ онъ предлагалъ мнѣ самъ свое ходатайство предъ тогдашимъ министромъ просвѣщенія объ опредѣленіи меня директоромъ гимназіи. Тогда я по болѣзни не могъ воспользоваться расположеніемъ Платона. Но въ концѣ сентября или въ началѣ октября

12

прошлаго года, я рѣшился обратиться съ нему съ просьбою о ходатайствѣ за моего Калужскаго брата. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ старому своему знакомому, описалъ муку теперешняго своего положенія. Тогда я еще не зналъ о выходѣ въ свѣтъ моего сочиненія. Извѣстіе объ этомъ и отвѣтъ Платона были почти современны. Платонъ относительно брата почти отказался. Но на счетъ меня былъ благосклоннѣе и спрашивалъ меня, куда бы я желалъ поступить на службу. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ концу прибавилъ, что *по слухамъ* вышло мое, какъ онъ выразился, умное и благонамѣренное сочиненіе о духовныхъ училищахъ и просилъ меня прислать его къ нему, хотя бы оно издано было за границею. Положеніе мое было затруднительно. Платона заподозрить въ нерасположеніи къ себѣ я никакъ не могъ: онъ любилъ меня. Сказать ему на отрѣзъ, что я ничего не писалъ, мнѣ казалось совѣстно. Я не имѣлъ повода быть къ нему недовѣрчивымъ. А съ другой стороны, прямо сознаться въ своемъ авторствѣ не казалось мнѣ безопаснымъ. Я избралъ нѣчто среднее, написавъ, что сочиненія, о которомъ пишетъ его высокопреосвященство у меня нѣтъ, а когда будетъ, то я перешлю ему. На счетъ себя, я пожелалъ поступить въ директоры гимназіи. Платонъ скоро вновь мнѣ отвѣтилъ. О сочиненіи моемъ тоже въ концѣ письма прибавилъ, что о немъ идутъ разные толки: одни хвалятъ его, другіе сожалѣютъ, что оно наполнено желчи. Тутъ онъ уже назвалъ сочиненіе прямо моимъ. Относительно же меня писалъ, что директоръ синодской канцеляріи, Соломонъ, по его ходатайству, докладывалъ обо мнѣ министру просвѣщенія, который, будто бы, изъявилъ желаніе принять меня на службу. Тутъ же было написано, что Соломонъ предлагаетъ мнѣ мѣсто оберъ-секретаря синода. Считая Платона расположеннымъ ко мнѣ, я еще прежде этого отвѣта просилъ другого своего брата, сенатскаго секретаря, объяснить ему обстоятельства, которыя заставили меня писать свою книгу; мнѣ казалось совѣстнымъ секретничать предъ человѣкомъ, который такъ былъ ко мнѣ расположенъ. При томъ полный секретъ былъ невозможенъ. Всѣ мои товарищи

по академіи, всѣ почти знакомые узнали бы меня по содержанію книги; притомъ въ Рязани ее переписывали, въ редакціи *Православнаго Обозрѣнія* держали около года.—Платону я отвѣтилъ, что оберъ-секретаремъ быть не желаю, а на счетъ директорства опасаюсь того, какъ бы мнѣ при этомъ не лишиться пенсіона; и потому просилъ его сообщить брату моему свои совѣты. Братъ былъ у него. На счетъ пенсіона ничего опредѣленнаго не было сказано; но прибавлено, что съ министромъ, будто бы, самъ Платонъ видѣлся и просилъ его обо мнѣ. Поэтому мнѣ и данъ былъ совѣтъ поторопиться посылкою письма и просьбы.

Между тѣмъ, братъ хотѣлъ поразузнать дѣло изъ другихъ источниковъ. Онъ повидался съ однимъ Петербургскимъ протоіереемъ, который принимаетъ во мнѣ живое участіе. По словамъ этого-то протоіерея, дѣло оказалось не очень благопріятнымъ для меня. Духовные и свѣтскіе синодскіе высшіе чины жестоко обижены, будто бы, моею книгою. На какомъ-то обѣдѣ у Петербургскаго митрополита, въ ноябрѣ, на меня излито было негодованіе; особенно же, будто бы, ораторствовалъ князь Урусовъ. Кіевскій митрополитъ Арсеній, будто бы, прибавилъ, что вотъ-де человѣкъ, который ѣлъ нашъ хлѣбъ, и теперь воздвигъ на насъ пяту. Непріятнѣе всего мнѣ было услышать, что мои письма Платонъ читалъ и о разговорѣ съ братомъ моимъ разсказалъ въ синодѣ. Мнѣ до сихъ поръ не хочется вѣрить, чтобы онъ желалъ мнѣ повредить; я его всегда находилъ прежде благороднымъ. Но протоіерей прибавилъ, что самое предложеніе оберъ-секретарства было нѣкотораго рода западнею для меня. Митрополитъ Арсеній, будто бы, сказалъ: пусть поступитъ; чрезъ годъ выгонимъ, а тамъ и пиши какъ знаешь. На основаніи этихъ извѣстій, братъ и протоіерей посовѣтывали мнѣ остаться въ теперешнемъ моемъ положеніи.—Петербургское бѣлое духовенство, будто бы, очень довольно мною. Извините меня за такое длинное письмо. Мнѣ предъ вами надобно быть вполнѣ откровеннымъ“ [68]).

18 марта 1863 года, изъ Іерусалима, епископъ Мелито-

польскій Кириллъ писалъ въ Харьковъ, къ архіепископу Макарію: „На дняхъ попалось мнѣ произведеніе нашего приснопамятнаго Дмитрія Ивановича Ростиславова, изданное не дома. Трактуетъ онъ объ устройствѣ духовныхъ училищъ въ Россіи. Я узналъ его съ первыхъ строкъ, а потомъ и самъ онъ проговорился. Таже хандра, что и прежде, и въ идеяхъ впередъ немного подвинулся; не попятился назадъ и въ своей злости. Теперь, пока—первый томъ. Обѣщаются еще два. Посмотримъ и дальше, что будетъ пѣть. Особенно замѣчательнаго въ I-мъ томѣ мало; больше всего, разумѣется, брани на монаховъ. Анекдотамъ объ Акимѣ Семеновичѣ и о преосвященномъ Варлаамѣ, которыми, бывало, пробавлялся Дмитрій Ивановичъ въ академіи, нашелся, наконецъ, сбытъ; они теперь красуются въ печати. Нашлось мѣстечко для хвалы пріятелямъ, начиная съ Фортинскаго, и нѣсколько плоскихъ остротъ для нелюбимцевъ; бѣдному Левисону достался-таки толчекъ: какая злопамятная голова“ [69])!

XXXIV.

31 октября 1863 года, Т. И. Филипповъ писалъ Погодину: „На главномъ планѣ у меня вопросы духовно-учебные; къ Рождеству непремѣнно пришлю или самъ привезу статью къ Каткову; но прежде думаю прочесть ее въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія. Не знаю, говорилъ ли я вамъ, что я былъ членомъ и дѣлопроизводителемъ комитета о преобразованіи духовныхъ училищъ и подалъ свое особое мнѣніе, которое, какъ теперь съ утѣшеніемъ слышу, возбуждаетъ во всѣхъ честныхъ и умныхъ людяхъ живое сочувствіе. Вопросъ, стало быть, мнѣ знакомъ, и я надѣюсь сказать о немъ кое-что, чего никто еще не говорилъ, и надѣюсь, сверхъ того, привести нѣсколько новыхъ и убѣдительныхъ доводовъ въ пользу той системы общественнаго воспитанія, которой положилъ основаніе и постоянно держался графъ Уваровъ и которую разрушила наслѣдовавшая ему мелюзга: Службою въ св. сунодѣ дорожу

пока не конченъ вопросъ о преобразованіи духовныхъ училищъ. Я чувствую, что я обязанъ остаться при этомъ дѣлѣ до его окончанія. Подумайте, что я одинъ, рѣшительно одинъ, пока, изъ дѣйствующихъ и дѣйствовавшихъ здѣсь, имѣю духъ говорить, не оглядываясь по сторонамъ, и имѣю достаточно знаній и смысла, чтобъ не городить неизреченной чепухи. Можете ли вы себѣ представить, что одинъ изъ членовъ бывшаго комитета не зналъ, что Молитва Господня есть *Отче нашъ*, а онъ, между тѣмъ, 7 лѣтъ управляетъ духовно-учебнымъ управленіемъ (Ив. Сем. Гаевскій — имя сего знаменитаго мужа). Этотъ же Гаевскій, послѣ трехлѣтняго управленія департаментомъ, не зналъ, что Московская духовная академія помѣщается у Троицы. На счетъ Молитвы Господней хотя бы напечатать гдѣ-нибудь, — право" [70]).

Еще 5 февраля 1862 года, митрополитъ Филаретъ писалъ своему лаврскому намѣстнику Антонію: „Былъ комитетъ о сельскихъ училищахъ, и полагалъ, чтобы они были свѣтскія. Одинъ членъ его, князь Урусовъ, подалъ мнѣніе, что надобно сіе поручить духовенству. Говорятъ, что его мнѣніе доведено было до свѣдѣнія государя, и одобрено. Но пришелъ новый министръ просвѣщенія: и, говорятъ, уже рѣшено, чтобы сельскія училища были свѣтскія, и назначенъ на нихъ милліонъ рублей. Намъ оказана одна милость: не запрещено священникамъ сохранить свои училища, безъ всякой имъ помощи" [71]).

А въ январѣ 1864 года, Филаретъ писалъ оберъ-прокурору св. сунода: „Извѣстна ли вамъ статья Кіевскихъ газетъ: *Эпизоды изъ Исторіи народныхъ школъ во Франціи.* Не излишне было бы имѣть ее въ виду разсуждающимъ о сельскихъ училищахъ въ Россіи. Какіе люди и съ какою цѣлію заводили воскресныя школы, правительство открыло. Увѣрено ли оно, что не такіе же люди, не съ такою же цѣлію ѣздятъ по селамъ, осуждаютъ училища священническія, и переучиваютъ священниковъ? Одинъ изъ нихъ Верейскаго уѣзда, въ селѣ Петровскомъ, чрезъ благочиннаго созвалъ священниковъ, и ему *умилительно было видѣть, когда на классной скамьѣ и передъ*

классной доской усѣлось до десяти священниковъ. Подобное повторилось въ Тульской епархіи съ двѣнадцатью священниками и діаконами" [72]).

Между тѣмъ, Никитенко, въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 8 мая 1864 года, записалъ: „Духовенство сильно добивается взять въ свои руки народныя школы. Между прочимъ, вотъ что придумали поборники этого проекта. Они разгласили, будто графъ Блудовъ, незадолго до смерти своей, имѣлъ въ виду образованіе верховнаго комитета, для начертанія системы обученія и управленія въ народныхъ школахъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита. Онъ не успѣлъ только обработать свой планъ и дать ему оффиціальный ходъ. Мысль эта, подкрѣпленная Бажановымъ и другими, получила характеръ авторитета, и теперь сильно хлопочутъ о приведеніи ея въ дѣйствіе. Между тѣмъ, другіе утверждаютъ, что Блудовъ вовсе не имѣлъ этого намѣренія и что тѣ, которые ему его приписываютъ, основываютъ свое мнѣніе только на иныхъ словахъ графа, будто бы, намекающихъ на то, что онъ его имѣлъ" [73]).

Но въ тоже время почтенный Н. А. Любимовъ взывалъ Погодину: „Что же, будетъ ли статья *о народныхъ школахъ?* Вы знаете, какъ это было бы *нужно теперь*".

Тогда же Любимовъ просилъ Погодина передать Каткову: „Написать бы *поскорѣе* дѣльную статейку объ извѣстномъ *проектѣ о народныхъ школахъ.* Проектъ уже почти разсмотрѣнъ въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ легко посмотрѣли на это дѣло и почти не разсматривали проекта. Если положеніе это утвердится безъ существенныхъ измѣненій, то на народныхъ училищахъ осуществится пословица: что у семи нянекъ дитя безъ глазу. — Главное же и самое главное, что народное образованіе, по смыслу проекта, отдается въ руки и подъ контроль свѣтской власти.—Это есть самое макіавелическое произведеніе Головнина. Духовенство какъ бы не устранено отъ этого дѣла, а въ сущности его роль будетъ самая жалкая, — и все будетъ въ рукахъ свѣтскихъ властей". Далѣе, Любимовъ пишетъ: „М. Н. Катковъ обѣщалъ

написать, въ своей газетѣ, статью о *народныхъ школахъ*. Напомните ему объ этомъ. Главное, *выставить всю могущую быть гибель, если первоначальное, т.-е., народное образованіе, исхитить изъ-подъ прямого надзора духовенства*, — къ чему стремились составители, или составитель, новаго Положенія. Этого нигдѣ въ мірѣ нѣтъ, чтобы народными школами завѣдывали мірскія власти. И надо бы *поспѣшить* этою статьею" [74]).

Въ описываемое время, всѣхъ озабочивало еще одно дѣло церковно-общественной жизни, — это вопросъ объ улучшеніи быта нашего духовенства. Въ апрѣлѣ 1863 года, воспослѣдовало высочайшее утвержденіе журнала присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, которымъ ближайшее попеченіе объ улучшеніи быта духовенства ввѣрялось, въ каждой губерніи, особому присутствію, составленному изъ трехъ лицъ: архіерея, губернатора и управляющаго палатою государственныхъ имуществъ, подъ предсѣдательствомъ архіерея.

Это новое учрежденіе возбудило негодованіе А. Н Муравьева, и онъ, 23 мая 1863 года, писалъ митрополиту Филарету: „Оставляя Москву, говорю послѣднее слово о церкви. Меня ужаснуло учрежденіе губернскаго присутствія, которое совершенно уничтожитъ іерархію, комитетъ же сдѣлается настоящимъ кирхенъ-герихтомъ Нѣмецкимъ. Если вы не будете противостоять сильно, то все погибнетъ, ибо этому суду даже нѣтъ ни срока, ни мѣры. Вступитесь за церковь. Вы мнѣ велѣли писать письма о ней. Вотъ первое.—Спасите ее своимъ крѣпкимъ словомъ и меня не оставьте въ молитвахъ. Комитетъ со-слѣпу подписалъ приговоръ смертный іерархіи, и прокуроръ не понялъ хитрости предложенія, внушеннаго министру внутреннихъ дѣлъ чрезъ враговъ православія, чтобы его опрокинуть. Настанетъ такая борьба въ епархіяхъ, что и комитетъ не удержитъ отъ бѣды. Всѣ жалобы бѣлаго духовенства туда обратятся, и расколъ подниметъ голову. Это уничтожитъ власть архіерея, который останется при одномъ лишь титулѣ.—Если вы не будете возражать, то тяжкая падетъ на васъ отвѣтственность, ибо вы одни видите ясно и можете говорить еще во-

время. Васъ послушаютъ недальновидные люди; но если вы умолкнете и присутствіе откроется, то будетъ поздно. А вы одни можете протестовать, ибо безъ васъ сіе рѣшили. Никогда бы не согласился графъ Протасовъ на такое поруганіе церкви, ибо онъ понималъ ея достоинство, хотя и оскорблялъ лично архіереевъ; а Ахматовъ кланяется имъ очень мило, но выдаетъ церковь, по неопытности и самонадѣянности, желая лишь угодить двору. Высочайшее повелѣніе можетъ быть отмѣнено государемъ, а Божеское повелѣніе отмѣнить не могутъ люди, особенно пастыри, если помнятъ слова пророка Іезекіиля *о стражѣ*. Если, быть можетъ, по ошибкѣ вы и согласились на словахъ съ Ахматовымъ принять этотъ комитетъ, то теперь, ради Спасителя, коего образъ мнѣ дали въ напутствіе, возразите на такое рѣшеніе, ибо вся власть перейдетъ въ руки губернаторовъ съ помощію прочихъ чиновниковъ и одинокій архіерей, не имѣющій права призвать на совѣщаніе духовенство, останется безъ силы, особенно при неопытности и слабости характера большей части нашихъ архіереевъ. Не гнѣвайтесь на меня за слово истинно, остановите дѣло во-время, чтобы не уронить нашей іерархіи и самой церкви. Это будетъ хуже, нежели въ Царьградѣ; а плоды увидятся только чрезъ нѣсколько времени. Спѣшу въ путь... Остальное скажетъ вамъ преосвященный Леонидъ ибо дѣло слишкомъ важно“ [75]).

На это грозное письмо Филаретъ спокойно отвѣчалъ: „Что архіерей и два свѣтскихъ сотрудника будутъ разсуждать, дать ли причту строеваго или дровянаго лѣсу, въ томъ, кажется, нѣтъ разрушенія іерархіи, хотя бы и случилось, что архіерей скажетъ: дать, а свѣтскіе скажутъ: не дать“.

И другіе іерархи наши не раздѣляли опасеній А. Н. Муравьева. Это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго письма преосвященнаго Смарагда, архіепископа Рязанскаго, къ графу Дмитрію Николаевичу Толстому:

„Много и премного радуюсь, что ваше сіятельство участвуете въ комитетѣ объ улучшеніи быта духовенства. Но прежде всего, по моему мнѣнію, нужно бы подумать о содер-

жаніи архіереевъ, которые (кромѣ Кіевскаго, Московскаго, Воронежскаго и еще немногихъ) получаютъ самое бѣдное жалованье, положенное по штату прошедшаго вѣка, *при блаженной памяти императорѣ Павлѣ Петровичѣ*. Напримѣръ, Рязанскій, одинъ изъ старшихъ владыкъ, получаетъ жалованья 900 руб., да изъ Радовицкаго монастыря до 400 руб. Какъ тутъ жить и достоинство свое сколько-нибудь поддерживать?! Домъ же владыки ничѣмъ не поддерживается болѣе уже полстолѣтія, и вашему сіятельству небезызвѣстно, что во всемъ городѣ нѣтъ ни одной казармы столь ветхой, безобразной и для жительства неудобной, какъ этотъ домъ, въ коемъ я потерялъ послѣднее мое здоровье, а въ прошедшемъ 1860 году едва не умеръ, собственно отъ ветхостей этого дома. Не подумайте, ваше сіятельство, что у меня есть желаніе просить какихъ-либо прибавокъ. Нѣтъ. Мнѣ уже 67 лѣтъ, и просить прибавокъ я никогда не стану, если нѣтъ на это никакихъ, сообразныхъ съ вѣкомъ, трудами и достоинствами, положеній“ [76])...

П. И. Савваитовъ, обращая вниманіе Погодина на палеографическіе труды извѣстнаго нашего путешественника по Востоку, преосвященнаго Порфирія, писалъ: „На изданіе этихъ трудовъ нѣтъ средствъ. Это полезное дѣло. Надо бъ, по всей правдѣ, приняться за это дѣло синоду. Но деньги нужны для чиновниковъ... Вѣдь они способствуютъ къ улучшенію быта духовенства, хотя и не доходятъ до сердца ихъ вопли этого несчастнаго духовенства... Благодѣтели“ [77]).

Въ это время у А. Н. Муравьева произошла размолвка съ оберъ-прокуроромъ св. синода Ахматовымъ, и послѣдній, 29 января 1863 года, писалъ митрополиту Филарету: „У Андрея Николаевича я въ совершенной опалѣ; гнѣвается“ [78]). А когда преосвященный Савва обратился къ Муравьеву за совѣтомъ касательно распространенія своихъ изданій, получилъ отъ него такой отвѣтъ: „О вашихъ книгахъ буду хлопотать чрезъ князя Урусова, а не чрезъ прегордаго голіафа Ахмета — хана Золотой Орды. Къ министру просвѣщенія обращаться не совѣтую, чтобы не вышло молвы, а переговорите съ попечи-

телемъ Московскаго округа,—онъ это лучше устроитъ. Да обратитесь искренно и прямо къ владыкѣ, и попросите его написать отъ себя къ хану. Когда же духовные перестанутъ между собою церемониться?—Эта просьба совершенно законная, ибо книги необходимо полезны“ [79]).

XXXV.

Мы уже знаемъ, что участіе Погодина въ изданіи книги Ростиславова *Объ устройствѣ духовныхъ училищъ* вызвало со стороны преосвященнаго Саввы строгое, но не совсѣмъ справедливое, замѣчаніе о Погодинѣ, какъ „покровителѣ всѣхъ протестующихъ противъ существующаго порядка вещей, особенно въ церковномъ мірѣ“.

Это замѣчаніе обязываетъ меня представить отношеніе Погодина къ самому святителю Московскому Филарету.

Подъ *4 февраля* 1863 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Видѣлъ во снѣ Филарета“; а 9 февраля, Погодина посѣтила Наталья Петровна Кирѣевская и бесѣдовала съ нимъ „о Филаретѣ“. Результатомъ этой бесѣды было письмо Погодина къ Филарету, на которое владыка не замедлилъ (12 февраля 1863 г.) слѣдующимъ отвѣтомъ:

„Милостивый государь, Михаилъ Петровичъ! Удивили меня и мысль, и выраженіе вашего письма, что вы *считали себя подъ гнѣвомъ моимъ*. Ничего моего нѣтъ *надъ* вами. Есть ли же какъ-нибудь увидѣли вы мои мысли, что весьма распространившейся нынѣ обличительной письменности было бы справедливѣе и полезнѣе, внимательнѣе наблюдать умѣренность и осторожность, что бы не распространять порицаній преувеличенныхъ, не обвинять настоящаго за прошедшее, общаго за частное, обществъ и сословій за недостатки нѣкоторыхъ лицъ, что бы открытіемъ одной темной, мимо свѣтлой, стороны людей не распространять между ними взаимнаго недовѣрія и презрѣнія, къ разстройству добраго духа общественнаго,—и есть ли вы подумали, что, можетъ быть, сіи мысли касаются нѣсколько

и васъ, такъ какъ вы, кажется, иногда принимаете участіе въ обличительной письменности: смотрите и на сіе безъ преувеличенія. Это мысли, а не гнѣвъ. Отцы учатъ насъ отдѣлять отъ человѣка его дѣло и слово. Можно разсуждать правильно ли дѣло и слово, и не судить человѣка. Душа человѣка выше и обширнѣе дѣлъ и словъ его: и единъ Сердцевѣдецъ видитъ ее вполнѣ, и судитъ о ней совершенно.

Впрочемъ, прощеніе, о которомъ пишете, для всѣхъ благопотребно. Есть ли и я какимъ либо образомъ сдѣлался причиною для васъ неудовольствія или смущенія: то прошу прощенія. Господь же да даруетъ душѣ вашей совершенное прощеніе, въ чемъ она требуетъ прощенія.

Съ симъ искреннимъ желаніемъ и уваженіемъ остаюсь

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій".

Н. П. Кирѣевская, ничего не зная объ этомъ отвѣтѣ владыки, писала Погодину (отъ 17-го февраля): „Примите искреннюю признательность за заботливое и доброе попеченіе ваше о сынѣ моемъ, Сережѣ,—въ сердцѣ его отзовется ваше доброе чувство, и, если Богъ благословитъ, съ помощію друзей Ивана Васильевича,—и его душа будетъ проникнута православіемъ, и соединитъ съ наукою духовное просвѣщеніе, ибо только во свѣтѣ Божіемъ узримъ свѣтъ истины".

Въ томъ же письмѣ Кирѣевской читаемъ: „Жалѣю, что вы ни слова не сказали о результатѣ письма вашего, посланнаго на Троицкое подворье" [80]).

Вскорѣ послѣ того Погодинъ счелъ долгомъ посѣтить Троицкое подворье, гдѣ былъ „очень благосклонно принятъ" [81]).

Протоіерей А. В. Горскій былъ очень доволенъ установившимися добрыми отношеніями Погодина къ митрополиту. „Письмо ваше—писалъ онъ—порадовало меня утѣшительнымъ извѣстіемъ, что вы наконецъ побороли въ себѣ предубѣжденія противъ высокой личности благодушнаго архипастыря. Другое отрадное для меня увѣреніе вынесъ я изъ чтенія вашего письма

то, что вы, не смотря на всѣ мои неисправности предъ вами, сохраняете прежнее ко мнѣ расположеніе. Благодарю васъ вседушевно за то и другое“ [82]).

Пасха въ 1863 году приходилась 31 марта. Свѣтлую заутреню Погодинъ слушалъ въ Успенскомъ соборѣ, о чемъ записалъ въ *Дневникѣ* своемъ: „Къ заутрени въ Кремль. Прекрасное время. Озареніе собора. Трогательно: Филаретъ восьмидесяти двухъ лѣтъ, идущій кругомъ. Къ обѣднѣ. Онъ очень усталъ“.

Самъ же Филаретъ вотъ что писалъ Антонію: „Слово мое къ вамъ умедлило: потому что изнемогло.—Великій день съ великою церковью я сподобился праздновать. Съ тѣхъ поръ болѣзную. Споспѣшествуйте мнѣ молитвами вашими на пути облегченія или терпѣнія. Братія, да внимаемъ и времени сему, чтобы возбуждать себя отъ небреженія и дреманія. Шатаются языцы. Людіе поучаются тщетнымъ. Изъ христіанскихъ обществъ исходятъ мужіе, глаголющіи развращенная. Безразсудныя хуленія провозглашаются, какъ мудрость. Соблазнъ и беззаконіе открываютъ себѣ широкіе пути. Въ такихъ обстоятельствахъ особенно требуются живыя жертвы,—за себя и за другихъ подвизающіеся въ покаяніи, молитвахъ и исправленіи. Къ нашему званію паче другихъ простирается сіе требованіе“ [83]).

Исполняя сіе священное требованіе, Филаретъ писалъ Симбирскому епископу Евгенію: „Забота, причиняемая вамъ усиліемъ раскола, справедлива и почтенна. Но къ уврачеванію отъ сего зла прежней помощи, по измѣнившимся на предметы управленія воззрѣніямъ, намъ уже нѣтъ. Напримѣръ, писано было высшему духовному и отъ него свѣтскому начальству, что цѣховой Андрей Шутовъ называетъ себя архіепископомъ Антоніемъ, и представлена была въ подлинникѣ ставленная граммата, данная имъ крестьянину на званіе священника, и правительство отвѣтствовало, что иное слышно, иное примѣтно, и что предписано наблюдать, чтобы не было оказательства раскола. При семъ сказано было, что естьли бы Шутовъ назвалъ себя генераломъ и далъ крестьянину дипломъ на званіе

офицера: то это, вѣроятно, не было бы оставлено безъ вниманія. На сіе не дано никакого отвѣта. Надобно сказать правду, что и мы не довольно тщательно изучали и употребляли искусство духовно-нравственнаго врачеванія раскольниковъ, охотнѣе опираясь на помощь власти. Нынѣшнее время не хочетъ подвизаться для вспоможенія намъ, а отсылаетъ насъ къ Слову Христа Спасителя, что Его царствіе нѣсть отъ міра сего. Надобно возвращаться ближе къ первымъ вѣкамъ христіанства и изощрять оружіе, которое тогда побѣждало міръ,—вѣру нашу. Вѣра, ревность по вѣрѣ, самопожертвованіе для служенія Богу и спасенія ближнихъ, сіи должны быть наши средства, наши силы противъ неправославія, невѣрія и нравственнаго растлѣнія, такъ усиленно распространяемыхъ письменностію и примѣрами“ [84]).

Въ 1863 году, возникъ вопросъ: о разрѣшеніи представленій Итальянской оперы по субботамъ. Филаретъ, стоя на Божественной стражѣ огражденія народной нравственности отъ соблазна, писалъ: „По уставу церковному, празднованіе воскреснаго дня начинается вечернею или всенощною службою въ субботу, чему соотвѣтствуетъ и торжественный праздничный благовѣстъ и звонъ, и праздничное многолюдное собраніе народа въ церквахъ во время означенныхъ богослуженій. Сознаніе принадлежности субботняго вечера къ празднику воскресенія и обязанности проводить сей вечеръ по праздничному такъ сильно въ народѣ, что съ нѣкотораго времени приходы Московскихъ церквей, одинъ по другомъ, просили меня, чтобы и въ зимнее время (когда по общему порядку, всенощная бываетъ утромъ) въ субботу вечеромъ совершалась въ церквахъ всенощная, хотя безъ благовѣста, что̀, по желанію прихожанъ, и распространилось по всей Москвѣ. Изъ сего слѣдуетъ, что допустить въ сіе самое время театральныя зрѣлища значило-бы оскорбить религіозное сознаніе православнаго народа и причинить ему соблазнъ.

Православная церковь издревле охраняла празднованіе воскреснаго дня отъ зрѣлищъ. Такъ, соборъ Карѳагенскій, 72-мъ

правиломъ опредѣлилъ просить христолюбивыхъ царей, *да воспретится представленіе позорищныхъ* (театральныхъ) *игръ въ день воскресный, и въ прочіе свѣтлые дни христіанскія вѣры.* И православные Греческіе императоры, Θеодосій старшій и Θеодосій младшій, внесли сіе запрещеніе въ государственные законы.

Достойно вниманія, что Греческіе императоры, вводя, такимъ образомъ, благочестивый обычай, должны были вступать въ борьбу съ укоренившимся въ народѣ отъ языческихъ временъ обычаемъ. Какая была-бы печальная противоположность, если бы нынѣ православное правительство рѣшилось бороться съ благочестивымъ сознаніемъ народа и отвлекать отъ церкви къ театру: однихъ—свободнымъ прельщеніемъ искусства, а другихъ—даже неволею, какъ, напримѣръ, находящихся въ услуженіи при посѣтителяхъ театра.

Театръ немного заслуживалъ покровительства, и тогда, когда онъ украшалъ себя названіемъ училища нравовъ. Съ нѣкотораго времени онъ отказался отъ права на сіе названіе и нерѣдко представляетъ виды нескромные и неблагопріятные для добрыхъ нравовъ.

Будемъ внимательны и искренни. Не должно ли признать, что суета, страсти, пороки, стремленія, неблагопріятныя вѣрѣ и спокойствію общественному, съ успѣхомъ умножаютъ своихъ прозелитовъ. Многія и частыя бѣдствія физическія, бѣдствія отъ нестроеній въ народахъ, *браней* и *слышанія браней*, не означаютъ ли неблаговоленія неба. Такія обстоятельства не представляютъ ли особенныхъ побужденій умѣрить угожденіе любителямъ удовольствій и наслажденій, и въ распоряженіяхъ власти явственнѣе выражать желаніе руководствовать народъ чистыми и твердыми началами религіи и нравственности.

Нужно ли изъяснять, какъ мало значитъ желаніе нѣсколько увеличить доходъ театра въ сравненіи съ потребностію охранять цѣлость сокровища религіозныхъ убѣжденій и нравственныхъ расположеній народа?

Таковы по предложенному мнѣ вопросу соображенія, вну-

шенныя мнѣ посильнымъ разумѣніемъ и обязанностію моего служенія".

XXXVI.

Въ 1864 году, Кіевскій митрополитъ Арсеній, путешествуя въ С.-Петербургъ, остановился въ Москвѣ, и оттуда писалъ къ Костромскому епископу Платону: „Московскій митрополитъ, во время проѣзда моего черезъ Москву, скорбь въ разговорѣ со мною высказывалъ и полную, по настоящимъ обстоятельствамъ, безнадежность нашу" [85]).

Но, тѣмъ не менѣе, митрополитъ Филаретъ, не смотря на свои преклонныя лѣта, не переставалъ дѣйствовать.

18 марта 1864 года, онъ писалъ къ Московскому генералъ-губернатору М. А. Офросимову слѣдующее: „17-го сего марта, по городской почтѣ, получено мною письмо неизвѣстнаго, который увѣдомляетъ меня, что объявленіе о концертѣ, назначенномъ на 22 сего мѣсяца, въ воскресенье, въ залѣ Нѣмецкаго клуба, производитъ въ православномъ народѣ соблазнъ. Въ семъ объявленіи, въ составъ концерта назначаются: Любовь. Первый поцѣлуй любви. Хоръ изъ ораторіи *Stabat mater*, то-есть, изъ пѣснопѣнія Римской церкви о распятіи Господнемъ. *Axion estin*, то-есть, церковная пѣснь, поемая въ православной церкви на литургіи: *Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу.* Вѣчное веселіе праведныхъ, четыре канона. Кромѣ сего, между первою и второю частями концерта, выставлены будутъ обозрѣнію публики: хоругви, плащаницы, украшенія къ евангеліямъ, большіе образа и пр. Посему, долженъ признать справедливымъ, что сіе объявленіе производитъ соблазнъ въ православномъ народѣ, потому что сопоставленіе священныхъ предметовъ и пѣснопѣній, съ свѣтскою безстыдною пѣснью, въ высшей степени оскорбляетъ религіозное чувство. Долгомъ служенія моего поставляю, обратиться къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою, дабы благоволенно было священные предметы и пѣснопѣнія

охранить отъ поруганія недопущеніемъ исполненія объявленнаго концерта и зрѣлища“.

Съ своей стороны, М. А. Офросимовъ просилъ митрополита доставить ему, для сообщенія министру императорскаго двора, заключеніе, по представленію директора театровъ, графа А. М. Борха, о дозволеніи открыть въ Москвѣ Русскіе спектакли, съ четверга святой недѣли, для усиленія сборовъ дирекціи императорскихъ театровъ, и что въ Петербургѣ высочайше разрѣшено Русскіе спектакли на театрахъ начинать, по окончаніи великаго поста, съ четверга святой недѣли“.

Митрополитъ отвѣчалъ: „Конфиденціальнымъ отношеніемъ вашего высокопревосходительства, отъ 4 апрѣля, требуется отъ меня мнѣніе, не встрѣчается ли препятствія, въ недѣлю Пасхи; театральныя представленія въ Москвѣ начинать съ четверга сей недѣли.

Въ книгѣ апостольскихъ и церковныхъ правилъ Карѳагенскаго собора, въ правилѣ 72-мъ, сказано: *подобаетъ просити* (христіанскихъ царей) *такожде и о семъ, да воспретится представленіе позорищныхъ игръ въ день воскресный и въ прочіе свѣтлые дни христіанскія вѣры.*

Уже много нарушеній сего правила допущено: по крайней мѣрѣ, оно сохраняется донынѣ въ Москвѣ ненарушимымъ для величайшаго изъ праздниковъ христіанскихъ, для недѣли святыя Пасхи, которую православная церковь седмидневно празднуетъ, какъ одинъ день, и повелѣваетъ вѣрному народу всѣ сіи дни проводить въ церкви.

И такъ, изволите видѣть, что церковное правило обязываетъ меня смиренно просить благочестивѣйшаго государя императора, чтобы во всю недѣлю Пасхи театральныя зрѣлища оставались, какъ прежде, запрещенными.

Можетъ быть, противъ сего представится возраженіе, что уже допущены въ дни Пасхи нѣкоторыя народныя увеселенія на площади. На сіе отвѣтствовать должно, во-первыхъ, что одно нарушеніе правила не служитъ оправданіемъ другому нарушенію; во-вторыхъ, допущены на площадяхъ развлеченія

безвредныя, прогулка и качели, прочее вкралось по невниманію; театральныя же зрѣлища часто бываютъ неблагоприличны, такъ что благорасположенные люди боятся допускать дѣтей видѣть оныя.

Что касается до примѣра Петербурга, я поставляю предѣломъ моего сужденія, о настоящемъ предметѣ, предѣлы ввѣренной мнѣ епархіи, и обязаннымъ себя признаю свидѣтельствовать, что Москва, городъ по преимуществу Русскій и православный, среда Отчизны Русской, особенно требуетъ охраненія древнихъ нравственныхъ обычаевъ, сохраненныхъ въ его населеніи. Московскій народъ, во дни Пасхи, ходитъ въ церковь не только къ богослуженію, но и между временами богослуженія посѣщаетъ древніе Кремлевскіе храмы, цѣлуетъ святыню, разсматриваетъ древнія иконы и стѣнописаніе и по симъ книгамъ, писаннымъ вмѣсто буквъ, лицами, продолжаетъ учиться благочестію, и потому получитъ непріятное впечатлѣніе, когда его въ сіи свѣтлые дни будутъ манить изъ церкви въ театръ" [86]).

По этому же предмету митрополитъ Филаретъ писалъ и къ своему лаврскому намѣстнику Антонію: „Требуется отъ меня многое, но не достаетъ и силы и времени. И за великое, и за малое нужно бороться. Раскольники преувеличиваютъ свои требованія: а отъ насъ требуютъ все уступокъ. Въ Петербургѣ на Пасхѣ открытъ театръ; требуютъ того же въ Москвѣ: надобно спорить. Въ вѣдомостяхъ публиковано въ самый день Пасхи представленіе въ циркѣ: вчера писалъ споръ, и еще не имѣю отвѣта. Былъ публикованъ концертъ и полагалось: *достойно естъ*, и *первый поцѣлуй*, и проч., въ промежуткахъ пѣнія показывать плащаницы, хоругви и пр. Я писалъ къ генералъ-губернатору благовременно, и не получилъ отвѣта. Помолитесь, чтобы Господь возбудилъ мою лѣность и подкрѣпилъ мою немощь" [87]).

Въ это же самое время Можайскій уѣздный исправникъ Константинъ Алексѣевичъ Варженевскій обратился къ преосвященному Можайскому Саввѣ съ жалобою на протоіерея Можайскаго собора Сергѣя Соболева, по поводу сказанной имъ,

6-го декабря, изобличительной проповѣди, направленной противъ спектаклей съ благотворительною цѣлью. Вотъ что̀ писалъ Варженевскій преосвященному: „Его сіятельствомъ начальникомъ Московской губерніи разрѣшено было въ Можайскѣ дать нѣсколько представленій благородныхъ спектаклей съ благотворительною цѣлію. 1-е представленіе, въ пользу погорѣльцевъ города Перемышля, назначено было 6-го декабря, и піесами для этого были избраны тѣ, которыя одобрены цензурою, напечатаны и много разъ уже были представлены въ императорскихъ Петербургскихъ и Московскихъ театрахъ. Участвовавшія лица въ этомъ спектаклѣ, какъ дамы, такъ и мущины, всѣ до единаго изъ общества благороднаго и образованнаго, поэтому именно и выборъ піесъ былъ сдѣланъ съ особою осмотрительностію. Всѣмъ казалось, что подобныя представленія, высочайше разрѣшенныя и въ столицахъ, и всегда имѣющія большой успѣхъ и сочувствіе отъ публики, не возбудятъ и въ нашемъ маленькомъ городкѣ никакихъ кривыхъ толкованій. Между тѣмъ, совершенно неожиданно, 6-го декабря, по окончаніи Божественной литургіи, протоіереемъ Можайскаго собора о. Сергіемъ была произнесена проповѣдь къ народу, въ которой онъ, говоря о томъ, что милостыня, на основаніи словъ Св. Евангелія, должна быть дѣлаема втайнѣ, удивляется, что, будто-бы, явились новые учители, которые, подъ видомъ благотворительной цѣли, непозволительными и соблазнительными зрѣлищами вымогаютъ деньги отъ довѣрчивыхъ людей. Священникъ не стѣснился даже сказать, что на зрѣлищахъ этихъ цѣломудренныя дѣвицы представляютъ распутныхъ женъ и матерей. Далѣе, протоіерей говорилъ, что учредители, покрывъ доходомъ расходъ по устройству спектакля, остальную ничтожную уже сумму, по своему усмотрѣнію, обыкновенно посылаютъ на мѣсто назначенія. Въ заключеніе же всего, именемъ Бога, просилъ слушателей не предаваться подобнымъ беззаконнымъ искушеніямъ. Въ такой высокоторжественный день, какъ 6-е декабря, при огромномъ стеченіи служащихъ, городскихъ обывателей и простого народа, подобная, въ высшей степени оскорбительная

проповѣдь, произвела весьма странное впечатлѣніе. Всякій спрашивалъ: неужели избрана такая піеса, гдѣ-бы благородная дѣвица играла роль распутной жены? И всякому этою проповѣдью дано было право усомниться въ добросовѣстности учредителей. По долгу службы и по просьбѣ всѣхъ участвующихъ въ спектаклѣ, я вынужденъ былъ донести объ этомъ своему начальству, обязанностью считаю также почтительнѣйше сообщить о томъ же и вашему преосвященству. Смѣю надѣяться, что вы, владыка, не оставите безъ вниманія возмутительный поступокъ Можайскаго протоіерея. Обидно и ложно составлена проповѣдь; неизвѣстно, на чемъ основывалъ священникъ свои доводы и неизвѣстно, по какому праву онъ избралъ церковную каѳедру въ такой высокоторжественный день для проповѣданія лжи“?

Письмо исправника было прочитано Саввою митрополиту. Владыка приказалъ вытребовать отъ протоіерея подлинную проповѣдь и разсмотрѣть. Вслѣдствіе сего, преосвященный Савва писалъ протоіерею:

„До свѣдѣнія моего дошло, что произнесенная вами въ соборѣ, 6-го декабря, проповѣдь произвела на слушателей особеннаго рода впечатлѣніе; посему есть надобность мнѣ видѣть ее. Прошу васъ представить мнѣ эту проповѣдь немедленно, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она произнесена была вами“.

По полученіи проповѣди, она была показана митрополиту Филарету, и на ней, по взаимному съ архипастыремъ совѣщанію, преосвященный Савва положилъ слѣдующую резолюцію: „Слово ваше въ день Св. Николая благонамѣренное и основанное на ученіи Іисуса Христа, но въ поученіяхъ церковныхъ надлежитъ по преимуществу раскрывать мысли обще-назидательныя, а не частныя, касающіяся недостатковъ того или другого лица: такія мысли скорѣе раздражаютъ, нежели вразумляютъ и исправляютъ слушателей. По сему внушается вамъ впредь быть осмотрительнѣе при произношеніи церковныхъ поученій“.

Тѣмъ дѣло и кончилось [88]).

XXXVII.

Извѣстный художникъ Ге написалъ картину, изображающую *Тайную Вечерю*, и выставилъ ее на всенародное позорище.

„Картина Ге,—замѣчаетъ С. М. Сухотинъ,—какъ выраженіе въ художествѣ ходячихъ современныхъ матеріалистическихъ и нигилистическихъ идей, совпадаетъ, какъ это всегда бываетъ, съ настроеніемъ общества, выраженнымъ съ одной стороны въ книгѣ Ренана“ [89]).

Какъ и слѣдовало ожидать, картина Ге возмутила духъ Погодина, и онъ писалъ: „Нѣтъ, это не Тайная Вечеря, а открытая вечеринка. Нѣсколько человѣкъ Евреевъ только что оставили трапезу. На столѣ чаши и хлѣбы, на полу сосуды. Двое поссорились. Одинъ *(главное лицо картины)* выходитъ съ какимъ-то дурнымъ намѣреніемъ или даже угрозой. Другой задумался о происшедшемъ, въ недоумѣніи. Божественнаго въ лицѣ у него нѣтъ ничего. Прочіе въ испугѣ. Они боятся, кажется, какъ бы не случилось чего, но не имѣютъ силы остановить уходящаго.

Помилуйте, что̀ здѣсь есть общаго съ Тайною Вечерею? Тайная Вечеря есть событіе религіозное и вмѣстѣ историческое. На Тайной Вечерѣ положено основаніе христіанской религіи, и здѣсь начинается новая Европейская Исторія. Что происходило въ эти священныя для человѣчества, въ эти великіе часы, мы знаемъ до малѣйшихъ подробностей, изъ минуты въ минуту. Религія представляетъ четырехъ боговдохновенныхъ евангелистовъ. Исторія имѣетъ четырехъ современныхъ свидѣтелей и очевидцевъ. Ихъ проповѣдь и ихъ показанія сдѣлались собственностью всего новаго христіанскаго міра, здѣсь начатаго, и здѣсь нѣтъ мѣста никакому вымыслу, никакому изобрѣтенію, никакому предположенію. Художникъ долженъ быть остороженъ.

Подлѣ картины на выставкѣ виситъ выписка изъ Евангелія Іоаннова тѣхъ стиховъ, которые будто относятся сюда и

изображаются картиною: *Іисусъ возмутися духомъ, и свидѣтельствова, и рече: аминь, аминь глаголю вамъ, яко единъ отъ васъ предастъ Мя.* А эта выписка именно и изобличаетъ художника въ невѣрномъ представленіи. Удаленіе Іуды съ вечери было незамѣтное. Когда Іисусъ сказалъ ему: *еже твориши, сотвори скоро. Сего же никтоже разумѣ отъ возлежащихъ, къ чесому рече ему. Нѣцыи же мняху, понеже ковчежецъ имяше Іуда, яко глаголетъ ему Іисусъ: купи, еже требуемъ на праздникъ: или нищимъ да нѣчто дастъ. Пріимъ же онъ хлѣбъ, абіе изыде: бѣ же нощь, егда изыде.* Такъ свидѣтельствуетъ Іоаннъ, который возлежалъ въ то время на персяхъ Іисусовыхъ.

Ясно ли, что смятенія апостоловъ, представленнаго на картинѣ, не было въ эту минуту, минуту удаленія Іуды? Это есть выдумка, непозволительная, какъ мы сказали, при изображеніи засвидѣтельствованнаго вселенскаго событія.

Было у апостоловъ смятеніе, когда Іисусъ сказалъ имъ: *единъ отъ васъ предастъ Мя!* (Моментъ, избранный Леонардомъ да-Винчи). Но тогда они возлежали еще всѣ вмѣстѣ за трапезою и Іуда съ ними, не думая выйти. Іуда вышелъ вдругъ, *абіе*, послѣ того, какъ принялъ хлѣбъ и услышалъ слова Іисусовы, непонятыя апостолами: что́ *дѣлаешь, дѣлай скорѣе!* Смутился Іисусъ прежде своего объясненія и отвѣта Іоанну, предъ произнесеніемъ первыхъ словъ о предательствѣ, вскорѣ послѣ умовенія ногъ.

О чемъ Онъ смутился, о томъ ли, о чемъ скорбѣла душа Его въ минуту послѣдовавшей молитвы Елеонской, или о томъ, что одинъ изъ избранныхъ учениковъ предастъ Его... не объяснено евангелистами.

Смущеніе Іисусово было мгновенное, ибо вслѣдъ за этимъ мгновеніемъ, давъ понять Іоанну о предателѣ, Онъ объясняется спокойно съ Іудой, и лишь только тотъ вышелъ, Іисусъ начинаетъ свою послѣднюю бесѣду, которая наполнила всю вечерю, и начинаетъ словами, выражающими торжественное настроеніе духа. Когда Іуда вышелъ, Іисусъ сказалъ: *Нынѣ про-*

славися Сынъ человѣческій, и Богъ прославися о Немъ. Аще Богъ прославися о Немъ, и Богъ прославитъ Его въ Себѣ (*Іоаннъ*, XIII, 31—32). Гдѣ же тутъ смущеніе? То ли выражаетъ картина Ге, что̀ узнаемъ мы отъ свидѣтеля, лежавшаго на персяхъ Іисусовыхъ? Картина представляетъ то, чего не бывало, вопреки тому, что̀ было.

Перейдемъ къ другимъ евангелистамъ, другимъ свидѣтелямъ, и мы ни у кого не найдемъ ничего соотвѣтствующаго картинѣ.

У Матѳея предреченіе Іисуса о томъ, что одинъ изъ учениковъ предастъ Его, и смятеніе между апостолами, которые спрашивали Его, одинъ за другимъ: Не я ли Господи? разсказаны прежде пріобщенія.

Маркъ сообщаетъ тѣ же подробности, что и Матѳей: слова о предателѣ приводитъ онъ прежде пріобщенія.

У Луки объясненіе о предательствѣ разсказано послѣ пріобщенія, и потому яснѣе видно, что Іуда находился за священною трапезой во время пріобщенія: *Обаче се рука предающаго Мя со Мною есть на трапезѣ* (XXII, 21).

Напрасно Ге поставилъ на столъ нѣсколько чашъ и нѣсколько хлѣбовъ: *Пріемъ Іисусъ хлѣбъ, и благословивъ, преломи, и даде имъ, и рече: пріимите, ядите: сіе есть тѣло Мое. И пріимъ чашу, хвалу воздавъ, даде имъ: и пиша отъ нея вси. И рече имъ: сія есть кровь Моя новаго завѣта* (Марк. XIV, 22—24).

Слѣдовательно, въ картинѣ Тайной Вечери, сообразно съ нашимъ о ней представленіемъ, должно выставить или отличить одинъ хлѣбъ и одну чашу Іисусову“.

Въ заключеніе Погодинъ отдаетъ справедливость и художнику. „Картина Ге — пишетъ онъ — обличаетъ замѣчательный талантъ, сильный, своеобразный, смѣлый. Ге обѣщаетъ намъ хорошаго мастера, но если онъ посвящаетъ себя духовной живописи, а не житейской, или, какъ говорятъ нынѣ по-варварски, жанру, то мы смѣемъ напомнить, что великіе творцы новой Европейской живописи, Леонардо да-Винчи, Рафаель,

Корреджіо, Гвидо Рени, Доминикинъ, Гверчино, черпали свое вдохновеніе не въ томъ источникѣ, къ коему, повинуясь духу времени, или, можетъ быть, только увлекаемый потокомъ, обратился Ге. Пусть проститъ насъ художникъ за наше искреннее, съ прискорбіемъ выраженное, мнѣніе“ [90]).

XXXVIII.

23 марта 1864 года, оберъ-прокурорь св. сѵнода А. П. Ахматовъ увѣдомилъ митрополита Филарета, что онъ „прибывшему въ С.-Петербургъ Американскому пастору Юнгу, для ознакомленія съ православіемъ, въ надеждѣ общенія съ православною церковью, присовѣтовалъ начать это ознакомленіе съ Москвы, чтобы здѣсь можно было бы удобнѣе входить съ нимъ въ объясненія, когда получены будутъ отъ него, митрополита, на сей предметъ наставленія“.

Съ своей стороны, князь С. Н. Урусовъ рекомендовалъ викарію Московской митрополіи, епископу Дмитровскому Леониду, делегата Нью-іоркской конвокаціи, пастора Юнга, и писалъ: „Цѣль Юнга, увидѣть Московскаго митрополита, котораго *Катихизисъ*, переведенный на Англійскій языкъ Блакмеромъ, сдѣлался, по увѣренію Юнга, популярною книгою въ Америкѣ“.

27 марта 1864 года, Юнгъ былъ уже въ Москвѣ и присутствовалъ въ Саввинскомъ подворьѣ на литургіи преждеосвященныхъ даровъ. Послѣ литургіи, преосвященный Леонидъ пригласилъ Юнга въ свои кельи. „Онъ человѣкъ—замѣчаетъ Леонидъ въ своихъ *Дневныхъ Запискахъ*—лѣтъ тридцати пяти, невысокій, легкій станомъ, русый, съ бородкой, безъ усовъ, съ веселымъ взглядомъ; въ однобортномъ короткомъ черномъ сюртукѣ, съ стоячимъ воротникомъ. По небрежной позѣ—республиканецъ, въ словѣ онъ остороженъ, какъ англичанинъ, хотя и говорливъ, какъ французъ. Онъ говорилъ со мною по-Англійски и мнѣ было нелегко понимать его, особенно въ началѣ, отчасти потому, что этотъ языкъ, почти родной для

меня въ дѣтствѣ, весьма рѣдко случалось мнѣ употреблять въ продолженіи послѣдующей моей жизни, частію потому, что Англійскій языкъ измѣнился по перенесеніи его въ Америку и сталъ на степень провинціальнаго идіома; между тѣмъ, какъ Великобританская привычка говорить экономически, то-есть, очень быстро, невнятно, съ проглатываніемъ словъ, сохранена и переселенцами".

На другой день, 28 марта, Юнгъ опять посѣтилъ Саввинское подворье, гдѣ прослушалъ всенощную, и опять зашелъ къ Леониду. На этотъ разъ,—повѣствуетъ Леонидъ,—онъ вынулъ изъ трубки, обложенной бархатомъ, окружныя грамматы отъ нѣкоторыхъ епископовъ Американскихъ къ епископамъ восточной церкви. Писаны грамматы по Латынѣ, на печатяхъ Латинскія митры. Содержаніе грамматъ: желаніе мира и союза съ уважаемою церковью восточною". Вмѣстѣ съ тѣмъ Леонидъ узналъ отъ Юнга, что „склонность епископовъ Америки къ восточной церкви все возрастаетъ и имъ очень желательно ознакомиться съ Русскою церковію, для чего они намѣрены присылать юношей, способныхъ изучить Русскій языкъ, и переводить на Англійскій все, что́ лучшимъ образомъ могло бы ознакомить ихъ съ православіемъ; взаимно желаютъ, чрезъ наши духовные журналы, ознакомлять Русскихъ съ понятіями своими. Православный пространный *Катихизисъ* имѣетъ въ народѣ чрезвычайное вліяніе и двинулъ народное религіозное чувство къ восточной церкви. Имя его автора (то-есть, Филарета) пользуется великимъ почтеніемъ и любовію. На обѣдѣ, въ Нью-Іоркѣ, данномъ пасторами Русскимъ іеромонахамъ съ эскадры контръ-адмирала Лисовскаго, извѣстный своими достоинствами пасторъ Cook предложилъ тостъ за здравіе преосвященнѣйшаго митрополита Московскаго и произнесъ рѣчь, въ которой прославлялъ святость его жизни, просвѣщенный высокій умъ и значеніе для церкви Божіей. Русскіе пожелали здравія епископу-президенту Америки и общую радость произвела мысль, что подъ сѣнію двухъ іерарховъ, ровесниковъ въ лѣтахъ, церкви сближаются къ единенію".

Между тѣмъ, митрополитъ Филаретъ изъявилъ желаніе принять пастора Юнга 29 марта, въ 6-ть часовъ вечера.

Передъ вечернею, преосвященный Леонидъ прочелъ владыкѣ все, что имъ было записано объ Американской церкви. Владыка, по выслушаніи, сказалъ: по этому судя, ихъ можно тотчасъ же принять въ общеніе.

Такимъ образомъ, 29 марта 1864 года, отъ 6-ти вечера до 8 съ половиною, въ гостинной Троицкаго подворья, состоялась первая бесѣда митрополита Филарета съ пасторомъ Юнгомъ. „Самый видъ всего этого собранія,—писалъ Леонидъ, — столь важнаго, по необыкновенному предмету, навсегда врѣзался въ моей памяти. Любитель простоты, допускающій велелѣпіе только въ церкви и въ торжественныхъ случаяхъ, Филаретъ явился теперь въ пріятной для республиканца, обычной простотѣ своей", но съ тою неподражаемою изящностью въ манерахъ, которая заставила иностранцевъ, бывшихъ въ Москвѣ на коронаціи, приписать ему высшее аристократическое происхожденіе. На митрополитѣ „была черная шерстяная ряса и самая простая панагія — образъ св. Троицы подъ аметистовою короной. Отъ него съ правой руки полукругомъ къ дивану размѣстились слѣдующія лица: епископъ Дмитровскій Леонидъ, графъ Алексѣй Васильевичъ Бобринскій, преосвященный Можайскій Савва, пасторъ Юнгъ, и уже на диванѣ обычный руководитель Англичанъ въ Москвѣ, Михаилъ Михайловичъ Сухотинъ" [91]).

Въ своемъ отчетѣ объ этой первой бесѣдѣ съ пасторомъ Юнгомъ, митрополитъ Филатетъ писалъ: „О извѣстныхъ 39-ти пунктахъ Англиканской церкви Юнгъ говоритъ, что это не болѣе, какъ историческій фактъ. На сіе сказано ему, что это, можетъ быть, такъ для церкви Американской, но не такъ для Англиканской.—Но такъ же думаютъ значительнѣйшія лица и Англиканской церкви. Отвѣтъ: это значитъ, что 39 пунктовъ лишились уваженія; но тѣмъ не менѣе, они остаются, какъ законъ, оффиціально неотмѣненный; а они слишкомъ не мирны въ отношеніи къ ученію и восточной церкви, тогда какъ сражаются съ западною.

Онъ говоритъ, что духовенство Американской церкви согласно будетъ читать Никейскій символъ безъ прибавленія: *filioque;* но что нѣсколько лѣтъ нужно, чтобы приготовить къ нему народъ.

Ему замѣчено, что народъ Американской церкви, вѣроятно, не слишкомъ крѣпко держится своихъ церковныхъ формъ, такъ какъ онѣ не очень древни, и онъ испыталъ измѣненіе, при отдѣленіи отъ Римской церкви; но Русскій народъ, который девятьсотъ лѣтъ держится однихъ церковныхъ православныхъ формъ, естественно держится ихъ крѣпко и исключительно, и потому отъ него труднѣе ожидать мирнаго воззрѣнія на сближеніе съ церковію, имѣющею иныя формы и мнѣнія, хотя бы то было при согласіи въ существенныхъ догматахъ вѣры.

Онъ признаетъ, что Англиканская церковь есть мать Американской; и сія болѣе или менѣе связана обязанностію не разнорѣчить съ тою.

Ему сказано, что Россійская церковь имѣетъ матерь—церковь Греческую, матерь нѣсколько строгую; такъ что, напримѣръ, она совсѣмъ не допускаетъ обливательнаго крещенія, на которое Россійская церковь взираетъ съ терпимостію. Хорошо еще, что Греческая церковь безъ осужденія смотритъ на сіе, какъ на снисходительность церкви Россійской, хотя были покушенія произвесть изъ сего раздоръ между церквами. И такъ, для церкви Россійской потребно вниманіе и осторожность, чтобы, миротворно дѣйствуя для пріобрѣтенія сестры—церкви Американской, не ослабить мирныхъ отношеній съ матерью—церковію Греческою.

Сказано еще: еслибы и оказалось возможнымъ просвѣщеннымъ людямъ двухъ несостоящихъ въ единеніи церквей, достигнуть того, чтобы въ важнѣйшемъ и существенномъ онѣ были согласны, а разнообразіе въ несущественномъ признали не препятствующимъ единенію, особенно въ надеждѣ объединенія со временемъ: масса народа, менѣе разсудительная, можетъ затруднить единеніе. Примѣръ сего можно видѣть даже въ апостольскія времена. Апостолъ Павелъ, пришедъ во Іеру-

салимъ, былъ въ единеніи съ апостольскою іерархіею; но въ то же время апостолы сказали ему, что многіе десятки тысячъ вѣрующихъ не находятся въ единеніи съ нимъ, по приверженности къ закону обрядовъ. Апостолы не могли привлечь ихъ, и принуждены были снизойти къ нимъ, и разрѣшили Павлу совершить іудейскій обрядъ; но и это, кажется, безъ пользы. Многія тысячи вѣрующихъ могли бы стать въ защиту Павла отъ невѣрующихъ іудеевъ: но сего не видно, и это, вѣроятно, потому, что, не смотря на единеніе съ Павломъ прочихъ апостоловъ, масса вѣрующаго народа почитала его чуждымъ.

На иконы онъ смотритъ, какъ на картины, и осуждаетъ богопоклоненіе имъ (adoratio).

Ему сказано, что сего нѣтъ; а воздается имъ благоговѣйное почтеніе (veneratio), относящееся къ предмету изображенному. При семъ указано ему на изображеніе Божіей Матери, найденное въ Римскихъ катакомбахъ, временъ доконстантиновыхъ, представляющее Божію Матерь съ молитвеннымъ воздѣяніемъ рукъ, и съ просіявающимъ изъ персей ея младенцемъ Господомъ Іисусомъ. Такое изображеніе донынѣ весьма распространено въ Россійской церкви, начиная отъ древняго Новагорода.

Упомянуто, что нѣкто изъ Англичанъ предпочтительно одобряетъ епископство безбрачное. Вмѣсто отвѣта, онъ любопытствовалъ, гдѣ о семъ писано.

Всѣхъ вопросовъ, требующихъ разбора, неудобно было касаться.

На вопросъ, что̀ подало случай возбудиться движенію Американской церкви къ Россійской, онъ отвѣчалъ: переводы восточныхъ литургій и Русскаго православнаго *Катихизиса*, который изданъ въ Америкѣ духовнымъ вѣдомствомъ, и значительно распространенъ для обученія дѣтей. Почему сей *Катихизисъ* тамъ употребленъ? Потому, что онъ объясняетъ Никейскій символъ, и потому, что ясенъ.

Разсужденія привели къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Открыть прямыя сношенія іерархіи съ іерархіею вдругъ неудобно.

2) Можно нѣкоторымъ лицамъ, съ той и другой стороны, открыть частную переписку, которая была бы извѣстна іерархіи, но не поступала въ общественную гласность.

3) Предложить съ обѣихъ сторонъ вопросы, требующіе объясненій, и о нихъ написать, и взаимно сообщить статьи. Получающая сторона будетъ рѣшать, которая изъ нихъ можетъ быть напечатана безпрепятственно и съ пользою.

4) Г. Юнгъ предложилъ перевесть и напечатать, въ синодальной типографіи, Американскую литургію, которая ближе къ восточной, нежели Англиканская, потому что содержитъ призываніе Святаго Духа предъ освященіемъ даровъ, чего нѣтъ въ Англиканской.

Какъ уже напечатаны, на Русскомъ языкѣ, литургіи Армянская и Коптская, то признается возможнымъ напечатать и Американскую, только не въ синодальной типографіи.

При сношеніи присутствовали два викарія и ректоръ семинаріи, и двѣ свѣтскія особы, какъ переводчики, которые примѣтно затруднялись переводить нѣкоторыя рѣчи на Англійскій, и потому, можетъ быть, не во всемъ соблюли точность" [92]).

Въ *Дневныхъ Запискахъ* преосвященнаго Леонида читаемъ:

„Свѣтскіе нашли, что владыка былъ къ пастору очень милостивъ и любезенъ. Я едва не плакалъ отъ умиленія, когда Юнгъ говорилъ о ясности, полнотѣ и православіи его *Катихизиса*, лучше котораго Американскіе богословы ничего не знаютъ, и о дѣйствіи, имъ произведенномъ въ народѣ. Когда, въ моей каретѣ, разговаривалъ я съ преосвященнымъ Саввою о проведенномъ вечерѣ, то сказалъ, между прочимъ: какъ великому нашему старцу должно быть это утѣшительно и, вѣроятно, нынѣшняя вечерняя молитва будетъ имѣть нѣчто особенное отъ той, что была вчера или третьяго дня. Боже! Боже! за сорокъ лѣтъ, владыка написалъ этотъ *Катихизисъ* въ вопросахъ и отвѣтахъ для причетниковъ, ищущихъ посвященія въ стихарь. И вотъ, эта книга въ Россіи воспитала нѣсколько поколѣній, переплыла океанъ и совершаетъ въ Америкѣ начало, можетъ быть, великаго религіознаго переворота. Начатое въ

смиреніи, увѣнчивается славою. *Смиряяйся, вознесется.* Господи, благослови" [93]).

XXXIX.

На другой день, послѣ 1-й бесѣды съ пасторомъ Юнгомъ, Филаретъ писалъ своему лаврскому намѣстнику Антонію: „Въ слѣдующую среду полагаетъ быть въ лаврѣ Американской церкви священникъ Юнгъ, имѣющій порученіе отъ всѣхъ епископовъ, искать пути къ общенію съ Россійскою церковію. Обѣщаютъ Никейскій символъ употреблять безъ Латинскаго прибавленія: *и отъ Сына.* Русскій православный *Катихизисъ* у нихъ переведенъ, и нѣкоторыми употребляется для воспитанія дѣтей. Дѣло трудное: но ищущихъ мира, конечно, надобно принимать съ миромъ. Примите гостя со вниманіемъ" [94]).

Юнгъ посѣтилъ также и Московскую духовную академію. Ректоръ оной, протоіерей А. В. Горскій, въ своемъ письмѣ къ Филарету, отъ 2 апрѣля 1864 года, описалъ это посѣщеніе. „Юнгъ, Ньюіоркскій пасторъ,—писалъ о. ректоръ,—вчерашній день посѣтилъ нашу академію, былъ у меня, осмотрѣлъ комнаты студентовъ и библіотеку, и побесѣдовалъ съ нами о главномъ дѣлѣ, которое вызвало его въ Россію. Изъ его словъ можно было заключить, что для желающихъ соединенія съ нашею церковію членовъ Сѣверо-Американской епископальной церкви немногіе только пункты въ нашемъ исповѣданіи потребовали бы примирительнаго изъясненія. Именно онъ указалъ на ученіе объ исхожденіи Духа Святаго,—о призываніи святыхъ и о почитаніи иконъ. Въ разсужденіи недостаточнаго числа таинствъ успокоивалъ тѣмъ, что въ епископальной церкви, если извѣстныя священнодѣйствія и не называются нынѣ таинствами, но онѣ пользуются особеннымъ уваженіемъ, такъ что разность между нами и ею, будто бы, болѣе въ словахъ, чѣмъ въ разумѣніи дѣла.... Вотъ сущность бесѣды Юнга съ нами! Что-то Господь устроитъ изъ всѣхъ предпринимаемыхъ сношеній? Нашъ Лондонскій протоіерей, Е. И. Поповъ, мало

вѣритъ въ успѣхъ этого дѣла.... Причину къ сомнѣнію онъ находитъ въ томъ, что, при ближайшемъ ознакомленіи между собою, на той и на другой сторонѣ, могутъ открыться теперь и не подозрѣваемые поводы къ разногласію. Но да даруетъ Господь вашему высокопреосвященству совершить и этотъ подвигъ для церкви Христовой, подвигъ вселенскій" [95])!

2-го апрѣля 1864 года, состоялась, на Троицкомъ подворьѣ, 2-я и послѣдняя бесѣда митрополита Филарета съ пасторомъ Юнгомъ. Свѣдѣнія объ этой бесѣдѣ мы получаемъ изъ отчета митрополита, въ которомъ читаемъ:

„Долго было бы писать все, что̀ говорено въ собесѣдованіи, продолжавшемся болѣе трехъ часовъ. Надобно ограничиться тѣмъ, что̀ нужнѣе знать.

Какъ въ предшествующемъ сношеніи предполагалась частная переписка, и г. Юнгъ изъявилъ желаніе, чтобы для сего назначены были предметы: то̀, на первый разъ, предложены пять вопросовъ, переведены на Англійскій, и доставлены г. Юнгу прежде второго сношенія. И въ семъ сношеніи они наиболѣе были предметами разсужденій.

Онъ продолжалъ утверждать, что 39 членовъ не имѣютъ полной догматической силы, что они составлены подъ вліяніемъ противоборства Римскому католицизму и политическихъ видовъ; но признавалъ, что формальнаго отверженія сихъ членовъ достигнуть неудобно. Заключено, что̀ надобно разсуждать прежде о разныхъ пунктахъ ученія, въ которыхъ удобнѣе придти къ соглашенію. По достиженіи сего соглашенія, само собою окажется, что противорѣчащіе сему члены не признаются имѣющими силу.

Касательно ученія о исхожденіи Святого Духа онъ предлагалъ, можетъ ли состояться такое соглашеніе, чтобы Американская іерархія признала восточное ученіе, но чтобы въ церквахъ символъ читаемъ былъ съ прибавленіемъ filioque только для того, чтобы не перемѣнять обычнаго. На сіе отвѣтствовано отрицательно, потому что въ семъ можно было бы находить неискренность и противорѣчіе; и было бы сомнѣніе, точно ли Американская церковь согласна съ ученіемъ восточ-

нымъ, или восточная преклонилась къ ученію западному. Частное соглашеніе двухъ іерархій въ ученіи о столь важномъ предметѣ есть начало соединенія церквей: совершенное соединеніе можетъ быть только при открытомъ проповѣдываніи въ обѣихъ одинаковаго ученія.

Относительно ученія о Священномъ Писаніи и преданіи, Іоаннъ Юнгъ выразился согласно съ православнымъ *Катихизисомъ*.

Непрерывность апостольскаго рукоположенія подвергнута сомнѣнію въ отношеніи къ тому времени, когда Англиканская церковь отдѣлялась отъ Римской. Г. Юнгъ отвергаетъ основательность сего сомнѣнія, и обѣщалъ доставить о семъ историческое свѣдѣніе, основанное на документѣ.

Г. Юнгъ изъяснялъ сожалѣніе, что въ Англиканской и Американской церкви не признаютъ седмеричное число таинствъ. По ихъ ученію, онъ различаетъ sacramenta,—заключая подъ симъ названіемъ крещеніе и евхаристію, и mysteria, поставляя подъ сіе названіе прочія таинства, кромѣ елеосвященія, которое не признано, но легко можетъ быть признано, потому что о немъ ясно говорится въ Священномъ Писаніи.

Ему поставили на видъ неправильность сей терминологіи. Въ Священномъ Писаніи воплощеніе Сына Божія называется mysterium; какъ же поставить сіе названіе ниже названія: sacramentum?

Впрочемъ, его мнѣніе о таинствахъ на пути къ соглашенію съ православіемъ“ [96]).

Преосвященный Леонидъ пишетъ, что „владыка, въ заключеніе, пожелалъ мира церкви Американской и изъявилъ увѣренность, что церкви, стремящіяся къ соединенію умомъ, уже соединены сердцами. Владыка благословилъ Юнга, ибо Юнгъ усердно просилъ благословить его, сталъ на колѣни и поцѣловалъ благословляющую руку. *Цѣлованіе церкви Американской*, сказалъ владыка, и это было послѣднее его слово Юнгу. Владыка провожалъ гостя почти до дверей изъ залы въ переднюю, такъ что всѣ мы, откланиваясь, не шли, а болѣе пятились къ дверямъ“.

На другой день, 3 апрѣля 1864 года, передъ самою литургіей преждеосвященныхъ даровъ, Юнгъ посѣтилъ Саввинское подворье для прощанія. „Онъ изъявилъ желаніе,—пишетъ Леонидъ, — чтобы на грамматы Американскихъ епископовъ были отвѣты нѣкоторыхъ старѣйшихъ архіереевъ Русскихъ, а къ викарію чтобы написали викаріи. Желалъ портрета владыки съ собственноручною его надписью для епископа-президента. Мнѣ подарилъ портреты Американскихъ епископовъ, на что я отвѣчалъ подаркомъ своей карточки и экземпляра моей книги: *Жизнь св. Филиппа.*—Онъ настаиваетъ на томъ, что, въ настоящее время, необходимо устроить Русскую церковь православную въ Нью-Іоркѣ. Но при этомъ требуетъ, чтобы обстановка была благолѣпная, ибо Американцы необыкновенно впечатлительны. Священникомъ при этой церкви долженъ быть человѣкъ пожилой, характера твердаго, серьезный, ученый, такъ какъ его закидаютъ вопросами о различіяхъ между церквами, и очень ловкій въ общежитіи, обходительный, приличный въ манерахъ, ибо Американское духовенство принято во всѣ самыя высшія сферы общественныя, само состоитъ, значительною частію, изъ людей высшаго разбора, богатыхъ, образованныхъ высоко, съ хорошо развитымъ даромъ слова. Такимъ человѣкомъ, по его мнѣнію, могъ бы быть протоіерей Васильевъ, ученый, дѣльный и живого нрава. Такъ какъ Американцы составляютъ по характеру, вмѣстѣ серьезному и живому, нѣчто среднее между Англичанами и Французами, что̀ я уже замѣтилъ въ самомъ Юнгѣ, и для нихъ нуженъ человѣкъ съ живымъ характеромъ и обращеніемъ Васильева, то впечатлѣніе, которое произведено будетъ на первый разъ, рѣшитъ многое въ ходѣ дѣла соединенія. По крайней ненависти къ папству, народъ отвергъ почти все, что въ католицизмѣ сохранялось отъ древней церкви и потому намъ—говоритъ Юнгъ—ввести эту старину трудно: ее примутъ за латинство, но чрезъ восточную церковь все съ удовольствіемъ будетъ принято. Такимъ образомъ, дѣло соединенія подвигалось бы тремя путями: литературой и сношеніями съ Россіей, богослу-

жебной практикой Нью-Іоркской православной церкви и обращеніемъ Американскихъ епископаловъ съ Русскимъ священникомъ. Съ своей стороны, Юнгъ изъявлялъ большое расположеніе къ принятію православныхъ обрядовъ, напримѣръ, цѣлованія взаимнаго между священнодѣйствующими и тому подобное, и сказалъ: кажденіе Святыни, поклоны земные—все это должно къ намъ перейти, но не вдругъ, а постепенно. При этомъ онъ замѣтилъ, что лобзаніе, какъ привѣтствованіе, не въ употребленіи въ Сѣверной Америкѣ, что у нихъ въ церкви принято слушать Евангеліе и пѣть хвалебныя пѣсни стоя, молиться на колѣняхъ и слушать поученія сидя. Онъ просилъ молитвъ моихъ дѣлу соединенія и сталъ на колѣна, прося благословенія. Я, по примѣру владыки, благословилъ его. Завтра онъ въ С.-Петербургѣ".

Въ тотъ же день, послѣ обѣдни, преосвященнаго Леонида посѣтилъ графъ А. В. Бобринскій съ супругою. „Мою мысль,—писалъ Леонидъ,—чтобы графъ Бобринскій подарилъ отъ себя Юнгу портретъ владыки, графъ переработалъ: ему кажется болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы всѣ сословія Москвы приняли участіе въ изготовленіи подарка для епископа-президента и хотѣлъ объ этомъ совѣщаться съ И. И. Четвериковымъ" [97]).

XL.

Пребываніе пастора Юнга въ Петербургѣ описано въ письмѣ митрополита Новгородскаго Исидора къ митрополиту Московскому Филарету.

„Американскій пресвитеръ Іоаннъ Юнгъ—пишетъ митрополитъ Исидоръ—былъ у меня 8-го апрѣля, въ 7 часовъ вечера. Двѣ записки ваши о сношеніи съ нимъ были доставлены мнѣ Алексѣемъ Петровичемъ *) часа за два до прибытія Юнга, и я очень радъ былъ, что благовременно могъ узнать воззрѣніе ваше на данное Юнгу порученіе.

*) Ахматовымъ. *Н. Б.*

При свиданіи моемъ съ Юнгомъ присутствовали: Могилевскій архіепископъ Евсевій, профессоръ академіи Иванъ Терентьевичъ Осининъ и чиновникъ Иванъ Ивановичъ Рюминъ,— послѣдніе для перевода.

Юнгъ въ восторгѣ отъ радушнаго пріема въ Москвѣ. Надѣюсь, что и здѣшнимъ пріемомъ онъ доволенъ, и отправился на родину съ полнымъ убѣжденіемъ, что Американцы, связанные съ Русскими политическимъ союзомъ, найдутъ въ нихъ братьевъ и по духу, если сами того пожелаютъ.

По словамъ Юнга, въ Америкѣ много сочувствующихъ дѣлу соединенія съ православною церковію. Въ послѣднемъ собраніи комитета по сему предмету присутствовало 250 членовъ, и изъ нихъ 248 голосовъ было въ пользу соединенія. Юнгъ—секретарь этого комитета. Предсѣдатель онаго епископъ западнаго Нью-Іорка, Вилліамсъ Геткотъ де-Ланси. Послѣдній предлагалъ даже Русскимъ іеромонахамъ, прибывшимъ на корабляхъ Русскихъ, избрать въ Нью-Іоркѣ изъ шестидесяти церквей любую для совершенія православнаго богослуженія.

Не входя съ Юнгомъ въ собесѣдованіе о подробностяхъ православнаго вѣроученія, такъ какъ онъ уже ознакомленъ былъ вами съ главными пунктами, въ которыхъ нужно соглашеніе, я предложилъ ему такой способъ письменнаго собесѣдованія съ Американскимъ духовенствомъ. Они должны составлять статьи по предметамъ соглашенія, печатать оныя въ Нью-Іоркскомъ церковномъ журналѣ и присылать журналъ въ Петербургъ на мое имя. Здѣсь будутъ составляемы соотвѣтственныя статьи, и, по переводѣ на Англійскій языкъ, будутъ отсылаемы, чрезъ Русскаго консула въ Нью-Іоркѣ, барона Карла Романовича Остенъ-Сакена, въ редакцію того же журнала. Печатаніе должно быть съ вѣдома и согласія мѣстныхъ епископовъ, такъ какъ и наши статьи будутъ предварительно разсматриваемы духовнымъ начальствомъ. При семъ предложено Юнгу не вдругъ начинать съ статей о разности ученія и мнѣній, но предпослать статью или двѣ о томъ, что вѣра, основанная на Откровеніи и несомнѣнномъ преданіи, не допускаетъ никакихъ

измѣненій или дополненій со стороны человѣческихъ мудрованій, и что та только вѣра истинная, которая имѣетъ сей характеръ. Затѣмъ уже разсуждать о предметахъ, содержащихся въ данныхъ ему отъ васъ пяти пунктахъ и соприкосновенныхъ къ нимъ.

Американское духовенство сильно желаетъ, чтобы въ Нью-Іоркѣ была Русская православная церковь. Это было бы весьма полезно. Американцы лучше поняли бы превосходство нашего богослуженія, а умный священникъ, въ настоящемъ случаѣ, былъ бы лучшимъ посредникомъ между нами и Американскимъ духовенствомъ. Къ сожалѣнію, посольство Русское набрано изъ иновѣрцевъ. На князя А. М. Горчакова надѣяться нельзя. Его обо всемъ можно просить, только не о деньгахъ. Будемъ просить государя императора. Въ Нью-Іоркѣ церковь нужнѣе; но, на первый разъ, можетъ быть, осторожнѣе будетъ хлопотать объ устройствѣ церкви въ Вашингтонѣ, гдѣ живетъ посольство, чтобы менѣе замѣтна была особенная цѣль.

Юнгъ желалъ получить отвѣтныя письма на грамматы шести епископовъ. Отвѣты нужны, какъ отъ имени вашего высокопреосвященства, такъ и отъ меня. Юнгу объяснено, что грамматы не отъ синода ихъ, а отъ частныхъ епископовъ, а потому и отвѣта не должно ожидать отъ Всероссійскаго святѣйшаго синода, а будутъ присланы отъ вашего и отъ моего имени, хотя съ вѣдома святѣйшаго синода. Онъ убѣдился, что иначе и быть не можетъ. Въ руки дать ему письмо я не могъ, потому что на другой день, послѣ свиданія со мною, онъ намѣренъ былъ отправиться въ обратный путь. Между тѣмъ, еще нужно было предварительно узнать мнѣніе св. синода.

По желанію Юнга получить благословеніе отъ всѣхъ членовъ св. синода, я дозволилъ ему прибыть 9-го апрѣля въ св. синодъ. Предварительно прочитаны были мною записки ваши св. синоду, и сообщено то, что̀ было предметомъ бесѣды моей съ Юнгомъ наканунѣ. Святѣйшій синодъ съ признательностью принялъ всѣ, изложенныя въ запискахъ вашихъ, мысли, и указанный въ нихъ путь къ сношенію съ Американскимъ

духовенствомъ призналъ надежнымъ, равнымъ образомъ одобрилъ и предложенный мною способъ дальнѣйшаго сношенія чрезъ журналъ.

Отвѣты на письма я напишу всѣмъ шести епископамъ, а для васъ достаточно написать двоимъ: старѣйшему, хотя, по старости его, писалъ отъ его имени викарій Іоаннъ Вилліамъ, епископъ Коннектикутскій, и предсѣдателю комитета, въ коромъ состоялось постановленіе послать Юнга съ предложеніемъ о соединеніи церквей, Вилліаму Геткотъ де-Ланси, епископу западнаго Нью-Іорка, при каѳедрѣ коего находится и Юнгъ. Если вамъ угодно будетъ писать на Латинскомъ языкѣ, то письма пошлются безъ перевода; а если на Русскомъ, то нужно перевесть на Англійскій языкъ. Переводчика найдемъ здѣсь, если у васъ нѣтъ въ виду. Письма отправимъ чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ къ Русскому генеральному консулу въ Нью-Іоркѣ, барону Остенъ-Сакену, для доставленія по адресамъ, которые здѣсь же могутъ быть написаны.

Изъ шести граммать епископовъ одна обращена прямо къ Греко-Россійскимъ іерархамъ (отъ предсѣдателя комитета); прочія же вообще къ восточнымъ іерархамъ“ [98]).

Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ митрополитъ Филаретъ выразилъ нѣкое разногласіе съ первоприсутствующимъ членомъ св. синода.

„Затрудняетъ меня,—писалъ Филаретъ,—налагаемая вами обязанность отвѣта Американскимъ епископамъ. Мнѣ казалось, довольно одного отвѣта, по совѣщанію членовъ св. синода.

Что пресвитеръ Іоаннъ вынесетъ изъ Россіи пріятное впечатлѣніе, то извѣстно мнѣ, какъ отъ васъ, такъ и другимъ путемъ. Введеніе его въ синодальную палату, и въ ней собесѣдованіе съ членами святѣйшаго синода, онъ нашелъ для себя нечаянностію. Видно и онъ имѣлъ ту мысль, которая представлена была вашему высокопреосвященству въ моей первой запискѣ о сношеніи съ нимъ, — ту мысль, что открытіе прямыхъ сношеній іерархіи съ іерархіею вдругъ, неудобно. Происшедшее имѣетъ наглядный видъ оффиціальнаго пріема.

Если пресвитеръ Іоаннъ провозгласитъ, что онъ введенъ былъ въ присутственную палату святѣйшаго синода, и здѣсь представленъ членамъ святѣйшаго синода, это, вѣроятно, будетъ пріятно епископамъ, посылавшимъ его; а осторожные, можетъ быть, увидятъ въ семъ поспѣшный шагъ, и еще болѣе опасаться можно непріятнаго на сіе взора Греческой іерархіи. Пресвитеръ могъ бы посѣтить членовъ святѣйшаго синода въ домахъ ихъ, или увидѣть въ вашемъ домѣ.

Если вы изволили признать справедливымъ, что прямое сношеніе іерархіи съ іерархіею вдругъ неудобно, то съ симъ не было ли бы сообразнѣе то, чтобы вы не предлагали себя посредникомъ переписки о примирительныхъ статьяхъ? Ибо переписка съ первенствующимъ членомъ святѣйшаго синода не есть ли сношеніе прямое, со стороны Россійской іерархіи? Первенствующій епископъ Американской церкви не предложилъ того, что̀ предлагаете вы, и, что̀ весьма примѣчательно, не подписалъ грамматы, а поручилъ сіе своему викарію. Сношенія между двумя независимыми, одна отъ другой, церквами, должны быть на правахъ равенства и взаимности. Посему, не лучше ли было бы съ пресвитеромъ Іоанномъ поставить въ сношеніе пресвитера Петербургскаго, или профессора Осинина? Вы наблюдали бы за сношеніями; но отвѣтственность за нихъ падала бы только на лицо сносящееся, а не на іерархію.

Изволите полагать, чтобы не вдругъ начинать писать о разности ученія и мнѣній; а начать разсужденіемъ о томъ, что вѣра, основанная на Откровеніи и преданіи, не допускаетъ измѣненій или дополненій. Но можно ли при семъ не коснуться разностей?

Устроить православную церковь въ Нью-Іоркѣ, гдѣ нѣтъ православныхъ прихожанъ, было ли бы согласно съ правилами церковными? И благословно ли строить ее какъ бы только на показъ Американцамъ? И удобно ли избрать священнослужителя, который бы соотвѣтствовалъ особенности обстоятельствъ? Пресвитеръ Юнгъ желаетъ Парижскаго протоіерея Васильева; но это не значило ли бы одно строить, а другое

разстроивать? Думаю, соотвѣтствовалъ бы требованію протоіерей Янышевъ, или же Яхонтовъ, если судить о послѣднемъ по письмамъ къ отступнику отъ православія. Впрочемъ, и удобство, и право судить о нихъ принадлежитъ вамъ.

Въ Вашингтонѣ устроить православную церковь, при православномъ посольствѣ, было бы въ порядкѣ. Но, можетъ быть, здѣсь она менѣе соотвѣтствовала бы той цѣли, для которой желаютъ имѣть ее въ Нью-Іоркѣ.

И потребности, и церковнымъ правиламъ, и достоинству Россійской церкви и Россійскаго правительства, болѣе соотвѣтствовало бы устроеніе Русской православной церкви въ Калифорніи, гдѣ много Русскихъ живутъ, безъ священника и безъ таинствъ, и, не получивъ вскорѣ православной церкви, неволею, отпадутъ отъ православія.

Не прейду молчаніемъ и предположеніе пересылать письма чрезъ консула. Это можетъ быть принято Американскимъ духовенствомъ за оффиціальность гражданскую, и за признакъ зависимости отъ нея движенія церковнаго. Тамъ хотятъ видѣть свободное церковное движеніе; и надобно, чтобы такъ видѣли.

Простите, что я свободно излагаю мои недоумѣнія. Въ дѣлѣ, требующемъ осторожности, лучше избытокъ предварительныхъ думъ, нежели недостатокъ" [99]).

Съ своей стороны и митрополитъ Исидоръ счелъ нужнымъ представить оправданіе своему образу дѣйствія. Онъ писалъ Филарету:

„Имѣю честь представить два списка Американскихъ граммать. Благоволите написать хотя одинъ отвѣтъ. Какъ отъ имени старшаго изъ Американскихъ епископовъ писалъ его викарій, то и отвѣтъ ему можетъ написать викарій, по порученію вашему. Желательно было бы, чтобы другой удостоился получить краткій отвѣтъ, потому что онъ человѣкъ вліятельный и предсѣдатель комитета, въ которомъ возбуждено движеніе, благопріятствующее православію. Впрочемъ, если вы не находите нужнымъ писать ему, благоволите прислать одинъ отвѣтъ.

Если бы у насъ было въ Америкѣ хотя одно духовное

лицо, конечно, приличнѣе было бы переслать письма чрезъ него. За неимѣніемъ таковаго, приходится искать по крайней мѣрѣ человѣка православнаго. Если консулъ Остенъ-Сакенъ передастъ запечатанныя письма пресвитеру Юнгу, для доставленія по принадлежности, безъ всякаго оффиціальнаго съ нимъ сношенія, кажется, это не можетъ подать поводъ къ заключенію о гражданскомъ вмѣшательствѣ въ дѣло. Если послать письма прямо къ епископамъ: не возбудитъ ли это подозрѣнія въ Американскомъ правительствѣ, и не побудитъ ли оное вскрыть письма? Впрочемъ, я поговорю съ Алексѣемъ Петровичемъ *) о способѣ пересылки.

Я виноватъ, что неясно передалъ вамъ о предположенномъ способѣ переписки о примирительныхъ статьяхъ. Переписка предполагалась безъименная. Американцы будутъ печатать въ своемъ церковномъ журналѣ статьи, не обозначая, къ кому ихъ обращаютъ. На мое имя Юнгъ обѣщалъ только высылать журналъ, какъ высылается и прочимъ подписчикамъ. Я поручать буду писать здѣсь статьи частнымъ духовнымъ лицамъ, и, по разсмотрѣніи оныхъ, отсылать отъ имени сочинителей, чтобы не вводить ихъ въ издержки по пересылкѣ. Слѣдовательно, я не участвую въ перепискѣ, а только передаю журналъ извѣстнымъ лицамъ и отъ нихъ пересылаю статьи въ редакцію, не прилагая при семъ ни письма, ни отношенія отъ своего имени.

Желаніе мое, чтобы въ журналѣ предпослано было общее разсужденіе о неизмѣняемости истинной вѣры, имѣло ту цѣль, чтобы не раздражать самолюбіе Американцевъ и не вызывать на споръ фанатиковъ. Если хорошо и убѣдительно будетъ доказано, что истинная вѣра неизмѣняема, то читатели спокойнѣе могутъ смотрѣть на послѣдующія разсужденія, когда къ общему характеру ученія апостольской церкви будутъ прилагаемы черты ученія православной нашей церкви и мнѣнія церквей иновѣрныхъ. Такимъ образомъ, разности ученія войдутъ въ послѣ-

*) Ахматовымъ. *Н. Б.*

дующія разсужденія, а въ предварительномъ общемъ трактатѣ можно не говорить о разностяхъ.

Не отстаиваю моихъ мнѣній, и нижайше благодарю васъ за вразумленіе. Я не имѣлъ времени обдумать это дѣло. Вечеромъ прислали ко мнѣ Юнга, съ предвареніемъ, что на другой день онъ намѣренъ отправиться въ Америку. Это и было причиною, что когда Юнгъ просилъ дать ему возможность принять благословеніе прочихъ членовъ св. синода и объяснилъ затрудненіе явиться къ нимъ въ домахъ, ему дозволено было подождать въ пріемной комнатѣ св. синода, чтобы получить ихъ благословеніе, когда будутъ собираться въ св. синодъ. Когда собрались члены, Юнгъ вышелъ и принялъ благословеніе ихъ. Никакихъ разсужденій о данномъ Юнгу порученіи при этомъ не было, и я не думаю, чтобъ такое свиданіе могло показаться ему нечаянностію, когда оно допущено по его просьбѣ.

Объ открытіи православнаго богослуженія въ Америкѣ еще не было разсужденія. На страстной и на свѣтлой недѣлѣ я не нашелъ возможности даже переговорить о семъ съ оберъ-прокуроромъ, и не знаю, возьмется ли онъ предварительно доложить о семъ его величеству. Начинать переписку обыкновеннымъ путемъ, чрезъ министерство, безполезно. Въ Нью-Іоркѣ при консульствѣ есть православные. Тамъ нерѣдко пристаютъ и корабли Русскіе. Но заводить церковь въ Нью-Іоркѣ и по моему мнѣнію неудобно, да и способовъ не дадутъ намъ. По необходимости надо указать на Вашингтонъ, гдѣ живетъ Русская миссія.

Въ Калифорніи очень нужно бы имѣть церковь. Но кто ее устроитъ и дастъ содержаніе причту? Ищущіе золота и богатящіеся молчатъ и о духовномъ едва ли помышляютъ. Правительство не приметъ на себя издержекъ, а св. синоду и дать нечего.

Немало труда будетъ и въ выборѣ священника для Америки, если дойдетъ дѣло до выбора. Такъ мало у насъ людей, готовыхъ на дѣло Божіе въ краю отдаленномъ, не обѣщающемъ значительныхъ житейскихъ выгодъ! Ни протоіерей Янышевъ,

ни Яхонтовъ не согласятся идти туда. Пригоднѣе ихъ былъ бы Лондонскій протоіерей Поповъ, по совершенному знанію Англійскаго языка. Но ему остается два года служить до полной пенсіи. Онъ получаетъ теперь пять тысячъ рублей жалованья, которое можетъ быть обратятъ ему въ пенсію. А въ Америкѣ больше тысячи двухсотъ рублей не дадутъ жалованья. Какъ дальше пойдетъ дѣло, долгомъ почту увѣдомить" [100]).

Предъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ Америку, Юнгъ написалъ преосвященному Леониду слѣдующее письмо:

„Его лордству Леониду, викарному епископу Московскому. Возлюбленнѣйшій епископъ! Едва имѣю время сказать, что письмо, которымъ вы меня почтили, я исправно получилъ вчера и приложенное къ нему письмо митрополита. Все весьма удовлетворительно. Митрополитъ Петербургскій принялъ съ такою искренностію, которой я не смѣлъ ожидать. Онъ пригласилъ меня въ синодъ, гдѣ имѣлъ я честь представиться нѣкоторымъ членамъ. Онъ, кажется, глубоко и горячо заинтересованъ. Письмомъ вашего митрополита, относительно нашихъ свиданій, здѣсь чрезвычайно довольны. Болѣе, чѣмъ щедро вознагражденъ я за путешествіе въ Россію, и питаю твердыя надежды на полный успѣхъ этого предпріятія, которое да будетъ пріятно небу. Мы сію минуту отправляемся на станцію. Вполнѣ вамъ преданный" [101]).

Въ концѣ концовъ Московскій митрополитъ Филаретъ писалъ: „Нашъ дворъ усиливаются подкопать и, какъ будто во время досуга, даютъ намъ работу построить галлерею для соединенія съ неблизкимъ сосѣднимъ дворомъ! *Создавый церковь! Исполни Твое обѣтованіе неодолимости ея*".

XLI.

Въ то время, когда Американцы стремились войти въ единеніе съ православіемъ, іезуиты мечтали свить себѣ гнѣздо въ Петербургѣ.

28 марта 1864 года, митрополитъ Филаретъ писалъ къ

оберъ-прокурору св. синода: „Изъ Петербурга слышенъ въ Москвѣ вопль ревнителя православія о томъ, что вновь явившійся въ Петербургѣ Латинскій священникъ поученіями привлекаетъ женскій полъ и внушаетъ просить построенія новой Французской церкви въ Петербургѣ и вызова къ ней іезуитовъ, якобы для лучшаго воспитанія дѣтей, которое ненадежно въ рукахъ Польскихъ ксендзовъ. Если это правда, то да возстанетъ противъ сего и ревность по православію, и любовь къ Отечеству. Если Польскіе ксендзы зло: то іезуиты не меньшее зло. Римская церковь можетъ имѣть въ Петербургѣ не Польскихъ ксендзовъ, но и не іезуитовъ. Кто не знаетъ іезуитовъ? Самъ папа призналъ ихъ орденъ достойнымъ уничтоженія. Кто не знаетъ нынѣ ихъ Monita secreta? Петербургъ испыталъ ихъ, какъ воспитателей, и *обрѣлъ ихъ ложныхъ*. Племянникъ министра духовныхъ дѣлъ, князь Голицынъ, воспитывавшійся у іезуитовъ въ Петербургѣ, совращенъ былъ въ латинство такъ, что не слушалъ православныхъ увѣщаній и изъявлялъ желаніе мученичества за Римскую церковь. По неожиданной къ доброму роду милости Провидѣнія Божія, сей самый фанатикъ повлекъ его насладиться зрѣлищемъ самоназванной столицы христіанскаго міра. Увидѣвъ въ Римѣ латинство не въ фантастическомъ идеалѣ, какой показывали ему іезуиты, а въ дѣйствительномъ видѣ, совращенный почувствовалъ отвращеніе къ латинству и возвратился въ православіе. Но немало другихъ совращено, и не возвратилось. Мнѣ некогда писать много о іезуитахъ. Обратите вниманіе на статьи о нихъ въ *Днѣ*, именно о допущеніи ихъ въ Россію“ [102]).

„Въ настоящее время, пожаловалъ въ Петербургъ — читаемъ въ *Днѣ* — какой-то аббатъ-французъ, чтобы, на время Великаго Поста, назидать проповѣдями Санктпетербургскую католическую паству. Римская церковь придаетъ всегда особенное значеніе этому дѣлу и избираетъ на это посланничество преимущественно Французовъ — такъ какъ Французская рѣчь есть родная, ежедневная рѣчь Россійскаго высшаго общества. Пріѣзжаетъ проповѣдникъ, — и посѣщеніе католическихъ костеловъ

становится такимъ же моднымъ занятіемъ для Петербургскаго high-life (дѣянія котораго такъ аккуратно заносятся на страницы газеты *Вѣстъ)*, какъ и катанье на конькахъ, на Англійской набережной, передъ постомъ, и тому подобные интересы. Но катанье на конькахъ дѣло невинное, и если кому опасно, то только катающимся. Разумѣется, при катаньѣ въ костелъ, можетъ также случиться и случилось, что нѣкоторыя особы сего круга соблазнялись рѣчами католическаго проповѣдника и проваливались въ латинство, — это очень жаль, но Богъ съ ними! Такое явленіе объясняется тѣмъ, что многія изъ нихъ совершенно чужды родной Землѣ, чужды православія, чужды всякой вѣры: понятно, что на такой пустопорожней почвѣ чрезвычайно удобно возрастить сѣмя католическому проповѣднику силою Французскаго краснорѣчія; это вѣдь не Церковно-Славянское baragouin! Но мы нисколько не желали бы стѣснять свободу совѣсти, свободу вѣроисповѣданія, — и въ этомъ отношеніи держимся смысла Русской пословицы: вольному — воля, спасенному — рай. Вообще можно сказать, что переходъ Русскихъ въ латинство совершается рѣдко по свободному убѣжденію, а большею частію — вслѣдствіе полнѣйшаго незнанія ученія православной церкви, вслѣдствіе того, наконецъ, что католическій проповѣдникъ не обращаетъ, а соблазняетъ въ католицизмъ.... Повторяемъ, не это обстоятельство занимаетъ наше вниманіе въ настоящую минуту. Ходятъ слухи, что пріѣхавшій французъ-аббатъ хлопочетъ объ учрежденіи при католической церкви іезуитской коллегіи, о разрѣшеніи іезуитамъ вновь водворяться въ Россіи, или, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ, — и что такое ходатайство встрѣчаетъ себѣ симпатіи въ нѣкоторой части Петербургскаго общества — сочувствіемъ ли къ іезуитамъ, приципомъ ли высшей терпимости, высшаго либерализма или же мнимо-хитрыми соображеніями о необходимости для насъ снискать благосклонность Римскаго двора, — намъ неизвѣстно.

Признаться сказать — мысль о разрѣшеніи іезуитамъ возвратиться въ Россію, послѣ того, какъ они были изгнаны изъ

Россіи, въ 1821 году, при императорѣ Александрѣ I-мъ (довольно, кажется, отличавшемся вѣротерпимостью),—такая мысль представляется до того несбыточною... дикою и безобразною, что повидимому, не заслуживала бы и опроверженія. Но такъ какъ фальшивый либерализмъ, вмѣстѣ съ фальшивою гуманностью, въ особенномъ ходу въ нашемъ обществѣ, въ настоящее время, то не мѣшаетъ, кажется, на всякій случай, остановить вниманіе на этомъ вопросѣ. Ошибаются тѣ, которые воображаютъ, что вопросъ о разрѣшеніи, просимомъ іезуитами, есть вопросъ о религіозной свободѣ, или о вѣротерпимости. Впустить въ Россію орденъ іезуитовъ, это все равно, что пустить въ нее завѣдомо и сознательно шайку шулеровъ, воровъ и тому подобныхъ художниковъ, и даже не все равно, а во сто разъ хуже. Воръ употребляетъ грубыя вещественныя средства, для своего дѣла; воръ боится полиціи, преслѣдуется ею и сдерживается болѣе или менѣе страхомъ огласки. Іезуиты же ничего не боятся: ихъ дѣятельность почти неосязаема, неуловима, она прикрыта благочестіемъ, и ложь до такой степени перемѣшана въ іезуитизмѣ съ истиной, что отдѣлить ее въ этомъ химическомъ растворѣ чрезвычайно трудно. Признавая всяческія средства годными для своей цѣли, іезуитъ не столько совершаетъ самъ, сколько внушаетъ преступленія, дѣлаетъ ихъ нравственно возможными для людской совѣсти, но рѣдко можетъ быть юридически уличенъ въ явномъ дѣлѣ. Извѣстно, что, по ученію іезуитскому, цѣль освящаетъ самыя безнравственные способы, употребленные для ея достиженія... и цѣль эта: постоянная пропаганда латинства. Но эта пропаганда не есть только проповѣдь извѣстнаго вѣроученія, а вербовка въ духовное подданничество духовному государю—папѣ Эта не открытая проповѣдь, противъ которой можно дѣйствовать таковою же проповѣдью; здѣсь нѣтъ честной борьбы разныхъ мнѣній; борьба съ іезуитами всегда и вездѣ неравномѣрна, ибо они владѣютъ оружіемъ, которое употреблять послѣдователямъ другихъ христіанскихъ вѣроученій воспрещаетъ ихъ христіанская совѣсть. Вся сила іезуитизма, этого христіанскаго ордена, весь успѣхъ

его и преимущества именно и заключаются въ томъ догматѣ, что іезуиту дозволены всѣ нехристіанскія средства и развязана совѣсть на всякое нехристіанское дѣло, на все то, что возбранено Христомъ, что составляетъ отрицаніе христіанства. Нѣтъ никакой возможности бороться съ іезуитизмомъ, какъ съ христіанскимъ ученіемъ, ибо іезуитизмъ,—подъ видомъ христіанства и проповѣдуя христіанство, повидимому, во всей его строгости и чистотѣ,.. разрушаетъ всѣ условія христіанскаго общежитія, самую сущность христіанской доктрины. Этимъ страшнымъ орудіемъ вольной, развязной совѣсти, и внутренняго освященія всякаго злаго дѣянія—не владѣетъ ни одинъ преступникъ, ни одинъ язычникъ, потому что и послѣдній, совершая злые свои поступки, идетъ наперекоръ своей совѣсти, или тому закону, который, по выраженію Апостола Павла, *на сердцахъ написанъ*. Іезуиты были не разъ изгоняемы изъ многихъ странъ Европы,—по праву каждаго народа удалять отъ общенія съ собою людей, отрицающихъ самыя основанія, на которыхъ созиждено народное общество. А эти люди, то-есть, іезуиты, такого рода, что противъ нихъ, съ одной стороны, недостаточны внѣшнія средства государственныя, обыкновенно употребляемыя противъ злодѣевъ, а съ другой стороны—безсильна и проповѣдь истины, потому что ими сознательно признана и освящена ложь—какъ ложь, какъ принципъ...

Они были, какъ мы сказали, изгнаны изъ Россіи. Возвратиться они могли бы только при покровительственной власти,—и именно характеръ покровительства, а не просто терпимости, стало бы носить на себѣ всякое оффиціальное разрѣшеніе, дарованное имъ правительствомъ...

Принципъ высшаго либерализма, свободы всякой проповѣди и вѣроисповѣданій, по нашему мнѣнію, не можетъ никакъ простираться на іезуитизмъ, потому что іезуитизмъ не есть какое-либо особое вѣроученіе,—стремится къ достиженію не духовной, а матеріальной цѣли, имѣетъ въ виду не область духа, а исключительно область внѣшней практической дѣятельности; онъ уже самъ по себѣ есть положительное преступное

дѣйствіе, и какъ таковое подлежитъ уже совершенно инымъ условіямъ, одинаковымъ съ тѣми, какимъ подлежатъ всякія внѣшнія преступныя дѣянія въ государствѣ... Положимъ, впрочемъ, что мы не правы. Но лица, которыя желали бы впустить въ Россію враговъ Русской православной церкви, подумали ли они о томъ, на сколько собственное наше Русское вооруженіе въ исправности? Мы уже имѣли случай указывать въ какихъ выгоднѣйшихъ обстоятельствахъ находятся, въ западныхъ губерніяхъ, Польскіе ксендзы въ сравненіи съ православными священниками: межъ тѣмъ, какъ ксендзъ проповѣдуетъ въ своемъ костелѣ совершенно свободно, не стѣсняемый никакимъ контролемъ,—православный священникъ, въ Русской церкви, рядомъ съ этимъ же костеломъ и не рѣдко въ одномъ и томъ же селѣ, не можетъ противопоставить ему немедленно свое слово, а долженъ посылать свою проповѣдь за полсотни верстъ, и на каждое свое дѣйствіе искать разрѣшенія церковнымъ оффиціальнымъ порядкомъ!.. Взвѣсили ли они, такъ либерально зовущіе въ Россію іезуитовъ, тѣ обстоятельства, при которыхъ предстоитъ обороняться православной церкви? Никто не приведетъ къ связанному его врага и не скажетъ первому: *борись съ нимъ*... но напередъ развяжетъ связаннаго. Между тѣмъ, вслѣдствіе разныхъ формальностей, служители православной церкви,—въ сравненіи съ тою свободою, которою пользуются католическіе ксендзы на западѣ Россіи (и воспользовались бы іезуиты, если бы были возвращены),—могутъ назваться по истинѣ—связанными...

И за какія это услуги, въ Россіи должно бы быть оказано такое благодѣяніе католицизму, католическому духовенству и папѣ? За дѣятельность ли ихъ въ Польшѣ, въ Бѣлоруссіи и на Украинѣ въ концѣ XVI-го и въ XVII вѣкѣ? За унію ли, которой пагубныя послѣдствія мы и теперь не можемъ изгладить, за ополяченіе и олатиненіе—слѣдовательно, за отъемъ у Русскаго народа лучшей, образованнѣйшей и богатѣйшей его части въ 8 губерніяхъ? За то ли, что Римская церковь возвела въ ликъ святыхъ Іоасафа Кунцевича,—лютаго мучителя и гонителя право-

славныхъ? Но все это дѣла былыя, вѣроятно, есть заслуги новѣйшія? И въ самомъ дѣлѣ—какъ же не отблагодарить Римскаго папу за Польскій мятежъ, созданный и раздутый латинскимъ духовенствомъ, за моленія, предписанныя папою во всѣхъ католическихъ костелахъ объ успѣхѣ Польскаго возстанія въ царствѣ Польскомъ и въ Западнорусскомъ краѣ? За фанатизмъ повстанцевъ, внушенный ксендзами, за добрую нравственность, водворенную въ Польшѣ проповѣдями іезуитовъ, за превращеніе храмовъ Божіихъ въ революціонные вертепы, за благословеніе, преподанное злодѣйствамъ—неслыханнымъ въ лѣтописяхъ человѣчества, за жандармовъ-вѣшателей, приводимыхъ къ присягѣ латинскими священнослужителями, за дѣятельность ксендза Маскевича и его шайки, за сочиненіе извѣстнаго Польскаго гражданскаго катихизиса, за примѣненіе въ самомъ широкомъ смыслѣ іезуитскаго принципа—оправдывающаго всякое безнравственное средство ради цѣли? Всѣ эти подвиги, конечно, заслуживаютъ величайшей признательности, и такъ какъ площадь дѣятельности, отведенная іезуитамъ, слишкомъ тѣсна, то необходимо дать имъ большій просторъ! Оно же тѣмъ болѣе кстати, что правительство именно теперь напрягаетъ всѣ свои усилія—какъ бы обуздать латинское духовенство въ Польшѣ, и черезъ то подавить и самый мятежъ. Вѣроятно, упомянутые нами члены Петербургскаго общества догадались, что успѣхъ Польской интриги, то-есть, водвореніе іезуитовъ въ Санктпетербургѣ—будетъ содѣйствовать ослабленію вліянія іезуитовъ въ Польшѣ???

Будемъ надѣяться, что всѣ дошедшіе до насъ слухи не имѣютъ никакого основанія, но эти слухи тѣмъ не менѣе существуютъ“ [103])…..

XLII.

Когда слухъ о разрѣшеніи іезуитамъ водвориться въ Россіи не былъ еще распространенъ. Катковъ, ратовалъ за допущеніе въ Россію лицъ, перешедшихъ въ католичество. Это было въ 1863 году. Погодинъ возсталъ противъ Каткова и писалъ ему:

„Прочелъ я вашу передовую статью о католицизмѣ и о прочемъ, 2-го августа, и долженъ заявить, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ вами не согласенъ: вы увлеклись, имѣя передъ собою въ воображенiи фигуру любезнаго Печорина, и сдѣлали уступку, совершенно несогласную съ духомъ вашихъ послѣднихъ статей, мною вполнѣ принимаемыхъ и одобряемыхъ. Я протестую противъ этой уступки, въ вашей же газетѣ, а вы примите благодушно мой протестъ, въ доказательство, что ищите и желаете истины. Печоринъ же и подаетъ мнѣ первое оружiе для состязанiя съ вами. Я зналъ и любилъ его, принявъ съ распростертыми объятiями, равно какъ и всѣхъ его товарищей, молодыхъ ученыхъ профессорскаго института, которые, прiѣхавъ къ намъ въ 1835 году, съ новымъ попечителемъ, графомъ С. Г. Строгановымъ, хотя принесли университету много пользы на первыхъ порахъ, но и причинили много вреда, замѣшали старое доброе время, подобно Грекамъ прiѣзжимъ съ царевной Софiей Ѳоминишной. Печорину случилось мнѣ сказать послѣднее *прощай* въ университетскихъ воротахъ, въ iюнѣ 1836 года, когда онъ, получивъ отпускъ въ правленiи, выходилъ со двора на улицу. Я живо помню, какъ мы остановились и обмѣнялись благожеланiями. Печоринъ былъ талантъ необыкновенный: до него въ университетѣ никто не занимался по Гречески, потому что профессоры этого времени были, не тѣмъ будь помянуты, дуботолки. Печоринъ въ одинъ годъ сдѣлалъ то, что всѣ студенты принялись съ жаромъ учиться по Гречески. Мнѣ очень было жаль, когда я услышалъ, что онъ остался за границей. Въ путешествiе 1839 года я искалъ Печорина вездѣ въ Европѣ, думая убѣдить его къ возвращенiю, и напалъ было на слѣдъ его въ Бернѣ, гдѣ онъ предъ тѣмъ содержалъ какую то библiотечку. Но послѣ Берна онъ скрылся у меня изъ виду.

Неужели какой-нибудь ксендзъ Мацкевичъ,—говорите вы,—*предводительствовавшiй шайками мятежниковъ въ Литвѣ, имѣетъ больше права жить и священствовать въ Россiи, нежели, напримѣръ, Печоринъ?* О правахъ рѣчи не можетъ быть, но Печорина ни за что на свѣтѣ не пущу я жить и священ-

ствовать въ Россіи, потому что онъ привлечетъ къ себѣ прозелитовъ еще больше, чѣмъ къ Греческому языку.

Папскаго нунція,—говорите вы,—мы не должны принимать... Чѣмъ принимать папскаго нунція, лучше не изгонять *Русскихъ людей, ставшихъ членами хотя чуждой намъ, но признаваемой нами церкви.*

Папскаго нунція принимать намъ ненадо, но отъ своихъ отщепенцевъ сугубо и трегубо оборони насъ Боже! Папскій нунцій, будь онъ самъ Ѳома Кемпійскій, Франсуа-де-Саль, Ласказасъ, Лакордеръ, не обратятъ у насъ никого, или очень мало, а Печоринъ, повторяю, обратитъ тысячи. Русскій католикъ, чѣмъ онъ выше, чище, умнѣе, лучше, тѣмъ онъ опаснѣе, особенно въ виду Русской мягкости, легкости, воспріимчивости—и невѣжества! Покажите вы маленькое послабленіе въ этомъ отношеніи, и половина нашего высшаго сословія, особенно дамы, кинутся въ объятія любезныхъ Французскихъ аббатовъ! О, съ какимъ остервенѣніемъ готовъ я былъ вцѣпиться въ волоса (извините) какой то Воронцовой или Бутурлиной, встрѣтивъ ее въ Римѣ, съ молитвенникомъ въ рукахъ, на Piazza di Spagna. Еще помню я горькую минуту въ моей жизни, когда, заѣхавъ въ Дрезденъ, къ одной, самой дорогой и любезной для меня женщинѣ (героинѣ моихъ повѣстей) *), услышалъ отъ швейцара, что она уѣхала въ католическую церковь!

Наше высшее сословіе, до сихъ поръ, на рукахъ Англійскихъ нянекъ, Французскихъ учителей и Нѣмецкихъ гувернеровъ, не получаетъ почти никакого понятія о религіи, кромѣ краткаго катихизиса, объясненнаго приходскимъ, иногда бездарнымъ священникомъ. Вотъ о чемъ мало думаютъ наши пастыри, которые, между тѣмъ, заботятся о прикровеніи недостатковъ духовнаго управленія, и въ честныхъ указаніяхъ видятъ посягновеніе на церковь. Вотъ гдѣ настоящія опасности и горести для церкви! Достигнувъ зрѣлаго возраста, дамы

---

*) Княгиня Александра Ивановна Мещерская, рожденная княжна Трубецкая. См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*, Спб. 1888, кн. I, с. 58 и слѣд.
Н. Б.

являются почти дикими, язычницами, въ чужихъ краяхъ, а нѣжное, любящее сердце ищетъ вѣры, надежды и любви. *Левъ рыкаяй, искій кого поглотити*, тутъ какъ тутъ, и начинается обращеніе съ убѣдительными рѣчами, кроткими обращеніями, вдохновенными взглядами—и снисходительными индульгенціями. Воображеніе воспалено, чувство тронуто, да и чувственность возбуждена. Все умно, пріятно, изящно, деликатно, въ сравненіи съ приходскимъ попомъ, который, по выраженію императрицы Екатерины, *рѣдькой рыгаетъ*. У обращенныхъ же, кромѣ красоты, есть еще и деньжонки, у иныхъ по милліону. Лакомые кусочки, есть изъ чего поработать воспитанникамъ преподобнаго Игнатія Лойолы. Да здравствуетъ папа! Согрѣшили и покаемся. А въ чистилищѣ есть запасъ милосердія. Исторія нашихъ дамскихъ обращеній одна и та же. Попадаются и мужчины, подобрѣе, помягче и послабѣе, какъ, напримѣръ, племянники покойнаго князя Сергѣя Михайловича Голицына.

Князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ лѣтъ пятьдесятъ, скажемъ мимоходомъ, начальствовалъ большею частью Московскихъ учебныхъ заведеній; а между тѣмъ, самыхъ ближайшихъ своихъ родныхъ воспитать не умѣлъ, при всей своей добротѣ, благонамѣренности и преданности? Вотъ гдѣ источникъ многихъ нынѣшнихъ явленій! Настоящее воспитаніе высшаго сословія, только немного измѣнившееся къ лучшему, очень немного, въ послѣднее время, есть одна изъ главныхъ причинъ нашего упадка, даже политическаго. Вотъ о чемъ должно намъ серьезно подумать.

Но возвратимся къ мужчинамъ, принимающимъ католичество. Вы говорите въ защиту Печорина, что *воспріимчивый и пылкій, онъ предался новому могущественному чувству. Бросимъ ли мы въ него камень? Укоримъ ли его*, спрашиваете вы, — *за отпаденіе отъ православной церкви, которой онъ почти не зналъ и которой принадлежалъ только по имени?* Укоримъ, укоримъ, отвѣчаю, и имѣемъ полное право укорить, точно какъ Астромова, Мартынова, еще болѣе чѣмъ несчастныхъ прозелитовъ женскаго пола; зачѣмъ они, не имѣвъ понятія о

своемъ исповѣданіи, въ первую минуту религіознаго пробужденія, бросились въ объятія встрѣчныхъ католиковъ, а не воротились домой спросить Филарета, Иннокентія, Горскаго, и предъявить имъ свои сомнѣнія и недоумѣнія?

Вотъ ихъ вина, которой не искупятъ никакими подвигами. *Ужъ если необходимо дѣлать выборъ*,—говоритъ Катковъ,—*то лучше предпочесть прозелитизмъ католическій, чѣмъ прозелитизмъ безвѣрія и отрицанія.* Католикъ лучше невѣрующаго. Въ христіанскомъ религіозномъ смыслѣ такъ, но въ государственномъ смыслѣ, Русскій католикъ въ Россіи гораздо вреднѣе невѣрующаго: невѣрующій не пріобрѣтетъ прозелитовъ въ массахъ, а Русскій католикъ, Печоринъ, имѣетъ много возможностей и надежды на успѣхъ, не только талантами и примѣрами, не только проповѣдуя, но и молча.

Противъ преподаванія католическаго законоученія на Русскомъ языкѣ, я ничего сказать не имѣю, но кто же преподавать будетъ католичество по-Русски? Удѣльная польза Русскаго языка здѣсь будетъ очень незначительна.

Неужели бояться, что допуская на Русскомъ языкѣ католическую проповѣдь и вѣроученіе, мы этимъ совратимъ Русскій народъ и повредимъ нашей православной церкви? Бояться нечего, но и допускать коварную пропаганду, при недостаточно установившихся убѣжденіяхъ высшаго сословія, неразсудительно и опасно. Прежде мы должны утвердить, усилить, распространить ученіе нашей церкви, а потомъ уже и объявить свободу вѣроисповѣданій, подобно Англіи, Франціи и Германіи, точно какъ, основавъ заводы и фабрики и застраховавъ ихъ производство, можемъ ослабить тарифъ, но не прежде.

И такъ, касательно свободы вѣроисповѣданій, я съ вами не согласенъ на ближайшее время, но слѣдующія слова ваши я считаю золотыми, и радъ случаю повторить ихъ здѣсь. Повторять ихъ намъ должно безъ устали“.

Вотъ эти слова Каткова: „Духъ отрицанія, въ соединеніи съ умственною грубостію и невѣжествомъ, зародился и развивается въ воспитательныхъ заведеніяхъ самого духовенства.

Только мощная, живая, внутренняя сила въ духовенствѣ можетъ избавить его и насъ отъ этой язвы. Надобно безотлагательно улучшить положеніе нашего духовенства, надобно уважать его, надобно устранить все, что̀ препятствуетъ ему занять надлежащее мѣсто въ воспитаніи народа; надобно глубже и серьезнѣе вникнуть во всѣ условія его быта, пересмотрѣть учрежденія, пресѣчь злоупотребленія, и съ тѣмъ вмѣстѣ устранить все, что усыпляетъ въ церкви духъ жизни и дѣйствія. Въ цѣломъ мірѣ должны мы охранять честь, достоинство и величіе нашей церкви. Она по преимуществу ввѣрена нашему народу. Мы должны защищать ея интересы пуще всего. Тутъ ни о какой уступкѣ, ни о какомъ послабленіи не должно быть рѣчи. Вездѣ, гдѣ страдаютъ интересы нашей церкви, мы, держава великая, не разсуждая и не колеблясь, должны спѣшить на защиту ея. Чего бы эта защита ни стоила, мы не должны ни минуты колебаться".

XLIII.

1 сентября 1863 года, въ Москвѣ праздновался столѣтній юбилей воспитательнаго дома.

Погодинъ не только принялъ участіе въ этомъ праздникѣ, но и посвятилъ нѣсколько прекрасныхъ словъ виновницѣ торжества.

„Учрежденіе императрицею Екатериною II-ю воспитательнаго дома,—писалъ Погодинъ,—съ его многочисленными отраслями, есть актъ такой государственной мудрости, такого благоволенія, которому Исторія мало представляетъ подобныхъ! Сколько добра сдѣлано было воспитательнымъ домомъ въ продолженіе столѣтняго его существованія, это исчислить даже невозможно,—добра прекраснаго, безкорыстнаго, чистаго, простого! О, вѣрно много любви, столько же, сколько и ума, было положено въ его основаніе! И надо отдать справедливость достойнымъ сотрудникамъ, приводившимъ въ дѣйствіе первоначальныя мысли; большею частію они исполняли долгъ свой свято! Какое обширное, не-

обозримое поле благотворительности воздѣлано ими! Воспитательный домъ призрѣвалъ, поилъ, кормилъ, обувалъ, одѣвалъ, согрѣвалъ, давалъ пріютъ, убѣжище, женилъ, выдавалъ замужъ, пристроивалъ къ мѣсту, училъ, воспитывалъ, лѣчилъ, хоронилъ, помогалъ, облегчалъ и наконецъ давалъ взаемъ (помните, соотечественники?), давалъ взаемъ съ отсрочками, разсрочками, пересрочками, снисходительно, доброжелательно, радушно! Младенцы, старики, вдовы, невѣсты, сироты, больные, разслабленные, всѣ возрасты и полы, находили здѣсь себѣ пособіе, утѣшеніе и успокоеніе. Добро лилось отсюда потоками во всѣ стороны, направо и налѣво. Всякія училища, больницы, богадѣльни, пріюты, основывались безпрерывно одни за другими.

Есть благородные люди, которые считаютъ непозволительнымъ хвалить царей даже за доброе, потому что нельзя осуждать ихъ за худое, а однѣ похвалы могутъ подать ошибочное мнѣніе и показаться лестью. Въ этомъ мнѣніи есть своя доля правды, хотя, впрочемъ, я думаю, что все-таки лучше хвалить доброе, чѣмъ молчать, потому что самою похвалой добра высказывается осужденіе всего ему противнаго, и съ нимъ несогласнаго. Для императрицы Екатерины не существуетъ, впрочемъ, въ настоящую минуту, и этого сомнѣнія. Столѣтняя историческая давность даетъ намъ право сказать торжественно, что учрежденіемъ воспитательнаго дома, она стяжала себѣ безсмертную славу въ лѣтописяхъ Москвы, Россіи, Исторіи, и покрыла много своихъ грѣховъ.

Изъ числа лицъ, содѣйствовавшихъ безпримѣрному процвѣтанію воспитательнаго дома, должно помянуть императрицу Марію, которая, въ продолженіи тридцати лѣтъ, была любящею душою этого заведенія, и вѣрнаго исполнителя ея мыслей князя Сергѣя Михайловича Голицына. Въ одной изъ предыдущихъ замѣтокъ у меня сорвался съ языка упрекъ ему за управленіе учебными заведеніями,—это было не его дѣло,—но по управленію воспитательнымъ домомъ, и его благотворительными заведеніями, онъ имѣетъ полное право на благодарную память соотечественниковъ. Это былъ истинно добрый человѣкъ, окру-

жавшій себя такими же добрыми людьми. На нашей памяти, въ продолженіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, не слышалось никакой значительной жалобы на управленіе. Служба была всегда цѣнима и награждаема. Снисхожденіе и милосердіе не оставляли никогда виноватыхъ. Гдѣ можно было помочь, тамъ вездѣ помощь была готова. Все шло какъ было заведено,— мирно, покойно благодушно.

И вотъ, празднуя столѣтіе, мы поминаемъ всѣхъ васъ добромъ, добрые люди, благодаримъ вмѣстѣ царей и ихъ помощниковъ, всѣхъ частныхъ людей, благотворившихъ, и чиновниковъ, служившихъ заведенію, составляющему гордость Москвы, и съ чувствомъ сердечнаго умиленія, провозглашаемъ вамъ вѣчную память, кладемъ за васъ земной поклонъ“ [104]).

Познакомившись съ этою статьею, князь Н. И. Трубецкой писалъ ея автору, Михаилу Петровичу Погодину: „Съ большимъ удовольствіемъ прочиталъ я присланную вашимъ превосходительствомъ статью. Усерднѣйше благодарю васъ за все вами высказанное; особенно пріятно мнѣ было убѣдиться, что вы отдаете справедливую дань уваженія памяти покойнаго моего друга, князя Сергѣя Михайловича Галицына. Очень часто первое впечатлѣніе—вѣрнѣйшее и первыя мысли—лучшія. Это оправдывается на вашей статьѣ и вотъ почему я полагаю, что было бы хорошо, еслибъ вы, милостивый государь, ее напечатали.—А тамъ пусть слѣдуетъ своимъ чередомъ точное и подробное описаніе вчерашняго нашего празднества. Статью у сего возвращаю, надѣясь, что вы своими мыслями подѣлитесь не со мною однимъ, а со всей читающей публикой“ [105]).

О самомъ же праздникѣ Погодинъ, въ своемъ *Дневникѣ*, записалъ:

Подъ *1 сентября 1863 года:* „Въ церковь. Поклоны. Вѣчная память Екатеринѣ. Нелѣпая проповѣдь. Скучное засѣданіе. Обѣдъ. Написалась въ головѣ статейка“.

— *3* — — —: „Письмо отъ Трубецкаго благодарственное и вѣжливое“.

Въ Дневникѣ И. М. Снегирева, подъ 1-мъ числомъ сен-

тября (1863 г.), читаемъ: „Я былъ въ воспитательномъ домѣ на праздновании столѣтія; послѣ обѣдни, совершенной митрополитомъ, и молебна, былъ актъ, на коемъ князь Н. И. Трубецкой прочелъ манифестъ Екатерины объ учрежденіи воспитательнаго дома въ 1763 году; потомъ прочелъ принцъ Ольденбургскій привѣтствіе; В. Н. Драшусовъ—отчетъ. Зала была великолѣпно убрана цвѣтами и деревьями. Въ другой залѣ накрытъ былъ столъ; обѣдъ великолѣпный, изящный; во все продолженіе обѣда гремѣла музыка; тамъ встрѣтилъ своихъ знакомыхъ, прежнихъ товарищей и учениковъ, между прочимъ: Н. В. Сушкова, И. И. Давыдова, П. И. Иванова, П. П. Корнилова, Д. Д. Ахлестышева и проч.“ [106]).

Черезъ годъ послѣ этого, 1-го октября 1864 года, Московская духовная академія праздновала пятидесятилѣтіе со времени своего открытія.

5-го сентября того же года, митрополитъ Филаретъ писалъ князю С. Н. Урусову:

„Въ другой разъ чувствую затрудненіе, ходатайствуя о милостяхъ къ Московской духовной академіи, по случаю юбилея. Но я поступилъ бы несправедливо, еслибы просилъ Московской академіи менѣе, нежели въ подобномъ случаѣ даровано Петербургской. Скажу скромно, если скажу, что достоинство Московской академіи никакъ не ниже, въ ученомъ и нравственномъ отношеніи и въ православномъ направленіи. Московская духовная академія, въ пятьдесятъ лѣтъ, дала церкви болѣе двадцати епископовъ. Московская каѳедра, пользуясь плодами трудовъ академіи для церковной службы, даетъ ей теперь свою дань. Почтенная черта наставниковъ академіи, между прочимъ, есть та, что они, при скудномъ содержаніи, не переходятъ въ другую выгоднѣйшую службу, даже по приглашенію.

Господь да возглаголетъ благая въ сердце благочестивѣйшаго государя къ вѣрнымъ сынамъ церкви и служителямъ духовнаго просвѣщенія“ [107]).

„Къ юбилейному дню, — повѣствуетъ преосвященный Савва, — собралось въ академію съ разныхъ сторонъ болѣе двух-

сотъ человѣкъ, частію представителей отъ разныхъ учебныхъ заведеній, духовныхъ и свѣтскихъ, а большею частію воспитанниковъ академіи.

Кромѣ высокопреосвященнаго митрополита Филарета, который, прибывъ въ лавру къ дню памяти преподобнаго Сергія (25 сентября), оставался здѣсь до академическаго праздника, явились къ этому празднику: членъ св. синода Евгеній, архіепископъ (бывшій) Ярославскій, Филаретъ, архіепископъ Черниговскій, бывшій ректоромъ академіи (съ 1835—1841 г.), и оба Московскіе викарія.

Изъ свѣтскихъ лицъ болѣе значительныя особы были: товарищъ оберъ-прокурора св. синода князь С. Н. Урусовъ, Московскій генералъ-губернаторъ М. А. Офросимовъ, ректоръ Московскаго университета С. И. Баршевъ, съ профессоромъ С. М. Соловьевымъ и др.

Служеніе литургіи совершено было въ Троицкомъ соборѣ высокопреосвященнымъ митрополитомъ съ тремя архіереями: Филаретомъ, архіепископомъ Черниговскимъ, Леонидомъ, епископомъ Дмитровскимъ, и Саввою, епископомъ Можайскимъ.— Предъ окончаніемъ литургіи произнесено было инспекторомъ академіи, архимандритомъ Михаиломъ, слово изъ текста: *Блаженъ человѣкъ, иже обрѣте премудрость* (*Притч.* III, 13).— Послѣ литургіи отправлено было тѣми-же архіереями, при соучастіи архимандритовъ, протоіереевъ и священниковъ, бывшихъ воспитанниковъ академіи, благодарственное Господу Богу молебствіе, на эктеніяхъ коего произнесены нарочито составленныя прошенія. Молебствіе заключено было возглашеніемъ обычныхъ многолѣтій и вѣчной памяти императорамъ Александру I и Николаю 1, митрополитамъ: Платону, Серафиму и Филарету (Кіевскому), архіепископамъ: Августину, Симеону, Кириллу и всѣмъ усопшимъ начальникамъ, наставникамъ и воспитанникамъ Московской духовной академіи.

Такъ какъ въ день 1-го октября Троицкая лавра празднуетъ избавленіе обители отъ угрожавшаго ей нашествія Французовъ, въ 1812 г., и знаменуетъ воспоминаніе о семъ благо-

дѣяніи Божіемъ крестнымъ ходомъ по стѣнамъ монастырскимъ, то и въ этотъ разъ, послѣ молебствія, совершенъ былъ епископомъ Можайскимъ Саввою, съ лаврскою братіею, крестный ходъ по стѣнамъ обители.

Послѣ краткаго отдохновенія служащихъ, собрались въ академическую залу, гдѣ открытъ былъ торжественный актъ пѣніемъ тропаря: *яко посредѣ учениковъ Твоихъ, пришелъ еси, Спасе, миръ дая имъ, пріиди къ намъ и спаси насъ.*

Вслѣдъ затѣмъ прочитана была профессоромъ академіи С. К. Смирновымъ историческая записка о Московской духовной академіи. Записка оканчивалась обращеніемъ къ митрополиту съ прошеніемъ, чтобы онъ призвалъ благословеніе Божіе на начало новаго пятидесятилѣтія академіи. На это прошеніе первосвятитель далъ приличный отвѣтъ, въ которомъ, между прочимъ, изъяснилъ: „ваше пятидесятилѣтіе принесло церкви *двадцать шесть епископовъ*—жатва, какая едва-ли найдется гдѣ-либо на подобномъ нешорокомъ полѣ“.

Затѣмъ, ректоръ академіи, протоіерей А. В. Горскій произнесъ рѣчь о началѣ богословскихъ училищъ въ церкви, и въ заключеніе приглашалъ всѣхъ духовныхъ, получившихъ высшее образованіе въ академіи, ознаменовать настоящій день собранія такимъ предпріятіемъ, въ которомъ бы всѣ могли принять участіе по силамъ. Здѣсь онъ разумѣлъ истолкованіе Слова Божія и составленіе церковно-богословскаго лексикона.

Послѣ сего прочитанъ былъ указъ св. синода о наградахъ наставникамъ академіи и объявлено предложеніе митрополита о пожертвованіи 12,500 рублей съ тѣмъ, чтобы получаемые на сію сумму посредствомъ кредитныхъ установленій проценты ежегодно присуждаемы были, какъ пособіе и поощреніе, одному изъ наставниковъ академіи.

Читаны были затѣмъ привѣтственные адресы и телеграммы отъ разныхъ ученыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, учрежденій и отъ частныхъ лицъ. Объявлено было также о пожертвованіяхъ нѣкоторыхъ лицъ ко дню юбилея академіи, частію деньгами, частію книгами и другими вещами.

Торжественный актъ окончился въ половинѣ четвертаго часа и заключенъ пѣніемъ стиха: *Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка.*

Послѣ того въ залахъ академіи предложенъ былъ посѣтителямъ академическаго торжества обѣдъ, во время коего митрополичьи пѣвчіе пѣли духовные концерты и канты" [108]).

Погодинъ, отъ лица общества любителей Россійской словесности, привѣтствовалъ Московскую духовную академію въ такихъ выраженіяхъ:

„Общество любителей Россійской словесности, учрежденное при императорскомъ Московскомъ университетѣ, поставляетъ долгомъ принести искреннее поздравленіе духовной академіи, торжествующей свое пятидесятилѣтіе.

Много славныхъ дѣятелей воспиталось въ этихъ стѣнахъ впродолженіи истекшаго времени! Много потрудились они, разсыпая щедрой рукою святыя сѣмена, здѣсь запасенныя, по всѣмъ областямъ обширнаго царства. Имена ихъ сіяютъ и въ лѣтописяхъ Русской Исторіи, Русскаго слова.

Помоги Богъ академіи въ новое пятидесятилѣтіе, по указаніямъ маститаго пастыря нашего, потрудиться столько же, во славу Божію, на пользу любезнаго Отечества, — или еще болѣе, соразмѣрно требованіямъ чрезвычайныхъ, въ нравственномъ и духовномъ смыслѣ, обстоятельствъ, среди которыхъ намъ жить привелося".

XLIV.

Университетскія событія 1861-го года, повлекшія за собою закрытіе Петербургскаго университета, побудили правительство наше приступить къ составленію новаго устава императорскихъ Россійскихъ университетовъ, который получилъ извѣстность подъ именемъ *устава 1863 года.*

Пока этотъ уставъ еще не былъ обнародованъ, Московскій университетъ праздновалъ престольный праздникъ своей церкви во имя святой мученицы Татіаны.

Ораторомъ на трапезѣ университетской братіи явился Погодинъ. Онъ сказалъ:

„Въ запрошломъ году, говорить мнѣ было мудрено, потому что это было *наканунѣ*, а нынче, *на другой день*, я не затрудняюсь нисколько.

Мы ступили... я говорю: *мы*, то есть, двадцать пять почти милліоновъ Русскихъ людей, ступили,—въ одну ногу,—такой шагъ, послѣ котораго назадъ, на попятный дворъ, никому дороги нѣтъ. Волей-неволей, какъ ни трудно, какъ ни мудрено, какъ, можетъ быть, ни жутко, а должно всѣмъ идти впередъ. Съ Богомъ!

Сорокъ лѣтъ, занимаясь предъ вашими глазами, Русской Исторіей, и знакомый, даже ex-officio, болѣе другихъ съ судьбами Отечества, я скажу смѣло, что освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ начинается новый періодъ Русской Исторіи.

Правда — встрѣчаются еще нѣкоторые случаи, какъ бы диссонансы, съ правой стороны, точно какъ и съ лѣвой, въ серединѣ, но безъ нихъ никогда, нигдѣ, нельзя было обойтись, и не въ такихъ утробныхъ переворотахъ, какъ нашъ.

Честь и слава государю, который вынесъ вопросъ на своихъ плечахъ, по общему единогласному мнѣнію. Мы видѣли его недавно въ Москвѣ.—Мы были свидѣтелями его благоволенія къ университету, къ обществу, къ разнымъ сословіямъ.— Если я скажу, что онъ лучше всѣхъ его окружающихъ, то я не скажу ничего новаго и неожиданнаго. Изъ его словъ, взглядовъ, движеній, дѣйствій, нельзя было не сдѣлать одного заключенія, что онъ искренно желаетъ добра Отечеству, и готовъ исполнить все, что́ окажется нужнымъ для общей пользы, несмотря ни на какія жертвы, лишь бы являлись помощники и сотрудники, болѣе и болѣе умные, честные, свѣдущіе, дѣятельные, благородные...

Освободивъ крѣпостныхъ крестьянъ, онъ облегчаетъ службу солдатъ, отворяетъ двери въ судахъ, чтобъ всякій могъ защищать свою честь и собственность, онъ предоставляетъ самоуправленіе городамъ, и наконецъ, обѣщаетъ расширить свободу

печати, которая, по моему мнѣнію, составляетъ насущную потребность, особенно въ отношеніи дѣйствительныхъ вопросовъ нашей жизни. Однимъ словомъ, государь, впродолженіи семилѣтняго своего царствованія, снялъ съ насъ много цѣпей, наложенныхъ нашею Исторіей и Географіей.

Помоги ему Богъ снять и остальныя. Помоги ему Богъ улучшить бытъ дворянства, понесшаго значительныя потери, бытъ духовенства, остающагося въ униженіи, бытъ низшихъ чиновниковъ, осужденныхъ на всякія лишенія.

Пусть исполнятся всѣ благія намѣренія, — и мы долго, долго будемъ молить Бога объ его здравіи, спасеніи и во всемъ благомъ поспѣшеніи, а наши дѣти и потомки во вѣки вѣковъ будутъ благословлять Александровъ день, 19 февраля, съ котораго началось спасительное преобразованіе къ лучшему" [109]).

Черезъ пять дней послѣ университетскаго праздника, 17 января 1863 года, собрались, по высочайшему повелѣнію, у генералъ-адъютанта графа Сергѣя Григорьевича Строганова, для разсмотрѣнія проекта университетскаго устава, представленнаго тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинымъ, слѣдующія лица: оберъ-гофмаршалъ баронъ Мейендорфъ, статсъ-секретарь баронъ Корфъ, генералъ-адъютантъ князь Долгоруковъ, министръ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарь Валуевъ. А. В. Головнинъ изложилъ изустно слѣдующее:

„Прежде обсужденія устава, считаю необходимымъ объяснить настоящее положеніе дѣла по составленію онаго. Въ началѣ 1862 года, при вступленіи моемъ въ управленіе министерствомъ, я получилъ проектъ университетскаго устава, составленный бывшею тогда коммиссіею, подъ предсѣдательствомъ покойнаго сенатора фонъ-Брадке. Отдавая полную справедливость этому труду и особенно тому направленію, которое было дано коммиссіи почтеннымъ предсѣдателемъ оной, я не счелъ, однако, возможнымъ въ первые дни управленія министерствомъ внести въ государственный совѣтъ и защищать проектъ устава,

въ составленіи котораго я вовсе не участвовалъ. Государю императору, согласно всеподданнѣйшему докладу моему въ совѣтѣ министровъ, угодно было тогда приказать: сообщить этотъ проектъ всему нашему учебному вѣдомству и затѣмъ пересмотрѣть въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, съ тѣми замѣчаніями, которыя будутъ на него получены.

Высочайшая воля сія была исполнена, замѣчаній собрано весьма много, имъ составлены были особые своды и на основаніи ихъ изготовленъ представленный нынѣ проектъ университетскаго устава. Прежде чѣмъ приступить къ обработкѣ подробностей этого устава и отдѣлкѣ редакціи онаго, я просилъ государя императора о дозволеніи доложить въ совѣтѣ министровъ главныя начала проекта съ тѣмъ, чтобы на основаніи тѣхъ началъ, которыя будутъ его величествомъ одобрены, заняться въ министерствѣ народнаго просвѣщенія окончательною обработкою предметовъ второстепенныхъ и самой редакціи. Его величеству угодно было на сіе согласиться, съ тѣмъ чтобы проектъ сей былъ предварительно разсмотрѣнъ нашимъ сегодишнимъ собраніемъ. Поэтому я имѣю честь покорнѣйше просить, обратить вниманіе преимущественно на главныя основныя мысли проекта, а не на редакцію и предметы второстепенные, развитіе коихъ будетъ зависѣть отъ главныхъ началъ.

Къ сему считаю нужнымъ присовокупить еще слѣдующія соображенія. Безпорядки, происшедшіе въ нашихъ университетахъ въ 1861 году, не были поводомъ къ составленію новаго университетскаго устава, но были причиной ускоренія этой работы. Министерство народнаго просвѣщенія гораздо прежде сознавало необходимость принять разныя мѣры относительно университетовъ, и предмѣстникъ мой, дѣйствительный тайный совѣтникъ Ковалевскій, еще въ 1858 г., обратился къ попечителямъ для собранія свѣдѣній о тѣхъ перемѣнахъ въ уставѣ, которыя они признавали нужными. Въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, Е. П. Ковалевскому не отдается должная справедливость. Онъ работалъ спокойно надъ составленіемъ новаго устава, вполнѣ сознавая главный недостатокъ нашихъ

университетовъ. Этотъ недостатокъ состоялъ не въ частныхъ случаяхъ безпорядковъ между студентами: тамъ, гдѣ собирается ежедневно нѣсколько сотъ или тысячъ молодыхъ людей въ возрастѣ способномъ къ увлеченіямъ, съ неопытностью и самонадѣянностью, всегда были и будутъ уклоненія отъ порядка. Министерство просвѣщенія видѣло въ нашихъ университетахъ другой, гораздо болѣе важный недостатокъ, состоявшій въ упадкѣ ихъ научной дѣятельности, то-есть, недостиженіи той именно цѣли, для которой университеты существуютъ. Причины такого явленія весьма различны, равно какъ и послѣдствія оныхъ, и къ числу сихъ послѣдствій относятся, между прочимъ, и безпорядки, произведенные студентами. Причины помянутаго явленія касаются: во-первыхъ, профессоровъ, а во-вторыхъ, студентовъ и въ-третьихъ, университетскаго устава.

1) Относительно профессоровъ. Правительство наше, для университетовъ, равно какъ и для другихъ учрежденій, дѣлало всегда очень много, а общество оставалось въ сторонѣ и бездѣйствіи. Сначала профессора выписывались изъ за-границы, затѣмъ Русскіе посылались за границу для приготовленія къ каѳедрамъ, а въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ готовились профессоры для Русскихъ университетовъ въ Дерптѣ; затѣмъ прекращены были эти три средства приготовленія профессоровъ, и съ того времени университеты наши, необновляемые свѣжими силами, оскудѣли: старые профессора, не возбуждаемые конкуренціею, впали въ апатію, каѳедры стали замѣщаться лицами, не имѣющими надлежащихъ ученыхъ степеней, и весьма натурально, что наука не могла идти впередъ; преподаваніе не происходило надлежащимъ образомъ, и университетскія коллегіи, при помянутомъ составѣ лицъ, не могли имѣть нравственнаго вліянія на студентовъ. Сверхъ того, ничтожное содержаніе не могло не только привлекать къ профессорской должности, но даже случалось, что одновременно нѣсколько профессоровъ оставляли каѳедры для другого рода службы, который лучше обезпечивалъ ихъ семейства. Въ настоящее время, у насъ около сорока каѳедръ вакантныхъ, и я долженъ

сознаться, что не могу безъ страха просматривать списки наличныхъ профессоровъ. Читая эти списки, нельзя не предполагать, что многіе профессора, по естественному ходу вещей, должны въ непродолжительномъ времени сойти съ своего поприща, нѣсколько другихъ могутъ оставить университетъ по какимъ-либо причинамъ, и тогда мы будемъ вынуждены къ одновременному закрытію нѣсколькихъ факультетовъ. При такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, я долженъ былъ, при самомъ вступленіи въ управленіе министерствомъ, рѣшиться на чрезвычайную мѣру и, по примѣру прежнихъ лѣтъ, но въ гораздо бо́льшемъ числѣ, послать молодыхъ ученыхъ за границу, для приготовленія къ профессорскимъ должностямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ могутъ, конечно, не удасться, но я надѣюсь, что другія черезъ два или три года займутъ вакантныя каѳедры. Сверхъ того, весьма бы желательно возобновить приготовленіе профессоровъ въ Дерптѣ. Дерптскій университетъ находится въ исключительномъ положеніи: такъ какъ преподаваніе происходитъ тамъ на Нѣмецкомъ языкѣ, то весьма легко сдѣлать его однимъ изъ первыхъ университетовъ въ Европѣ, пригласивъ на нѣсколько лѣтъ въ Дерптъ нѣкоторое число знаменитѣйшихъ Европейскихъ ученыхъ. Нынѣшній попечитель графъ Кейзерлингъ, по своимъ ученымъ связямъ и сношеніямъ, могъ бы это легко исполнить. Въ то же время мы могли бы учредить въ Дерптѣ нѣсколько профессорскихъ стипендій, которыя доставили бы Русскимъ университетамъ недостающее число профессоровъ. Для всего этого необходимы, однако, денежныя средства, и вопросъ объ ассигнованіи оныхъ будетъ предложенъ обсужденію комитета финансовъ, о чемъ увѣдомилъ меня министръ финансовъ. Но всѣ упомянутыя административныя мѣры суть только распоряженія временныя; необходимо было озаботиться изысканіемъ средствъ для постояннаго приготовленія въ самихъ университетахъ молодыхъ ученыхъ, которые заступали бы устарѣвшихъ профессоровъ. Для сего положено въ проектѣ устава учрежденіе приватъ-доцентовъ, молодыхъ ученыхъ, которые допускаются съ нѣко-

торымъ вознагражденіемъ къ чтенію лекцій по разнымъ наукамъ, читаемымъ также профессорами. Чрезъ это учрежденіе будутъ достигнуты двѣ цѣли: профессоры будутъ возбуждены къ дѣятельности посредствомъ конкуренціи съ молодыми учеными и изъ этихъ ученыхъ будутъ готовиться новые профессоры.

2) Относительно студентовъ. Правительство наше, съ половины прошедшаго столѣтія, употребляло разныя средства для привлеченія молодыхъ людей къ высшему образованію. Бытность студентомъ зачиталась сначала въ дѣйствительную службу, студентамъ были присвоены красивые мундиры и шпаги, во всѣхъ университетахъ были казенно-коштные студенты на полномъ содержаніи правительства и, наконецъ, университеты давали чины, которые ставили молодыхъ людей въ гражданской службѣ разомъ выше лицъ, прослужившихъ весьма долгое время, но не получившихъ университетскаго образованія. Всѣ сіи искуственныя мѣры, которыя продолжались цѣлое столѣтіе, не могли остаться безъ послѣдствій: университеты наши, дѣйствительно, наполнялись молодыми людьми, но должно сознаться, что не всѣ они шли въ университетъ, собственно для образованія, а для весьма многихъ прохожденіе чрезъ университетъ было какъ бы аферой или спекуляціей для составленія себѣ служебной карьеры. Въ настоящее время, кажется, необходимо отмѣнить эти искуственныя средства привлеченія молодыхъ людей на службу, дабы они видѣли въ университетѣ только средство къ высшему образованію. Для достиженія этой цѣли было бы необходимо отмѣнить вовсе право университетовъ давать чины, предоставивъ имъ только право удостоивать ученыхъ степеней. Но подобная мѣра не можетъ быть принята только для однихъ университетовъ, а должна быть одновременно распространена и на другія учебныя заведенія. Притомъ, необходимо бы измѣнить правила на счетъ пріема въ государственную службу лицъ, не имѣющихъ чиновъ. Если бы отмѣнить нынѣ право университетовъ давать чины, то это правило должно распространиться только на тѣхъ студентовъ, которые послѣ изданія онаго поступятъ въ университетъ и слѣ-

довательно, только черезъ четыре года выйдутъ изъ онаго. Въ теченіе этого времени можно бы было заняться пересмотромъ постановленій о другихъ учебныхъ заведеніяхъ и о пріемѣ въ государственную службу. Не зная вообще насколько все сіе соотвѣтствуетъ общимъ видамъ правительства, я не рѣшился прямо внести въ проектъ университетскаго устава отмѣну права давать чины; но, полагая, что подобная перемѣна въ будущемъ должна быть желательна, я включилъ правило, что университеты не будутъ давать степень дѣйствительнаго студента, которая не есть званіе ученое, но съ которою соединенъ чинъ XII класса, предоставляемый студентамъ, которые не въ состояніи выдержать испытаніе на степень кандидата. Эта мѣра была бы первымъ осторожнымъ шагомъ къ будущей отмѣнѣ права университетовъ давать чины. Сверхъ того, дабы доставить университетамъ лучшій составъ аудиторій, въ уставѣ постановлено, что кромѣ представленія гимназическаго аттестата, молодые люди, желающіе поступить въ университетъ, подвергаются въ ономъ дополнительной повѣркѣ ихъ знаній. Такимъ образомъ, пріемъ въ университетъ былъ бы строже.

3) Относительно университетскаго устава. Будучи цѣлый годъ въ отставкѣ и путешествуя по Россіи туристомъ, какъ бывшій секретарь географическаго общества, я останавливался въ университетскихъ городахъ и весьма натурально проводилъ время большею частью между профессорами. Я помню, бòльшая часть откровенныхъ разговоровъ ихъ состояла въ жалобахъ на то, что уставъ не даетъ имъ права заниматься собственными дѣлами университета, что все дѣлаетъ попечитель, который не можетъ знать потребностей науки какъ профессоры, и затѣмъ являлись обыкновенно охужденія и критика дѣйствій попечителя. Попечитель являлся какимъ-то полиціймейстеромъ въ отношеніи къ студентамъ; профессора стояли въ сторонѣ, критиковали его дѣйствія, и весьма натурально, что они не могли имѣть на студентовъ того нравственнаго вліянія, которое могла бы имѣть цѣлая коллегія профессоровъ. Отъ этого происходило фальшивое положеніе попечителя и безучастіе къ

нуждамъ и пользамъ университета со стороны преподавателей. Въ прошедшемъ году, вступивъ въ управленіе министерствомъ, я вспомнилъ эти впечатлѣнія, и полученныя мною свѣдѣнія и мнѣнія разныхъ лицъ на проектъ устава, доказывали вѣрность оныхъ. Университетъ состоитъ, съ одной стороны, изъ 50 или 70 ученыхъ, имѣющихъ свои достоинства и недостатки, съ другой стороны—изъ нѣсколькихъ сотъ молодыхъ людей въ возрастѣ увлеченія и неопытности. Для управленія тѣми и другими невозможно простое полицейское устройство, невозможно единоличное дѣйствіе попечителя. Необходимо, чтобъ коллегія профессоровъ была привлечена къ участію въ управленіи въ весьма значительной степени, но чтобъ попечитель могъ останавливать всякое неправильное ея дѣйствіе. Необходимо, чтобы студенты видѣли порицаніе своихъ неодобрительныхъ поступковъ и подвергались взысканію за оные не со стороны одного попечителя, но именемъ всей коллегіи профессоровъ, и притомъ, чтобъ это взысканіе налагалось не административнымъ распоряженіемъ, но съ соблюденіемъ всѣхъ формъ правильнаго суда. Тогда только явится то нравственное вліяніе и та законность, которой безпрекословно подчиняются молодые люди. Слѣдуя этимъ мыслямъ, въ проектѣ устава даны значительныя административныя права совѣту университета и учрежденъ университетскій судъ для проступковъ студентовъ. Сверхъ того, составлены новые штаты, постепенное введеніе коихъ, по мѣрѣ средствъ государственнаго казначейства, составляетъ необходимое условіе для улучшенія нашихъ университетовъ. Назначены каѳедры сообразно современнымъ потребностямъ науки, постановлены весьма важныя правила о раздѣленіи факультетовъ и т. д.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что, несмотря на всѣ его недостатки, университетское образованіе есть лучшее, которое получалось молодыми людьми въ имперіи, и что каждый начальникъ былъ весьма доволенъ, когда могъ для своего департамента или канцеляріи пріобрѣсти молодыхъ людей съ университетскими аттестатами“ [110]).

XLV.

„Непредвидѣнно, частнымъ образомъ“, дошелъ до свѣдѣнія митрополита Филарета *Проектъ общаго устава императорскихъ Россійскихъ университетовъ.* По разсмотрѣніи этого проекта, митрополитъ нашелъ, что нѣкоторыя статьи сего проекта „возбуждаютъ сильную заботу о послѣдствіяхъ, могущихъ произойти, если бы статьи сіи получили утвержденіе“. Обстоятельство это побудило Филарета, 15 мая 1863 года, представить въ святѣйшій сѵнодъ донесеніе, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ:

„Непонятно, по какому соображенію проектъ не полагаетъ для церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія, принадлежащихъ къ кругу наукъ богословскихъ, преподавателей образовать, въ свойственной имъ сферѣ, то есть, въ духовныхъ академіяхъ, но находитъ нужнымъ приготовляемыхъ къ сему назначенію отторгнуть отъ круга наукъ богословскихъ, и погрузить въ занятія свѣтскихъ факультетовъ. Безъ сомнѣнія, не имѣется въ семъ той цѣли, чтобы характеръ и духъ наукъ богословскихъ ослабить и подвергнуть преобладающему вліянію наукъ свѣтскихъ, не всегда берущихъ благопріятное для религіи направленіе; но распоряженіе открываетъ сему случай. Чтобы опасеніе сіе не было бездоказательнымъ, для сего можно указать на 142 страницу, первой части замѣчаній на проектъ общаго устава университетскаго. Тамъ сказано: *Церковное право есть систематическое ученіе о тѣхъ положительныхъ законахъ, истекающихъ отъ верховной государственной власти, которыми опредѣляются права и обязанности гражданъ, какъ членовъ той или другой церкви, того или другого исповѣданія, допускаемаго въ государствѣ.....*

Видите, по ученію свѣтской науки, законы каноническаго права, или законы церковные, истекаютъ не изъ Священнаго Писанія, не изъ постановленій вселенскихъ и помѣстныхъ

соборовъ, не изъ правилъ святыхъ отцевъ, но отъ верховной власти государства. Каковы, по сему ученію, были бы церковные законы для Греческой церкви, которая находится подъ верховною властію магометанскою"?

Святѣйшій сvнодъ, раздѣляя, съ своей стороны, замѣчанія митрополита Московскаго на проектъ университетскаго устава, по отношенію къ предположенному въ немъ устройству богословскихъ каѳедръ и преподаванію богословскихъ наукъ, опредѣлилъ: копію съ замѣчаній митрополита Московскаго внести въ государственный совѣтъ [111]).

Съ своей же стороны, митрополитъ Филаретъ отправилъ копію съ своего донесенія св. синоду къ графу С. Г. Строганову, при письмѣ, на которое тотъ, 22 мая 1863 года, отвѣтилъ: „Спѣшу увѣдомить, что проектъ общаго устава университетовъ, частнымъ образомъ дошедшій до вашего свѣдѣнія, дѣйствительно былъ представленъ при докладѣ министра народнаго просвѣщенія (15 декабря 1862 годъ), и переданъ на разсмотрѣніе особой коммиссіи, подъ моимъ предсѣдательствомъ. Проектъ этотъ, составленный подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ Петербургскихъ педагоговъ, былъ совершенно измѣненъ; въ новой своей редакціи коммиссія придерживалась проекта, составленнаго, въ 1861 году, комитетомъ, подъ руководствомъ покойнаго Брадке. И вообще мало было обращено вниманія на поясненія къ проекту, признанныя несостоятельными. Обращаясь теперь къ частностямъ, долгомъ считаю сообщить вамъ, милостивый государь (sic), что съ открытіемъ двухъ новыхъ каѳедръ: церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія, университеты обязаны будутъ входить въ сношенія съ епархіальнымъ начальствомъ, для назначенія достойныхъ преподавателей, и что отъ святѣйшаго сvнода испросятся программы для означенныхъ каѳедръ; слѣдовательно, нѣтъ причины опасаться особаго, небогословскаго, вліянія на это преподаваніе... Смѣю надѣяться, что послѣ моего откровеннаго, но совершенно частнаго объясненія, ваше высокопреосвященство убѣдится, что перемѣны, въ нѣкоторыхъ частяхъ управленія университетовъ, не могутъ

отразиться пагубно на богословское ученіе въ этихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ". [112]).

Получивъ это письмо, митрополитъ Филаретъ написалъ оберъ-прокурору св. синода:

„Университетскіе уставы скоро родятся и скоро умираютъ, какъ недоношенный плодъ. На второй уже уставъ написалъ я замѣчанія, и они уже не застали его въ живыхъ, и, говорятъ, родился новый.

Что̀ писалъ я о проектѣ университетскаго устава въ св. синодъ, тоже, въ формѣ записки, послалъ при письмѣ къ графу Сергѣю Григорьевичу Строганову, полагая, что сіе дѣло въ особенномъ у него вниманіи. Онъ-то и сказалъ мнѣ, что сей проектъ уже оставленъ, и теперь разсматривается другой, въ которомъ уже не то, противъ чего я возражаю. Но между тѣмъ, о каѳедрахъ церковной исторіи и каноническаго права графъ сказалъ только, чтобы я не опасался особаго вліянія, изъ чего заключаю, что онъ полагаетъ оставить сіи каѳедры въ томъ положеніи, противъ котораго я возражалъ. Ради святой вѣры, противъ которой возстаетъ лжеименный разумъ, ради христіанскихъ душъ, которымъ нынѣ такъ много предстоитъ опасностей мысленнаго и нравственнаго развращенія, благоволите обратить на сіе дѣло, сколь можно, дѣятельное вниманіе. Не догадкою, а выпискою изъ университетской или вообще къ области министерства просвѣщенія принадлежащей книги, доказывалъ я, какое ученіе каноническаго права готовится намъ въ университетѣ, который, между прочимъ, хочетъ учить насъ и такимъ предметамъ, для которыхъ онъ самъ не имѣлъ донынѣ каѳедры.

О неудовлетворительности нынѣшняго свѣтскаго образованія свидѣтельствуютъ такъ рѣшительно предпринятыя и такъ затруднительно производимыя преобразованія. Это сдѣлалось такъ очевиднымъ, что безъ опасенія возраженій пишутъ (31 маія сего 1863 г.) въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

Приводитъ выписку изъ этой газеты: „Мы предали нашихъ дѣтей духу легкомыслія, поверхностнаго и лживаго знанія и

словъ безъ мысли. Идя все далѣе и далѣе на этомъ пути, мы довели дѣло до того, что многіе Русскіе люди, искренніе патріоты, принуждены ѣхать за границу, чтобы уйти отъ того *прекраснаго воспитанія*, которое ожидало ихъ дѣтей въ Россіи".

„Это прекрасное воспитаніе—продолжаетъ Филаретъ—еще не преобразовано, и конечно нельзя преобразовать его чудесно въ одинъ день. И такъ, если возьмутъ воспитанниковъ духовныхъ академій и погрузятъ ихъ въ такую свѣтскую сферу, чтобы до степени преподавателей научить ихъ духовнымъ наукамъ, церковной исторіи и церковному законовѣдѣнію, найдется ли въ основаніи сего разумная сообразность? Будетъ ли сіе соединено съ доброю и вѣрною надеждою?

Въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (28 маія) напечатано объявленіе двухсотъ студентовъ и слушателей Московскаго университета, которые проповѣдуютъ свое призваніе *служить народу* и *долгъ непоколебимой вѣрности Русской Землѣ и тому, кого она признаетъ своимъ представителемъ, кому ввѣрила оберегательство своей чести и цѣлости, кому вручила свои судьбы.* Кого разумѣть въ сихъ выраженіяхъ? Государь императоръ Всероссійскій имѣетъ самодержавную власть, милостію Божіею, по священному закону престолонаслѣдія, а не потому что ему оную *ввѣрила и вручила Земля.*

Это подписали двѣсти студентовъ и слушателей Московскаго университета; но всѣхъ ихъ, кажется, до тысячи. Что же думаютъ остающіеся въ молчаніи восемьсотъ?.... Почему не рѣшаются на патріотическія изъявленія, которыхъ, какъ признали ихъ товарищи, требуетъ настоящее время? Или ихъ мнѣнія таковы, что ихъ нельзя высказать въ слухъ истинныхъ патріотовъ? Не рѣшимся отвѣчать на сіи вопросы въ худую сторону; но нельзя не видѣть смѣшаннаго и темнаго положенія умовъ, которые привести въ ясное и правильное положеніе, видно, не достало силы у наставниковъ.

Въ такую среду погрузить воспитанниковъ духовныхъ академій будетъ ли благонадежно, когда притомъ никакъ не есть необходимо?

Что сказать о предположеніи взять магистровъ духовныхъ академій, учить ихъ и потомъ заставить ихъ держать экзаменъ для полученія степени магистра? Не покажется ли это насмѣшкою надъ магистерскою степенью духовныхъ академій?

Господь да даруетъ Свой истинный и чистый свѣтъ благоустроителямъ просвѣщенія".

Въ томъ же письмѣ митрополита Филарета сказано: „Стыдно читать въ отчетѣ г. Танѣева, какъ Германскіе ученые учатъ насъ, православныхъ, православію. Нашъ проектъ устава говоритъ: *нравственное образованіе*; германецъ поправляетъ: *религіозно-нравственное*. Нашъ проектъ говоритъ: *познаніе Бога и обязанностей къ Нему;* иностранный ученный замѣчаетъ, что такъ могутъ говорить и магометане, и дополняетъ: *вѣра въ Іисуса Христа и жизнь по заповѣдямъ Его.* Пишу сіе по памяти; можетъ быть, выраженія не буквально точны съ книгою, но мысли вѣрно таковы" [113]).

А. В. Никитенко, въ *Дневникѣ* своемъ (15 февраля 1863), замѣчаетъ: „У попечителя Делянова былъ собранъ историко-филологическій факультетъ, для совѣщаній о назначеніи профессоровъ въ университетъ, который предположено открыть въ будущемъ августѣ, такъ какъ уставъ уже разсмотрѣнъ и исправленъ Строгановскою коммиссіею... Мы богаты великими публицистами, великими мыслителями въ газетахъ и фельетонахъ. Но вотъ, когда дѣло дошло до пріискиванія профессоровъ, то пришлось почти надъ каждою каѳедрою задумываться: кого" [114])?

XLVI.

Введеніе университетскаго устава 1863 года, было отпраздновано въ Московскомъ университетѣ въ день его престольнаго праздника, 12 января 1864 года.

Торжество это началось молитвой. Литургію въ этотъ день совершалъ въ церкви св. мученицы Татіаны преосвященный Савва, епископъ Можайскій. Изъ церкви перешли въ актовую

залу университета, гдѣ торжественное годичное собраніе открылось рѣчью новаго выборнаго ректора С. И. Баршева. Онъ говорилъ о значеніи новаго устава. Рѣчь свою заключилъ Баршевъ словами, обращенными къ нашему государю, „великому обновителю" нашего Отечества.

По окончаніи торжественнаго собранія, ректоръ С. И. Баршевъ пригласилъ къ себѣ на квартиру, гдѣ былъ приготовленъ „роскошный" завтракъ.

Послѣ тостовъ, М. П. Погодинъ обратился къ присутствовавшимъ съ слѣдующими словами, „дышащими горячею любовью" къ Московскому университету:

„Позвольте мнѣ, старому инвалиду Московскаго университета, принести вамъ искреннее поздравленіе въ этотъ день университетскаго обновленія, какъ назвалъ его почтенный ректоръ. Двадцать лѣтъ уже, какъ я оставилъ университетъ, но ни одной минуты, можетъ быть, въ продолженіе этого времени не было, чтобы я не принималъ живѣйшаго сердечнаго участія во всемъ, что относилось до университета. Въ университетѣ я почти родился, выросъ, воспитался, учился и училъ; университету обязанъ я лучшими минутами въ своей жизни, своимъ образованіемъ и всѣмъ своимъ существомъ. Я внимательно и постоянно слѣдилъ за его судьбами, и скажу вамъ откровенно, что меня радуетъ теперь не столько новый уставъ и возвышеніе матеріальнаго благосостоянія, сколько духъ согласія, который начинаетъ, кажется, водворяться какъ въ цѣломъ составѣ университета, такъ и въ отдѣльныхъ кругахъ, составляющихъ необходимую принадлежность университета, согласія, которому мѣшали прежде многія обстоятельства. Вотъ съ этимъ утѣшительнымъ явленіемъ позвольте мнѣ поздравить васъ, пожелать, чтобъ оно увеличивалось, усиливалось, процвѣтало къ пользѣ отечественнаго христіанскаго просвѣщенія, и заключить школьною поговоркою: *concordia res parvae crescunt, discordia maximae dilabuntur*" [115]).

И. М. Снегиревъ, въ своемъ *Дневникѣ* (12 января 1864 г.), записалъ: „Завтракъ у ректора Баршева съ тостами, пѣли, ка-

чали новаго генерала Никиту Крылова. Я зашелъ къ Н. Д. Брашману" [116]).

Въ свое время состоялся университетскій обѣдъ, на которомъ, по свидѣтельству очевидца, „главнымъ ораторомъ" былъ Погодинъ. „Громкое имя этого ученаго,—замѣчаетъ очевидецъ,—имя, съ которымъ знакома не одна Россія, даетъ особенное значеніе всякому публично сказанному имъ слову" [117]).

„Старые и молодые товарищи—началъ Погодинъ—поручаютъ мнѣ провозгласить здравицу государя императора.

Очень радъ исполнить это лестное для меня порученіе, потому что могу говорить искренно, отъ души. Царь нашъ славный человѣкъ, онъ лучше всѣхъ его окружающихъ. Онъ преисполненъ благихъ намѣреній, которыя безпрерывно, постоянно приводятся въ исполненіе: послѣ освобожденія двадцати пяти милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ, онъ положилъ основаніе гласному судопроизводству, увеличилъ средства университетовъ, учредилъ новый порядокъ въ городскихъ думахъ, расширилъ теперь земскія права, однимъ словомъ – онъ снялъ съ насъ уже много цѣпей. Помоги ему Богъ снять и остальныя! Печать, болѣе просторная, болѣе разумная и правильная, которая составляетъ насущную потребность нашу, даже какъ необходимое пособіе для правительства, при умножающихся и осложняющихся его отношеніяхъ, поступила, какъ слышно, на череду вопросовъ, близкихъ къ рѣшенію. Слѣдовательно, это все идетъ по порядку. Но есть дѣло, которымъ вѣрно смущается и терзается его доброе, благородное сердце, которымъ смущается и терзается сердце у всякаго истиннаго сына Отечества, и вмѣстѣ всякаго друга добра, христіанина. Это—несчастное положеніе Польши, ринувшейся въ пропасть... О, еслибъ ему посчастливилось, съ помощью благонамѣренныхъ, добросовѣстныхъ, разумныхъ сотрудниковъ, умиротворить Польшу, прекратить ужасное смятеніе...

Мы, профессоры и воспитанники Московскаго университета, можемъ смѣло сказать, что всегда искренно желали Польшѣ всякаго блага, успѣха, развитія, чести и славы. Польскіе сту-

денты въ Московскомъ университетѣ никогда не были отдѣляемы, различаемы нами отъ Русскихъ. Мы всегда старались дѣлать имъ все полезное, угодное. Такъ расположены были и всѣ порядочные Русскіе люди. Поляки виноваты сами въ настоящей перемѣнѣ этого расположенія. Объявивъ передъ Европою свои притязанія на западныя губерніи, съ десятью милліонами населенія, преимущественно Русскаго, они поставили вопросъ вотъ какъ: кому быть, Россіи или Польшѣ. Ну, такъ кто же, не только изъ присутствующихъ здѣсь Русскихъ людей образованныхъ, но изъ всѣхъ семидесяти милліоновъ населенія имперіи, усомнится на минуту въ отвѣтѣ?

Нѣтъ, любезнѣйшіе панове-братья, мы отвѣчаемъ на постановленный вами вопросъ: быть Россіи, а ваша рѣчь посполитая назади! Россія еще не совершила своей миссіи. Она только что начала съ 19-го февраля новую свою эру съ освобожденія крестьянъ...

Но не начинается ли теперь новая эра и для Польши? Таинственны пути Исторіи! Кто знаетъ, гдѣ оканчивается зло, гдѣ начинается, откуда возникаетъ добро. Поляки мечтаютъ объ освобожденіи своемъ отъ мнимаго Русскаго ига, не щадятъ трудовъ, проливаютъ кровь, рѣшаются даже на всякія преступленія; Европейцы ослѣпленные имъ сочувствуютъ, а *истинное освобожденіе* совершится, можетъ быть, совсѣмъ не такъ, какъ они всѣ предполагаютъ. Новая эра для Польскаго народа, переворотъ въ его судьбѣ, начинается, можетъ быть, теперь въ рѣшеніи крестьянскаго Польскаго вопроса, въ освобожденіи Польскаго народа отъ ига Польской олигархіи, аристократіи и шляхты, который теперь обсуждается въ Петербургѣ.

Пусть упадутъ Поляки къ ногамъ Русскаго царя!

Въ этомъ выраженіи нѣтъ для нихъ ничего оскорбительнаго; я позволилъ его себѣ, потому что оно есть ихъ національное. Пусть упадутъ Поляки къ ногамъ Русскаго царя, и онъ ихъ вѣрно подниметъ. Скажу даже, какъ историкъ, вотъ что: Онъ только одинъ на свѣтѣ можетъ ихъ поднять, возвысить, осчастливить...

Славный путь предлежитъ нашему царю—путь освобожденія, Русскаго, Польскаго, Славянскаго...

Да здравствуетъ освободитель! Многія лѣта любезному нашему государю императору Александру Николаевичу" [118])!

По свидѣтельству очевидца, едва сказалъ эти слова М. П. Погодинъ, „стѣны залы просто затряслись отъ неистоваго *ура*. Восторгъ былъ полный; рѣчь пришлась по сердцу, потому что отвѣчала мыслямъ каждаго, а заключительное воззваніе—еще больше. *Ура* гремѣло и не умолкало, пока не донеслись до слуха гармоническіе аккорды народнаго гимна. И вотъ, стройнымъ, полнымъ хоромъ запѣли собесѣдники знакомый каждому русскому музыкальный мотивъ; минута эта была полна истинно-высокой торжественности. Отъ души лились стройные звуки, отъ души лилась молитва о славѣ и силѣ царя Русскаго. Право, казалось, что въ эту минуту все постороннее, все непричастное этой торжественной минутѣ было далеко отъ каждаго; мысли всѣхъ какъ будто слились въ одномъ чувствѣ любви и благодарности къ виновнику новой жизни въ нашемъ Отечествѣ, къ тому, чье имя благословляютъ теперь десятки милліоновъ освобожденнаго народа... Гимнъ пропѣтъ былъ два раза" [119]).

Когда утихли восторги и ликованія, вызванные рѣчью и тостомъ, М. П. Погодинъ продолжалъ:

„А что̀ пожелаемъ мы нашему дорогому, милому, родному университету, нашей alma mater?

Позвольте, друзья мои, разсказать вамъ одинъ случай, бывшій при поступленіи моемъ въ университетъ, въ 1818 году, то-есть, ни много ни мало сорокъ пять лѣтъ тому назадъ. Инспекторомъ былъ тогда знаменитый профессоръ Сандуновъ. Онъ позволилъ бѣднымъ изъ своекоштныхъ студентовъ жить вмѣстѣ съ казенными даромъ, и даже имѣть полное содержаніе за три рубля въ мѣсяцъ на нынѣшнія деньги. Я попросилъ Сандунова о разрѣшеніи воспользоваться этою милостью, и онъ, послѣ нѣсколькихъ откладываній, собрался со мною осматривать комнаты. Мы пришли въ 14 нумеръ, вверху, надъ среднею лѣстницею, въ старомъ зданіи. Въ углу стояла криво-

бокая кровать, накрытая ветхимъ одѣяломъ, какого цвѣта разобрать было невозможно, или, лучше сказать, одѣяло было всѣхъ цвѣтовъ, но самыхъ грязныхъ. Наволочка на подушкѣ—хоть огня присѣкать, ветошка на трутъ. Сандуновъ поднялъ палкою одѣяло, и подъ одѣяломъ открылись голыя доски: ни простыни, ни тюфяка. Тогда старикъ оборотился ко мнѣ и сказалъ: *Намъ вотъ какихъ надо, ты такой ли?* Сердце ваше вѣрно затрепетало въ эту минуту, друзья мои, въ чувствѣ благодарности и почтенія къ доброму старику, буди благословенна его память! Да, выше этихъ простыхъ словъ я ничего не знаю въ этомъ родѣ.—Я не въ такой крайности, но... *Но... ну, переѣзжай и поставь свою кровать въ этомъ углу!* Вы видите, въ какомъ состояніи я вступилъ въ университетъ. Да, и всѣ мои учители, тогдашніе профессоры, слава и украшеніе университета, начали учиться нищими: Мудровъ пришелъ пѣшкомъ изъ Вологды, Мерзляковъ на казенной подводѣ привезенъ изъ Перми, Павловъ всѣми неправдами притащился изъ Харькова, также Цвѣтаевъ, Двигубскій, и прочіе. Еслибы намъ пришлось платить по двѣсти рублей на нынѣшнія деньги, такъ мы не могли бы начать учиться, и я, разумѣется, не могъ бы навѣрное съ вами теперь разглагольствовать. Да, едва ли и изъ нынѣшнихъ профессоровъ десятая часть осталась бы въ университетѣ. Перечтите біографическій списокъ всѣхъ профессоровъ, напечатанный Шевыревымъ для юбилея. Всѣ они родились и учились въ бѣдности. Бѣдность была нашею матерью, а нужда—бабушкой повитухою. Вы понимаете, къ чему я веду рѣчь свою.

Пожелаемъ же, на основаніи этихъ историческихъ свидѣтельствъ, мною приведенныхъ, чтобы двери въ университетъ были растворены всегда настежъ, чтобы входъ въ университетъ былъ освобожденъ отъ всѣхъ стѣсненій. Выходъ изъ университета—о, это другое дѣло. На выходъ пусть будутъ собраны всѣ затрудненія. Чтобы получить университетскій аттестатъ съ его правами и выгодами, можно и должно требовать отъ выходящихъ, какъ можно болѣе познаній, способностей, успѣховъ и

всякихъ достоинствъ. *Эти* требованія принесутъ молодымъ людямъ, университету, всему обществу, еще больше пользы, чѣмъ настоящія приносятъ вреда; а цѣль будетъ достигнута, и отнимется всякое право на жалобы! Тогда позабудутъ студенты думать во время пребыванія своего въ университетѣ, о чемъ нибудь кромѣ ученія! Только достойные, заслуженные воспитанники будутъ выходить изъ университета, а въ такихъ дѣятеляхъ крайняя нужда ощущается въ Россіи повсемѣстно. Во всѣхъ университетахъ есть теперь по десяти вакансій на каѳедры, учителей въ гимназіяхъ нужно до ста, не говоря уже о потребностяхъ Западнаго края; слѣдовательно, намъ нечего опасаться лѣтъ на сто ученаго пролетаріата, котораго боятся люди близорукіе и судьи ограниченные. Всякому образованному, порядочному человѣку, мѣсто у насъ готово. Полуобразованный, полуученый или недоученый, непропеченый пролетаріатъ, — вотъ кто намъ вреденъ, опасенъ и страшенъ, а онъ-то и размножался до сихъ поръ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, духовныхъ, военныхъ, гражданскихъ, вслѣдствіе... вслѣдствіе... но вы поймете это послѣ, изъ заключительныхъ моихъ желаній.

Я желаю на этотъ разъ—всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, въ смыслѣ правительственномъ, освобожденія отъ налога въ уваженіе бѣдности.

Профессорамъ желаю отеческихъ, а не учительскихъ только отношеній къ студентамъ, отеческой любви, которой примѣръ разсказанъ выше.

Студентамъ я желаю дѣтскихъ чувствованій къ профессорамъ, кротости и послушанія, довѣренности, безъ которой ничему выучиться нельзя: анализъ и скептицизмъ принадлежатъ къ другому періоду.

Наконецъ, чего пожелать мнѣ вообще ученому начальству?

Зоркаго глаза: часто нынѣ бываетъ нужно промывать глаза свѣжею водою.

Чуткаго уха.....

Тонкаго обонянія: въ настоящее мудреное время мало уже видѣть и слышать, надо умѣть различать и запахи.

нѣжнаго осязанія: это чувство въ особенности необходимо. Наука—растеніе самое чувствительное mimosa pudica и требуетъ непремѣнно самаго бережнаго, осторожнаго обращенія.

Наконецъ, пожелаемъ вообще, чтобы у ученаго начальства было горячее, любящее сердце,—такое стремленіе къ добру и просвѣщенію, какого идеалъ представили намъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, первый незабвенный попечитель Московскаго университета, Карамзинъ, Жуковскій..., а не самозванцы—меценаты!

Все-ли?

Нѣтъ, не все.

Пожелаемъ еще Русскаго народнаго чувства.

Да здравствуетъ Московскій университетъ съ меньшими своими братьями" [120]).

На другой день, 13 января, одинъ изъ распорядителей обѣда, П. И. Петровъ, писалъ Погодину:

„Считаю долгомъ сообщить вамъ слѣдующія свѣдѣнія о ходѣ и окончаніи нашего праздника послѣ вашего отъѣзда. Посланный съ депешами къ нашимъ отщепенцамъ возвратясь, объяснилъ, что онъ засталъ остатки пировавшихъ въ тотъ день нашихъ товарищей только въ Троицкомъ трактирѣ, которымъ и передалъ депешу, но отвѣта не получилъ. Въ Лоскутномъ трактирѣ онъ никого не нашелъ; между тѣмъ, Митрофанъ Щепкинъ сегодня сказывалъ мнѣ, что онъ праздновалъ Татьяну съ другими товарищами въ Лоскутномъ трактирѣ и пробылъ тамъ до 12 часовъ ночи; стало быть, посланный нашъ не успѣлъ ихъ тамъ найти.

Не дождавшись отъ ректора присылки депешъ отъ иногородныхъ товарищей, мы послали къ нему, за подписью Н. Д. Игнатьева, письмо, въ которомъ просили всѣ телеграммы, имъ полученныя, доставить къ намъ. Послѣдствіемъ этого письма была присылка восьми депешъ, изъ коихъ замѣчательнѣйшею намъ показалась депеша изъ Тобольска. На эту депешу составленъ былъ отвѣтъ, который и порученъ для отсылки на телеграфную станцію Н. Д. Игнатьеву. О полученіи прочихъ де-

пешь и принятіи ихъ съ живымъ сочувствіемъ, положено заявить въ той статьѣ, которая будетъ напечатана о нашемъ праздникѣ и которая, какъ мы полагали, будетъ составлена Н. Ф. Павловымъ, при вашемъ содѣйствіи".

Но Н. Ф. Павловъ, въ письмѣ своемъ къ Погодину, просилъ его обратить вниманіе на слѣдующія замѣчанія: 1) *Царь нашъ славный человѣкъ, онъ лучше всѣхъ его окружающихъ...* Это, пожалуй, можно было сказать, но напечатать *никакъ нельзя*. Можно говорить о дѣлахъ людей, поставленныхъ такъ высоко, но сравнивать ихъ съ тѣми, которые готовы и сами закричать во все горло, что они хуже его—этого, повторяю, нельзя. 2) *Цѣпей...* не пропуститъ цензура, да и что говорить о *цѣпяхъ*, о которыхъ было уже говорено такъ много?.. 3) Въ концѣ второй рѣчи вы говорите объ отеческихъ отношеніяхъ, но вы сами знаете, что ихъ нѣтъ, что они прошли и не воротятся..... Убѣдительно прошу васъ, изъ уваженія ко всему, что вы пишете, измѣнить ваши пожеланія начальству. Извините за искренность, все это неудачно".

Между тѣмъ, Н. Любимовъ писалъ Погодину: „Отъ чего ваша рѣчь по случаю университетскаго *торжества* не была напечатана ни въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, ни въ *Днѣ*? А ее слѣдовало бы всюду перепечатать. Я ее прочелъ уже въ Петербургскихъ журналахъ" [121]).

XLVII.

Обновленное въ 1858 году, и нѣкогда процвѣтавшее подъ сѣнію Московскаго университета, общество любителей Россійской словесности, оживилось, благодаря председательству Хомякова, а по его смерти, Погодина.

День св. просвѣтителей Славянъ, 11 мая, свѣтло праздновался въ Москвѣ. Въ Успенскомъ соборѣ совершено было архіерейское служеніе. Протоіерей Василія Блаженнаго сказалъ проповѣдь, въ которой указалъ „на какомъ святомъ основаніи заложено наше Русское просвѣщеніе".

Въ этотъ же день, въ 1-мъ часу по-полудни, было публичное засѣданіе общества любителей Россійской словесности. Предсѣдатель его, Погодинъ, въ началѣ своего ученаго поприща, уже заявившій печатно свои соображенія объ изобрѣтателяхъ нашей грамоты и сохранившій „одушевленіе молодости“ [122]), еще задолго до 11-го мая, принималъ всѣ мѣры, чтобы привлечь къ участію въ этомъ засѣданіи нашу ученую братію.

26 апрѣля 1863 г., Ѳ. И. Буслаевъ писалъ Погодину: „Много благодарю васъ за вниманіе и память. Посылаю вамъ мои монографіи. Примите ихъ, какъ опытный наставникъ отъ своего бывшаго ученика, который никогда не переставалъ питать къ вамъ свою признательность. О праздникѣ Св. Кирилла и Меѳодія подумаю. Читать въ публикѣ не намѣренъ. И на лекціяхъ пріѣлась уже публичность. Но, можетъ быть, что-нибудь напишу. Въ наше горячее время какъ-то нехотя чешутся руки, и тема могла бы имѣть смыслъ именно теперь, когда современная Вавилонская сутолока помутила и смѣсила Славянскіе языки и вѣрованія“.

„Вы сообщаете,—писалъ къ Погодину (1 мая) ректоръ Московской духовной академіи протоіерей А. В. Горскій,—о предположеніяхъ общества любителей Россійской словесности праздновать день памяти просвѣтителей Славянскаго міра торжественнымъ собраніемъ. Душевно сочувствую возобновленному воспоминанію тысящалѣтія ихъ прекраснаго и спасительнаго подвига. Взгляните въ *Святцы:* 11 мая, Обновленіе Царь-града и память Кирилла и Меѳодія. Что это? Пророчество или случайность?—Св. Кириллъ скончался 14 февраля, Св. Меѳодій—6 апрѣля. Въ нѣкоторыхъ спискахъ житій пріурочивается еще: память перваго—къ 14-му октября, а втораго—къ 4-му апрѣля. Но празднованія имъ обоимъ 11 маія, въ древнихъ мѣсяцесловахъ не встрѣчалъ я. По какому же поводу отнесено оно ко дню воспоминанія объ *Обновленіи Царь-града?* Или церковь Русская, задолго еще до настоящаго времени, хотѣла замѣнить утраченную славу столицы православія другимъ воспоминаніемъ, болѣе обѣщающимъ впереди.....

Какъ бы то ни было, но въ такой торжественный день явиться въ вашемъ высокоуважаемомъ обществѣ съ *чѣмъ нибудь* не могу, а заслуживающаго вниманія представить не имѣю.

Замѣчанія о житіяхъ св. просвѣтителей, о древнихъ канонахъ имъ, разборъ ихъ переводовъ Св. Писанія, переводовъ отеческихъ писаній, сдѣланныхъ ихъ учениками,—все это уже обнародовано, частію вмѣстѣ съ Капитономъ Ивановичемъ Невоструевымъ. У насъ есть еще готовый томъ изслѣдованій о текстѣ Евангельскомъ по нашимъ древнѣйшимъ спискамъ. Но все это сухо для такого торжественнаго дня.

При томъ же мнѣ нужно позаботиться, чтобы и у насъ, въ нашемъ академическомъ обществѣ, день этотъ не прошелъ безслѣдно.....

Господь да благословитъ труды ваши къ славѣ имени Его".

Погодинъ желалъ также привлечь къ участію въ засѣданіи и сотрудника протоіерея А. В. Горскаго, Капитона Ивановича Невоструева. На его зовъ Невоструевъ, изъ Чудова монастыря, писалъ: „По письму вашему, рѣшаюсь я сдѣлать извлеченіе изъ моего изслѣдованія о Мстиславовомъ спискѣ Евангелія, въ сличеніи съ другими древнѣйшими списками, чтобъ дать понятіе о первоначальномъ Славянскомъ переводѣ и отношеніи его къ нынѣшнему печатному. Если владыка одобритъ сію мысль, то дня черезъ два или три, я и доставлю вамъ самую статью, для прочтенія на актѣ, если найдена будетъ достойною того".

Въ другомъ письмѣ (9 мая) Невоструевъ писалъ: „Прилагаю при семъ для вашего акта скудныя мои замѣчанія о переводѣ Евангелія св. Кирилла и Меѳодія. Творите со статьею, елика хощете. У владыки я не нашелъ времени испросить на сіе дозволенія, да счелъ даже и излишнею эту формальность. Самъ я на вашемъ актѣ быть не могу, по особеннымъ и стѣсненнымъ обстоятельствамъ".

Изъ Петербурга, П. И. Савваитовъ (5 мая) писалъ Погодину: „Узнавъ отъ васъ о предполагаемомъ празднествѣ 11 мая, желалъ бы я принять въ немъ дѣятельное участіе, но, къ сожа-

лѣнію, узналъ объ этомъ слишкомъ поздно и—въ добавокъ—при работѣ чуть-ли не Египетской. Остаться же безъ всякаго отзыва на ваше извѣстіе, стыдно. А потому (извиняясь по-Вологодски: прошу не обезсудить)—посылаю вамъ скороспѣлку, какая нашлась. Если признаете ее годною, то пріютите гдѣ-нибудь при вашемъ празднествѣ. Во всякомъ случаѣ, позвольте надѣяться, что вы обратите вниманіе не на величину посылки, а на усердіе, съ какимъ она посылается отъ искренно-преданнаго вамъ“.....

Бодянскій рѣшительно уклонился отъ участія въ засѣданіи, и 8-го мая писалъ Погодину: „До-нельзя занятъ 2-ю книжкою *Чтеній*, и потому не въ состояніи принять участіе въ предлагаемомъ вами“ [123]).....

Тѣмъ не менѣе, въ 1-мъ часу по полудни, 11-го мая, состоялось, подъ предсѣдательствомъ Погодина, публичное засѣданіе общества любителей Россійской словесности. Священникъ Н. А. Сергіевскій прочиталъ разсужденіе К. И. Невоструева, о переводѣ Евангелія, по древнѣйшимъ и харатейнымъ спискамъ, хранящимся въ Москвѣ. В. М. Ундольскій прочиталъ отрывки изъ похвалы св. Кириллу, сочиненной ученикомъ его св. Климентомъ и доставленной П. И. Савваитовымъ.

Самъ же предсѣдатель, на этомъ засѣданіи, прочелъ свое изслѣдованіе о жизни и трудахъ св. Кирилла и Меѳодія, въ коемъ доказывалось: 1. Что свв. Кириллъ и Меѳодій были Славяне, а не Греки.

2. Что Священное Писаніе они перевели и Славянскую грамоту изобрѣли по собственному побужденію, и потомъ ввели оныя между своими Славянами.

3. Что Моравскіе князья выпросили ихъ себѣ у Грековъ, вслѣдствіе распространившейся молвы о Славянскомъ богослуженіи.

4. Что Славянская грамота не изобрѣтена и переводъ богослужебныхъ книгъ не сдѣланъ въ 863 году, а только принесенъ тогда въ Моравію, на пути же введенъ въ употребленіе въ Болгаріи.

5. Что нарѣчіе Кириллово ближе всѣхъ къ настоящему Русскому языку.

Послѣ этого разсужденія, въ доказательство прочитана была молодымъ болгариномъ Жензифовымъ Молитва Господня, по древнему Кириллову переводу, какъ онъ значится въ Остромировомъ Евангеліи, и на всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ.

Засѣданіемъ Погодинъ остался недоволенъ. „Общество словесности,—писалъ онъ,—имѣло въ виду, какъ написано въ пригласительномъ объявленіи, преимущественно ревнителей *духовнаго* просвѣщенія, то-есть, духовенство, сообразно съ предметомъ засѣданія. Обыкновенныхъ посѣтителей нашихъ засѣданій я не смѣлъ и не хотѣлъ пригласить, чтобы не утомлять ихъ непривычнаго вниманія сухими и учеными изслѣдованіями.

А духовные-то и не могли поспѣть въ засѣданіе, задержанные въ Петровскомъ монастырѣ. Было только священника три или четыре.

Да почему же не снеслись духовные со свѣтскими, и не составили одного собранія, которому вѣдь, надо сознаться, сообщился бы чрезъ это торжественный характеръ.

А какъ имъ можно было сноситься? Вѣдь сказано въ Писаніи: не прикасаются Жиды къ Самарянамъ!

Если не хотѣли или не умѣли сноситься, то почему же бы не назначить различныхъ часовъ? Можно бы раздѣлить празднованіе на два дня, что̀ для насъ было бы лучше, то-есть, епархіальное общество открыть въ субботу, а наше засѣданіе имѣть, какъ обыкновенно, въ воскресенье.

Ну, по крайней мѣрѣ, ученые, литераторы, были всѣ въ собраніи? Вѣдь любопытно было услышать хоть *Отче нашъ* на всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ; вѣдь любопытно было бы услышать, ну, что̀ можно сказать новаго о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ послѣ Шлецера, Добровскаго, Шафарика, Черниговскаго Филарета, Горскаго и проч. Самые парадоксы, чьи бы то ни были, интересны.

Изъ профессоровъ было только двое, а для прочихъ предлогомъ служили экзамены, которые на два часа отложены быть не могли“ [124])!

Но И. С. Аксаковъ еще до засѣданія писалъ Погодину: „По случаю 11 мая, открывается епархіальная библіотека и при ней общество любителей духовнаго просвѣщенія. Дѣло для духовенства очень важное, и быть по сему случаю торжеству весьма прилично въ день Кирилла и Меѳодія. Потому я вовсе не намѣренъ писать Леониду или Саввѣ, чтобы отложили торжество. Это поважнѣе нашего публичнаго засѣданія. Для насъ 1863 годъ есть второй годъ тысячелѣтія.—Мы праздновали его въ 1862 году. Лучше, право, ограничиться одной церковной службой“[125]).

Погодинъ былъ недоволенъ не только публичнымъ засѣданіемъ общества любителей Россійской словесности, но и общимъ ходомъ празднованія 11-го мая въ Москвѣ. „Перевернемъ теперь медаль, — писалъ онъ, — и посмотримъ на другую ея сторону.

Все совершено было, не въ отношеніи къ существенности, а въ отношеніи къ внѣшней обстановкѣ и формѣ, до такой степени безсвязно и нестройно, что грусть охватывала сердце...

Соборное торжественное богослуженіе не было оглашено предварительно, и потому въ соборѣ было очень просторно. А изъ высшаго сословія, изъ котораго иные по начальству могли бы знать о новомъ торжествѣ, не было никого. Изобрѣтеніе Русской грамоты для нихъ, видно, дѣло постороннее. Правительство представляемо было однимъ губернаторомъ. Изъ литераторовъ было только двое, именно тѣ, которыхъ, хоть и несогласныхъ между собою, обвинилъ корреспондентъ *Петербургскихъ Вѣдомостей* въ намѣреніи праздновать день свв. Кирилла и Меѳодія.

Епархіальное общество собиралось въ Петровскомъ монастырѣ, а общество любителей Россійской словесности съ Славянскимъ комитетомъ — въ университетѣ. Ну, они и помѣшали, разумѣется, одно другому, потому что собранія назначены были почти въ одно время“.

XLVIII.

Въ своемъ разсужденіи о святыхъ Кириллѣ и Меѳодіѣ, читанномъ на публичномъ собраніи общества любителей Россійской словесности, 11 мая 1863 года, Погодинъ сказалъ о значеніи святыхъ Славянскихъ просвѣтителей относительно Русской Исторіи, относительно Русской жизни, какъ она при ихъ участіи сливалась, въ какомъ положеніи находится теперь, и чѣмъ обѣщаетъ, въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, сдѣлаться впредь.

„Богослуженіе на родномъ общевразумительномъ языкѣ,—говорилъ Погодинъ,—скажу смѣло, есть краеугольный камень нашего нравственнаго состоянія, залогъ нашего будущаго развитія и преуспѣянія, и вмѣстѣ условіе, до сихъ поръ, нашего политическаго значенія. Если Русскій народъ не совершенно загрубѣлъ, не одичалъ, не лишился человѣческаго образа, ни вслѣдствіе почти трехсотлѣтняго Монгольскаго ига, ни вслѣдствіе другихъ враждебныхъ событій, если не погасла въ насъ, не смотря ни на какія бури и вихри, внѣшніе и внутренніе, искра святаго огня, способная въ счастливое время воспылать, пролить свѣтъ и теплоту на пространства неизмѣримыя, то этимъ счастіемъ обязаны мы богослуженію на родномъ языкѣ, учрежденному свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Нѣтъ цѣны, нѣтъ мѣры, нѣтъ вѣсу для этого ихъ вѣковѣчнаго благодѣянія. Здѣсь все нравственное, сердечное, умственное, до сихъ поръ, сокровище Русскаго народа. *Господи помилуй*, *Отче нашъ*, вотъ гдѣ вся его мудрость, вотъ гдѣ его насущный благодатный хлѣбъ, которымъ онъ тысячу лѣтъ питается изъ рукъ свв. Кирилла и Меѳодія, и который спасаетъ отъ голодной смерти его тѣло и его душу. Здѣсь вся его теологія, философія, мораль, поэзія, медицина, пожалуй, хоть полиція.

А несчастные Болгары, а несчастные Сербы, стонущіе вѣка подъ игомъ варваровъ? Чѣмъ поддерживается ихъ убогая жизнь, чѣмъ питаются ихъ надежды, чѣмъ облегчается ихъ

несносное бремя? Славянскимъ богослуженіемъ, кромѣ котораго у нихъ нѣтъ уже совершенно ничего.

Какія происшествія составляютъ сущность Русской Исторіи, главныя наши эпохи?

Основаніе государства,

Принятіе христіанской вѣры,

Столица Москва,

Донское побоище,

Освобожденіе Россіи отъ Поляковъ,

Полтавская побѣда,

Сожженіе Москвы въ 1812 году,—и самое къ намъ близкое, самое радостное, животрепещущее, это:

Освобожденіе двадцати пяти милліоновъ крѣпостного народа.

Великія происшествія! Такъ вотъ между этими происшествіями богослуженіе на своемъ языкѣ занимаетъ первое мѣсто, рядомъ съ введеніемъ христіанской вѣры при св. Владимірѣ, относительно благодѣтельнаго дѣйствія на совокупность всего Русскаго народа, въ продолженіе истекшаго тысячелѣтія.

И не только занимаетъ оно одно изъ первыхъ мѣстъ, но условливаетъ всѣ прочія, служитъ имъ или основаніемъ, или утвержденіемъ, или распространеніемъ. Такъ, въ сраженіи на Куликовомъ полѣ, душою былъ св. Сергій, а рукою Дмитрій Донской; такъ, въ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ, Гермогенъ, Іоасафъ, Діонисій, Палицынъ, участвовали не менѣе Пожарскаго, Минина и Сусанина, возбуждая народъ возстать за домъ Пресвятой Богородицы.

Вотъ что̀ сдѣлали для Русскаго народа свв. Кириллъ и Меѳодій!

А что̀ наши, такъ называемые учители, ищущіе быть передовыми людьми, что̀ они сдѣлали для народа въ этомъ отношеніи!

Они—ничего; ничего, не только въ сравненіи съ дѣйствіями свв. Кирилла и Меѳодія, но и вообще ничего! И находятся еще безсмысленные между нами, которые хотятъ вырвать изъ рукъ у Русскаго народа эту единственную его духовную пищу.

Да что̀ же безъ нея будетъ съ народомъ! Чѣмъ замѣнятъ ее передовые безумцы? Неужели они думаютъ, что горячешнымъ ихъ бредомъ, наполняющимъ современные листы, которые разноситъ ежедневно вѣтеръ, можетъ удовлетвориться Русскій добрый, толковый православный народъ? Неужели они думаютъ, что любимая ихъ молитва *чортъ возьми* будетъ спасать Русскій народъ лучше, чѣмъ его тысячелѣтнее *Господи помилуй?* Неужели они думаютъ, что изъ ихъ *ничего* можетъ произойти что̀-нибудь, что̀-нибудь путное и прочное. Ex nihilo nihil fit, кромѣ развѣ нигилистовъ, взаимно другъ друга уничтожающихъ и погрязающихъ въ своемъ нелѣпомъ ничтожествѣ. Туда имъ и дорога!

Я почелъ нужнымъ сдѣлать эту вставку, имѣя въ виду нѣкоторые новомодные толки, начинающіе, къ счастію, утихать, но соблазнившіе и увлекшіе на нѣсколько времени много неопытной, малообразованной нашей молодежи!...

Добровскій, подъ конецъ жизни, послѣ многолѣтнихъ наблюденій и изслѣдованій надъ церковнымъ языкомъ, сказалъ: *Отче нашъ* изъ Матѳія, глава 6 (по Остромирову списку 1056 года) почитаю я совершенно первоначальнымъ Кирилловымъ переводомъ безъ позднѣйшихъ поправокъ.

Прочтемъ *Отче нашъ* на всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ... Спрашиваю всякаго, имѣющаго уши слышати, будетъ ли ученою дерзостію сказать, что изо всѣхъ настоящихъ нарѣчій Кириллово *Отче нашъ* ближе всѣхъ къ нынѣшнему Великороссійскому нарѣчію? А если оно ближе всѣхъ къ нынѣшнему, то къ затысячелѣтнему было еще ближе, то-есть, было почти одно и то же...

Улиссъ, послѣ сожженія Трои, десять лѣтъ скитался по морямъ, какъ воспѣваетъ Омиръ въ Одиссеѣ, ища своей любезной Итаки. Послѣ многихъ трудовъ и крушеній, онъ подплылъ наконецъ къ родному острову, но, увы, не узналъ своей Итаки.

Такъ, кажется, и мы: трудимся, работаемъ до поту лица, стараемся отыскать Кириллово нарѣчіе, и не чуемъ, что оно таится въ нашихъ собственныхъ устахъ.

Странная судьба Русскаго племени! Мы имѣемъ собственную, своеобразную Исторію, удивительный, богатѣйшій языкъ, собственное національное право, собственные національные обычаи, свою поэзію, свою музыку, свою живопись, свою архитектуру, но намъ стыдно какъ будто признать все это, чтобы не унизить собственнаго своего достоинства; страшно, чтобы не подвергнуться обвиненію въ хвастовствѣ, заключенію, будто мы гордимся чѣмъ-нибудь... Этого мало: у насъ не переводятся клики, съ нелегкой руки Бѣлинскаго, находящіе многихъ послѣдователей и даже поклонниковъ, которыми провозглашается во всеуслышаніе, что у Русскихъ нѣтъ Исторіи, нѣтъ предковъ, нѣтъ языка, нѣтъ поэзіи, нѣтъ литературы, нѣтъ права, нѣтъ никакого искуства,—все заимствованное, чужое, краденое. Наконецъ, нашлись и такіе esprits forts, которые доказали ученой Европѣ, что и насъ нѣтъ: Niema Rusi! А между нами нашлись удалые молодцы, которые повѣрили ученымъ доказательствамъ, и, зажмуривъ глаза, воскликнули вслѣдъ за ними: такъ, такъ точно, насъ нѣтъ, тю—тю!

Чудное расположеніе! необыкновенный складъ ума!..

Я хотѣлъ заключить длинное и утомительное свое разсужденіе замѣчаніемъ о настоящемъ состояніи Славянъ въ Европѣ и повтореніемъ воззванія, произнесеннаго мною въ прошломъ году, но, увы, въ теченіе послѣдняго года, раздрася Славянская Земля, по выраженію Кіевской лѣтописи, произошло слишкомъ много прискорбнаго, даже отвратительнаго, ужаснаго между ними, и въ шумѣ страстей, нѣтъ ужь теперь возможности быть услышану голосу мира. Вмѣсто этого воззванія, съ прочими предметами сюда относящимися, я заключу свое разсужденіе молитвой, слышанною мною нынѣ въ стѣнахъ Успенскаго собора: Святіи равноапостольніи Меѳодіе и Кирилле, молите Бога о насъ, яко мы всѣ усердно къ вамъ прибѣгаемъ, яко молитвенникамъ о душахъ нашихъ. Молите за Россію, за Польшу, за Болгарію, за Сербію, за Боснію, за Герцеговину, за Чехію, за Моравію, за Кроацію, за Далмацію, за Черногорію...

Помолитесь еще о насъ: Богъ далъ намъ все, но очи наши держатся. Да покажетъ Онъ намъ свѣтъ“ [126])!

Строки эти доставили Н. И Любимову „невыразимое удовольствіе“ [127]).

Погодинъ, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, лѣтомъ 1863 года, на обѣдѣ у И. Д. Делянова, въ сообществѣ своихъ старыхъ воспитанниковъ Москвичей, прочелъ вышеприведенныя отрывки изъ рѣчи о Кириллѣ и Меѳодіѣ, относящіеся, по его выраженію „къ модному повѣтрію“.

Въ *Дневникѣ* Никитенко, подъ 1 іюня 1863 г., читаемъ: „Засѣданіе въ академіи наукъ. Споръ Погодина съ Срезневскимъ. Первый доказывалъ, по общепринятому мнѣнію, что Кириллъ и Меѳодій — настоящіе изобрѣтатели Славянскаго письма и переводчики Св. Писанія. Второй, основываясь на сказаніи черноризца Храбра, утверждалъ, что Славяне до Кирилла и Меѳодія, по принятіи христіанства, писали уже Греческими буквами и имѣли Евангеліе и Псалтырь въ переводѣ на Славянскомъ языкѣ“ [128]).

Въ то же время академикъ Билярскій писалъ Погодину: „Статью вашу о Кириллѣ и Меѳодіѣ я читалъ гдѣ-то въ извлеченіи и не нашелъ мѣста, которое осталось для меня особенно памятнымъ. Ужь не выпустили ль вы сами это мѣсто? Это было бы жаль. Я разумѣю то мѣсто, гдѣ вы предоставляете филологамъ, по языку рѣшить вопросъ народности Кирилла и Меѳодія. Тутъ вы необыкновенно мѣтко выразили, въ приложеніи къ одному изъ важнѣйшихъ частныхъ случаевъ, одно изъ общихъ требованій филологической критики, и это выраженіе тѣмъ больше имѣетъ цѣны, что у филологовъ вы едва ли найдете этотъ взглядъ не только въ примѣненіи къ дѣлу, но и въ отвлеченномъ видѣ. А между тѣмъ, это одинъ изъ самыхъ живыхъ и плодотворныхъ взглядовъ. Когда вы читали у насъ свою статью, я промолчалъ объ этомъ, чтобы не дразнить гуся, который въ такихъ случаяхъ обыкновенно дѣлается очень чувствительнымъ“.

XLIX.

1-го марта 1864 года, исполнилось трехсотлѣтіе Московскаго книгопечатанія. Предъ наступленіемъ этого дня, Погодинъ заявилъ въ обществѣ любителей Россійской словесности: „Къ 1-му марта 1864 года, трехсотлѣтію *Апостола*, первой печатной книги въ Москвѣ, синодальная типографія, соединяя въ своей дѣятельности двухъ членовъ общества любителей Россійской словесности, Н. П. Гилярова-Платонова и П. А. Безсонова, готовитъ нѣсколько библіографическихъ изданій, для Исторіи типографской дѣятельности“.

Начальникомъ Московской синодальной типографіи въ это время былъ Никита Петровичь Гиляровъ-Платоновъ и находился, къ сожалѣнію, въ немирныхъ отношеніяхъ съ Петромъ Алексѣевичемъ Безсоновымъ, какъ это видно изъ сохранившихся писемъ послѣдняго къ Погодину.

30 августа 1863 года, Безсоновъ писалъ: „Къ намъ, управляющимъ въ типографію, на мѣсто Лопухина, назначенъ Н. П. Гиляровъ: Прекрасно? Конечно. Только вотъ что. Лопухинъ нá свою долю сдѣлалъ пропасть для типографіи полезнаго и работалъ, какъ умѣлъ, до упаду. Въ послѣднее время онъ былъ боленъ и мы, товарищи его и совѣтники, трое, исправляли его должность: а однако и больной онъ всѣмъ занимался на дому и ничего почти не проходило безъ его вниманія. Въ отставку онъ собирался, но еще не подавалъ: вѣдь лучше бы, за прежнія заслуги, подождать этого? Тогда дѣло было бы чище. Мы всѣ трое и ждали, и мѣста его не искали, хотя всѣ трое служимъ седьмой годъ, пріобрѣли опытность, а я, какъ старшій совѣтникъ, въ послѣднее время, больше прочихъ исправлялъ должность и свою, и Лопухина. Помимо всего этого, не сказавши никому изъ насъ ни слова, Гиляровъ въ Петербургѣ попросилъ Блудову, та—государыню, государыня—Ахматова и Урусова—и кончено. Такъ по крайности разсказываютъ. Какъ бы то ни было и какъ бы ни былъ до-

стоинъ Гиляровъ, вѣдь ему еще приходится учиться управлять дѣломъ, съ которымъ онъ незнакомъ, учиться у насъ же и всего ближе у меня. А онъ до сихъ поръ ни письменно, ни лично, ни слова намъ, особенно мнѣ, а со мною вѣдь онъ изстари не чужой, и кругъ нашъ общій. Какъ вы думаете, вѣдь было бы нравственнѣе перетолковать по-Русски: *братцы, мнѣ нужно мѣсто, и мѣсто это даютъ; вы имѣли бы права, и мнѣ еще у васъ учиться, да выходитъ не та линія: давайте ладить, а я вамъ буду добрый товарищъ, хоть оффиціально и сяду выше.* Всякій бы изъ насъ, а особенно я первый, пожали бы руку: *Съ Богомъ! Мѣста этого мы не ищемъ, берите, а мы вамъ дружные помощники!* Увы, ничего этого не случилось. Гиляровъ года два почти ничего не пишетъ, проживалъ въ послѣднее время въ Москвѣ на досугѣ, ѣздилъ туда-сюда съ разными попами-пріятелями, а мы его не видали—не слыхали, и явится въ первый разъ прямо на предсѣдательское мѣсто. Скверно. Вотъ какъ обходятся между собою члены славянофильскаго кружка, собиравшіеся около Хомякова! Это хоть бы Строеву: онъ также разъ сдѣлалъ съ Калайдовичемъ.

Конечно, у меня достанетъ самообладанія, чтобы цѣнить успѣхъ дѣла выше личной обстановки: ни самъ Гиляровъ, ни типографія отъ меня не потерпятъ. Но вѣдь не могу же я не чувствовать безнравственности пріема, и, если самъ не вынужденъ буду выйти, то не ручаюсь за товарищей и за искренность, съ которою будутъ они обучать Гилярова. Жаль, если потерпитъ типографія: а она теперь въ самомъ лучшемъ устройствѣ, какъ никогда. Вотъ и твердимъ мы другъ другу: время опасное, соединяйтесь, бросимъ мелочные счеты! И судьба сведетъ отлично. Аксаковъ первый воскликнулъ, узнавши о поступленьи Гилярова: *Чего теперь лучше для типографіи, Гиляровъ и Безсоновъ* (извините нескромность)! Такъ. Но вѣдь нужно же начать актъ соединенія зуботычиной! Лопухинъ обиженъ, намъ дико: стоило бы малость Русскаго общенья, переговора и все бы по маслу. Нѣтъ, боимся себя уронить: лучше

прямо взойдемъ, да и сядемъ на голову, да тогда, какъ увидимъ нужду, по необходимости размягчимся! Эхъ! А врагъ-то общій и сильный: шесть лѣтъ мы поддерживали успѣхи типографіи только тѣмъ, что были зубъ за зубъ съ синодомъ — чиновниками его, не уступали имъ ни въ чемъ, не давали ни умничать, ни воровать. Теперь же, по необходимости, Гилярову первые пріятели Урусовъ да Ахматовъ, а товарищи по типографіи должны выбирать одно изъ двухъ: либо уступить этимъ волкамъ, либо спорить съ Гиляровымъ, мнѣнія, да протоколы, и прочая дрянь!

А счастье было такъ возможно! Впрочемъ, не теряю надежды, что уладится: по крайности я лично — обѣими руками. Не посѣтовать же не могъ: и передъ вами, патріархомъ".

Въ другомъ письмѣ своемъ (отъ 24 сентября 1830), Безсоновъ писалъ:

„Простите меня, Михаилъ Петровичъ, что не написалъ о Посошковѣ: не до писанья, не до занятій, на все опускаются руки и приходится все пока бросить. Новый начальникъ объявилъ въ присутствіи мнѣ съ товарищемъ Новиковымъ *), что потому съ нами не сближается, — получилъ противу насъ въ Петербургѣ строгія инструкціи. На языкѣ чиновномъ это значитъ намъ предстоитъ выходить вонъ и что съ этимъ условіемъ принялъ свое мѣсто новый начальникъ. Если это правда, то по малѣйшей его жалобѣ уволятъ, если же (по всѣмъ признакамъ это вѣрнѣе) это утка, то это составляетъ стало быть искомый и желанный предметъ для управляющаго. Въ обоихъ случаяхъ намъ не легче и приходится заблаговременно искать мѣста. А это для меня трудненько, особенно съ 12-тью человѣками семьи, да безъ всякой нажитой копейки. Нужно бѣгать да искать, и искать съ сей же минуты. Вотъ говорили мы о терпѣніи, снисхожденьи и т. п. Радъ бы душой — да хлѣбъ чужой, и этотъ хлѣбъ отнимаютъ. Послѣдняя надежда — Аксаковъ, хотѣлъ устроить свиданіе и объясненіе, что̀ же все

*) Николай Николаевичъ. *Н. Б.*

это значитъ. Но боюсь, что и тутъ надуютъ: на словахъ, пожалуй, можно успокоить, а на умѣ думать — *подержу, пока поучусь, а послѣ долой!* Ужъ коли пошло на надувательство, оно такъ и пойдетъ: оно началось съ самого корня. Узналъ я, какъ помянили меня славянофилы сотоварищи: когда, видите, только что возникла мысль о мѣстѣ управляющаго, вмѣсто того, чтобъ тогда же со мной откровенно объясниться, Гилярову совѣтовали *молчокъ, ни гу-гу, а то разгласится!* Вотъ и сварили кашу, а мнѣ ее расхлебывать...

...Вчера написалъ, а нынче утромъ подумалъ: вы принимаете во мнѣ участіе, не растревожить бы васъ. Спѣшу успокоить. Съ той минуты, какъ я убѣдился въ печальной дѣйствительности, я успокоился и въ душѣ *предоставилъ все дѣло Судіѣ Праведному.* Ни борьбы, ни скандала для славянофиловъ не будетъ: я уѣду не съ разу, ибо нужно еще пріискать мѣсто, и уйду тихо. Нынче память подвижника кротости, завтра—апостола любви: довольно примѣровъ, чтобъ успокоить всякія страсти; довольно совѣстливой увѣренности, что поработалъ на свою долю вдоволь и не первый на бѣломъ свѣтѣ долженъ потерпѣть".

Въ то время, когда главные дѣятели Московской синодальной типографіи между собою враждовали, членъ общества любителей Россійской словесности, Сергѣй Дмитріевичъ Полторацкій, напечаталъ слѣдующій листокъ, по поводу пятисотлѣтія Московскаго книгопечатанія:

„1564—1864.

Въ воскресенье, 1 марта, цѣлый день и половину ночи, былъ я занятъ воспоминаніями о *первой* Московской книгопечатнѣ, которую начали учреждать въ 1553 году, и о *первой* Московской книгѣ, отпечатанной одиннадцать лѣтъ спустя, 1 марта 1564 года, думалъ о засѣданіи, долженствовавшемъ въ эту достопамятную для Исторіи Русскаго просвѣщенія годовщину, быть въ нашемъ обществѣ любителей Россійской словесности, въ родной Москвѣ, и перечитывалъ многочисленныя подробныя статьи, отмѣченныя въ моихъ записныхъ книжкахъ

о *первопечатной* Московской книгѣ: *ДѢЯНІЯ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛЪ... И тако повелѣніемъ благочестиваго царя и великаго князя ивана васильевича всея русіи, и благословеніемъ преосвященнаго макарія митрополита начаша изыскивати мастеръства печатныхъ книгъ, влѣто 61, осмыя тысящи (1553), въ 30-е лѣто государьства его. благовѣрный же царь повелѣ оустроити домъ отъ своея царскія казны, идѣже печатному дѣлу строитися, и нещадно даяше отъ своихъ царскихъ сокровищъ дѣлателем, николы чюдотворца іостунъского діякону ивану ѳедорову да петру тимофѣеву мстиславцу на составленіе печатному дѣлу и къ ихъ оупокоенію, дондеже и на совершеніе дѣло ихъ изыде. и первѣе начаша печатати сія святыя книги, дѣянія апостольска. и посланія соборная и святаго апостола павла посланія, влѣто 7070, первое (1563), априля, въ 19. напамять, преподобнаго отца іоана палеврета, сирѣчь ветхія лавры, совершени же быша, влѣто 7070, второе, (1564), марта, въ, 1, день, при архиепископе афанасіе митрополите всея росія вперьвое лѣто святительства его въ славу вседержащия и живоначалныя троица отца и сына и святаго духа. аминь.*

Въ это самое воскресенье наше общество вспомнило и меня, и въ понедѣльникъ, 9 марта, въ девятомъ часу утра, я сердечно былъ тронутъ памятью общества обо мнѣ, получивъ отъ него печатное, на мое имя, привѣтствіе въ рамкѣ, отъ Станка Петра Великаго, по случаю исполнившагося 1 марта сего 1864 года трехсотлѣтія московскаго книгопечатанія.

Искренно благодарю наше общество за его доброе привѣтствіе.

Сергѣй Полторацкій".

Одинъ изъ старѣйшихъ членовъ общества любителей Россійской словесности, извѣстный писатель князь В. Ѳ. Одоевскій, въ это время былъ погруженъ въ міръ древнихъ звуковъ. 14 января 1863 года, онъ писалъ Погодину: „Отъ чего твои милыя дамы не были въ пятницу у меня? Мнѣ это было очень

досадно, ибо *каждый разъ*, подъ формою простого разговора, я групирую множество разныхъ наведеній вокругъ одного положительнаго понятія, которое должно служить *ступенькой* для другаго послѣдующаго, и которое, слѣдственно, должно быть усвоено слушателями; иногда эти наведенія, изъ разныхъ областей жизни, являются мнѣ нежданно, по какому-то чутью, которое мнѣ проговариваетъ на ухо, что слушатели меня не совсѣмъ поняли; потомъ эти подспорья мною самимъ забываются и теряются. Между тѣмъ, въ музыкальной техникѣ, болѣе нежели гдѣ-либо (по неустановившемуся языку и по причинѣ разнаго схоластическаго хлама, которымъ завалены и задавлены самыя простыя явленія), надобно избѣгать скачковъ... Ты долженъ этимъ дѣломъ интересоваться, ибо независимо отъ искуства собственно, еще мало у насъ усвоеннаго, я имѣю цѣлію научить моихъ слушателей тому, чему ни одинъ учитель не учитъ, т.-е., *читать* и *писать* (наши учители учатъ лишь декламаціи, да тѣмъ и оканчиваютъ), сирѣчь, *грамотѣ* музыкальной, — такъ чтобы мои слушатели могли всякую слышанную музыку записывать, *какъ записываются слышимыя слова*. Симъ путемъ будутъ мало-по-малу записываться *наши исконные* напѣвы, какъ церковные, такъ и мірскіе, которые съ каждымъ днемъ теряются и искажаются; а вѣдь народный напѣвъ такая же святыня, какъ народное слово. Вотъ почему мнѣ хочется, чтобы моя техника попала въъ умныя головы" [129]).

Сохранилось письмо князя В. Ѳ. Одоевскаго къ извѣстному путешественнику по Востоку преосвященному Порфирію (отъ 31 мая 1863 г.), въ которомъ читаемъ: „Позвольте, помянувъ дни древніе, обратиться съ покорнѣйшею къ вамъ просьбою. Дошло до меня свѣдѣніе, что у васъ есть нѣкій Ирмологіонъ *Греческій*, съ переложеніемъ крюковъ на линейныя ноты. Могу ли я надѣяться, что вы, по вашему ко мнѣ благорасположенію, ссудите меня на мѣсяцъ времени этою необходимою для меня рукописью? Важность ея для меня весьма будетъ понятна, когда я скажу вамъ, что изданіе моей книги о древнемъ Русскомъ пѣснопѣніи задерживается про-

бѣломъ, котораго не могу наполнить за недостаткомъ источниковъ, а именно: опредѣленіе отношеній между гласами Греческаго осьмогласія и гласами Великорусскаго; находящійся у васъ Ирмологіонъ, безъ сомнѣнія, дастъ мнѣ нѣкоторыя указанія, коими подтвердятся или опровергнутся мои наведенія, добытыя другими путями. Долженъ ли я увѣрять васъ, что вашу рукопись я буду хранить, яко зѣницу ока, въ каменной стѣнѣ, за двумя желѣзными дверями, гдѣ храню всѣ мои рукописи, и возвращу въ срокъ, который вы мнѣ назначите.— Въ настоящую минуту, когда преступные шуты осмѣливаются отрицать даже нашу народность, необходимо еще болѣе, отбросивъ наше обычное *рукавоспустіе*, со всѣхъ сторонъ выводить на свѣтъ Божій нашу самобытность и наше законное происхожденіе; изслѣдованія о нашей *исконной* музыкѣ должны занимать въ этомъ дѣлѣ не послѣднее мѣсто, ибо въ пѣніи выражается *внутренняя* человѣка, и этотъ элементъ народности сохраняется долговѣчнѣе, нежели многіе другіе. Удостойте меня нѣсколькими строками и сообщите мнѣ о себѣ, о вашемъ здоровьи, о вашихъ важныхъ трудахъ, къ коимъ я всегда питалъ и питаю самое живое сочувствіе" [130]).

Е.

Въ засѣданіи общества любителей Россійской словесности, 17-го ноября 1863 года, Погодинъ прочелъ отчетъ о дѣятельности общества, въ которомъ воздалъ достойную хвалу Владиміру Ивановичу Далю, за его *Толковый словарь*. „Прискорбно—писалъ Погодинъ,—что наша ученая публика оказываетъ мало вниманія этому важному изданію, которое должно бы сдѣлаться настольною книгою у всякаго писателя; послѣднихъ выпусковъ разошлось вдвое меньше, чѣмъ первыхъ, такъ что продолженіе, за расходомъ всѣхъ денегъ, и основныхъ и вырученныхъ, можетъ затрудниться. Обращаемъ на это вниманіе тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ. Польскій словарь Линде и Чешскій словарь Юнгмана расходились не сотнями, а тысячами экзем-

пляровъ. Всѣ Польскіе и Чешскіе ученые и литераторы принимали дѣятельное участіе въ этихъ словаряхъ и старались объ ихъ полнотѣ, исправности и распространеніи. Трудъ В. И. Даля—монументальный трудъ. Русское общество провинилось бы непростительнымъ равнодушіемъ ко всему родному, если бы не поддержало этого труда" [131]).

Не ограничиваясь этимъ заявленіемъ, Погодинъ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, требовалъ, чтобы академія наукъ сдѣлала Даля своимъ членомъ. „Я смѣю думать,—писалъ Погодинъ,—что Даль составитель *Толковаго Словаря*, издатель полнѣйшаго собранія пословицъ, собиратель народныхъ сказокъ (переданныхъ Аѳанасьеву), авторъ примѣчательныхъ въ свое время повѣстей и разсказовъ, знатокъ народной рѣчи, имѣетъ право на академическое кресло, предпочтительнѣе передъ всѣми нами, наличными академиками,—кромѣ, можетъ-быть, двоихъ, то-есть, Востокова и митрополита Филарета. Когда я прочелъ первый выпускъ *Словаря* Далева, тогда я написалъ сгоряча, что всѣ академики, кромѣ двухъ поименованныхъ, должны бросить жребій, кому выйдти изъ академіи впредь до первой вакансіи, и уступить свое мѣсто Далю. Такъ поразилъ меня его *Словарь*. Меня отговорили посылать свое представленіе, чтобы не возбудить нерасположеніе къ Далю. Это вздоръ (я слишкомъ высоко чту безпристрастіе моихъ сочленовъ), но я не послалъ представленія въ то время по какимъ-то другимъ соображеніямъ.

Даль,—продолжаетъ Погодинъ, — ну, вотъ это Московская знаменитость, а многіе ли знаютъ про то? Многіе ли знаютъ, что тамъ, гдѣ-то, около Прѣсненскихъ прудовъ, въ захолустьѣ, живетъ отшельникъ, прошедшій, впрочемъ, чрезъ огнь, воду и мѣдныя трубы. Онъ служилъ во флотѣ, кончилъ курсъ медицины въ Дерптѣ, строилъ мостъ на Вислѣ во время войны Польской, ходилъ въ Хиву, служилъ лѣтъ пять секретаремъ у министра Перовскаго, управлялъ удѣльною конторой въ Нижнемъ лѣтъ десять. Дополнимъ характеристику: Даль—отчаянный гомеопатъ и ревностный поклонникъ Сведенборга. Онъ

корпитъ теперь день и ночь надъ своимъ *Словаремъ*, читаетъ по десяти корректуръ всякаго листа, и въ остальное время дописываетъ послѣднія буквы, боясь, что не успѣетъ ихъ кончить. Пожелаемте-жъ ему здоровья, силы и полнаго успѣха, къ чести, пользѣ и славѣ Русской словесности. А все-таки, читая Даля, мнѣ чуется *иногда*, что его Русскій языкъ не есть его природный языкъ, изъ его крови истекающій, точно какъ въ его замѣчательномъ разсужденіи о раскольникахъ, мнѣ послышалось, что онъ протестантъ. Я никакъ не скажу со многими, что Даль знаетъ Русскій языкъ лучше всѣхъ, но скажу смѣло, что онъ знаетъ Руссскій языкъ больше всѣхъ. Скоро выйдетъ въ свѣтъ выпускъ *Словаря*, коимъ оканчивается I томъ, состоящій изъ 60 печатныхъ листовъ. Второй томъ въ рукописи готовъ. Третій томъ занимаетъ одна буква П. Отработка *покоя* уже въ концѣ. Для четвертаго тома приготовлены матеріалы. Старикъ Гречъ, котораго въ этомъ случаѣ надо помянуть добромъ, перечитываетъ внимательно, съ замѣчаніями, всѣ листы, пересылаемые къ нему въ Петербургъ, несмотря на свой осьмой десятокъ. Мы любимъ всѣхъ бранить, замѣчу кстати, и сказать слово въ похвалу кому бы то ни было, считаемъ униженіемъ своего достоинства; о Гречѣ, который шестьдесятъ лѣтъ работаетъ надъ Русскимъ языкомъ, въ послѣднее время, кромѣ брани, ничего не было слышно на *вшивомъ рынкѣ Русской словесности*, по выраженію Пушкина. Скверное повѣтріе, впрочемъ, слава Богу, прекращается. Второй сотрудникъ Даля есть Микуцкій, воспитанникъ Московскаго университета и вмѣстѣ покойнаго Хомякова, живущій въ Варшавѣ. (Микуцкій принялся за составленіе *Всеславянскаго Словаря*). Члены общества любителей Россійской словесности помогаютъ Далю, кто чѣмъ можетъ. Итакъ, Даль есть Московская знаменитость. Его надо отыскивать Русскимъ путешественникамъ и показывать иностраннымъ“ [132]).

Извѣстный Юрій Никитичъ Бартеневъ, придравшись къ этой статьѣ, писалъ Погодину: „Податель этой отписки къ особѣ вашего превосходительства есть ближній землякъ мой,

костромичъ, какъ и я,—Алексѣй Порфировичъ Владиміровъ.— И вотъ, почесалось любезному земляку моему: не попадетъ-ли онъ въ число оберъ-офицерскаго званія библіотекарей на предполагаемыя подобныя мѣста въ Московскомъ университетѣ.

Протекціи ни у меня, ни у него въ Москвѣ нѣтъ. И вотъ, прочитавши о новой смѣлости твоей, напечатанной въ послѣднихъ номерахъ Московской газеты,—указывать достойныхъ людей даже самой императорской академіи, указывать притомъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, ставя себя въ умаленіи,—что есть подвигъ и самосознательный, и высокой христіанской практики; а потому, пріемлю смѣлость толкнуть къ тебѣ земляка моего, дабы вновь попрактиковать любящее твое сердце и всѣмъ извѣстный закалъ Погодинской quasi—Тертуліанновской воли, заканчивая эпистолу свою словомъ царственнымъ и пусть оно втянется въ ищущую твою душу:

Блаженъ тотъ, кто сочуаствуетъ ближнему;
Того ожидаетъ великая мзда впослѣдствіи".

Само собою разумѣется, что на академиковъ статья Погодина произвела непріятное впечатлѣніе. „Въ первое послѣ каникулъ засѣданіе нашего отдѣленія,—писалъ къ Погодину академикъ Билярскій,—была читана ваша статья въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, гдѣ вы говорите о Павскомъ и о Далѣ. Кажется, не одобряютъ, и думаю, что кто-нибудь напишетъ вамъ объ этомъ. Мнѣ тоже сдается, что эта статья можетъ запутывать понятія объ академіи и умножать непріятные толки, безъ пользы для дѣла. Мнѣ кажется, несправедливо считать званіе академика за титулъ, даваемый *въ вознагражденіе*, хотя бы даже за услуги, *такъ или иначе* оказанныя наукѣ. И что пользы отъ того, что Павскій былъ академикомъ! Тоже скажу и о Далѣ. Для отдѣленія его избраніе было бы безполезно; а для него самого — вредно. Теперь его *Словарь*, какъ трудъ вольнаго любителя, обезоруживаетъ критику своимъ богатствомъ; а какъ произведеніе академика, онъ вызывалъ бы ее на себя и не могъ бы выдержать даже умѣренныхъ ея требованій, несмотря на свое богатство. Для второго отдѣле-

нія академіи нужны люди, которые своими занятіями и личнымъ участіемъ въ его дѣятельности могли бы содѣйствовать къ устроенію правильнаго хода успѣховъ науки. Правда, мы не можемъ выдержать этого правила въ выборѣ новыхъ членовъ; но не должны поэтому бросать самое правило, но должны добиваться того, чтобы когда-нибудь можно было строго держаться этого правила“.

Съ своей стороны, и академикъ Гротъ писалъ Погодину: „Коллеги на васъ не сѣтуютъ, а только, откровенно говоря, всѣ мы того мнѣнія, что лучше не подвергать заранѣе публичному обсужденію домашнихъ вопросовъ академіи, ибо выборъ ея все-таки лежитъ на ея собственной отвѣтственности. Особенно со стороны академика такія публичныя заявленія неудобны, ставя въ затруднительное положеніе и академію, и предлагаемое лицо. Вы бы поставили Даля рядомъ съ Глинкой. Очень понятно, что Даль и самъ былъ не доволенъ выставкою его на показъ. Но за самый способъ вашихъ выраженій о насъ, повѣрьте, что никто изъ членовъ на васъ не въ претензіи“.

Сохранилось очень любопытное письмо А. Н. Аксакова къ Погодину, въ которомъ читаемъ: „Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* вы пишете, что вамъ хотѣлось сгоряча смѣстить съ академическихъ креселъ одного изъ вашихъ сотоварищей академиковъ, чтобъ только посадить въ эти кресла В. И. Даля,— такъ поразилъ онъ васъ своимъ *Толковымъ Словаремъ*. Вы значитъ признаете за этимъ трудомъ значеніе личнаго подвига и отечественнаго! Вы называете его честью и славой Русской словесности, и говорите: *Пожелаемъ же Далю здоровья, силы и полнаго успѣха...* Но отъ однихъ пожеланій никому не поздоровится. Вы знаете, что Далю пошелъ седьмой десятокъ, вы знаете, какъ онъ слабъ и хилъ, съ какимъ трудомъ онъ переноситъ каждую зиму! Въ эту пору недуги его до того усиливаются, что онъ почти бросаетъ свою головоломную работу, и, горюя о *Словарѣ*, пускается столярничать,—строитъ мотовилки, да клеитъ деревянныя коробки для дѣтей! Только лѣтомъ онъ воскресаетъ и

собираетъ остатокъ силъ, чтобы корпѣть, какъ вы говорите, *день и ночь надъ своимъ Словаремъ, читая по десяти корректуръ всякаго листа, а въ остальное время дописывая послѣднія буквы, боясь, что не успѣетъ ихъ кончить*. А что если въ самомъ дѣлѣ онъ не успѣетъ ихъ кончить? Кого же мы тогда, всею Русью, станемъ винить, какъ не общество Россійской словесности, и васъ первыхъ во главѣ его, за то, что оно не приняло благовременно мѣръ, чтобы славный трудъ этотъ былъ довершенъ самимъ тружеником, ибо никто, кромѣ Даля, не будетъ въ состояніи докончить его? Не постыдное ли дѣло, что въ толпѣ праздношатающихся членовъ вашего общества не нашлось ни одного, который бы принялъ на себя внѣшнюю, матеріальную сторону труда, чтобы дать Далю время и силы заняться отработкою остальныхъ буквъ? Не постыдное ли дѣло, что за неимѣніемъ охотниковъ изъ среды общества, оно не нашло денежныхъ средствъ, чтобы нанять человѣка, который бы посвятилъ себя этому дѣлу помощи; или, еще проще, не вручило эти средства самому Далю, чтобъ онъ могъ, по усмотрѣнію, искать и нанять себѣ помощника? Одно незнаніе, или совершенное равнодушіе, можетъ терпѣть, чтобъ общеполезный, громадный трудъ лежалъ всей тяжестью своей на одномъ человѣкѣ, когда раздѣленіе этого труда возможно, а соучастіе ручалось бы въ довершеніи его! Посмотрите въ Германіи или Франціи, какой рой молодыхъ сотрудниковъ и помощниковъ окружаетъ людей, посвятившихъ себя на какое-либо народное дѣло!

Отработка *Покоя* (т.-е., буквы П) далеко не подходитъ къ концу, какъ вы пишете; не подходитъ даже и къ половинѣ, такъ что цѣлыхъ полтора тома еще не написано, а это составляетъ почти что половину всего труда. Даль изнываетъ подъ бременемъ матеріальной работы около своего *Словаря*, и только рѣдкій часъ въ день можетъ удѣлить на разработку остальныхъ буквъ. Этой матеріальной, почти механической работы гораздо болѣе, чѣмъ, быть можетъ, многіе воображаютъ: не однѣ корректуры убиваютъ глаза, голову и время! Отмѣтка

шрифтовъ въ подлинникѣ, провѣрка съ другими источниками, вставка новыхъ словъ, размѣщеніе пословицъ по алфавиту и подборъ ихъ къ мѣсту въ *Словарѣ*,—вотъ работа, которую, вмѣстѣ съ корректурами, могъ бы на себя принять помощникъ Даля, корыстно или безкорыстно обрекшій себя на это дѣло,— именно обрекшій себя на это дѣло, потому что въ это дѣло нужно втянуться, вдуматься, предаться ему исключительно, чтобъ не дѣлать Далю болѣе помѣхи, чѣмъ помощи.

Ужь не знаю, право, поминать ли еще о томъ, что общество, пріобрѣтая частный трудъ для всенародной пользы, ничего не сдѣлало, чтобъ хоть сколько-нибудь вознаградить и обезпечить того, кто пожертвовалъ для этого труда своимъ доходнымъ досугомъ и послѣдними силами? Только неразвитое чувство народной чести можетъ безвозмездно принять такое приношеніе! Отъ Даля вы не дождетесь, чтобы онъ замолвилъ слово о себѣ самомъ; онъ умретъ, но не попроситъ и не попрекнетъ.

Пишу къ вамъ объ этомъ потому, что если вы скажете себѣ: это такъ, это должно быть,—то это и будетъ! Вы за это возьметесь горячо, вы это устроите, вы не успокоитесь покуда мысль ваша не воплотится! Если это вамъ удастся, то вы сдѣлаете поистинѣ доброе гражданское дѣло. Думаю, что это хотя нѣсколько изгладитъ то впечатлѣніе, которое вы сдѣлали на Даля, схвативъ его за волосы, чтобъ выставить на показъ иностранцамъ и путешественникамъ, которыхъ у насъ нѣтъ“!

Самъ же Даль, 1 декабря 1863 года, писалъ Погодину: „Съ пророкомъ Наумомъ!.. Играете ли вы на бильярдѣ? У меня онъ поставленъ, милости просимъ“ [133])!

Въ концѣ концовъ, академія наукъ сопричислила Даля къ своему сословію. Академикъ Никитенко, 14 декабря 1863 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вчера, въ засѣданіи академіи, по предложенію графа Блудова, выбрали въ почетные члены Буткова и Рейтерна, а сама академія—Даля. Стыдно президенту, что онъ навязалъ намъ такого господина, какъ Бутковъ. Это... для академіи. Ужь если предлагать, то предложилъ бы

князя А. М. Горчакова: это было бы теперь кстати. Отъ Каткова мы кое-какъ отдѣлались".

Съ своей стороны, Я. К. Гротъ писалъ П. А. Плетневу: „Даль не былъ дѣйствительнымъ членомъ отдѣленія, а корреспондентомъ. Мы желали оказать ему вниманіе и поощреніе. Это всѣмъ понравилось, и самъ Даль очень доволенъ. Въ письмѣ ко мнѣ по этому случаю онъ, не зная, что ты за границей, назвалъ тебя однимъ изъ виновниковъ этого избранія. Такъ вотъ и намъ удалось доставить, ничего намъ не стоющее и никому не вредящее поощреніе" [134]).

LI.

Въ 1863 году, на святой недѣлѣ, въ Петербургѣ, скончался знаменитый авторъ изслѣдованій надъ Русскимъ языкомъ, протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій.

„Лишь только разнеслась по городу вѣсть о кончинѣ Павскаго,—писалъ протоіерей А. Орловъ,—какъ въ его квартиру стали стекаться люди разнаго званія". 9 апрѣля, въ 6-ть часовъ по-полудни, вынесли усопшаго въ церковь Таврическаго дворца. На слѣдующій день, въ 11-ть часовъ утра, прибылъ въ церковь высокопреосвященный Исидоръ и началась божественная литургія. Къ отпѣванію собрались прочіе члены св. сvнода: Арсеній, митрополитъ Кіевскій; Платонъ, архіепископъ Рижскій; протопресвитеры: В. Б. Бажановъ и В. И. Кутневичъ. Въ 3 по полудни, кончилось отпѣваніе, и тѣло было погребено на кладбищѣ императорскаго фарфороваго завода" [135]).

По поводу кончины протоіерея Павскаго, Погодинъ писалъ: „Скончался Павскій,—и что же? Ни въ одной Русской газетѣ, даже Петербургскихъ, нѣтъ о немъ во время никакого извѣстія! Есть ли въ духовныхъ журналахъ, я не слыхалъ и не видалъ. О самой кончинѣ я узналъ только изъ приглашеній къ панихидамъ. Помилуйте—вѣдь Павскій есть Русская знаменитость! Много ли у насъ Павскихъ? Павскій перевелъ все

Священное Писаніе съ Еврейскаго языка на Русскій; Павскій издалъ примѣчательныя филологическія изслѣдованія надъ Русскимъ языкомъ; Павскій первымъ студентомъ кончилъ первый курсъ академіи (если, впрочемъ, я не ошибаюсь), и прослужилъ съ отличіемъ, лѣтъ тридцать, профессоромъ. Мы не узнаемъ изъ нашихъ газетъ, даже какихъ лѣтъ онъ скончался. Чѣмъ онъ занимался въ послѣднее время? Какую велъ жизнь? Какіе труды по себѣ оставилъ? Было ли продолженіе его филологическихъ изслѣдованій? Почему они остановились? Не велъ ли онъ своихъ записокъ? Въ чемъ состоятъ достоинства его библейскаго перевода? Недостатки? Замѣчены были, кажется, такіе, по которымъ его употребленіе запрещалось. Гдѣ эти замѣчанія? Какъ онъ защищалъ свой переводъ? Въ молодости еще я слышалъ, что у Павскаго была примѣчательная переписка съ нашимъ митрополитомъ Филаретомъ. Въ чемъ бы она ни состояла, для мыслящаго человѣка, въ высшей степени было бы любопытно и поучительно узнать короче о взглядахъ такого великаго богослова, какъ митрополитъ Филаретъ, и слышать отвѣты такого филолога, какъ Павскій. Чѣмъ же поддерживать намъ любознательность, возбуждать самостоятельность, питать чувство національности, если мы будемъ такъ холодно относиться къ важнѣйшимъ явленіямъ въ нашей пока еще часто пошлой жизни. Чѣмъ они рѣже, тѣмъ достойнѣе нашего вниманія. Чтó сказалъ Брюль или Октавъ Фелье, чтò отвѣчалъ Сенъ-Маркъ Жирарденъ, или Вьенне? Эти вопросы услышите въ Парижѣ на всякомъ перекресткѣ или кафе, въ день засѣданія академій, а у насъ чьимъ мнѣніемъ или отзывомъ интересуется публика? Какія знаменитости въ вашемъ городѣ, спроситъ иностранный путешественникъ въ Петербургѣ или Москвѣ? и услышитъ одно заиканье. Обязанность газетъ и журналовъ, составляющихъ наши главные университеты, исполняющихъ обязанности старинныхъ сборниковъ, безпрестанно, при всѣхъ возможныхъ случаяхъ, подстрекать общественное любопытство.

Возвращаясь къ Павскому, скажу, что желательно узнать о немъ, какъ о профессорѣ, какъ о собесѣдникѣ, пріятелѣ,

учителѣ, семьянинѣ и проч. и проч. Гдѣ онъ родился, гдѣ воспитывался, какъ провелъ молодость? Нужны свѣдѣнія объ его перепискѣ. Одни извѣстія слѣдуетъ вновь собрать, а другія пополнить. Въ иллюстраціяхъ нуженъ былъ бы тотчасъ его портретъ. Предлагаютъ же намъ рисунки гробницъ гг. Бѣлинскаго и Добролюбова!

Можно упрекнуть, кстати, заднимъ числомъ, и Россійскую академію, какимъ образомъ могла она избрать Павскаго членомъ послѣ А. Б. В. Г. и проч., тогда какъ онъ долженъ былъ получить это званіе въ числѣ первыхъ.

На моей душѣ, впрочемъ, грѣха нѣтъ, и я предлагалъ Павскаго чуть ли не тотчасъ послѣ своего вторичнаго назначенія, и повторялъ это предложеніе нѣсколько разъ" [136]).

Вслѣдъ за протоіереемъ Павскимъ, переселился въ вѣчность одинъ изъ старѣйшихъ членовъ общества любителей Россійской словесности. 15 ноября 1863 года, скончался Иванъ Ивановичъ Давыдовъ.

По переѣздѣ въ Москву, Давыдовъ, состоявшій въ званіи сенатора, жилъ въ собственномъ домѣ, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, и въ послѣдніе дни своей жизни имѣлъ съ Погодинымъ довольно частыя и дружескія сношенія.

16 апрѣля, Давыдовъ писалъ Погодину: „Посылаю вамъ записку о *Добролюбовѣ*, составленную однимъ изъ его товарищей по институту. Записка эта—голосъ правды... Читали ль вы въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* разборъ трудовъ Безсонова?.. И кто этотъ рецензентъ Котляревскій? По моему мнѣнію, это замѣчательный изслѣдователь старины.

Въ день празднованія въ обществѣ любителей Россійской словесности (11 мая 1863) св. Кирилла и Меѳодія, Давыдовъ, на приглашеніе Погодина принять участіе въ празднованіи, отвѣчалъ ему: „Приношу вашему превосходительству душевную благодарность за память обо мнѣ, какъ ветеранѣ общества любителей Россійской словесности, которому служилъ я вѣрою и правдою. Непремѣннымъ долгомъ почту посѣщать ваши собранія и быть, по крайней мѣрѣ, усерднымъ слушателемъ.

Сожалѣю, что не могу присутствовать въ нынѣшнемъ, весьма знаменательномъ засѣданіи общества: еще за недѣлю я далъ слово быть воспріемникомъ новорожденнаго въ одномъ дружескомъ семействѣ. Крещеніе назначено въ одно время съ засѣданіемъ.

Въ концѣ лѣта того же 1863 года, Погодинъ приглашалъ Давыдова поселиться въ его домѣ, на Дѣвичьемъ Полѣ, для пользованія садомъ. Тронутый этимъ вниманіемъ, Давыдовъ (22 августа) писалъ: „Благодаримъ, благодаримъ всей семьей душевно и сердечно, а воспользоваться любезнымъ, дружескимъ приглашеніемъ вашимъ и Софьи Ивановны не можемъ. Насъ, кажется, немного, а свита наша огромная: гувернантка, дѣвушки, камердинеръ и буфетчикъ, поваръ, кухарь. Сверхъ того, въ домѣ должна остаться престарѣлая мать Вѣры Александровны, тоже со свитою, потому надобно жить на два дома. Вообразите, какихъ затрудненій стоитъ перевозка мебели, посуды кухонной и столовой, гардероба, экипажей, овса, сѣна, соломы, дровъ— да всего и не перечтешь. Между тѣмъ, я долженъ ежедневно выѣзжать къ должности, что при нынѣшнемъ разстройствѣ моей конюшни, о чемъ я говорилъ вамъ, весьма затруднительно. По нездоровью ребенка, докторъ также ежедневно его навѣщаетъ, а на Дѣвичье Поле прокатиться не безделица.

Сообразивъ все это, приходишь къ заключенію, что и отъ чистаго воздуха, и отъ липоваго сада, и отъ зеленаго луга, и отъ купальни Москворѣцкой принуждены отказаться. Притомъ всѣмъ этимъ наслаждаться теперь то же, что спустя лѣто, въ лѣсъ по малину. Но, имѣя позволеніе, мы соберемся къ вамъ на цѣлый день, какъ скоро Коля поправится. Еще разъ повторяю нашу глубокую благодарность за пріятнѣйшее предложеніе. Видно, мы—городскіе жители, и сельскими удовольствіями можемъ утѣшаться въ идилліяхъ, а не въ дѣйствительности. И любезный всѣмъ намъ поэтъ говоритъ:

Красны холмы вижу тамъ,
Испещренные цвѣтами.....
Ахъ! Зачѣмъ я не съ крылами?
Полетѣлъ бы я къ холмамъ!

До свиданія. Неизмѣнно васъ уважающій и вамъ искренно преданный"....

„Нынѣшнимъ лѣтомъ (1863 года), — пишетъ Погодинъ, — случилось мнѣ узнать Давыдова еще съ одной хорошей стороны: онъ пріѣхалъ ко мнѣ толковать о тяжкомъ положеніи Россіи и о необходимости представительства, какъ единственнаго средства выйти съ честію изъ нынѣшней крайности. Пишите письмо къ государю, сказалъ онъ, соберемъ подписи и отправимъ. Я, согласный вполнѣ съ его мыслями, отвѣчалъ, что наканунѣ почти отдалъ въ *Московскія Вѣдомости* статью, pia desideria, подобнаго содержанія, и потому нахожу неудобнымъ и затруднительнымъ, въ авторскомъ отношеніи, тѣже мысли облекать тотчасъ въ другія формы. Напишите вы сами. *Хорошо.* Между тѣмъ, я набросалъ однакожъ нѣсколько мыслей. Дня черезъ два привозитъ Давыдовъ письмо. Я предложилъ ему свои мысли. Онъ взялъ ихъ для помѣщенія, и предложилъ посовѣтоваться между тѣмъ съ Катковымъ, какъ узнавшимъ короче настоящія отношенія. Я отправился къ Каткову, который былъ радъ безъ памяти, но думалъ, что между подписями не должны быть литераторскія, какъ подозрительныя. Долго продолжались наши совѣщанія, къ которымъ присоединился воспитанникъ Давыдова Войцеховичъ, пріѣхавшій на ту пору изъ Петербуга. Въ воскресенье, 2 августа, обѣдали они у меня всѣ вмѣстѣ: Давыдовъ, Войцеховичъ и Катковъ. Рѣшили выжидать, какъ обозначутся обстоятельства".

На другой день, 3 августа, Давыдовъ изъ своего „Леонтьевского зàмка", писалъ Погодину: „Дождь не пересталъ лить ливмя—и я принужденъ остаться дома. Авось, завтра увидимся, если погода будетъ лучше. Съ извѣстнымъ дѣломъ повторяется басня *Котъ и мыши*. Вотъ вамъ и патріотизмъ! Слова: *ne quid detrimanti respublica capiat*, остаются словами. Во всякомъ случаѣ, намъ нужно объ этомъ дѣлѣ еще побесѣдовать" [137]).

„На другой день (4 августа), — пишетъ Погодинъ, — мы съ Давыдовымъ обѣдали у генералъ-губернатора. 5 августа, Давы-

довъ обѣдалъ у Лазаревыхъ, а 1-го сентября, мы ѣздили вмѣстѣ на юбилей воспитательнаго дома. Онъ былъ очень веселъ. Мы смѣялись много на рябиновку, отъ которой запинался Войцеховичъ,—а смерть уже въ немъ зарождалась".

Въ это же время Давыдовъ вышелъ изъ академіи наукъ, и Плетневъ спрашивалъ Грота: „По чьему настоянію Давыдовъ вышелъ изъ академіи. Не вѣрится мнѣ, чтобы кроткій графъ Блудовъ наложилъ на него руку. Вѣроятно, это совершилось какъ нибудь по старанію министра" [138]).

LII.

Съ конца августа 1863 года началась предсмертная болѣзнь И. И. Давыдова. По свидѣтельству Погодина, Давыдовъ „все перемогался, выѣзжалъ въ сенатъ, но началъ сильно хандрить". 3 ноября „на именинахъ у Варвинскаго, — пишетъ Погодинъ,—я услышалъ, что Давыдовъ значительно боленъ, но здѣсь слѣдовала скорбная моя недѣля (кончина жены), и я не могъ навѣстить его, написавъ только къ нему записку. 12-го ноября, я выѣхалъ въ первый разъ со двора, прямо къ Давыдову, и нашелъ его лежащаго въ постели. Полунинъ сказалъ мнѣ, что надежды уже нѣтъ. Онъ былъ, впрочемъ, въ свѣжей памяти, говорилъ ясно и твердо съ обыкновенными учеными пріемами, и сказалъ мнѣ однажды прощаясь: *Перекрестите меня.* Я перекрестилъ его, поцѣловалъ его руку, и просилъ перекрестить меня также, что̀ онъ и исполнилъ. Вечеромъ, въ четвергъ, изъ засѣданія отъ Лонгинова, я заѣхалъ опять къ Давыдову, и мы сидѣли около его кровати вмѣстѣ съ Масловымъ, который очень кстати заговорилъ объ Евангеліѣ. *Ну какъ назвать болѣзнь,*—сказалъ Давыдовъ, между прочимъ,—*когда ничего не болитъ.* Онъ говорилъ доктору: *Отнимите у меня жаръ....* Кажется, думалъ, что болѣзнь пройдетъ. Когда я, простившись, пошелъ отъ кровати къ двери, онъ сказалъ громко вслѣдъ за мною: *поклонитесь Софьѣ Ивановнѣ*".

И. И. Давыдова — писалъ Снегиревъ — „Богъ сподобилъ

скончаться съ напутствіемъ Св. Таинъ, мирно и тихо, на семьдесятъ второмъ году жизни. Во время причащенія былъ викарій Савва" [139]).

18 ноября 1863 года, происходило погребеніе И. И. Давыдова. Отпѣваніе въ университетской церкви совершалъ преосвященный Савва, епископъ Можайскій. Священникъ Н. А. Сергіевскій произнесъ надгробное слово, которое заключилъ такъ: „Христе, Свѣте истинный, просвѣщаяй и освящаяй всякаго человѣка, грядущаго въ міръ! Да знаменается свѣтъ лица Твоего на собратѣ нашемъ Іоаннѣ, отшедшемъ изъ сего міра, да во свѣтѣ Твоемъ узритъ Свѣтъ неприступный и да не помянутся грѣхи и прегрѣшенія его, ради молитвъ Пречистой Твоей Матери и всѣхъ святыхъ Твоихъ! Аминь" [140]).

Присутствовавшій на похоронахъ И. М. Снегиревъ записалъ въ своемъ Дневникѣ: „Надгробное слово говорилъ священникъ Сергіевскій, который, кромѣ одного имени, ничего не сказалъ о покойникѣ.... Присутствовавшихъ менѣе было, чѣмъ я ожидалъ. Жена плакала, дочь нѣтъ. Провожалъ я съ Хавскимъ до мѣста погребенія, въ Новоспасскомъ монастырѣ" [141]).

П. В. Хавскій, — пишетъ Погодинъ, — „говорилъ мнѣ на кладбищѣ, что Давыдовъ очень любилъ меня. Разспрошу послѣ его и вдову, чтобы очистить болѣе мои понятія о немъ"....

„Скажи пожалуйста, — писалъ Плетневъ Гроту, — ужели правда, что И. И. Давыдовъ умеръ. Если такъ, то вотъ и о немъ надобно будетъ сказать".

Гротъ отвѣчалъ: „Ты спрашиваешь, правда ли, что И. И. Давыдова уже нѣтъ на этомъ свѣтѣ. Онъ умеръ 15 ноября 1863 года, и въ *отчетѣ* нашего отдѣленія было вкратцѣ упомянуто о томъ на актѣ. О Давыдовѣ нигдѣ ничего не писали, да и щекотливо говорить много о человѣкѣ, который оставилъ по себѣ такую незавидную память" [142]).

И Никитенко былъ невысокаго мнѣнія о Давыдовѣ. Въ *Дневникѣ* его, подъ 1 числомъ декабря 1863 года, читаемъ: „Вотъ И. И. Давыдовъ, скончавшись, какую нехорошую память по себѣ оставилъ: вчера члены академіи нашего отдѣ-

ленія просили меня вовсе не говорить о немъ въ *отчетѣ*, такъ какъ дурно, то есть, правдиво, о немъ что нибудь сказать, особенно съ каѳедры, не приходится, а хорошее все было бы сочтено за ложь и никто-бы этому не повѣрилъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ ли виноватъ Иванъ Ивановичъ? Разумѣется, онъ былъ не лучше, да и не хуже другихъ. Хуже другихъ онъ былъ только тѣмъ, что былъ *невоздержнѣе* въ господствующихъ или главныхъ своихъ порокахъ, корыстолюбіи и мелкомъ честолюбіи. А невоздержность эта не то, чтобы заставляла его дѣлать зло другимъ—онъ вовсе не былъ золъ по природѣ своей—а побуждала унижать себя пресмыкательствомъ и исканіями передъ сильными. Я всегда называлъ его ловцомъ передъ Господомъ житейскихъ благъ. Но онъ готовъ былъ, при случаѣ, даже услуживать другимъ и дѣлать нѣчто въ родѣ добра имъ, конечно, если это не было противно его выгодамъ. Да вѣдь почти никто и не поступаетъ иначе. Повторяю, онъ превосходилъ другихъ невоздержностью своихъ пороковъ, а не самими пороками. Умѣй онъ немножко себя обуздывать, онъ оставался-бы тѣмъ, чѣмъ былъ, не казавшись таковымъ, и оставилъ бы по себѣ память человѣка даровитаго и почтеннаго, потому что онъ былъ очень даровитъ. Многіе были лучше его потому, что были скрытнѣе его“ [143]).

Заключимъ наше повѣствованіе о кончинѣ И. И. Давыдова словами Погодина: „Въ церкви, при отпѣваніи, я думалъ: Есть разныя точки, съ которыхъ люди смотрятъ на предметы, и потому они видятъ предметы съ разныхъ сторонъ различно, а всякому кажется, что его точка есть не только вѣрная, но и единственная. Присоедините къ этому самолюбіе, которое у ученыхъ людей бываетъ особенно раздражительно. Присоедините личныя выгоды положительныя, соединенныя съ тѣмъ или другимъ взглядомъ на вещи, дѣйствіе темперамента, обстановку, внѣшнія отношенія, и вы поймете происхожденіе споровъ, несогласій и антипатій. Такъ, сначала Давыдовъ казался мнѣ, вмѣстѣ съ многими, при всѣхъ своихъ трудахъ и достоинствахъ, шарлатаномъ и интриганомъ. Исканіе должностей и почестей,

лесть съ начальствомъ, подобострастіе, образъ дѣйствій смотря по обстоятельствамъ, увеличивало дурное мнѣніе. Въ ученыхъ трудахъ его не представлялось ничего живого, своеобразнаго и творческаго. А между тѣмъ, это былъ человѣкъ примѣчательный и во многихъ отношеніяхъ достойный. Онъ трудился неутомимо въ продолженіи пятидесяти лѣтъ. Чего стоило пріобрѣсти столько познаній, чтобы сдѣлаться профессоромъ Латинской словесности, а потомъ высшей математики, не говоря уже въ антрактѣ о философіи, на которую онъ также положилъ много труда. Въ университетскомъ пансіонѣ онъ содѣйствовалъ образованію многихъ достойныхъ людей, которые предпочтительно были обязаны ему любовью къ знаніямъ..... А чего ему недоставало? Силы ли убѣжденій и искренней любви, твердости ли характера, не знаю, но дѣйствія его не пользовались ни успѣхомъ, ни честью. Чего-то недостаетъ и моимъ дѣйствіямъ, которыя не пользуются видимымъ успѣхомъ, принадлежащимъ имъ, казалось бы, по праву. Какъ бы я былъ радъ, еслибъ кто указалъ мнѣ на этотъ недостатокъ. Но это мимоходомъ. Продолжаемъ исчисленіе достоинствъ Давыдова. Онъ былъ отличный семьянинъ. Сынъ былъ наипочтительный: ѣздилъ всякій годъ въ Тверь, для свиданія съ матерью; онъ кланялся ей въ ноги, гдѣ бы съ нею ни встрѣтился, хотя на улицѣ. Нѣжный супругъ, чадолюбивый отецъ, благодѣтель всѣхъ родныхъ, честнѣйшій человѣкъ во всѣхъ частныхъ отношеніяхъ, обращеніе имѣлъ со всѣми привѣтливое и радушное, былъ готовъ на всякія услуги...... Никогда не жаловался и никого не осуждалъ, кромѣ только распоряженій по министерству просвѣщенія, и управленія университетовъ попечителями. Московскій университетъ точно, кажется, онъ любилъ, но какъ-то этому не вѣрилось вполнѣ; а за день до смерти еще, какъ разсказывалъ мнѣ Щуровскій, Давыдовъ говорилъ съ нимъ о старомъ университетѣ и дружелюбіи его воспитанниковъ. Болѣзнь его приписываютъ отчасти душевнымъ потрясеніямъ, которыхъ на своемъ вѣку онъ испыталъ много..... Все вынесъ, и вотъ, возвратился было въ Москву, на покой, сдѣлался отличнымъ

сенаторомъ, но здѣсь его настигла смерть. Живѣйшее участіе принималъ я въ его болѣзни. Жаль, что не успѣлъ переговорить съ нимъ о многомъ, историческомъ и психологическомъ. Человѣкъ проходитъ, какъ тѣнь. Не успѣешь оглянуться, и нѣтъ его. Да, надо прибавить, что Давыдовъ считался всегда богатѣйшимъ человѣкомъ, по долговременному инспекторству въ университетскомъ пансіонѣ, по близкимъ отношеніямъ къ Антонскому, къ Лазаревымъ и другимъ богачамъ, а оказывается, что у него ничего не осталось, кромѣ дома. На чемъ же основывались всѣ подозрѣнія и всѣ обвиненія? Людская молва—морская волна. Прости меня, Иванъ Ивановичъ, въ чемъ я согрѣшилъ предъ тобою—главное, это отзывъ предъ Строгановымъ,—а я тебя прощаю отъ искренняго сердца. Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, прости всѣхъ насъ грѣшныхъ".

LIII.

Нѣкогда Москва была городомъ дворянскимъ. Московскій университетъ, славянофилы и западники, и Московскій театръ,—служители науки и служители искуства,—составляли одно нераздѣльное цѣлое. Профессора, какъ наставники юношества, были своими людьми въ Московскихъ дворянскихъ семействахъ. Знаменитые актеры связаны были узами дружбы съ профессорами. А надъ всѣми ими царило Троицкое подворье, въ которомъ пребывалъ Филаретъ.

Все это придавало Москвѣ привлекательный характеръ и вмѣстѣ просвѣтительное значеніе для всей Россіи.

Вотъ почему, когда въ Ялтѣ скончался, 11 августа 1863 года, Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, Погодинъ писалъ: „Вѣрно у всѣхъ у насъ въ эту минуту, одно и то же на умѣ, одно и то же на сердцѣ. Мы думаемъ о нашемъ любезномъ покойникѣ, о добромъ Михаилѣ Семеновичѣ, вспоминаемъ его слова, его бесѣды, наши съ нимъ встрѣчи, случаи изъ его жизни, которые разсказывалъ онъ намъ такъ живо и увлекательно. И есть что вспомнить! Онъ долго жилъ, много и ревностно по-

трудился для искуства, для общества, для семейства. Сколько вытерпѣлъ, и по своей винѣ, какъ всѣ мы грѣшные, и по чужой! Сколько принесъ онъ всѣмъ намъ и удовольствія, и пользы! Художнику мы рукоплескали, съ комикомъ мы смѣялись, теперь мы плачемъ, соболѣзнуемъ о добромъ, любезномъ человѣкѣ, благодаримъ его, просимъ прощенія, прощаемъ, желаемъ.....

И неужели все это только слова? Неужели мы говоримъ, чувствуемъ на—вѣтеръ? Неужели онъ исчезъ, и отъ него не осталось ничего, точно какъ нѣтъ ничего и въ нашихъ изъявленіяхъ, дымъ, ложь, самообольщеніе? Нѣтъ, сердце отказывается вѣрить въ это ничтожество, какъ бы умъ ни усиливался иногда доказывать противное, умъ, на извѣстной степени развитія, не только наше модное безуміе. Умъ можетъ судить о томъ, что̀ знаетъ, видитъ, слышитъ, обоняетъ, вкушаетъ, осязаетъ, а о другомъ мірѣ, мірѣ невидимомъ, онъ не имѣетъ права рѣшать, какъ слѣпой не имѣетъ права рѣшать о цвѣтахъ. То область другая.

Сердце отказывается вѣрить въ ничтожество, особенно при смерти людей намъ близкихъ, отца, матери, жены, мужа, друга, дѣтей.....

Съ какимъ бы образомъ мыслей, ни пришелъ кто изъ насъ теперь въ церковь, но вѣрно въ эту минуту всѣмъ намъ кажется, чуется, что онъ здѣсь съ нами, нашъ любезный покойникъ, какою нибудь частію своего бытія, какимъ нибудь видомъ своего существа, что онъ слышитъ, видитъ, ощущаетъ насъ какъ нибудь и услаждается общимъ къ нему расположеніемъ, шлетъ намъ свое спасибо и свое прости.

Пошлемъ и мы ему въ отвѣтъ наше искреннее спасибо и грустное прости!

У него была любимая поговорка: *послѣ насъ не будетъ насъ, будутъ люди, да не мы.*

Правда, не будетъ насъ, но и не мы, точно какъ мы, а тѣ, что будутъ послѣ насъ, сохранятъ надолго одинакое, благодарное воспоминаніе объ умномъ, добромъ, любезномъ, живомъ человѣкѣ, Михаилѣ Семеновичѣ Щепкинѣ; а въ лѣтопи-

сяхъ Русскаго искуства имя его останется безсмертнымъ. Миръ его праху! Добрая ему память".

Прочитавъ эти строки, Катковъ писалъ Погодину: „Замѣтку о кончинѣ Щепкина я не совѣтовалъ бы печатать въ этомъ видѣ. Въ ней много теплоты и задушевности. Но она поразитъ читателя вопросомъ о загробной жизни, поднятымъ по случаю панихиды по Щепкинѣ" [144]).

Съ своей стороны, Погодинъ отвѣчалъ: „Умѣстны ли такія разсужденія? Онѣ пришли мнѣ именно въ голову, вызванныя тѣмъ или другимъ образомъ: почему же не передать впечатлѣнія, ощущенія"?

Кончина Щепкина вызвала воспоминаніе о немъ другого профессора Московскаго университета, Ѳ. И. Буслаева. Онъ писалъ: „Кромѣ собственныхъ Записокъ Михаила Семеновича, которыя, говорятъ, уже выходятъ въ свѣтъ, въ воспоминаніяхъ его друзей и знакомыхъ сохранилось множество интересныхъ разсказовъ, которые съ такимъ увлекательнымъ добродушіемъ и неподражаемымъ мастерствомъ, любилъ онъ сообщать въ своихъ интимныхъ бесѣдахъ. Разсказы эти касались и старины, и новыхъ порядковъ, и театра, и литературы, и серьезныхъ предметовъ, и смѣшного, и пошлаго, словомъ всего, что̀ трогало и волновало эту воспріимчивую натуру; и все что̀ разсказывалось, было проникнуто живѣйшимъ участіемъ разсказщика, потому что все это имъ самимъ было испытано, вытерплено и пережито.

Пишущему эти строки, хотя и рѣдко, выпадали на долю эти интересныя бесѣды съ знаменитымъ комикомъ, но и то немногое что случилось ему отъ него услышать и въ свое время записать, такъ любопытно для Исторіи нашихъ нравовъ и литературы, что онъ считаетъ очень не безполезнымъ подѣлиться съ читающею публикой, надѣясь, что его примѣру послѣдуютъ и другіе, болѣе богатые воспоминаніями объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ, знаменитомъ въ Исторіи Русскаго театра.

Разсказъ Щепкина имѣетъ предметомъ одно изъ послѣд-

нихъ свиданій его съ Гоголемъ, если только не самое послѣднее, передъ самою смертью этого писателя.

Извѣстно, въ какомъ тяжеломъ, безотрадномъ состояніи духа проводилъ Гоголь послѣдніе дни своей жизни. По Москвѣ носились тогда слухи, что онъ заморилъ себя постомъ. Это было въ 1852 году. Во вторникъ на масленницѣ, его еще видѣли на желѣзной дорогѣ: онъ провожалъ одного своего знакомаго, отправлявшагося во Ржевъ *); но и тогда онъ уже чувствовалъ приближеніе смерти, и говѣлъ, а въ четвергъ на той же недѣлѣ причащался и съ тѣхъ поръ находился въ такомъ отчужденномъ настроеніи духа, что ужъ не принялъ пришедшаго къ нему Щепкина, изъ боязни, чтобы Михаилъ Семеновичъ, котораго онъ уважалъ и слушался, не уговорилъ его подкрѣпить себя пищей.

Чтобы понять въ полномъ смыслѣ слѣдующій разсказъ, надобно припомнить тогдашніе толки о томъ, какъ и самъ Гоголь, и нѣкоторые изъ его друзей, систематически старались убивать въ немъ всякій художественный порывъ. Ходили слухи объ одной усердной дамѣ, которая вмѣнила себѣ въ священное призваніе воспитывать и поддерживать въ Гоголѣ христіанина противъ лукавыхъ вспаденій художника. Разсказывали, какъ одинъ разъ лѣтомъ, въ деревнѣ у этой благочестивой особы, Гоголь читалъ *Четью-Минею*, и задумался, засмотрѣлся на красивую мѣстность, почувствовалъ красоту природы: тогда эта дама, будто нянька, поймала его, какъ лѣниваго школьника, на праздной разсѣянности. Ему стало стыдно, и онъ усердно принялся за чтеніе. Разсказывали, будто та же самая особа хвалилась, что она и ея друзья не разъ побуждали Гоголя сжечь *Мертвыя Души*, но что Гоголь отстаивалъ свое произведеніе, объясняя, что въ немъ главное дѣло — не поэзія, а побѣжденіе поэзіи чѣмъ-то высшимъ.

До какой степени все это справедливо..... не мѣсто судить здѣсь: только всѣмъ этимъ объясняется разсказъ, о которомъ

*) Отца Матвѣя. *Н. Б.*

идетъ рѣчь, и который записанъ со словъ Щепкина 19 марта 1852 года, то-есть, черезъ три недѣли по кончинѣ Гоголя.

Какъ-то недавно прихожу къ Гоголю,—такъ разсказывалъ Щепкинъ. Онъ сидитъ, пишетъ что-то. Кругомъ на столѣ разложены книги, все религіознаго содержанія.

— Неужели все это вы прочли?—спрашиваю я.

— Все это надо читать, отвѣчалъ онъ.

— Зачѣмъ же надо? говорю я: такъ много написано всего для спасенія души, а ничего не сказано новаго, чего не было бы въ Евангеліѣ.

Тутъ Гоголь принужденно отшутился, сказавши что-то въ родѣ:—Какой шутникъ! А я продолжалъ: я и заповѣди-то для себя сократилъ, всего на двѣ: люби Бога и люби ближняго, какъ самого себя.

Потомъ,—продолжалъ Щепкинъ,—я разсказалъ Гоголю слѣдующій случай:

Ѣхалъ я изъ Харькова, въ то время какъ были открыты мощи Митрофанія. Дай, думаю, заѣду въ Воронежъ, хотѣлось видѣть, чтȏ можетъ сдѣлать вѣра человѣка. Пріѣзжаю въ Воронежъ. Утро было восхитительное. Я пошелъ въ церковь. На дорогѣ попался мнѣ мужикъ съ ведромъ; въ ведрѣ что-то бьется. Смотрю, стерлядь! Думаю себѣ: въ церковь еще успѣю. Сторговалъ, купилъ рыбу и снесъ домой. Потомъ пошелъ въ церковь. Дорогою такъ восхищался природой, какъ никогда не запомню. Было чудесное утро! Прихожу въ церковь. Народу множество, и такая преданность, такая вѣра, что я и самъ умилялся до слезъ, и самъ сталъ молиться: Господи, Боже мой! Весь этотъ народъ пришелъ Тебя молить о своихъ нуждахъ, бѣдахъ и болѣзняхъ. Только я одинъ ничего у Тебя не прошу,— и молюсь слезно! Неужели Тебѣ нужны, Господи, наши лишенія? Ты далъ намъ, Господи, прекрасную природу, и я наслаждаюсь ею, и благодарю Тебя, Господи, отъ всей души.

Тогда, — присовокупилъ Михаилъ Семеновичъ, — Гоголь вскочилъ и обнялъ меня, вскрикнувъ: *Оставайтесь всегда при этомъ*"[145])!

LIV.

Въ то время въ Москвѣ доживалъ свой вѣкъ племянникъ Ивана Ивановича Дмитріева, Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ. Писатель своеобразный и преисполненный старыхъ литературныхъ преданій, тяготѣющихъ къ обществу любителей Россійской словесности, предсѣдателемъ котораго былъ въ то время тоже человѣкъ старыхъ литературныхъ преданій. Дмитріевъ былъ, однако, недоволенъ тогдашнею дѣятельностію общества любителей Россійской словесности. Онъ писалъ Погодину:

„Вамъ, какъ предсѣдателю, слѣдовало бы заняться нашимъ обществомъ. Оно ничего не дѣлаетъ: это, право, стыдно! Прежде оно вѣдь выдало же двадцать семь томовъ! Вотъ, жаловались, что лѣтъ тридцать не собиралось. Теперь и собралось; что̀ изъ этого выходитъ? Вы скажете, что оно выдаетъ книги! Да это не его дѣло, и по уставу не обязано къ этому. Что печатаетъ пѣсни Кирѣевскаго, хорошо, да и будетъ! Неужели оно всю литературу заключитъ на однихъ памятникахъ нашего невѣжества? Это хорошо, какъ памятникъ старины, но это не литература. Пора, пора издавать труды общества! А планомъ трудовъ должны быть: теорія языка, теорія словесности изящной, критика, библіографія, Исторія нашей литературы, а наконецъ противоборство нынѣшней порчѣ языка и нынѣшнимъ понятіямъ о литературѣ. Вы скажете: некому писать! — Да почему вы знаете?—Откройте другое поприще, выдутъ наружу и другіе люди. Я самъ былъ бы усерднымъ вкладчикомъ прозы. А теперь я не могу дать ни строчки, потому что труды не издаются, а что за радость, что прослушаетъ Безсоновъ съ братіей, и потомъ бросятъ! Я, какъ и прежде, брожу по комнатѣ, а выѣзжать, не смѣю и думать: ноги пухнутъ; нельзя надѣть сапоговъ. Навѣстите меня; пріѣзжайте хоть посмотрѣть свой портретъ, который виситъ подъ Наполеономъ и въ сосѣдствѣ съ Филаретомъ“.

Посылая Погодину, для прочтенія въ обществѣ любителей

Россійской словесности, свое стихотвореніе *Екатерина Вторая*, М. А. Дмитріевъ писалъ:

„Благодарю васъ отъ всего сердца, любезнѣйшій Михайло Петровичъ, за подарокъ мнѣ книги, переведенной моимъ отцомъ. C'est très aimable de votre part. Посылаю вамъ и стихи: *Екатерина Вторая*, сыщите чтеца, чтобы прочиталъ громко и внятно: можетъ быть, случатся на чтеніи кто-нибудь ея современники: они, можетъ быть, и вздохнутъ про себя. Мудрено ли, что нѣкоторымъ показалась моя похвала одностороннею: нынѣшнее поколѣніе не слыхивало разсказовъ старыхъ людей. Нынѣшніе литераторы родились какъ то безъ корней, какъ Мельхиседекъ, или какъ грибы, которые выходятъ изъ земли въ одну ночь.—Послушали бы стариковъ: они имъ сказали бы, что тогда легко жилось; а это составляетъ все. Противъ ихъ пристрастія къ Екатеринѣ послѣ этого и возразить нечего. А я—послѣдній изъ Русскихъ стихотворцевъ, вспомнившій Екатерину, доволенъ тѣмъ, что заключилъ моими стихами, какъ послѣднимъ ударомъ смычка, великолѣпный концертъ нашихъ поэтовъ, раздававшійся полвѣка въ ея славу. Фавориты Екатерины были люди всемогущи. Такъ; да вѣдь это были не Клейнмихели; Какъ ей было не плакать о Потемкинѣ, и какъ всей Россіи было не знать его имени?—Имена тѣхъ людей —

История ихъ сохранила,
Народъ наизусть затвердилъ
А нынче—схоронитъ могила,
И память народъ схоронилъ.

Ну, такъ пусть подумаютъ отъ чего это такъ? Какая-нибудь причина да есть. Причина та, что Екатерина вторая сама была изъ такихъ людей, какихъ ужъ нѣтъ.

Въ это время секретарь общества любителей Россійской словесности, М. Н. Лонгиновъ, приступилъ къ печатанію своего обширнаго изслѣдованія *Новиковъ и Московскіе мартинисты*. Изслѣдованіе это посвящалось обществу любителей Россійской словесности. Отрывки изъ него Лонгиновъ читалъ Дмитріеву.

Въ письмѣ своемъ, отъ 31 декабря 1863 года, Дмитріевъ писалъ Погодину:

„Вотъ, Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ написалъ вещь не мертвую, а живую, всѣмъ намъ родную и близкую: это трудъ истинно полезный, а ужь какая любопытная вещь — и говорить нечего! Онъ пять вечеровъ, по пріязни своей, читалъ мнѣ *Новикова*: я заслушался, и жилъ этой эпохой. — Это трудъ, который останется навсегда однимъ изъ необходимыхъ памятниковъ, отмѣчающихъ просвѣщенную литературу и ея исторію".

Письмо это Дмитріевъ подписалъ такъ: „Усердный, но антиваряжскій вашъ почитатель"...

Самъ же М. А. Дмитріевъ, въ то время, напечаталъ изслѣдованіе о жизни и сочиненіяхъ князя Ивана Михайловича Долгорукова, съ которымъ находился въ близкихъ сношеніяхъ въ послѣднее время его жизни.

„Это,—замѣчаетъ Погодинъ,—живая картина и общества, и словесности, написанная увлекательно, съ вѣрнымъ пониманіемъ и знаніемъ дѣла... Сочиненія, Дмитріева—о Долгорукомъ, Вяземскаго—о фонъ-Визинѣ, Грота—о Державинѣ, Лонгинова—о Новиковѣ, Анненкова и Бартенева—о Пушкинѣ,—такія сочиненія служатъ украшеніемъ всякой литературы".

Какъ бы въ исполненіе желаній Дмитріева о предметѣ занятій общества любителей Россійской словесности, явился проектъ академика Билярскаго, переводчика Гумбольдтовой книги объ языкѣ. Съ этимъ проектомъ Погодинъ познакомился въ Петербургѣ, въ засѣданіяхъ второго отдѣленія. „Къ сожалѣнію,—пишетъ Погодинъ,—подобныя предпріятія не выходятъ у насъ часто изъ-за стѣнъ академіи и не дѣлаются достояніемъ общества. Надо проводить ученые каналы". Билярскій задумалъ составленіе словаря по писателямъ, необходимаго, по его мнѣнію, „для того, чтобы пріобрѣсти матеріалъ, на которомъ можно бы было положительно развить идею высшаго курса Русской грамматики, безъ котораго даже историческое направленіе грамматики будетъ одностороннимъ; для возсозданія

забитой и забытой нынѣ *стилистики* или теоріи слога, какъ науки нужной... для положительной оцѣнки языка писателей...

Чтобы не пришлось въ программѣ выставлять правила для составленія предполагаемаго словаря догматически, равно и для того, чтобы на примѣрахъ объяснить понятіе теоріи языка и слога, до сихъ поръ высказываемое Билярскимъ лишь въ общихъ отвлеченныхъ выраженіяхъ, онъ нашелъ нужнымъ представить образчикъ разбора какого-либо текста. Для этого онъ взялъ оду Ломоносова *на взятіе Хотина*".

Поощренный вниманіемъ, Билярскій писалъ Погодину: „Имѣю честь представить вашему благосклонному вниманію мою статью, отпечатанную отдѣльною брошюрой изъ *Записокъ* академіи наукъ. Въ ней излагается мысль предпріятія, въ которомъ ученый интересъ совпадаетъ съ педагогическимъ. Оцѣнить первый предоставляю вашей просвѣщенной любознательности, но долгомъ считаю доложить о послѣднемъ.

Всѣ замѣчаютъ, что въ нашихъ молодыхъ поколѣніяхъ, по окончаніи ими учебнаго курса, не достаетъ логической строгости и отчетливости въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ. Въ послѣднее время учебныя начальства, какъ кажется, думаютъ усилить логическій элементъ въ составѣ общаго образованія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ намѣреніи обнаруживается вѣрное пониманіе дѣйствительной потребности и мѣткій выборъ средства для ея удовлетворенія. Между тѣмъ, вопросъ все-таки остается вопросомъ: какимъ образомъ можно усилить логическій элементъ въ общемъ образованіи?

Какъ ни естественно введеніе болѣе или менѣе полнаго курса философіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (въ университетахъ), нельзя однако забыть, что этотъ курсъ можетъ дѣйствовать плодотворно только при надлежащей подготовкѣ слушателей, безъ которой онъ можетъ оставаться безплоднымъ или даже быть положительно вреднымъ.

Такой предварительной подготовки въ прежнія времена можно было ожидать отъ элементарнаго преподаванія логики и психологіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но возстано-

вленіе этого преподаванія, въ наше время, едва ли имѣло бы успѣхъ по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ оно было нѣкогда уничтожено.

Самою естественною и ничѣмъ незамѣнимою подготовкой къ строгому мышленію должна бы быть словесность; но, къ несчастію, именно тѣ части словесности, на которыя падаетъ эта обязанность, со стороны ученой обработки, издавна остаются въ такомъ жалкомъ положеніи, въ какомъ не находится, конечно, ни одинъ изъ предметовъ преподаванія.

Пересоздать эти части словесности (я разумѣю высшій курсъ грамматики и стилистику, или, какъ я называю, теорію языка и слога), настоитъ крайняя необходимость. Эту необходимость преподаватели чувствуютъ весьма непріятнымъ образомъ, и что касается высшаго курса грамматики, то они употребляютъ нѣкоторыя, хотя и безуспѣшныя усилія создать его, а отъ теоріи слога, по нынѣшней ея сухости, желали бы вовсе отвязаться; но оказывается, что обойтись безъ нея нельзя и замѣнить ее нечѣмъ, а потому она, къ немалому затрудненію учителей, все-таки остается въ программахъ и кое-какъ въ преподаваніи.

Пора, давно пора серьезно взяться за переработку наукъ, столь важныхъ для умственнаго воспитанія. Но онѣ будутъ имѣть это вліяніе только тогда, когда построены будутъ истинно-ученымъ образомъ; а ученая переработка ихъ требуетъ предварительнаго разбора языка писателей. Это я и старался объяснить въ представляемой брошюрѣ.

Разборъ языка писателей представляетъ весьма обширный трудъ, который можетъ быть предпринятъ только совокупными силами многихъ лицъ. Естественными и безспорно лучшими сотрудниками въ этомъ дѣлѣ могутъ быть преподаватели словесности. Ихъ участіе въ разборѣ писателей увеличитъ ихъ ученость именно съ той стороны, съ какой она нужна для педагогической практики: участвуя сами въ дѣлѣ, они на себѣ испытаютъ, какимъ образомъ новая теорія возникнетъ изъ фактовъ, и тѣмъ лучше будутъ владѣть этими фактами въ пре-

подаваніи. И въ то же время эта ученость имѣетъ безусловную цѣну. Посредствомъ этихъ занятій, по моему мнѣнію, могутъ образоваться достойнѣйшіе кандидаты во второе отдѣленіе академіи наукъ; а въ средѣ сословія самихъ преподавателей, эти занятія водворятъ болѣе солидное и болѣе здравое направленіе, чѣмъ эстетическія и соціальныя воззрѣнія, которыя нынѣ составляютъ высшій идеальный интересъ въ преподаваніи словесности.

Ваше превосходительство! Не изволите ли вызвать на этотъ трудъ учителей словесности и поддержать ихъ приличными средствами въ его исполненіи? При хорошемъ руководствѣ этотъ трудъ, я увѣренъ, былъ бы выполненъ ими удовлетворительно.

Такъ какъ о судьбѣ моего предпріятія я долженъ доложить академіи наукъ, то осмѣливаюсь просить почтить меня увѣдомленіемъ о вашемъ рѣшеніи на мое представленіе" [146]).

Въ отвѣтъ на это письмо, Погодинъ печатно заявилъ: „Надо желать, чтобы начать работать по предложенному образчику. Билярскому нужны помощники — два-три; а помощникамъ нужно вознагражденіе. Мнѣ кажется, что все это легко можетъ быть исполнено, лишь бы начальствующіе по разнымъ мѣстамъ умѣли вникнуть въ дѣло—оцѣнить его. Главный вопросъ въ людяхъ; ну, мастеръ и на лицо — Билярскій. Подмастерьевъ онъ долженъ выбрать самъ, и они готовы между учителями Русскаго языка въ корпусахъ, гдѣ онъ служитъ наблюдателемъ. Работать учителямъ подъ руководствомъ наблюдателя—это принесетъ двойную пользу: и дѣлу, и преподаванію, развивая способности, пріучая къ анализу, изощряя вниманіе" [147]).

Въ другомъ своемъ письмѣ къ Погодину, 21 августа 1863 года, Билярскій писалъ: „Отвѣчаю хоть поздно, и исполняю, какъ могу, ваше желаніе. Посылаю экземпляръ Гумбольдта, и увѣренъ, что вы будете читать первые §§ съ увлеченіемъ, а слѣдующіе съ любопытствомъ. Реестра Ломоносовскихъ матеріаловъ не могу послать: боюсь недоразумѣній, тѣмъ болѣе,

что онъ состоитъ изъ замѣтокъ и намековъ собственно для меня. Письмо, съ котораго при семъ прилагаю копію, еще въ половинѣ іюля, я подалъ начальнику военно-учебныхъ заведеній Н. В. Исакову, и министру народнаго просвѣщенія А. В. Головнину; но отъ перваго нѣтъ, ни отвѣта, ни привѣта; не знаю даже, получилъ ли онъ мое письмо, а министръ сдалъ мое письмо въ департаментъ съ изустнымъ отзывомъ, очень значительнымъ, по буквальному смыслу словъ. Жаль только, что подобные отзывы часто значатъ только первую часть уступительнаго періода. Для меня ужь и то нелестно, что мое предложеніе пошло въ департаментъ тѣмъ же путемъ, какимъ идетъ какая-нибудь книжонка, представляемая спекулянтомъ-книгопродавцемъ. И кто будутъ мои судьи? Люди, которые должны учиться изъ моей статьи, которые въ первый разъ догадаются, что возможенъ какой-то новый видъ науки, хотя они сами вдвойнѣ были обязаны давно разработывать эту науку? Мудрено ли, что мелкое самолюбіе будетъ чувствовать себя затронутымъ, какъ это я уже и видѣлъ одинъ разъ? А такъ какъ я вовсе не намѣренъ настаивать и добиваться, то и немудрено, что вся моя затѣя кончится ничѣмъ! А тогда у меня едвали достанетъ охоты и терпѣнія собирать матеріалы для біографій писателей, потому что уничтожается главная цѣль этого труда. Да и теперь онъ идетъ вяло именно потому, что я не знаю, состоится ли главное. Впрочемъ, что бы ни вышло, я умываю руки, потому что, съ своей стороны, сдѣлалъ, что̀ былъ обязанъ сдѣлать.

Въ своемъ предложеніи я разсчитывалъ устранить простымъ и естественнымъ способомъ недостатокъ въ нашемъ школьномъ обученіи, противъ котораго призываютъ теперь логику и психологію. Эти науки новымъ положеніемъ введены въ спеціальныя военныя училища. За этотъ вредный промахъ будетъ отвѣчать Юркевичъ: онъ соблазнилъ на это нашего начальника. Я читалъ его письмо къ Исакову: въ теоріи все это вѣрно и дѣльно; да надо было узнать, что такое корпуса и кадеты. Я положительно могу предсказать, какъ пойдетъ дѣло. Пойдетъ

оно такъ, какъ при Ростовцовѣ шли огромныя кадетскія сочиненія, но только еще хуже и безплоднѣе. Кадеты будутъ смотрѣть на философію, какъ студенты медицины смотрятъ на богословскія лекціи. Юркевичъ въ Москвѣ и Чистовичъ здѣсь скоро удостовѣрятся въ этомъ, и увидятъ, что они безсильны противъ этого нерасположенія. Между тѣмъ, корпусныя начальства, чтобъ угодить главному начальнику, употребятъ всѣ усилія, даже съ ущербомъ для другихъ занятій кадетъ, чтобы добиться чего нибудь, на что̀ можно бы было указать, какъ на успѣхъ преподаванія. И въ первые годы, пожалуй, можно будетъ поддержать это заблужденіе. Но корпуснымъ начальникамъ наконецъ надоѣстъ это напряженное состояніе, и преподаватели спеціальныхъ наукъ заставятъ ихъ наконецъ сознаться, что успѣхи кадетъ въ философіи вовсе не таковы, чтобы стоили такихъ усилій. И лѣтъ черезъ пять, черезъ шесть, логика и психологія снова будутъ изгнаны. Пусть будетъ такъ, но вотъ что худо: тутъ пострадаютъ, и можетъ быть жестоко пострадаютъ, люди ни въ чемъ невиноватые. Дѣло устроено такъ ловко, что въ случаѣ неуспѣха, вина будетъ падать отнюдь не на Юркевича и Чистовича, а на ихъ адъюнктовъ, названныхъ у насъ репетиторами: въ томъ числѣ будетъ и бѣдный Савваитовъ!

Да, слухи о новомъ устройствѣ корпусовъ, что касается предметовъ общаго образованія, не радуютъ. А еще я просилъ Исакова, не рѣшать безъ спеціалистовъ дѣла объ общеобразовательныхъ предметахъ, чтобы опять не поставить учителей въ безвыходное положеніе. И онъ обѣщалъ, но все рѣшилъ съ помощію комитета, члены котораго, какъ я довольно знаю изъ опытовъ, умѣютъ во́-время сказать и во́-время помолчать. Я очень радъ, что не былъ въ числѣ ихъ“ [148]).

LV.

Послѣ многострадальнаго для Россіи 1863 года, въ 1864 году, Я. К. Гротъ выпустилъ въ свѣтъ первый томъ *Сочиненій Державина*, съ объяснительными примѣчаніями, съ рисунками, найденными въ рукописяхъ, съ портретами и снимками.

Въ честь этого литературнаго событія, Погодинъ, 17 февраля того же года, устроилъ торжественное собраніе общества любителей Россійской словесности, и на ономъ произнесъ рѣчь.

„Въ нынѣшнее засѣданіе,—говорилъ онъ,—мы имѣемъ удовольствіе праздновать такое изданіе одного изъ знаменитыхъ Русскихъ писателей, какихъ немного имѣютъ самыя богатыя Европейскія литературы: говорю объ изданіи сочиненій Державина, предпринятомъ академіей наукъ. Гроту, академику и нашему сочлену, Русская словесность обязана сооруженіемъ великолѣпнаго памятника, къ которому именно можно приложить слово поэта: *металловъ тверже онъ*, и смѣло можно сказать, что этотъ памятникъ приноситъ честь времени, составляетъ украшеніе царствованія. Многочисленныя, любопытныя примѣчанія, которыми издатель обогатилъ всякое стихотвореніе, цѣлыя историческія разсужденія, приложенныя къ важнѣйшимъ стихотвореніямъ, какъ: *Богъ*, *Водопадъ*, *Фелица*, *Вельможа*,— знакомятъ читателей не только съ поэтомъ, его расположеніемъ, источникомъ вдохновенія, но и съ его временемъ, съ историческими дѣятелями. А это время—есть царствованіе Екатерины, и дѣйствующія лица: Румянцовъ, Потемкинъ, Суворовъ, Рѣпнинъ, Бибиковъ, Строгановъ; друзья поэта: Дмитріевъ, Львовъ, Капнистъ, Хемницеръ. А происшествія: учрежденія Екатерины, взятіе Измаила, смерть Потемкина, рожденіе Александра Павловича....

Издатель не щадилъ трудовъ: въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ путешествовалъ по тѣмъ областямъ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ Державинъ, собралъ всѣ преданія, перечелъ всѣ свидѣтельства, изучилъ всѣ подробности Исторіи и литературу его времени. Письма, частныя записки, служебныя отношенія,—

все вошло въ широкую раму и нашло себѣ мѣсто; рисунки, сочиненные друзьми Державина, поясняющіе его стихотворенія, воспроизведены вѣрно и дополняютъ картину времени. Державинъ встаетъ, какъ живой, передъ нашими глазами, окруженный своими друзьми и врагами, со всѣми своими достоинствами и недостатками.

Какъ нельзя болѣе кстати явилось это изданіе въ наше время, когда общество начинаетъ немного образумливаться послѣ того чада и тумана, который напустили незваные наши учители и преобразователи въ періодъ своихъ необузданныхъ оргій. Изъ-за нѣкоторыхъ частностей и мелочей, ими непонятыхъ, не сообраденныхъ со временемъ и обстоятельствами, безъ всякихъ познаній, эта наглость, пошлость и бездарность закидала было грязью величественный видъ творца *Фелицы*, *Вельможи*, и пр., тою же грязью, которой покрыли они и Карамзина, и Сперанскаго, и Ростопчина, не умѣя разобрать, что̀ принадлежитъ времени, что̀ зависитъ отъ среды, что̀ условлено необходимостію обстоятельствъ. Примѣчанія Грота будутъ содѣйствовать къ установленію настоящихъ вѣрныхъ мнѣній о Державинѣ.

Я имѣлъ честь предложить обществу, чтобъ оно торжественно выразило свою признательность къ полезнымъ трудамъ Я. К. Грота, какъ въ своемъ собраніи, такъ и лично ему, въ Петербургѣ, чрезъ нашихъ сочленовъ, имѣющихъ тамъ свое пребываніе" [149]).

Въ то время П. А. Плетневъ, по болѣзни, пребывалъ въ Парижѣ, и Я. К. Гротъ писалъ ему: „Недавно послалъ я къ тебѣ, или вѣрнѣе, послала графиня Блудова, по моей просьбѣ, черезъ посольство, экземпляръ перваго тома Державина. Графъ и графиня Блудовы чрезвычайно довольны имъ, и вообще онъ производитъ на всѣхъ хорошее впечатлѣніе. А. В. Головнинъ, между прочимъ, выразился, что это *памятникъ царствованія*.

Плетневъ пожелалъ узнать подробности всего, что относится къ изданію Державина. Гротъ, удовлетворяя желаніе Плетнева, писалъ ему: „Графъ Блудовъ лично поднесъ экземпляры въ сафьянныхъ переплетахъ ихъ величествамъ; о пріемѣ ихъ онъ

ничего особеннаго не говорилъ, кромѣ того, что императрицѣ понравились многіе приложенные рисунки художниковъ того времени, что его сіятельству угодно вспоминать при каждой встрѣчѣ со мною. Въ то же время графъ Блудовъ поднесъ экземпляръ наслѣднику, хотя прежде и разрѣшилъ мнѣ поднести самому. Тѣмъ не менѣе я послѣ исполнилъ это и самъ, и его высочество, посадивъ меня, очень долго и внимательно разговаривалъ, сказавъ, что ужъ видѣлъ изданіе у императрицы".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Гротъ сообщаетъ Плетневу и газетные отзывы о своемъ изданіи. „*Голосъ*—писалъ онъ—похвалилъ, хотя и съ гримасами. *Современникъ*, какъ можно было ожидать, глумится надъ излишнимъ усердіемъ и объявляетъ великолѣпное изданіе несвоевременнымъ" [150]).

Получивъ первый томъ Державина, князь П. А. Вяземскій писалъ Плетневу: „Теперь купаюсь въ Державинѣ, который присланъ мнѣ Гротомъ. Добросовѣстный и прекрасный трудъ, но форматъ безчеловѣчный: нужно имѣть *двѣ огромныя руки*, и то желѣзныя, чтобы книгу держать" [151]).

„Вяземскій,—писалъ Гротъ Плетневу,—благодаритъ за Державина, но недоволенъ *руколомнымъ* форматомъ и соединеніемъ на той же страницѣ текста и примѣчаній, которыя, по его мнѣнію, должны бы находиться въ концѣ стихотвореній" [152]).

Умирающій Шевыревъ (1 января 1864 г.) писалъ Погодину изъ Парижа: Плетневъ показалъ мнѣ I-й томъ Гротова изданія Державина. Это великолѣпный памятникъ. Первый Русскій Дидотъ! Спасибо Гроту. Князь Вяземскій откликнулся мнѣ изъ Венеціи".

Погодинъ не только словомъ, но и дѣломъ оказывалъ содѣйствіе изданію Державина. Онъ сообщилъ Гроту отрывки изъ писемъ Карамзина къ Дмитріеву, относительно Державина, отрывки изъ переписки Ростопчина съ Ціціановымъ. Гротъ, признательный за этотъ „цѣнный подарокъ", писалъ Погодину: „Надѣюсь, что вы, который такъ умно оцѣнилъ предпріятіе и показалъ такое горячее сочувствіе къ нему, не оставите и

впредь сообщать все, что попадетъ въ ваши руки интереснаго для предмета" [153]).

„Изданіе Гротовскаго Державина,—писалъ Погодинъ,— подало мнѣ мысль о приготовленіи подобныхъ изданій Дмитріева и Жуковскаго. Причины, побудившія меня сдѣлать это предложеніе, заключаются въ томъ, что теперь есть еще въ живыхъ много людей, которые могутъ исполнить это дѣло даже безъ затрудненій, встрѣченныхъ Гротомъ. Живыхъ личныхъ впечатлѣній современниковъ, близкихъ лицъ, ничѣмъ замѣнить нельзя. Никакія изысканія не произведутъ подобнаго дѣйствія. Мы должны воспользоваться ихъ указаніями—пропустимъ время, и онѣ пропадутъ невозвратно, какъ пропали для насъ многія любопытныя подробности изъ жизни нашихъ другихъ писателей прошедшаго столѣтія. Мы подадимъ поводъ къ разнымъ ошибкамъ, невѣрностямъ, пропускамъ, и грѣхъ останется на нашей душѣ, зачѣмъ не приняли нужныхъ мѣръ. Стихотворенія Дмитріева и его *Записки* послужатъ, такъ сказать, парою къ сочиненіямъ Державина, его друга, товарища и совѣтника, котораго имя встрѣчается почти на каждой страницѣ въ изданіи Грота. Общество любителей Россійской словесности не имѣетъ средства предпринимать эти изданія; мы и не думали объ изданіяхъ, право которыхъ принадлежитъ наслѣдникамъ; но мы вызываемъ только на труды, на приготовленіе матеріаловъ для будущихъ изданій, кому онѣ достанутся на долю, намъ или нашимъ дѣтямъ. Мы хотимъ сдѣлать только то, что можемъ; мы хотимъ вызвать всѣхъ, имѣющихъ какіе либо матеріалы, чтобъ они доставили ихъ намъ, въ общую сокровищницу. Смѣю думать, что такое безкорыстное предложеніе общества не останется безъ должнаго вниманія. Могу привести въ примѣръ обращеніе мое къ публикѣ о матеріалахъ для жизни Ермолова. Съ первой недѣли я получилъ и продолжаю получать ихъ множество; безъ моего оглашенія многое изъ того могло бы пропасть" [154]).

Гротъ, прочитавъ эти строки, писалъ Погодину: „Что касается до мысли о подобномъ (Державину) изданіи Жуковскаго

и Дмитріева, то, дай Богъ, чтобы близкіе къ нимъ люди оказали бы въ томъ такое же сочувствіе, какъ наслѣдники Державина въ изданіи его сочиненій. Только едвали тутъ нужны коммиссіи и сотрудники. Дѣло пойдетъ только тогда, когда за него возьмется съ любовію и усердіемъ кто-нибудь одинъ. У меня дѣло идетъ хоть нескоро да здорово, именно потому, что мнѣ никто не мѣшаетъ и что я ни на кого не надѣюсь".

А. З. Зиновьевъ писалъ своему университетскому товарищу Погодину: „Вамъ, какъ предсѣдателю нашего общества любителей Россійской словесности, считаю обязаннымъ сообщить копію съ письма одного знаменитаго сочлена, князя Вяземскаго, къ другому, еще болѣе знаменитому, Жуковскому, о лицѣ, которое можетъ украсить всякое литературное общество, хотя и не состоящее, къ сожалѣнію, въ спискахъ вашихъ членовъ... Сколько сердечной простоты, какое глубокое чувство въ этихъ строкахъ... Говорятъ ли теперь гдѣ-нибудь въ свѣтѣ этимъ языкомъ"?

Въ своемъ отчетѣ о дѣятельности общества любителей Россійской словесности за 1863 годъ, Погодинъ сказалъ: „Мы можемъ надѣяться на ученое изданіе еще одного Русскаго писателя. Мы говоримъ о Кантемирѣ, которымъ собственно начинается Исторія новой Русской словесности. Общество рѣшилось издать его, препоручая изданіе вновь избранному своему члену Н. С. Тихонравову, который сдѣлалъ уже всѣ нужныя приготовленія".

Съ своей стороны, Я. К. Гротъ писалъ Погодину: „Мысль издать Кантемира порадовала меня".

Кромѣ того, общество любителей Россійской словесности предложило издать сочиненія Алексѣя Өедоровича Мерзлякова.

27 іюля 1863 года, Погодинъ писалъ къ сыну Мерзлякова, Владиміру Алексѣевичу: „Наконецъ, послѣ многихъ попытокъ и неудачъ, посчастливилось мнѣ устроить печатаніе сочиненій вашего незабвеннаго отца. Общество любителей Россійской словесности опредѣлило издать ихъ на свой счетъ, съ предоставленіемъ всѣхъ остальныхъ экземпляровъ наслѣдникамъ, по покрытіи издержекъ. Разумѣется, по нынѣшнему направленію,

выгодъ ожидать нельзя, по крайней мѣрѣ, воздана будетъ честь труженику. Благоволите прислать мнѣ всѣ бумаги, какъ ихъ прислала вамъ покойная матушка ваша, взявъ у меня въ исполненіе вашего тогда предложенія, и напишите краткую записку или довѣренность вашему брату и сестрѣ на заправленіе дѣломъ. Я недавно узналъ объ ихъ стѣсненномъ положеніи: сестра ваша даетъ уроки Русскаго языка по купеческимъ домамъ, и до сихъ поръ не могла еще выплатить долга на похороны матушки занятаго, выдавая ежемѣсячно по десяти рублей. А объ васъ слышится хорошее. Не можете ли вы пособить чѣмъ-нибудь вашимъ роднымъ, которые не имѣютъ объ васъ даже никакого извѣстія. Откликнитесь и мнѣ поскорѣе. Я спрашивалъ недавно о васъ у стараго моего знакомаго генерала Мельникова, но онъ ничего не могъ сказать положительнаго. Преодолѣйте же ваше отвращеніе отъ писанія писемъ, и напишите намъ длинное и подробное письмо: что̀ вы, гдѣ вы, какъ вы, — о вашемъ семействѣ, службѣ, и проч. и проч. Все относящееся до Мерзляковыхъ для меня любопытно“.

„А Мерзляковъ развѣ оставленъ“? — спрашивалъ Гротъ Погодина.

На этотъ вопросъ Погодинъ отвѣчалъ въ своемъ отчетѣ о дѣятельности общества любителей Россійской словесности за 1863 годъ. Онъ писалъ въ немъ: „О предположенномъ обществомъ изданіи сочиненій Мерзлякова нельзя сказать еще ничего утѣшительнаго: до сихъ поръ общество не могло достать того собранія, которое было сдѣлано еще при жизни покойнаго А. Ѳ. Мерзлякова, и передано послѣ кончины, М. П. Погодину а чрезъ нѣсколько лѣтъ возвращено имъ вдовѣ, въ исполненіе ея требованія для сына, который, будто бы, находилъ тогда средства для изданія въ Петербургѣ. Нынѣ этотъ сынъ пишетъ, что изданіе предпринималъ не онъ, а покойный его братъ. Братъ скончался въ больницѣ еще до сорокового года и никакихъ бумагъ послѣ него не находится. Общество вызываетъ теперь черезъ *Вѣдомости*, не можетъ ли кто облегчить для него это исканіе. Въ противномъ случаѣ, оно должно бу-

детъ обратиться къ печатнымъ изданіямъ, въ коихъ помѣщалъ свои труды А. Ѳ. Мерзляковъ. Приготовительныя справки наведены уже дѣятельнымъ секретаремъ общества любителей Россійской словесности, М. Н. Лонгиновымъ“.

11 марта 1863 года, А. В. Никитенко обратился къ Погодину съ слѣдующимъ письмомъ:

„Я всегда вѣровалъ въ вашу Русскую доброту, и въ доказательство вотъ и воззваніе къ ней. Передъ вами вручитель письма сего полковникъ *Нарѣжный*, сынъ того Нарѣжнаго, котораго романы весьма не лишены литературнаго достоинства по своему времени. Въ составъ сочиненій его, изданныхъ покойнымъ Смирдинымъ, долженъ былъ войти романъ: *Русскій Жилблазъ*, но цензура, во время оно, несмотря на мои посильныя старанія, не пропускала его. Долго этотъ горемычный Жилблазъ, какъ бы на основаніи своего Русскаго происхожденія, бродилъ по цензурнымъ мытарствамъ и наконецъ получилъ право увидѣть свѣтъ Божій. Но тутъ опять бѣда — владѣлецъ его не имѣетъ никакихъ средствъ издать книгу. Слышалъ онъ, что въ Москвѣ есть книгопродавцы, которые иногда покупаютъ у авторовъ рукописи, и вотъ онъ теперь въ Москвѣ, гдѣ, впрочемъ, у него рѣшительно нѣтъ никого, кто бы могъ помочь ему въ этомъ, словомъ или дѣломъ. Принявъ въ уваженіе его затруднительныя обстоятельства, я рѣшился обратиться къ вамъ, досточтимый Михаилъ Петровичъ, съ покорнѣйшею просьбою, не отказать, ежели можно, этому бѣдному человѣку въ благомъ совѣтѣ: къ кому бы ему изъ двигателей книжнаго дѣла въ Москвѣ прибѣгнуть, чтобы дать ходъ своей рукописи? Нарѣжный былъ писатель не безъ таланта, а вѣдь не одному изъ нашихъ талантовъ вы были полезны или словомъ или дѣломъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ“ [155]).

Въ 1864 году, секретарь общества любителей Россійской словесности, М. Н. Лонгиновъ, покинулъ Москву. 18 мая того года, Я. К. Гротъ писалъ П. А. Плетневу: „Лонгиновъ уже уѣхалъ въ деревню, гдѣ думаетъ и зимовать. Онъ постоянно

слѣдитъ за изданіемъ Державина и сообщаетъ мнѣ свои замѣчанія. То же дѣлаетъ и Бартеневъ, но не такъ усердно. Онъ пріѣзжалъ сюда на масленицѣ и останавливался у меня" [156]).

Сохранилось весьма интересное письмо Лонгинова, изъ его Тульскаго села Краснаго, къ Погодину, отъ 8 сентября 1864 года:

„Истиннымъ подаркомъ было мнѣ письмо ваше изъ Дьеппа, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ: оно служитъ мнѣ новымъ доказательствомъ вашей дружбы, которою я такъ искренно дорожу. Я убѣжденъ, что вы никогда не сомнѣвались въ полной взаимности съ моей стороны. Радуюсь душевно добрымъ вѣстямъ о васъ и о вашемъ путешествіи. Я не отвѣчалъ вамъ долго, ибо не зналъ, куда адресовать вамъ письмо во время вашихъ переѣздовъ и теперь, основываясь на вашихъ словахъ, что вы будете въ Москвѣ въ сентябрѣ, пускаю туда эту цидулку въ увѣренности, что она или найдетъ уже васъ на Дѣвичьемъ Полѣ, или недолго прождетъ вашего возвращенія. Мечтамъ вашимъ о сожитіи не суждено осуществиться, но спасибо вамъ за нихъ: они могли родиться только у истиннаго друга; такія предложенія не дѣлаются равнодушными. Многое препятствуетъ приведенію ихъ въ исполненіе и во-первыхъ то, что я еще въ іюлѣ нанялъ въ Тулѣ очень дешево меблированный и удобный домъ, куда и предполагаю перебраться на дняхъ. Живя въ пятидесяти шоссейныхъ верстахъ отъ своей деревни, я большую часть расходовъ по содержанію людей, экипажа и пр. почти знать не буду. Экономія тѣмъ нужнѣе, что неурожай въ Сызранской деревнѣ (отъ которой я могъ ждать на первый разъ, послѣ двухлѣтнихъ устройствъ, поглощавшихъ все, что имѣніе приносило, тысячъ шесть или семь чистаго доходу), оставитъ мнѣ самый ничтожный доходъ. И то еще слава Богу: у многихъ не собрано даже сѣмянъ. Въ Скопинской деревнѣ я былъ два раза и еще на дняхъ одинъ разъ. Тамъ урожай очень хорошъ, но имѣніе небольшое (сто шестьдесятъ душъ, по прежней терминологіи) и цѣны низкія. Кстати: знаете ли, кто тамъ у меня новый сосѣдъ: Я. К. Гротъ, купившій неболь-

шое имѣніе, въ десяти верстахъ отъ меня, хотя оно и въ другомъ уѣздѣ, — Данковскомъ. Въ іюнѣ, когда я былъ въ той сторонѣ, мы видѣлись безпрестанно, и вотъ-то была библіографія и біографія! Что это за превосходный человѣкъ! Въ томъ краю поджигаютъ теперь гумна съ хлѣбомъ и не крестьяне, а бродяги-злоумышленники. Я долженъ былъ застраховать гумно, также какъ и многіе. Здѣшнее имѣніе,—большое и отличное, урожай ржи порядочный, овса и гречи—сквернѣйшій; да изъ доходовъ его нынче все уйдетъ на уплату долга, сдѣланнаго весной для расчетовъ въ Москвѣ, гдѣ мнѣ безъ того нечѣмъ было бы, при неожиданномъ пониженіи цѣнъ на хлѣбъ, дожить сезонъ. И такъ, вы видите: какая тутъ жизнь зимой въ Москвѣ! Выноси Богъ только и въ Тулѣ прожить.... Обратимся къ мирной литературѣ въ заключеніе. Пожалуйста, не медлите собраніемъ общества въ засѣданіе осенью и назначайте засѣданія нерѣдко; это лучшее средство для его поддержанія. Секретаремъ лучше всего выбрать Бартенева: онъ аккуратенъ, безпристрастенъ и мягокъ въ отношеніяхъ съ людьми. Не знаю, когда удастся съ вами видѣться. Прошу васъ передать мой дружеской поклонъ Софьѣ Ивановнѣ. Жена передаетъ вамъ таковой же. Вѣрьте моей искренней дружбѣ и не оставляйте письмами“ [157]).

LVI.

Въ 1864 году, исполнилось пятидесятилѣтіе служенія Русской литературѣ и Русской исторіи двухъ старѣйшихъ членовъ общества любителей Россійской словесности: Ѳедора Николаевича Глинки и Павла Михайловича Строева.

Въ это время, первый изъ юбиляровъ, Ѳ. Н. Глинка, понесъ тяжелую утрату въ лицѣ своей супруги. Въ отчетѣ о дѣятельности общества любителей Россійской словесности за 1863 годъ, Погодинъ заявилъ: „Общество лишилось почетнаго члена Авдотьи Павловны Глинки, урожденной Голенищевой-Кутузовой, которой принадлежитъ много статей нравственнаго

и религіознаго содержанія и переводы изъ Нѣмецкихъ поэтовъ. Шиллерова пѣснь о Колоколѣ извѣстна всѣмъ любителямъ поэзіи“.

По своей серьезной отзывчивости къ чужому горю, Погодинъ нравственно поддержалъ осиротѣлаго супруга. Такъ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, онъ заявилъ права Глинки на мѣсто академика второго отдѣленія академіи наукъ.

„Слѣдующимъ кандидатомъ (послѣ Даля),—писалъ Погодинъ,—почитаю я Ѳ. Н. Глинку, старѣйшаго изъ Русскихъ литераторовъ, издавшаго, въ 1807 году, первыя письма Русскаго офицера, преложивши мастерски Іова, работавшаго неусыпно слишкомъ 50 лѣтъ на полѣ Русской словесности и во всякомъ стихотвореніи (а ихъ тысяча) сказавшаго что-нибудь новое, своеобразное, смѣлое, свое. Заведемте же хоть въ академіи избраніе правильное, законное, и снимемъ подозрѣніе въ лицепріятіи, лежащее на всѣхъ академіяхъ въ Европѣ. Всякій предлагатель обязанъ изложить подробно права своего кандидата. Одинъ можетъ ошибаться, большинство найдетъ правду. Пусть всякая вакансія оглашается въ газетахъ, и пусть не только академики, но всѣ, кому угодно, указываютъ на кандидатовъ, имѣющихъ, по ихъ мнѣнію, право на избраніе. Эти права, разумѣется, должны быть предъявлены, и въ такомъ гласномъ предъявленіи будетъ заключаться самое вѣрное обезпеченіе справедливости выбора. Никто не рѣшится безъ достаточныхъ основаній предлагать то или другое лицо на высшую ученую степень. Не говорю уже, что въ этихъ предъявленіяхъ будутъ собираться хорошіе запасы для Исторіи Русской словесности“ [158]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ написалъ Глинкѣ письмо, въ которомъ выразилъ свое соболѣзнованіе.

Все это до глубины души тронуло Глинку, и онъ, 23 сентября 1863 года, отвѣчалъ Погодину: „Письмо ваше (дороже инова тома!) доставило мнѣ вчера много радости и пало самою свѣтлою каплею на грустную мою душу. Вы подали голосъ утѣшенія, какъ будто по догадкѣ, что мы (вѣдь ужь очень

издавна!) васъ любили и уважали ваши стремленія и вашъ взглядъ на вещи. У покойной, моей незабвенной, ваши письма и отзывы хранились въ особомъ ларцѣ. Да, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ! Я думаю быть въ Москвѣ, хоть и грустно будетъ, на каждомъ шагу, вспоминать время прежнихъ радостей. Въ матеріальномъ отношеніи я готовъ занять, т.-е., нанять помѣщеніе въ прекрасномъ вашемъ домѣ; нанять потому, что вы вѣдь не Крезъ и я не дошелъ еще до нищеты Ира. Но когда могу выѣхать изъ Твери?—самъ не знаю! Съ одной стороны, еще не доконченная служба, съ другой (роковой ударъ постигъ насъ врасплохъ) много дѣлъ и хлопотъ, съ которыми надо покончить. Во всякомъ случаѣ благодарю васъ за сочувствіе, память и участіе. Мое положеніе томительно: это круглое сиротство. Вы знали насъ, когда мы, я и она,—составляли десятокъ: она была единицей, я—нолемъ. Проводилъ я свою золотую единицу въ землю и остался нолемъ на землѣ!! Сочувствіе Петербургскихъ друзей (многіе пріѣзжали нарочно сюда) стараются наполнить пробѣлъ въ моей жизни; но Богъ знаетъ—исполнимое ли это дѣло! И здѣсь меня терпятъ, — даже любятъ,—но міръ чиновниковъ, какъ зимнее солнце, —хоть и привѣтенъ, но не грѣетъ! Въ остывшемъ ложѣ жены моей больше теплоты, чѣмъ во всѣхъ оффиціальныхъ заявленіяхъ. Изъ комнаты, гдѣ скончалась жена, я сдѣлалъ свою спальню и все какъ будто еще не совсѣмъ разстался съ нею! Простите! заговорился и заплакался! Будьте здоровы и долго, долго еще радуйте друзей своихъ".

Погодинъ настойчиво хлопоталъ о награжденіи юбиляра Глинки Станиславскою звѣздою. Хлопоты его увѣнчались полнымъ успѣхомъ. 27 феврали 1864 года, министръ народнаго просвѣщенія, А. В. Головнинъ, писалъ Погодину: „Глинка пожалованъ орденомъ Станислава 1-й степени, причемъ государь, полагая сдѣлать ему удовольствіе, приказалъ выставить на грамотѣ *17 марта*".

Это привело Глинку въ восторгъ неописанный, и онъ писалъ Погодину: „Что̀ вы? — Кто̀ вы, достопочтеннѣйшій Ми-

хаилъ Петровичъ!—Нашъ-ли братъ человѣкъ, или вы геній—распространяющій вездѣ добрыя мысли и добрыя вѣсти?.. Въ отношеніи ко мнѣ, вы, право, какой-то геній: вы *первый* предложили мнѣ гостепріимство въ вашемъ домѣ и первый поспѣшили увѣдомить о милости и чрезвычайно милостивомъ вниманіи государя, котораго св. помазаніе умудрило на столько великихъ, можно сказать, громадныхъ предпріятій.

Ни сномъ, ни духомъ не зналъ я объ орденѣ, котораго не ожидалъ, которому, признаюсь, обрадовался бы, еслибъ онъ пришелъ въ прошломъ году, когда еще жива была моя единственная: ея радость была бы моимъ счастьемъ; а теперь?!.. А теперь я только радуюсь неоцѣненному вниманію государя; да обрадуетъ его тѣмъ же Богъ, — неотступный Покровитель Россіи!

Крайне изумило меня ходатайство министра, къ которому я не имѣлъ и не искалъ никакого доступа.—Но министра я имѣю чѣмъ отблагодарить. Знаете ли, что у меня находится большая тетрадь паутинной бумаги, исписанная мелкимъ почеркомъ. Эта тетрадь—*Японская* бумага; это собственноручный почеркъ Василья Михайловича Головнина.

Драгоцѣнный въ своемъ родѣ, этотъ манускриптъ принадлежалъ П. Ив. Рикорду. Получивъ назначеніе главнаго командира флота, и собираясь ѣхать въ Кронштадтъ, онъ сказалъ: „Какъ знать? Можетъ Англицкое ядро найдетъ и меня, а до васъ не долетитъ; возмите же, въ коллекцію вашихъ любопытныхъ бумагъ, этотъ портфель: въ немъ вся жизнь друга моего Головнина, написанная имъ въ Японской клѣткѣ?

За подарокъ я поблагодарилъ, не зная еще что̀ мнѣ подарено. Но пріѣхавъ въ деревню, я принялся на досугѣ разбирать портфель и, признаюсь, не одинъ разъ испыталъ чувство глубокаго умиленія, читая страницы, на которыя, можетъ быть, падали слезы благороднаго узника. Положеніе его было ужасно! Подъ грозою казни, окруженный измѣною и придирчивою, неотвязною подозрительностью Японскою,—онъ долженъ былъ ускромлять бумагу, данную ему (по счету листовъ), для напи-

санія *Русской Грамматики* и на листѣ, озаглавленномъ: *О глаголѣ*, онъ писалъ про свое безвыходное положеніе, изливалъ свою грусть, свои тоскливыя чувства.—Вотъ этотъ завѣтный *аутографъ* хочу я отправить къ министру“ [159]).

LVII.

Въ торжественномъ собраніи общества любителей Россійской словесности, происходившемъ 7-го февраля 1864 года, Погодинъ, въ своей рѣчи, заявилъ: „Я долженъ сообщить обществу извѣстіе, что скоро исполнится пятидесятилѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ нашъ почтенный сочленъ, Павелъ Михайловичъ Строевъ, вступилъ на ученое поприще. Многіе почитатели его намѣреваются выразить ему общую признательность. Не считаю нужнымъ присовокуплять, сколько имѣютъ права на эту честь такіе труды, какъ путешествіе археографическое, доставившее матеріаловъ на восемь томовъ, изданіе двухъ томовъ государственныхъ грамотъ, описаніе главнѣйшихъ нашихъ книгохранилищъ, графа Толстаго, Царскаго, историческаго общества, Ключъ къ Исторіи Карамзина, Софійскій временникъ, Царскіе выходы, и пр. Члены общества, равно и какъ посторонніе друзья отечественной Исторіи и Словесности, должны принять живѣйшее участіе въ предстоящемъ ученомъ празднествѣ“ [160]).

Самъ же П. М. Строевъ, еще 15 января того же 1864 года, писалъ къ правителю дѣлъ, основанной имъ археографической коммиссіи, Н. В. Калачову: „Въ февралѣ исполнится *пятидесятилѣтіе* вступленія моего на ученое поприще; въ 1814 году я издалъ *Краткую Русскую Исторію для юношества*, которая имѣла (особенно при второмъ изданіи 1819 года) немалый успѣхъ, и въ то же время началъ писать въ журналахъ статьи историческія. Въ февралѣ же (29-го числа) исполнится *двадцатипятилѣтіе* вступленія моего въ археографическую коммиссію, когда, въ 1839 году, какъ вамъ извѣстно, я принялъ званіе члена ея съ сохраненіемъ высочайше пожалованнаго мнѣ за

археографическую экспедицію по Россіи, шесть лѣтъ продолжавшуюся, *2000 р. ассигнаціями* пенсіона. Я намѣренъ при семъ двойномъ юбилеѣ, совсѣмъ оставить служебное поприще и спокойно ожидать близкаго конца жизни. Быть можетъ, увольняя меня въ отставку, мнѣ прибавятъ что-нибудь къ получаемой пенсіи, которая, по нынѣшнему, очень незначительна; *болѣе сего я не желаю.* Сдѣлайте одолженіе, переговорите съ его высокопревосходительствомъ Авраамомъ Сергѣевичемъ *) и благоволите сообщить мнѣ: куда я долженъ подать прошеніе о полной отставкѣ"?

На это Калачовъ отвѣчалъ: „А. С. Норовъ вполнѣ согласенъ ходатайствовать объ увеличеніи, при отставкѣ, получаемой вами пенсіи, для чего, впрочемъ, по новымъ нашимъ правиламъ, мы предполагаемъ сдѣлать особое опредѣленіе въ ближайшемъ засѣданіи археографической коммиссіи. Чтобы по этому успѣть представить въ срокъ министру опредѣленіе коммиссіи, благоволите немедленно прислать на имя Авраама Сергѣевича прошеніе".

Затрудняясь написать прошеніе на имя А. С. Норова, Строевъ обратился къ Калачову съ новою просьбою. „Многообязательное ваше письмо—писалъ Строевъ—получено мною; но я не могъ тотчасъ отвѣчать, потому что съ недѣлю почти лежалъ въ постелѣ: слабость и головокруженіе нерѣдко меня мучатъ. Написать *потитульное*, какъ выражаются приказные, прошеніе въ департаментъ, по извѣстной формѣ, я бы не затруднился; но, признаюсь откровенно, составить таковое на имя Авраама Сергѣевича, для предварительнаго обсужденія въ археографической коммиссіи, съ прописаніемъ моихъ въ 1864 году юбилеевъ, мастерства моего не хватаетъ: отъ серіознаго до смѣшного одинъ шагъ. Не доведете ли вашу обязательность до конца, не напишете ли и пришлете ко мнѣ *черненькое* отъ лица моего прошеніе? Я перепишу набѣло. По моему разсчету, въ концѣ года, мнѣ слѣдуетъ получить пряжку за L лѣтъ:

*) Норовъ, предсѣдатель археографической коммиссіи. *Н. Б.*

слѣдовательно, вотъ третій юбилей, служебный; но до него еще дожить слѣдуетъ".

И эта просьба Строева была исполнена. Калачовъ отправилъ къ нему, для переписки, *черненькое прошеніе.*

15 февраля 1864 года, состоялось засѣданіе археографической моммиссіи, на которомъ Калачовъ заявилъ о наступающемъ двадцатипятилѣтіи со времени вступленія въ коммиссію П. М. Строева, съ званіемъ члена ея, и пятидесятилѣтія служебной и литературной дѣятельности его. Вслѣдствіе этого заявленія, А. С. Норовъ обратился (10-го марта) къ министру народнаго просвѣщенія, А. В. Головнину, съ представленіемъ, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ:

„Г. Строева по справедливости можно назвать, вмѣстѣ съ К. Ѳ. Калайдовичемъ, основателями у насъ археографіи, какъ науки, и археографическая коммиссія обязана ему своимъ началомъ. Совершенное имъ археографическое путешествіе, въ 1830—34-хъ годахъ, было у насъ первое; въ продолженіи онаго имъ собраны тѣ матеріалы, для изданія коихъ и была первоначально учреждена археографическая коммиссія. Кромѣ того, онъ былъ самымъ ревностнымъ исполнителемъ ученыхъ плановъ графа Н. П. Румянцова и однимъ изъ редакторовъ его знаменитаго *Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ.* Г. Строевъ, находясь нынѣ въ преклонныхъ лѣтахъ и обремененный большимъ семействомъ, имѣетъ самыя незначительныя средства къ своему существованію. Все содержаніе его основано на пенсіи въ *571* р. *43* к., которую онъ получаетъ за вышеупомянутую археографическую экспедицію. А потому А. С. Норовъ находилъ весьма справедливымъ увеличить получаемую Строевымъ пенсію до *тысячи* рублей (т.-е. пятью стами рублями)".

Вотъ и все, чего желалъ получить Строевъ въ день своего юбилея.

Погодинъ, съ свойственнымъ ему пыломъ, „дѣйствовалъ и хлопоталъ" о достойномъ чествованіи пятидесятилѣтняго юбилея знаменитаго археографа. Съ такимъ же усердіемъ „дѣй-

ствовали и хлопотали“ въ Москвѣ: В. М. Ундольскій и А. А. Котляревскій. И вотъ, на Ундольскаго посыпались знаменитые Погодинскіе летучіе листки.

„Да что́ же творится съ вами. Столько времени ни слуху, ни духу. Здоровы ли вы? А Строевскій обѣдъ“?

„Посылаю вамъ подписку. Надо дѣйствовать скорѣе. Передайте по принадлежности Хлудову, Солдатенкову и проч., а потомъ возвратите. Другой экземпляръ я послалъ къ Лонгинову. Пошлемъ ее и въ Петербургъ. Я писалъ Норову о лентѣ, чинѣ и пенсіи. Музыка не начто, а надобно пѣвчихъ, и выбрать имъ приличные канты“!

„Увѣдомьте о подпискѣ вашей. У меня собралось на подарокъ около 130 р. (графъ Уваровъ, Лихачевъ, Соловьевъ, Лонгиновъ и пр.). Обѣдающихъ у меня двѣнадцать“.

Сынъ исторіографа, Владиміръ Николаевичъ Карамзинъ, писалъ Погодину:—„Я радъ бы участвовать въ подпискѣ въ пользу Строева, но не знаю, не опоздалъ ли, а также не вѣдаю у кого собираются приношенія. Буду ожидать вашего, по сему предмету, увѣдомленія“.

24 февраля того же 1864 года, В. М. Ундольскій писалъ Погодину: „Денегъ собралъ я для Строевскаго обѣда 15 р. съ гг. 1) Румянцова, 2) Сидорова, 3) Лобкова, 4) Хлудова и 5) Солдатенкова. Кромѣ того, сіи трое послѣднихъ пожертвовали на подарокъ по 25 р. сер. Значитъ, по сіе число у меня въ сборѣ только 90 р. сер. Вамъ не мѣшало бы напасть на Кокорева. По общему отзыву, обѣдъ надо устроить на второй недѣлѣ великаго поста, но не на масленицѣ. Это мнѣніе раздѣляетъ и самъ юбилянтъ, у котораго былъ я вечеромъ 19 сего февраля. Онъ весьма вамъ благодаренъ за публичное заявленіе объ его пятидесятилѣтіи въ обществѣ любителей Россійской словесности. Не мѣшало бы тиснуть коротенькую статейку въ *Московскихъ* или другихъ какихъ *Вѣдомостяхъ*. Этимъ значительно подвинулось бы дѣло впередъ. Посылаю вамъ алфавитный списокъ тѣхъ лицъ, которыхъ мы предполагаемъ звать на обѣдъ. На дняхъ постараюсь лично

быть у васъ и переговорить обо всемъ, въ томъ числѣ и о дублетахъ, полнаго списка которыхъ доселѣ я не имѣю".

Не повидавшись съ юбиляромъ, Погодинъ отправился въ Петербургъ, и оттуда (24 февраля) писалъ къ брату юбиляра, Н. М. Строеву: „Пишу къ вамъ два слова, многоуважаемый Николай Михайловичъ, изъ Петербурга. Дѣла по извѣстному вамъ вопросу идутъ отлично: обѣщаютъ всѣ три вещи, о которыхъ я вамъ говорилъ. О чинѣ идетъ представленіе немедленно, какъ увидите изъ письма отъ Грота. О прочихъ двухъ сказали мнѣ, что будутъ, только не вдругъ, а съ промежутками. Увеличеніе пенсіи обѣщаютъ, впрочемъ, приготовить ко дню юбилея. Это принимаетъ на себя археографическая коммиссія (а чинъ отъ академіи). Затрудненіе теперь въ назначеніи дня. О масленицѣ, какъ полагалъ я прежде, и думать нечего, потому что времени не осталось. Я пріѣхалъ въ субботу, нечаянно, и думаю воротиться въ четвергъ. Первая недѣля не для праздниковъ. Прошу васъ посовѣтоваться о дѣлѣ съ Павломъ Михайловичемъ (къ нему вѣдь не знаешь какъ и приступить). Мы справлялись здѣсь о числѣ первой подписанной имъ статьи, но не нашли ничего... Академія опредѣлила еще прислать къ нему собраніе семи новыхъ изданій. Устраиваютъ здѣсь подписку для поднесенія ему чего-нибудь на память. Вы не можете себѣ представить, какъ я радъ успѣху. Вы знаете, что студентомъ еще какъ уважалъ его труды, а онъ, чудакъ, Богъ знаетъ что̀ думалъ; ну, да Богъ съ нимъ, это нисколько не измѣняетъ моей... потому-то я не смѣю писать къ нему прямо, а прошу васъ разузнать поделикатнѣе, чтобъ не возбудить его щекотливости" [161]).

На это письмо, Н. М. Строевъ, 27-го февраля, отвѣчалъ: „Вотъ все, многоуважаемый мною Михаилъ Петровичъ, что̀ я могу сообщить на обязательное письмо ваше, что братъ мой благодаритъ васъ за участіе, которое вы принимаете въ его юбилеѣ, но что тѣ свѣдѣнія, о коихъ вы пишете, сообщитъ онъ чрезъ Ундольскаго; я же, съ моей стороны, одно могу добавить, и то, можетъ быть, не совсѣмъ вѣрно, что братнина

маленькая Русская Исторія прошла чрез цензуру въ концѣ февраля 1814 года, слѣдовательно, выходъ ея въ свѣтъ можетъ совпадать со всякимъ числомъ марта мѣсяца. Но я говорю это на-угадъ, у меня подъ руками нѣтъ экземпляра Исторіи" [162]).

Возвратившись въ Москву, Погодинъ продолжалъ хлопотать и дѣйствовать неутомимо, и 4-го марта писалъ Ундольскому: „Вы совѣтуете сдѣлать заявленіе. Посылаю проектъ. Но непремѣнно нужно разрѣшеніе Павла Михайловича. Спросите, не медля.

Въ бумагахъ В. М. Ундольскаго сохранились слѣдующіе, составленные въ то время, списки:

1) „*Имена особъ, благоволившихъ подписаться на поднесеніе П. М. Строеву почетнаго подарка въ знакъ благодарности за его пятидесятилѣтніе труды для Русской Исторіи и Библіографіи, въ день его юбилея:* М. Погодинъ 50 р.; Лобковъ 25 р.; Хлудовъ 25 р.; Солдатенковъ 25 р."

и 2) „*Имена особъ, участвующихъ въ обѣдѣ въ честь П. М. Строева, въ день его юбилея 1864 года.*

Мѣсто: Портретная галлерея Русскихъ писателей въ домѣ Погодина, на Дѣвичьемъ Полѣ. Цѣна по 3 рубля съ особы: Аксаковъ Иванъ, Аласинъ, Аѳанасьевъ, Бѣляевъ Иванъ, Бѣляевъ Илья, Бѣляевъ Ѳедоръ, Бодянскій, Безсоновъ, Брыкинъ, баронъ Боде, Бартеневъ, Большаковъ С., Викторовъ, Вельтманъ, Владиміровъ, Гиляровъ-Платоновъ, Голубинскій, Губерти, Головинъ, Гезенъ, Дювернуа, Даль, Ѳ. М. Дмитріевъ, Долгорукій сенаторъ, Егоровъ, Забѣлинъ, Закревскій, Зиновьевъ, Ивановъ Петръ, Иловайскій, Карповъ, Котляревскій, Кубаревъ, Е. Ѳ. Коршъ, Кошелевъ, Коробка, Киселевъ, Кокоревъ, Лонгиновъ, Лобковъ, Мартыновъ, Масловъ, Медынцовъ, Невоструевъ, Некрасовъ, Ошмянецъ, Оболенскій, Одоевскій, Погодинъ, Полуденскій, Поповъ Нилъ, Поповъ Андрей, Побѣдоносцевъ, Ровинскій, Румянцовъ, Соловьевъ, Снегиревъ, Соболевскій, Солдатенковъ, Субботинъ, Сушковъ, Севастьяновъ, Сидоровъ, Смирновъ, Солнцевъ, Тихонравовъ, графъ М. В.

Толстой, графъ Уваровъ, Ундольскій, Филимоновъ, Хлудовъ, Чертковъ, Чичеринъ, Д. Н. Штейнбергъ, А. Н. Ѳерапонтовъ".

Среди приготовленій къ юбилейному торжеству пришло извѣстіе, что, по ходатайству отдѣленія Русскаго языка и словесности, Строевъ пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, академія наукъ почтила юбиляра нижеслѣдующимъ адресомъ, который былъ препровожденъ къ нему, при оффиціальномъ письмѣ Я. К. Грота (отъ 10 марта 1864 года):

„Господину ординарному академику, дѣйствительному статскому совѣтнику Павлу Михайловичу Строеву. По случаю истекающаго пятидесятилѣтія со времени появленія въ печати перваго ученаго труда вашего, императорская академія наукъ, высоко цѣня важныя и незабвенныя услуги, оказанныя вами Отечественной Исторіи, поздравляетъ ваше превосходительство съ совершеніемъ полувѣковаго поприща полезной дѣятельности и присовокупляетъ усердное желаніе, чтобы Русская наука и впредь еще много лѣтъ продолжала обогащаться вашими трудами. Вмѣстѣ съ симъ академія поставляетъ себѣ въ особенное удовольствіе предложить вамъ препровождаемые при семъ труды членовъ отдѣленія Русскаго языка и словесности".

Одинъ изъ сотрудниковъ Карамзина, К. С. Сербиновичъ, узнавъ, что въ Москвѣ готовятся праздновать юбилей Строева, писалъ Погодину: „Имя Строева пребудетъ въ потомствѣ неразлучно съ учрежденіемъ археографической коммиссіи, которой изданія— неистощимый матеріалъ для разъясненія древняго быта нашего Отечества; онъ положилъ основаніе этимъ изданіямъ своимъ ученымъ, имъ же задуманнымъ, путешествіемъ по Россіи. Онъ всѣмъ намъ облегчилъ употребленіе классическаго творенія Карамзина и обязалъ насъ благодарностью за этотъ многополезный трудъ. Съ живѣйшимъ участіемъ радуюсь настоящему празднику достойнѣйшаго Павла Михайловича и покорнѣйше прошу васъ заявить ему мое сердечное при этомъ случаѣ поздравленіе" [163]).

LVIII.

О томъ, какъ отнесся самъ П. М. Строевъ къ пожалованному ему чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника и вообще къ приготовляемымъ въ честь его празднествамъ, мы сейчасъ узнаемъ изъ переписки его, возникшей по этому поводу съ М. П. Погодинымъ и съ Я. К. Гротомъ.

Нужно сказать, что о пожалованіи Строева генеральскимъ чиномъ министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ счелъ нужнымъ увѣдомить и Погодина: „Г. Строевъ,—писалъ министръ, – сегодня (27 февраля) произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники“ [164]). Такъ что для Строева первымъ вѣстникомъ о пожалованной ему наградѣ былъ Погодинъ. „Спѣшу поздравить ваше превосходительство, – писалъ онъ Строеву (2 марта),—радъ, что могу при этомъ случаѣ засвидѣтельствовать мое неизмѣнное уваженіе къ вашимъ трудамъ, почтеннѣйшій, но *несправедливый* ко мнѣ Павелъ Михайловичъ“ [165]).

Но и эта награда, и это письмо произвели на Строева удручающее впечатлѣніе, о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующее письмо (13 марта) Ундольскаго къ Погодину:

„Часовъ въ 11 отправился я къ юбилянту. Увы!? Кто дастъ очесамъ моимъ источники слёзъ, да и *откуду* (не вѣмъ) *начну плакати* о лютомъ его со мною дѣяніи? До двухъ часовъ происходили переговоры, все было сдѣлано, но не вышло ничего. На обѣдъ согласенъ, только послѣ Пасхи, и денегъ собранныхъ возвращать не велѣлъ. Причина яраго и прелютаго гнѣва: ваши два письма, которыя онъ и показывалъ мнѣ. Не мѣшало бы вамъ лично съ нимъ повидаться и переговорить обо всемъ. Въ доказательство моего бытія у юбилянта въ назначенное вами время, препровождаю и собственноручную его на ваше имя записку; изъ нея лучше всего поймете достойное сожалѣнія состояніе души писавшаго. Послѣднія слова и меня выставляютъ передъ вами лжецомъ, какъ будто бы я

самолично распорядился о заявленіи въ газетахъ. Хорошъ пріятель, за письма ваши онъ намѣревался выдти съ вами на дуель;—а за сію припись о мнѣ, слѣдовало бы *его* вызвать на дуель—хоть на моченыхъ яблокахъ".

Упоминаемая записка есть отвѣтъ Строева на поздравительное письмо Погодина съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; отвѣтъ этотъ написанъ въ третьемъ лицѣ: „П. М. Строевъ свидѣтельствуетъ усерднѣйшій поклонъ М. П. Погодину и, признавая вполнѣ Петербургскія его хлопоты, покорнѣйше проситъ оставить всякое стараніе о праздновании юбилея, отъ котораго, по многимъ причинамъ, совершенно отказывается и участвовать не можетъ. На всякое печатаніе въ газетахъ объ этомъ случаѣ онъ также не согласенъ" [166]).

Вмѣсто личнаго свиданія, Погодинъ, отъ 16 марта 1864 года, написалъ Строеву слѣдующее письмо:

„Къ удивленію моему, я узналъ, что вы на меня въ неудовольствіи. Долго я не могъ постичь причины. Наконецъ Ундольскій объяснилъ мнѣ, что виною тому мои два письма. Сколько мнѣ помнится—я писалъ къ вамъ одно, извѣстительное изъ Петербурга о производствѣ, писалъ, надѣясь принесть вамъ удовольствіе, получивъ извѣщеніе отъ министра о васъ и о Глинкѣ. Точно также извѣстилъ я и Глинку, отъ котораго тотчасъ получилъ горячій отвѣтъ. Точно также и самъ благодарилъ министра за его любезное предъувѣдомленіе о лицахъ, которыхъ я, какъ знаетъ онъ, уважаю и принимаю участіе..... Не употребилъ ли я въ своемъ письмѣ къ вамъ какого-нибудь оскорбительнаго выраженія?...

... Помню, что я приписалъ между строками: *хотя и несправедливаго ко мнѣ*, что̀ вамъ непріятно, какъ объяснилъ мнѣ также Ундольскій. Этимъ выраженіемъ я только хотѣлъ замѣтить вамъ, что ваше предубѣжденіе противъ меня, замѣченное мною въ разныхъ случаяхъ, о неуваженіи къ вашимъ трудамъ, не имѣло основанія. Я уважалъ ихъ всегда одинаково.....

... Второе письмо къ вашему брату, а моему товарищу сорокапятилѣтнему, писано вслѣдствіе разговора съ нимъ передъ

12-мъ января..... на основаніи его отвѣта, удостовѣрясь въ вашемъ согласіи, я и началъ *дѣйствовать и хлопотать*.....

Поѣхавъ въ Петербургъ (а прежде писалъ туда письма), я и приступалъ ко всѣмъ съ требованіями, чтобъ они все предположенное поспѣшили исполнить ко второй недѣлѣ. Касательно пенсіи, ваше желаніе было прописано вами самими, какъ сказалъ мнѣ Норовъ или Калачовъ... Вотъ и все. За что же вы меня ругаете? Вамъ неугодно мое участіе и мои хлопоты. Извиняюсь предъ вами, умываю руки и предаю все забвенію... Можете прислать ко мнѣ довѣренное лицо за присланными ко мнѣ для юбилейнаго праздника бумагами и книгами (изъ академіи наукъ). Остаюсь всетаки съ прежнимъ почтеніемъ къ вашимъ историческимъ трудамъ".

На другой же день по полученіи этого письма, Строевъ отвѣчалъ:

„Письмо ваше до меня дошло и *третично* свидѣтельствую полную признательность за С.-Петербургскія ваши хлопоты, хотя не могу скрыть отъ васъ (по совѣсти), что они оказались очень неудачны, что̀, само собою разумѣется, произошло не отъ васъ, а отъ той поспѣшности, съ какою вы принялись за дѣло, уклонясь отъ личнаго со мною свиданія. Не вдаваясь въ безполезную переписку, не могу не обратить вашего вниманія на одну фразу вашего длиннаго письма, которая (признаюсь откровенно) для меня оскорбительна. Эта фраза: *За что же вы меня ругаете?*..... Я настолько благовоспитанъ и знаю приличіе, чтобы не унизиться до ругательства, особенно такого почтеннаго человѣка, какъ ваше превосходительство, въ добавокъ за меня хлопотавшаго. Къ тому же, по нездоровью, въ три прошлыя недѣли, я только однажды выѣзжалъ изъ дому: передъ кѣмъ же я могъ, по вашему, ругать васъ? Быть можетъ, Ундольскій передалъ вамъ, что я замѣтилъ въ интимномъ съ нимъ разговорѣ, что вы какъ-то несчастливы въ стараніяхъ вашихъ о комъ или о чемъ либо, и въ доказательство привелъ нѣсколько тому примѣровъ; развѣ это ругательство? Ето совершенная правда, которую я не запнусь

повторить вамъ лично при свиданіи..... Такъ какъ въ силу *емансипаціи*, я лишился порядочнаго имѣнія и вскорѣ найдусь въ затрудненіи прилично содержать себя, то въ началѣ нынѣшняго года, пользуясь моимъ *пятидесятилѣтіемъ*, я началъ хлопотать, чрезъ посредства Калачова, у президента археографической коммиссіи: нельзя ли при семъ благопріятномъ случаѣ, выдти мнѣ въ отставку и получить какую-нибудь прибавку къ получаемой мною, съ 1835 года, пенсіи? Отъ всякой, кромѣ сего, награды, какъ безполезной, я рѣшительно отказывался. А. С. Норовъ удостовѣрилъ меня, что это дѣло весьма возможное..... Если бы, передъ началомъ вашихъ за меня хлопотъ, вы со мною свидѣлись, я показалъ бы вамъ всю переписку по этому дѣлу, и вы тотчасъ увидѣли бы о чемъ именно слѣдуетъ хлопотать въ С. Петербургѣ лично, и, такимъ образомъ, доставили бы мнѣ, безъ сомнѣнія, истинную помощь, за которую я не усомнился бы поблагодарить васъ не менѣе горячо, какъ и Ѳ. Н. Глинка, за пожалованную ему ленту..... Наши обоюдныя недоразумѣнія и письменныя объясненія запутаются и разрастутся сильнѣе Шлезвигъ-Голстинскаго вопроса, если мы не постараемся о личномъ свиданіи и личныхъ объясненіяхъ. Центральное мѣсто свиданія, Англійскій клубъ, открытъ для насъ обоихъ и въ обѣденные дни я почти всегда тамъ бываю".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Строевъ писалъ Погодину: „Я просилъ Викторова, когда онъ отправлялся отъ меня прямо къ вамъ, довести до вашего свѣдѣнія, что Ундольскій, собиравшій, по порученію вашему, съ купцовъ и старообрядцевъ деньги на предполагавшееся празднованіе моего юбилея, хвастался мнѣ неоднократно, что онъ не допускаетъ просто подписываться, а тотчасъ и деньги беретъ, и съ торжествомъ показывалъ мнѣ подписной листъ, гдѣ, между прочими, я видѣлъ лица, мнѣ совсѣмъ неизвѣстныя. Это обстоятельство можетъ меня компрометировать; жертвователи могутъ подумать, что деньги ихъ дошли до меня въ видѣ подарка и т. под., а я только и зналъ объ этомъ по тому, что Ундольскій не упускалъ случая по-

хвастать передо мною своими связями. Потрудитесь переговорить съ Хлудовымъ, съ которымъ я незнакомъ: таковыя денежныя приношенія, конечно, необходимо возвратить кому слѣдуетъ, потому что юбилейное празднество не состоялось“ [167]).

Между тѣмъ, Я. К. Гротъ спрашивалъ Погодина: „Былъ ли юбилей Строева? Надѣюсь, что вы напишете намъ что-нибудь объ отпраздновании его и о впечатлѣніи, какое на немъ оваціи произвели на виновника“.

Отъ самого же Строева Погодинъ получилъ слѣдующее письмо (отъ 21-го марта): „Паки усерднѣйше благодарю васъ за сообщенныя мнѣ извѣстія. Письма: министра, Норова и Грота, при семъ, по желанію вашему, возвращаю; а письмо Сербиновича, хотя адресованное на имя ваше, но вполнѣ относящееся ко мнѣ, и мнѣ очень пріятное, покамѣстъ оставляю у себя; если не получу отъ васъ позволенія завладѣть имъ, то, списавъ хоть, возвращу его. Будемъ терпѣливо ждать и надѣяться“ [168])!

На оффиціальное письмо Я. К. Грота, отъ 10 марта, за № 17, Строевъ отвѣчалъ:

„Слѣпота, старческія немощи и другія причины попрепятствовали мнѣ отвѣтствовать до сего времени. Неожиданное производство въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, скажу откровенно, изумило меня, даже поразило: я всегда опасался этого производства. Высокіе чины лестны при обезпеченномъ положеніи и удобствахъ жизни; но при слишкомъ ограниченныхъ доходахъ и безпрерывно увеличивающейся дороговизнѣ на все необходимое, согласитесь сами, по-истинѣ тягость. Чтобы уплатить требуемые съ меня, за повышеніе, 108 р. с., я долженъ, въ теченіи остальныхъ восьми мѣсяцевъ текущаго (1864) года, всячески экономить, чтобы покрыть значительный дефицитъ въ моихъ скудныхъ финансахъ.

Поздравительный адресъ г г. членовъ императорской академіи наукъ несказанно меня обрадовалъ: такая истинная почесть способна заставить забыть на время всѣ невзгоды и матеріальные недостатки. Я читалъ и перечитывалъ адресъ съ

особеннымъ наслажденіемъ и далъ ему почетное мѣсто между дипломами и разными актами, относящимися къ долговременной служебной и ученой моей дѣятельности. Изъявленія *благодарности*, въ теченіи вѣковъ, такъ избились и опошлились, что я нахожусь въ крайнемъ затрудненіи, какъ достойно выразить почтеннѣйшимъ сочленамъ академіи чувства искреннѣйшей моей признательности и принужденъ покорнѣйше просить ваше превосходительство въ семъ случаѣ заступить мое мѣсто и быть моимъ краснорѣчивымъ органомъ.

Присланныя мнѣ отъ второго отдѣленія книги находятся еще у М. П Погодина: онъ потребовалъ, чтобы я за ними прислалъ; но прислуга моя состоитъ изъ двухъ старыхъ бабъ солдатокъ; а ѣхать за ними самому, при ужасной испорченности мостовыхъ въ весеннее время, была бы истинная пытка; отъ Сухаревой башни до Дѣвичьяго Поля и обратно, конечно, верстъ 15-ть. Москва—дистанція огромнаго размѣра. Присланныя книги послужатъ основаніемъ моей библіотеки, потому что все книжное, собранное въ теченіе цѣлой жизни, я принужденъ былъ распродать, въ послѣднія пять лѣтъ, для удовлетворенія насущнымъ потребностямъ" [169]).

„Мнѣ писалъ Строевъ,—извѣщалъ Погодина Гротъ,—что онъ очень доволенъ адресомъ, но сѣтуетъ за чинъ, который вводитъ въ издержку. Впрочемъ, отдѣленіе беретъ ее на себя. Жалуется, что ему некого послать къ вамъ за книгами. Не можете ли вы сами отправить ихъ къ нему" [170])?

Между тѣмъ, комитетъ требовалъ отъ Строева взноса за чинъ, 107 рублей съ копѣйками серебромъ. На это требованіе Строевъ отвѣчалъ: „Требуемой суммы, въ настоящее время, у меня нѣтъ, и едва ли будетъ; а потому комитетъ благоволитъ отнестись въ Московское уѣздное казначейство о вычетѣ изъ получаемой мною тамъ, съ 1835 года, пенсіи по 560 рублей въ годъ".

Нѣсколько времени спустя, Строевъ получилъ отъ Грота отвѣтное письмо, въ которомъ читаемъ:

„Сколько меня порадовало впечатлѣніе, произведенное на

васъ адресомъ академіи, столько же было тяжело узнать, что производство ваше въ чинъ затрудняетъ васъ. Представленіе о томъ было слѣдствіемъ слуха, что вашъ юбилей будетъ праздноваться очень скоро и надобно было дѣйствовать, не теряя времени. Вотъ почему невозможно было успѣть снестись съ вами предварительно. Впрочемъ, что касается до слѣдующаго съ вашего превосходительства взысканія, то отдѣленіе поручило мнѣ просить васъ не безпокоиться объ этомъ: оно съ радостью беретъ эту издержку на себя и сожалѣетъ, что комитетъ правленія напрасно потревожилъ васъ. Между тѣмъ, археографическая коммиссія хлопочетъ объ увеличеніи вамъ пенсіи. Дай Богъ, чтобы это удалось. Съ истиннымъ удовольствіемъ принимаю ваше порученіе передать конференціи академіи ваши чувства".

Но вслѣдъ за тѣмъ Гротъ писалъ Строеву: „Отдѣленіе встрѣтило неожиданное препятствіе въ своемъ желаніи внести за васъ слѣдующую за чинъ сумму: по закону, это совершенно личное взысканіе, и употребленіе на это суммъ отдѣленія повлекло бы за собой замѣчаніе контроля. И такъ, дѣло теперь въ томъ, чтобъ доставить намъ возможность исполнить желаніе отдѣленія въ другой формѣ. Оно имѣтъ право назначать своимъ сочленамъ вознагражденіе за ученые труды. И такъ, не пришлете ли вы намъ что нибудь для напечатанія въ *Запискахъ* академіи, такъ чтобы вышло въ печати листа два? Тогда отдѣленіе не замедлитъ выслать вамъ соотвѣтствующій гонораріи. Намъ очень больно, что не можемъ поступить такъ, какъ желали" ......

Строевъ отвѣчалъ: „Два письма вашего превосходительства дошли до меня въ свое время. Не отвѣчать на нихъ было бы невѣжливо, но опасаюсь, чтобы отвѣтъ мой не вышелъ также невѣжливъ: такова сущность самого дѣла. Ожидать отъ старика, почти семидесятилѣтняго, полуслѣпого, подверженнаго частымъ приливамъ и головокруженіямъ, статьи (о чемъ?) извѣстнаго размѣра, дабы гонораріемъ заплатить за чинъ (откровенно сказать, мнѣ навязанный), согласитесь сами, есть дѣло рѣшительно

неудобоисполнимое. Время, когда я исписывалъ цѣлыя дести, не имѣя въ виду ни премій, ни гонораріевъ, ужь слишкомъ давно прошедшее: въ настоящемъ я поддерживаюсь однимъ спокойствіемъ, чтобы какъ-нибудь прожить немногіе остающіеся мнѣ годы земного поприща. Очень благодаренъ вашему превосходительству за увѣдомленіе о хлопотахъ археографической коммиссіи объ увеличеніи получаемой мною пенсіи; повторяю ваши слова: *Дай Богъ, чтобы удалось!* Но, кажется по всему, надежда плоха и необходимо примириться съ неудачами".

LIX.

Императоръ Николай I-й, покровитель археографіи, въ 1835 году, пожаловалъ извѣстному ему археографу Павлу Михайловичу Строеву пенсію въ 2000 рублей ассигнаціями, за совершенное имъ, съ 1830 по 1834 годъ, грандіозное археографическое путешествіе по Россіи, послужившее основаніемъ нынѣшней императорской археографической коммиссіи.

Эти двѣ тысячи, за переводомъ ассигнацій на серебро, обратились, къ 1864 году, въ 571 рубль 43 копѣйки серебромъ.

Когда въ томъ же 1864 году, исполнилось пятидесятилѣтіе служебной и археографической дѣятельности Строева, предсѣдатель археографической коммиссіи, почтенный путешественникъ по Святому Востоку Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, обратился къ министру народнаго просвѣщенія А. В. Головнину съ ходатайствомъ о прибавкѣ Строеву, къ 571 р. 43 к., получаемой имъ пенсіи, пятьсотъ рублей, то министръ, 3-го апрѣля того же 1864 года, отвѣчалъ Норову: „Ваше высокопревосходительство изволили сообщить мнѣ о ходатайствѣ археографической коммиссіи. По этому предмету я входилъ въ сношеніе съ г. министромъ финансовъ (Рейтерномъ), который нынѣ увѣдомилъ меня, что, на основаніи 99—708 ст. пенсіоннаго устава, пенсіи внѣ закона назначаются только за особенныя и отличныя государственныя заслуги. Полагая, что полезная дѣятельность г. Строева въ области нашей археографіи уже достаточно

вознаграждена производствомъ ему на службѣ пенсіи въ 571 р. 43 к. въ годъ, и имѣя въ виду, что увеличеніе сей пенсіи за долговременную службу г. Строева подало бы поводъ и другимъ лицамъ, получающимъ въ извѣстномъ размѣрѣ на службѣ пенсіи, просить на подобномъ основаніи о прибавкѣ къ онымъ, тайный совѣтникъ Рейтернъ, съ своей стороны, не находитъ возможнымъ согласиться на удовлетвореніе означеннаго ходатайства. За таковымъ отзывомъ г. министра финансовъ, не считаю себя въ правѣ повергнуть ходатайство археографической коммиссіи на высочайшее его императорскаго величества благоусмотрѣніе".

Въ отвѣтъ на это замѣчательное письмо министра, А. С Норовъ собственноручно написалъ ему слѣдующее:

„Не посѣтуйте, милостивый государь Александръ Васильевичъ, на объемъ прилагаемой у сего *Записки* о дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Строевѣ. Я виню себя, что не довольно подробно изъяснилъ существо дѣла въ моемъ оффиціальномъ отношеніи. Позвольте мнѣ надѣяться, что дѣло это, имѣющее особое вліяніе на наше *отечественное* ученое сословіе, при тепломъ участіи вашемъ, не пойдетъ въ разрядъ вульгарныхъ бумагъ".

Вотъ текстъ приложенной къ письму *Записки*:

„Не смотря на скромное, повидимому, поприще, на которомъ дѣйствовалъ Строевъ, заслуга, принесенная имъ не только наукѣ, но и государству — огромная. Наука признала уже за несомнѣнный фактъ, что безъ изданій археографической коммиссіи, изученіе нашей Исторіи и Исторіи нашего Законодательства не имѣло бы надлежащаго направленія и тѣхъ успѣховъ, которыхъ оно достигло. Но и въ средѣ различныхъ учрежденій, занимавшихся, въ послѣднее время, проектами по преобразованію разныхъ частей государственнаго управленія и судопроизводства, выражена положительно мысль, что безъ знанія историческаго развитія той части, которая подлежитъ преобразованію, законодательные проекты были бы лишены твердой основы, почему и принято за правило предпосылать

имъ историческія соображенія. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи самые живые государственные вопросы приводятся въ тѣснѣйшую связь съ скромными трудами нашей коммиссіи, которой дѣятельность имѣетъ важное значеніе и для государственныхъ цѣлей! Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что лицо, безъ котораго не существовало бы, можетъ быть, доселѣ это учрежденіе, оказало *особенныя и отличныя государственныя заслуги*, которыя, на основаніи статей 99 и 707 устава о пенсіяхъ, требуются для назначенія пенсіи внѣ закона"......

Въ заключеніе *Записки* сказано: „По случаю совершившагося нынѣ пятидесятилѣтія ученой и служебной дѣятельности Строева, всѣ наши археографы крайне заинтересованы его судьбою. Московскіе ученые съ жаромъ ходатайствовали передъ археографическою коммиссіею объ увеличеніи скуднаго содержанія, имъ получаемаго. Поэтому отказъ въ семъ увеличеніи произвелъ бы непріятное впечатлѣніе не только на скромныхъ тружениковъ науки, которые весьма часто жертвуютъ ей и своимъ здоровьемъ, и всѣми благами земной жизни, но и на публику, которая уже начинаетъ справедливо цѣнить истинныя заслуги ученаго сословія. Вмѣстѣ съ симъ не излишнимъ считаю прибавить, что въ Бозѣ почивающій государь императоръ Николай Павловичъ былъ непосредственнымъ основателемъ археографической коммиссіи и всегда обращалъ свое особенное милостивое вниманіе на ея труды и изданія".

Записку эту министръ народнаго просвѣщенія препроводилъ къ министру финансовъ при слѣдующемъ письмѣ: „Ваше превосходительство изволили увѣдомить, что не находите возможнымъ согласиться на увеличеніе пенсіи основателю археографической коммиссіи академику Строеву. Содержаніе этого отношенія я не замедлилъ сообщить А. С. Норову, который вслѣдствіе сего препроводилъ мнѣ нынѣ приложенную *Записку* съ просьбою сообщить оную на ваше усмотрѣніе".

Но министръ финансовъ Рейтернъ, и по прочтеніи означенной *Записки*, остался непреклоненъ. Онъ писалъ Головнину: „Какъ въ упомянутой *Запискѣ* не представлено новыхъ ува-

женій для назначенія г. Строеву показаннаго пожизненнаго пособія, кромѣ тѣхъ, по коимъ предполагалось испросить ему добавочную пенсію, то я не могу согласиться и на назначеніе ему сего пособія, по тѣмъ же причинамъ, по которымъ я, въ отношеніи къ вашему превосходительству, не призналъ возможнымъ производство ему упомянутой пенсіи. Впрочемъ, къ сему долгомъ считаю присовокупить и то, что назначеніе дѣйствительному статскому совѣтнику Строеву предполагаемаго пособія было бы несогласно съ высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ 2 мая 1863 года, по мнѣнію государственнаго совѣта, коимъ постановлено соблюдать крайнюю осторожность въ испрошеніи сверхсмѣтныхъ кредитовъ и допускать ихъ только на предметы неотложной надобности".

Огорченный Строевъ, принося свою благодарность К. С. Сербиновичу за поздравленіе съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ, писалъ: „Не могу удержаться, чтобы не замѣтить, что пятидесятилѣтіе точно минуло, но празднованія и т. п. ничего не было; кромѣ непріятностей разнаго рода, на долю мою едвали что́ досталось. Праздновать юбилеи товарищей, особенно въ Россіи, умѣютъ только Нѣмцы; къ сожалѣнію, соотечественники наши къ тому неспособны, накричатъ, насулятъ, хорошо еще если не перессорятся, и потомъ отступятся отъ всего и васъ же осмѣютъ".

Между тѣмъ, вопреки министру финансовъ, академикъ И. И. Срезневскій, въ *Запискахъ* императорской академіи наукъ, заявилъ: „Заслуги Строева незабвенны: трудами своими онъ, въ числѣ немногихъ, содѣйствовалъ дѣйствительнымъ успѣхамъ Русской исторической науки".

Прошло два года. Въ апрѣлѣ 1866 года, на мѣсто Головнина, назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, дѣятель, исполненный Уваровскихъ преданій. Наступило, наконецъ, „благопріятное время" и для П. М. Строева.

Автору *Исторіи финансовыхъ учрежденій Россіи* не было надобности объяснять: кто такое Строевъ, и какія его заслуги?

„Не сознаніе собственныхъ силъ, — писалъ графъ Толстой въ предисловіи къ вышеупомянутому сочиненію своему, — но необходимость Исторіи Русскихъ финансовъ руководила мною при изданіи этого сочиненія. Всѣ просвѣщенные народы имѣютъ Исторію финансовъ своего Отечества, и я полагалъ, что и для насъ наступило время къ подобнымъ изысканіямъ, когда *археографическая коммиссія издала въ свѣтъ столь много новыхъ и важныхъ матеріаловъ по части Русской Исторіи*".

И вотъ, Погодинъ (27 іюля 1866 года) пишетъ Строеву: „Я былъ въ деревнѣ у графа Толстого, и онъ вызвался исходатайствовать непремѣнно увеличеніе вашей пенсіи, многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. *Я сочту обязанностію*, — сказалъ онъ, — *мимо всѣхъ формальностей, просить государя*. Нужно только составить докладную записку о первыхъ трудахъ, путешествіи, назначеніи пенсіи, о трудахъ послѣдовавшихъ. Прошу васъ приготовить эту записку и прислать ко мнѣ, чтобъ я могъ вручить ее графу въ проѣздъ чрезъ Москву, въ августѣ".

На другой же день, Строевъ отвѣтилъ Погодину: „Любезное письмо ваше получено мною вчера, въ день моего рожденія: стукнуло *семьдесятъ* лѣтъ, по глаголу Псалмопѣвца — предѣлъ человѣческой жизни, за которымъ послѣдуютъ *трудъ и болѣзнь*. Этотъ періодъ болѣзней для меня наступилъ еще прежде: едва хожу, съ трудомъ ѣзжу въ трясучкахъ, частыя головокруженія, постоянно слабость, и другіе старческіе недуги; къ тому же отупѣлъ и оглупѣлъ; признаюсь, жизнь мнѣ въ тягость, *во всякомъ случаѣ* я не долго просуществую. Благодарю васъ, добрѣйшій Михаилъ Петровичъ, за ваши хлопоты объ увеличеніи моей пенсіи; но, согласитесь сами, изъ подобныхъ хлопотъ выйдетъ опять мыльный пузырь... Съ какой стати министръ будетъ представлять государю о человѣкѣ, котораго онъ не видывалъ? Иное дѣло было въ 1864 году: тогда предполагался юбилей, два ученыя мѣста представляли обо мнѣ; а тогдашній министръ былъ одного ранга съ нынѣшнимъ. Да и стоитъ ли, въ настоящее время, когда смерть на носу, добиваться ничтожной прибавки къ дрянному пенсіону?

Подите счастья прочь возможны,
Вы всѣ премѣнны, вы всѣ ложны,
Я въ дверяхъ вѣчности стою"...

Погодинъ спѣшилъ разсѣять сомнѣнія Строева. Онъ писалъ ему: „Графъ Толстой выразилъ непремѣнное обѣщаніе, лишь только я заикнулся. Вамъ представляются все старые порядки и чины, а нынѣ все не такъ. Толстой хорошо знаетъ ваши труды, самъ получивъ премію. Онъ вызвался съ такимъ жаромъ, что даже тронулъ меня. А вы, Богъ дастъ, поживете еще, и еслибъ послушались меня въ прошломъ году и переѣхали подъ липы, вмѣсто смраднаго вашего захолустья, то прибавили бы себѣ жизни лѣтъ на пять лишнихъ".

Но и это письмо не совсѣмъ разсѣяло сомнѣніе Строева, что видно изъ слѣдующаго его отвѣта (отъ 31 іюля 1866 года): „Мнѣ неизвѣстно ничего о *новыхъ порядкахъ*, коими настоящее время изобилуетъ, а потому очень простительно, что покамѣстъ нисколько ими не увлекаюсь; увижу на опытѣ, тогда перемѣню свое мнѣніе. Избави Богъ сомнѣваться въ благородныхъ и великодушныхъ свойствахъ и порывахъ новаго министра; но ни онъ меня, ни я его, не видывалъ. Полагаю, что только такія заслуги и труды истинно важны, кои всѣми (разумѣется, въ спеціальныхъ кругахъ) за таковые признаются; но если о своихъ заслугахъ необходимо писать длинныя и хвастливыя записки, единственно для полученія награды, то на такой подвигъ едвали кто дерзнетъ: по крайней мѣрѣ я не способенъ... Такъ какъ его сіятельству угодно что-нибудь сдѣлать, для облегченія теперешняго моего положенія, то, по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, ему стоитъ только приказать подать себѣ дѣло 1864 года, о пенсіи: тамъ найдутся всѣ необходимыя данныя для совершенія предъ лицомъ государя великодушнаго предстательства его въ мою пользу".

Между тѣмъ, приближался день столѣтней годовщины Карамзина, который академія наукъ отпраздновала 1 декабря 1866 года.

Наканунѣ Карамзинскаго праздника, Погодинъ изъ Петер-

бурга писалъ Строеву: „Спѣшу поздравить васъ съ исполненіемъ вашего желанія. Графъ Толстой извѣстилъ меня нынѣ о высочайшемъ назначеніи увеличенной пенсіи. Онъ питаетъ къ вамъ особенное уваженіе. Министръ финансовъ опять воспротивился, но онъ сдѣлалъ другое представленіе, объяснилъ лично государю ваши заслуги и труды, воспользовавшись юбилеемъ Карамзина. къ которому составили вы *Ключъ*, и Государь приказалъ передать Рейтерну его волю. Поклонитесь вашей супругѣ, которая любитъ меня, я знаю, больше вашего".

Вслѣдъ за симъ Строевъ получилъ и отъ графа Д. А. Толстого слѣдующее оффиціальное увѣдомленіе: „Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему, въ 30 день сего ноября, всемилостивѣйше соизволилъ: по случаю празднованія столѣтняго юбилея Карамзина, съ именемъ котораго тѣсно связано и ваше имя, производить вамъ ежегодно, сверхъ получаемой вами пенсіи, въ пособіе, по тысячѣ рублей въ годъ".

Въ концѣ письма, министръ собственноручно написалъ: *Искренній вашъ почитатель*.

Это справедливое воздаяніе благотворно подѣйствовало на Строева. Оно его успокоило и дало ему силы продолжать прерванныя, вслѣдствіе житейскихъ попеченій, занятія. Въ благодарственномъ письмѣ къ графу Толстому, Строевъ объяснилъ: „Увѣдомительное письмо вашего сіятельства о монаршей ко мнѣ милости, по случаю Карамзинскаго юбилея, я имѣлъ честь получить въ очень болѣзненномъ состояніи: я страдаю, нерѣдко, приливами къ головѣ и въ это время былъ довольно сильный припадокъ; приняться за перо, чтобы отвѣтствовать, мнѣ не было возможности. Не знаю, какъ благодарить ваше сіятельство за великодушное ходатайство ваше предъ государемъ императоромъ. Изъявленія благодарности отъ времени такъ избились и опошлились, что я не въ состояніи придумать что-нибудь годное, для выраженія чувствъ моихъ предъ вашимъ сіятельствомъ: благоволите сами выбрать самое лучшее изъ всѣхъ употребительныхъ выраженій. Нельзя не пожалѣть, что не долго придется мнѣ пользоваться пожалованною госу-

даремъ пенсіею: семьдесятъ лѣтъ и очень разстроенное здоровье предвѣщаютъ близкую смерть. Позвольте, ваше сіятельство, надѣяться, что тогда вы не оставите вашимъ покровительствомъ вдову мою, также въ лѣтахъ очень преклонныхъ“ [171]).

LX.

Въ 1863 году, Погодинъ кончилъ многолѣтній свой трудъ *Древнюю Русскую Исторію до Монгольскаго ига.*

Трудъ свой Погодинъ рѣшился посвятить императору Александру II-му, „какъ освободителю“. Но предварительно написалъ министру народнаго просвѣщенія слѣдующее письмо:

„Кончивъ многолѣтній свой трудъ: *Древнюю Русскую Исторію до Монгольскаго ига,* я желаю посвятить книгу его императорскому величеству, въ знакъ благодарности освободителю, и прошу ваше высокопревосходительство исходатайствовать мнѣ на то высочайшее разрѣшеніе.

Представляя оффиціальное письмо вашему высокопревосходительству, смѣю думать, что больше никакихъ другихъ формальностей не нужно. Съ рукописью своею разстаться я не могу, развѣ для типографіи, тѣмъ болѣе, что она испещрена помарками и поправками, коихъ никто и не разберетъ, кромѣ насъ. Цензура будетъ читать въ корректурахъ. Судить объ Исторіи, со стороны критики, можно по изданнымъ прежде семи томамъ *Изслѣдованій.* Со стороны изложенія—также по изданнымъ образчикамъ, каковы суть: *Норманскій періодъ, Андрей Боголюбскій,* при семъ прилагаемые. Есть и еще нѣсколько напечатанныхъ отрывковъ: *Василько, Мономахъ, Мстиславъ Удалой.*

Все сочиненіе состоитъ изъ двухъ томовъ. Атласъ изъ 100 рисунковъ, очень простыхъ.

Я желалъ бы, чтобъ государь велѣлъ напечатать мою Исторію въ типографіи II отдѣленія своей канцеляріи (которая одна имѣла нужныхъ художниковъ для изготовленія принад-

лежащаго атласа) на томъ же основаніи, какъ печатается Исторія Петра, Устрялова.

Буду надѣяться на просвѣщенное ходатайство вашего высокопревосходительства во вниманіе сорокалѣтнихъ трудовъ моихъ для Русской Исторіи".

На это письмо Головнинъ отвѣтилъ Погодину, 13-го мая того же 1863 года:

„Поспѣшаю увѣдомить ваше превосходительство, что въ слѣдствіе письма вашего, отъ 3-го сего мая, я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше испрашивать высочайшее разрѣшеніе на посвященіе августѣйшему имени его императорскаго величества труда вашего *Древняя Русская Исторія до Монгольскаго ига*, на что послѣдовало 11-го сего мая высочайшее соизволеніе государя императора.

Что же касается до ходатайства вашего о напечатаніи помянутаго труда въ типографіи втораго отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, то разрѣшеніе сего ходатайства зависитъ отъ г. главноуправляющаго помянутой канцеляріи, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника барона Корфа, въ вѣдѣніи коего состоитъ означенная типографія".

Супругѣ Погодина, Софьѣ Ивановнѣ, врачи предписали, для леченія, ѣхать на лѣто въ Эмсъ. Супругъ ея рѣшился проводить ее до Петербурга, чтобы тамъ, кстати, похлопотать объ изданіи своей Исторіи, о напечатаніи которой на казенный счетъ министръ народнаго просвѣщенія отклонилъ отъ себя ходатайство. Погодину было это „досадно".

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Погодинъ написалъ барону М. А. Корфу письмо, выражая полную увѣренность въ успѣхъ дѣла, какъ будто рѣшеннаго, которое, какъ писалъ Погодинъ, „досталось въ руки такого просвѣщеннаго и доброжелательнаго мнѣ человѣка". Но это письмо не имѣло успѣха. Отвѣтное письмо не могло утѣшить Погодина. Баронъ Корфъ писалъ: „Начальникъ типографіи втораго отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, которому я передавалъ на заключеніе письмо вашего превосходительства, отъ 21 мая, о

напечатаніи въ означенной типографіи оконченной вами *Древней Русской Исторіи*, представилъ мнѣ, 25-го того же мая, за № 563, что, по причинѣ весьма значительнаго количества работъ спѣшныхъ и нетерпящихъ отлагательства, типографія не можетъ, въ настоящее время, принять никакихъ частныхъ работъ".

Далѣе, баронъ Корфъ писалъ: „Глубоко скорблю, многоуважаемый Михаилъ Петровичь, о совершенной, безусловной невозможности исполнить ваше желаніе. Всѣ эти дни были проведены въ соображеніяхъ о томъ, не откроется ли все-таки какого-нибудь способа, и рѣшительно нельзя! Люди буквально работаютъ день и ночь, не исключая воскресеній и праздниковъ. Печатаніе своднаго продолженія за всѣ годы, съ 1857-го, *Полнаго собранія*, безчисленнаго множества проектовъ и другихъ бумагъ, по порученіямъ государственнаго совѣта и разныхъ комитетовъ, не позволяетъ и думать о какой-нибудь новой работѣ, и даже за указанное, по особому высочайшему повелѣнію, печатаніе IV-го тома *Исторіи* Устрялова не было еще возможности приняться, хотя за него назначена людямъ хорошая задѣльная плата. Вы видите, слѣдственно, почтенный другъ, что тутъ не недостатокъ доброй воли, а чистая матеріальная невозможность. Мнѣ остается искренно сожалѣть и о невольномъ вамъ отказѣ, и о томъ, что мнѣ не суждено принять даже и этого маленькаго косвеннаго участія въ великомъ отечественномъ предпріятіи: ибо такимъ я заранѣе считаю вашъ трудъ. И мнѣ тоже 63-й годъ, но увы! во мнѣ нѣтъ уже ни той силы, ни того быстраго обращенія крови, которыя вы въ себѣ сознаете. А никто болѣе меня не чувствуетъ необходимости въ нихъ при теперешнихъ трудныхъ, почти неодолимыхъ обстоятельствахъ, и при тѣхъ священныхъ обязанностяхъ, которыя, среди ихъ, выпали на мою долю... Работаю до изнеможенія силъ въ глубокомъ сознаніи совѣсти, что теперь, еще менѣе, чѣмъ когда-либо, не время бѣжать съ поля сраженія. Нѣсколько лѣтъ укороченной жизни не могутъ тутъ идти въ разсчетъ, лишь бы и въ послѣдніе дни свои принести какую-нибудь долю пользы".

По полученіи этого письма, Погодинъ писалъ: „Отъ Головнина не услышалъ я ничего утѣшительнаго, и я махнулъ рукой“.

Личное свое свиданіе съ барономъ Корфомъ, Погодинъ описываетъ такимъ образомъ: Корфъ, „осыпавшій меня ласками, спросилъ: На что же вы рѣшились? Я отвѣчалъ: Карамзинъ привозилъ въ Петербургъ свою *Исторію* въ 1816 году, и цѣлый мѣсяцъ скитался по гостиннымъ и пріемнымъ въ утомительномъ ожиданіи аудіенціи; теряя терпѣніе, онъ рѣшился возвратиться ни съ чѣмъ въ Москву. Тогда кто-то ему присовѣтовалъ познакомиться съ графомъ Аракчеевымъ и найти его покровительство. Исторіографъ долженъ былъ напялить на себя мундиръ и ѣхать на поклонъ къ могущественному временщику. Дня черезъ два государь пригласилъ Карамзина къ себѣ, принялъ благосклонно, велѣлъ напечатать *Исторію* въ военной типографіи и осыпалъ сочинителя наградами. Моя *Исторія* не идетъ, разумѣется, въ сравненіе съ безсмертнымъ произведеніемъ Карамзина во многихъ отношеніяхъ, но я положилъ на нее также много времени, труда и усердія. Большинство читателей, которое я имѣлъ въ виду, должно бы быть также принято въ соображеніе. Относясь, какъ говорится, по командѣ, я вездѣ получилъ отказы, хоть и очень любезные. Тогда я спросилъ: нѣтъ ли здѣсь у государя какого-нибудь графа Аракчеева. Мнѣ отвѣчали, что у нынѣшняго государя никакихъ Аракчеевыхъ нѣтъ; и я рѣшился, уложивъ свои тетради, отправиться въ Москву и ждать благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ.—Помилуйте, какъ это можно,—возразилъ баронъ Корфъ,—непремѣнно надо устроить дѣло иначе. Я не имѣю никакого отношенія отъ министра просвѣщенія.—Скажите ему, чтобъ онъ увѣдомилъ меня оффиціально о соизволеніи государя императора на посвященіе и о желаніи вашемъ печатать *Исторію* въ типографіи II-го отдѣленія. Тогда я буду имѣть предлогъ подать докладную записку о физической невозможности печатать ее у насъ и вмѣстѣ просить о пожалованіи нужной суммы на ея изданіе въ другой типографіи. Вы доставьте мнѣ

между тѣмъ смѣту, надо еще будетъ снестись, по установленному порядку, съ министромъ финансовъ: можетъ ли онъ отпустить требуемую сумму. Онъ, впрочемъ, вѣроятно не будетъ спорить, по хорошимъ отношеніямъ со мною. Мнѣ оставалось благодарить барона Корфа за его любезный вызовъ и готовность содѣйствовать вмѣсто министра народнаго просвѣщенія, на которомъ лежала эта прямая обязанность.

Все было исполнено: Головнинъ точасъ написалъ отношеніе. Я просилъ его и князя Д. А. Оболенскаго замолвить слово предъ Рейтерномъ. По смѣтѣ Прохорова и Бермелѣева, оказалось для сего нужнымъ до десяти тысячъ рублей серебромъ".

22 іюня 1863 года, баронъ Корфъ увѣдомилъ Погодина:

„По всеподданнѣйшему докладу моему объ оказаніи вашему превосходительству пособія изъ государственнаго казначейства, въ количествѣ 10 тысячъ рублей, для напечатанія посвященнаго вами августѣйшему имени государя императора сочиненія: *Древняя Русская Исторія до Монгольскаго ига*, его величеству благоугодно было, въ 21-й день сего іюня, собственноручно написать на моемъ докладѣ: *Въ будущемъ году, если обстоятельства позволятъ.*

О сей высочайшей волѣ имѣю честь сообщить вашему превосходительству".

Къ этому оффиціальному письму, баронъ Корфъ приписалъ: „Слѣдственно, дѣло только отсрочено на нѣсколько мѣсяцевъ, но, къ искренней моей радости, не потеряно и даже въ нѣкоторой степени впередъ обезпечено. Государь при этомъ случаѣ самъ припомнилъ, что видѣлъ меня съ вами въ здѣшнемъ саду".

„И такъ,—пишетъ самъ Погодинъ,—судьба моей *Исторіи* связывается съ политикою: будетъ въ слѣдующемъ году миръ — она напечатается; будетъ война—останется въ моемъ письменномъ столѣ. Спасибо и на томъ, хотя нельзя не замѣтить, что, отказывая печатать полезную книгу заслуженнаго человѣка, расточаются Богъ знаетъ какія суммы нашими министрами; напримѣръ, Цеэ, прослужившему безъ году недѣлю въ цензур-

номъ комитетѣ, и пропустившему ужасную статью о Польшѣ (*Роковой вопросъ*) *), за которую журналъ запрещенъ, получилъ на леченіе около 2500 р. сер., чуть ли не съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ окладовъ, въ дополненіе къ множеству другихъ наградъ, полученныхъ въ продолженіи служебной недѣли (онъ пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ, получилъ ленту и возвышеніе оклада до 7-ми тысячъ рублей серебромъ)".

По возвращеніи въ Москву, Погодинъ написалъ А. В. Головнину письмо, съ приложеніемъ какихъ-то изданій. *23 іюля* 1863 года, Головнинъ отвѣчалъ: „Ваше письмо, отъ *6 іюля*, почтенный Михаилъ Петровичъ, и приложенныя къ нему изданія я получилъ только вчера вечеромъ. Вотъ что значитъ придерживаться обычаевъ предковъ и посылать письма съ оказіями, когда есть желѣзная дорога между Петербургомъ и Москвой. Кто послѣ этого скажетъ, что вы не консерваторъ. Очень благодарю васъ за письмо и посылку и сожалѣю искренно, что ничего не могъ сдѣлать для вашего предпріятія. Теперь самое неблагопріятное время чтобъ добывать деньги на ученыя работы. Все идетъ на военныя приготовленія. Невозможно сѣтовать на это, но нельзя не скорбѣть о тяжкой необходимости".

Въ слѣдующемъ, 1864 году, вопросъ о *десяти* тысячахъ снова возникъ.

Старый благопріятель Погодина, бывшій министръ финансовъ А. М. Княжевичъ, 23 сентября 1864 года, писалъ ему: „Что касается до назначенія вамъ 10 тысячъ на напечатаніе вашей *Исторіи*, то вы правильно заключали, что департаментъ экономіи исключитъ эту сумму изъ смѣты министерства народнаго просвѣщенія; но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ предоставилъ Головнину войти объ этомъ съ особымъ представленіемъ, упомянувъ въ немъ, что на расходъ этотъ изъявлено уже высочайшее соизволеніе".

Съ своей стороны, А. В. Головнинъ увѣдомилъ Погодина: департаментъ экономіи государственнаго совѣта, разсматривая

---

*) См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1906. XX, стр. 310—322.

въ моемъ присутствіи смѣту министерства народнаго просвѣщенія, не согласился назначить вамъ десяти тысячъ рублей на изданіе вашей *Древней Исторіи*, несмотря на всѣ мои убѣжденія, такъ какъ не было предварительнаго разрѣшенія на включеніе этого расхода въ смѣту. Финансовая и контрольная тонкость. Но департаментъ предоставилъ мнѣ войти о помянутыхъ десяти тысячахъ съ *особымъ* въ государственный совѣтъ представленіемъ. Оное *особое* представленіе теперь составлено и сегодня мною подписано и отправлено".

Въ другомъ своемъ письмѣ (отъ 6 ноября) Головнинъ писалъ Погодину:

„Я обѣщалъ увѣдомлять васъ о ходѣ дѣла о назначеніи вамъ десяти тысячъ на изданіе вашей *Исторіи* и потому сообщаю, что получилъ отказъ департамента экономіи на выдачу этихъ денегъ. А. М. Княжевичъ сказывалъ мнѣ, что онъ не былъ въ засѣданіи, гдѣ рѣшили отказомъ. Но такъ какъ я не могу съ этимъ согласиться, то и посылаю департаменту особое мнѣніе, въ которомъ, между прочимъ, предлагаю разсрочить выдачу денегъ на два года. Если департаментъ не уступитъ, дѣло пойдетъ, вслѣдствіе разногласія министра съ департаментомъ, въ общее собраніе государственнаго совѣта и оттуда къ государю. Такимъ образомъ, я проведу оное чрезъ всѣ инстанціи".

Т. И. Филипповъ, въ письмѣ своемъ къ Погодину (отъ 7 ноября), подробно излагаетъ ходъ дѣла о назначеніи десяти тысячъ на изданіе *Древней Русской Исторіи до Монгольскаго ига*.

„Дѣло о назначеніи десяти тысячъ рублей на изданіе вашего труда,—писалъ Филипповъ,—вотъ въ какомъ положеніи: Прежде, какъ вамъ извѣстно, государственный контроль выразился рѣшительно противъ этого назначенія, такъ какъ оно со стороны Головнина ничѣмъ не было объяснено и подкрѣплено, а представлено за урядъ съ такими кредитами, которые разрѣшить было совѣстно; воля же государя о назначеніи вамъ денегъ была выражена условно, что̀ оставляло членамъ госу-

дарственнаго совѣта полную свободу говорить pro и contra. Затѣмъ, когда ваша записка была представлена, кому слѣдуетъ, то родилось желаніе, уже основанное на убѣдительныхъ объясненіяхъ, слѣдовательно, совершенно законное для самыхъ скупыхъ хранителей казенной копѣйки,—васъ удовлетворить. Тогда я постарался увидѣть Куника, чтобы отобрать у него еще болѣе доказательствъ въ пользу дѣла. Но, къ сожалѣнію, государственный совѣтъ новаго особаго о вашихъ деньгахъ представленія Головнина не сталъ и слушать; такъ какъ объ этомъ кредитѣ, вмѣстѣ со многими другими, на подобныя же надобности испрашиваемыми, разсужденіе уже было и Головнину не вовсе отказано въ этихъ кредитахъ. а только значительно сокращена ихъ общая сумма. Вмѣсто 50-ти или даже 80-ти тысячь,—хорошенько не помню,—ему дали 28 тысячь рублей на разныя издержки, въ томъ числѣ и на изданіе вашего труда; такъ что теперь уже отъ Головнина будетъ зависить, кого удовлетворить прежде, кого послѣ: васъ или подмастерьевъ Воронова, или своихъ безграмотныхъ эмиссаровъ. А отъ васъ зависитъ хлопотать, чтобы, при раздѣлѣ этихъ 28-ми тысячь, вы не были забыты. Конечно, вамъ не дадутъ всѣхъ 10 тысячь, но могутъ дать половину или 4 тысячи; остальныя же 6 или 5 тысячь рублей, если обстоятельства и лица будутъ тѣже, вамъ выдадутъ, безъ сомнѣнія, изъ смѣтныхъ назначеній будущаго года, что̀ конечно хуже полученія денегъ разомъ, но лучше и гораздо лучше совершенной съ ними разлуки. Наконецъ, если Головнинъ совсѣмъ вамъ ничего не выдѣлитъ изъ 28-ми тысячь рублей, то надобно будетъ караулить, когда эти деньги разойдутся по карманамъ Вороновцевъ; тогда будетъ основаніе, за истощеніемъ по сей статьѣ кредита, войти въ государственный совѣтъ съ *особымъ* о васъ дополнительнымъ представленіемъ, которое теперь, при существованіи только что назначеннаго и нетронутаго кредита, было преждевременно. За тѣмъ могу сказать, что усердія моего было довольно; желаю, чтобы успѣхъ былъ съ нимъ соразмѣренъ. Въ одномъ виноватъ: могъ бы написать вамъ объ этомъ двѣ

недѣли назадъ, но до сихъ поръ не писалъ, какъ по тому, что не было досуга, такъ и по тому, что надъ нами не каплетъ. А вы мнѣ обѣщались прислать Фрола Скобѣева,—что было сдѣлать гораздо легче, чѣмъ повернуть 10-ти тысячное дѣло,—да и не прислали, вѣроятно, забывъ, что *сулиха недахъ родная сестра*. Подарите эту пословицу Далю, если у него ея нѣтъ. Сильно говорятъ о смѣнѣ Рейтерна, о Головнинѣ—нѣтъ слуховъ".

Наконецъ, 30 ноября 1864 года, Головнинъ увѣдомилъ Погодина:

„Въ отвѣтъ на письмо ваше, отъ 19 ноября, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, спѣшу увѣдомить, что департаментъ государственной экономіи, разсмотрѣвъ возраженія министерства народнаго просвѣщенія на отказъ въ отпускѣ 10-ти тысячъ рублей, для изданія вашей *Древней Исторіи*, рѣшилъ отпустить вамъ эти деньги въ два срока, то есть, пять тысячъ—въ 1865-мъ и пять тысячъ—въ 1866 году. Какъ скоро получу оффиціальное о томъ увѣдомленіе, такъ и васъ оффиціально увѣдомлю".

LXI.

31 декабря 1863 года, М. А. Дмитріевъ писалъ Погодину: „Что это вы привязались къ Варягамъ? Кому они нужны"?

Мы уже знаемъ, что въ 1862 году, Степанъ Александровичъ Гедеоновъ прислалъ изъ Рима въ академію наукъ отрывки своего классическаго труда о Варяжскомъ вопросѣ.

Сочиненіе Гедеонова, какъ онъ самъ пишетъ, есть „протестъ противъ мнимо-Норманскаго происхожденія Руси. Не суетное, хотя и понятное чувство народности легло въ основаніе этому протесту; онъ вызванъ и полнымъ убѣжденіемъ въ правотѣ самого дѣла, и чисто практическими требованіями, доведенной до безвыходнаго положенія Русской науки. Полуторастолѣтній опытъ доказалъ, что при догматѣ Скандинавскаго начала Русскаго государства, научная разработка древнѣйшей

Исторіи Руси немыслима..... Въ состояніи ли кто приступить къ многотрудному изученію, съ Славянской, положимъ, точки зрѣнія, языка, юридическихъ особенностей, религіозныхъ вѣрованій и т. п. въ *Договорахъ* Олега, Игоря, Святослава, когда у него за плечами призракъ норманнизма твердитъ: *Договоры*—Скандинавская принадлежность.... формула *мы, отъ рода Русскаго*..... Значитъ: *мы, родомъ Шведы*..... Перунъ и Волосъ—тѣже Скандинавскіе Торъ и Одинъ.... Въ Болгарскомъ житіи св. Кирилла говорится о Русскихъ письменахъ, найденныхъ имъ въ Херсонѣ: извѣстіе безспорнаго, въ высшей степени намъ сочувственнаго историческаго значенія; но имя Руси, въ Русской Исторіи, нетерпимо до прихода Шведскихъ конунговъ; и Русскія письмена превращаются въ письмена Готскія или оказываются подлогомъ обманщика. Обратимся къ *Русской Правдѣ*; будетъ ли намъ дозволено искать въ ней отголосокъ древнѣйшаго все-Славянскаго права? Нисколько; *Русская Правда*—Скандинавскій законъ...... Тоже самое должно сказать о церковномъ уставѣ Владиміра, о современныхъ ему былинахъ и пѣсняхъ, о поученіи Мономаха, даже о позднѣйшемъ *Словѣ о полку Игоревѣ*; неумолимое Норманское veto тяготѣетъ надъ разъясненіемъ какого бы то ни было остатка нашей родной старины".

Когда отрывки изслѣдованія Гедеонова были напечатаны въ *Запискахъ академіи наукъ*,—Погодинъ, понуждаемый Куникомъ, занялся его разборомъ.

Еще 16 марта 1863 года, Куникъ писалъ Погодину: „Вы получите два листа, которые Гедеоновъ отдалъ напечатать, какъ заключеніе къ его главѣ объ именахъ. Я посылаю ихъ вамъ потому, что Гедеоновъ совсѣмъ не имѣетъ больше охоты печатать дальше. Когда я его уговаривалъ продолжать, онъ сказалъ: *Для кого пишемъ мы оба объ этомъ предметѣ? Только для насъ двоихъ*. Я сталъ ему доказывать, что онъ не долженъ обращать вниманіе на молчаніе журналовъ, что его работы читаются отдѣльными серьезнѣйшими лицами и что для науки онѣ не пройдутъ безслѣдно. Онъ опять ободрился, когда услыхалъ, что

вы положительно обѣщали публично высказаться о немъ. Хоть вы и его противникъ, но должны отнестись къ нему съ полною справедливостью. Напишите же статью въ *Запискахъ* академіи или же въ одномъ изъ Московскихъ журналовъ".

Окончивъ свой разборъ *Отрывковъ* Гедеонова, Погодинъ обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ президенту императорской академіи наукъ, графу Д. Н. Блудову:

„Императорская академія наукъ, со времени своего основанія, занималась много вопросомъ важнѣйшимъ Отечественной Исторіи,—о происхожденіи Руси. Байеръ, Миллеръ, Струбе, Шлецеръ, Стриттеръ, Кругъ, Лербергъ, одинъ за другимъ, посвящали этому вопросу труды свои. Въ наше время явился замѣчательный противникъ ихъ рѣшенія. Я счелъ долгомъ, въ память о старыхъ учителяхъ, подвергнуть его возраженія тщательному разбору, и имѣю честь представить вашему превосходительству, какъ президенту академіи, мою работу" [172]).

Разборъ Погодина, подъ заглавіемъ: *Г. Гедеоновъ и его система о происхожденіи Варяговъ и Руси*, былъ напечатанъ въ приложеніи къ VI-му тому *Записокъ императорской академіи наукъ* [173]).

Я. К. Гротъ, извѣщая Погодина, что его статья уже отдана въ редакцію *Записокъ*, спрашиваетъ: „Откуда Екатерина II—я вычитала о походахъ Рюрика во Францію, я не могъ доискаться даже съ помощію Куника и Пекарскаго" [174]).

„Еще новое обширное изслѣдованіе—писалъ Погодинъ—о предметѣ, о которомъ, казалось, истощены были всѣ pro и contra! Трудъ Гедеонова имѣетъ полное право на вниманіе ученаго міра. И вотъ, я долженъ еще спорить о Норманахъ! Видно на роду мнѣ написано толковать предъ *могилкою* о томъ же, о чемъ толковалъ близъ *колыбельки*. По крайней мѣрѣ, я буду имѣть теперь, къ великому удовольствію, дѣло съ истиннымъ ученымъ, который осмотрѣлъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, переслушалъ всѣхъ свидѣтелей, сравнилъ и провѣрилъ всѣ показанія, много думалъ о своихъ заключеніяхъ; пріятно слѣдить за его экскурсіями, подмѣчать его уклоненія, ловить съ

поличнымъ, припирать къ стѣнѣ; пріятно даже уступать ему, потому что онъ дѣйствительно ослабляетъ силу нѣкоторыхъ доказательствъ, исправляетъ нѣсколько данныхъ, указываетъ пропуски, представляетъ дѣльныя замѣчанія и дополненія. Должно сознаться, что Норманская система, со временъ Эверса, не имѣла такого сильнаго и опаснаго противника, какъ Гедеоновъ. Самъ Эверсъ, ловкій, остроумный, послѣдовательный, долженъ уступить ему, не только соотвѣтственно времени и количеству матеріаловъ, но и вообще въ обширности ученаго горизонта. Книга Гедеонова можетъ украсить любую Европейскую литературу, не только Русскую... Я говорю о литературѣ вообще; а что касается въ частности, то вопросъ о происхожденіи Руси имѣетъ у насъ такую литературу, которая не уступитъ никакой, и новое изслѣдованіе Гедеонова служитъ ей не только достойнымъ дополненіемъ, но и отличнымъ украшеніемъ. Чуть ли не ему опредѣлено ангеломъ хранителемъ Русской Исторіи представить послѣдніе матеріалы для того зданія, которое строилось почти полтора вѣка достойными учеными“ [175]).

Гедеоновъ задумалъ свое изслѣдованіе о Варягахъ и Руси еще въ 1846 году [176]), и Погодинъ, въ своемъ разборѣ, вспоминаетъ: „Лѣтъ пятнадцать тому назадъ (то есть, въ 1849 году), встрѣтясь съ Гедеоновымъ на Невскомъ проспектѣ и выслушавъ результаты его изслѣдованій, я выразилъ ему или даже напечаталъ по какому-то поводу это чаяніе. Теперь, прочитавъ его *Отрывки* и прослушавъ нѣсколько дополненій изъ рукописи, я повторяю тоже съ бо̀льшимъ удареніемъ“.

„Мы — продолжаетъ Погодинъ — искали и указывали на норманство между нашими Славянами; Гедеоновъ находитъ славянство въ Норманахъ. Читая внимательно его изслѣдованія, не соглашаясь съ многими утвержденіями, чувствуешь однакожъ невольно присутствіе Славянскаго участія, короткое знакомство и тѣсную связь между племенами Славянскими—Готскими, по близкому ихъ сосѣдству между собою“.

Въ 1859 году, въ *Русской Бесѣдѣ*, Погодинъ, приводя замѣчаніе Копенгагенскаго профессора Ширна—о двойственномъ

населеніи Даніи, вспомнилъ о мѣстѣ изъ Гельмольда, и привелъ старое свое къ нему примѣчаніе: „Маркоманнами называются обыкновенно люди, отовсюду собранные, которые населяютъ Марку. Въ Славянской Землѣ много марокъ, изъ которыхъ не послѣдняя наша. Вагирская провинція, имѣющая мужей сильныхъ и опытныхъ въ битвахъ, какъ изъ Датчанъ, такъ и изъ Славянъ“. Далѣе, Погодинъ припоминаетъ, что еще въ 1846 году, онъ сказалъ: „Чуть ли не въ этомъ углу Варяжскаго моря, заключается ключъ къ тайнѣ происхожденія Варяговъ-Руси. Здѣсь соединяются вмѣстѣ Славяне, Норманны, и Вагры, и Датчане, и Варяги, и Рустро, и Россенгау. Если бы, кажется, одно слово сорвалось еще съ языка у Гельмольда, то все бы намъ стало ясно, но, вѣроятно, этого слова онъ не зналъ! Вотъ это-то слово, если не нашелъ, то, кажется, съ успѣхомъ ищетъ Гедеоновъ, и ловитъ нѣкоторые его звуки.... Найди онъ это слово, и послѣдуетъ всеобщее примиреніе живыхъ и мертвыхъ, покойныхъ и не покойныхъ послѣдователей происхожденія Руси, норманистовъ и славистовъ. Куникъ подастъ руку Гедеонову, а я обниму обоихъ и воскликну: нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ“!

Но пока это *слово* не найдено, Погодинъ, какъ онъ пишетъ, „стоитъ еще твердо на своемъ“, и уступаетъ Гедеонову „кое что изъ прежнихъ Норманскихъ доказательствъ“.

За симъ Погодинъ замѣчаетъ: „Педагоги утверждаютъ, что изученіе древнихъ классическихъ языковъ содѣйствуетъ своею гимнастикою развитію умственныхъ способностей, и полагаетъ основаніе настоящаго прочнаго образованія. Точно также смѣло утверждать могу, что изученіе литературы вопроса о происхожденіи Руси можетъ у насъ всего лучше содѣйствовать развитію критической способности, положить основаніе для успѣшной разработки историческихъ вопросовъ“. Съ этою педагогическою цѣлію Погодинъ пошелъ, какъ онъ увѣряетъ, „на диспутъ съ Костомаровымъ, имѣя въ виду дѣло науки, желая показать молодому поколѣнію обращикъ пренія, и возбудить участіе къ важнѣйшему вопросу Отечественной Исторіи, заохотить и пу-

блику“. Съ этою цѣлію рѣшился Погодинъ и на подробное разсмотрѣніе книги Гедеонова, посвящая свой трудъ „молодому поколѣнію, преимущественно въ университетахъ“.

Обращаясь къ старому вопросу, Погодинъ вспоминаетъ свой диспутъ съ Костомаровымъ въ Петербургскомъ университетѣ, и о нѣкоторыхъ „печальныхъ явленіяхъ знаменитаго диспута, которыя показали ему всего яснѣе низкій уровень историческихъ познаній въ обществѣ“.

„Я говорю—писалъ Погодинъ—не о трехъ стахъ Польскихъ студентахъ съ дополненіемъ Польскихъ депутатовъ, которымъ не было дѣла до ученаго вопроса, а было дорого и интересно имя Литвы, откуда будто-бы происходитъ Русь съ своею династіей; я говорю не о Русскихъ ихъ союзникахъ; нѣтъ, я говорю о Петербургскихъ литераторахъ, которые требовали арбитровъ для рѣшенія вопроса: кому быть, Литвѣ или Норманнамъ, которые упрекали меня печатно, почему я отказывался подчиниться ихъ рѣшенію; я говорю о журнальныхъ критикахъ, которые отзывались съ презрѣніемъ или состраданіемъ о старыхъ доказательствахъ, требуя новыхъ основаній и съ гордымъ торжествомъ восклицая: кто же нынѣ можетъ довольствоваться Карамзинымъ! Ну вотъ, милостивые государи, старыя доказательства являются опять на сцену, съ новыми на нихъ взглядами, а вмѣсто Литвы является иное племя. Что же бы дѣлать намъ теперь съ рѣшеніемъ желанныхъ арбитровъ, которые утвердили бы честь за Литвою или Норманнами? Ясно ли для васъ, милостивые государи, ваше невѣжество, невѣжество дикое, которое вы имѣли смѣлость выставлять даже въ газетахъ, не умѣвшихъ оцѣнить его по достоинству“ [177]).

Приступая къ разбору *Отрывковъ изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ*, Погодинъ призналъ справедливымъ, автора ихъ предложить въ члены общества любителей Россійской словесности. Въ предложеніи своемъ Погодинъ заявилъ: С. А. Гедеоновъ „написалъ изслѣдованіе о Варяжскомъ вопросѣ, гдѣ съ необыкновенною у насъ ученостію, проницательностію и остроуміемъ ослабилъ силу нѣкоторыхъ доказательствъ Норманской

системы, представилъ нѣсколько любопытныхъ объясненій и замѣчаній, и наконецъ предложилъ мнѣніе о Славянскомъ происхожденіи прежней Варяжской Руси".

Этимъ избраніемъ Гедеоновъ былъ очень польщенъ и 20 октября 1863 года писалъ Погодину: „Примите, многоуважаемый и славный учитель мой *), Михаилъ Петровичь, и передайте обществу любителей Русской словесности мою душевную благодарность за лестное вниманіе, которымъ, удостоивъ принять меня въ число своихъ членовъ, оно почтило мои изслѣдованія о Варяжскомъ вопросѣ. Горжусь вашимъ участіемъ; горжусь и за Русскую науку тѣмъ благороднымъ, истинно ученымъ безпристрастіемъ, съ какимъ вы и А. А. Куникъ стали воспріемниками,—конечно для васъ мало опаснаго, но все же съ вашими убѣжденіями во многомъ расходящагося историческаго труда. Съ нетерпѣніемъ и. сознаюсь, не безъ страха, ожидаю обѣщаннаго разбора; продолженіемъ *Отрывковъ* не могу заняться до генваря, ибо заваленъ работою по эрмитажу. На дняхъ, я кончу размѣщеніе классическихъ древностей; каталогъ галлереи картинъ выйдетъ изъ печати въ будущемъ мѣсяцѣ; за нимъ послѣдуетъ краткій очеркъ Греко-Римской скульптуры. Неужели никто изъ Московскихъ археологовъ, неужели *Русскій Вѣстникъ* не обратитъ вниманіе на созданный государемъ новый, великолѣпный, Европейскому міру еще неизвѣстный музеумъ? Петербургъ погруженъ въ естествоиспытаніе; ему нѣтъ дѣла до сокровищъ художества и науки. Прощайте, Михаилъ Петровичь, обнимаю и благодарю еще разъ отъ души".

Въ то же время и Куникъ принималъ мѣры къ избранію С. А. Гедеонова въ почетные члены императорской академіи наукъ, и по этому поводу завелъ переписку съ Погодинымъ.

23 октября 1863 года, Куникъ писалъ: „Я обѣщалъ предложить Гедеонова въ почетные члены. Этого, а ничего другого, онъ не желаетъ. Званіе корреспондента его не удовлетворяетъ. Такъ какъ васъ самихъ нѣтъ въ Петербургѣ, то вы должны

---

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1891. IV, 41.

представить письменное короткое предложеніе, подписанное еще двумя академиками. Можетъ быть, согласится это сдѣлать и г. Шевыревъ. Если нѣтъ, то дальнѣйшее я здѣсь устрою. Мы со Стефани вполнѣ согласны. Только намъ не хотѣлось бы (изъ деликатности) быть иниціаторами этого. Въ написанномъ вами предложеніи вы можете замолвить словечка два о значеніи Гедеонова для науки. Пришлите мнѣ это предложеніе въ теченіе 3-хъ недѣль, не позже".

Вслѣдъ за симъ письмомъ Куникъ опять писалъ Погодину: „Я долженъ вамъ написать еще нѣсколько словъ о Гедеоновѣ. Нѣсколько дней тому назадъ, съ нимъ познакомился Веселовскій. Благодаря этому, назначеніе Гедеонова почетнымъ членомъ облегчается, въ чемъ я убѣдился послѣ разговора съ Веселовскимъ. Вамъ не нужно посылать въ академію особеннаго доклада, но вы можете, если вы это предпочитаете, въ письмѣ къ Веселовскому, высказать желаніе, чтобы Гедеоновъ былъ избранъ. Заявленіе объ этомъ, съ вашей стороны, чрезвычайно необходимо".

Надо замѣтить, что въ то время Гедеоновъ былъ директоромъ эрмитажа, а Куникъ служилъ подъ его начальствомъ, а потому Куникъ и настаивалъ, чтобы иниціатива избранія Гедеонова въ почетные члены императорской академіи наукъ шла отъ Погодина.

„Относительно Гедеонова,—писалъ Куникъ,—вы себѣ устроиваете безполезныя хлопоты. Это простая формальность. Мы (я, Стефани, Броссе), конечно, можемъ также его предложить, но такъ какъ мы служимъ подъ его начальствомъ, то приличнѣе было бы, чтобы его предложилъ кто-нибудь другой, а мы это предложеніе подписали бы. Именно вамъ подобаетъ взять это на себя, не потому только, что вы уже давно знаете Гедеонова, но потому также, что вы *публично* высказывали о его ученыхъ способностяхъ. Я составилъ вамъ нѣсколько строкъ, которыя вы, по вашему усмотрѣнію,—буквально не нужно—перепишите на листъ почтовой бумаги, 4°. Прошу васъ прислать мнѣ этотъ листъ съ вашей подписью, по почтѣ, къ 29 ноября".

Наконецъ, 13 декабря 1863 года, Куникъ извѣщаетъ Погодина: „Вчера я получилъ ваше письмо. Сегодня были выборы; Гедеоновъ избранъ вмѣстѣ съ Далемъ, т.-е., оба почетными членами. Ваше представленіе было вполнѣ достаточно“.

Въ этомъ же письмѣ Куникъ сообщаетъ Погодину *секретно*, что Срезневскій положительно врагъ Гедеонова и ни во что ставитъ его труды. Я думаю, что между ними *личное* недоразумѣніе“ [178]).

LXII.

Скромный учитель Исторіи морскаго кадетскаго корпуса, Василій Александровичъ Прохоровъ, съ 1862 года, началъ издавать *Христіанскія Древности и Археологію*. Это почтенное дѣло велъ онъ съ несокрушимою энергіею до самой смерти своей.

„У насъ людей нѣтъ, говорятъ многіе, — писалъ Погодинъ, — а я говорю, что у насъ люди есть, но не на большихъ дорогахъ, всего менѣе на толкучихъ рынкахъ; ихъ надо отыскивать гдѣ-нибудь подальше“...

Лѣтомъ 1863 года, въ Петербургѣ, Погодину „попался въ руки“ нумеръ 9-й *Христіанскихъ Древностей и Археологіи*. Познакомившись съ этимъ нумеромъ, вотъ что писалъ Погодинъ: „Я не вѣрилъ глазамъ своимъ: это—изданіе отличное, великолѣпное, Европейское. Какіе рисунки — по художественности отдѣлки, по важности содержанія, по рѣдкости подлинниковъ“! Погодинъ отправился отыскивать самого Прохорова, и „нашелъ его“, какъ писалъ онъ, „на чердакѣ, въ домѣ портного Круца, на Васильевскомъ Островѣ, въ 7-й линіи, на Большомъ проспектѣ, близъ церкви св. Андрея. Комнаты завалены предметами древности, знакомыми мнѣ и любезными: образа, кресты, церковныя вещи, рисунки, свитки, лоскутки пергаменные. Познакомьте меня съ вашимъ изданіемъ, сказалъ я, и Прохоровъ притащилъ мнѣ вышедшіе нумера. Глаза мои разбѣжались“.

Въ этихъ нумерахъ заключалось слѣдующее: Рисунки изъ Византійскаго Псалтиря царя Василія Македонянина X вѣка, и изъ Григорія Назіанзина IX вѣка. — Нѣсколько рисунковъ изъ Греческаго подлинника, писаннаго также по повелѣнію царя Василія Македонянина, въ 984 году, съ буквальнымъ переводомъ описаній съ Греческаго языка. Изображенія изъ Русскаго Пролога XIV вѣка на пергаменѣ Снимки съ стѣнной живописи въ монастыряхъ Аѳонскихъ; въ древнѣйшихъ Русскихъ церквахъ, напримѣръ, Софіи Кіевской, въ Ладожской церквѣ св. Георгія. Рисунки, относящіеся къ древней архитектурѣ на Аѳонѣ, въ Царьградѣ. Рисунки изъ Книги Бытія XVII вѣка, гдѣ всѣ лица представляются въ Русскомъ одѣяніи".

Погодинъ повторяетъ съ глубокимъ прискорбіемъ свидѣтельство Прохорова о состояніи крѣпости въ Старой Ладогѣ, построенной въ XII вѣкѣ, и поэтому поводу замѣчаетъ: „Мы толкуемъ много о любви нашей къ древностямъ, пишемъ, восклицаемъ, — а гдѣ она на дѣлѣ? Московскій кремль содержится хорошо, а прочія-то мѣста древнія какъ? Я былъ въ запрошломъ лѣтѣ въ Керчи. Въ какомъ положеніи напримѣръ, находится Царскій курганъ, доставившій столько драгоцѣнностей въ эрмитажъ? Сердце кровью обливается. Мы употребляемъ много денегъ чтобы раскапывать курганы, искать древности, а готовыя, наличныя, — объ нихъ и не думаемъ. Керченскій курганъ — это есть Европейская драгоцѣнность, драгоцѣнность науки. Посмотрите, въ какомъ она положеніи! Посмотрите, въ какомъ положеніи Ростовскій кремль, Золотые ворота во Владимірѣ и проч. и проч."

Возвращаясь къ Ладогѣ, Погодинъ продолжаетъ: „Ладога имѣла счастіе быть предметомъ изслѣдованія слишкомъ за пятьдесятъ лѣтъ. Бороздинъ, вмѣстѣ съ Ермолаевымъ, въ 1809 году, описали ее въ своемъ *Атласѣ*, который почиваетъ съ тѣхъ поръ въ публичной библіотекѣ. Недавно былъ въ Ладогѣ академикъ Куникъ. Пожелаемъ, чтобъ онъ издалъ поскорѣе свое описаніе Ладоги съ рисунками".

За симъ Погодинъ разсматриваетъ примѣчательнѣйшіе рисунки въ изданіи Прохорова, и указываетъ на матеріалы для Исторіи священно-служительскихъ облаченій. Здѣсь — говоритъ онъ — „имѣются, для сравненія, изображенія съ рельефовъ Ниневійскихъ, вѣковъ за шесть до Рождества Христова и древнѣе.

Изъ западныхъ памятниковъ:

Папа Феликсъ, мозаичное изображеніе въ церквѣ Козмы и Даміана въ Римѣ. 530 г.

Епископъ Максиміанъ съ мозаики въ Равеннѣ, 547 г.

Папа Гонорій I, изъ церкви св. Анесты, 623 г., и множество изображеній VII, VIII, IX и X вѣковъ Греческихъ, Латинскихъ и пр.

Мозаики изъ Софійскаго Юстиніанова собора: Григорій Богословъ и пр.

Множество заставокъ, заглавныхъ буквъ.

Рипиды XI вѣка изъ Новогородскаго Софійскаго собора и для сравненія снимки изъ разныхъ рукописей Аѳонскихъ, Грузинскихъ и пр.

Антиминсъ св. епископа Нифонта, 1149 г.

Четверо-Евангельскіе символы, изъ разныхъ столѣтій.

Нѣсколько рисунковъ изъ *Царственной Книги*, важные для Русской Исторіи.

Множество крестовъ.

Образчики рѣзьбы изъ слоновой кости, напримѣръ, Спаситель, вѣнчающій императора Романа IV и Евдокію, 1068 г., изъ Парижской библіотеки.

Императорскій Константинопольскій дворецъ, въ X вѣкѣ.

Катапетасма царя Іоанна Васильевича Грознаго, подаренная Хиландарскому монастырю на Аѳонѣ, 1556 г.

Серебряный дискъ Ѳеодосія Великаго, 394 г.

Соборная церковь Введенія, построенная около 1198 г. Стефаномъ Первымъ, царемъ Сербскимъ, въ Хиландарскомъ монастырѣ на Аѳонѣ.

Девятый нумеръ посвященъ весь свв. Борису и Глѣбу“.

При этомъ Погодинъ замѣчаетъ: „Грѣшенъ, — я считаю

все-таки здѣшнее изображеніе Болгарскимъ Борисомъ, а не нашимъ, несмотря на доказательства Срезневскаго".

Далѣе, имѣются „нѣкоторые снимки фотографическіе: напримѣръ, изъ Византійской псалтири, Византійскій ковчежецъ XI вѣка, мозаики изъ Софійскаго Константинопольскаго собора, образъ Николая Чудотворца съ Аѳона, и проч.

Есть нѣсколько хромолитографическихъ снимковъ: напримѣръ, планъ императорскаго дворца, Введенской церкви на Аѳонѣ, занавѣсъ Грознаго, и проч.

Изъ статей укажемъ: Древній Русскій календарь по мѣсячнымъ минеямъ XI—XIII вѣка.

Описаніе Константинопольскаго дворца X вѣка.

Записка о ковчежцѣ XI вѣка, Срезневскаго".

Сдѣлавъ это обозрѣніе всего содержимаго въ изданіи Прохорова, Погодинъ пишетъ: „Однимъ словомъ, богатство и роскошь изданія удивительныя, а дешевизна еще удивительнѣе: 12 выпусковъ, изъ коихъ въ каждомъ по 10—15 рисунковъ, на лучшей бумагѣ, съ текстомъ, отпечатаннымъ также великолѣпно, стóятъ только 12 р., съ пересылкою 14 руб. Удивляться ли тому, что такое изданіе приноситъ издателю убытки (о вознагражденіи за трудъ и говорить нечего)? Нѣтъ, удивляться нечему, при нашемъ невѣжествѣ, равнодушіи, безпечности. Ни одного ученаго, ни одного священника не встрѣчается въ числѣ подписчиковъ, сказалъ мнѣ Прохоровъ. Объ архіереяхъ я не спросилъ, и поспѣшилъ оправдаться, съ своей стороны, потому что не подписывался также на это изданіе, хотя и принадлежу къ ученому цеху: Я не повѣрилъ объявленію, читанному въ прошедшемъ году, а въ журналахъ и газетахъ нигдѣ не читалъ объ изданіи. Большею частію онѣ вѣдь боятся ладана". Теперь,—продолжаетъ Погодинъ, обращаясь къ издателю,—„я увидѣлъ одинъ вашъ нумеръ и явился засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. Пожалуйте мнѣ десять экземпляровъ для моихъ знакомыхъ. Разумѣется, неизвѣстность—главная причина плохаго расхода. Я увѣренъ, что всѣ наши архіереи, многіе архимандриты и пресвитеры пріобрѣ-

тутъ это изданіе. Оно для нихъ не только любопытно, но и необходимо. Всѣ семинаріи, не говоря объ академіяхъ, должны имѣть это изданіе въ числѣ настольныхъ руководствъ. Святѣйшій синодъ, академія художествъ, академія наукъ, университетскія библіотеки, вѣрно подадутъ руку помощи ревностному издателю. Архіереи могутъ указать на оное своимъ губернскимъ почитателямъ, между купцами и церковными старостами. Для старообрядцевъ нашихъ, для любителей иконописи, это кладъ. Милостивые государи! Повѣрьте же мнѣ, старому антикварію и охотнику. Я это дѣло немножко смыслю, и смѣло, для общей пользы, указываю на изданіе. Въ духовенствѣ у насъ вообще мало археолого-историческаго и критическаго образованія. Изданіе Прохорова откроетъ многимъ свѣтъ и возбудитъ уваженіе къ древностямъ, уничтожаемымъ у насъ, въ архитектурѣ, въ иконописи, вообще въ археологіи, рукою невѣжества, усердною, но святотатственною. Людей у насъ нѣтъ, вы говорите, — ободряйте же тѣхъ, кто появляется, по какой бы то ни было части, помогайте, награждайте, и людей явится столько, сколько нужно.

60 экземпляровъ для семинарій, 60 экземпляровъ для архіереевъ, 100 экземпляровъ для архимандритовъ и священниковъ, на каждую епархію по 5 экземпляровъ, по указаніямъ и совѣтамъ ихъ преосвященствъ,—и вотъ, пятьсотъ экземпляровъ разобраны безъ малѣйшаго отягощенія, и изданіе обезпечено, наукѣ оказана услуга, общему дѣлу принесена польза, и труженикъ вознагражденъ хоть немного"!

Затѣмъ Погодинъ сообщаетъ программу изданія Прохорова:

„Цѣль его разъяснить: a) Характеръ древне-христіанскаго искуства на Востокѣ и Западѣ, особенности и видоизмѣненія того и другаго въ различныхъ періодахъ. b) На какіе народы, въ какое время и въ какой степени имѣло вліяніе то или другое искуство, и какое получило дальнѣйшее развитіе у каждаго народа. c) Какъ оно развивалось въ Россіи: 1) въ період чисто-Византійскій; 2) потомъ, съ примѣсью вліянія во-

сточнаго и послѣ паденія Византійской имперіи; 3) подъ вліяніемъ западнымъ.

Содержаніе: I. *Памятники христіанской архитектуры* на Востокѣ и Западѣ. II. *Иконопись и скульптура:* 1) Стѣнная церковная иконопись (фрески) и правила или порядокъ при расписываніи древнихъ церквей. — Гдѣ въ какой степени сохранились древнія фрески (съ приложеніемъ отчетливыхъ рисунковъ). 2) Иконы, писанныя и рѣзныя на деревѣ и слоновой кости, мозаичныя, финифтяныя, шитыя, литыя и проч. — Характеръ иконнаго писанія восточный. Греческій и западный. — Иконопись Русская, сравненіе ея съ Греческою и періоды ея видоизмѣненій. 3) Рукописи и книги (Византійскія, Русскія и др.) и находящіяся въ нихъ миніатюры, разныя художественныя украшенія—заставки, буквы, вязи, почерки, письма различныхъ вѣковъ и т. п. III. *Церковная утварь и священнослужительскія одежды,* періоды видоизмѣненія ихъ въ разныхъ вѣкахъ и значеніе ихъ въ обрядахъ богослуженія. IV. *Критическій разборъ изданій о христіанскихъ древностяхъ.* Разработка данныхъ, или признаковъ, для опредѣленія, къ какому времени можно отнести разсматриваемыя древности. Источники, разъясняющіе историческія событія христіанской церкви и замѣчательныя личности. Отношеніе религіи къ общественной и частной жизни.

Приложеніе, состоящее изъ особой тетради съ рисунками, относящимися ко всѣмъ отраслямъ искуствъ, разъясняющихъ историческія событія и бытъ народный во всѣхъ отношеніяхъ: въ военномъ, гражданскомъ и домашнемъ; Русскія одежды въ разныхъ періодахъ и проч.

Въ этомъ древне-христіанскомъ сборникѣ, и въ особомъ къ нему приложеніи, найдетъ для себя наглядные матеріялы и любитель христіанскихъ древностей, и художникъ-иконописецъ, и археологъ, и строитель храмовъ въ древне-христіанскомъ духѣ и въ особенности духовныя лица, которымъ, къ сожалѣнію, такъ мало извѣстны христіанскія древности, необходимыя для ихъ археологическихъ разработокъ".

Познакомясь съ Прохоровымъ, Погодинъ просилъ его показать ему такъ называемый христіанскій музей, основанный при академіи художествъ,—и Прохоровъ повелъ Погодина „по заднему двору, мимо какихъ-то безобразныхъ строеній, въ темный уголъ—вотъ гдѣ содержится христіанскій музей! — А чѣмъ же занимается,—спросилъ Погодинъ тысячеоконный фасадъ академіи, напримѣръ—въ нижнемъ этажѣ? Не знаю, отвѣчалъ Прохоровъ. Намъ отведено это помѣщеніе".

Про музей Погодинъ замѣтилъ: „Въ немъ есть уже много любопытнаго, особенно изъ раскольническихъ часовень, но ему можно пожелать лучшаго порядка, и если не такого великолѣпія, какое примѣчается въ изданіи *Древностей*, то, по крайней мѣрѣ, бóльшаго благообразія. Мнѣ показалось все нечисто, темно, скудно. Можетъ быть, впрочемъ, вещи недавно здѣсь сложены,—я не успѣлъ распросить хорошенько Прохорова, и передаю свое впечатлѣніе".

Въ заключеніе Погодинъ заявляетъ: „Изъ Московскихъ жителей желающіе могутъ отнестись за изданіемъ ко мнѣ или въ Чертковскую библіотеку, къ Бартеневу, которому я передамъ экземпляры по востребованію".

Когда же вышелъ X-й выпускъ изданія Прохорова, Погодинъ писалъ: „Въ одной изъ прежнихъ замѣтокъ я говорилъ объ изданіи Прохорова. Теперь вышла десятая тетрадь, заключающая въ себѣ восемнадцать изображеній праздника Пятидесятницы изо всѣхъ вѣковъ, начиная съ VI-го, Греческихъ, Римскихъ, Грузинскихъ, Англо-Саксонскихъ, Русскихъ и проч. Мысль представить Исторію изображеній по вѣкамъ и странамъ—богатая мысль и весьма назидательная для нашихъ раскольниковъ, которыхъ, щадя самолюбіе и оставляя слово на миръ, не лучше ли назвать какъ несогласными"?

При этомъ Погодинъ замѣчаетъ, что „статейка его принесла пользу изданію Прохорова, по крайней мѣрѣ, въ Москвѣ, и въ два дня всѣ десять экземпляровъ, бывшіе у него, были разобраны. Любопытны имена охотниковъ, поспѣшившихъ пріобрѣсти драгоцѣнные листы: П. И. Бартеневъ для библіотеки

Черткова, профессоръ И. Д. Бѣляевъ, С. А. Масловъ — два экземпляра, г. Опмянцевъ — два экземпляра, князь М. А. Оболенскій — два экземпляра, Сонцевъ, художникъ Шмельковъ. Теперь получено еще пятнадцать экземпляровъ“ [179]).

Прочитавъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* статью Погодина, Прохоровъ (15 августа 1863 года) писалъ ему: „Статья ваша о моемъ изданіи лучше, чѣмъ мое изданіе; ручательство ваше о немъ болѣе, чѣмъ оно заслуживаетъ. Душевно благодарю васъ. Многимъ кажется страннымъ, что вы выставили меня въ этой статьѣ такимъ бѣднякомъ на чердакѣ, который не въ состояніи не только издавать журналъ, но и пропитать себя насущнымъ“ [180]).

Въ это время въ Петербургскихъ журналахъ и газетахъ, было провозглашено объ открытіи драгоцѣннаго памятника древности. Поводомъ послужила статья Срезневскаго, напечатанная въ *Извѣстіяхъ* императорскаго археологическаго общества 1863 года: *О древнемъ Византійскомъ ковчежцѣ.* Этотъ *ковчежецъ*, „драгоцѣнный по древности“, принадлежитъ ризницѣ Московскаго Успенскаго собора. „Какъ внимательный наблюдатель христіанскихъ древностей, В. А. Прохоровъ, — пишетъ Срезневскій, — отмѣтивши ее тамъ, снялъ съ нея слѣпки и фотографическіе снимки: по этимъ слѣпкамъ и снимкамъ и нарисованы подъ его смотрѣніемъ рисунки. Рисунки эти даютъ довольно ясное и точное понятіе о вещи, ея величинѣ, видѣ, украшеніяхъ, изображеніяхъ, надписяхъ: археологъ можетъ вполнѣ имъ довѣриться“ [181]).

Но этотъ памятникъ давно уже былъ извѣстенъ нашимъ археологамъ. Еще въ 1856 году, въ Москвѣ, вышло сочиненіе И. М. Снегирева, подъ заглавіемъ *Успенскій соборъ въ Москвѣ.* Въ числѣ церковной утвари, Снегиревъ описалъ кацію Византійскаго стиля, устроенную художникомъ Іоанномъ Авторіанцемъ, въ видѣ фонарика съ дверкою; на ней вычеканены изображеніе св. великомученика Дмитрія и проч., царя Ромейскаго Константина дукаса Комнена и царицы Евдокіи, жившихъ въ XI-мъ вѣкѣ, съ Греческою надписью, которую разобралъ и перевелъ

Снегиревъ. Она гласитъ: „Комненъ, Хрісту вѣрный царь Ромейскій, дукасъ, самодержецъ, Евдокія во Хрістѣ Богѣ великая царица Ромейская“ [182]).

По этому поводу Снегиревъ (1 сентября 1863 года) писалъ Погодину:

„Вѣрно вы не пропустили въ Петербургскихъ газетахъ и журналахъ извѣстія о сдѣланномъ академиками важнаго и любопытнаго открытія драгоцѣннаго памятника Византійскаго искуства XI вѣка. Это кація, находящаяся въ Успенскомъ соборѣ. Можетъ быть, ваше превосходительство скажете то же, что сказали академики: Чего же смотрѣлъ Снегиревъ, описавшій этотъ храмъ. Но не угодно ли имъ и вамъ взглянуть на 35 стр. самого изданія, напечатаннаго въ Москвѣ 1856 г. Тамъ вы найдете извѣстіе объ этомъ памятникѣ, разобранную и переведенную мною надпись. Не освобождаетъ ли меня это указаніе отъ несправедливаго нареканія и не обличаетъ ли гг. академиковъ въ опрометчивости, изъ старыхъ открытій дѣлать новыя? Кажется, у Тромонина былъ и рисунокъ этой утвари“.

Въ этомъ же письмѣ Снегиревъ жалуется Погодину: „Нѣкто г. Касаткинъ печатаетъ въ *Зрителѣ* извѣстія о Русскихъ народныхъ праздникахъ, по большой части, извлеченныя изъ моего сочиненія объ этомъ предметѣ, еще перваго; но, по скромности, даже не упоминаетъ, откуда заимствовалъ. Думаю, что это покажется недобросовѣстнымъ для всякаго добросовѣстнаго, въ какихъ бы отношеніяхъ со мною онъ ни былъ. Съ душевнымъ прискорбіемъ скажу, что у меня похищены экземпляры, приготовленные къ новому изданію со многими дополненіями и поправками: 1) *Русскіе въ своихъ пословицахъ*, 4 кн. и 2) *Русскіе простонародные праздники*, 4 кн. Этимъ я занимался болѣе двадцати лѣтъ, повѣрялъ, справляясь, исправлялъ и прибавлялъ. Ваше превосходительство, какъ ветеранъ Русской Исторіи и Литературы, можете цѣнить такой трудъ. Нѣтъ ничего, кажется мнѣ, труднѣе, какъ писать фактически, и легче—пользоваться готовымъ. *Овіи трудишася, другіи въ трудъ внидоша.* Впрочемъ, это не одинъ со мною случай.

Г. Данилевскій *) удостоилъ выписать изъ жизни Платона и Августина, и цѣликомъ помѣстить въ своемъ сочиненіи о 1812-мъ годѣ.

Я желалъ бы, чтобы вы, въ своихъ газетныхъ статьяхъ, не отъ моего, а отъ своего лица, замолвили словцо".

LXIII.

Въ то время, когда Погодинъ воздавалъ должную хвалу *Христіанскимъ Древностямъ и Археологіи*, издатель ихъ, В. А. Прохоровъ, претерпѣвалъ въ Новгородѣ страшныя испытанія, причиняемыя ему Новгородскимъ вице-губернаторомъ, извѣстнымъ нумизматомъ и другомъ Куника, графомъ Чапскимъ.

19 іюля 1863 года, Прохоровъ писалъ Погодину: „Искренно благодарю васъ за доброе ваше участіе въ моемъ изданіи. Не назовите невѣжливостію мой нескорый отвѣтъ; онъ произошелъ отъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 24 іюня, я, по командировкѣ начальства императорской академіи художествъ, отправился въ Новгородъ и его окрестности, для розысканія древностей, и встрѣтилъ здѣсь такое поощреніе моимъ трудамъ, которому трудно пріискать названіе; говоря прозой, оно состояло вотъ въ чемъ: Недавно назначенный Новгородскимъ вице-губернаторомъ графъ Чапскій (полякъ), который, по наслышкѣ, зналъ меня, и почему-то я ему не нравился; въ особенности ему не нравились мои дѣйствія въ пользу правительства, какъ это послѣ оказалось. Онъ предварительно узналъ о моемъ пріѣздѣ, и вѣроятно на основаніи правилъ Польскаго катихизиса, несмотря на мое свидѣтельство, въ которомъ сказано, что я командированъ начальствомъ, для розысканія древностей въ Старой Русѣ, торжественно арестовалъ меня, какъ возмутителя, какъ государственнаго преступника (я умалчиваю здѣсь о тѣхъ расчитанныхъ Польскихъ оскорбленіяхъ, какимъ я подвергся)... Подъ арестомъ, въ Новгородѣ, я просидѣлъ двое сутокъ; это

---

*) Григорій Петровичъ. *Н. Б.*

сдѣлано было съ умысломъ, пока графъ Чапскій успѣлъ явиться въ С.-Петербургѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ и военному генералъ-губернатору.—Какого рода употребилъ онъ здѣсь технику,—право совѣстно описывать;—она и въ Польскомъ катихизисѣ могла бы быть образцовою... Чрезъ два дня Новгородскій губернаторъ объявилъ мнѣ, что, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, меня приказано, подъ арестомъ, представить въ С.-Петербургъ, къ военному генералъ-губернатору. Объ успѣхѣ тактики графа Чапскаго можно судить по тому, что министръ внутреннихъ дѣлъ, зная мой образъ мысли и дѣйствія въ пользу правительства, потому что я чрезъ него не разъ подавалъ отъ разныхъ старообрядческихъ обществъ адресы государю императору (отъ Витебской и Могилевской, Симбирской и Новгородской губ.), и несмотря на это, велѣлъ представить меня къ военному генералъ-губернатору. Когда меня привезли въ Петербургъ, то, къ неудовольствію моему, военнаго генералъ-губернатора не было въ Петербургѣ, и меня посадили въ арестантскую. Какое пріятное впечатлѣніе ощущалъ я за желѣзной рѣшеткой, а семейство мое дома, я вамъ не описываю. Въ арестантской я просидѣлъ два дня, и спасибо добрѣйшему князю Суворову, который, нѣсколько зная меня, принялъ во мнѣ участіе; и одинъ изъ благороднѣйшихъ его помощниковъ, полковникъ П. С. Лебедевъ, взялъ меня изъ арестантской, на поруки. На другой день послѣ этого явился я въ военный судъ, гдѣ болѣе четырехъ часовъ на разные вопросы писалъ отвѣты, и засѣданіе кончилось тѣмъ, что многіе изъ полковниковъ, моихъ судей, глядя другъ на друга и пожимая плечами, вопрошали: — за что же его арестовали? — Меня отпустили домой... Чрезъ нѣсколько времени, хотя меня и увѣрили, что военный судъ оправдалъ меня и военный генералъ-губернаторъ отнесся къ министру внутреннихъ дѣлъ, что я ни въ чемъ невиненъ, однакожъ это обстоятельство остановило мою поѣздку, и цѣлое лѣто у меня погибло для розысканій. Не правда ли, какъ хороши поощренія и сочувствія намъ, труженикамъ, въ дѣлѣ науки? Я разсказалъ вамъ

объ этомъ происшествiи весьма поверхностно, и не упоминалъ о многихъ интересныхъ и поучительныхъ подробностяхъ. Къ сожалѣнiю, всѣ у насъ подобныя продѣлки, фальшивыя и вредныя выслуги предъ правительствомъ, прикрываясь формою законности, остаются безнаказанны; графъ Чапскiй (полякъ) останется, по прежнему, вице-губернаторомъ (а еще и похваляемъ за усердiе), а я останусь, по прежнему, завѣдующимъ древне-христiанскимъ музеемъ.—какъ будто нигдѣ ничего не бывало.—А стòило бы, по крайней мѣрѣ, какому-нибудь бойкому перу, въ родѣ вашего, предать это гласности“.

Въ другомъ письмѣ своемъ къ Погодину, отъ 15 августа 1863 года, Прохоровъ продолжаетъ свою скорбную повѣсть.

„Не отвѣчалъ вамъ долго,—писалъ Прохоровъ,—по двумъ причинамъ: былъ боленъ и душой и тѣломъ, и новыя извѣстiя о дѣйствiяхъ моего прiятеля графа Чапскаго возмутили душу и желчь до невыразимаго и болѣзненнаго состоянiя. Я теперь только на опытѣ убѣдился, какъ грязна Польская натура; мнѣ кажется, что никакое возвышенiе поляка не облагородитъ; одѣньте свинью хоть въ тогу, но если она будетъ идти мимо лужи, то непремѣнно поваляется въ ней. Такова уже натура этого животнаго. — За неимѣнiемъ другихъ доказательствъ, на меня графъ Чапскiй придумалъ другого рода тактику: онъ доноситъ въ III-е отдѣленiе (тайной полицiи) о дошедшихъ до него слухахъ обо мнѣ (которые онъ, вѣроятно, самъ приказалъ распустить, основываясь на возможности подъяческой теорiи вѣроятности, но въ этомъ-то онъ и ошибается относительно меня), и свѣдѣнiя объ этихъ слухахъ, въ настоящее время, собираетъ обо мнѣ онъ же, Чапскiй, и его чиновники, на которыхъ я жалуюсь.

Какого рода эти слухи, о которыхъ доноситъ графъ Чапскiй, и послѣдствiя этого доноса я описываю вамъ въ подробномъ письмѣ, которое вы на дняхъ получите“.

Въ сентябрѣ 1863 года, мы встрѣчаемъ Прохорова опять въ Новгородѣ, куда онъ былъ вытребованъ для разслѣдованiя его дѣла. Изъ Новгорода Прохоровъ писалъ Погодину: „Двѣ

недѣли какъ здѣсь уже живу; изъ Петербурга я такъ поспѣшно выѣхалъ, что даже письма не успѣлъ къ вамъ послать, которое у меня было для васъ приготовлено; не успѣлъ даже ничего взять съ собой.—О важности коммиссіи, назначенной по этому дѣлу *о замѣчательныхъ* сужденіяхъ и проч., я вамъ опишу.—Изъ двухъ недѣль моихъ въ Новгородѣ выбралось у меня минутъ десять свободныхъ, которыя я употребилъ на письмо къ вамъ. Мнѣ въ вину хотѣли поставить преданность мою правительству, адресы, которые подавали старообрядцы государю, даже мои изданія *Христіанскія Древности* и проч.

Слава Богу, хотя теперь важная грязь смылась съ моего дѣла. Полякъ Чапскій доносилъ, между прочимъ, и то, что я разъѣзжаю съ тѣмъ по раскольникамъ, чтобы обирать съ старообрядцевъ деньги, и что они мнѣ даютъ взятки; однимъ словомъ, выставить самымъ грязнымъ шарлатаномъ: но всѣ спрашиваемые старообрядцы единогласно подтвердили, что это ложь и я дѣйствовалъ до того съ ними безкорыстно, что они сами удивлялись.—Эта грязь смылась. Но не разъяснены еще другіе вопросы. Что̀ у меня въ душѣ происходитъ, я вамъ выразить не могу. Я не знаю, когда я выѣду изъ Новгорода.—Я нахожусь подъ присмотромъ полиціи въ Новгородѣ, гдѣ, въ настоящее время, исправляетъ должность губернатора тотъ-же Чапскій. Это ужасно!—Не могу далѣе продолжать письма; сейчасъ долженъ отправиться въ коммиссію... Замѣчательно, что коммиссія сія для разбора моего дѣла производится въ домѣ Маѳы посадницы. Здѣсь начали теперь разрывать подземные ходы, отрыли нѣсколько монетъ. Я лазилъ въ эти погреба. И здѣсь сердце мое сжалось, когда я посмотрѣлъ, ка̀къ разрывается эта историческая замѣчательность! Ржавая посуда, ведры и пр., при разрытіи, разбивается и выбрасывается вонъ и проч.".

Между тѣмъ, Погодинъ, пользуясь пребываніемъ Прохорова въ Новгородѣ, обратился за справкою о немъ къ почтенному Новгородскому археологу Ивану Купріяновичу Купріянову, который отозвался довольно неопредѣленно: „Исторія съ Прохоровымъ вообще мало извѣстна. Говорятъ, будто онъ вошелъ въ

близкія сношенія съ Новгородскими старообрядцами, неизвѣстно для какой цѣли, пріобрѣлъ ихъ довѣріе и, въ проѣздъ свой въ Старую Русу, вмѣстѣ съ графомъ Чапскимъ, нашимъ вице-губернаторомъ, возбудилъ къ себѣ подозрѣніе послѣдняго и, по его распоряженію, былъ задержанъ. Сказываютъ, что производится по этому случаю слѣдствіе, а что открыто, пока еще неизвѣстно. Подъ, такъ называемымъ, домомъ Маремы посадницы роются арестанты, но ничего пока не нашли, особенно замѣчательнаго; полагать надо, что это былъ просто подвалъ какого либо богатаго дома прошлаго вѣка, для склада товаровъ или домашнихъ потребностей. Впрочемъ, пусть себѣ роются: авось либо найдутъ и кладъ, котораго отыскиваютъ. Если что нибудь найдутъ замѣчательнаго въ этихъ раскопкахъ, то я васъ извѣщу. По моему мнѣнію, слѣдовало бы также порыться въ архивахъ объ этомъ домѣ, а не опредѣлять по догадкамъ имя его владѣльца".

Слѣдуетъ замѣтить, что Прохоровъ, будучи статскимъ, постоянно ходилъ въ военной формѣ, и враги его распустили слухъ, что будто бы онъ раскольникамъ выдавалъ себя за флигель-адъютанта императрицы.

Коммиссія для изслѣдованія дѣла Прохорова въ Новгородѣ состояла изъ трехъ лицъ: чиновника особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Вакара, жандармскаго полковника Буцковскаго,—по замѣчанію Прохорова,—пріятеля Чапскаго, который де, „вмѣстѣ съ нимъ, писалъ обо мнѣ ложный доносъ, что я со старообрядцевъ обираю взятки". Третій человѣкъ Родіоновъ,—стряпчій Старорусскаго уѣзднаго суда.

Наконецъ, 6 декабря 1863 года, Прохоровъ извѣстилъ Погодина: „Мое дѣло кончено. Не смотря на всѣ желанія и натянутыя изслѣдованія, ничего не могли найти, за что бы можно было осудить меня по законамъ. Этому дѣлу дали другой оборотъ чрезъ тайную полицію. О ложныхъ доносахъ, которые, при справедливомъ и безпристрастномъ изслѣдованіи, могли бы обличить моихъ противниковъ, отъ меня скрыли! На дняхъ призываетъ меня полицмейстеръ Васильевской части и

объявляетъ мнѣ, что есть секретная бумага, полученная отъ князя Долгорукова *); для васъ (присовокупилъ онъ), конечно, это не секретъ, потому что она до васъ касается. А вы должны будете подписать эту бумагу. Это подписка, гдѣ вы обязуетесь впередъ не имѣть никакихъ предосудительныхъ сношеній со старообрядцами, не принимать на себя никакихъ ходатайствъ за старообрядцевъ предъ правительствомъ и пр. въ такомъ родѣ.

Когда я спросилъ его, въ чемъ же меня обвиняютъ? Мнѣ ничего не объявлено. Какъ я могу подписаться подъ такой подпиской, гдѣ ясно видно, что смотрятъ на мои дѣйствія на выворотъ. Я бы хотѣлъ, чтобы мнѣ указали, какія именно были мои дѣйствія, которыя можно бы назвать предосудительными, или закономъ недозволенными. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что не имѣетъ права со мной объ этомъ ничего говорить, что коммиссія Новгородская изслѣдовала это дѣло и, вѣроятно, нашла какое нибудь основаніе, что бы запретить вамъ сношенія съ старообрядцами. А если вы не желаете дать эту подписку, которая для васъ приготовлена, то васъ попросятъ въ карету, какъ ослушника распоряженій начальства. Нечего было дѣлать; доказательства были весьма убѣдительны и я подписалъ. Я желалъ бы, чтобы дѣло мое судили открыто. Открыто бы осудили мои дѣла, на законномъ основаніи, я бы этого очень желалъ; потому что за дѣйствія мои, я увѣренъ, ни предъ кѣмъ краснѣть не стану. Вѣрно придется мнѣ подождать, когда у насъ начнется гласное судопроизводство, а мнѣ бы очень хотѣлось знать: въ чемъ же я виноватъ“?

Между тѣмъ, враги Прохорова, и по окончаніи дѣла, не оставляли его въ покоѣ; такъ какъ, думалъ Прохоровъ, „законный путь не беретъ“, то они прибѣгли къ другому средству, „стали бросать на него камни изъ-за угла“ [183]).

Въ *Голосѣ* появилась статья, подъ заглавіемъ, *Посадъ Сольцы*, въ которой, скрывшій свое имя, подъ иниціалами

---

*) Василья Андреевича. *Н. Б.*

М. С., писалъ: „Посадъ Сольцы, Псковской губерніи, Порховскаго уѣзда, представляетъ средоточіе и опору старообрядчества всякихъ толковъ, Ѳедосѣевцевъ по преимуществу. Увѣренность, что нынѣшнее правительство не только не хочетъ преслѣдовать расколъ, но и беретъ его подъ свой покровъ и защиту, сильна въ народѣ. Одинъ мой знакомый, сольченинъ, сообщилъ мнѣ по этому поводу интересный фактъ.—Былъ я однажды (сказывалъ онъ) у неграмотнаго мѣщанина, сольченина. Слышу отъ хозяйки его, что напечатаны *защитные* для старовѣровъ листы. Напечатаны же эти листы, будто бы, для того, чтобъ священники не склоняли бы въ *мірскую* (т.-е., православную вѣру). Съ трудомъ (продолжаетъ разскащикъ) выпросилъ я у хозяйки позволеніе взглянуть на *защитный листъ.* Принесла она листъ; начинаю читать, и нахожу объявленіе объ изданіи *Сборника Христіанскихъ Древностей*, кажется такъ. Нахожу и адресъ редакціи, гдѣ-то на Васильевскомъ Острову, и фамилію редактора, кажется, Прохорова. Читаю объявленіе громко. Хозяева слушаютъ и при каждомъ повтореніи: *христіанскій*, *христіанскія*—одобрительно киваютъ головами и говорятъ: *вотъ, вотъ—видите!*—Вотъ, вотъ онъ нашъ *защитникъ*, говорятъ слушатели, повторяя имя редактора. Сталъ я имъ разъяснять цѣль изданія и характеръ объявленія—не вѣрятъ. Вотъ этотъ листъ наставникъ далъ, и деньги за него взяты“ [184]).

Петербургскія газеты не дали Прохорову возможности даже отвѣтить, и онъ жаловался Погодину: „Я написалъ на эту клевету отвѣтъ,—не принялъ *Голосъ*. Я отдалъ въ *С.-Петербургскія Вѣдомости*—цензура, говорятъ, не пропустила. Просто: Шемякинъ судъ. Добрѣйшій Михаилъ Петровичъ, не позволите ли мнѣ прислать вамъ эту маленькую статейку и нельзя ли будетъ ее напечатать въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Это въ высшей степени безсовѣстно—печатно клевещутъ и не позволяютъ и даже не отвѣчаютъ: почему не позволяютъ? Я послалъ вамъ, чрезъ Д. А. Ровинскаго, письмо съ нѣкоторыми матеріалами изъ моего дѣла, чтобы, хотя нѣсколько познакомить васъ съ

моимъ дѣломъ. Конечно, я не смѣлъ бы васъ подобными описаніями безпокоить, если бы вы, по добротѣ вашей, не позволили сами написать вамъ. Ровинскій совѣтовалъ мнѣ не объясняться до окончанія моего дѣла. Теперь оно кончено. Какъ бы я желалъ теперь печатно заявить объ этомъ хотя слегка, или залпомъ, но сдѣлать выстрѣлъ въ непріятеля, который разбойнически воюетъ, чисто по-Польски, — даже хуже. Уважаемый Михаилъ Петровичъ! Я хотѣлъ вполнѣ положиться, въ этомъ дѣлѣ, на вашъ добрый совѣтъ, и сдѣлать такъ, какъ вы мнѣ посовѣтуете".

Между тѣмъ, Погодинъ, не довольствуясь печатнымъ словомъ, пропагандировалъ Прохорова отъ дворцовъ до скромныхъ сидѣльцевъ купеческихъ лавокъ, и одинъ изъ нихъ, Иванъ Конобѣевскій-Силоамскій, писалъ Погодину (28 августа 1863 г.): „Очень вамъ благодаренъ за доставленный мнѣ случай познакомиться съ г. Прохоровымъ, который, въ моихъ глазахъ, чѣмъ-то въ родѣ *равно-Апостольнаго* кажется".

Менѣе удачна была пропаганда Погодина во дворцахъ. 19 іюля 1863 года, Прохоровъ писалъ Погодину: „11-го іюля, Куникъ доставилъ мнѣ отъ васъ письмо и записку. 12-іюля я отправилъ ея превосходительству Аннѣ Ѳедоровнѣ Тютчевой одинъ экземпляръ моего журнала". Но, въ октябрѣ того же 1863 года, Прохоровъ извѣщаетъ Погодина: „Изъ дворца о моемъ журналѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Куникъ говоритъ, что г-жа Тютчева уѣхала вмѣстѣ съ императрицею. Мнѣ странно одно: журналъ мой доставленъ Кунику за нѣсколько недѣль до отъѣзда государыни. Куникъ пріятель графа Чапскаго. Можетъ быть, и не послалъ во время. Это между нами... Князь Г. Г. Гагаринъ тоже хлопочетъ обо мнѣ. По высочайшему повелѣнію, сто экземпляровъ моего журнала выписали для министерства народнаго просвѣщенія".

Наконецъ, въ ноябрѣ 1864 года, Прохоровъ писалъ Погодину: „Во дворецъ (г-жѣ Тютчевой) я посылаю мое изданіе и за этотъ годъ; но оттуда никакого извѣстія не имѣю" [185]).

LXIV.

На изданіе В. А. Прохорова обратилъ также вниманіе и профессоръ Московской духовной академіи Николай Ивановичъ Субботинъ, извѣстный знатокъ раскола; но взглянулъ на оное съ другой точки зрѣнія. Мысли свои Субботинъ выразилъ въ статьѣ, подъ заглавіемъ: *Художественное изданіе въ раскольничьемъ духѣ.* Но прежде напечатанія этой статьи, Субботинъ обратился къ Погодину съ слѣдующимъ письмомъ: „Мнѣ пришлось написать небольшую статью объ изданіи Прохорова, и на этотъ разъ нѣсколько разойтись съ вами во мнѣніи. Дѣло въ томъ, что вы не обратили вниманія на одну очень оригинальную особенность изданія, на то, что изданіе это имѣетъ рѣшительно раскольничій характеръ и служитъ къ поддержанію въ раскольникахъ тѣхъ одностороннихъ мнѣній, которыхъ и безъ того они такъ упорно держатся. Я почелъ долгомъ откровенно высказать свой взглядъ на эту особенность, дѣйствительно, замѣчательнаго у насъ художественнаго изданія, и смѣю надѣяться, что, найдя его отличнымъ отъ вашего, вы не будете на меня въ претензіи“.

Погодинъ, въ отвѣтѣ своемъ на это письмо, сообщилъ Субботину, что Прохоровъ подвергся слѣдствію по сношеніямъ съ раскольниками. „Это обстоятельство,—писалъ Субботинъ,—дѣйствительно, можетъ придать особое значеніе моей статьѣ о немъ, въ которой я тоже разъясняю солидарность его съ раскольниками; разумѣется, статья моя вовсе не имѣетъ криминальнаго характера. Но, во всякомъ случаѣ, я буду вамъ очень благодаренъ, если вы возмете на себя трудъ прочесть ее прежде напечатанія“ [186]).

Въ упомянутой статьѣ Субботинъ писалъ: „Недавно, многоуважаемый М. П. Погодинъ обращалъ вниманіе всей читающей публики на Прохорова и его изданіе *Христіанскія древности и Археологія......* Понятно, какъ любопытно было поближе познакомиться съ изданіемъ Прохорова, послѣ такихъ лестныхъ

похвалъ ему отъ одного изъ знатоковъ дѣла, и лишь только представилась возможность, мы просмотрѣли его со всѣмъ вниманіемъ, какое оно заслуживаетъ..... Прежде всего насъ нѣсколько удивила заставка, украшающая обертку книжки *Древностей.* Заставка эта очень изящно нарисованная, изображаетъ, такъ называемый, *деисусъ,* увѣнчанный сверху осьмиконечнымъ крестикомъ съ губкой и копіемъ.... Не можемъ не спросить, почему Спаситель на этой заставкѣ изображенъ благословляющимъ двуперстно?... Разсматривая рисунки въ *Христіанскихъ Древностяхъ,* съ удивленіемъ замѣчаешь, что благословляющія руки, у Спасителя и святыхъ вездѣ почти изображены на нихъ съ двуперстнымъ сложеніемъ..... Но памятники древности—иконы, фрески, миніатюры въ рукописяхъ, на сколько намъ извѣстно, вовсе не подтверждаютъ заключенія, что наиболѣе древнія изображенія благословляющей руки представляютъ сложеніе двуперстное.... Извѣстно, что раскольники пишутъ и произносятъ имя Спасителя не Іисусъ, а Ісусъ, и Прохоровъ считаетъ долгомъ употреблять въ своемъ изданіи не иное, какъ это же самое начертаніе, и притомъ не на рисункахъ только, снятыхъ съ древнихъ изображеній, не въ снимкахъ старинныхъ надписей, не въ текстѣ изъ какой-нибудь рукописи или старопечатной книги, гдѣ, дѣйствительно, необходимо точное полное воспроизведеніе подлинника; нѣтъ, — онъ принялъ правиломъ писать Ісусъ просто въ текстѣ своихъ собственныхъ оригинальныхъ произведеній“.....

Въ заключеніе, Субботинъ замѣчаетъ: „Нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ М. П. Погодина, что изданіе Прохорова *для нашихъ старообрядцевъ сущій кладъ.* Но едва ли можно признать справедливымъ то его замѣчаніе, что изданіе это *откроетъ многимъ свѣтъ* и что духовенство обязано рекомендовать его *купцамъ и церковнымъ старостамъ.....* Ужели Прохоровъ думаетъ въ самомъ дѣлѣ оказать услугу старообрядцамъ, собирая, напримѣръ, древнія изображенія двуперстнаго благословенія? Мы думаемъ, напротивъ, что истинную услугу людямъ, именующимъ себя старообрядцами, принесло бы такое

изданіе, въ которомъ безъ всякой предвзятой мысли и съ полнымъ безпристрастіемъ были бы собраны и воспроизведены несомнѣнно древнія изображенія святыхъ и съ двуперстнымъ, и съ именословнымъ благословеніемъ; тогда они увидѣли бы, наконецъ, что въ древности безразлично употреблялось и то, и другое перстосложеніе; а это уже былъ бы, съ ихъ стороны, шагъ къ сближенію съ церковію, въ которомъ и состоитъ дѣйствительная, истинная польза для старообрядчества" [187]). ..

Когда же Субботинъ напечаталъ означенную статью свою въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, Погодинъ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, писалъ:

„Прочтя доказательства г. Субботина, я охотно винюсь въ своемъ недосмотрѣ, въ односторонности своего сужденія. Меня поразило изящество, занимательность, богатство въ изображеніяхъ любопытныхъ и рѣдкихъ...... Я не обратилъ должнаго вниманія на *благословеніе*. Обвиненія Субботина относятся, слѣдовательно, только къ умышленному выбору изображеній въ раскольничьемъ духѣ. И это заслуживаетъ значительнаго осужденія, если докажется вполнѣ..... Пусть Субботинъ потрудится разрѣшить этотъ вопросъ. Тогда мы всѣмъ соборомъ заставимъ Прохорова посвятить нынѣшній годъ исключительно изображеніямъ въ православномъ духѣ. А какъ такое изданіе, чего добраго, останется у него на рукахъ, и православные не выручатъ его наравнѣ съ раскольниками? Да не съ этою ли цѣлiею и дѣлалъ онъ выборъ? Но, оставимъ шутки: изданіе продолжалось около двухъ лѣтъ,—чего же смотрѣли наши духовные? Обратилъ вниманіе на изданіе мірянинъ,—ну, вотъ и начинается разборъ! Я радъ, во всякомъ случаѣ, что подалъ къ нему поводъ, и еще болѣе буду радъ, когда Прохоровъ оправдается еще болѣе тщательнымъ собраніемъ древнихъ изображеній въ православномъ духѣ. Тогда и прежнія, назовемъ ихъ, пожалуй, раскольническими, получатъ новую цѣну. Мы покажемъ имъ наше безпристрастіе: чтò у васъ такъ,—или чтò разумно, возможно, позволительно,—то такъ; а поелику у насъ такого въ

тысячу разъ больше, то намъ опасаться нечего. Скрывать, обходить, ничего не должно. Истина возьметъ свое".

Въ свою очередь, Субботинъ не оставилъ безъ отвѣта эту замѣтку Погодина. Онъ возражалъ: „Вы пишете, что не смотря на двухгодичное существованіе Прохоровскаго изданія, *духовные* молчали о немъ, а обратилъ вниманіе на изданіе *мірянинъ*—ну, вотъ де и начинается разборъ. Смѣю увѣрить васъ, разборъ мой вызванъ вашей статьей совершенно независимо отъ того, что писалъ ее мірянинъ. Во-первыхъ, я и самъ мірянинъ, — по крайней мѣрѣ, какъ извѣстно вамъ, не ношу рясы. Во-вторыхъ, вы не совсѣмъ вѣрно замѣтили, что *духовные*, до вашей статьи, молчали объ изданіи Прохорова. Ваша статья важна была не потому, что писана мiряниномъ, а по тому, что составлена знатокомъ дѣла, какъ вы сами справедливо рекомендовали себя читателямъ. Вотъ почему я и отыскалъ случай поближе познакомиться съ изданіемъ Прохорова и писать потомъ рецензію, когда увидѣлъ, что въ изданіи есть стороны, въ значительной степени ослабляющія вашъ отзывъ о немъ. Такова исторія происхожденія моей рецензіи; какой-то предполагаемый вами антагонизмъ сословій, какъ видите, тутъ нисколько не виноватъ" [188]).

Заявляя, что „полезный и примѣчательный" журналъ Прохорова будетъ продолжаться и въ 1864 году, Погодинъ „долгомъ" почелъ при этомъ извѣстіи сказать и слѣдующее о замѣчаніяхъ Субботина: „Онѣ не должны уменьшать нисколько уваженія къ изданію Прохорова, со стороны *археологической и художественной*, съ которой я и смотрю на него преимущественно; а съ раскольнической—Прохоровъ долженъ оправдаться сообщеніемъ памятниковъ, доказывающихъ древность и справедливость православныхъ воззрѣній. Прибавлю еще здѣсь для Субботина, что я выражалъ свое сожалѣніе о равнодушіи духовныхъ лицъ, оставлявшихъ такъ долго предполагаемое направленіе Прохорова безъ своихъ замѣчаній и оглашеній, что̀ и теперь повторяю, а объ антагонизмѣ сословій у меня и на умѣ ничего не было" [189]).

Прочитавъ эти строки, Субботинъ (11 апрѣля 1864 года) писалъ Погодину: „Сейчасъ прочелъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* мимоходомъ сказанное вами словечко до меня и опять не могу утерпѣть, чтобы не отвѣтить вамъ. Только на этотъ разъ пишу не для печати, чтобы не наскучить читателямъ, а *единственно* для васъ. Вы пишете теперь: *объ антагонизмѣ сословій, у меня и на умѣ ничего не было.* А припомните, что вы писали прежде? Вы писали вотъ что: *изданіе продолжалось болѣе двухъ лѣтъ, чего же смотрѣли духовные.* Если бы вы остановились на этомъ, я не имѣлъ бы права упоминать о предполагаемомъ вами антагонизмѣ сословій и рѣчь была бы, дѣйствительно, только о равнодушіи духовенства къ существенной ошибкѣ Прохорова; но вы прибавили далѣе: *обратилъ вниманіе на изданіе мірянинъ, ну вотъ и начинается разборъ.* Ужели вы не соглашаетесь, что я не исказилъ ихъ подлиннаго смысла, придавъ извѣстное значеніе слову *мірянинъ*, которымъ вы окрестили себя здѣсь въ отличіе отъ духовныхъ и въ противоположность имъ, такъ зачѣмъ же вы писали то, чего *у васъ не было на умѣ?* Знай я, что это съ вами иногда случается, я не сталъ бы и отвѣчать на вашу замѣтку въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Да и вообще, мнѣ кажется, напрасно вы такъ ратуете въ защиту Прохоровскаго изданія. Учено-художественное изданіе тогда только можетъ быть хорошо, когда оно служитъ наукѣ и искуству; а когда въ него вносится какая нибудь задняя мысль, когда имъ хотятъ достигнуть какихъ нибудь чуждыхъ наукѣ и искуству цѣлей (хотя бы онѣ были гораздо лучше, нежели служеніе интересамъ раскола),—оно ужь дрянь. Это, по крайней мѣрѣ, мое мнѣніе. А что у Прохорова есть задняя мысль, есть извѣстная цѣль, это несомнѣно, также какъ и то, что изданіе его имѣло вредное для церкви вліяніе на раскольниковъ. Я говорю это не съ вѣтра. Мнѣ нечего объяснять вамъ, кстати ли разжигать теперь въ раскольникахъ старые пустяшные споры о пустяшныхъ разностяхъ между расколомъ и православіемъ. Вы знаете, какъ возбужденъ теперь вопросъ о расколѣ и какъ надобно всѣми силами заботиться о

сближеніи раскольниковъ съ церковью. Я всегда считалъ васъ человѣкомъ, ставящимъ всего выше наши народные и государственные интересы. Зачѣмъ же вы теперь интересамъ высокимъ хочете предпочесть интересы частнаго лица, хоть бы это былъ даже вашъ другъ?—И лицо это даже не гонимая невинность: я, кажется, помѣнялся съ нимъ ролью. У насъ человѣку нужно подвергаться гоненію, справедливому или несправедливому — это все равно, — чтобъ сдѣлаться чуть не героемъ и пріобрѣсть тьму защитниковъ: поэтому я оказалъ даже услугу Прохорову,—я гонитель, онъ жертва. Мнѣ пришлось уже встрѣтиться съ однимъ университетскимъ профессоромъ, защитникомъ свободы въ самомъ широкомъ смыслѣ, и особенно свободы религіозной, который въ глаза называлъ меня чуть не полицейскимъ агентомъ за мою рецензію, тогда какъ, скажу по совѣсти, и въ жизни и въ литературѣ, я держусь одного начала,—неизмѣннаго уваженія къ истинѣ. И такихъ людей, какъ Прохоровъ, есть уже не мало, къ удовольствію Прохорова: я знаю это. И мнѣ больно думать, что и вы, многоуважаемый Михаилъ Петровичъ, не прочь пристать къ ихъ фалангѣ"…..

Прохоровъ, слѣдя за полемикой, возникшей по поводу его изданія между Погодинымъ и Субботинымъ, писалъ Погодину: „Многимъ изъ бѣдныхъ тружениковъ приходилось пить горькую чашу; а на мою долю осталась чистая желчь. Поляки, по злоумышленности, попы по невѣдѣнію, представили меня, или мои дѣйствія въ такомъ смыслѣ, что даже нѣкоторыхъ честныхъ и благонамѣренныхъ людей заставили усумниться въ чистотѣ моихъ дѣйствій. Я не прогрязистъ (или по Петербургски прогрессистъ), люблю Россію болѣе моей жизни, готовъ былъ дѣйствовать на пользу ея всѣми моими силами, но вѣрно попалъ не въ тотъ тактъ и вышелъ не тотъ ладъ; складъ голоса моего—Русскій, а по-Польски пѣть не умѣю. Впрочемъ, всѣ нападенія и клеветы я готовъ бы забыть, но вотъ мое горе—меня лишили возможности (въ настоящее время) вполнѣ трудиться на пользу любимой моей науки—археологіи. Объ этомъ я вамъ послѣ напишу подробно.

Въ настоящее время, на мой журналъ подписчиковъ только семьдесятъ человѣкъ. Я все потерялъ, что имѣлъ, и все-таки намѣренъ тянуть до послѣдней моей рубашки. Спросить бы у Субботина, который писалъ, или справедливѣе сказать, доносилъ на меня въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, что я пишу для раскольниковъ: гдѣ же эти раскольники, или старообрядцы? Въ числѣ семидесяти подписчиковъ, немногіе найдутся старообрядцы. Жаль, если такими невѣжественными глазами, какъ Субботинъ, будутъ у насъ смотрѣть на разработку нашихъ древностей (не знаю, кто такой Субботинъ, но догадываюсь, что должно быть кутья безъ рясы). Я не хотѣлъ даже отвѣчать на эту статью, хотя въ ней есть много дичи, которой бы нехудо ощипать перья. Если у насъ многіе съ такимъ взглядомъ и понятіемъ о древностяхъ—то не далеко уѣдутъ наши бѣдныя древности...

Такъ какъ съ юныхъ лѣтъ моихъ я привыкъ смотрѣть на васъ, какъ на любителя и знатока нашихъ Русскихъ древностей, то изъ уваженія къ вашей личности, я готовъ написать къ вамъ объяснительное письмо касательно обвинительной статьи Субботина. Мнѣ грустно, что даже и вы (какъ мнѣ кажется) нѣсколько измѣнили ваше мнѣніе относительно чистоты моихъ намѣреній въ моемъ изданіи и вслѣдствіе этого отказываетесь отъ всякаго участія въ моемъ изданіи. Надѣюсь, что время оправдаетъ меня предъ вами и другими благомыслящими людьми" [190]).

LXV.

Въ это время предсѣдатель археографической коммиссіи Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ занимался приготовленіемъ къ печати Путешествія игумена Даніила по Святой Землѣ, въ началѣ XII-го вѣка.

Погодинъ, въ своемъ перечнѣ *новыхъ ученыхъ* предпріятій, писалъ: „А. С. Норовъ, зная слишкомъ хорошо Святыя Мѣста, разумѣется, можетъ лучше всѣхъ исполнить изданіе Даніилова

Паломника. Покойный Коркуновъ собирался издать Даніиловъ Паломникъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, но умеръ, не исполнивъ своего желанія, а древнѣйшій списокъ харатейный, XII вѣка, пропалъ. Что можетъ еще у насъ до сихъ поръ случаться"[191]).

Между тѣмъ, въ текстѣ Даніила стоитъ слѣдующее мѣсто: „Похвалю преблагаго Бога моего, яко сподоби мя написати имена Рускыхъ князей въ Лаврѣ у святаго Савы, и нынѣ поминаются въ октеніихъ. Се же суть имена ихъ: Михайло-Святополкъ, Василей-Владимерь, Давыдъ Святославичь, Михайло-Олегъ, Панкратей-Ярославъ Святославичь, Ондрей-Мстиславъ Всеволодовичь, Ѳеодоръ-Мьстиславъ Володимеровичь, Борисъ Всеславичь, Глѣбъ Минскій, Давыдъ Всеславичь;—толико бо есмь поминалъ именъ ихъ, да тѣхъ и вписалъ есмь; прочее же о всѣхъ Рускыхъ князей и о боярехъ и о всѣхъ христіанехъ Рускыя земля, и отпѣхомъ же литургій всѣхъ 90 за князей и за бояръ и за дѣти моя духовныя и за правовѣрныя христіане, за живыя 50, а за мертвыя 40; быша же литургіи ти у Гроба Господня и въ всѣхъ мѣстѣхъ святыхъ. Буди же всѣмъ почитающимъ писаніе се, благословеніе отъ Бога и отъ святаго Гроба Господня и отъ всѣхъ мѣстъ сихъ святыхъ: пріиметь бо мьзду равну съ ходившими до святаго града Іерусалима и видѣвшими мѣста со святая вся. Блажени бо видѣвше и вѣроваша; треблаженіи не видѣвше вѣроваша. Вѣрою бо пріиде Авраамъ въ землю обѣтованную. По истинѣ бо вѣра равна добрымъ дѣломъ. Но Бога дѣля, отцы и братіа, господіе мои, не зазрите худоумію моему и грубости моей! да не будеть въ похуленіе написаніе сіе мене дѣля худаго; но Бога дѣля и святыхъ дѣля мѣстъ, почтете его съ любовію, да мьзду пріимете равну отъ Бога Спаса Господа нашего Іисусъ Христа; да Богъ мира будеть съ всѣми вами въ вся вѣкы. Аминь"[192]).

Это мѣсто изъ Путешествія Даніила потребовало комментарія отъ княжескихъ родослововъ. И вотъ, еще въ 1863 году, Н. В. Калачовъ прежде всего обратился къ П. М. Строеву съ слѣдующимъ просительнымъ письмомъ:

„А. С. Норовъ поручилъ мнѣ обратиться къ вамъ съ покорною просьбою: Въ *Хожденіи Даніила игумена*, въ числѣ князей, упоминаемыхъ въ этомъ памятникѣ, встрѣчается *Андрей-Мстиславъ Всеволодовичъ.* Археографическая коммиссія затрудняется въ опредѣленіи родственной связи этого князя съ другими извѣстными князьями. Изъ князей, современныхъ Даніилу, былъ Андрей (сынъ Мономаха), но назывался ли онъ также Мстиславомъ — неизвѣстно; при томъ онъ былъ бы уже не сынъ, а внукъ Всеволодовъ; былъ также Мстиславъ Вселодовичь (внукъ Мстислава-Өедора), но назывался ли онъ Андреемъ также неизвѣстно. Вы такъ много занимались родословіями нашихъ князей, что очень можетъ быть, что при вашихъ розысканіяхъ вамъ удалось встрѣтить въ началѣ XII-го вѣка имя князя Андрея-Мстислава Всеволодовича, и въ такомъ случаѣ вы оказали бы коммиссіи большую услугу указаніемъ, отъ какого именно Всеволода онъ происходитъ, и должно ли считать его сыномъ этого Всеволода или болѣе отдаленнымъ потомкомъ".

Строевъ отвѣчалъ: „Коробка съ генеалогическими моими изслѣдованіями, какъ вамъ извѣстно, въ 1859 году, при переѣздѣ изъ своего дома на квартиру, утратилась; библіотеку мою, въ 1862 году, я долженъ былъ продать одному библіофилу; а потому, чтобы рѣшить предложенный мнѣ вопросъ, о князѣ Андреѣ-Мстиславѣ Всеволодовичѣ, XII-го столѣтія, мнѣ предстояло обратиться за справками въ другія библіотеки, что̀, по старости и дряхлости моей, было для меня не легко. *Хожденіе* къ Св. мѣстамъ Палестинскимъ Черниговскаго игумена Даніила, какъ извѣстно, дошло до насъ въ спискахъ XVI-го и преимущественно XVII-го вѣка, самый старый, кажется, при Кенигсбергской лѣтописи: писцы не только подновляли слогъ, но и переиначивали по своему; есть даже совершенная передѣлка текста (въ Троицкой Сергіевой лаврѣ), 1747 года, гдѣ Даніилъ прямо названъ *архимандритомъ Корсунскимъ въ Малой Россіи.* Упоминаемые Даніиломъ (для записки въ синодики) князья Русскіе Карамзинымъ пріурочены по возможности, но и на его объясненія не совсѣмъ можно положиться. Если тамъ

нѣтъ Андрея-Мстислава Всеволодовича, то, вѣроятно, ето произволъ или ошибка переписчика; впрочемъ, необходимо видѣть самыя рукописи, чтобы судить основательно: онѣ у васъ передъ глазами. Болѣе сего я не въ состояніи сообщить на предложенный мнѣ вами вопросъ, хотя бы и очень хотѣлось показаться знатокомъ дѣла“ [193]).

Не получивъ удовлетворительнаго отвѣта отъ Строева, Калачовъ обратился къ Погодину, который цѣлый VI-й томъ своихъ *Изслѣдованій* посвятилъ біографіи удѣльныхъ князей. 12 декабря 1863 года, Калачовъ обратился къ Погодину съ слѣдующимъ письмомъ:

„Какъ вамъ извѣстно, предсѣдатель археографической коммиссіи А. С. Нэровъ занимается, въ настоящее время, изданіемъ *Хожденія* Даніила игумена. Въ числѣ князей, упоминаемыхъ въ этомъ памятникѣ встрѣчается (впрочемъ, по двумъ только спискамъ) *Андрей Мстиславъ Всеволодовичъ*, котораго коммиссія не знаетъ какъ пріурочить, т.-е., опредѣлить родственную связь его съ другими извѣстными князьями. Изъ князей, современныхъ Даніилу, былъ Андрей (сынъ Мономаховъ), но назывался ли онъ также Мстиславомъ—неизвѣстно; при томъ онъ былъ бы уже не сынъ, а внукъ Всеволодовъ; былъ также Мстиславъ Всеволодовичъ (внукъ Мстислава-Өеодора), но назывался ли онъ и Андреемъ—также неизвѣстно. Авраамъ Сергѣевичъ поручилъ мнѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, помочь коммиссіи въ этомъ дѣлѣ. Очень можетъ быть, что при вашихъ розысканіяхъ вамъ удалось встрѣтить, въ началѣ XII вѣка, имя князя Андрея-Мстислава Всеволодовича, и въ такомъ случаѣ вы оказали бы коммиссіи большую услугу указаніемъ, отъ какого именно Всеволода онъ происходитъ и должно ли считать его сыномъ этого Всеволода, или же болѣе отдаленнымъ потомкомъ“ [194]).

Погодинъ, не уподобляясь въ этомъ случаѣ Строеву, съ видомъ „знатока“, не усумнился дать рѣшительный отвѣтъ археографической коммиссіи.

Въ комментаріяхъ къ Даніилу мы читаемъ: Доселѣ мы не

знали положительно, кто былъ Андрей-Мстиславъ Всеволодовичъ, упоминаемый Даніиломъ. М. П. Погодинъ пишетъ намъ: „Мстиславъ-Андрей Всеволодовичъ долженъ быть внукъ Игоря Ярославича и племянникъ Давида Игоревича, бѣжавшій съ нимъ изъ-подъ Владиміра, около 1099 года; ходившій отъ него на море, въ 1100 году, участвовавшій въ походѣ на Половцевъ, въ 1103, въ 1107 и въ 1112 годахъ, и умершій, по Кіевской лѣтописи, въ 1116 году, а по Воскресенской— въ 1114 году. Въ Кіевской и въ Воскресенской лѣтописяхъ именно сказано въ извѣстіи объ его смерти: *внукъ Игоревъ*, а въ извѣстіи объ его бѣгствѣ изъ-подъ Владиміра: *побѣже Давидъ и Мстиславъ, сыновецъ его*. Никакого другаго Всеволодовича въ это время не было, развѣ предположить у Всеволода третьяго сына, кромѣ Мономаха и Ростислава, еще этого Мстислава, что̀ было бы слишкомъ смѣло. Еслижъ принять Мстислава, указываемаго Даніиломъ, за ошибку переписчиковъ, вмѣсто Ростислава, то и этому предположенію не доставало бы основанія, потому что Ростиславъ Всеволодовичъ утонулъ еще въ 1093 году. Между тѣмъ, какъ считая Мстислава-Андрея племянникомъ Давида Игоревича, и внукомъ Игоря, мы должны только предположить—и при томъ безъ всякой натяжки и невѣроятности,—что неизвѣстный намъ доселѣ по имени, второй сынъ Игоревъ (первый былъ Давидъ) назывался Всеволодомъ. Мстислава этого мы знали до сихъ поръ только какъ племянника Давидова и внука Игорева, безъ отчества, а Даніилъ даетъ ему отца и притомъ христіанское имя. Такимъ образомъ, пробѣлъ, находящійся въ родословной таблицѣ князей у Карамзина и Строева, равно и въ моемъ *Біографическомъ Словарѣ* относительно отца Мстислава, который показанъ неизвѣстнымъ, теперь пополняется именемъ Всеволода. Замѣчу при этомъ, что Давидовъ сынъ прозывался Всеволодкомъ, по всему вѣроятію, при живомъ дядѣ, братѣ Давидовѣ, теперь находимомъ Всеволодѣ. Имя Панкратія-Ярослава Святославича указываетъ намъ третьяго меньшого сына Святослава Ярославича, Ярослава Святославича Муромскаго и

Рязанскаго. Карамзинъ и Строевъ придаютъ имя Панкратія только Святошѣ, но онъ назывался языческимъ именемъ Святослава, а не Ярослава, носилъ христіанское имя Николая и по отчеству прозывался Давидовичь. Развѣ предположить, что Святославу Давидовичу одно христіанское имя, Панкратія, дано при рожденіи, а другое, Николая, при постриженіи" [195]).

Относительно Өеодора-Мстислава Владиміровича, Погодинъ писалъ А. С. Норову: „Среди моихъ кропотаній, сію минуту попалось мнѣ извѣстіе, для вашего-нашего Даніила пригодное, которое и спѣшу сообщить вашему высокопревосходительству. У Даніила упоминается князь Мстиславъ-Өеодоръ. Карамзинъ и за нимъ всѣ мы думаемъ, что сынъ Мономаховъ Мстиславъ имѣлъ христіанское имя Өеодора на томъ основаніи, что онъ основалъ въ Кіевѣ монастырь Св. Өеодора. Но А. Ө. Бычковъ указалъ на извѣстіе Новгородской лѣтописи, гдѣ сказано: Въ лѣто 6621, князь великій Мстиславъ Владимеровичь, внукъ великаго князя Владимера, нареченный въ святомъ крещеніи *Георгій*, заложилъ церковь каменную въ Великомъ Новѣградѣ святителя Николы чудотворца, на княжи дворѣ" [196]).

Не взирая на показаніе Новгородскаго лѣтописца, что христіанское имя Мстислава было *Георгій*, а не *Өеодоръ*, Погодинъ писалъ Норову: Свидѣтельство нашего паломника вполнѣ подтверждается хранящимся въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ Мстиславовымъ Евангеліемъ, въ концѣ котораго написано: „Господи Боже отець нашихъ Авраамовъ, Исаковъ, Іяковль, и сѣмене ихъ правьдьнааго, съподобивый мя грѣшьнаго раба своего Алексу написати сіе Еуангеліе благовѣрьнуому и хрьстолюбивоому и Богомъ чьстимоому князю Өеодору, а мирьскы *Мьстиславу*, вънуку сущю Вьсеволожю, а сыну Володимирю, князю Новъгородьскуому, иже съвърши сіе Еуангеліе"... И еще въ концѣ: „О, Господи, спаси князя нашего Өеодора мънога лѣтъ, а мирьски Мьстислава". Калайдовичъ, въ своей книгѣ *Іоаннъ ексархъ Болгарскій*, указываетъ на Сербскій прологъ XIII-го вѣка, въ которомъ помѣщено житіе князя Мстислава: „Въ тъдже день (априля 15) паметь благо-

вѣрнаго кнеза Мьстислава, ему же бѣ сьдѣяно име въ светѣмь крьщеніи Теодорь"[197]).

Получивъ эти свѣдѣнія, Калачовъ писалъ Погодину: „Отъ всей археографической коммиссіи и особенно отъ А. С. Норова приношу вамъ глубочайшую благодарность за сообщенныя свѣдѣнія о князѣ Андреѣ-Мстиславѣ Всеволодовичѣ, и, согласно вашему желанію, прилагаю ниже списокъ всѣхъ князей, упоминаемыхъ въ разныхъ рукописяхъ *Хожденія* Даніила".

Съ своей стороны, А. С. Норовъ писалъ Погодину: „Примите мою *теплую благодарность* за блестящее разъясненіе генеалогіи Русскихъ князей *моего роднаго Даніила*; истинно обязали, какъ меня, такъ и археографическую коммисію! Не откажите, ваше превосходительство, просмотрѣть и исправить *редакцію примѣчанія*, при семъ прилагаемаго и относящагося къ этому мѣсту нашего знаменитаго паломника, который, при всемъ своемъ смиреніи, хотя и *хужьшій въ всѣхъ мнихѣхъ*, займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ ему чужеземныхъ паломниковъ. Доверпшвъ, съ такою любовію предпринятый вами трудъ, вы окажете намъ новое одолженіе"[198]).

Въ это время князю Мстиславу Голицыну былъ предоставленъ титулъ графа Остермана, и Погодинъ по этому поводу замѣтилъ: „Удивительное совмѣщеніе историческихъ противоположностей, которое встрѣчается только въ Русской Исторіи: Мстиславъ—княжеское имя, принадлежащее *Рюрикову* роду; Голицынъ—потомокъ Литовскаго *Гедимина*; Остерманъ—имя того пасторскаго сына изъ *Германіи*, который управлялъ долго Русскою политикой, и заключилъ при Петрѣ Ништатскій миръ, давшій намъ берега Балтійскаго моря, и утвердившій за нами Петербургъ. Припомнимъ еще, что титулъ Остермана достается Голицыну отъ Толстаго-Остермана, который *подъ Кульмомъ* останавливалъ Наполеона, и умеръ въ *Женевѣ*, оставивъ отечество"[199])!

LXVI.

Одновременно съ приготовленіемъ къ печати Путешествія игумена Даніила, А. С. Норовъ занимался изданіемъ Новаго Завѣта. Въ этомъ священномъ дѣлѣ ревностнымъ сотрудникомъ ему былъ Павелъ Ивановичь Савваитовъ. Онъ занимался подборомъ Греческихъ текстовъ къ Славянскому переводу Новаго Завѣта.

16 апрѣля 1863 года, Савваитовъ писалъ Погодину: „На шею садится, на все лѣто, Греко-Славянскій Апостолъ. Впрочемъ, вѣроятно, въ одно лѣто не справиться — работы много; а изъ-за чего? Вѣдь изданіе-то не мое, а работа моя. И знаютъ это другіе, и спасибо не скажутъ“ [200]).

Когда изданіе Норова вышло въ свѣтъ, митрополитъ Московскій Филаретъ писалъ издателю: „Получилъ я экземпляръ Евангелія на Греческомъ и Славянскомъ языкахъ,—ваше благолѣпное и полезное изданіе. Оно даетъ удобство и вразумляться въ переводѣ съ помощію подлинника, и изучать языкъ подлинника съ помощію перевода“ [201]).

16-го апрѣля 1863 года, П. И. Савваитовъ сообщилъ Погодину: „Хочется поскорѣе издать путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ (1200 г.); оно не велико, но есть въ немъ любопытныя вещи; только надобно съ примѣчаніями—непремѣнно—иначе наши ученые мужи, пожалуй, не обратятъ на него вниманія. Примѣчанія уже приготовляются. — Хотѣлось бы нынѣшнимъ лѣтомъ покончить и съ старинными царскими одеждами и вооруженіями и проч.“ [202]).

Изъ показанія самого Савваитова мы узнаемъ, что рукопись Путешествія Антонія была „подарена“ ему И. П. Сахаровымъ“ [203]).

Въ томъ письмѣ, въ которомъ Савваитовъ сообщаетъ Погодину о пріобрѣтенной рукописи, мы, между прочимъ, читаемъ: „Нѣтъ ли у васъ охотниковъ на покупку старопечатныхъ книгъ? Теперь есть у меня въ виду книгъ до тридцати, изъ

остатковъ библіотеки Сахарова. Кожанчиковъ крѣпко хлопочетъ о нихъ. Завтра я ихъ посмотрю: самъ Сахаровъ дорожилъ ими прежде; а теперь хоть бы что-нибудь доставить въ утѣшеніе бѣдной его матери. Если можете, помогите доброму дѣлу. Вѣдь Сахаровъ, право, стоитъ того; Русской онъ человѣкъ и въ свою жизнь потрудился довольно — и не безъ пользы. Теперь онъ хоть и живъ, но все равно, что не живъ" [204]).

Въ торжественномъ собраніи общества любителей Россійской словесности, 7 февраля 1864 года, Погодинъ, въ своей рѣчи, сказалъ: „Г. Савваитовъ нашелъ путешествіе новгородца Антонія въ Царьградъ (1200 г.), ближайшаго къ извѣстному паломнику Даніилу, XI-го столѣтія, который издается теперь А. С. Норовымъ, посѣтившимъ Святыя Мѣста, какъ бы по слѣдамъ древнѣйшаго Русскаго богомольца. Антоній, сообщу вамъ кстати, видѣлъ, между прочимъ, въ Царьградѣ золотое блюдо, пожертвованное Русскою Ольгою. У насъ была нелѣпая секта скептиковъ, отвергавшихъ Русскую Исторію до XII-го вѣка, секта, которая имѣла своихъ ревнителей и послѣдователей, подобно нынѣшнимъ нелѣпымъ сектамъ: что сказали бы они, услышавъ объ этомъ вновь открытомъ извѣстіи" [205])!

Въ своемъ же *обозрѣніи новыхъ ученыхъ предпріятій въ Петербургѣ*, Погодинъ писалъ: „Г. Савваитовъ принадлежитъ къ числу трудолюбивыхъ дѣятелей, но, къ сожалѣнію, онъ также развлеченъ уроками и разнородными занятіями. Теперь онъ занимается словаремъ нашихъ древностей и приготовилъ много матеріаловъ для Вологодской іерархіи. У него я видѣлъ найденное имъ путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ новгородца Антонія, который встрѣтилъ въ Константинополѣ Романовыхъ пословъ (Мстиславича), изчисляемыхъ имъ поименно, и видѣлъ въ Св. Софіи золотое блюдо Ольги Русской, когда приходила она съ данью въ Царьградъ. Въ путешествіи заключается еще нѣсколько неизвѣстныхъ подробностей XII-го вѣка" [206]).

„Савваитовъ,—писалъ Куникъ къ Погодину,—боится святыхъ отцевъ, что вы о немъ написали".

Между тѣмъ, Субботинъ писалъ Погодину: „Весьма любопытно для меня ваше извѣстіе о *найденномъ* г. Савваитовымъ путешествіи Антонія. Лѣтъ шесть тому назадъ, я усерднѣйшимъ образомъ искалъ его въ библіотекѣ Прилуцкаго монастыря, по просьбѣ А. В. Горскаго, который видѣлъ его тамъ лѣтъ двадцать назадъ. Увы, нѣкогда, всего двадцать лѣтъ тому назадъ, богатая Прилуцкая библіотека оказалась вся почти *растерянной*... Слава Богу, теперь растерянныя рукописи начинають обрѣтаться. Мы съ Александромъ Васильевичемъ были впрочемъ убѣждены, что путешествіе Антонія должно находиться именно у г. Савваитова“ [207]).

Въ 1872 году, по предложенію предсѣдателя археографической коммиссіи Павла Александровича Муханова, этотъ драгоцѣнный памятникъ нашей литературы былъ изданъ археографическою коммиссіею, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII-го столѣтія.* Съ предисловіемъ и примѣчаніями Павла Савваитова.

Въ самый разгаръ Польскаго мятежа, въ 1863 году, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой издалъ въ Парижѣ первый томъ своего сочиненія, подъ заглавіемъ: *Le Catholicisme Romain en Russie.* Представляя митрополиту Московскому Филарету свое сочиненіе, графъ Толстой писалъ: „Вашему высокопреосвященству извѣстны постоянныя, въ продолженіе 25-ти лѣтъ, дѣлаемыя Европейскою журналистикою обвиненія противъ нашего правительства о преслѣдованіи, будто бы, Римско-католической церкви въ Россіи. Обвиненія эти происходятъ частію изъ неблагонамѣренности, частію отъ незнанія дѣла, а преимущественно отъ смѣшенія разнородныхъ понятій. Европейскіе публицисты видѣли доселѣ въ дѣлѣ Латинской церкви въ Россіи одинъ только чисто-религіозный вопросъ, тогда какъ тутъ, собственно говоря, три существенно различныхъ, хотя и равно важныхъ вопроса, именно: религіозный, въ который Русское правительство не дозволяло себѣ никогда никакого вмѣшательства;—папскій вопросъ, или опредѣленіе границъ между властью

государственною и духовною властью иностраннаго государя, каковъ для Россіи папа,—и, наконецъ, въ особенности вопросъ Польскій, чисто-политическій. Отъ смѣшенія этихъ трехъ столь различныхъ по своему характеру и по своему происхожденію вопросовъ въ одинъ, будто бы, религіозный, Европейская публика пріучилась смотрѣть на дѣйствія нашего правительства по этой части, какъ на религіозныя преслѣдованія, тогда какъ онѣ были только самозащищеніемъ противъ чуждой власти и противъ враждебной намъ народности. Въ виду всѣхъ этихъ обвиненій Русское правительство молчало; молчали и Русскія частныя лица. Это побудило меня, много лѣтъ тому назадъ, приняться за основательное изученіе этого вопроса по источникамъ и выяснить дѣло въ настоящемъ его свѣтѣ на Французскомъ языкѣ, какъ на языкѣ, наиболѣе распространенномъ въ Европѣ. Представляя вашему высокопреосвященству первый томъ моего историческаго сочиненія о Римско-католической церкви въ Россіи, позволю себѣ обратить благосклонное ваше вниманіе на V и VI главы, въ которыхъ излагается ходъ постояннаго окатоличиванія, слѣдовательно, ополячиванія Литвы при Польскомъ правительствѣ“ [208]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Толстой доставилъ свою книгу и Погодину, при слѣдующемъ письмѣ: „Примите благосклонно, многоуважаемый Михаилъ Петровичъ, первый томъ моего историческаго сочиненія о Римско-католической церкви въ Россіи.— Среди данныхъ общеизвѣстныхъ, надѣюсь, вы найдете немало и такихъ, которыя были доселѣ или мало, или вовсе неизвѣстны. Главное дѣло въ томъ, что все изложено въ связи, съ спеціальною цѣлію. Вамъ излишне объяснять, почему я писалъ по Французски и издаю въ Парижѣ; прочтите V и VI главы, и вы согласитесь, что, при нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ, появленіе этой книги *именно* на Французскомъ языкѣ, и *именно* въ Парижѣ, вовсе нелишне. Очень одолжите, написавши мнѣ: какое впечатлѣніе произведетъ на васъ чтеніе этой книги. Адресъ мой: въ г. Михайловъ (Рязанской губ.), для доставленія въ с. Лѣсищи. Большую услугу

оказали бы вы моей книгѣ и, можетъ быть, самому Русскому дѣлу, написавши разборъ книги въ какомъ-либо повременномъ изданіи (разумѣется, не щадя нисколько автора). Ваше имя, ваша ученость, наконецъ симпатія, которою вы пользуетесь отъ публики, распространили бы быстро мою книгу, а съ нею, мнѣ кажется, и тѣ вѣрныя историческія истины о западной Россіи, которыя, къ сожалѣнію, весьма мало извѣстны даже и образованнымъ нашимъ соотечественникамъ“ [209]).

Исполняя желаніе графа Толстого, Погодинъ, въ своемъ *Обозрѣніи новыхъ ученыхъ предпріятій въ Петербургѣ*, писалъ: „Графъ Д. А. Толстой издалъ первый томъ большого труда, имъ предпринятаго. Этой книги не доставало въ нашей исторической литературѣ, и смѣло можно сказать, что пробѣлъ замѣщенъ теперь какъ нельзя удовлетворительнѣе. Въ особенности XVII и XVIII столѣтія отдѣланы прекрасно по источникамъ, остававшимся до сихъ поръ неприкосновенными въ архивахъ. Надо удивляться тому постоянству, съ какимъ Римская церковь, не смотря на всѣ препятствія, пробиралась въ западныя наши губерніи, какъ умѣла воспользоваться благопріятными обстоятельствами, и наконецъ водворилась тамъ окончательно. Авторъ изобразилъ это мастерски: видишь какъ будто своими глазами ея поступательное движеніе, и съ прискорбіемъ думаешь: а мы то что же дѣлаемъ въ отпоръ усиленному нападенію? Пятая глава о католизмѣ въ Литвѣ подъ Польскимъ владычествомъ, дѣйствія іезуитовъ, и шестая — обозрѣніе приходовъ Литовскихъ, должны были стоить автору большихъ трудовъ, но за то, благодаря ему, мы теперь имѣемъ въ рукахъ своихъ крѣпкое оружіе, чтобы состязаться съ противникомъ. Здѣсь встрѣчаются безпрестанно новыя свѣдѣнія, за которыя нельзя довольно благодарить автора“.

Сдѣлавъ это, такъ сказать, предисловіе, Погодинъ приступаетъ къ критическимъ замѣчаніямъ.

При „бѣгломъ чтеніи“ Погодину встрѣтилось одно мѣсто о царѣ Іоаннѣ Грозномъ (стр. 47), которое, по мнѣнію Погодина, слѣдуетъ исправить: *Іоаннъ долженъ былъ бороться съ*

боярскими родами, всегда враждебными его власти, которые, пользуясь военными неудачами, составили противъ него заговоръ, съ участіемъ старшаго его сына и наслѣдника. Но „этого извѣстія", - замѣчаетъ Погодинъ,—нѣтъ нигдѣ въ источникахъ, а предполагать его нѣтъ никакого основанія".

Также Погодинъ замѣчаетъ, что Кіевъ былъ присоединенъ къ Россіи окончательно „не въ 1686 году, какъ сказано у графа Толстого, на стр. 297, а въ 1654; былъ оставленъ за Россіею по Андрусовскому миру въ 1667 г., а въ 1686 году только вновь утверждено присоединеніе".

Далѣе, Погодинъ возражаетъ на то, что графъ Толстой ссылается на *лѣтопись Лаврентія.* „Никакого Лаврентія лѣтописателя,—пишетъ Погодинъ,—у насъ не было, а былъ только писецъ Лаврентій, и должно ссылаться на Несторову лѣтопись, или Кіевскую, или Суздальскую, переписанную Лаврентіемъ, а не на Лаврентіеву лѣтопись, выдуманную покойнымъ Бередниковымъ, по совершенному непониманію дѣла".

Воообще, замѣчаетъ Погодинъ, „первая глава слабѣе другихъ. Послѣ Римско-католическаго предложенія Владиміру святому, слѣдовало бы упомянуть о Нѣмецкомъ епископѣ Рейнбернѣ, пріѣзжавшимъ съ дочерью Болеслава, короля Польскаго, на которой женился Святополкъ Окаянный".

Сдѣлавъ еще нѣсколько замѣчаній, Погодинъ свой обзоръ сочиненія графа Толстого заключаетъ такими словами: „Книга графа Д. А. Толстого есть пріобрѣтеніе литературы, а въ наше время она получаетъ новое значеніе по обстоятельствамъ и явилась очень кстати" [210]).

LXVII.

Въ *Календарѣ* на 1864-й годъ, издаваемомъ императорской академіей наукъ, была напечатана статья Н. И. Костомарова подъ заглавіемъ: *Куликовская битва.* Приготовляя къ печати эту статью, Костомаровъ, зимою 1863 года, ѣздилъ въ Москву и тамъ посѣтилъ Погодина, который, въ *Дневникѣ* своемъ,

подъ 20 февраля 1863 года, записалъ: „Обѣдалъ Костомаровъ. Подозрителенъ, а показываетъ себя русскимъ и благонамѣреннымъ“.

Возвратясь въ Петербургъ (29 февраля 1863 года), Костомаровъ писалъ Погодину: „Я исполнилъ ваше порученіе: передалъ Оболенскому *) книги, по назначенію. По возвращеніи въ Питеръ, занялся я составленіемъ чтенія объ отношеніи Русской Исторіи къ Этнографіи, гдѣ намѣренъ изложить мысль о важности предпринять историко-этнографическое путешествіе по Россіи съ цѣлію изученія всего, что осталось отъ прошедшей жизни въ нравахъ и бытѣ настоящаго народа, и наоборотъ, съ цѣлію уразумѣнія и повѣрки прошедшаго тѣми чертами, которыя составляютъ существенные признаки настоящаго народа. Чтеніе будетъ прочитано въ географическомъ обществѣ, гдѣ теперь устроены различныя чтенія по разнымъ предметамъ знаній“ [211]).

Вскорѣ послѣ посѣщенія Костомарова, Погодинъ, 7 марта 1863 года, писалъ Максимовичу: „Я говорилъ о путешествіи для тебя, по старому плану, съ Головнинымъ и членами географическаго общества. Какъ ты думаешь? Увѣдомь“. Къ этимъ строкамъ Погодинъ, между прочимъ, прибавляетъ: „Тебѣ слѣдовало бы быть попечителемъ въ Кіевѣ или въ Харьковѣ, или Одессѣ. Твержу я при всякомъ случаѣ“ [212]).

На письмо это Максимовичъ отвѣтилъ только 28 мая. „Ты — писалъ онъ Погодину — усладилъ меня письмомъ своимъ, отъ 7 марта, и вслѣдъ затѣмъ—своимъ *Польскимъ вопросомъ*. Благодарю тебя за дружескую обо мнѣ память и заботу. Но путешествіе, которое было такъ желанно мнѣ, одинокому, за тринадцать лѣтъ, теперь уже не подъ силу. Будь у меня деньги на поѣздку, я охотно, пожалуй, покружилъ бы по всей Малороссіи, но безъ обязанности давать въ томъ отчетъ географическому обществу, а просто написалъ бы книгу моего путешествія. Въ помощники попечительскіе въ Одессу я про-

*) Князю Дмитрію Александровичу. *Н. Б.*

сился 1844 года, у Уварова, а объ ректорствѣ писалъ къ Блудову 1840 г., но грибъ съѣлъ отъ обоихъ, и съ тѣхъ поръ рѣшилъ себѣ навсегда, что я ненуженъ для подобныхъ должностей въ Русскомъ государствѣ, а теперь чувствую себя уже усталымъ и обветшалымъ. Мои сердечныя желанія — жить и дожить вѣкъ свободнымъ тружеником у васъ, въ Москвѣ, съ вами — товарищами юности моей, которыхъ уже такъ мало остается. Вотъ этому, если можно еще, поспособствуй, друже! Всесокрушающее время, въ нынѣшнюю зиму, посягнуло и на меня: началъ сѣдѣть и остался *беззубымъ* животнымъ; только въ нижней челюсти остался пятокъ, не находящій себѣ опоры въ верхней. Грустно становится житье на этомъ свѣтѣ.... Эй, поспѣшайте меня перетащить въ Москву" [213])!

Сдѣлавъ это отступленіе, возвратимся къ статьѣ Костомарова *Куликовская битва*, напечатанной въ академическомъ *Календарѣ*.

Прочитавъ эту статью, Погодинъ, возмутился духомъ, и написалъ Костомарову слѣдующее письмо:

„Во время оно, не *спросясь* броду, я сунулся въ воду, и вступилъ съ вами въ споръ въ Петербургскомъ университетѣ о происхожденіи Руси, которую вы хотѣли было приводить изъ Литвы. Я думалъ объ ученомъ вопросѣ, не принимая въ разсчетъ, ни *времени, ни мѣста, ни побочныхъ обстоятельствъ*, но объ этомъ толковать больше ужъ нечего, тѣмъ болѣе, что я долженъ обороняться отъ другого ученаго, съ артиллеріею высшаго калибра *). Съ вами хочу я поговорить теперь о вашей послѣдней статьѣ, и призвать арбитрами не избранныхъ экспертовъ, а всѣхъ читателей".

Далѣе, Погодинъ пишетъ: „Куликовская битва есть такое событіе, и Дмитрій Донской такое лицо, о которыхъ всякому надо говорить, если не съ благоговѣніемъ, то, по крайней мѣрѣ, съ большою осторожностію. Вѣдь это сокровища Русской Исторіи!

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ,

*) Гедеонова. *Н. Б.*

сказалъ поэтъ. Историкъ не можетъ такъ говорить, но онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, съ полнымъ уваженіемъ относиться къ народнымъ вѣрованіямъ и безъ сильныхъ причинъ и доказательствъ не колебать оныхъ. Вы не такъ поступили въ вашей статьѣ: слѣдуя за лѣтописями и преданіями шагъ за шагомъ, передавая часто даже сказочныя подробности, вы или опускали обстоятельства, которыя служатъ къ характеристикѣ событія, или размѣщаете ихъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и насилуете въ худую сторону, а не въ хорошую. Если правда, что le ton fait la musique, то скажу вамъ откровенно, что вашъ тонъ вообще мнѣ не нравится“.

Затѣмъ Погодинъ представляетъ доказательства своихъ положеній и вмѣстѣ причину своего *неудовольствія.*

„Димитрій сообщилъ игумену Сергію извѣстіе о грозѣ Мамаевой.

— Постарайся умилостивить его дарами, отвѣчалъ Сергій.

— Я поступилъ такъ, но это не помогаетъ“.

Такъ повѣствуетъ Костомаровъ. На это Погодинъ пишетъ:

„Вы останавливаетесь здѣсь и обращаетесь къ эпизоду о Пересвѣтѣ и Ослябѣ, а въ лѣтописи сказано, что Сергій, выслушавъ объясненіе Димитрія, тотчасъ благословилъ его на войну, и даже одобрилъ сказавъ: *аще убо тако есть, то убо ждетъ его* (Мамая) *конечное погубленіе и запустѣніе, тебѣ же отъ Господа Бога, и Пречистыя Богородицы, и святыхъ его, помощь, и милость, и слава.* Зачѣмъ же пропустили это заключеніе? Съ этимъ заключеніемъ видъ дѣла измѣняется, и Сергій является совѣтникомъ не на просьбу только, а вмѣтѣ, въ случаѣ нужды, и на войну...... Такъ точно и отпуская Пересвѣта и Ослябю, св. Сергій сказалъ: *Миръ вамъ, возлюбленныя братья Пересвѣтъ и Ослябя, пострадайте какъ доблестные воины Христовы.* Да и передъ самымъ сраженіемъ прислалъ еще утѣшительное посланіе, которое одушевило князя и всѣхъ воиновъ. Преподобный Сергій, въ Куликовской побѣдѣ, по моему мнѣнію, былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ“.

Передавая извѣстіе о бесѣдѣ Димитрія съ митрополитомъ Кипріаномъ, Костомаровъ писалъ: „Если это извѣстіе совершенно выдуманное, и тогда оно имѣетъ важное значеніе, какъ образчикъ духовной мудрости вѣка, какъ взглядъ, который дѣйствительно имѣли и могли имѣть тогда православные духовные, когда они заботились о вѣрѣ и объ исполненіи ея уставовъ болѣе, чѣмъ о земномъ Отечествѣ, входившемъ въ кругъ мірскихъ дѣлъ".

Послушайте,—что́ вы говорите?—вопрошаетъ Погодинъ Костомарова,—„вы позабываете Вассіана, который гналъ Іоанна III-го почти съ бранью на борьбу съ Ахматомъ; вы позабываете Гермогена, Іоасафа, Авраамія Палицына, которые стремились защищать Отечество, не уступая никакимъ мірянамъ полководцамъ. Таковъ былъ и святой Сергій. Вотъ чѣмъ отличается древнее Русское духовенство, и что́ историкъ долженъ имѣть въ виду".

Далѣе, Погодинъ пишетъ: „Послѣ св. Сергія и митрополита Кипріана, вы представляете Богъ знаетъ въ какомъ свѣтѣ нашего любезнаго Димитрія".

Костомаровъ писалъ: „Димитрій, по полученіи извѣстія о грозѣ Мамаевой, *оскорбѣлъ и опечалился зѣло*,—говоритъ лѣтопись, и началъ прежде всего молиться".

„Молиться, — замѣчаетъ Погодинъ, — всегда хорошо и всегда приноситъ пользу. Безъ молитвы въ древней Руси точно ничего не начиналось, а если начинается теперь, такъ вѣдь это очень нехорошо, и всякому порядочному человѣку слѣдуетъ объ этомъ скорбѣть и печалиться зѣло".

По утвержденію Костомарова, „Димитрій, какъ показываютъ всѣ дѣла его, не отличался пылкой отвагой".

„Нѣтъ,—возражаетъ Погодинъ,—всѣ дѣла его показываютъ, что онъ отличался и мужествомъ, и храбростію, и неустрашимостію. Въ Куликовской битвѣ онъ непремѣнно хотѣлъ биться, не смотря ни на какія возраженія, и бился до изнеможенія; какъ же вы назовете это не пылкою отвагою, а трусостію? Такъ и прежде, Димитрій давно уже рѣшился на

войну съ Ордою и предпринялъ нѣсколько походовъ на Татаръ".

Это положеніе свое Погодинъ доказывалъ документально.

LXVIII.

Вопреки свидѣтельствъ лѣтописцевъ, которыя привелъ въ своемъ письмѣ Погодинъ, вотъ какъ описываетъ Костомаровъ участіе Димитрія въ Куликовской битвѣ:

„Великаго князя, между простыми воинами, сбили съ коня; онъ сѣлъ на другого коня, но бросились на него четыре татарина, сбили съ коня, погнались за нимъ. Князь Новосильскій оборонялъ его. Димитрій почувствовалъ на своихъ доспѣхахъ нѣсколько ударовъ, побѣжалъ въ лѣсъ, запрятался подъ срубленное дерево, и тамъ улегся чуть не безъ чувствъ".

— Побѣжалъ, запрятался, улегся,—замѣчаетъ Погодинъ,— „послушайте, вѣдь это ни на что не похоже! О комъ вы говорите такъ? На какомъ основаніи"?

Оказывается, что Костомаровъ приведенными словами переводитъ слѣдующее мѣсто изъ Никоновской лѣтописи: И уже много отъ сановныхъ великихъ князей и бояръ и воеводъ, аки древеса кланяхуся на землю, и уже и у самого великаго князя Димитрія Ивановича съ коня збиша. Онъ же взыде паки на другій конь, Татарове же паки и съ того коня збиша его и *уязвиша зѣло.* Онъ же притруденъ велми изыде съ побоища едва въ дубраву и вниде подъ новосѣчено древо многовѣтвенно и лиственно, и ту скрывъ себя, лежаше на землѣ.

„Гдѣ же тутъ,—спрашиваетъ Погодинъ,—*побѣжалъ, запрятался, улегся?* Можно ли, позволительно ли, переводить такъ, какъ Костомаровъ"?

Представивъ въ такомъ видѣ храбрость Димитрія, Костомаровъ изображаетъ намъ его и съ нравственной стороны не въ лучшемъ, не въ привлекательнѣйшемъ видѣ.

„Кажется, что Димитрій—повѣтствуетъ Костомаровъ—нарядилъ своего боярина великимъ княземъ съ тою именно цѣлію,

чтобы сохранить себя отъ гибели и еще болѣе отъ плѣна, потому что враги Татары, узнавши великаго князя, по знамени и по приволокѣ, употребили бы всѣ усилія, чтобы захватить его. Иного побужденія быть не могло".

Согласно съ этимъ разсужденіемъ, Костомаровъ говоритъ и въ другомъ мѣстѣ, при обозрѣніи поля сраженія, что стало жалко великому князю своего боярина, котораго, какъ увѣряютъ современники, онъ любилъ, а между тѣмъ не пожалѣлъ отдать на опасность за себя самого.

Погодинъ не безъ волненія замѣчаетъ: „Обвинять или подозрѣвать такъ дерзко одно изъ самыхъ дорогихъ лицъ, и съ такимъ малымъ правомъ, неприлично степенному изслѣдователю... Тонъ, повторяю, дѣлаетъ музыку. При такомъ тонѣ нельзя давать и прочимъ словамъ Костомарова другого смысла, кромѣ ироническаго".

Въ одномъ мѣстѣ своей статьи Костомаровъ пишетъ: „Прежде Мамай далъ Тверскому князю ярлыкъ; Димитрій тотчасъ *побѣжалъ* въ Орду, просилъ, кланялся и склонилъ Татарскую власть въ свою пользу поклонами и подарками, а теперь, по такому же точно поводу, Димитрій не кланялся, не благодарилъ, а расправился самъ и отстоялъ свои права собственными силами".

— *Побѣжалъ въ Орду!*—восклицаетъ Погодинъ,—„ну не странно-ли слышать безпрестанно такія выраженія бранныя или поносныя о Димитріѣ? За что вы сердитесь на него такъ, почтенный Николай Ивановичъ? За то, что онъ возвысилъ Москву? За это мы благословляемъ его память и вамъ совѣтуемъ дѣлать тоже. Костомаровъ не любитъ Москвы. Мы допускаемъ эту антипатію. Другіе имѣютъ антипатію къ Петербургу, и проч. Не мѣсто толковать объ этихъ антипатіяхъ и ихъ источникахъ или основаніяхъ, но мы замѣтимъ только, что антипатія не должна мѣшать справедливости, особенно въ вопросѣ несложномъ, какъ Петербургскій, гдѣ замѣшалась національность и естественъ, благовиденъ раздоръ, а въ вопросѣ простомъ и ясномъ о Москвѣ... Москва есть

собирательница, спасительница Русской Земли, основательница государства въ настоящемъ смыслѣ слова. Здѣсь мѣста нѣтъ сомнѣніямъ! Москва—это Россія. Въ этомъ трудѣ спасенія, избавленія, основанія, Москва должна прибѣгать иногда къ несправедливостямъ, поступать жестоко, все это правда, мы можемъ сожалѣть о нѣкоторыхъ жертвахъ и обстоятельствахъ, и вмѣстѣ благословлять счастливое окончаніе. Злоупотребленія и насилія, въ порядкѣ человѣческихъ вещей, были вездѣ. Какое государство Европейское, не только Азіятское, основано иначе, гуманнѣе, говоря по модѣ! По этимъ причинамъ, слѣдующія слова Костомарова надо осудить совершенно: сообразно тогдашнимъ обстоятельствамъ, естественно было Олегу Рязанскому, дѣйствуя вмѣстѣ съ Мамаемъ, искать сколько возможно болѣе враждебныхъ Москвѣ силъ, чтобъ ниспровергнуть это могущество, начинавшее уже тяготѣть надъ Русью, подобно Татарскому".

Олега,—замѣчаетъ Погодинъ,—„можно, по слабости или по малодушію, себялюбію, извинять, но не оправдывать. Согласимся лучше съ словами древняго Сказанія: *Бысть же у Ольга князя Рязанскаго скудость ума во главѣ, и сатана ухищреніе вложи въ сердце его*".

Въ заключеніе Погодинъ отдаетъ справедливость таланту Костомарова. „Но довольно пишетъ онъ—порицаній и осужденій. Похвалимъ изображеніе Орды предъ ея разложеніемъ, похвалимъ описаніе начальной борьбы между Литвою и Москвою, удачное употребленіе *Сказанія* о канунѣ Куликовской битвы, о томъ какъ найденъ былъ подъ деревомъ Димитрій, и отдадимъ полную справедливость заключенію статьи, которому указанныя мною выраженія и обороты представляются яркими и непонятными противорѣчіями" [214]).

Заключеніе написано Погодинымъ, очевидно, подъ вліяніемъ слѣдующаго письма къ нему И. С. Аксакова: „Можетъ быть, вы захотите смягчить приступъ, именно то мѣсто, гдѣ вы говорите, что имѣете дѣло теперь съ врагомъ, у котораго *артиллерія высшаго калибра*, другими словами, съ врагомъ, который

почище, посильнѣе тебя, а ты вѣдь мелочь, дрянь... Чѣмъ вѣжливѣе внѣшніе пріемы, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ чувствительнѣе ударъ“.

Статья Погодина вызвала со стороны многихъ благородныя чувства.

„Истинно утѣшительно видѣть,—писалъ автору А. С. Норовъ,—теплоту сердца ученаго мужа, которую не часто находишь въ ученыхъ мужахъ“!

„Великое вамъ спасибо, — писалъ Любимовъ, — *отъ многихъ и многихъ*, что вступились за честь Димитрія Донскаго. Поступокъ Костомарова просто невыразимъ. Не знаю, что̀ происходитъ на днѣ души его, но всякій долженъ сознаться, что его статьи и дѣйствія не дышатъ любовію не только къ Москвѣ, которую онъ называетъ *вашею*, но и къ Россіи.—Хороша и наша академія наукъ, печатающая подобныя статьи, и гдѣ же?—въ *Мѣсяцесловѣ*, расходящемся по всей Россіи!.. Если бы даже *утвержденія* Костомарова были критически разслѣдованы и истина ихъ доказана, то и въ такомъ случаѣ печатаніе подобной статьи въ *Календарѣ*, какъ общенародномъ чтеніи, было бы сумасшествіе“ [215]).

LXIX.

Между тѣмъ, у двухъ историковъ завязалась полемика. Ареною ея былъ *Голосъ* Краевскаго. Костомаровъ поднялъ перчатку и отвѣчалъ Погодину:

„Съ чего это вы, многоуважаемый Михаилъ Петровичъ, вздумали писать, будто я не люблю Москвы? Увѣряю васъ, что я люблю вашу Москву и признаю за нею званіе *собирательницы земель Русскихъ и основательницы государства*. Я не могу не признавать этого, потому что это—совершившійся фактъ. Но если что дѣйствительно мнѣ антипатично, такъ это тотъ патріотизмъ, который можетъ, не краснѣя, говорить о себѣ:

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвыщающій обманъ.

Вы же сами, послѣ этихъ стиховъ, сознаетесь, что историкъ не можетъ такъ говорить. Не только историкъ, но и всякій честный человѣкъ долженъ гнушаться такими понятіями. Для чего же вы привели эти пошлые стишонки?

Если смотрѣть на сумму вѣковыхъ событій, съ ихъ послѣдствіями въ связи предыдущаго съ послѣдующимъ, въ цѣльности явленій, уже законченныхъ, то возникаетъ образъ, гдѣ мелочи стираются и остаются общія, крупныя черты. Событія, которыя прямо приводили къ послѣднимъ строкамъ Исторіи, окрашиваются такимъ блескомъ, который располагаетъ ими любоваться. Но такое созерцаніе законно только тогда, когда оно явилось вслѣдствіе научнаго анализа: въ анализѣ вся суть знанія и путь къ правильному уразумѣнію. Но, какъ только вы приступите къ анализу, тотчасъ натолкнетесь на множество черныхъ сторонъ, ошибокъ, слабостей—на все то, что неизбѣжно составляло достояніе человѣческаго несовершенства, и если вы приступили къ анализу съ патріотизмомъ, то послѣдній будетъ сильно мѣшать вамъ...

Патріотизмъ въ наукѣ Исторіи—большой недостатокъ. Вы, напротивъ, кажется, такъ за него держитесь, что готовы, въ самомъ дѣлѣ, пожертвовать для него строгостью истины. Вы признаете въ Исторіи существованіе такихъ *дорогихъ лицъ*, о которыхъ *слѣдуетъ говорить если не съ благоговѣніемъ, то съ большою осторожностію*; вы требуете, съ уваженіемъ относиться къ народнымъ вѣрованіямъ; о послѣднихъ вы говорите, что ихъ не слѣдуетъ колебать безъ сильныхъ причинъ и доказательствъ. Не понимаю, что̀ вы разумѣете подъ словомъ *причины*, ибо въ исторической наукѣ всякому подобному шагу одна причина: стремленіе къ истинѣ. Что же касается до доказательствъ, то безъ нихъ не слѣдуетъ ничего ни колебать, ни укрѣплять. Это правда. Но откровенно вамъ сознаюсь, что у меня нѣтъ такихъ дорогихъ сердцу лицъ, съ которыми я долженъ обращаться съ большею осторожностью, чѣмъ съ другими. Я думаю, что вовсе не обязанъ въ сужденіяхъ о Димитріѣ Донскомъ наблюдать болѣе осторожности, чѣмъ въ сужденіяхъ объ Ягейло или Мамаѣ,

а одинаково пользоваться, какъ для перваго, такъ и для последнихъ тѣмъ, что̀ даютъ мнѣ источники и собственная способность понимать смыслъ источниковъ. Дѣло историка не курить ѳиміамъ предъ народными кумирами, а разбивать ихъ. Народныя преданія—предметъ первой важности; но я смотрю на нихъ, какъ на факты, подлежащіе анализу и сужденію, а не какъ на святыню, до которой прикоснуться нельзя.

Какъ бы то ни было, васъ огорчило то, что изъ моего разсказа о Куликовской битвѣ Димитрій Донской показался вамъ трусомъ. Я не назвалъ его такимъ именемъ, а сказалъ только, что онъ не отличался пылкой отвагой. Вамъ бы хотѣлось, чтобъ онъ былъ богатырь, герой, исполинъ всевозможнѣйшихъ доблестей: что же? И мнѣ того же хотѣлось бы. Да нечего дѣлать, когда онъ не таковъ былъ! Вы преусердно собрали свидѣтельства о его участіи въ войнахъ; но изъ всего этого о личной его храбрости ничего вывести нельзя. Что, напримѣръ, что онъ посылалъ, въ 1377 г., войско на помощь своему тестю? Почему же вы, многоуважаемый Михаилъ Петровичъ, не привели намъ того, что̀ дѣлалось въ Москвѣ, въ августѣ 1382 года, когда на Москву напалъ Тохтамышъ? Вотъ что̀ говорится въ лѣтописи: *Князь же великій, видя многое множество безбожныхъ Татаръ, и не ста противу ихъ, на Кострому побѣжа съ княгинею и съ дѣтми.* Вы мнѣ ставили въ преступленіе слово *бѣжалъ*, сказанное о Димитріѣ, и вотъ въ лѣтописи—побѣжа. А вы такъ строго придерживаетесь лѣтописей! Въ Никоновской лѣтописи ясно намѣреніе оправдать Димитрія; тамъ говорится: *Уразумѣхъ бо въ князехъ и боярахъ своихъ, и во всѣхъ воинствахъ своихъ, разньство и распрю, еще же и оскудѣніе воинства; оскудѣ бо вся Русская Земля отъ Мамаева побоища за Дономъ и вси Русти людіе въ велицѣ страсѣ и трепетѣ быша за оскудѣніе людей.* Что же сдѣлалъ великій князь въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ? Силу *распустилъ*, Какъ же это? Оскудѣніе воинства, а было что̀ распускать? Почему же съ этой силой онъ не бился? Мало ея было? Нѣтъ. Далѣе, та же лѣтопись разсказы-

ваетъ, что когда великій князь Димитрій находился въ Костромѣ съ немногими (*не во мнозе*), въ Москвѣ защищался Литовскій князь Остей съ *множествомъ народа.* Зачѣмъ же вашъ храбрый Димитрій не раздѣлялъ опасности съ этимъ *множествомъ* народа? Зачѣмъ не погибъ на развалинахъ Москвы? А такъ ли бы поступилъ онъ, еслибъ отличался пылкой отвагой? Карамзинъ безпристрастнѣе васъ: онъ не затруднился приписать бѣгство Димитрія потери бодрости духа (V, 78).

Вотъ это-то событіе, гдѣ такъ ясно выказывается характеръ Димитрія, въ особенности подало мнѣ поводъ понимать черты Куликовской битвы такимъ способомъ, какъ вамъ не нравится.

Вы меня обвиняете за выраженія: *запрятался*, *улегся*, *чуть не безъ чувствъ.* Но въ текстѣ лѣтописи, вами же приведенномъ, стоитъ: *Скрывъ себе.* Развѣ это не то же, что запрятался? Димитрій найденъ былъ подъ недавно срубленнымъ деревомъ и лежалъ такъ, что былъ покрытъ его вѣтвями. Подъ срубленное дерево нельзя упасть: можно только залѣзть туда, улечься тамъ... Повѣрьте, Михаилъ Петровичъ, вы бы сами иначе не сказали, еслибъ этотъ человѣкъ не былъ Димитрій Донской, и правда, сказанная о немъ, не оскорбляла бы тѣхъ предразсудковъ, которыми насъ всѣхъ напичкали съ-дѣтства.

Въ доказательство храбрости Димитрія вы приводите его собственныя слова объ охотѣ биться съ Татарами. Помилуйте! Да мало ли что̀ можно говорить? Этакъ и Фальстафъ будетъ храбрецомъ! Точно также нельзя опираться на риторику лѣтописей, когда въ тѣхъ же лѣтописяхъ есть факты, противорѣчащіе риторикѣ. Черная вещь не станетъ бѣлою отъ того, что тотъ, кто передаетъ ее во всей чернотѣ, увѣряетъ, что она бѣлая.

Переряживанье на полѣ битвы я объяснялъ желаніемъ избѣжать большой опасности, неразлучной съ положеніемъ великаго князя, особенно подъ великокняжескимъ знаменемъ, которое издали виднѣлось и привлекало удары враговъ. Я ска-

залъ: иной причины быть не могло. Вы говорите: нѣтъ, могло, но объясняете это почти такъ же, какъ я... Вы несправедливо обвиняете меня, будто я сердитъ на Димитрія за то, что онъ возвысилъ Москву. Я не могу такъ ребячески обращаться съ Исторіей, чтобы *сердиться* на историческія лица. Кажется, что, по крайней мѣрѣ, при описаніи такихъ отдаленныхъ событій, какъ Куликовская битва, авторы должны быть изъяты отъ подозрѣній въ неблагонамѣренности своихъ взглядовъ... Иначе невозможно заниматься Исторіей.

Не понимаю, къ чему вы привели тираду о молитвѣ. Что Димитрій молился, я ему не ставлю этого въ вину. Согласенъ съ вами, что молиться передъ начатіемъ всякаго дѣла очень похвально, и никогда въ этомъ не сомнѣвался.

Что наше православное духовенство уклонялось отъ благословенія возстаній, хотя бы и противъ Татаръ, вамъ служатъ доказательствомъ многократныя поѣздки нашихъ митрополитовъ въ Орду и вообще добрыя отношенія съ Кипчакскимъ дворомъ митрополитовъ Петра и Алексія. Притомъ же, согласно съ кротостію православія, оно щадило кровь христіанскую и съ большою осторожностью рѣшалось благословлять ея пролитіе въ самомъ крайнемъ случаѣ, именно, когда угрожала опасность вѣрѣ, и, слѣдовательно, дѣлу спасенія паствы. Вы приводите примѣры знаменитыхъ духовныхъ Смутнаго времени. Но тогда было не возстаніе противъ признанной власти, а защита Отечества противъ иноземнаго вторженія и при томъ была очевидная опасность православію, ибо духовные наши видѣли ясно, что интрига Поляковъ ведется съ намѣреніемъ ввести католичество въ Московскомъ государствѣ. Вассіанъ подвигалъ войска противъ Ахмата въ тѣ времена, когда уже Москва значительно возвысилась, а Орда упала, и все-таки, оправдывая Іоанна тѣмъ, что онъ употребилъ всѣ мірскія средства покорности. Самъ Вассіанъ, по своему характеру, представляетъ исключеніе, ибо онъ самъ вызывался предводительствовать войскомъ противъ Татаръ, чего не говорилъ ни одинъ архіерей. Сергій, совершенно согласно духу православія, только тогда

благословилъ великаго князя Димитрія, когда узналъ, что покорность его не была принята; слѣдовательно, допускалъ возстаніе Русской Земли въ самомъ крайнемъ случаѣ. Что касается до бесѣды Димитрія съ Кипріяномъ, то я прежде васъ замѣтилъ, что это извѣстіе, можетъ быть, и выдумано, а придавалъ ему важное значеніе потому, что это образчикъ духовной философіи, сходной со многими проявленіями дѣятельности духовенства въ православной церкви.

Не понимаю, что васъ соблазняетъ разсчетъ, который я приписываю Олегу? Вы говорите: разсчетъ плохой. И я тоже повторю и прибавлю: плохъ, конечно, ибо не состоялся! Спорить намъ тутъ не изъ чего.

Вы пишете: У Костомарова есть благопріятныя выраженія для всѣхъ, кромѣ только Москвы. Вотъ какъ онъ отзывается о Литвѣ: ...*Московскій великій князь распространялъ Московское государство и уже посягалъ на то, что успѣло прежде захватить себѣ государство Литовское.*

По поводу этихъ словъ вы восклицаете:

Посягалъ! Посягаютъ на чужое, а отнять свое, Русское, что захвачено, по собственному выраженію, хотя бы и государствомъ Литовскимъ, на это есть право. Не посягаемъ ли мы теперь на западную Русь и Малороссію?..

Въ XIV вѣкѣ, Москва и Литва были въ подобномъ между собою положеніи по отношенію къ прочимъ Русскимъ землямъ. Удѣльновѣчевой строй не удовлетворялъ уже исторической жизни. Возникло разомъ два центра собранія Русскихъ земель: Москва и Литва; и та и другая должны были встрѣчать сопротивленія въ элементахъ старой жизни. Хотя Москва и была Русская Земля, но земли Суздальская, Рязанская, Тверская, Новгородская, Псковская, Смоленская, Сѣверская, будучи Русскими, не принадлежали Москвѣ; поэтому покушеніе на ихъ подчиненіе, въ XIV вѣкѣ, никакъ не можетъ назваться отнятіемъ своего. Сравненіе ваше съ правами Россіи на западную Русь и Малороссію неудачно. Западная Русь и Малороссія, въ XIX вѣкѣ, фактически принадлежатъ къ Россійской имперіи, составляютъ

части ея и признаются за нею иноземными государствами, а въ XIV вѣкѣ, Сѣверщина, Рязанщина, Смоленщина, Тверь, Суздальская Земля, Великій Новгородъ и Псковъ не были еще покорены Москвою и не составляли съ нею одного государства, а были самобытными цѣлыми, въ связи съ Москвою и между собою, на основаніи единства вѣры, племенной національности, княжескаго рода и взаимности отношеній. Поэтому слово *посягалъ*, сказанное о великомъ князѣ Московскомъ, исторически умѣстно" [216]).

Но отвѣтъ Костомарова не произвелъ желаемаго для него дѣйствія. А. С. Норовъ, прочитавъ его, писалъ Погодину: „Не могу не засвидѣтельствовать вашему превосходительству благодарности, какъ отъ Русскаго моего сердца, такъ и отъ лица предсѣдателя археографической коммиссіи за вашу прекрасную статью противу невообразимо-неприличной и превратной въ историческомъ отношеніи, статьи Костомарова, что̀ я ему и самъ выразилъ. Его возраженіе, напечатанное въ *Голосѣ*, по моему мнѣнію, усугубляетъ на него нареканіе. Онъ считаетъ, что разбилъ кумиръ, предъ которымъ курился народный ѳиміамъ, преусердно собравъ все, что можетъ набросить нѣкоторую тѣнь на доблестнаго Димитрія и отстранивъ все высокое по характеру—но все, что онъ собралъ для этой цѣли, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Даже слова̀: *побѣжа съ княгинею и дѣтьми*, этотъ добродушный слогъ нашихъ лѣтописей, возможно ли принимать буквально? Впрочемъ, когда онъ могъ въ своемъ возраженіи употребить вмѣстѣ съ именемъ Димитрія Донскаго, Фальстафа и подобныя выраженія, то можно ли отъ него ожидать настоящей оцѣнки нашихъ историческихъ знаменитостей. Жаль, очень жаль, что Костомаровъ такъ роняетъ свою ученость и свой талантъ" [217]).

LXX.

Между тѣмъ, полемика между двумя историками затянулась. Погодинъ, сравнивъ себя съ „старымъ воробьемъ“, котораго „на мякинѣ не проведешь“, заявилъ Костомарову, что онъ будетъ говорить съ нимъ „безъ обиняковъ“ и выведетъ „на чистую воду“ всякое его „прикровенное слово“.

Съ этою цѣлію Погодинъ напечаталъ въ *Голосѣ* свое возраженіе на отвѣтъ Костомарова, въ которомъ читаемъ:

Вы пишете ко мнѣ: *Увѣряю васъ, что я люблю вашу Москву, и признаю за нею званіе собирательницы земель Русскихъ и основательницы государства. Я не могу не признать этого, потому что это совершившійся фактъ.*

Вы признаете это. Я вѣрю вамъ, что признаете. Да нравится ли вамъ это? Съ удовольствіемъ ли, съ радостью ли вы это признаете? Вотъ въ чемъ дѣло! И я вамъ скажу откровенно, что вамъ это не нравится, что для васъ желательнѣе было бы, вмѣсто Москвы, видѣть X, или У, или... Потому то говорите вы даже мнѣ: *вашу* Москву, и не называете ее своею, вашею!

Но если что мнѣ дѣйствительно антипатично, — продолжаете вы, — *такъ это тотъ патріотизмъ, который можетъ, не краснѣя, говорить о себѣ:*

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Да развѣ эти стихи произнесъ патріотизмъ? Эти стихи были выраженіемъ общаго человѣческаго чувства. Я вижу, что вы не знаете этихъ стиховъ, ни ихъ цѣли, ни содержанія...

Да, слава въ прихотяхъ вольна.
Какъ огненный языкъ, она
По *избраннымъ* главамъ летаетъ;
Съ одной сегодня исчезаетъ,
И на другой уже видна.
За новизной бѣжать смиренно,
Народъ безсмысленный привыкъ,
Но *намъ ужъ то чело священно*,
Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ.

Не патріотизмъ, а общее человѣческое чувство—повторяю—выразилось этими стихами. Пушкинъ сказалъ ихъ въ отношеніи къ преданію о посѣщеніи Наполеономъ чумныхъ раненыхъ въ Яффѣ, преданію, которое *историкъ строгій*, Бурьенъ, въ его время опровергалъ.

Пошлые стишонки, какъ вы ихъ честите, принадлежатъ Пушкину. Пожалѣешь вновь и вновь, что его нѣтъ на свѣтѣ. О, какою смертоносною эпиграмою хватилъ бы онъ въ високъ иного оратора за подобныя общія мѣста о грошовомъ пристрастіи, алтынной честности и пятикопеечномъ благородствѣ, о которыхъ насвистано намъ въ послѣднее время!

Вы говорите, что у васъ нѣтъ *такихъ дорогихъ сердцу лицъ, съ которыми должны вы обращаться съ бо̀льшею осторожностью, чѣмъ съ другими... Я думаю*—заключаете вы,—*что вовсе не обязанъ въ сужденіяхъ о Димитріѣ Донскомъ наблюдать болѣе осторожности, чѣмъ въ сужденіяхъ о Ягайлѣ или Мамаѣ.*

Жалѣю я васъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, и скорблю о такомъ настроеніи души. Съ такимъ настроеніемъ совѣтую вамъ писать только объ Ягайлѣ и Мамаѣ, пожалуй, о Виговскомъ и Мазепѣ, но оставить въ покоѣ нашего Димитрія Донскаго, Александра Невскаго, Минина, Сусанина и прочія любезныя Русскія имена. Въ изцѣленіе отъ подобныхъ правилъ, молодымъ людямъ совѣтую читать и перечитывать Карамзина, который долго еще долженъ остаться нашимъ учителемъ, какъ и идеаломъ Русскаго гражданина; во всякой его строкѣ, не только страницѣ, найдется больше истиннаго понятія о чистотѣ и благородствѣ, чѣмъ во всемъ бумагомараніи послѣдней анархіи. Вотъ чему училъ насъ Карамзинъ, и что̀ я отъ души исповѣдую:

Въ Ѳукидидѣ видимъ всегда Аѳинскаго грека, въ Ливіи всегда римлянина, и плѣняемся ими и вѣримъ имъ; чувство: *мы, наше*, оживляетъ повѣствованіе—и *какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго или души слабой, несносно въ историкѣ*, такъ любовь къ Отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души.

Не только историкъ, но всякій честный человѣкъ долженъ гнушаться противоположными понятіями.

Эти слова должно произносить и повторять передъ молодымъ поколѣніемъ, которое заразилось не Русскою болѣзнію, благодаря...

Нѣтъ, почтенный Николай Ивановичъ, Мамай есть дикій звѣрь, сыроядецъ, по выраженію нашихъ лѣтописей; Ягайло — нашъ лютый врагъ, виновникъ несчастной судьбы милліоновъ Русскихъ людей, впродолженіи столѣтій; приравнять ихъ къ Димитрію Донскому, который первый поднялъ Русскій духъ и положилъ основаніе вожделѣнному освобожденію Отечества отъ Татарскаго ига — оборони Боже! Точно также я желаю всякаго благополучія Берлину и Парижу, Мексикѣ и Ріо-Жанейро, но больше ихъ люблю Москву! Все хорошее и доброе въ Русской Исторіи и Русской жизни приноситъ мнѣ удовольствіе и наслажденіе, все дурное и отрицательное причиняетъ скорбь. Скрывать или оправдывать нехорошее я не стану, но и осуждать хорошее, безъ строгой критики, считаю ученымъ преступленіемъ.

Примѣръ Хама, по гласу, дошедшему до насъ изъ глубокой древности, долженъ служить историкамъ и поучительнымъ урокомъ, и грознымъ предостереженіемъ.

Вы занимаетесь теперь, какъ вижу изъ газетъ, Ливонскою войною. Вы найдете тамъ, напримѣръ, на приказаніе Іоанна Грознаго посламъ терпѣть побои отъ Баторія. О, произнесите вашъ строгій приговоръ, осудите, какъ угодно, недостойнаго труса, который, имѣя тысячи храбраго, сильнаго, преданнаго войска, подвергалъ Русское имя такому сраму, въ очарованіи своего страха, и нашелъ въ нынѣшнее литературно-анархическое время не только защитниковъ, но даже панегиристовъ! Мой патріотизмъ не скажетъ ни слова противъ справедливыхъ вашихъ филипикъ, и готовъ присоединить свой голосъ.

Нѣтъ, Исторія не обязана разбивать кумиры, а обязана воздавать каждому свое, по закону справедливости, а не въ угоду системъ.

Я почелъ нужнымъ распространиться о тѣхъ понятіяхъ, которыми вы гнушаетесь, и которыя—виноватъ! я считаю основаніями гражданскаго воспитанія, къ несчастію, у насъ пренебреженными и даже поколебленными отъ легкомысленныхъ и опрометчивыхъ космополитовъ, и отъ несвѣдущихъ имъ покровителей и наблюдателей".

Эти разсужденія Погодина, Костомаровъ обозвалъ *учено—полицейскими*, относящимися, по его словамъ, *къ области учено—литературнаго благочинія.*

Замѣтивъ это, Костомаровъ писалъ Погодину: „Вы не вѣрите мнѣ, что я люблю вашу Москву, и думаете, что мнѣ не нравится то, что она стала основательницею государства. Вы подозрѣваете, что я желалъ бы на ея мѣстѣ видѣть X., У или.... Не знаю, чѣмъ заслужилъ я отъ васъ такое недовѣріе. Коли я говорю вамъ, что я люблю вашу Москву, такъ стало-быть люблю.

Вы написали: *потому то вы говорите даже мнѣ: я люблю вашу Москву, и не называете ее своею, нашею.*

Я выразился такъ, разумѣя городъ, гдѣ вы живете, имѣете осѣдлость, гдѣ протекла ваша ученая и гражданская дѣятельность. Въ отношеніи меня и васъ—Москва ваша, а не моя, потому что я тамъ не живу, хотя и желалъ бы этого. Для всѣхъ Русскихъ (и въ томъ числѣ для меня, какъ русскаго), разумѣется, она наша, какъ Калуга, Могилевъ, Ялта, Селенгинскъ. Кто же въ этой аксіомѣ сомнѣвался?

Вамъ не нравится, что я назвалъ плохими стишонками стихи, написанные Пушкинымъ. Что же дѣлать, коли они таковы! Они плохи по версификаціи, еще плоше по мысли. Что это такое? *низкія истины!* Развѣ истина можетъ быть низкою? Эпитетъ *низкій* пригоденъ только для лжи. Всякая истина благородна, высока, потолику, поколику она истина, какъ бы ни былъ маловаженъ предметъ, къ которому она относится. И развѣ можетъ возвышать насъ обманъ? Скажи Пушкинъ, вмѣсто обманъ, *вымыселъ*—иное дѣло; но вымыселъ не обманъ. Поэтическій вымыселъ не выдается за дѣйствительность, а если

признается за нее, то по невѣдѣнію. Обманъ—умышленная ложь, выдаваемая за истину. Обманъ никогда не можетъ насъ возвышать; напротивъ, онъ всегда гнусенъ, вреденъ, гадокъ. Жаль, что эти стихи принадлежатъ перу великаго Пушкина! Но что же дѣлать! Et bonus aliquanto dormitat Homerus! Вы говорите, что Пушкинъ *хватилъ бы смертоносно эпиграмою въ високъ иного оратора за подобныя общія мѣста о грошовомъ безпристрастіи, алтынной честности и пятикопеечномъ благородствѣ, о которыхъ насвистано намъ столько въ послѣднее время.* Поставьте копейку бѣдняка въ паралель съ стами тысячами богача—выйдетъ, что грошовое безпристрастіе лучше двухсот-тысячнаго корыстолюбія, алтынная честность—трехсот-тысячнаго продажничества и пятикопеечное благородство—милліонной подлости. Эхъ, Михайло Петровичъ, хоть бы на гроши, да на алтыны, а были такія качества въ людяхъ—и за то благодарить Бога надобно! Вы совѣтуете молодымъ людямъ читать и перечитывать Карамзина. Охотно присоединяю свой совѣтъ къ вашему. Но въ приведенныхъ вами словахъ Карамзина я вижу скорѣе оправданіе для себя, чѣмъ обвиненіе. Онъ говоритъ: *грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго или души слабой, несносно въ историкѣ.* Я высоко цѣню эти строки нашего исторіографа. Не считаю, чтобы и послѣдующія слова его были противны моему взгляду. Онъ говоритъ: *любовь къ Отечеству даетъ кисти историка жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души.* Но развѣ любовь къ Отечеству должна выражаться только въ томъ, чтобы хвалить его да пѣть ему пенегирики, да сантиментальничать съ патріотизмомъ? Вы же сами говорите: *Скрывать или оправдывать нехорошее я не стану, но и осуждать хорошее, безъ строгой критики, считаю ученымъ преступленіемъ.* Хорошо, зачѣмъ же вы сердитесь? Зачѣмъ, вмѣсто того, чтобъ спорить со мною единственно для разъясненія истины, вы сейчасъ заподозриваете меня, ищете какихъ то прикосновенныхъ мыслей... Зачѣмъ же требуете вы болѣе осторожности для однихъ лицъ, чѣмъ для другихъ? Зачѣмъ совѣтуете мнѣ писать только объ Ягайлѣ, или

о Мамаѣ, о Выговскомъ да о Мазепѣ, и запрещаете писать о Димитріѣ Донскомъ, Александрѣ Невскомъ, મининѣ, Сусанинѣ? Если вы считаете меня достойнымъ писать о лицахъ послѣдняго рода, то зачѣмъ же вамъ все равно, когда я буду писать невѣрное о другихъ? Любите вы историческую истину—любите ее равно, о комъ бы она ни произносилась. *Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ души*—совершенная правда! Но пусть же любовь историка будетъ разумной любовью. Историкъ есть вмѣстѣ и гражданинъ своего Отечества, его труды могутъ принести тогда только гражданскую пользу, когда они будутъ имѣть цѣлью не потачку національной гордости и предубѣжденіямъ, а строгую, неумолимую истину, какъ бы она ни казалась горькою для патріотическихъ чувствованій, которыя нерѣдко соединяются съ застарѣлыми предубѣжденіями національнаго чванства“ [218]).

Помогая въ то время А. Ѳ. Бычкову въ составленіи указателя къ *Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей*, я съ величайшимъ интересомъ слѣдилъ за возникшею между Погодинымъ и Костомаровымъ полемикою, и по душевной потребности написалъ Погодину (5 мая 1864 года) слѣдующее письмо: „Ваша защита нашего славнаго Димитрія не могла не возбудить полнаго сочувствія въ неравнодушныхъ къ славѣ Отечества и въ особенности тѣхъ, которые Русской Исторіи посвятили свою жизнь. Осмѣливаясь причислить себя къ числу послѣднихъ, я позволю себѣ сдѣлать одно замѣчаніе, которое вы въ пылу спора упустили изъ виду—это относительно *переодѣванья Димитрія:* Развѣ самъ Михаилъ Андреевичъ Бренко не могъ вызваться на подвигъ спасти жизнь великаго князя? Въ пользу этого мнѣнія говоритъ и то, что Бренко былъ однимъ изъ любимѣйшихъ бояръ Димитрія. Желательно, чтобы вы окончательно рѣшили этотъ вопросъ и ввели бы еще славное имя въ нашу Исторію. Мнѣ пріятно заявить вамъ, что этимъ замѣчаніемъ я обязанъ вашему противнику Н. И. Костомарову“ [219]).

LXXI.

Въ одной изъ своихъ *Замѣтокъ*, Погодинъ писалъ, что „Московскій кремль содержится хорошо“ [220]). По поводу этого замѣчанія, университетскій товарищъ Погодина, А. З. Зиновьевъ, писалъ къ нему: „Достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ (за титулъ превосходительства, за ваши доблести вамъ принадлежащій, вы гнѣваетесь). Вы говорите, что *Московскій кремль содержится хорошо.* Это, конечно, справедливо касательно statu quo. Но мнѣ представляется, что не всегда такъ хорошо кремль содержался, что наша священная зодческая древность полузарыта въ мусорѣ, который десятками лѣтъ и при великихъ разгромахъ значительно поднялъ священный кремлевскій холмъ и въ такой же мѣрѣ понизилъ основаніе соборовъ и церквей, такъ что они потеряли много изъ достоинствъ своего фасада. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя кремлевскія зданія не разъ возстановлялись; при перестройкахъ сотни тысячъ кубическихъ сажень мусору надлежало свозить дальше отъ кремля; можетъ быть, это и входило въ смѣты, но эти огромныя массы мусору разравнивались тутъ же, то есть, не на одну четверть, а можетъ статься и болѣе чѣмъ на аршинъ подняли поверхность площади. Вглядитесь внимательно и вы найдете мое замѣчаніе не неосновательнымъ. Царь-колоколъ былъ вынутъ изъ-подъ земли. Дѣйствительно, онъ, можетъ быть, отъ времени углубился въ землю; но онъ еще болѣе былъ зарытъ при перестройкахъ. Тоже можно сказать и о храмѣ Василія Блаженнаго. Если вы станете у подошвы этого храма и обратитесь лицомъ къ Воскресенскимъ воротамъ, то выпуклость Красной площади закроетъ предъ вами основаніе Воскресенскихъ воротъ, и на оборотъ, смотря отъ Воскресенскихъ воротъ къ Василію Блаженному, вы не увидите нижней части этого примѣчательнѣйшаго храма. Кремлевскія стѣны, еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ, были выше. Словомъ, если бы открыть настоящій уровень кремля, то завѣтная наша твердыня вдругъ выросла бы и

представила болѣе великолѣпнѣйшее зрѣлище. Тогда только можно было бы получить надлежащее понятіе о фасадѣ соборовъ, Ивановской колокольни и проч. Теперь нельзя судить вполнѣ о соразмѣрности ихъ частей. Мы входимъ de plain-peid въ тѣ храмы (а иногда и спускаемся), куда прежде надлежало входить, поднимаясь на нѣсколько ступеней.

Довѣрчиво сообщая вамъ свою мысль, я прошу васъ извинить мою смѣлость, если вы ее найдете нелѣпою" [221]).

Въ 1863 году, графъ А. Ѳ. Ростопчинъ издалъ въ Петербургѣ *Четыре сказанія о Лже-Димитріѣ*, извлеченныя изъ рукописей императорской публичной библіотеки. Въ предисловіи заявлено: „Весною прошлаго года, я издалъ три записки, относящіяся до временъ Самозванца. Продолжая рыться въ неисчерпаемомъ количествѣ историческихъ документовъ нашей публичной библіотеки, которые она щедро раскрываетъ всѣмъ желающимъ ими заняться, я отыскалъ еще, при помощи и указаніяхъ старшаго библіотекаря Аѳанасья Ѳедоровича Бычкова, васьма любопытные матеріалы въ рукописяхъ, о той же эпохѣ. Хотя въ нихъ нѣтъ важныхъ историческихъ указаній, но онѣ изобилуютъ подробностями, которыя рѣзко обрисовываютъ нравы нашихъ предковъ, и доказываютъ, какъ непоколебима была привязанность ихъ къ вѣрѣ и родинѣ, и отвращеніе къ чужеземцамъ. Въ этомъ смыслѣ заслуживаютъ онѣ вниманіе всѣхъ Русскихъ, занимающихся историческими изысканіями объ Отечествѣ".

Погодинъ, въ своемъ *Обозрѣніи новыхъ ученыхъ предпріятій въ Петербургѣ*, замѣтилъ: „Бычковъ содѣйствовалъ графу Ростопчину въ изданіи нѣсколькихъ сказаній о времени Самозванца, преимущественно по моимъ рукописямъ" [222]).

Самъ графъ Ростопчинъ (6 февраля 1864 года) писалъ Погодину:

„Письмо ваше, адресованное въ публичную библіотеку, я имѣлъ честь получить. Какъ, за что, и чѣмъ я васъ огорчилъ и обидѣлъ, я право совершенно позабылъ, но по долгу христіанскому и по личному къ вамъ чувству, покорнѣйше васъ

прошу, въ чемъ я передъ вами виноватъ, мнѣ простить и отпустить грѣхи молодости и пылкости, увы, дѣла давно минувшихъ лѣтъ. Что касается до меня, то, что и было у меня на сердцѣ противъ васъ, то все у меня сошло, когда я васъ увидѣлъ на могилѣ моей жены. Скоро ее, бѣдную, позабылъ свѣтъ и тотъ кружокъ литераторовъ, которыхъ она такъ радушно и такъ ласково принимала. Одну только статью возбудила ея кончина: статья, написанная м........ъ Некрасовымъ, въ въ которой онъ осмѣялъ ея стихи и оскорбилъ ее, какъ женщину. Грустно и тяжко было для меня всеобщее равнодушіе къ ея кончинѣ, и я никогда не прощу Вяземскому, что онъ не почтилъ ея могилу нѣсколькими строками".

Письмо свое графъ Ростопчинъ заключаетъ такими словами: „Приношу вамъ благодарность по поводу заимствованныхъ мною изъ вашего древлехранилища записокъ временъ Самозванца, которыя, вѣроятно, вамъ библіотека послала. Изданіе этихъ записокъ я называю подвигомъ, ибо мнѣ ужасно трудно было разбирать незнакомые для меня почерки и языкъ, въ чемъ мнѣ не случалось до тѣхъ поръ упражняться. Съ удаленіемъ Корфа изъ библіотеки, все въ ней пошло верхъ дномъ; безпорядки, воровство и грубость, замѣнили прежнее благоустройство и предупредительность. Вотъ что значитъ отсутствіе одного лишь человѣка, и это доказываетъ, что у насъ законы суть *ничто*, а если гдѣ хорошо, то все зависитъ отъ личности... На будущей недѣлѣ буду въ Москвѣ и явлюсь къ Дѣвичепольскому патріарху, за личнымъ прощеніемъ".

LXXII.

20 апрѣля 1863 года, П. А. Плетневъ обратился къ Погодину съ слѣдующимъ письмомъ: „По всеподданѣйшему докладу бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Ланского, о сооруженіи надгробнаго памятника князю Димитрію Михайловичу Пожарскому, на мѣстѣ его могилы въ Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ, между прочимъ, высочайше

повелѣно: на стѣнахъ усыпальницы князя Пожарскаго изложить церковными буквами, отлитыми на металическихъ доскахъ, краткое сказаніе о заслугахъ покойнаго.

Нынѣ вице-президентъ императорской академіи художествъ, подъ главнымъ наблюденіемъ которой производятся работы по сооруженію сего памятника, просилъ министерство внутреннихъ дѣлъ о доставленіи ему текста сказанія о заслугахъ князя Пожарскаго, для составленія шаблоновъ надписи.

Вслѣдствіе отношенія объ этомъ статсъ-секретаря Валуева, министръ народнаго просвѣщенія обратился къ его сіятельству графу Димитрію Николаевичу Блудову съ просьбою, предложить конференціи академіи наукъ, не приметъ ли кто либо изъ академиковъ на себя трудъ составленія сего текста.

Второе отдѣленіе императорской академіи наукъ, по выслушаніи предложенія о томъ, опредѣлило обратиться къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею просьбою, составить желаемый текстъ или же выписать таковой изъ памятниковъ, если въ нихъ отыщется годное для настоящаго случая краткое сказаніе о заслугахъ князя Пожарскаго. Увѣдомляя о томъ ваше превосходительство, долгомъ считаю присовокупить, что дѣло это внесено въ отдѣленіе для безотлагательнаго, съ его стороны, распоряженія“.

Погодинъ, принявъ это предложеніе, обратился въ академію наукъ съ вопросомъ: о величинѣ надписи на памятникѣ? На этотъ вопросъ отвѣчалъ И. И. Срезневскій. „По порученію Петра Александровича Плетнева, нездороваго,—онъ писалъ,— отвѣчаю, вмѣсто него, на запросъ вашъ о величинѣ надписи на памятникѣ. Мнѣ кажется, что вы сами можете опредѣлить ее по вашему разумѣнію. Сколько знаю, вамъ и не давали знать о ея величинѣ. Главное — чтобы надпись была приготовлена скорѣе. Если вы будете *въ ударѣ* и сообщите намъ нѣсколько проектовъ надписи различнаго размѣра, то изъ нихъ, одинаково достойныхъ по содержанію, легко будетъ выбрать одинъ болѣе приличный по величинѣ. Рѣшать, вѣроятно, будетъ графъ Д. Н. Блудовъ“ [223]).

Погодинъ находилъ, что въ то время, то есть, въ 1863 г., „очень кстати“ воздвигали новый памятникъ избавителю Москвы отъ Поляковъ, въ 1612 году, князю Димитрію Михайловичу Пожарскому, въ Суздалѣ, въ Спасо-Евѳиміевѣ монастырѣ.

Исполняя порученіе академіи наукъ, Погодинъ сдѣлалъ обозрѣніе всей дѣятельности князя Пожарскаго и указаніе его главныхъ заслугъ.

„Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, — повѣствуетъ Погодинъ,—изъ роду Стародубскихъ князей, потомковъ великаго князя Всеволода III-го Георгіевича, чрезъ меньшаго его сына Іоанна, родился въ 1578 году, отъ супружества князя Михаила Ѳедоровича Пожарскаго съ Маріей Ѳедоровной Беклемишевой.

При царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ, онъ значится стряпчимъ съ платьемъ и получалъ жалованья 20 рублей въ годъ.

Въ 1608 году, въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго, посланный противъ Тушинскихъ Поляковъ, угрожавшихъ Коломнѣ, разбилъ ихъ въ селѣ Высоцкомъ.

Въ 1609 году, истребилъ разбойничью шайку Салькова, въ окрестностяхъ Москвы, на берегахъ Пехорки, по Владимирской дорогѣ.

Въ 1610 году, посланный воеводою въ Зарайскъ, удержалъ городъ въ вѣрности къ царю, несмотря на усилія Тушинцевъ, и привлекъ на его сторону Коломну.

По низверженіи Шуйскаго, находился въ числѣ недовольныхъ избраніемъ Польскаго королевича Владислава, и изъ Зарайска ходилъ на помощь возставшему рязанцу Ляпунову, стѣсненному въ Пронскѣ Поляками, избавилъ его отъ плѣна, а Землю Рязанскую—отъ грабежа, въ январѣ 1611 года.

Марта 19-го, во вторникъ на Страстной недѣлѣ, во время нападенія Поляковъ, занявшихъ Москву, на жителей, бился съ врагами на Срѣтенкѣ, отразилъ ихъ и вогналъ въ Китай городъ. На другой день, построивъ острогъ на Лубянкѣ, бился опять, и изнеможенный отъ ранъ отвезенъ былъ въ Троицкій монастырь для излеченія, а оттуда въ отчину свою, село Нижній Ландехъ, въ 120 верстахъ отъ Нижняго Новгорода.

Туда, въ концѣ 1611 года, явились къ нему граждане Нижегородскіе, возбужденные рѣчами посадскаго человѣка Козмы Минина, по поводу грамотъ изъ Троицкаго монастыря, и упросили его принять начальство надъ земскимъ ополченіемъ, для освобожденія Москвы отъ Поляковъ.

Въ февралѣ 1612 года, Пожарскій и Мининъ двинулись съ полками изъ Нижняго, собирая дорогой ратныхъ людей со всѣхъ сторонъ.

Въ Ярославлѣ промедлили они долго для той же цѣли и вмѣстѣ изъ опасенія отъ смутъ и измѣнъ между ратными людьми въ Москвѣ. Князь Пожарскій погибъ было тамъ отъ руки убійцъ, подосланныхъ изъ Москвы Заруцкимъ.

14 августа, собранное ополченіе получило благословеніе въ Троицкомъ монастырѣ отъ архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына.

20-го августа, прибыло оно въ Москву и стало особымъ отъ князя Трубецкаго станомъ, у Арбатскихъ воротъ.

Въ то же время подоспѣлъ къ Полякамъ Московскимъ на помощь гетманъ Хоткевичъ.

Три дня и три ночи, не слѣзая съ коня, князь Пожарскій бился съ ними при помощи Минина и заставилъ спасаться бѣгствомъ.

22-го октября, князья Пожарскій и Трубецкой примиренные стараніями Палицына, взяли приступомъ Китай городъ.

25-го октября, Русскіе плѣнники отпущены изъ кремля, въ числѣ коихъ находились князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, Михаилъ Ѳедоровъ Романовъ съ матерью инокинею Марѳой, и проч., отдавшіеся подъ покровительство князя Пожарскаго.

26-го, сдались воеводамъ Поляки и очистили кремль.

27-го октября, послѣдовало торжественное вступленіе въ кремль, остававшійся полтора года въ рукахъ непріятеля. Король Польскій Сигизмундъ III, подошедшій изъ Смоленска на помощь къ Полякамъ въ Москву, по отраженіи отъ Волоколамскаго, былъ принужденъ удалиться въ Варшаву, въ концѣ 1612 года.

На земскомъ соборѣ, князь Пожарскій, 21-го февраля 1613 года, содѣйствовалъ избранію на Русскій престолъ Михаила Ѳедоровича Романова, племянника послѣднему царю изъ дома Рюрикова, Ѳедору Ивановичу, по его матери. Подписался подъ выборною грамотой и ѣздилъ встрѣчать новаго царя.

При царскомъ вѣнчаніи, князь Пожарскій несъ скипетръ, и во время священнослуженія берегъ весь царскій чинъ.

Въ этотъ день, 11-го іюля 1613 г., за услуги, оказанныя Отечеству, получилъ санъ боярина.

Во все продолженіе царствованія Михаилова, князь Пожарскій находился неотлучно при немъ, и былъ употребляемъ на многоразличныя службы.

На двухъ свадьбахъ царя Михаила Ѳедоровича онъ занималъ должность втораго дружки, а супруга его была свахою со стороны государевой.

1615 года, іюня 29-го, былъ отряженъ противъ Ивана Лисовскаго и разбилъ его подъ Орломъ, оказавъ великую храбрость и мужество.

Въ 1617 году, предъ грозою Владиславова нашествія, Калужане просили царя прислать къ нимъ князя Пожарскаго воеводою, и онъ, въ продолженіи осьми мѣсяцевъ, очистилъ окрестную страну отъ Поляковъ и разбойничьихъ шаекъ.

Ходилъ, по указу царскому, къ Боровску и Можайску, для помѣхи походу Владислава къ Москвѣ, и имѣлъ много сраженій и стычекъ съ непріятелемъ.

Во время приступа Владиславова, находился при царѣ.

Въ 1619 году, встрѣчалъ возвратившагося изъ плѣна отца Михаилова, митрополита Филарета.

1620—1624 г., служилъ воеводою въ Новгородѣ.

1624—1628 г., былъ начальникомъ разбойнаго приказа.

Въ 1634 году, ходилъ на помощь къ военачальнику Шеину подъ Смоленскъ.

По заключеніи мира съ Поляками, былъ начальникомъ суднаго приказа и имѣлъ титулъ намѣстника Коломенскаго.

Въ 1637 году, въ ожиданіи Крымскаго нашествія, князь

Пожарскій наблюдалъ за частію оборонительныхъ работъ въ Москвѣ.

Скончался въ 1642 году, на 64-мъ году отъ роду. Былъ въ супружествѣ два раза. Отъ перваго брака имѣлъ трехъ сыновей, которыхъ потомство по мужскому колѣну пресѣклось во второй степени".

Составивъ это обозрѣніе жизни князя Д. М. Пожарскаго, Погодинъ писалъ: „Мнѣ случилось быть недавно въ Петербургѣ, по своимъ дѣламъ. Я отыскалъ архитектора Горностаева, и, получивъ отъ него свѣдѣнія объ устройствѣ памятника, увидѣлъ, что сообщенные мною матеріалы для надписей вовсе не могутъ быть употреблены въ дѣло: надписи должны быть сдѣланы на доскахъ; такихъ досокъ или скрижалей предполагается двѣнадцать. Такъ какъ стиль памятника старый, церковный, то и надписи должны быть высѣчены церковными буквами, а церковными буквами неловко и неприлично выражать нашу настоящую рѣчь. Поддѣлываться подъ старый церковный языкъ опять неловко и затруднительно. Получивъ эти данныя отъ художника, я представилъ мнѣніе, что слѣдуетъ выбрать изъ современныхъ памятниковъ описаніе жизни князя Пожарскаго. Далѣе, надо, чтобъ обѣ надписи, какъ наружная, такъ и внутренняя, составляли каждая особое цѣлое. Наконецъ, чтобы всякая доска имѣла свой смыслъ. На основаніи этихъ соображеній, воротясь въ Москву, я принялся за новую работу, и по *лѣтописи о мятежахъ*, составилъ проектъ надписей", который Погодинъ и представилъ на обсужденіе академіи наукъ.

„Мнѣ кажется,—продолжаетъ Погодинъ,—что если гдѣ, то особенно въ дѣлѣ объ общественныхъ памятникахъ, нужно общее вниманіе и разсужденіе. Многіе изъ нашихъ памятниковъ грѣшатъ или противъ граматики, или противъ логики. Укажу на самый памятникъ, стоящій на нашей Красной площади. Онъ имѣетъ надпись: *Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россія.* Развѣ можно противопоставить гражданина князю? Князь есть также гражданинъ. Еще называть по однимъ фамиліямъ—не въ духѣ Русскаго народа".

Вотъ эти надписи, составленныя Погодинымъ:

1.

„Хощу же вамъ, братія, повѣдати... како въ дни наша видѣша очи наша и уши наша слышаша, еже о такомъ разореніи и запустѣніи царствующаго града Москвы отъ безбожныхъ Латинъ, отъ Польскихъ и Литовскихъ людей и отъ своихъ злодѣевъ измѣнниковъ и богоотступниковъ. Бысть въ лѣто 7119 (1611), во святой и великой постъ, во вторникъ, начаша выходити Поляки по пожару и по площадямъ, и первое начаша сѣчь въ Китаѣ городѣ въ рядахъ.. потомъ по Тверской улицѣ, и въ Тверскіе ворота ихъ не пропускаша, потому что быша тутъ слободы стрѣлецкія. На Срѣтенской же улицѣ, совокупишася съ пушкари, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, и начаша съ ними битися, ихъ отбиша и въ городъ втопташа, а сами поставиша острогъ у Введенія Богородицы, потомъ же пойдоша на Кулишки... Чрезъ весь день и многое время той страны прежде реченной князь Димитрій Михайловичъ Пожарской не далъ жечь и изнемогши отъ великихъ ранъ, паде на землю, и вземъ, повезоша его изъ града вонъ, къ живоначальной Троицѣ въ Сергіевъ монастырь.

2.

Во всѣхъ городѣхъ Московскаго государства слышыху такое душевредство подъ Москвою, и о томъ скорбяще и плакахуся... а помощи никто не можаху содѣяти, отъ всѣхъ же городовъ во единомъ градѣ, рекомомъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ, тѣже Нижегородцы поревноваху православной христіанской вѣрѣ, не хотяху видѣти православной христіанской вѣры въ латинствѣ, начаша мыслити, какъ бы помочь Московскому государству. Единъ же отъ нихъ нижегородецъ, имѣяше торговлю мясную, Козма Мининъ, рекомый Сухорской, возопи во всѣ люди: буде намъ похотѣть помощи Московскому государству, и то намъ не пожалѣти животовъ своихъ, и дворы своя продавати, и жены и дѣтей закладывать, и бити челомъ, чтобы

кто вступился за истинную православную вѣру, и былъ бы у насъ начальникомъ.

3.

Нижегородцамъ же всѣмъ его слово любо бысть и вздумаша послати бить челомъ къ стольнику князю Димитрію Михайловичу Пожарскому, Печерскаго архимандрита Ѳеодосія, да изо всѣхъ чиновъ лучшихъ людей. Князю Димитрію Михайловичу, въ то время бывшу у себя въ вотчинѣ лежащу отъ ранъ, отъ Нижняго стодвадцать поприщъ (въ селѣ Нижній Ландехъ). Князь Димитрій же ихъ совѣту радъ бысть и хотяше ѣхати, и писаше къ нимъ, чтобъ они выбрали у себя изъ посадскихъ людей, кому быти съ нимъ у такого великаго дѣла и казны сбирати; есть у васъ Козма Мининъ, то бывалъ человѣкъ служилой, тому то дѣло за обычай. Нижегородцы же, слышавъ такія слова, наипаче ради быша, и пріидоша въ Нижній, и возвѣстиша вся.

4.

Слышаху жъ въ городѣхъ ратные люди, что въ Нижнемъ собираются всѣ свободные чины, поидоша изо всѣхъ городовъ. Во-первыхъ пріидоша Коломничи, потомъ Рязанцы, потомъ же изъ украинскихъ городовъ многіе люди казаки, стрѣльцы, кои сидѣли на Москвѣ при царѣ Василіѣ... Въ Нижнемъ же князь Димитрій и Козма, положивше упованіе на Бога, пойдоша со всѣми людьми къ Ярославлю. Ярославцы жъ ихъ пріяша съ честью, и принесоша дары многіе; къ нимъ же начаша изъ городовъ пріѣзжати многіе ратные люди, посадскіе люди, привозити на помощь денежную казну, и хотяху идти подъ Москву; вскорѣ врагъ же, ненавидя добра роду христіанскому, и хотя тотъ сборъ благополучной разорити, вложи мысль Заруцкому и его совѣтникамъ, како бы убить въ Ярославлѣ князя Димитрія Михайловича Пожарскаго. И котораго человѣка десница Божія крыетъ, то кто его можетъ погубити?

5.

Князь Димитрій же Михайловичъ со всею ратію, прося у Бога милости и пѣвъ молебны у Всемилостиваго Спаса и Яро-

славскихъ Чудотворцевъ, и взя благословеніе у митрополита Ростовскаго Кирилла и у всѣхъ властей, пойде изъ Ярославля на очищеніе Московскаго государства. И отшедъ отъ Ярославля седмь поприщъ, ночеваша. Рать же приказа князю Ивану Андреевичу Хованскому, да Козмѣ Минину, и отпусти ихъ прямо къ Ростову; а въ городы посла сборщиковъ, велѣвъ всѣхъ ратныхъ людей сбивать въ полки, а самъ не съ великими людьми пошелъ въ Суздаль, помолитися ко Всемилостивому Спасу и Чудотворцу Евѳимію; и у родительскихъ гробовъ проститься. Изъ Суздаля пошелъ къ Ростову, и сойдя всю рать въ Ростовѣ. Изъ городовъ же многіе люди пріидоша въ Ростовъ.

6.

Князь Димитрій же Михайловичъ Пожарскій, да Козма, да съ ними вся рать пойдоша изъ Ростова въ Переславль, изъ Переславля къ Живоначальной Троицѣ. Власти же и воеводы встрѣтиша ихъ съ великою честію, и стали они у слободы Клементьевской, а къ Москвѣ не пошли, для того, чтобъ укрѣпиться съ казаками, чтобъ другъ на друга никакого зла не умышляли. Пріидоша дворяне и казаки, и возвѣстиша князю Димитрію, что гетманъ Хоткевичъ скоро будетъ подъ Москву. Князю Димитрію же не до уговору бысть съ казаками, и посла на-скоро предъ собою воеводъ и самъ пойде тогожъ дня, пѣвъ молебны, и взявъ благословеніе у архимандрита Діонисія и у всей братіи. И пришедъ подъ Москву, стояше на Яузѣ за пять верстъ. На утро же пойдоша подъ Москву. Князь Димитрій же Тимоѳѣевичъ Трубецкой, съ ратными людьми, встрѣтѣ его и зва его стояти къ себѣ въ острогъ. Онъ же ему отказа, что отнюдь съ казаками не стаивать, и пришедъ, ста у Арбатскихъ воротъ, и устави по стѣнамъ подлѣ каменнаго города и сдѣла острогъ, и окопася кругомъ рвомъ, и едва крѣпиться успѣ до гетманскаго прихода.

7.

Гетманъ, пришедъ подъ Москву (августа 21), ста на Поклонной горѣ, на утріе жъ перелѣзъ Москву рѣку подъ новымъ

Дѣвичьимъ монастыремъ, и приде близъ Чертольскихъ воротъ. Князь же Димитрій выйде противъ него. И бысть (у нихъ) бою конному съ перваго часа до осмаго, и немогуще противъ гетмана стояти конными людьми, и повелѣ сойти всей рати съ коней, и начаша биться пѣши, и едва руками не схватишеся межъ себя, едва же противъ устояша... Атаманы же Трубецкаго полка поидоша самовольно на помочь и, по милости всещедраго Бога, гетмана отбиша, и многихъ Литовскихъ людей побиша. Гетманъ же, отшедъ ста на Поклонной горѣ, а съ Поклонной перешедъ, ста у Пречистой Донской, августа въ 23 день... Бою бывшу великому съ утра до шестаго часа, яко едва самъ князь Димитрій, съ своимъ полкомъ, устоя противъ нихъ—въ тоже время прилучи быть въ полкахъ у князя Димитрія Михайловича Пожарскаго Троицкому келарю Аврааму Палицыну, который пойде въ таборы къ казакамъ, и моля ихъ, посули имъ многую казну монастырскую. Они же его послушавше, поидоша и совокупишася вмѣстѣ. И Литву побиша.

8.

Всею ратію начаша плакати и пѣти молебны, чтобъ Московское государство Богъ избавилъ отъ погибели, и обрекоша всею ратію поставити храмъ во имя Срѣтенія, Св. Іоанна Богослова, да Петра митрополита, Московскаго чудотворца. Дню бывшу близко вечера. Богъ же положи храбрость въ немощнаго, пріиде бо Козма Мининъ ко князю Димитрію Михайловичу, и, просяще у него людей. Князь же ему глаголаше: емли кого хощеши. Онъ же взя ротмистра Хмѣлевскаго, да три сотни дворянскія, и перешедъ за Москву рѣку, ста противъ Крымскаго двора. Тутъ же стояху роты Литовскія, конная да пѣшая. Козма же тѣми сотнями напусти впрямь на нихъ. Они же побѣгоша къ таборамъ Хоткѣевымъ, и рота роту смяла, пѣхота же (наша), увидя то изъ ямъ (въ засадѣ) противъ нихъ поиде тишкомъ къ таборамъ. Конные же всѣ напустиша. Гетманъ же, покинувъ многіе вожи и шатры,

побѣже изъ таборъ. На утро же побѣгоша отъ Москвы, и срамя роды свои, прямо въ Литву поидоша.

9.

Литовскимъ же людямъ въ городу бысть тѣснота великая, гладу же у нихъ бывшу великому. Октября въ 22 день поидоша приступомъ и Китай взяша и Литовскіе люди; повелѣша бояръ своихъ женъ и всякихъ людей женъ выпущати изъ города (кремля) вонъ. Князь Димитрій пойде самъ принять женъ ихъ честно. Литва, видя свое изнеможеніе и гладъ великій, начаша уговариватися, чтобъ ихъ не погубили, чтобъ идти къ князю Димитрію Михайловичу въ полкъ. И послаша по городамъ, ни единаго не убивъ и не ограбивъ ихъ. Начальники и вси людіе, видя надъ собою милость Божію, начаша думати, како бы имъ избрати государя на Московское государство праведна, чтобъ данъ былъ отъ Бога, а не отъ человѣкъ, и послаша во всѣ городы, чтобъ всѣ ѣхали на избраніе. И положися во вся люди мысль, не токмо въ вельможи или служилые люди, но и въ простые всѣ православные христіане. И возопиша вся велегласно, что любовенъ всѣмъ намъ на Московское государство Михайло Ѳедоровичъ Романовъ-Юрьевъ".

10-я надпись заключаетъ въ себѣ сокращенное обозрѣніе жизни князя Д. М. Пожарскаго [224]).

По разсмотрѣніи этихъ надписей въ академіи наукъ, Я. К. Гротъ (28 мая 1863 года) писалъ Погодину: „Вы совершенно правы въ томъ, что писали намъ о затрудненіи составить сказаніе о Пожарскомъ, для памятника его, безъ болѣе подробныхъ данныхъ. Мы остановились особенно на послѣднемъ изъ вашихъ проектовъ, какъ самомъ краткомъ, но для окончательнаго заключенія приглашаемъ въ засѣданіе довѣренное лицо изъ академіи художествъ. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать вашего отвѣта" [225]).

LXXIII.

Какъ уже было замѣчено, Погодинъ, по своимъ убѣжденіямъ, стоялъ „между Востокомъ и Западомъ, съ большимъ склоненіемъ къ Востоку". Благоговѣніе, питаемое имъ къ Петру Великому, отдаляло его отъ Московскихъ славянофиловъ. Отъ времени до времени Погодинъ любилъ возвращаться къ своему герою и посвящать ему свои трагедіи, статьи, думы. Въ іюльской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* 1863 года, онъ посвятилъ ему цѣлую статью, подъ заглавіемъ: *Петръ Первый и національное, органическое развитіе.*

„Слава,—писалъ Погодинъ,—какъ луна, имѣетъ свои фазы. Слава Петрова находится нынѣ въ ущербѣ. Многіе вновь открытые документы изъ архивовъ тайной канцеляріи, бросили, въ послѣднее время, мрачную тѣнь на его личный характеръ, а пробуждающееся народное сознаніе преисполняется въ нѣкоторыхъ негодованіемъ на него за насильственное подчиненіе Россіи иностранному, Европейскому вліянію.

Точно — есть ужасныя страницы въ *Исторіи Петра Великаго.* Я самъ изслѣдовалъ одну, и волосы часто становились у меня дыбомъ при чтеніи жестокихъ розысковъ, напримѣръ, по дѣлу царевича Алексѣя, по дѣлу царицы Евдокіи, по дѣлу стрѣльцовъ; есть возмутительныя злоупотребленія силы, напримѣръ, при основаніи Петербурга, при рытіи каналовъ, или при введеніи иностранныхъ обычаевъ и пр. Точно, по дѣламъ тайной канцеляріи Петръ является часто лицомъ, возбуждающимъ ужасъ и отвращеніе, — но развѣ всю жизнь проводилъ онъ въ селѣ Преображенскомъ и Петропавловской крѣпости? Неугодно ли безусловнымъ его обвинителямъ прогуляться по Россіи? Въ Архангельскѣ, Воронежѣ, Кронштадтѣ, Переяславлѣ, Астрахани, Нарвѣ, Азовѣ, Дербентѣ, Полтавѣ, и на всякомъ почти шагу въ Россіи, бросятся имъ въ глаза слѣды Петровой дѣятельности другаго рода".

Въ заключеніе своего предисловія, Погодинъ говоритъ:

„Нѣкоторые противники не довольствуются даже осужденіемъ Петра за его дѣйствія, но распространяютъ свое осужденіе на него и за дѣйствія его преемниковъ. Для нихъ нѣтъ ничего хорошаго въ новой Русской Исторіи, и они составляютъ противоположность съ другими судьями, которые говорятъ тоже самое, и даже съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ, о древней“.

Первый тезисъ разсужденія Погодина относится къ Европейскому вліянію, которому, со временъ Петра, подверглось „все наше бытіе, умственное и нравственное, душевное и тѣлесное, которому всѣ мы, волею и неволею, подчиняемся, и отъ котораго никто, ни на какой сторонѣ, ни на востокѣ, ни на западѣ, въ Петербургѣ и Москвѣ, Архангельскѣ и Астрахани, Смоленскѣ и Иркутскѣ, въ нашихъ собственныхъ домахъ, отрѣшиться не въ силахъ“.

Тутъ Погодинъ вспоминаетъ свою статью о Петрѣ Великомъ, написанную въ 1841 году, и которою открылся *Москвитянинъ*.

Этою выпискою Погодинъ оканчиваетъ первый свой тезисъ „о неизбѣжномъ присутствіи въ образованныхъ Русскихъ людяхъ Европейской стихіи, и о безполезности осуждать Петрову реформу“.

Второй тезисъ относится къ невозможности въ коей Россія находилась, уклоняться отъ Европейскаго вліянія. „Всѣ народы въ мірѣ,—писалъ Погодинъ,—подвергались вліянію одинъ другаго: въ древности, Греки—вліянію Египтянъ, Римляне—вліянію Грековъ, хотя Катонъ Старшій проклиналъ ихъ образованіе; а въ новомъ мірѣ вся Римская и Германская Европа подчинилась Риму, потомъ христіанству. Таковъ законъ Исторіи для всѣхъ государствъ. Мы пришли позднѣе всѣхъ, и, какъ младшіе братья, понесли сугубое и трегубое иго: Норманны, Греки, Монголы, Нѣмецкіе и прочіе выходцы, родоначальники нашихъ дворянскихъ фамилій, дѣйствовали послѣдовательно на Россію до Петра“.

Третій тезисъ имѣетъ предметомъ, такъ называемое, *естественное развитіе*. Такое *развитіе*—говоритъ Погодинъ—пре-

красно, вожделѣнно, но гдѣ же оно было въ Исторіи, полное и чистое"? Приводя въ примѣръ Новгородъ и раскольниковъ, Погодинъ приходитъ къ заключенію, что „для тучной Русской почвы нужно Европейское сѣмя, и вотъ необходимость, законность Петра"!

Четвертому тезису Погодинъ далъ слѣдующую форму: „Древней Россіи необходима была реформа, обновленіе, преобразованіе, во что бы то ни стало".—Россіи нуженъ былъ „сильный, ловкій, смѣлый операторъ; указать на другого, вмѣсто Петра I",—замѣчаетъ Погодинъ,—„едва ли кто рѣшится"!

Пятый тезисъ заключается въ томъ, что реформа началась въ Россіи задолго до Петра. „Одно сверженіе патріарха въ древней Россіи,—замѣчаетъ Погодинъ,—по какимъ бы то ни было причинамъ, служитъ яснымъ доказательствомъ, что ледъ тронулся, и наступила другая новая пора... Вслѣдъ за царемъ Алексѣемъ, при сынѣ его Ѳеодорѣ, уничтожается мѣстничество... Сжечь всѣ книги *въ совершенное проклятыхъ мѣстъ и гордости искорененіе!* Здѣсь уже слышится, чуется Петръ. А вѣдь это произошло не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, въ сѣняхъ, передъ государевою палатою"!

Далѣе, Погодинъ пишетъ: „Не только вопросъ: Польшѣ, Швеціи или Россіи принадлежитъ господство на сѣверѣ, но быть или не быть Россіи на ту пору, зависѣлъ отъ того, кто на престолѣ Русскомъ будетъ встрѣчать эту грозу, несшуюся съ запада, въ концѣ и началѣ XVIII-го столѣтія. Петръ сдѣлался не только основателемъ Русской Европейской державы, но и спасителемъ древней. Мы забыли теперь, кажется, это благодѣяніе Петра. ...Пусть скажутъ мнѣ безусловные противники Петра, кого противопоставили бы они Карлу XII-му на поляхъ Полтавскихъ?.. ...Петръ спасъ древнюю Россію, вотъ мой *шестой* тезисъ".

Седьмой тезисъ заключался въ томъ, что „для спасенія Россіи необходима была Европейская реформа".

За симъ, Погодинъ представляетъ осьмой тезисъ: Многія нововведенія Петра „не что иное, какъ древнія постановле-

нія, имѣющія глубокій корень въ Русской почвѣ, только въ новыхъ формахъ, съ новыми именами“.

„Петръ—пишетъ Погодинъ—употреблялъ насиліе, вводя свои преобразованія, и передалъ эту систему основанному имъ Петербургу. Это совершенно справедливо. Нѣтъ словъ, которыми бы можно осудить достойно такую систему, но жалобы на Петербургъ я могу найдти, выраженныя почти одинакими словами (не странно ли это?) и на Москву, въ старыхъ лѣтописяхъ. Прочіе древніе города такъ же жаловались на Москву въ ея время, какъ въ Петербургскій періодъ стали жаловаться на Петербургъ. Въ насиліи, надо признаться, Москва, въ свое время, не уступала своему преемнику Петербургу. Странное явленіе представляютъ у насъ историческіе толки: въ то время, какъ чествуется этотъ извергъ (Іоаннъ Грозный), поврежденный, мучимый какою то сверхъ-естественною жаждою крови, въ то время осуждаются мѣры Петра, устремленныя къ спасенію Отечества... Насиліе при Петрѣ только что продолжалось, а не началось. Это *девятый тезисъ*“....

Переходя къ личному характеру Петра I, Погодинъ пишетъ: „Еще Пушкинъ, начавъ заниматься собираніемъ матеріаловъ для Исторіи Петра, говорилъ мнѣ, что при ближайшемъ знакомствѣ, Петръ теряетъ, а Екатерина выигрываетъ. Положимъ, что все это такъ, но для произнесенія приговора Петру въ этомъ отношеніи надо имѣть въ виду его время, и твердо помнить Тацитово различіе между vitia hominis и vitia saeculi; надо внимательно разсматривать обстоятельства, въ какихъ Петръ дѣйствовалъ. *Это десятый тезисъ*“.

Выставивъ тезисъ *одиннадцатый*, что „за преемниковъ Петръ не отвѣчаетъ“, Погодинъ писалъ слѣдующее о, такъ называемомъ, Петербургскомъ періодѣ Русской Исторіи: „Нельзя не сознаться, что этотъ періодъ имѣетъ много блистательныхъ страницъ. Онъ можетъ выставить нѣсколько славныхъ личностей, которыя имѣютъ полное право на почетное мѣсто въ пантеонѣ Русской Исторіи. Мы припомнимъ здѣсь только, что указъ объ основаніи Московскаго университета, въ 1755 году,

послѣдовалъ изъ Петербурга, что Петербургъ возвратилъ Россіи западныя ея области, потерянныя Москвою: Бѣлоруссію, Волынь, Подолію, и часть Малоросіи, что Петербургъ пріобрѣлъ южную Новороссію съ Крымомъ, утвердилъ владычество за Кавказомъ, и въ устьѣ Амура, на берегахъ восточнаго океана, что Петербургъ провозгласилъ свободу крестьянъ, закабаленныхъ впродолженіи Московскаго періода; что Петербургу принадлежатъ: Кантемиръ, Ломоносовъ, Сумароковъ, Державинъ, Дмитріевъ, Хемницеръ, Богдановичъ, фонъ-Вязинъ, Озеровъ, Крыловъ, Пушкинъ, Лермантовъ; что въ Петербургѣ напечатана *Исторія Государства Россійскаго*. Нѣтъ, двухъ сотъ лѣтъ съ этими событіями, съ этими именами, — изъ Исторіи вычеркнуть, исключить нельзя. Петербургская система началась въ Москвѣ, и была только повершена и увѣнчана Петромъ“.

Далѣе, Погодинъ пишетъ: „Петръ Великій открылъ слишкомъ свободный доступъ иностраннымъ элементамъ: надо заботиться объ ихъ уравновѣшеніи. Увлекаемый духомъ преобразованія, онъ стеръ нѣкоторыя черты: надо стараться объ ихъ возобновленіи. Петръ уничтожилъ нѣкоторыя національныя учрежденія въ жертву необходимой для него централизаціи, — надо пещись объ ихъ возобновленіи. Вообще, поступить должно не съ голосу, не произвольно, но осторожнѣе, скромнѣе, тише, наконецъ разумнѣе, соотвѣтственнѣе съ Исторіей, съ народнымъ духомъ и характеромъ, обычаемъ, языкомъ, преданіемъ, почтительнѣе къ прошедшему, то есть, удерживая изъ Петровой реформы все дѣльное и доброе, мы должны присоединить къ тому, возстановить, все годное изъ народной жизни древней, средней и новой, сколько ея осталось или сохранилось. Вотъ и все!... Петровъ скачекъ вы осуждаете; такъ зачѣмъ же хотите скакать сами? Вѣдь это противорѣчіе! Для достиженія вышеупомянутой цѣли совѣтуютъ еще сливаться съ народомъ. Въ чемъ состоитъ оно? Отпустить бороду, надѣть зипунъ, обуться въ лапти, приняться даже за соху, ровно ничего не значитъ: отъ этого не произойдетъ никакой пользы ни для насъ, ни для народа. Мы должны изучать старину, трудиться надъ ея выра-

зумѣніемъ, присматриваться къ народу, прислушиваться, наблюдать всѣ его движенія, знакомиться со всѣми его пріемами, изучать его привычки, взгляды, и, на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, вести его дальше впередъ, учить, воспитывать, а безъ насъ онъ ничего не сдѣлаетъ".

Признавая „необходимость, законность и разумность Петровой Европейской реформы", Погодинъ „отдаетъ справедливость и древней Русской Исторіи. „Отчаянные западники— писалъ онъ—не допускаютъ ничего хорошаго въ древней Русской Исторіи, такъ какъ и вообще въ Русской жизни. Этимъ господамъ, какъ я писалъ когда-то, становится больно, дурно, тошно, если кто нибудь укажетъ тамъ добрую сторону; похвалой ей, самою частною, самою условною, наносится имъ тяжкое личное оскорбленіе; это ихъ несчастіе. Здѣсь я могу сослаться на давнишнюю свою статью, напечатанную въ началѣ войны между славянофилами и западниками. Отстаивая Петра предъ первыми, я долженъ былъ сражаться за древнею Исторію предъ послѣдними".

Разсужденіе свое Погодинъ заключаетъ „общимъ", какъ онъ выражается, „мѣстомъ": *Крайности никуда не годятся; съ западной ли стороны упасть въ пропасть или съ восточной—все равно: прямая дорога по срединѣ* [226]).

Статья Погодина произвела впечатлѣніе. М. А. Дмитріевъ (28 октября 1863 года) писалъ ему: „О Петрѣ I-мъ я прочиталъ съ большимъ вниманіемъ и даже сдѣлалъ для себя на поляхъ замѣтки. Очень хорошо, да жаль, что все вы пишете какъ-то нáскоро; и потому это, дѣйствительно, не болѣе, какъ тезисы, или планъ, по которому слѣдовало бы вамъ написать цѣлую книгу. Вы, мнѣ кажется, слишкомъ за многое и за разное принимаетесь, такъ что вамъ некогда заняться порядкомъ. Присядьте, да и напишите книгу: она останется; а эти газетные и журнальные листочки разпропадутъ и забудутся. Не сердитесь за мой совѣтъ: я, право, говорю дѣло".

„Очень *всѣ хвалятъ*—писалъ Любимовъ Погодину—вашу статью о Петрѣ, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Помогай вамъ Богъ"!

LXXIV.

17 ноября 1864 года, Куникъ писалъ Погодину: „Ваше сочиненіе о Петрѣ Великомъ, которое я уже прочелъ и которое, вѣроятно, не останется безъ успѣха, я сообщу также Устрялову, который теперь работаетъ надъ новымъ изданіемъ Алексѣя Петровича. Онъ досталъ еще нѣкоторые новые матеріалы“ [227]).

Съ своей стороны, Погодинъ, въ рѣчи, произнесенной въ публичномъ собраніи общества любителей Россійской словесности, сказалъ: „Изъ литературныхъ произведеній должно упомянуть только о IV-мъ томѣ *Исторіи Петра Великаго* Устрялова. Что бы ни было говорено объ этомъ сочиненіи, это трудъ почтенный, полезный, имѣющій полное право на признательность соотечественниковъ. Въ четвертомъ томѣ описывается шесть лѣтъ, отъ 1700 года, занимающихъ одинъ изъ труднѣйшихъ періодовъ жизни Петровой. Здѣсь начало сѣверной войны, усиліе пробраться до моря, жестокое пораженіе подъ Нарвою. Какой духъ надо было имѣть, сколько усилій надо было употребить Петру, чтобы послѣ этого несчастнаго событія, года черезъ два, завоевать Балтійское поморье, положить основаніе Петербургу и по вновь пріобрѣтенному морю пустить свой флотъ, только что наканунѣ выстроенный, устрашить Шведовъ, у которыхъ королемъ былъ Карлъ XII-й! О, какъ блѣднѣютъ передъ этими шестью годами пристрастныя и одностороннія обвиненія, сыплющіяся на Петра съ разныхъ сторонъ! Надо желать, чтобы Устряловъ докончилъ свой многотрудный памятникъ, проложилъ весь этотъ длинный путь для успѣшнѣйшихъ преемниковъ о жизни и дѣлахъ безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ Европейскихъ государя, нашего великаго Петра“ [228]).

Въ то же время Погодинъ напечаталъ два сказанія объ императорѣ Петрѣ Первомъ, написанныя имъ еще въ 1841 году.

Вотъ эти сказанія съ позднѣйшимъ предисловіемъ къ нимъ:

„Сидитъ у насъ нынѣ въ государяхъ благочестивѣйшій и

самодержавнѣйшій великій государь Александръ Николаевичъ, буди имя его благословенно во вѣки вѣковъ, за свободу имъ намъ даруемую; а прежде него сидѣлъ родитель его Николай Павловичъ, наслѣдовавшій старшему брату своему Александру Павловичу, при комъ находили на нашу святую Русь Французы и съ ними двацесять языкъ, да ушли, несолоно похлебавши. — А первымъ императоромъ былъ прапрадѣдъ ихъ съ матерней стороны—Петръ Алексѣевичъ, царствовавшій единодержавно отъ 1689 до 1725 года. Объ этомъ-то великомъ государѣ хочу я вамъ, православные, разсказать не сказку какую или побасенку, а сущую правду; а впрочемъ, дѣлалъ онъ дѣла такія, что и правда о немъ подчасъ покажется ложью.

1.

Случилось ему въ чужихъ краяхъ быть на бесѣдѣ съ двумя Нѣмецкими королями, однимъ Саксонскимъ, а другимъ Датскимъ. Вотъ Нѣмецкіе короли и расхвастались передъ нимъ: у насъ де солдаты молодцы, такіе разудалые, что смерть имъ копѣйка; такіе послушные, что на ножъ полѣзутъ, слова не скажутъ, дисциплинированные, тресированные и пуговки вычищены и головки приглажены. Нашъ Петръ Алексѣевичъ все молчалъ да слушалъ. А тѣ пуще начали чваниться и величаться: и такіе-то они и сякіе-то они.

— А ваши каковы? спросили они наконецъ, спохватясь, Русскаго царя. „Мои порядочные, отвѣчалъ онъ имъ тихимъ голосомъ, да не угодно ли вамъ, короли Нѣмецкіе, пробу учинить. Призовемте сюда всѣ по солдату и велимъ выпрыгнуть изъ окошка, кого скорѣе послушаются, у того и лучшіе воины“. Призадумались короли Нѣмецкіе, подошли къ окошку и посмотрѣли внизъ; высоко, сажени три до мостовой или больше, хоть бы и на попятную такъ въ ту же пору. Дѣлать нечего, рѣчь зашла далеко, воротиться стыдно. Хорошо, мы согласны. Такъ начинай же Датскій. Вотъ Датскій король призвалъ къ себѣ *набольшаго енарала* и пошепталъ ему что-то на ухо; тотъ позвалъ *енарала поменьше*, а этотъ еще меньше, а *маленькій*

енаралъ позвалъ полковника; полковникъ вышелъ съ приказомъ; чрезъ часъ мѣста привелъ верзилу такого, что смотрѣть шея заболитъ, а съ рожи такой, какъ будто съѣсть всѣхъ хочетъ, шапка на немъ еще выше, на шапкѣ гребень да конскій хвостъ мотается, весь въ галунахъ и позументахъ, заглядѣнье! Выбрали знать изо всей арміи самаго крѣпкаго и надежнаго. Пришелъ солдатъ, выкинулъ ружьемъ на плечо, честь отдалъ сперва своему государю, а потомъ и чужимъ и сталъ какъ струнка вытянутая, али картинка какая заморская.—Слушай, другъ мой, повелъ рѣчь Датскій король, по разнымъ обстоятельствамъ, потому и посему оказывается нужнымъ, чтобъ ты выскочилъ вотъ въ это окошко. Верзила поблѣднѣлъ. Мы надѣемся, что для блага отечества, ты примешь на себя этотъ подвигъ, за что получишь достойную награду ты и твое семейство. Ступай-же. Чтоже, пошелъ солдатъ?—какъ бы не такъ. Онъ чебурахнулся на колѣни: Ваше величество! не погубите и за какую вину? безъ вины по службѣ, у меня жена и дѣти... Но долгъ службы требуетъ... Ваше величество, дайте мнѣ хотя 24 часа на размышленіе и приготовленіе.

— Другъ мой, жертва твоя нужна сію минуту. Балбесъ залился слезами: Позвольте же мнѣ проститься съ женою и дѣтьми.—Нѣтъ, нѣтъ, сію минуту... и гренадеръ едва могъ приподняться отъ земли и дрожа какъ въ лихорадкѣ потащился онъ къ окошку, едва передвигалъ ноги.

„Полно, полно, братъ“, — сказалъ Петръ Алексѣевичъ который во все это время только что улыбался, да посмѣивался. „Видишь, съ нимъ становится дурно, и онъ упадетъ въ обморокъ, отпусти его къ женѣ и дѣтямъ“. Стыдно стало Датскому и онъ отворотился, ругая своего нѣмца на чемъ свѣтъ стоялъ. Пошелъ вонъ, закричалъ онъ на него, что есть духу. Нѣмецъ вскочилъ и побѣжалъ опрометью чуть двери лбомъ не прошибъ.

Позадумался и Саксонскій, все поглядывая въ окошко. Почуяло знать его сердце, что не быть добру и отъ его гвардіонцевъ.

„Чтоже, братъ“? спросилъ Петръ Алексѣевичъ.

— Проба слишкомъ жестокая; какъ можно требовать, чтобъ человѣкъ рѣшился броситься вдругъ ни дай, ни вынеси за что, изъ нашей забавы, на явную смерть.

„То-есть, ты на попятную, такъ я позову своего. Эй, привести перваго солдата, который попадется въ караульнѣ, сказалъ онъ своему деньщику.

Въ ту же минуту приведенъ былъ солдатишко, такъ мужиченко не корыстной, знать на бѣду попался изъ послѣднихъ. Не умѣлъ онъ порядочно и артикула выкинуть: тогда вѣдь ученье у насъ только что начиналось.

„Тимоха“!—сказалъ ему Петръ Алексѣевичъ; онъ зналъ почти всѣхъ солдатъ поименно. „Ступай, бросься скорѣй изъ окошка“.

— Слушаю, ваше величество, въ которое прикажете?

„Вотъ въ это, направо кругомъ, маршъ“! и солдатишко повернулся, маршъ-маршъ, и прямо къ окошку.

Нѣмцы ротъ разинули.

Солдатъ подходитъ, крестится, заноситъ ногу, ужъ перевѣсился, еще одинъ мигъ... но Саксонскій король схватилъ его за полу, Датскій за другую, Петръ Алексѣевичъ закричалъ: „Стой“! Нѣмцы принялись цѣловать его.

А нашему-то императору любо, словно масло по сердцу разлилось.

— Мы просимъ, ваше величество, произвесть въ унтеръофицеры этого примѣрнаго подданнаго, сказали короли въ одинъ голосъ. „Что вы, что вы“! отвѣчалъ, помирая со смѣху, Петръ Алексѣевичъ, „да этакъ придется мнѣ всю свою армію пережаловать, и у меня солдатъ не останется“.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы просимъ васъ непремѣнно! И въ ту же минуту Датской вынулъ ему изъ кармана кошелекъ съ золотомъ, и Саксонскій также, а нашъ солдатъ смотритъ имъ во всѣ глаза, и не знаетъ, что это такое передъ нимъ происходитъ, и нѣтъ-нѣтъ, а все еще посматриваетъ на своего государя, да ногу заноситъ за оконницу.

„Ступай на свое мѣсто“, сказалъ онъ наконецъ солдату, и тотъ отправился. „Спасибо“!

Вотъ какую шутку сыгралъ тогда государь нашъ Петръ Алексѣевичъ съ Нѣмецкими королями: позабыли они съ тѣхъ поръ передъ нимъ батвить и хвастаться.

2.

Случилось этому государю попасть въ бѣду великую: осмотрѣвъ свое государство зоркимъ хозяйскимъ взглядомъ, увидѣлъ онъ, что ему не достаетъ приморскаго мѣста, куда могли-бъ его подданные товары свои возить, и чужіе принимать, и съ иными краями сообщаться, и уму-разуму заморскому учиться.

Самымъ удобнымъ и сподручнымъ мѣстомъ показалась ему полоса, что̀ отъ Ладожскаго озера идетъ холстикомъ по Невѣ рѣкѣ—земля хоть тутъ и низменная, болотистая, да ему на ту пору подходящая. Но вотъ горе—была та полоса во владѣніи у Шведскаго короля, хоть, правду сказать, не искони, потому что сперва-на-перво было тутъ все наше же владѣніе. Королемъ Шведскимъ былъ тогда *паренъ* молодой, лѣтъ двадцати, но по пословицѣ: малъ да удалъ. По-добру по-здорову раздѣлаться съ нимъ было нельзя; даромъ отъ него ничего не получишь. Вотъ Петръ Алексѣевичъ и сговорился съ двумя своими пріятелями сосѣдями, о которыхъ давича я упомянулъ вамъ, Датскимъ и Саксонскимъ, пойдти на него войною, яко бы за разныя Шведскія продерзости: зачѣмъ они посольство наше не угостили, и прочее такое, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ бываетъ; ну, да не о томъ теперь рѣчь.

Напали они съ трехъ сторонъ на Шведское владѣніе: какъ упрется шведъ, разъ, два, три, какъ припуститъ на нихъ: Датчанъ разогналъ, Саксонцевъ отхлесталъ; досталось и Русскимъ подъ городомъ Нарвою, которую они осадить было собрались. Русскихъ побить было тогда немудрено: потому что солдаты были молодые, новобранные, къ войнѣ непривычные, а начальники все были наемные; они хоть и учены, да Русскаго духа не понимаютъ, такъ дѣло не ладилось. Ученье дѣло

хорошее, но одного ученья мало; нужна добрая воля, а у наемниковъ какого искать усердія и доброй воли. Притомъ первую пѣсенку зардѣвшись спѣть: войска у насъ много было перебрано въ плѣнъ, пушекъ заклепано, ружей поотнято, и остался нашъ батюшка Петръ Алексѣевичъ, какъ корабль на мели. Горько было ему провѣдать объ этомъ несчастіи, на дорогѣ къ Нарвѣ, куда онъ скакалъ было на помощь къ своему войску; горько тѣмъ болѣе, что взяться было нечѣмъ: все въ полону. Остановился онъ въ Новѣгородѣ. Сидитъ онъ въ казенномъ домѣ подъ окошкомъ, опершись головою на локоть, и думаетъ крѣпкую думу, а лице у него чернѣе земли. Такъ прохватило горе! Народъ ходитъ по улицѣ и смотритъ на своего надежу-государя: о чемъ онъ батюшка думаетъ. Проходитъ мимо кузнецъ, пьянчушка такой, что рубашки на плечахъ у него дня по три не бывало. Увидѣлъ онъ государя, и остановился, смотря ему прямо въ глаза.

„Чего тебѣ надо“? закричалъ съ сердцемъ государь.

— О чемъ ты, государь, думаешь?

„А тебѣ что за дѣло“?

— Какъ мнѣ что за дѣло? Развѣ я не русскій крещеный человѣкъ? Коли царю горе, такъ и намъ не радость.

— Ну, я думаю, гдѣ мнѣ пушекъ взять? Шведы забрали у насъ всю артиллерію“.

— Давно бы ты сказалъ, такъ я бы тебя научилъ.

„Научилъ“! закричалъ государь. „Развѣ ты знаешь, гдѣ взять пушекъ“?

— Знаю.

„Ну, поди сюда“.

И оборванный мужиченка черезъ минуту явился въ кабинетѣ царскомъ, куда доступъ былъ свободный кому угодно, лишь бы съ дѣломъ шелъ, а не съ бездѣльемъ. Государь Петръ I выслушивалъ благосклонно всякаго, будь онъ генералъ, или архіерей, или послѣдній крестьянинъ.

„Ну-ка, научи, гдѣ взять пушекъ“?

— Ваше величество, прикажите дать опохмѣлиться.

Государь приказалъ поднесть ему добрую чарку водки.

— А вотъ гдѣ: по церквамъ у насъ есть много разбитыхъ колоколовъ. Вели перетопить ихъ на пушки, а если не достанетъ, вели прихватить и цѣлыхъ лишнихъ. Какъ Богъ дастъ поправимся, такъ нальемъ ихъ еще больше, звони сколько будетъ угодно!

„Дѣло“! воскликнулъ обрадованный благимъ совѣтомъ царь. „Спасибо! Выдать десять рублей кузнецу. Я тебя не забуду. Данилычъ, вели писать указъ“.

И написаны указы и разосланы по церквамъ и собраны колокола, и перелиты въ пушки и пошли пушки стрѣлять, и Шведовъ валить на повалъ, и ворочена наша артиллерія, и налито опять колоколовъ больше прежняго, и стали они звонить неумолкно славу Божію и государеву.

Вотъ какъ пьяный кузнецъ вразумилъ великаго государя, и подалъ ему такой совѣтъ, какого не приходило въ голову ни *енараламъ*, ни министрамъ, ни прочимъ знатнымъ боярамъ, и великимъ господамъ“ [229]).

LXXV.

Графъ А. Ѳ. Растопчинъ, вспоминая публичную лекцію Погодина о судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, читанную въ Петербургѣ, 14 марта 1860 года *), писалъ къ нему (6 февраля 1864 г.): „Начавъ предъ вами высказываться, осмѣлюсь сдѣлать вамъ одинъ упрекъ. Сильно вы меня разсердили вашимъ чтеніемъ въ пассажѣ о Петрѣ Великомъ, на которомъ я присутствовалъ. Во-первыхъ, не время было, когда умы такъ сильно волновались, возбуждать этотъ вопросъ; а во вторыхъ, мнѣ кажется, что Русскіе должны только быть благодарными къ Петру за добро, которое онъ сдѣлалъ Россіи, и осуждать его въ прегрѣшеніяхъ, имѣетъ право только одинъ Богъ. Мнѣ кажется, по духу вашихъ послѣднихъ статей въ

---

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1903. XVII, 267—269.

Русском Вѣстникѣ, что вы и сами въ этомъ сознаетесь. Упрекать же Петра въ томъ, что онъ слишкомъ пристрастно вводилъ въ наше Отечество чужеземное, было бы теперь не справедливо, ибо мы довольно энергически показали всему свѣту въ единодушномъ стремленіи, что мы не онѣмечились и не офранцузились. Слушая ваше чтеніе, я невольно сожалѣлъ о нашей общей Русской привычкѣ, вѣрить иностранцамъ на слово о ихъ герояхъ, а своимъ кидать въ лицо грязь. И болѣе всего досадно мнѣ было, что говорилъ не Иванъ Ивановичъ Колбасинъ, а коренной русской,—Погодинъ. А затѣмъ кончаю эти двѣ очистительныя статьи: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ" [230]).

Между тѣмъ, одинъ изъ остававшихся, въ то время, въ живыхъ представителей Московскаго славянофильства, профессоръ Московскаго университета И. Д. Бѣляевъ, вслѣдъ за разсужденіемъ Погодина о Петрѣ Великомъ, напечаталъ въ газетѣ „славянофила по наслѣдству", И. С. Аксакова, въ *Днѣ*, статью *о Русскомъ обществѣ при Петрѣ Великомъ*, въ которой, между прочимъ, читаемъ: „Главная цѣль Петра преобразовать преданное ему общество на Европейскій манеръ, нечувствительно развить въ немъ Европейскій взглядъ на жизнь и тѣмъ отвратить отъ старой духовной трапезы, которою доселѣ питалось Русское общество. Эта прямая цѣль Петра высказалась и въ первоначальныхъ учебникахъ, изданныхъ по его приказанію. Вмѣсто прежнихъ букварей, исключительно духовно-религіознаго содержанія, въ 1717 году, въ Петербургѣ, былъ изданъ новый букварь, подъ названіемъ: *Юности Честное Зерцало*, гдѣ въ началѣ помѣщена азбука, слоги, цыфры и краткія нравоученія; за тѣмъ все остальное переводилось изъ какого нибудь Нѣмецкаго руководства и содержитъ въ себѣ правила: какъ держать себя въ обществѣ, сохранять свѣтскія приличія на Нѣмецкій ладъ и т. под. Потомъ, въ 1720 году, изданъ, по приказу государеву, еще букварь, подъ названіемъ: *Первое ученіе отрокомъ*, гдѣ, на первой же страницѣ предисловія, все старинное Русское воспитаніе людей обругано и чуть не названо

нехристіанскимъ. Этотъ новый букварь, указомъ 1723 года, повелѣно читать даже въ церквахъ по великимъ постамъ, вмѣсто твореній Ефрема Сирина и Соборника, не смотря на то, что противъ него возникла сильная полемика со стороны людей стараго Русскаго образованія".

Для введенія иностранныхъ обычаевъ въ Русскую жизнь, Петръ Великій ввелъ ассамблеи, балы, иллюминаціи, фейрверки, маскарады и другія иностранныя затѣи, и все это по приказу и правительственному распоряженію. „Характеристическою чертою всѣхъ баловъ въ Петровское время была полная свобода въ обращеніи, на Европейскій маноръ; здѣсь дозволялось все и преслѣдовалась только одна Русская чинность. На любомъ пиру начинались страшныя попойки, шумъ, драки и всякаго рода крупные разговоры; въ попойкахъ не было спуску даже знатнымъ дамамъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ и литературою, и введеніемъ разныхъ иноземныхъ обычаевъ, Петръ, къ концу своего царствованія, наконецъ достигъ того, что его избранное общество на столько усвоило себѣ иноземные обычаи, на столько преобразовалось, что многіе представители его все родное Русское считали низкимъ и подлымъ.... Презрѣніе къ своему Русскому въ Петровскомъ обществѣ дошло даже до кощунства надъ Русскою церковію".

Предисловіемъ, такъ сказать, къ разсужденію И. Д. Бѣляева о Рускомъ обществѣ при Петрѣ Великомъ, можетъ служить передовая статья И. С. Аксакова. „Ровно сто шестьдесятъ три года,—писалъ онъ,—минуло съ того перваго января, когда, при барабанномъ боѣ и пушечномъ громѣ, возвѣщено было, по указу его царскаго величества, изумленному Русскому люду—начало новаго лѣта и новаго лѣтосчисленія. При этомъ, подъ страхомъ казни, наложенъ былъ запретъ на тотъ древній порядокъ церковнаго счисленія, котораго почти семь вѣковъ сряду держалась Русь. И наступило новое лѣтосчисленіе, новое во всѣхъ смыслахъ,—не какъ простое измѣненіе календаря, но какъ новая эра, какъ начало новаго гражданскаго

бытія. Геній преобразователя, окрыленный всемогуществомъ власти, вездѣ отмѣнялъ обычный, естественный ходъ жизни, ея самобытное творчество, ея свободу, ея органическія отправленія; вездѣ, съ непоколебимою настойчивостью, ставилъ на ихъ мѣсто указъ и регламентъ, все созидалъ и воздвигалъ вновь, не оставивъ, кажется, ни одного уголка не только государственной, но общественной и даже частной жизни, который бы не былъ заклейменъ печатью его изволенія и силы. Ничто не укрылось отъ его орлинаго взора, — на все обращено зоркое вниманіе власти, все принято къ правительственному соображенію, все сведено къ единой цѣли, заданной себѣ творцемъ новой Россійской имперіи, все поступило на службу идеѣ государства, все взято въ казенное вѣдомство,—не только жизнь и достояніе людей, но и нравы,—не только моря и земли, но и парики и бороды. Конечно, громаднѣе переворота не видала Исторія. Рядомъ съ созданіемъ арміи, флота, фортецій, сената, коллегій, магистратовъ, ратушь — заказывалась наука, повелѣвалось быть искуству, поэзіи, литературѣ, предписывались уставы для общежитія, заимствованные у Голландцевъ и Нѣмцевъ, налагались, по грозной волѣ царя, правила *комплиментовъ*. — Русскіе люди, подъ страхомъ казней, учились танцамъ и фривольнымъ манерамъ, важные и сановитые бояре выдѣлывались и выколачивались въ петиметровъ... Русское общество, обритое, причесанное, одѣтое по казеннымъ образцамъ. согнано было на *ассамблеи* — привыкать къ веселымъ добрымъ нравамъ, къ которымъ относилась и выпивка знаменитаго кубка большаго орла. Если въ началѣ Русскіе люди упирались и не одна Русская боярыня, пожалованная въ новое званіе *дамы*, была, за уклоненіе отъ ассамблеи и танцевъ, принуждена выпить сей кубокъ, а иные упрямцы, за несогласіе разстаться съ бородою, разстались съ головою, — то впослѣдствіи однако старанія Петра увѣнчались полнымъ успѣхомъ и насажденія его принесли соотвѣтственный плодъ: Русское общество смирилось, отреклось отъ Русскихъ нравовъ, обычаевъ, преданій, во сколько это было возможно для природы

людей, все же Русскихъ по происхожденію, и съ покорностью двинулось по указанной ему дорогѣ, къ ассигнованному ему волею Петра идеалу. Этотъ настойчивѣйшій изъ реформаторовъ, который, по выраженію Пушкина, былъ „на тронѣ вѣчный работникъ,

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ“,

то цирюльныхъ, то галантерейныхъ дѣлъ мастеръ, — успѣлъ даже дать оффиціальную формулу выраженіямъ народной преданности и восторга (введеніемъ Венгерскаго крика *ура!*)—и вообще вдохнуть во всѣ движенія общественной жизни всемогущество *казеннаго* духа.

Подъ вліяніемъ этого духа, началось новое бытіе для Россіи; толчокъ, данный Петромъ, чувствуется и доселѣ; длань Петра еще распростерта надъ Россіей, духъ Петра предносится предъ дѣятелями, Россія продолжаетъ вращаться въ кругѣ, начертанномъ Петромъ,—другой кругъ еще не найденъ, или, по крайней мѣрѣ, еще не обозначился ясно,—хотя съ нынѣшнимъ царствованіемъ возникло движеніе, которое, можетъ быть, историкъ будетъ вправѣ назвать—*обратнымъ*“.

„Когда читаешь—продолжаетъ Аксаковъ—Исторію просвѣщенія России при Петрѣ І-мъ Пекарскаго, приходишь въ невольное изумленіе предъ тѣми настойчивыми энергическими усиліями государства: создать во что бы ни стало—штатс-просвѣщеніе, штатс-науку, штатс-искуство, штатс-журналистику, штатс-поэзію, штатс-литературу, штатс-галантерейность, штатс-нравы, штатс-нравственность“ [231]).

Статья И. Д. Бѣляева, въ которой, какъ мы видѣли, рѣзко порицались образъ жизни и преобразовательная дѣятельность Петра Великаго, обратила на себя вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева, и онъ счелъ нужнымъ, чтобы въ *Сѣверной Почтѣ* была помѣщена статья, въ которой бы опровергалось мнѣніе *Дня*.

По разсмотрѣніи статьи *Сѣверні Почты*, П. А. Валуевъ (10 марта 1864 г.) писалъ къ А. Г. Тройницкому:

„По моему мнѣнію, статья написана хорошо, но не дописана и не доработана. Не дописана,—потому что не развита главная, мною указанная мысль, что Petri gratia sumus quod sumus et ut sumus. Это сказано, но не развито.—Напримѣръ, нѣтъ ни слова о томъ, что Петръ вывелъ женщинъ изъ теремовъ и тѣмъ создалъ у насъ семью и ввелъ насъ въ христіанскій Европейскій міръ.—Пушкинъ сказалъ, что Петръ Великій на берегахъ Невы *прорубилъ окно въ Европу.*—Настоящее окно прорублено въ теремахъ. Вся цивилизація немыслима безъ женскаго элемента; вся гражданственность невозможна безъ материнскаго элемента.—Далѣе, нѣтъ взгляда на нынѣшній составъ Россіи, на ея историческое призваніе агломераціи элементовъ чуждыхъ (sine qua non территоріальнаго величія),—и на невозможность исполненія этого призванія безъ сближенія съ Европою.—Нѣтъ сравненія (и патетичнаго) судебъ нашихъ съ тѣми судьбами, которыя постигли бы насъ, когда бы не было Петра.—Нѣтъ указанія на явно провиденціальное значеніе Петра въ нашей Исторіи, и т. п. Недоработана,—потому что мало рельефностей, которыя, при подобномъ тезисѣ, нетрудны, нѣтъ point d'orgue въ концѣ, хотя явно неудобно кончить подобную статью выпискою; даже не выставлены guillemets съ боку, чтобы яснѣе обозначить что́ взято изъ *Вѣсти*“ [232]).

LXXVI.

Въ 1863 году, Погодинъ издалъ вторую часть Сочиненій Ивана Посошкова, въ которой заключается вновь найденное тогда Погодинымъ сочиненіе Посошкова, подъ заглавіемъ: *Зерцало безъименнаго творца, на раскольниковъ обличеніе.*

Эту вторую часть Погодинъ посвятилъ *кремлевскимъ совопросникамъ.*

Еще въ 1840 году, счастливый случай доставилъ Погодину рукописную книгу, заключавшую въ себѣ сочиненіе Посошкова *О Скудости и о Богатствѣ*; а когда, въ 1842 году, онъ напечаталъ это сочиненіе въ первомъ томѣ *Сочиненій Ивана*

Посошкова, то, по свидѣтельству самого Погодина, книга эта была „встрѣчена сомнѣніями, отрицаніями и насмѣшками. Самое существованіе Посошкова было заподозрѣно. Литературные враги Погодина распустили слухъ, что Посошкова никогда не существовало, что подъ именемъ Посошкова писалъ какой-то вельможа временъ Елисаветы или Екатерины, и этотъ слухъ довели до тогдашняго министра народнаго просвѣщенія Уварова“.

Между тѣмъ, Погодинъ „пристрастился къ Посошкову, и старался всѣми силами отыскивать свѣдѣнія объ его жизни, просилъ своихъ знакомыхъ, начальниковъ архивовъ, охотниковъ, занимающихся стариною, писалъ въ разные города, — и долгое время по напрасну“. Погодинъ терялъ всякую надежду узнать что-нибудь болѣе о своемъ героѣ [233]). Но черезъ десять лѣтъ, послѣ изданія книги въ 1842 году, начались, одно за другимъ, открытія... П. И. Ивановъ, И. К. Купріяновъ, К. С. Аксаковъ, Н. Г. Устряловъ, Г. В. Есиповъ, С. М. Соловьевъ, Ю. Ѳ. Самаринъ и П. П. Пекарскій, сообщили печатно и письменно найденныя ими любопытныя свѣдѣнія.

Прежде всего самое существованіе Посошкова утвердилось положительно, и вотъ по какому случаю: „Въ пятидесятыхъ годахъ, — разсказываетъ Погодинъ, — профессоръ Устряловъ пріѣхалъ въ Москву, за матеріалами для Исторіи Петра Великаго, посѣтилъ меня, и просилъ показать ему, что̀ имѣю для его предмета. Я началъ вынимать изъ шкаповъ всѣ свои рукописи. Чередъ дошелъ до тетрадки въ восьмушку на простой сѣрой бумагѣ, залючающей въ себѣ донесеніе боярину Ѳ. А. Головину, о ратномъ поведеніи. Ба! воскликнулъ Устряловъ. Это рука Головина, — и показалъ мнѣ помѣтку на тетрадкѣ: *подалъ Посошковъ въ 1701 году.* Я такъ и обмеръ отъ радости. Мы удостовѣрились такимъ образомъ, что это есть подлинное донесеніе Посошкова, поднесенное Головину, имъ принятое и помѣченное“.

При этомъ Погодинъ замѣчаетъ, что „при собираніи древностей и достопримѣчательностей Русскихъ, я пользовался какимъ-то особеннымъ, спеціальнымъ счастіемъ: ну какъ безъ

такого счастья могла бы, въ продолженіи ста слишкомъ лѣтъ, сохраниться маленькая тетрадка *безъ переплета,* ветхая, на простой дряблой бумагѣ, не интереснаго вообще содержанія, и попасться именно мнѣ въ руки? И принесъ мнѣ ее, я помню, не букинистъ, не записной антикварій, а такъ, какой-то прохожій, и я, взглянувъ мелькомъ, между другими рукописями, на тетрадку, не подорожилъ ею, потому что она заключала извѣстное, печатное сочиненіе, а взялъ такъ, для стараго почерка, за рубль, кажется, серебромъ. И лежала она у меня лѣтъ десять, въ небреженіи, какъ вдругъ случайно оказалось, что это есть драгоцѣннѣйшій автографъ".

Пользуясь вновь открытыми о Посошковѣ источниками, Погодинъ, въ 1863 году, въ *Русскомъ Вѣстникѣ,* напечаталъ статью подъ заглавіемъ: *Посошковъ, по вновь открытымъ документамъ.*

Благодаря этимъ документамъ, происхожденіе Посошкова и первое появленіе его на поприщѣ гражданской жизни получило нѣкоторыя поясненія.

Въ донесеніи митрополиту Стефану Яворскому, Посошковъ называлъ себя крестьяниномъ села Покровскаго. По мнѣнію Погодина, это Покровское вѣрно есть то Покровское, которое, подъ этимъ именемъ, „составляетъ нынѣ часть Москвы, называлось прежде Рубцовымъ, и принадлежало царю Михаилу Ѳеодоровичу. Объ немъ есть еще и пѣсня, до сихъ поръ поемая:

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой".

Изъ одного документа Погодинъ узналъ гдѣ и жилъ Посошковъ въ Москвѣ, а именно въ своемъ „родовомъ домѣ", за Яузою, въ приходѣ Николая чудотворца въ Котельникахъ. Домъ этотъ принадлежалъ дѣду Посошкова съ матерней стороны.

„Первое появленіе Посошкова,—пишетъ Погодинъ,—было вотъ какое: По вступленіи въ управленіе Петра I-го, при всеобщемъ неудовольствіи на молодого царя, за его якшанье съ

Нѣмцами и прочими иноземцами, за его военныя потѣхи, стоившія многимъ жизни, вообще за его разгульную жизнь, угрожавшую Отечеству бѣдствіями, строитель Московскаго Андреевскаго монастыря Авраамій, бывшій прежде келаремъ въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, подалъ царю, въ 1697 году, записку о гибельномъ положеніи Отечества. Царь вознегодавалъ; Авраамій былъ посаженъ въ темницу и преданъ пыткѣ. Его допрашивали объ его знакомыхъ. Онъ объявилъ, что друзья ему и хлѣбоядцы давніе—подъячій Креневъ, Бубновъ, Рудневъ и крестьяне села Покровскаго Ивашко и Ромашко Посошковы. Вотъ гдѣ и какъ въ первый разъ встрѣчается имя Посошкова—въ тюрьмѣ; въ тюрьмѣ встрѣчается оно, по остроумному замѣчанію Брикнера, и въ послѣдній разъ, при смерти, а въ промежуткѣ сіяетъ книга о *Скудости и Богатствѣ!* Посошковъ отвѣчалъ по слѣдствію. что Авраамій „знакомецъ ему учинился третій годъ; призвалъ онъ его, Ивашку, къ себѣ для дѣла какого-то станка, который дѣлалъ на образецъ въ подносъ къ великому государю, и онъ, Ивашко, никакихъ словъ, что въ тетрадяхъ написано, не говаривалъ". Авраамій объявилъ, что Посошковъ, дѣйствительно, ничего не говорилъ, вслѣдствіе чего Посошковъ избѣгнулъ наказанія, постигшаго его знакомыхъ".

Покойный К. С. Аксаковъ доставилъ Погодину слѣдующую выписку, попавшуюся ему въ *Полномъ Собраніи Законовъ*: Въ докладныхъ пунктахъ князя Меншикова, съ высочайшими резолюціями, 21 марта 1708 года напечатано: „Для строенія въ С.-Петербургѣ и въ прочихъ Ингерманландской губерніи городахъ водокъ, желаетъ служить изъ жалованья, изъ Москвичь Иванъ Посошковъ, который до нынѣшняго года былъ у такого водочнаго строенія въ Москвѣ, на Каменномъ мосту, а нынѣ свободенъ: онаго брать ли"?

Резолюція: „Посошковъ приличился въ ратушѣ въ воровствѣ: того ради выбрать къ тому инаго, кого пристойно".

„Это мѣсто, — замѣчаетъ Погодинъ, — также доказываетъ рѣшительно историческое существованіе Посошкова, но долго

колебался я оглашать его, чтобъ не бросить на любезное для меня имя Посошкова такой темной тѣни, можетъ быть, по напрасну. Я объяснялъ себѣ резолюцію навѣтами зложелательныхъ лицъ, которыхъ всегда бываетъ много, которые терпѣть не могутъ такъ называемыхъ ими выскочекъ, и стараются вредить имъ на всѣхъ путяхъ ихъ. Я припомнилъ себѣ жалобы Посошкова на временщиковъ. Съ другой стороны, такой обвинитель, такой судія, какъ Петръ I, имѣлъ полное право на довѣріе. Не можетъ быть, чтобъ онъ безъ достаточной причины отвергнулъ способнаго и умнаго человѣка, и не разузналъ дѣла,—я и оставался въ тягостномъ недоумѣніи".

Черезъ нѣсколько уже лѣтъ *Исторія Петра I-го* Устрялова вывела Погодина изъ „тягостнаго недоумѣнія". Резолюцію, столь „смущавшую" Погодина, наложилъ не Петръ I, а Меньшиковъ, которому представлялъ Посошкова Московскій ландрихтеръ Корсаковъ.

Устряловъ ссылается на подлинные докладные пункты ландрихтера Корсакова, рѣшенные княземъ Меньшиковымъ въ Могилевѣ, 2 марта 1708 года. Хранятся въ сенатскомъ архивѣ.

„Видъ дѣла,—пишетъ Погодинъ,—измѣняется: къ безпристрастію Меньшикова можно не имѣть такой довѣренности, какъ къ Петру I: самъ онъ былъ на руку не чистъ; при томъ могъ не любить Посошкова, какъ человѣка безпокойнаго, за его проэкты, которыми, можетъ-быть, былъ задѣваемъ, или вслѣдствіе какихъ-нибудь столкновеній; можетъ-быть, не хотѣлъ допустить его до встрѣчи съ Петромъ I въ Петербургѣ, и пр. Есиповъ предполагаетъ также нерасположеніе Меньшикова къ Посошкову. Наконецъ, въ отстраненіе обвиненія Меньшикова, можно привести то, что Посошковъ былъ вскорѣ опредѣленъ на службу, и по документамъ оказывается въ Новѣгородѣ водочныхъ дѣлъ мастеромъ, въ 1710 г., гдѣ съ тѣхъ поръ даже не былъ считанъ цѣлыя шестнадцать лѣтъ".

„Касательно добрыхъ качествъ Посошкова, замѣчаетъ Погодинъ,—нашелся свидѣтель благонадежный, Новгородскій митрополитъ Іовъ" [234]).

Въ книжкѣ И. С. Бѣляева о *Посошковѣ*, мы прочли: „Кромѣ успѣха въ Новгородѣ въ торговыхъ дѣлахъ, Посошкова привязывало здѣсь и другое обстоятельство: въ Новгородѣ, при архіерейскомъ домѣ, была Славяно-Греческая школа, и любознательный Посошковъ постарался, конечно, какъ можно ближе, стать къ этому заведенію, а черезъ то познакомиться съ Новгородскимъ митрополитомъ Іовомъ. Сношенія Посошкова съ святителемъ Димитріемъ Ростовскимъ были еще свѣжи въ памяти; Посошковъ, какъ видно, сталъ въ подобныя же отношенія и къ Новгородскому владыкѣ, который *много разглагольствовалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ*“ [235]).

Погодинъ приводитъ письмо митрополита Іова (24 февраля 1713 года) къ князю Я. Ѳ. Долгорукову, въ которомъ владыка просит „о явленіи милости къ вручителю писанія господину Посошкову въ требованіяхъ его“.

По поводу этого письма Погодинъ замѣчаетъ: „Іовъ, сколько мы его знаемъ, былъ человѣкъ въ высшей степени досточтенный: онъ не сталъ бы похвалять человѣка сомнительной нравственности, и кому? Князю Якову Ѳедоровичу Долгорукову! Да и Посошковъ, зная за собою что-либо нехорошее, не осмѣлился бы искать случаевъ, чтобъ представиться къ такому строгому блюстителю справедливости, какъ князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ“.

LXXVII.

Открытое Погодинымъ, и напечатанное въ 1863 году, новое сочиненіе Посошкова, — *Зерцало безъименнаго творца, на раскольниковъ обличеніе*, по словамъ Погодина, „въ духовно-церковномъ отношеніи, для своего времени, имѣло такое же великое значеніе, какъ въ правительственно-гражданскомъ — *О Скудости и Богатствѣ*. Тамъ говорилъ ревностный гражданинъ, здѣсь—православный христіанинъ“ [236]).

Это сочиненіе Посошкова было извѣстно святителю Ростовскому Димитрію. Возвращая его Московскимъ справщикамъ,

святитель Ростовскій писалъ: „Книжицу безъименнаго творца, именуемую *Зеркало*, отъ честности твоей къ намъ присланную, выслушавъ и преписати повелѣвъ, возвращаю паки вашей честности. А книжица та воистину благопотребна, великое раскольникомъ обличеніе и постыжденіе. Прошу честности твоей возвѣстити мнѣ, кто тоя книжицы писецъ, живъ ли онъ, или умре? Аще живъ, стану къ нему писать; *аще же умре, стану его поминать*. Книжица достойна въ свѣтъ произвестися, токмо мало нѣчто мѣстами поисправити и пріочистити треба" [237]).

Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, Ю. Ѳ. Самарину, въ одномъ Костромскомъ монастырѣ, попалось *Зерцало*, съ надписью въ концѣ: *Иванъ Тихоновичъ Посошковъ, творецъ книжицы сея 1709 года.* Самаринъ сообщилъ объ этомъ Погодину, который „очень обрадовался, какъ доказательству начитанности Посошкова, его образа мыслей и вмѣстѣ живаго участія во всѣхъ важнѣйшихъ современныхъ вопросахъ".

Между тѣмъ, въ древлехранилищѣ Погодина хранился списокъ *Зерцала*, поступившій туда съ библіотекою П. М. Строева. Погодинъ принялся тотчасъ за изученіе этого сочиненія, кюторое, сознается Погодинъ, „оставалось въ пренебреженіи", и на первыхъ же страницахъ онъ увидѣлъ „тотъ же здравый смыслъ, тотъ же ясный взглядъ, тотъ же твердый убѣдительный языкъ", которые были Погодину „слишкомъ хорошо знакомы". Посошковъ,—пишетъ Погодинъ,—явился здѣсь горячимъ ревнителемъ православной вѣры, который старался ревностно доискаться истины во всемъ, касающемся до догматовъ и обрядовъ, прилежно изучилъ Священное Писаніе, сравнивалъ иностранные переводы съ нашими, знакомъ былъ съ постановленіями соборовъ и святыхъ отцевъ, тщательно изслѣдовалъ причины и поводы расколовъ, имѣлъ многія бесѣды съ ними и пренія, переписывался, вызывалъ на совѣщанія, старался привести убѣдительнѣйшія противъ нихъ доказательства. Въ длинномъ предисловіи онъ выражаетъ свои мысли о жизни и ея двухъ путяхъ, широкомъ и тѣсномъ, описываетъ ихъ при-

знаки и свойства, изображаетъ конечныя ихъ послѣдствія. Любимый писатель его есть св. Іоаннъ Златоустъ".

Въ то время, т.-е., въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, нельзя было и подумать печатать это сочиненіе Посошкова. „Куда я ни обращался,—пишетъ Погодинъ,—какія ни принималъ мѣры, все напрасно. Лишь только теперь (то-есть, въ 1863 году) благодаря новому направленію, получилъ я эту возможность" [238]).

Въ предисловіи ко второй части *Сочиненій Посошкова*, Погодинъ, между прочимъ, сказалъ: „Священники наши найдутъ здѣсь перечень свѣдѣній, коими могутъ препираться съ противниками и обличать ихъ, православные люди—охрану себѣ отъ соблазновъ и обращеній, къ коимъ по мѣстамъ продолжаютъ прибѣгать несогласные, а сіи послѣдніе увидятъ сильное опроверженіе своихъ заблужденій отъ современника, мірянина, одного съ ними званія, преданнаго церкви и знакомаго съ ея преданіями, правилами и письменностію".

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ писалъ и слѣдующее: „Ревность увлекаетъ Посошкова часто за предѣлы спокойствія. Нѣкоторыя слишкомъ рѣзкія выраженія и предлагаемыя крутыя мѣры отнесемъ вообще къ грубости и жестокости нравовъ, къ той непреклонной буквѣ и нетерпимости, которая не допускаетъ никакихъ сдѣлокъ или уступокъ, не терпитъ никакой пощады, и взыскиваетъ строго. Въ горячей его брани слышится современникъ, желающій исторгнуть плевелы, только что возникающія изъ земли предъ его глазами. Такъ, называетъ онъ новую несогласныхъ вѣру проклятою, запрещаетъ молиться съ ними вмѣстѣ, велитъ гнушаться ими паче мертваго пса и согнившаго, одобряетъ самыя строгія мѣры Никона патріарха: *добрѣ учини, еже развращающихъ церковь повеле огнемъ пожигати*. Противники, впрочемъ, были не разборчивѣе, не мягче, не вѣжливѣе, въ отношеніи къ православнымъ, и даже къ ихъ истинной вѣрѣ. Теперь страсти утихли и никто не позволитъ себѣ выраженій и дѣйствій этого рода" [239]).

Получивъ отъ Погодина изданную имъ книгу, историкъ

Русской церкви, Филаретъ, архіепископъ Черниговскій (28 февраля 1864 года) писалъ ему:

„Сію минуту, добрѣйшій Михаилъ Петровичъ, принесены мнѣ съ почты ваши подарки. Особенно за 2-ю часть Посошкова приношу вамъ жаркую и самую искреннюю благодарность. Первая часть у меня есть. О второй же и не зналъ я. Вѣдь, это самое *Зерцало безъименнаго творца*, которымъ такъ дорожилъ и восхищался дивный святитель Димитрій. *Книжица во истину благопотребная, великое раскольникамъ обличеніе и постыжденіе*, такъ писалъ святитель къ Өеологу. Съ любовію къ вамъ.

Филаретъ архіеп. Черн.“ [240]).

Въ концѣ второй части *Сочиненій Ивана Посошкова* приложена записка Аврамова 1725 года.

Записка эта тоже приписывалась Посошкову, и открыта была, въ 1854 году, учителемъ Новгородской гимназіи И. К. Купріяновымъ, „оказавшимъ столько важныхъ услугъ Русской Исторіи своими розысканіями и открытіями“.

17 августа 1854 г., Купріяновъ увѣдомилъ Погодина, что „нашелъ въ Софійской библіотекѣ рукопись, принадлежавшую Өеофану Прокоповичу, въ коей, подъ страннымъ заглавіемъ *Заповѣдей Господнихъ*, помѣщены два любопытныхъ *проэкта*: о религіозно-нравственномъ образованіи народа, и объ умноженіи народнаго богатства“. Познакомившись съ этими *проэктами*, Погодинъ „увидѣлъ тотчасъ, что они принадлежатъ Посошкову, и сообщилъ свои причины“ Купріянову, который, отъ 16 апрѣля 1855 года, писалъ къ Погодину: „Не отрицаю, что *проэкты*, мною вамъ доставленные, написаны Посошковымъ. Такимъ образомъ, къ прежней славѣ нашего народнаго политика и писателя, неизвѣстнаго и неоцѣненнаго современниками, даже до сихъ поръ, по достоинству, но единственно вами вызваннаго на жизнь въ потомствѣ, мнѣ посчастливилось присоединить еще кое-что, чему я душевно радъ“ [241]).

Основываясь на словахъ Погодина, Купріяновъ, въ 1856 году, въ *Отечественныхъ Запискахъ*, эти *проэкты*, приписалъ По-

сошкову. Между тѣмъ, въ 1863 году, предъ самымъ выходомъ въ свѣтъ второй части Сочиненій Посошкова, Пекарскій, въ письмѣ своемъ къ Погодину, скромно замѣтилъ ему, что *едвали вѣрно,* чтобы *проекты* принадлежали Посошкову. Когда же Погодинъ сообщилъ объ этомъ сомнѣніи Пекарскаго Купріянову, то послѣдній писалъ (5 августа 1863 года): „Хорошо помню, что вы прямо, категорически объявили мнѣ тогда на мое робкое предположеніе, что случайно найденные мною *проекты* принадлежатъ непремѣнно Посошкову, судя по слогу, по складу мысли и по тѣмъ идеямъ, которыя развивалъ нашъ умный политико-экономъ. Считая васъ компетентнымъ судьею въ этомъ дѣлѣ, я вполнѣ согласился съ вами, сославшись на вашъ авторитетъ, при печатаніи самихъ *проектовъ*“ [242]).

Убѣдившись изъ сочиненія Пекарскаго *Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ,* вышедшаго въ свѣтъ еще въ 1862 году, что *проекты* принадлежатъ перу Михаила Петровича Аврамова, Погодинъ, въ приложеніи ко второй части Сочиненій Посошкова, напечаталъ эти проекты, подъ заглавіемъ—*Записка 1725 года,* и въ P. S. къ *Біографическимъ свѣдѣніямъ о Посошковѣ,* заявилъ: „Я приписалъ себѣ честь утвержденія за Посошковымъ особой записки, найденной Купріяновымъ въ 1854 году, и изданной въ *Отечественныхъ Запискахъ 1856 года.* Но теперь, вмѣсто чести, я долженъ принять на себя вину, и сознаться, что я, кажется, ошибался: Записка принадлежитъ не Посошкову, а Аврамому, новому примѣчательному лицу Петрова времени, отысканному П. П. Пекарскимъ. Подписавъ послѣднюю корректуру, случайно развернулъ я книгу Пекарскаго *Наука и литература при Петрѣ Великомъ,* и, на страницѣ 500, встрѣтилъ въ отрывкахъ изъ просьбы Аврамова мѣста, совершенно тождественныя съ запискою, которую приписывалъ я Посошкову, обманутый сходствомъ въ мысляхъ и способѣ изложенія. Записка Аврамова сличена и дополнена П. И. Савваитовымъ, по подлинной рукописи, хранящейся въ Новгородской Софійской библіотекѣ, гдѣ и была найдена И. К. Купріяновымъ“ [243]).

Когда же Купріяновъ увидѣлъ, что открытые имъ *проекты* напечатаны въ приложеніи ко второй части Сочиненій Посошкова, подъ именемъ Аврамова, то 28 сентября 1863 года, писалъ Погодину: „Жаль, что намъ пришлось разочароваться въ предполагаемыхъ *проектахъ* Посошкова. Но дѣйствительно ли принадлежатъ они Абрамову? Есть ли положительныя указанія на это? Неужели ихъ писалъ тотъ самый безпокойный старикашка, который былъ сторонникомъ старины и пострадалъ за нее въ застѣнкахъ“.

Но этотъ „старикашка“, по замѣчанію графа С. Д. Шереметева, былъ человѣкъ убѣжденій, которыхъ поколебать не могли ни ссылка, ни застѣнокъ. Это былъ человѣкъ, на которомъ отразилась старинная Русь“.

Пекарскій сообщилъ Погодину, что о Посошковѣ напечаталъ рядъ статей Петербургскій нѣмецъ Брюкнеръ, въ *Baltische Monatschrift* (VI, Band.). „Здѣсь,—пишетъ Пекарскій,— новаго ничего нѣтъ, но статьи любопытны по взгляду и по желанію автора ознакомить иностранцевъ съ замѣчательною личностью Русскаго публициста Петровскихъ временъ“.

„Когда вы—писалъ Куникъ Погодину—мнѣ пошлете книги, то будьте такъ добры, положите туда экземпляръ 2-го тома Посошкова для Брюкнера (Александръ Евстаф.), который, хотя онъ уже прочелъ, но вниманіе съ вашей стороны его очень обрадуетъ. Мысль его очень оригинальна: поставить Посошкова въ связь съ двумя другими (Голландскимъ и Англійскимъ) меркантилистами XVII-го столѣтія“ [244]).

Конецъ Посошкова былъ очень плачевный. Въ 1862 году, Погодинъ узналъ, что его „любезный Посошковъ“ умеръ въ темницѣ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ, „умеръ,— пишетъ Погодинъ,—чрезъ годъ почти послѣ смерти Петра I-го, и черезъ два, по окончаніи имъ своего сочиненія *О Скудости и Богатствѣ*, 1726 года, 1 февраля, заключенный чуть ли именно не за свой безсмертный трудъ, потому что около этого времени одинъ подъячій былъ допрашиваемъ въ тайной канцеляріи, не было ли у него этого сочиненія Посошкова. Не могу

выразить, какою скорбію поразило меня это извѣстіе, когда привелъ я себѣ на память всѣ государственныя благотворныя мысли Посошкова, вмѣстѣ къ Петру I-му, содержать ихъ въ тайнѣ, *дабы имя мое сокровенно отъ сильныхъ лицъ было, паче же отъ нелюбящихъ правды.* Нѣтъ, не укрылось видно это имя отъ сильныхъ лицъ, нелюбящихъ правды, *отъ ненавистныхъ и завистливыхъ людей,* и нашли они въ безсмертномъ сочиненіи уголовныя преступленія, и заключили они геніальнаго мыслителя, почтеннаго гражданина, за его общеполезныя предложенія, въ крѣпость, и надѣли ему на руки и на ноги тяжелыя кандалы,—умеръ несчастный, вдали отъ семьи и отъ людей съ цѣпями на рукахъ и на ногахъ, на днѣ подземной или подводной темницы“ [245]).

Предъ своею смертію, Посошковъ причастился Святыхъ Таинъ отъ протопопа Исаакіевскаго собора Васильева. Погребенъ же онъ на „убогомъ мѣстѣ“ у церкви св. Сампсонія страннопріимца, на Выборгской сторонѣ [246]).

Въ бытность свою въ Петербургѣ, въ 1863 году, Погодинъ отправился къ Сампсонію. При церкви никакихъ свѣдѣній о Посошковѣ не оказалось. „Я—пишетъ Погодинъ,—отслужилъ панихиду по рабѣ Божіемъ Иванѣ, и попросилъ священника совершить литургію заупокойную въ день кончины страдальца, 1 февраля. Печальный и мрачный стоялъ я въ церкви, слѣдуя мысленно за священными молитвами объ упокоеніи души, о царствіи небесномъ, о вѣчной памяти, и думая о томъ, что раздаются онѣ здѣсь въ первый разъ чрезъ полтораста почти лѣтъ по смерти замѣчательнаго Русскаго человѣка, павшаго жертвою своей ревности къ общему благу, вслѣдствіе козней отъ невѣждъ, не умѣвшихъ понять его мыслей и оцѣнить его заслугъ. Не поняли его современники, осудили на мучительную позорную смерть, позабыли холодные, неблагодарные потомки, и даже усомнились въ его существованіи, сочли миѳомъ! И пріятна была моему самолюбію, сознаюсь откровенно, мысль, что меня Богъ привелъ помянуть добромъ страдальца, исторгнуть славное Русское имя изъ забвенія“ [247])!

LXXVIII.

Отъ старины перенесемся къ новизнѣ.

Въ день Бородина, 26 августа 1863 года, А. З. Зиновьевъ писалъ Погодину: „Я спѣшу сообщить вамъ слухи, любопытные для приходскихъ вашихъ лѣтописей. На дняхъ я свелъ знакомство съ отставнымъ генералъ-маіоромъ Аѳанасьемъ Петровичемъ Тютчевымъ, произведеннымъ въ чинъ Преображенскаго прапорщика подъ Бородинымъ. Много ли у насъ осталось такихъ генераловъ. Гдѣ они обрѣтаются? Каково ихъ положеніе? Это такіе вопросы, которыми не мѣшало бы заняться,—особливо не мѣшало бы о нихъ подумать въ день годовщины Бородинской битвы. Не мѣшало бы ими заняться не для демонстраціи, не на показъ, а для услажденія ихъ судьбы, для очищенія общественной и народной совѣсти. Скоро наступитъ время, когда не только въ рядахъ арміи, но и въ частномъ быту, сдѣлавши перекличку о герояхъ 12-го года, придется повторить съ поэтомъ:

И серебряной медали
Прежнимъ данной имъ царемъ
Не видать ужъ ни на комъ.

А тамъ наступитъ и то время, когда сойдутъ съ лица земли и тѣ настоящіе старики, которые бѣгали ребятишками въ эпоху 12-го года. Но, обращаюсь къ дѣлу. Вчера я шелъ пѣшкомъ съ Аѳанасьемъ Петровичемъ Тютчевымъ, который имѣетъ намѣреніе давно съ вами побесѣдовать объ обстоятельствѣ, близкомъ вашему патріотическому сердцу. Тысячами, это и я помню, везли раненыхъ съ Бородинскаго поля послѣ сраженья, тысячи сами шли и ползли въ Москву, чтобы умереть въ ней отъ ранъ и изнеможенья. На кладбищѣ, за Драгомиловской заставой, есть общая могила этихъ героевъ, могила, содержащая неизвѣстныя личности, но священная для Москвы и для Россіи. Это ея огромный капиталъ, собранный по мелочи добровольными дателями и приносящій большіе проценты. Эта могила

разсказывалъ мнѣ тотъ же Аѳанасій Петровичъ, огорожена стараніемъ извѣстнаго Московскаго гражданина Константина Васильевича Прохорова, но должна быть гораздо прочнѣе ограждена потомками падшихъ. Вы вѣрно эту могилу знаете... Остальное ненужно досказывать... Объ этомъ громко вопіютъ покойники. Но, можетъ статься, до общественнаго слуха не доходятъ говоръ и безропотные вздохи еще живущихъ Бородинскихъ героевъ, кто бы они ни были, гдѣ бы ни обрѣтались, въ генеральскихъ ли они чинахъ или доживаютъ швейцарами и привратниками,—какъ отрадно было бы заплатить имъ долгъ, если Отечество почему-либо его не заплатило. Что касается до васъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, то еслибъ и въ рудникахъ Сибири нашелся несчастный Бородинскій воинъ, вы бы обняли его по-братски. Да хранитъ васъ Господь".

Въ заключеніе письма Зиновьева читаемъ: „Вотъ еще одна мысль, которую хотѣлось бы довести до вашего свѣдѣнія. Собираются пожертвованія на построеніе новаго храма во имя св. Александра Невскаго. Мысль прекрасная. Но уже воздвигается храмъ для *освобожденія* Россіи. Александръ II-й довершилъ ея внутреннее освобожденіе такъ, какъ Александръ I-й—внѣшнее: что же удобнѣе и приличнѣе и скорѣе сдѣлать, какъ не посвятить придѣлъ въ этомъ же самомъ храмѣ? Я нашелъ бы для этого и своихъ дателей" [248])...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, С. А. Масловъ, 11 октября 1863 года, вошелъ въ Московскую думу съ слѣдующимъ „препокорнымъ" прошеніемъ: „Въ прошломъ году, бывши на Бородинскомъ полѣ, при воспоминаніи пятидесятилѣтія Бородинской битвы, и познакомившись съ Спасо-Бородинскимъ монастыремъ *на крови*, пролитой для защиты Москвы и Отечества, я издалъ книжку съ описаніемъ этого монастыря и, при особой запискѣ, представилъ ее почтенному головѣ, его сіятельству князю Александру Алексѣевичу *). Въ запискѣ моей я высказалъ мои чувства, какъ современникъ 12-го года, безъ вѣдома игуменіи

*) Щербатову. *Н. Б.*

монастыря и пожелалъ, чтобы Москва приняла въ немъ участіе. Записка эта передана особой коммиссіи на обсужденіе. Но я не вполнѣ выразилъ въ ней мысль мою, такъ что многіе приняли ее за ходатайство о часовнѣ въ пользу монастыря. Поэтому, для поясненія моей мысли, я помѣстилъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, въ іюлѣ, статью *О Бородинскомъ памятникѣ въ Москвѣ*, которую покорнѣйше прошу думу также препроводить на обсужденіе коммиссіи, безъ чего мысль моя можетъ принята быть односторонне и затруднить рѣшеніе общей думы, которая, какъ голосъ всей Москвы, или окажетъ патріотическое сочувствіе этой мысли, или не приметъ ее. Дай Богъ, чтобъ послѣдняго не было для чести Москвы, умѣющей цѣнить кровь пролитую за нее и за Отечество, какъ святыню Бородинскаго монастыря". Подъ прошеніемъ Масловъ подписался: *Обыватель Москвы и современникъ 12-го года.*

Препровождая копію съ этого прошенія Погодину, Масловъ писалъ: „Вчера подалъ я въ думу просьбу. Н. М. Строевъ принялъ ее съ участіемъ. Что-то Богъ дастъ, а вѣдь стыдно будетъ Москвѣ, предъ Россіею не дать мѣста для Бородинскаго памятника. Дѣло сдѣлалось гласнымъ и Петербургскіе журналы воспользуются отказомъ, чтобъ упрекнуть Москву. Поберегите честь ея съ Аксаковымъ".

Между тѣмъ, въ день празднованія пятидесятилѣтняго юбилея Кульмскаго сраженія, 18 августа 1863 года, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* появилось *Воспоминаніе* Погодина *объ Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ.*

Съ 1843 года и до самой кончины Ермолова, Погодинъ не переставалъ посѣщать его, „сперва изрѣдка, а потомъ и чаще", ѣздилъ къ нему въ Подмосковную, по Смоленской дорогѣ, — и всякій разъ записывалъ его разговоръ.

Въ своемъ *Воспоминаніи*, Погодинъ писалъ: „записокъ такихъ накопилось наконецъ столько, что могъ съ его (Ермолова) словъ начертать обозрѣніе его жизни, то-есть, указать главныя событія, разстановить вѣхи, оставивъ пробѣлы въ тѣхъ мѣстахъ, о коихъ не случилось ничего слышать отъ него, а

желалось бы получить свѣдѣніе. Эту тетрадь, всю писанную моею рукой, отдалъ я Алексѣю Петровичу лѣтъ десять тому назадъ, и просилъ его пополнить пробѣлы. Онъ обѣщалъ, и, дѣйствительно, на другой и на третій годъ показывалъ мнѣ мою тетрадь, исписанную на первыхъ листахъ его рукою по всѣмъ полямъ, и оставленнымъ пробѣламъ.

Вотъ видите ли, сказалъ онъ мнѣ, *я исполняю данное вамъ слово*, — но никакъ не хотѣлъ отдать мнѣ тетради до окончанія. Послѣ онъ отлагалъ всегда возвращеніе до другаго времени. Куда теперь тетрадь дѣвалась, я не знаю, и до сихъ поръ не могу получить никакого свѣдѣнія. Прошу покорнѣйше всѣхъ, кто можетъ сообщить мнѣ оное. Въ тетради ошибиться нельзя: она написана вся моею рукою, а вставки рукою Алексѣя Петровича. Когда онъ мнѣ показывалъ тетрадь, тогда имъ было исписано листовъ десять первыхъ. Между тѣмъ, увидя, что Алексѣй Петровичъ пишетъ отвѣты на всѣ мои запросы, я пересталъ уже вести прежній свой подробный журналъ его любопытныхъ бесѣдъ, и только отмѣчалъ ихъ предметы краткими намеками, которыхъ теперь самъ иногда, къ сожалѣнію, разобрать не могу. Кое-что сохранила впрочемъ память. Объ остальномъ прибѣгаю за объясненіями къ душеприкащику и почитателю покойнаго, Ивану Васильевичу Лихачеву, и постоянному его собесѣднику Александру Ивановичу Казначееву. Имѣю я нѣсколько письменныхъ документовъ, напримѣръ: Алексѣй Петровичъ далъ мнѣ своею рукой написанное письмо къ императору Николаю, въ началѣ царствованія, предъ оставленіемъ Кавказа, также копію съ письма его по этому поводу къ Устрялову, имъ засвидѣтельствованную. Есть у меня еще нѣсколько его приказовъ по Грузинскому корпусу, нѣсколько писемъ къ Д. В. Давыдову и другимъ лицамъ.

Изъ всѣхъ этихъ матеріяловъ, присоединяя къ нимъ документы, попадающіеся въ журналахъ, я намѣренъ составить для *Русскаго Вѣстника* очеркъ жизни нашего славнаго полководца и вмѣстѣ государственнаго человѣка, и прошу всѣхъ, знавшихъ его, доставлять мнѣ у кого есть какія свѣдѣнія. Чѣмъ будетъ

питаться національное чувство, если мы не будемъ дорожить малѣйшими подробностями о такихъ личностяхъ, какъ Ермоловъ? А у насъ въ послѣднее время дерзкая, наглая, безстыдная пошлость и невѣжество начали было метать грязью и въ Ермолова, какъ въ Сперанскаго, Ростопчина, Карамзина, Державина“ [249])!

Баронъ М. А. Корфъ, прочитавши въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* Воспоминаніе Погодина, 5 сентября 1863 года, писалъ ему: „Вы требуете, многоуважаемый Михаилъ Петровичъ, что бы всѣ знавшіе А. П. Ермолова сообщили вамъ какія у кого есть свѣдѣнія о немъ, для составленія очерка его жизни. Сомнѣваюсь, чтобы при нашихъ Обломовскихъ навыкахъ и при нашемъ обычномъ равнодушіи, многіе рѣшились исполнить ваше желаніе. Не хочу, чтобы на меня, по крайней мѣрѣ, могъ лечь укоръ въ этомъ отношеніи.

Вы знаете, какъ я занятъ службою и какъ мало имѣю досуга для чего-либо ей посторонняго. Но въ бывалые годы, когда время мое свободнѣе укладывалось, я многое записывалъ и даже, урывками, велъ родъ современнаго дневника.

Вотъ выписка того, что отыскалось въ немъ, за разныя эпохи, о Ермоловѣ.

Къ сожалѣнію, вы не найдете тутъ ничего ни важнаго, ни даже связнаго, а еше менѣе такого, что относилось бы къ похвалѣ и славѣ человѣка, котораго многіе еще при жизни возвели въ миѳическій идеалъ; но — audiatur et altera pars! Моей біографіи Сперанскаго, сколько, можетъ быть, она ни слаба во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, никто, по крайней мѣрѣ, не упрекнетъ въ пристрастіи. Пусть тоже самое будетъ и съ біографомъ Ермолова, хотя, при огромной массѣ его сторонниковъ и близости эпохи, это, конечно, еще труднѣе.

Передавая вамъ мои замѣтки, я вовсе не имѣлъ притязанія испрашивать имъ уголокъ въ вашей статьѣ, и даже, напротивъ, весьма убѣдительно и настоятельно прошу не вводить ихъ въ печать ни въ этой формѣ, ни съ моимъ именемъ, ни съ именами тѣхъ, на которыхъ я тутъ ссылаюсь. Для всего

этого, по моему мнѣнію, еще не настало время. Единственная цѣль моей посылки — *косвенно* способствовать правдивости вашего труда, освѣщеніемъ такихъ сторонъ дѣла, которыя, при характерѣ прочихъ, доступныхъ вамъ источниковъ, могли бы остаться для васъ въ тѣни".

Въ трудахъ Погодина надъ біографіею Ермолова принималъ участіе и графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, о чемъ свидѣтельствуетъ, сохранившаяся нижеслѣдующая записочка его (отъ 20 октября 1863 года): „Прошу васъ, Михаилъ Петровичъ, съ подателемъ сего прислать мнѣ книги: Описаніе 1812 года и Поѣздку въ Персію А. П. Ермолова, естли оныя вамъ уже не нужны; но книгу 1812 года пришлите мнѣ на двѣ недѣли, послѣ сего опять вамъ возвращу, естли имѣете надобность, на нѣкоторое время".

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* Погодинъ заявилъ: „Отъ графа А. А. Закревскаго имѣлъ я честь получить два фоліанта записокъ о войнѣ 1812 года и о Персидскомъ посольствѣ".

Благодаря статьѣ объ Ермоловѣ, напечатанной въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, Погодинъ „каждый день почти, въ продолженіе двухъ недѣль, получалъ письма его, записки, приказы, автографы, указанія, свѣдѣнія, отъ лицъ неизвѣстныхъ и анонимовъ".

Борисъ Николаевичъ Алмазовъ сообщилъ Погодину, что у Садовскаго (актера) есть нѣсколько писемъ отъ Ермолова. „Едва ли,—писалъ Алмазовъ,—хоть одинъ даже гарнизонный полковникъ относился къ *актеру* такъ просто, такъ чистосердечно выражалъ уваженіе къ его таланту, какъ этотъ генералъ отъ артиллеріи, державшій себя гордо (для блага Россіи) передъ Абасъ-Мирзой. Это характеристическая черта въ человѣкѣ, родившемся еще при Екатеринѣ".

Когда же въ *Русскомъ Вѣстникѣ* были напечатаны Погодинымъ *Матеріалы для біографіи Алексѣя Петровича Ермолова,* то, изъ Царскаго Села, соборный священникъ Андрей Аѳанасьевичъ Вѣтвеницкій обратился къ нему съ письмомъ, которое было получено Погодинымъ при слѣдующихъ строкахъ

Каткова: „Простите меня, дорогой Михаилъ Петровичъ, за неточность. *Писатель мой* пропалъ со вчерашняго дня, и безъ него я насилу могъ отыскать прилагаемое при семъ письмо священника“.

Отецъ Андрей писалъ: „Судьба и моя пастырская должность сблизили меня, въ истекшихъ годахъ, съ однимъ ближайшимъ родственникомъ Ермолова, — зятемъ его, Алексѣемъ Александровичемъ Павловымъ, умершимъ три года тому назадъ, въ Царскосельской Фридентальской колоніи. Въ теченіи жизни его я очень много слышалъ разсказовъ Павлова о боевой жизни Ермолова на Кавказѣ, и по смерти Павлова, въ числѣ разныхъ книгъ и рукописей, получилъ отъ него, по завѣщанію его, нѣкоторыя письма Ермолова къ нему, Павлову, его женѣ—сестрѣ Ермолова, и къ нѣкоторымъ родственникамъ, а также журналъ Ермолова о посольствѣ его въ Персію, съ поправками его собственной руки, и разные приказы по отдѣльному Кавказскому корпусу.—Прочитавши въ октябрской книжкѣ отпечатанныя уже вами свѣдѣнія о посольствѣ Ермолова въ Персію, я вижу большіе пробѣлы и невѣрности въ годѣ и числахъ относительно времени бывшаго посольства, и замѣчаніе относительно письма Ермолова къ графу Закревскому *) признаю невѣрнымъ. Не желая скрывать у себя бумагъ, истекшихъ изъ подъ пера самого Ермолова, какія только я могу сообщить вамъ, я рѣшаюсь отправить вамъ: журналъ Ермолова о посольствѣ въ Персію, рукою его исправленный и приказы воинскіе, будучи увѣренъ, что вы извлечете изъ нихъ полезное при собраніи матеріаловъ. Семейныя же письма Ермолова, я доколѣ еще не разсмотрю самъ въ подробности, не могу еще вамъ сообщить, и если рѣшусь сообщить, то развѣ нѣкоторыя, въ коихъ описываетъ Ермоловъ свои воинскіе труды на Кавказѣ. Есть у меня весьма интересное письмо его изъ крѣпости Грозной, и также письмо къ императору, въ коихъ возвышенный слогъ и рѣчь чисто воинская; а его письмо къ

*) Ермоловъ воротился изъ Персіи въ 1816 году. *А. В.*

шаху—въ Персидскомъ вкусѣ—то же рѣдкость.—Этого письма, кажется, вы не имѣете. Но доколѣ примите то, что я рѣшился вамъ предпослать; и освѣдомте меня о полученіи посылаемаго. Меня хорошо знаетъ знакомый вашъ г. Побѣдоносцевъ. Я надѣюсь вполнѣ на громкое ваше имя, какъ литератора, что вы вознаградите меня за доставляемыя мною вамъ бумаги. Господинъ Павловъ, какъ зять Ермолова и его адъютантъ на Кавказѣ, равно и поправки на журналѣ, сдѣланныя рукою Ермолова, кажется, лучше и вѣрнѣе этихъ бумагъ... А что поправки на журналѣ именно сдѣланы рукою Ермолова, то я усматриваю по сличеніи почерка съ собственноручными Ермолова письмами, у меня имѣющимися. Что вы изволили выставить не тотъ годъ посольства въ Персію, это несомнѣнно изъ приколатаго при рукописи печатнаго приказа о награжденіи Ермолова за посольство въ Персію. Приказъ состоялся 20 февраля 1818 года, въ Москвѣ. Согласитесь, что это хронологически,—именно по пріѣздѣ чрезъ два съ небольшимъ мѣсяца, а по вашему выйдетъ, что Ермоловъ награжденъ былъ чрезъ годъ слишкомъ по своемъ возвращеніи на Кавказъ. Если я ошибаюсь, то не поставьте себѣ въ трудъ меня разувѣрить. И если посылаемыя мною рукописи не заслуживаютъ вознагражденія, то прошу васъ, по прочтеніи, возвратить мнѣ“.

Въ то время, когда матеріалы для біографіи Ермолова печатались въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, Н. А. Любимовъ писалъ Погодину: „Имѣли ли вы разрѣшеніе отъ графа Закревскаго на напечатаніе письма Ермолова къ нему? Цензура дѣлаетъ изъ этого затрудненіе для *Русскаго Вѣстника* и могутъ выдти непріятности, какъ для цензора, такъ и для васъ, если Закревскому не понравится, что письмо помѣщено безъ его вѣдома. Дайте, пожалуйста, отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что листы уже отпечатаны на бѣло“.

На отвѣтъ, данный Погодинымъ, отвѣчалъ П. М. Леонтьевъ. Онъ писалъ: „Вы пишете съ нашимъ посланнымъ: *Я письмо помѣстилъ въ числѣ матеріаловъ изъ Чтеній*. Если эти слова можно понимать такъ, что письмо это было напечатано въ

Чтеніяхъ Бодянскаго, то вы, перепечатывая его, не можете считаться обнародователемъ и не имѣете надобности въ согласіи графа Закревскаго. А потому, сдѣлайте милость, объясните, какъ слѣдуетъ понимать выписанную мною вашу фразу? Вы прибавляете: *не печатайте письма*, а внизу говорите сами, что оно уже напечатано. Этого также понять невозможно; а потому, въ случаѣ, если письмо къ графу Закревскому не было напечатано *нигдѣ* прежде сего, то благоволите сообщить, *можетъ ли оно остаться* въ книжкѣ, то-есть, полагаете ли вы, что графъ Закревскій *оставитъ это безъ послѣдствій* и не сдѣлаетъ вамъ и намъ непріятности“?

При первомъ же извѣстіи объ открытіи Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, въ 1861 году, Погодинъ выразилъ готовность принести ему въ даръ: 1) Риторику на Латинскомъ языкѣ, по коей учился Ломоносовъ; 2) Автографы стихотвореній Державина, Пушкина, Языкова, графини Ростопчиной; 3) Нѣсколько бумагъ Гоголя и 4) Автографы знаменитыхъ Славянскихъ ученыхъ: Добровскаго, Копитара, Шафарика и Ганки.

Но Погодинъ какъ то медлилъ представлять свои дары музеямъ; а потому директоръ музеевъ, Н. В. Исаковъ, вынужденъ былъ, 25 декабря 1863 года, обратиться къ Погодину съ слѣдующимъ письмомъ: „Позвольте мнѣ возобновить въ вашей памяти то искреннее и радушное участіе, которымъ вы встрѣтили учрежденіе Московскаго публичнаго музея и принесли ему въ помощь ваши одобреніе и обѣщаніе присоединить къ его зарождающимся коллекціямъ нѣсколько предметовъ изъ вашего замѣчательнаго собранія. Обязанный, въ настоящую минуту, передать управленіе музеемъ попечителю Московскаго учебнаго округа, съ званіемъ котораго оно связано по смыслу устава, я позволяю себѣ покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, увѣдомить меня, когда именно вы найдете возможнымъ и удобнымъ передать въ музей предметы,

упомянутые въ вашемъ письмѣ. Тѣмъ болѣе я бы желалъ ускоренія этого дѣла, что отчетъ за время моего управленія музеемъ я теперь оканчиваю и желалъ бы уже видѣть, обѣщанные предметы въ числѣ пріобрѣтенныхъ за это время".

Въ лицѣ хранителя музейскихъ рукописей, Алексѣя Егоровича Викторова, директоръ музеевъ, Николай Васильевичъ Исаковъ, имѣлъ настойчиваго ревнителя музейскихъ интересовъ. Викторовъ не ограничивался дарами, приносимыми Погодинымъ музеямъ, но мечталъ и самое древлехранилище Погодина, пріобрѣтенное императоромъ Николаемъ I-мъ для императорской публичной библіотеки, перевести въ Москву и присоединить къ музеямъ. „Я позволилъ себѣ,—писалъ Викторовъ къ Погодину, — внести въ *отчетъ* (въ замѣчаніи) то мѣсто изъ вашего письма, гдѣ вы выражаете сожалѣніе, что ваше древлехранилище не дожило въ Москвѣ до открытія музеума, и что въ такомъ случаѣ оно навѣрно бы не было отчуждено отъ Москвы. Затѣмъ, отъ лица Исакова, я прибавилъ, что ваше сожалѣніе, безъ сомнѣнія, раздѣляютъ всѣ друзья науки какъ Московскіе, такъ и иногородные, потому то и потому то... и что, наконецъ, возвращеніе вашего древлехранилища изъ Петербурга въ Москву, гдѣ оно было собрано, какъ бы ни казалось это труднымъ и невыполнимымъ, составляетъ любимую мечту всѣхъ Москвичей. Не знаю, пропуститъ ли это Исаковъ: я заявляю объ этомъ отъ его имени. Но если пропуститъ, и *отчетъ* будетъ напечатанъ, то, мнѣ кажется, это не будетъ безполезнымъ. По крайней мѣрѣ, возбудитъ вопросъ, — и то хорошо" [250]).

КОНЕЦЪ КНИГИ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЙ.

17 января 1906 г.
С.-Петербургъ.

1) Никитенко. *Записки и Дневникъ*. Спб. 1893, II, 367.

2) *Письма о Путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича по Россіи.* М. 1864, стр. 1—24.

3) Хрущовъ. *Сборникъ его статей*. Спб. 1901, стр. 295—301.

4) *Московскія Вѣдомости* 1863, № 161.

5) *Письма*, стр. 27—39.

6) *Русскій Архивъ* 1896, № 7, стр. 434—435.

7) *Письма*, стр. 56—59.—*Русскій Архивъ* 1896, № 7, стр. 432—433.

8) *Русскій Архивъ* 1896. № 7, стр. 432—433.

9) *Письма*, стр. 59—118.

10) *Русскій Архивъ* 1896. № 7, стр. 433.

11) *Письма*, стр. 121—131.

12) *Русскій Архивъ* 1896. № 7, стр. 435.

13) *Письма*, стр. 131—180.

14) *Русскій Архивъ* 1892, № 2. стр. 215.

15) *Письма*, стр. 181—239.

16) *Русскій Архивъ* 1905. май, стр. 180.

17) *Письма*, стр. 240—304.

18) *Русскій Архивъ* 1896. № 7, стр. 436.

19) *Письма*, стр. 305—427.

20) *Русскій Архивъ* 1896. № 7, стр. 444—445.

21) *Письма*, стр. 432—447.

22) *Русскій Архивъ* 1896. № 7, стр. 445.

23) *Письма*, стр. 447—452.

24) *Русская Старина* 1903. янв., стр. 161—162.

25) *Письма*, стр. 454—499.

26) *Русскій Архивъ* 1896, № 7, стр. 446. — *Русская Старина* 1903, янв., стр. 149—151.

27) *Письма*, стр. 505—554.—Русскій Архивъ 1894, № 2, стр. 236.

28) *Русскій Архивъ* 1896, № 7, стр. 447.

29) *Письма*, стр. 556—566.

30) *Русскій Архивъ* 1896, № 7, стр. 447—449.

31) *Савва*, Хроника. Троице-Сергіева лавра, 1901. III, 103.

32) *Русскій Архивъ* 1896, № 7, стр. 432.

33) *Савва*, Хроника, III, 46—48.

34) *День* 1863, № 6. — *Письма*, XXVII.

35) *Письма*, XXVII. — *Рѣчи*. М. 1872, стр. 378—382.

36) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*. Спб. 1882, стр. 81.

37) *Письма*, XXVII.

38) *Собраніе* автографовъ графа С. Д. Шереметева, хранящееся въ его селѣ Михайловскомъ.—*Московскія Вѣдомости* 1863, № 79.—*1863-й годъ*. М. 1887, I, 104, 98—99.

39) *Письма Филарета къ Высочай-*

шимъ особамъ и пр. Тверь, 1888, II, 178—179, 181—182.

40) *Письма*, XXVII.

41) *Московскія Вѣдомости* 1863. № 174.

42) *Утро*, М. 1866, стр. 300—303, 306—312.

43) *Домашняя Бесѣда* 1864, № 23.

44) *Письма*, XXVIII.

45) *Утро*, стр. 313—315.

46) *Московскія Вѣдомости* 1864, № 17.

47) *Русскій Архивъ* 1905. № 4, стр. 647—648; 1897, № 1, стр. 74, 75.

48) *Письма Филарета къ высочайшимъ особамъ* и др. II, 224—225.

49) *Письма Филарета къ Антонію.* IV, 419.

50) *Хроника*, III, 120.

51) *Русскій Архивъ* 1905. № 4, стр. 648.

52) *День* 1864. № 5.

53) *Русскій Архивъ* 1883. № 2. стр. 303—307.

54) *Письма Филарета къ Антонію.* IV, 419.

55) *Русскій Архивъ* 1897. № 1, стр. 77; 1886, № 12, стр. 497—498; 1905 г., № 4, стр. 648.

56) *Утро* 1866, стр. 315—327.

57) *Любимовъ.* Михаилъ Никифоровичъ Катковъ. Спб. 1889, стр. 246—259.

58) *Переписка* Грота съ Плетневымъ. Спб. 1886. III, 680.

59) *Утро*, 329—332.

60) *Московскія Вѣдомости* 1864. № 122.

61) *Письма*, XXVII.—*Русск. Вѣстн.* 1864, мартъ.

62) *Московскія Вѣдомости* 1863, № 168.

63) *Записки и Дневникъ.* II, 396.

64) *Письма*, XXVII—XXVIII.

65) *Русскій Архивъ* 1887. № 2, стр. 255—258; № 3, стр. 372—373.

66) *Утро.* М. 1866, стр. 294, 288—290, 291—292, 293—294.—*Письма*, XXVIII.

67) Савва. *Хроника.* III, 129—130.

68) *Письма*, XXVII.

69) *Русская Старина* 1890. окт., стр. 192—193.

70) *Письма*, XXVII.

71) *Письма Филарета къ Антонію*, IV, 332—333.

72) *Письма Филарета къ высочайшимъ особамъ* и др. II, 216.

73) *Записки и Дневникъ* II, 453.

74) *Письма*, XXVIII.

75) *Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ Филарету.* Спб. 1900, стр. 298—300.

76) *Письма Филарета* къ А. Н. Муравьеву. Кіевъ, 1869, стр. 609.—*Русскій Архивъ* 1899, № 6, стр. 218.

77) *Письма*, XXVII.

78) *Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ Филарету*, стр. 588.

79) *Хроника*, II, 126—127.

80) *Письма*, XXVII.

81) *Дневникъ* 1863, подъ 4 марта.

82) *Письма*, XXVII.

83) *Письма Филарета къ Антонію.* IV 387.

84) *Русскій Архивъ* 1893, № 6, стр. 173—174.

85) *Русская Старина* 1875. Окт., стр. 401—402.—*Русскій Архивъ* 1892, № 2, стр. 218.

86) *Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета* V, 535—536, 545—547.

87) *Письма Филарета къ Антонію.* IV, 426—427.

88) *Хроника*, III, 196—198.

89) *Русскій Архивъ* 1894, № 2, стр. 240.

90) *Московскія Вѣдомости* 1864, № 90.

91) *Сушковъ. Записки о Филаретѣ.* М. 1868, Приложенія: стр. 53—56.

92) *Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета*, V, 537—540.

93) *Записки о Филаретѣ*, стр. 58.

94) *Письма Филарета къ Антонію.* IV, 425.

95) *Письма свѣтскихъ и духовныхъ лицъ къ Филарету*, стр. 623—624.

96) *Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета.* V, 542—543.

97) *Записки о Филаретѣ*, стр. 59—60.

98) *Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ Филарету*, стр. 342—345.

99)) *Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета.* V, 548—551.

100) *Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ Филарету*, стр. 345—347.

101) *Записки о Филаретѣ*, стр. 61.

102) *Письма Филарета къ высочайшимъ особамъ и др.*, II, 239—240.

103) *День* 1864, № 12.

104) *Московскія Вѣдомости* 1863 г., № 174, 191.

105) *Письма*, XXVIII.

106) *Русскій Архивъ* 1905, № 3, стр. 500—501.

107) *Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета*, V, 624—625.

108) *Хроника*, III, 178—181.

109) *Рѣчи* Погодина М. 1872, стр. 293, 235—236.

110) *Русская Старина* 1887. LVI, 507—512.

111) *Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета.* V, 430—438.

112) *Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ Филарету*, стр. 576—578.

113) *Русскій Архивъ* 1890, № 11, стр. 359—361.

114) *Записки и Дневникъ*, II, 371—372.

115) *Сѣверная Почта* 1864, № 14.

116) *Русскій Архивъ* 1905, № 4, стр. 647.

117) *Сѣверная Почта* 1864, № 14.

118) *Рѣчи.* М. 1782. стр. 237—239.

119) *Сѣверная Почта* 1864, № 14.

120) *Рѣчи*, стр. 239—241.

121) *Письма*, XXVIII.

122) *День* 1863, № 20.

123) *Письма*, XXVII.

124) *Московскія Вѣдомости* 1863, № 156.

125) *Письма*, XXVII.

126) *Московскія Вѣдомости* 1863, № 156, 135.

127) *Письма*, XXVII.

128) *Записки и Дневникъ*, II, 389.

129) *Письма*, XXVII.

130) Порфирій, *Книга Бытія моего.* Спб. 1902, VIII. 49—50.

131) *Современная Лѣтопись* 1863, № 41.

132) *Московскія Вѣдомости* 1863, № 156.

133) *Письма*, XXVII.

134) *Записки и Дневникъ*, II, 418.—*Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ.* Спб. 1896, III, 679.

135) *Записки императорской академіи наукъ.* Спб. 1863, IV, 124—140.

136) *Московскія Вѣдомости* 1863, № 156.

137) *Письма*, XXVII.

138) *Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ*, III, 675.

139) *Русскій Архивъ* 1905, № 3, стр. 502—503.

140) *Православное Обозрѣніе* 1863. ноябрь, стр. 264—266.

141) *Русскій Архивъ* 1905, № 3, стр. 503.

142) *Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ*, Спб. 1896, III, 683, 685.

143) *Записки и Дневникъ*, II, 414—415.

144) *Письма*, XXVII.

145) *Современная Лѣтопись* 1863, декабрь, № 42.

146) *Письма*, XXVII.

147) *Русскій Вѣстникъ* 1864, мартъ, стр. 368—372.

148) *Письма*, XXVII.

149) *Рѣчи.* М. 1872, стр. 355—359.

150) *Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ.* Спб. 1896, III. 676—678, 680.

151) *Сочиненія и переписка П. А. Плетнева.* Спб. 1885, III, 496.

152) *Переписка Я. К. Грота, съ П. А. Плетневымъ.* III, 681.—*Письма*, XXVIII.

153) *Письма*, XXVIII.

154) *Рѣчи.* М. 1872, стр. 355—357.

155) *Письма*, XXVII, XXVIII.
156) *Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ.* III, 681.
157) *Письма*, XXVIII.
158) *Московскія Вѣдомости* 1863, № 156.
159) *Письма*, XXVII—XXVIII.
160) *Рѣчи*, М. 1872, стр. 359.
161) *Жизнь и Труды П. М. Строева.* Спб. 1878, стр. 599—602, 605.
162) *Письма*, XXVIII.
163) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 602—604.
164) *Письма*, XXVIII.
165) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 604.
166) *Письма*, XXVIII.
167) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 604—607, 614.
168) *Письма*, XXVIII.
169) *Жизнь и Труды П М. Строева*, стр. 607, 608.
170) *Письма*, XXVIII.
171) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 604—608, 614—615, 619—623.
172) *Письма*, XXVII — XXVIII.— *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1905, XIX, 295—299.—Гедеоновъ. *Варяги и Русь.* Спб. 1876, стр., V—VII.— *Письма*, XXVII—XXVIII.
173) № 2. Спб. 1864.
174) *Письма*, XXVIII.
175) *Русскій Вѣстникъ* 1864, мартъ, стр. 377—378.
176) *Варяги и Русь.* Спб. 1876, стр. XVIII.
177) *Русскій Вѣстникъ* 1864, мартъ, стр. 378—380.
178) *Письма*, XXVII.
179) *Московскія Вѣдомости* 1863, № 168, 214.
180) *Письма*, XXVII.
181) *Извѣстія импературскаго археологическаго общества.* Спб. 1863. IV, 498—516.
182) *Успенскій соборъ въ Москвѣ.* М. 1856, стр. 35.
183) *Письма*, XXVII.
184) *Голосъ* 1863. № 281.
185) *Письма*, XXVII.
186) *Письма*, XXVIII.
187) *Русскій Вѣстникъ* 1864, XLIX, стр. 749—760.
188) *Московскія Вѣдомости*, 1864. № 57, 62.
189) *Русскій Вѣстникъ*, 1864. мартъ, стр. 367—368.
190) *Письма*, XXVIII.
191) *Русскій Вѣстникъ*, 1864. мартъ, стр. 377.
192) *Путешествіе игумена Даніила по Святой Землѣ.* Спб. 1864, стр. 155—156.
193) *Жизнь и Труды П. М. Строева.* Спб. 1878, стр. 597—598.
194) *Письма*, XXVII.
195) *Путешествіе игумена Даніила*, стр. 161—162.
196) *Письма*, XXVII.
197) *Путешествіе игумена Даніила*, стр. 162—163.
198) *Письма*, XXVII—XXVIII.
199) *Московскія Вѣдомости*, 1863. № 161).
200) *Письма*, XXVII.
201) *Русская Старина*, 1903, февр., стр. 361—362.
202) *Письма*, XXVII.
203) *Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ.* Спб. 1872., стр. 12.
204) *Письма*, XXVII.
205) *Рѣчи.* М. 1872. стр. 358.
206) *Русскій Вѣстникъ*, 1864. мартъ, стр. 316.
207) *Письма*, XXVII—XXVIII.
208) *Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ Филарету.* Спб. 1900, стр. 604—605.
209) *Письма*, XXVII.
210) *Русскій Вѣстникъ*, 1864. мартъ, стр. 381—382.
211) *Письма*, XXVII.
212) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу.* Спб. 1882, стр. 81—82.
213) *Письма*, XXVII.
214) *День* 1864. № 4.

215) *Письма*, XXVIII.

216) *Голосъ* 1864. № 32.

217) *Письма*, XXVIII.

218) *Голосъ* 1864. № 62.

219) *Письма*, XXVIII.

220) *Московскія Вѣдомости*, 1863. № 163.

221) *Письма*, XXVII.

222) *Русскій Вѣстникъ*, 1864. мартъ, стр. 376.

223) *Письма*, XXVII, XXVIII.

224) *Современная Лѣтопись*, 1863 № 24.

225) *Письма*, XXVII.

226) *Русскій Вѣстникъ*, 1863. іюль, стр. 373—400.

227) *Письма*, XXVII.

228) *Московскія Вѣдомости*, 1864. № 70.

229) *Русскія Вѣдомости*, 1863, № 5.

230) *Письма*, XXVIII.

231) *День*, 1864. № 2—3.

232) *Русская Старина*, 1903. Май. стр. 290.

233) *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1892. VI, 314—323.

234) *Русскій Вѣстникъ*, 1863. Іюнь, стр. 763—790.

235) *Крестьянинъ-писатель начала XVIII вѣка И. Т. Посошковъ. Его жизнь и дѣятельность*. М. 1902, стр. 29.

236) *Русскій Вѣстникъ*. 1863, іюнь.

237) Бѣляевъ, *Посошковъ*, стр. 18.

238) *Русскій Вѣстникъ*, 1863. іюнь.

239) *Сочиненія Ивана Посошкова*. М. 1863. II, предисл.

240) *Письма*, XXVIII.

241) *Русскій Вѣстникъ*, 1863, іюнь.

242) *Письма*, XXVII.

243) *Сочиненія Ивана Посошкова*. М. 1863. XLIV—XLV, 275—314.

244) *Письма*, XXVII.

245) *Русскій Вѣстникъ*, 1863. іюнь.

246) Бѣляевъ. *Посошковъ*, стр 67.

247) *Русскій Вѣстникъ*, 1863. іюнь.

248) *Письма*, XXVII.

249) *Московскія Вѣдомости*, 1863. № 180.

250) *Письма*, XXVII.